

Ф. БЭКОН
СОЧИНЕНИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

ФРЭНСИС БЭКОН

**СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА - 1971

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОСТАВЛЕНИЕ, ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. Л. СУББОТИНА

Перевод Н. А. Федорова, Я. М. Боровского

ФРЭНСИС БЭКОН И ПРИНЦИПЫ ЕГО ФИЛОСОФИИ

Я всего лишь трубач и не участвую в битве... И наша труба зовет людей не ко взаимным распрям или сражениям и битвам, а, наоборот, к тому, чтобы они, заключив мир между собой, объединенными силами встали на борьбу с природой, захватили штурмом ее неприступные укрепления и раздвинули... границы человеческого могущества.

Фр. Бэкон

1. Страницы жизни и деятельности

Он родился 22 января 1561 года¹ в Лондоне, в Йорк-Хаузе на Стренде, в семье одного из высших сановников елизаветинского двора, хранителя большой печати Англии — сэра Николаса Бэкона.

Сын управляющего овцеводческим поместьем аббатства Бери Сент-Эдмундс, Николас Бэкон выдвинулся благодаря своей юридической и политической деятельности и получил от короны в собственность конфискованную монастырскую землю, на которой его отец ревностно служил у монахов. То был человек недюжинных способностей, здорового и крепкого ума, профессиональный государственный деятель почти 20 лет, вплоть до самой смерти, занимавший второй по значению пост в правительственном кабинете. Его жена, мать Фрэнсиса Бэкона, происходила из семьи сэра Антони Кука — воспитателя короля Эдуарда VI. Анна Кук была весьма образованной женщиной: она хорошо владела древнегреческим и латынью,

¹ В биографии Фр. Бэкона «Жизнь благородного автора», написанной его духовником и посмертным издателем д-ром В. Раули, указывается дата 22 января 1560 г. Однако это противоречит другому свидетельству Раули. На вопрос королевы, сколько ему лет, маленький Фрэнсис ответил, что он на два года моложе, чем счастливое правление ее величества. Коронация Елизаветы состоялась 15 января 1559 года.

интересовалась религиозными разногласиями и переводила на английский язык теологические трактаты и проповеди. Сестра Анны была замужем за Вильямом Сесилем, лордом-казначеем Берли, первым министром в правительстве королевы Елизаветы.

Это была «новая знать». Бэконы, Сесили, Расселы, Кавендиши, Сеймуры и Герберты вытесняли из придворной и общественной жизни страны старую родовую аристократию, обескровленную в многолетней «войне Роз» и потерявшую былое политическое значение перед лицом торжествующего абсолютизма Тюдоров. Выходцы из сельских джентри, они не наследовали ни титулов, ни обширных поместий, не имели ни свит, ни укрепленных замков. Всем, что они имели, они были обязаны абсолютистской монархии и за это платили ей служением не за страх, а за совесть. В их бдительной преданности, расчетливой умеренности и трезвом стремлении к порядку корона нашла стойкую поддержку всем своим мероприятиям. Ведь эти качества были для короны куда более желаемы, нежели труднообуздываемая строптивость старых ноблменов, ревниво оберегавших остатки своих средневековых вольностей, или же двуличие духовных перов, более преданных своей касте, чем королю и отечеству.

Такова была та среда, в которой рос и воспитывался будущий философ и лорд-канцлер Англии.

Весной 1573 г. мальчика посылают учиться в Тринити-колледж в Кембридж. Реформация в значительной мере ослабила зависимость от церкви и монашеских орденов двух основных национальных центров науки и образования Англии. Оксфорд и Кембридж уже приобрели к тому времени светский характер, и здесь обучалась молодежь, желающая в будущем получить какие-нибудь государственные должности. Вместе с тем в них еще господствовала старая схоластическая система образования, и, проучившись около трех лет в колледже, Бэкон покидает его, унося с собой сохранившуюся на всю жизнь неприязнь к философии Аристотеля, по его мнению пригодной лишь для изоощренных диспутов, но бесплодной в отношении всего, что могло бы служить пользе человеческой жизни.

Думая подготовить сына к государственной службе, Николас Бэкон отправляет шестнадцатилетнего юношу в Париж, где он, будучи зачислен в состав английской

миссии, выполняет ряд дипломатических поручений. Потрясаемая войнами между католиками и гугенотами, Франция переживала тогда тревожные времена. Дипломатическая работа позволила юному Бэкону ознакомиться с политической, придворной и религиозной жизнью и других стран континента — итальянских княжеств, Германии, Испании, Польши, Дании и Швеции, результатом чего явились составленные им заметки «О состоянии Европы».

Смерть отца в феврале 1579 г. заставляет Бэкона вернуться в Англию. Как младший сын в семье, он получает скромное наследство и теперь вынужден всерьез задуматься о своем будущем положении. Бэкон поступает в юридическую корпорацию Грейс-Инн, где на протяжении ряда лет изучает юриспруденцию и философию. По-видимому, именно в эти годы у него начинает созревать тот план универсальной реформы науки, который оп впоследствии будет реализовывать в своих философских сочинениях, а пока излагает в не дошедшем до нас эссе, многозначительно названном «Величайшее порождение Времени».

В 1586 г. Бэкон становится старшиной юридической корпорации. Он строит себе в Грейс-Инн новый дом, пишет ряд трактатов по праву и ведет обширную судебную практику. До нас дошло свидетельство современника — известного английского драматурга Бена Джонсона — о том впечатлении, которое производило выступление на суде Бэкона-юриста. «Никогда и никто не говорил с большей ясностью, с большей сжатостью, с большим весом и не допускал в своих речах меньше пустоты и празднословия. Каждая часть его речи была по-своему прелестна. Слушатели не могли ни кашлянуть, ни отвести от него глаз, не упустив что-нибудь. Говоря, он господствовал и делал судей по своему усмотрению то сердитыми, то довольными. Никто лучше его не владел их страстями»².

Между тем юриспруденция была далеко не главным предметом интересов широкообразованного и честолюбивого молодого юриста. По своему рождению и воспитанию Бэкон имел шансы получить выгодную должность

² *Маколей*. Полное собрание сочинений, т. III. СПб., 1862, стр. 21 (в моей ред. — А. С.).

при дворе, и именно этими мотивами пронизана почти вся дошедшая до нас его частная переписка тех лет. «И сейчас, как сокол в ярости, вижу случай послужить, но не могу лететь, так как я привязан к кулаку другого, — такими словами сопровождает он свой новогодний подарок королеве Елизавете. — Я использую свое преимущество преподнести Вашему Величеству это скромное одеяние, стол же недостойное, как и ваш слуга, который его посылает, хотя приближение к вашей превосходной милости может придать ценность и тому и другому; в этом и состоит все счастье, к которому я стремлюсь»³.

Его не удовлетворяет ни назначение экстраординарным королевским адвокатом — на должность почетную, но не обеспеченную жалованьем, ни зачисление кандидатом на место регистратора Звездной палаты, которое он смог бы занять лишь через двадцать лет. Неоднократно обращается Бэкон с покорными просьбами к своим высокопоставленным родственникам Сесилиям. «Я отлично вижу, что суд станет моим катафалком скорее, чем потерпят крах мое бедное положение и репутация»⁴, — жалуется он в письме к дяде — лорду-казначею Берли. А вот отрывок из другого его письма к Берли. В нем не только раскрывается более полно умонастроение Бэкона того периода, но и содержится намек на обстоятельства, побуждавшие Сесилей тайно препятствовать его карьере.

«Моим всегдашним намерением было в какой-нибудь скромной должности, которую я мог бы выполнять, служить ее величеству, не как человек, рожденный под знаком Солнца, который любит честь, или под знаком Юпитера, который любит деловитость, ибо меня целиком увлекает созерцательная планета, но как человек, рожденный под властью превосходнейшего монарха, который заслуживает посвящения ему всех человеческих способностей... Вместе с тем ничтожность моего положения в какой-то степени задевает меня; и, хотя я не могу обвинить себя в том, что я расточителен или ленив, тем не менее мое здоровье не должно расстраиваться, а моя деятельность оказаться бесплодной. Наконец, я признаю, что у меня столь же обширные созерцательные занятия, сколь

³ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 1.

⁴ Там же, стр. 3.

умерены гражданские, так как я все знание сделал своей областью. О, если бы я мог очистить его от двух сортов разбойников, из которых один с помощью пустых прений, опровержений и многословий, а другой с помощью слепых экспериментов, традиционных предрассудков и обманов добились так много трофеев. Я надеюсь, что в тщательных наблюдениях, обоснованных заключениях и полезных изобретениях и открытиях я добился бы наилучшего состояния этой области. Вызвано ли это любопытством, или суетной славой, или природой, или, если это кому-либо угодно, филантропией, но оно настолько овладело моим умом, что он уже не может освободиться от этого. И для меня очевидно, что при сколь-либо разумном благоволении должность позволит распоряжаться с большим умом, нежели это может сделать человеческий ум сам по себе; это как раз то, что меня сейчас волнует более всего. Что же касается вашей светлости, то в такой должности вы не найдете большей поддержки и меньшего противодействия, чем в любой другой. И если ваша светлость подумает сейчас или когда-нибудь еще, что я ищу и добиваюсь должности, в которой вы сами заинтересованы, то вы можете назвать меня самым бесчестным человеком»⁵.

Это письмо, датированное 1594 г., интересно как первое дошедшее до нас свидетельство широты философских замыслов Бэкона. И вместе с тем оно недвусмысленно указывает и на другую основную установку в его жизни: для него очевидно, что должность позволит распоряжаться с большим умом, чем это может сделать человеческий ум сам по себе. Сколько честолюбцев и до, и после него исходили в своих планах из той же очевидности! Правда, потом, когда его карьера государственного деятеля потерпит скандальный крах, он будет утверждать, что был рожден скорее для литературной, чем для какой бы то ни было иной, деятельности и оказался «совершенно случайно, вопреки склонности своего характера, на поприще активной деловой жизни»⁶. Но так будет потом, через тридцать лет, и это быть может будет правдой его старческой реминисценции, но неправдой всей прожитой им жизни.

⁵ Там же, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 415.

В 1593 г. Бэкон избирается в палату общин от Мидлсекского графства, где вскоре приобретает славу выдающегося оратора. На короткое время он даже возглавляет оппозицию, когда палата общин пытается отстаивать свое право определять размер субсидий короне независимо от лордов. Вот что он говорил, выступая в парламенте против правительственного предложения об увеличении подати: «Прежде чем все это будет уплачено, джентльмены должны продать свою серебряную посуду, а фермеры — медную; что же касается до нас, то мы находимся здесь не для того, чтобы слегка оцупывать раны государства, а для того, чтобы их исследовать. Опасности заключаются в следующем. Во-первых, мы возбудим неудовольствие и подвергнем риску безопасность ее величества, которая должна основываться более на любви народа, чем на его богатстве. Во-вторых, допустив это в подобном случае, другие государи станут потом требовать того же, так что мы примем дурной прецедент для себя и для своих потомков; история же убеждает нас, что англичане менее всех других народов способны подчиняться, унижаться или быть произвольно облагаемы податью»⁷. В правительственных кругах эта речь была воспринята как оскорбительная, и Бэкон поспешил в письмах к высокопоставленным лицам объяснить, что выступал с наилучшими намерениями, что только завистник или официальный доносчик могли бы обвинить его в стремлении к дешевой популярности или оппозиции. Он просил «сохранить хорошее мнение о нем», «признать искренность и простоту его сердца» и «восстановить в добром расположении ее величества»⁸.

Между тем доброе расположение к Бэкону ее величества не простиралось далее милостивых бесед и консультаций по правовым и другим государственным вопросам. Как замечает В. Раули, хотя королева и «поощряла его со всей щедростью своей улыбкой, она никогда не поощряла его щедростью своей руки»⁹. Настойчивые и многолетние попытки влиятельных друзей и покровителей заполнить для Бэкона высокие должности коронного адвоката

⁷ *Маколей*. Полное собрание сочинений, т. III. СПб., 1862, стр. 22.

⁸ *The Works of Lord Bacon*, vol. II. London, MDCCLXXIX, p. 4—5.

⁹ *Ibid.*, vol. I, Introductory Essay, p. IV.

не приводили ни к каким результатам. Ничего не добился здесь и граф Эссекс, королевский фаворит и новый соперник дома Сесилей, искренне привязанный к Бэкону и употребивший в этом деле всю свою силу, влияние и связи. Чтобы как-то компенсировать эту неудачу и материально поддержать друга, граф подарил ему свое поместье в Твикнем-парк. А когда несколько лет спустя Эссекс — герой испанской войны и кумир лондонского Сити — теряет былое доверие королевы и, отстраненный от занимаемых должностей, поднимет против нее демонстративный бунт, обвинение против него в суде будет поддерживать экстраординарный королевский адвокат Фрэнсис Бэкон. Он обвинит его в обдуманном и заранее подготовленном заговоре, а после его казни напишет обнародованную правительством «Декларацию о действиях и изменах, предпринятых и совершенных Робертом, графом Эссексом».

В 1597 г. вышло в свет первое произведение, принесшее Бэкону широкую известность, — сборник кратких очерков, или эссе, содержащих размышления на моральные и политические темы. Позднее он дважды переиздаст свои «Опыты и наставления», всякий раз перерабатывая и пополняя их новыми очерками. За год до смерти в посвящении к третьему английскому изданию Бэкон признается, что из всех его сочинений «Опыты» получили наибольшее распространение. «Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо»¹⁰.

Новые перспективы открыло перед ним правление Якова I Стюарта. Тщеславному и мнящему себя крупным ученым монарху, этому запоздалому теоретику абсолютизма и автору трактатов о предопределении, колдовстве и о вреде табака, весьма импонировали литературная известность, остроумие и образованность до сих пор еще не оцененного по заслугам юриста. В день коронации короля Бэкона жалуют званием рыцаря. В следующем году он назначается штатным королевским адвокатом, в 1607 г. получает пост генерал-солиситора, а еще через пять лет — должность генерал-атторнея — высшего юрисконсульта короны. Эти годы ознаменовались и подъемом

¹⁰ Фрэнсис Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954, стр. 48.

его философско литературного творчества. В 1605 г. Бэкон издает трактат «О значении и успехе знания, божественного и человеческого», положивший начало воплощению его плана «Великого Восстановления Наук», в 1609 г. — сборник своеобразных миниатюр «О мудрости древних», а в 1612 г. подготавливает второе, значительно расширенное издание «Опытов и наставлений». По-видимому, в то же время он пишет и трактат «Описание интеллектуального мира», опубликованный только после его смерти.

Бэкон по-прежнему активно участвует в работах суда и парламента, хотя в палате общин, где он заседает, раздаются голоса против присутствия в ней королевского поверенного и других чиновников короны: «глаза у них станоятся слабыми, королевский паек застилает зрение»¹¹. Бэкон уже не фрондирующий парламентарий, а угодливый царедворец, ловко сочетающий свои благоразумные советы Якову I держаться союза с органом «народного представительства» с самыми льстивыми восхвалениями его абсолютистских писаний и политической мудрости. Он трудится над упорядочением и собранием в единый свод законов Англии и вместе с тем, используя свое служебное положение, не раз побуждает судей применять законы в выгодном для короны смысле. В своем усердии генерал-атторней не останавливается и перед применением недозволённых средств дознания. Впоследствии, став лордом-канцлером, Бэкон будет всячески усиливать значение административного канцлерского суда, так называемого «суда справедливости» — одной из опор неограниченной монархической власти — в противовес базирующимся на английском национальном законодательстве «судам общего права».

В 1614 г. разъяренный требованием прекратить сбор всех не утвержденных палатой палогов, Яков I распускает парламент и в течение почти семи лет правит страной единолично, опираясь лишь на группу своих фаворитов, среди которых на первый план выдвигается Джордж Вилльерс, впоследствии маркиз и герцог Бескингем — одна из самых одиозных фигур в английской политической жизни того времени. В этот период начинается

¹¹ К. А. Кузнецов. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915, стр. 172.

повое служебное возвышение Бэкона. В 1616 г. он назначается членом Тайного совета, на следующий год — хранителем большой печати, а в 1618 г. становится лордом-верховным канцлером и пером Англии. Король явно благоволил к Бэкону, фамильярно называя его своим добрым правителем, и, уезжая в Шотландию, поручает ему на время своего отсутствия управление государством. В свою очередь лорд-канцлер является послушным орудием в руках королевского любимца, «до сумасшествия высокомерного» Бекингема и волей-неволей оказывается втянутым в целый ряд его неприглядных махинаций. По замечанию историков, годы канцлерства Бэкона были самыми позорными годами ставшего прологом английской революции царствования Якова I. В государственном аппарате процветали казнокрадство и взяточничество, королевский двор еще никогда не был столь расточителен, в стране усилились политические и религиозные гонения. В эти годы в жизни английского двора происходит тот роковой поворот, то крайнее обострение феодалной реакции и изменение во внутренней и внешней политике, которые через двадцать пять лет с неизбежностью приведут страну к революционному взрыву.

В начале 1621 г., остро нуждаясь в субсидиях, Яков I вновь созывает парламент. Его депутаты выражают решительное недовольство ростом монополий, с раздачей и деятельностью которых было связано множество злоупотреблений. Парламент привлек к судебной ответственности наиболее ненавистных предпринимателей-монополистов и повел расследование дальше. Комитет нижней палаты, ревизовавший дела государственной канцелярии, предъявил обвинение во взяточничестве лорду-канцлеру. Король в своем послании общинам предложил образовать специальную комиссию по расследованию этого дела из членов обеих палат. В эти дни барон Веруламский и виконт Сент-Албанский Фрэнсис Бэкон писал Якову: «Было время, когда я приносил вам стоп голубицы от других, теперь я приношу его от себя... Я никогда не был, как это лучше всех знает Ваше Величество, автором каких-либо неумеренных советов и всегда стремился решать дела наименее неприятным образом. Я не был корыстолюбивым притеснителем народа. Я не был высокомерным и нетерпимым в своих разговорах или обращении; я не унаследовал от моего отца ненависти и родился хорошим

патриотом... Что же касается подкупов и даров, в которых меня обвиняют, то, когда откроется книга моего сердца, я надеюсь, там не найдут мутного фонтана испорченного сердца, растленного обычаем брать вознаграждения, чтобы обмануть правосудие; тем не менее я могу быть нравственно неустойчивым и разделять злоупотребления времени. И поэтому я решил, что, когда мне придется держать ответ, я не буду обманывать относительно моей невиновности, как я уже писал лордам, заниматься крючкотворством и пустословием, но скажу им тем языком, которым говорит мне мое сердце, оправдывая себя, смягчая свою вину и чистосердечно признавая ее»¹².

Лорды поддержали обвинение против Бэкона, и он предстал перед судом. Он сознался в продажности и отказался от защиты. Приговор лордов был суров, но они хорошо знали, что он будет смягчен королем, и могли проявить всю свою принципиальность. Бэкона приговорили к уплате 40 тысяч фунтов штрафа, заключению в Тауэр, лишению права занимать какие-либо государственные должности, заседать в парламенте и быть при дворе. Через два дня он был освобожден из заключения, а вскоре освобожден и от штрафа. Ему было разрешено являться ко двору, и в следующем парламенте он уже мог занять свое место в палате лордов. Но его карьера государственного деятеля кончилась. «Возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или по крайней мере заката — а это печальное зрелище»¹³, — писал Бэкон в одном из своих эссе — «О высокой должности». Справедливость этих слов подтвердила и жизненная судьба их автора. Из двух всепоглощающих стремлений — к служению науке и к полноте придворной жизни, которыми была одержима эта натура, осталось лишь одно — занятия наукой.

В 1620 г. Бэкон опубликовал свое основное философское сочинение — «Новый Органон» — по замыслу вторую часть так и незавершенного генерального труда своей жизни — «Великого Восстановления Наук». Теперь он

¹² The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 122.

¹³ Фрэнсис Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954, стр. 62.

весь отдается творчеству. Он составляет сборник английских законов, работает над историей Англии при Тюдорах, готовит третье издание «Опытов и наставлений» и, наконец, в 1623 г. публикует свой самый объемистый труд «О достоинстве и приумножении наук» — первую часть «Великого Восстановления Наук». В эти же годы он пишет и свою философскую утопию «Новая Атлантида».

Его быт в Грейс-Инн, где он теперь живет, скромен и прост по сравнению с богатой обстановкой Йорк-Хауза времен его канцлерства, и Бэкону трудно с этим примириться. Он чувствует стеснение в средствах, так как привык жить на широкую ногу, и в своем письме к королю проникновенно умоляет о помощи, «чтобы я не был вынужден на старости лет идти побираться»¹⁴. Последнее время он много болеет. Однажды холодной весной 1626 г. Бэкон решает проделать опыт с замораживанием курицы, чтобы убедиться, насколько снег может предохранить мясо от порчи. Собственноручно набивая птицу снегом, он простудился и, проболев около недели, умер в доме графа Аронделя в Гайгете 9 апреля 1626 г. В своем последнем письме он не забыл упомянуть о том, что опыт с замораживанием «удался очень хорошо».

2. Руководящая идея бэконовской философии

Размышляя сегодня над наследием Фрэнсиса Бэкона — философией далекого английского Возрождения и вместе с тем европейского научного Возрождения, мы можем выделить в нем самые различные элементы и пластования — новаторские и традиционалистские, научные и поэтические, мудрые и наивные, те, корни которых уходят в глубь средневековья, и те, которые протягивают во времени свои вечнозеленые побеги в миры иных социальных структур, проблем и умонастроений. Такова уже судьба классической философской мысли — долгая жизнь в отличие от эпигонских и плоских философствований, претенциозность которых болезненно ощущается уже современниками. Анализ и оценка последних обычно не представляют труда и легко могут перекрыть их

¹⁴ The Works of Lord Bacon, vol. II. London. MDCCCLXXIX, p. 130.

убогое содержание. Оригинальная же мысль всегда содержит в себе тайну метаморфозы, возможность многократного и неожиданного преломления в умах будущих поколений.

То было время великих усилий и значительных открытий, не оцененных по достоинству современниками и понятых лишь тогда, когда их результаты, наращиваясь от столетия к столетию, стали одним из решающих факторов в жизни человеческого общества. Именно тогда создавались основы современного естествознания и вместе с ними предпосылки ускоренного развития техники, которые привели потом к промышленному перевороту в экономической структуре общества и его дальнейшему развитию на индустриальной основе. Но это было и время сложного взаимодействия, причудливого переплетения новой науки и старого мировоззрения. Кропотливое изучение новых фактов, проникновение в науку точного эксперимента, разработка ее рабочего инструмента — новой математики сопровождалась, пожалуй, даже усилением многих старинных суеверий: астрологии, магии, теософии и кабалистики. Этим суевериям отдали дань Парацельс и Кардано, Порта и Кеплер. «Этими суевериями в той или иной мере увлекались все, и взгляды даже выдающихся людей описываемой эпохи нередко казались еще более грубыми и наивными, чем это было в средние века. Мышление людей, сбрасывавшее с себя традиционное иго, не успело еще отыскать себе новых принципов, а странные заблуждения, в которые оно вовлекалось, только затрудняли работу последующих реформаторов науки», — писал Поль Таннери¹⁵.

В поисках нового мировоззрения, могущего противостоять опирающейся на авторитет Аристотеля схоластике, мыслители Возрождения обращались к неоплатонизму и пифагорейству, учениям Эмпедокла, Парменида, Гераклита и древних атомистов. Правда, у наиболее выдающихся и оригинальных из них то было лишь обличьем в действительности новых идей. Но разве это единственный случай, когда вином молодой науки наполняли старые мехи? Джироламо Фракасторо, Бернардино Телезио и великий мученик Джордано Бруно — самые яркие звезды на небосклоне этой натурфилософии. Именно это идейное тече-

¹⁵ П. Таннери. Исторический очерк развития естествознания в Европе. М. — Л., 1934, стр. 45.

ние Возрождения наряду с крепкой, идущей от Вильяма Оккама и Роджера Бэкона традицией английского номинализма и эмпиризма подготовило почву и явилось предтечей бэконовской философской реформации.

Апелляция к Природе, стремление к проникновению в нее становится общим лозунгом эпохи, выражением сокровенного духа времени. Все эти занимавшие умы разных писателей и философов рассуждения о «естественной» религии, «естественном» праве, «естественной» морали лишь теоретические отблески пастойчивого желания вернуть Природе всю человеческую жизнь. Творчество Леонардо да Винчи, Вивеса, Галилея, Боккаччо, Рабле и Шекспира глубоко проникнуто этим духом. И эти же тенденции являются определяющими в той «естественной» философии, которую создает и провозглашает Фрэнсис Бэкон. Недаром его «Новый Органон» открывается афоризмом о великой доминирующей силе Природы: «Человек, слуга и истолкователь Природы, ровно столько совершает и понимает, сколько он охватывает в порядке Природы; свыше этого он не знает и не может ничего»¹⁶.

Родоначальником материализма и всей опытной науки нового времени назовут Бэкона основоположники марксизма. Последователем и продолжателем его дела считал себя английский физик Р. Бойль. Безусловным авторитетом пользовался Бэкон у французских энциклопедистов, восторженные слова посвящает ему А. И. Герцен. Вместе с тем он объект самых резких нападок клерикального философа и мистика Жозефа де Местра, критикующего Бэкона за материализм, атеизм и приверженность к рациональной методологии, и химика Юстуса Либиха, усмотревшего в его сочинениях лишь претенциозность и профанацию научного метода. Бэкон принадлежит к тем фигурам, вокруг которых еще долго после их смерти идет острая идейная борьба. И все же передовая наука и философия не имели двух мнений о творчестве Бэкона. Ученые оценили его попытку создать философию экспериментального естествознания, выяснить условия правильности выводов и обобщений из опытных наблюдений. А философы — им еще долго пришлось бороться за науку против невежества, суеверия и догматического идеализ-

¹⁶ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 433.

ма — увиделли в нем одного из вершителей той глубокой перестройки всего мировоззрения, которое было связано с отказом от верований в зависимость природных явлений от сверхъестественных сил и сущностей и привело к принятию тех принципов понимания знания, которыми руководствуется научное исследование и поныне.

Деятельность Бэкона как мыслителя и писателя была направлена на пропаганду науки, на указание ее первостепенного значения в жизни человечества, на выработку нового целостного взгляда на ее строение, классификацию, цели и методы исследования. Он занимался наукой как ее лорд-канцлер, разрабатывая ее общую стратегию, определяя генеральные маршруты ее продвижения и принципы организации в будущем обществе. Идея Великого Восстановления Наук — *Instaurationis Magnae Scientiarum* — пронизывала все его философские сочинения, провозглашалась им с многозначительностью, афористичной проникновенностью, завидной настойчивостью и энтузиазмом.

Нет, в науку следует идти не ради забавного времяпрепровождения, не ради любви к дискуссиям, не ради того, чтобы высокомерно презирать других, не из-за корыстных интересов и не для того, чтобы прославить свое имя или упрочить свое положение. В отличие от античных и средневековых ценностей Бэкон утверждает новую ценность науки. Она не может быть целью самой по себе, знанием ради знания, мудростью ради мудрости. Конечная цель науки — изобретения и открытия. Цель же изобретений — человеческая польза, удовлетворение потребностей и улучшение жизни людей, повышение потенциала ее энергии, умножение власти человека над природой. Только это и есть подлинная мета на ристалище знаний, и если науки до сих пор мало продвигались вперед, то это потому, что господствовали неправильные критерии и оценки того, в чем состоят их достижения.

Кажется, Бэкон хотел одним ударом решить эту вечную проблему соотношения истины и пользы — что в действительности наиболее полезно, то в знании наиболее истинно. Однако было бы слишком поспешно упрекать его на этом основании в утилитаризме или же прагматизме. Прагматикам Бэкон мог бы ответить примерно так же, как отвечал он любителям интеллектуальной атараксии, жаловавшимся, что пребывание среди быстро сменяющихся опы-

тов и частностей приземляет их ум, низвергает его в преисподнюю смятения и замешательства, отдаляет и отворачивает от безмятежности и покоя отвлеченной мудрости. «Я строю в человеческом понимании истинный образ мира, таким, каков он есть, а не таким, каким подсказывает каждому его разум. А это нельзя сделать без тщательного рассечения и анатомирования мира. И я считаю, что те нелепые и обезьяньи изображения мира, которые созданы в философских системах вымыслом людей, вовсе должны быть развеяны... Поэтому истина и полезность суть одни и те же вещи и сама деятельность ценится больше как залог истины, чем как создатель жизненных благ»¹⁷.

Итак, только истинное знание дает людям реальное могущество и обеспечивает их способность изменять лицо мира; два человеческих стремления — к знанию и могуществу — находят здесь свою оптимальную равнодействующую. В этом состоит руководящая идея всей бэконской философии, по меткой характеристике Фаррингтона, — «философии индустриальной науки»¹⁸. И здесь же коренится одна из причин столь продолжительной популярности его взглядов.

Как и всякий радикальный реформатор, Бэкон в слишком мрачных тонах рисует все прошлое, тенденциозно относится к настоящему и исполнен самых радужных надежд на будущее. До сих пор состояние наук и механических искусств (так называет он различные технические достижения) было из рук вон скверное. Из двадцати пяти столетий едва ли можно выделить шесть благоприятных для их развития. Это эпохи греческих досократиков, древних римлян и новое время. Все остальное — сплошные провалы в знании, в лучшем случае крохоборческое движение, а то и топтание на одном месте, пережевывание одной и той же умозрительной философии, переписывание одного и того же из одних книг в другие. Бэкону иногда и в голову не приходит, что он может быть неправ по отношению к подлинному Аристотелю, к арабским ученым, к тем многочисленным математикам и естествоиспытателям, работы которых он

¹⁷ Там же, стр. 455.

¹⁸ *B. Farrington. Francis Bacon Philosopher of Industrial Science. New York, 1949.*

сконом характеризовал как слабые и незначительные. Подвизавшиеся в научной сфере были либо эмпириками, либо догматиками. Первые, подобно муравьям, только собирали и использовали собранное; вторые, как пауки, вытягивали из самих себя ткань спекулятивной науки. Деятельность же подлинных ученых должна быть организована наподобие работы пчелиного улья — с методичным разделением труда, разумной иерархией и оправданием всего в конечном продукте. Современность в особенности ставит такую задачу, и Бэкон берет на себя миссию провозгласить принципы этой реформации.

«Разве можно не считаться с тем, — восклицает он, — что дальние плаванья и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, могущих пролить новый свет на философию. И конечно, было бы постыдно, если бы в то время, как границы материального мира — земли, моря и звезд — так широко открылись и раздвинулись, умственный мир продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними»¹⁹. И Бэкон призывает не воздавать слишком много авторам, не отнимать прав у Времени — этого автора всех авторов и источника всякого авторитета. «Истина — дочь Времени, а не Авторитета», — бросает он свой знаменитый афоризм.

Предпринимая глобальный обзор современного ему знания и искусств, чему собственно и посвящен трактат «О достоинстве и приумножении наук», Бэкон не только предлагает их разветвленную классификацию, но и критически оценивает достигнутый уровень, старается проследить направления их дальнейшего развития, определить те проблемы, которые особенно нуждаются в разработке. Читатель, ознакомившись с этим сочинением, конечно, составит себе представление о древе бэконовской классификации наук, оценит его стремление отличить и охарактеризовать самые разнообразные области науки. Мы же отметим, что здесь Фрэнсис Бэкон явился достойным продолжателем классической философской традиции. И если первое, самое общее деление знания Бэкон (как и Платон) основывает, исходя из трех различных духовных способностей человека, то дальнейшее

¹⁹ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 445.

подразделение им осуществляется (как и у Аристотеля), исходя из соображений, что у каждой отрасли знания должна быть своя особая сфера бытия. Бэконовская классификация была поистине энциклопедией для своего времени; она оказала значительное влияние и на последующие времена. Во всяком случае д'Аламбер ссылается на нее и приводит ее подробную схему в своей вступительной статье к знаменитой французской «Энциклопедии, или Толковому словарю наук, искусств и ремесел».

Было бы слишком неблагодарно по отношению к Фрэнсису Бэкону скрупулезно обсуждать и оценивать все его многочисленные соображения о тех или иных научных проблемах, все его предложения поставить такие-то эксперименты и осуществить такие-то изобретения. Некоторые из них представляются нам сегодня наивными и несостоятельными, за ними чувствуется и дилетантизм, и скороспелость выводов. Некоторые порождены архаичными, уже канувшими в Лету естественнонаучными и философскими представлениями. И вместе с тем то тут, то там вдруг блеснут догадки такой глубины, как будто они выхвачены лучом его жадной фантазии не из хаоса еще полусредневековой науки, а из непосредственного или даже отдаленного ее будущего. Природа, человек, общество, история, политика, мораль, психология, поэзия — все живо интересует его, во всем он хочет обнаружить нечто поучительное, важное и полезное. Самое главное, чтобы люди не дремали, а непрерывно обращали свое внимание и на природу вещей, и на свою собственную природу, и на использование всех знаний в интересах человечества.

Бэкон верил, что идея его философии суждена не просто долгая жизнь академически признанного и канонизированного литературного наследия — еще одного мнения среди множества уже изобретенных человечеством. Он считал, что идея эта станет одним из конструктивных принципов самой человеческой жизни, которому «завершение даст судьба человеческого рода, причем такое, какое, быть может, при настоящем положении вещей и умов не легко постигнуть или представить»²⁰. В известном смысле он оказался прав. И сейчас, столетия спустя, мы как бы сызнова осознаем пророческую силу предсказания этого герольда новой науки, но к неистощимому

²⁰ Там же, стр. 289.

бэконовскому оптимизму в сознании нашего современника примешивается и горечь за все перипетии, пережитые на этом пути в прошлом, и тревога за то, что ожидает нас в будущем. Общественный прогресс не носит такого однолинейного, однонаправленного характера, как это представлялось Фрэнсису Бэкону. Развитие общества определяется не только силами научной мысли и технического изобретательства. И если Бэкон снисходительно оставлял сферу гражданской жизни, политики и общественных наук «ходячим монетам» риторической аргументации, смутных, плохо очерченных понятий и традиционного авторитета, то такую установку уже никак не назовешь прогрессивной. Критический пафос жадно ищущего истину реформатора здесь сменяла умеренная рекомендация искушенного в государственных делах лорда-канцлера, и мы, к сожалению, не можем упрекнуть Бэкона в том, что его слова расходились с его делами.

3. Критика обыденного и схоластического разума

Вопрос об «истинных» и «мнимых», «объективных» и «субъективных» компонентах человеческого знания восходит к самой сущности философии как науки и в античности отчетливо осознается уже Демокритом и элеатами. Этот вопрос живо обсуждался современниками Бэкона — Галилеем и Декартом. Одним из вариантов той же темы явилось и бэконовское усмотрение в познании того, что «соотнесено с человеком» и что «соотнесено с миром», его развернутая критика Идолов Разума. «В будущие времена обо мне, я полагаю, — писал Бэкон, — будет высказано мнение, что я не совершил ничего великого, но лишь счел незначительным то, что считалось великим»²¹. Он при этом мог иметь в виду свое учение об очищении интеллекта, о врожденных и приобретенных идолах, отягощающих человеческий разум и порождающих его многочисленные ошибки и заблуждения. Первые проистекают из самого характера человеческого ума, который питают воля и чувства, окрашивающие все вещи в субъективные тона и, таким образом, искажающие их действительную природу; вторые же вселились в умы людей из разных ходячих мнений, спекулятивных теорий и превратных

²¹ Там же, стр. 449.

доказательств. Это одна из самых интересных и популярных глав бэконовской философии, поистине очистительная пропедевтика к его учению о методе познания.

Разве люди не склонны верить в истинность предпочтительного и стараться всячески поддерживать и обосновывать то, что они уже однажды приняли, к чему привыкли и в чем заинтересованы? Какова бы ни была значимость и число обстоятельств, свидетельствующих о противном, их или игнорируют, или же превратно истолковывают. Как часто отвергается трудное потому, что нет терпения его исследовать, трезвое — потому, что оно угнетает надежду, простое и ясное — из-за суеверий и преклонения перед непонятым, данные опыта — из-за презрения к частному и преходящему, парадоксы — из-за общепринятого мнения и интеллектуальной инертности! И к этому же типу врожденных Идолов Рода, или Племени, Бэкон причисляет склонность к идеализации — предполагать в вещах больше порядка и единообразия, чем это есть на самом деле, приносить в природу мнимые подобия и соответствия, осуществлять чрезмерные отвлечения и мысленно представлять текучее как постоянное. Совершенные круговые орбиты и сферы античной астрономии, комбинации четырех основных состояний (тепла, холода, влажности, сухости), образующие четвероякий корень элементов мира (огонь, землю, воздух и воду) в философии перипатетиков, аристотелевская абстракция бесконечной делимости — все это примеры проявления Идолов Рода.

И разве каждый человек в силу своих индивидуальных особенностей, порожденных характером его психического склада, привычек, воспитания, атмосферы, в которой он жил, и множеством других обстоятельств, не имеет своего неповторимого, только ему присущего угла зрения на мир, «свою особую пещеру, которая разбивает и искажает свет природы»²², как выражается Бэкон, используя знаменитый образ из платоновской гносеологии? Так, одни умы более склонны видеть в вещах различия, другие же — сходство; первые схватывают самые тонкие оттенки и частности, вторые улавливают незаметные аналогии и создают неожиданные обобщения. Одни, приверженные к традиции, предпочитают древности, другие же

²² Там же, стр. 435.

всецело охвачены чувством нового. Одни направляют свое внимание на простейшие элементы и атомы вещей, другие же, наоборот, настолько поражены созерцанием целого, что не способны проникнуть в его составные части. И тех и других эти Идолы Пещеры толкают в крайность, не имеющую ничего общего с действительным постижением истины.

Врожденные иды искоренить невозможно, но можно, осознав их характер и действие на человеческий ум, предупредить умножение ошибок и методически правильно организовать познание. Вообще каждому исследующему природу рекомендуется как бы взять за правило считать сомнительным все то, что особенно захватило и пленило его разум. Энтузиаст новой науки отнюдь не усматривал в слепой одержимости фактор, способствующий постижению истины, и склонялся к идеалу уравновешенного и ясного критического понимания.

«Плохое и целеное установление слов удивительным образом осаждаёт разум»²³, — писал Бэкон о третьем, с его точки зрения самом тягостном, виде идолов, о так называемых Идолах Площади, или Рынка. Эти иды проникают в сознание исподволь, из естественной связи и общения людей, из стихийно навязываемого этим общением штампов ходячего словоупотребления. К ним относятся и наименования вымышленных, несуществующих вещей, и вербальные носители плохих и невежественных абстракций. Давление этих идолов особенно сказывается тогда, когда новый опыт открывает для слов значение, отличное от того, которое приписывает им традиция, когда старые ценности теряют смысл и старый язык символов уже перестает быть общепонятным. И тогда то, что объединяет людей, является фактором их взаимопонимания, «обращает свою силу против разума»²⁴.

Эту мысль философа можно проиллюстрировать словами поэта — Вильяма Шекспира, также большого мастера изобличения разного рода идолов на театральных подмостках. Героине его трагедии Джульетте Капулетти с младенчества внушили, что ее родовое имя обладает безусловной реальностью и что в нем содержится ее подлинная и высшая честь. Но вот Джульетта полюбила

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 437.

человека, принадлежащего к враждебной ее семье фамилии Монтекки. И она мучительно задумывается:

Не ты, а имя лишь твое — мой враг,
Ты сам собой, ты вовсе не Монтекки.
Монтекки ли — рука, нога, лицо
Иль что-нибудь еще, что человеку
Принадлежит? Возьми другое имя.
Что имя? Роза бы иначе пахла,
Когда б ее иначе называли?

Она хочет доискаться, в чем же в конце концов реальность имени и, переоценивая ценности, готова утвердить над именем приоритет природы. Джульетта готова ниспровергнуть «Идол Имени» — один из мировоззренческих устоев ее феодальной среды:

Ромео, если б не Ромео стал, —
Свое все совершенство сохранил бы
И безыменный. Сбрось, Ромео, имя,
Отдай то, что не часть тебя, — возьми
Меня ты всю²⁵.

Но основной удар своей критики Бэкон направляет против Идолов Театра, или Теорий. Да, он не очень-то высокого мнения о существующих философско-теоретических представлениях и считает себя вправе взирать на них как бы с высоты некоего амфитеатра. Сколько есть изобретенных и принятых философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Человечество уже видело и еще увидит много таких представлений с Субстанцией, Качеством, Бытием, Отношением и другими отвлеченными категориями и началами в главных ролях. «В пьесах этого философского театра, — писал он, — мы можем наблюдать то же самое, что и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и изысканы и скорее способны удовлетворить желаниям каждого, нежели правдивые рассказы из истории»²⁶. Одержимые этого рода идолами стараются заключить многообразие и богатство природы в односторонние схемы отвлеченных конструкций и, вынося решения из

²⁵ В. Шекспир. Полное собрание сочинений, т. II. «Academia», 1937, стр. 285.

²⁶ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 438.

меньшего, чем следует, не замечают, как абстрактные штампы, догмы и идолы насилуют и извращают естественный и живой ход их разумения. Так, продукты интеллектуальной деятельности людей отделяются от них и в дальнейшем уже противостоят им как нечто чуждое и господствующее над ними. Кажется, здесь Бэкон вплотную подходит к определению и анализу того, что на современном философском языке именуется отчуждением. При этом он, видимо, не заблуждается относительно механизма образования этого отчуждения. Единогласие в философских мнениях далеко не всегда основывается на свободе суждений и исследований, чаще оно программируется авторитетом, послушанием и подчинением. Именно таким образом, по его мнению, большинство пришло к согласию с философией Аристотеля, этого «счастливого разбойника» и «первейшего софиста».

В многочисленных ссылках на Аристотеля, которыми изобилуют философские сочинения Бэкона, можно обнаружить все градации его критического отношения. Иногда это мимоходом брошенные колкости вроде того, что «Аристотель только указал на эту проблему, но нигде не дал метода ее решения»²⁷ или же «Аристотель издал по этому вопросу небольшое сочинение, в котором есть кое-какие тонкие наблюдения, однако, как обычно, он считает свою работу исчерпывающей»²⁸. Иногда же это тяжкие обвинения, например, в том, что Аристотель «своей логикой испортил естественную философию, построив весь мир из категорий»²⁹, что он слишком «много приписал Природе по своему произволу», больше заботясь, «чтобы иметь на все ответы и словесные решения, чем о внутренней истине вещей»³⁰, что он, «произвольно установив свои утверждения, притягивал к ним искаженный опыт»³¹. Стагириту приходилось отвечать не только за собственные промахи и недоработки, но и за дотошных комментаторов и изощренных схоластиков, за суеверных теологов и догматиков всех мастей, подкреплявших свои измышления его авторитетом и рассматривавших весь мир исключительно сквозь призму его трактатов.

²⁷ Там же, стр. 364.

²⁸ Там же, стр. 349.

²⁹ Там же, стр. 438.

³⁰ Там же, стр. 439.

³¹ Там же.

Из античных философов Бэкон высоко ценит лишь древнегреческих материалистов и натурфилософов. Ему импонирует, что «все они определяли материю как активную, как имеющую некоторую форму, как наделяющую этой формой образованные из нее предметы и как заключающую в себе принцип движения»³². Он приветствует их метод глубоко и тонко проникать в тайны природы и, игнорируя ходячие представления, подчинять свой разум природе вещей, «анализировать природу, а не абстрагировать ее»³³. Поэтому Апоксатор с его гомеомериями и особенно Демокрит с его атомами часто приводятся им как авторитеты. И Бэкон сетует, что эта глубокая традиция передана забвению, в то время как философия Платона и Аристотеля шумно проагандируется в школах и университетах. Время, как поток, выносит на своих волнах то, что легче, тогда как более весомое тонет — прибегает к одной из тех риторических фигур, которые не раз витиевато украшают стиль его сочинений. Но самое любопытное впереди. Несмотря на непримиримую вражду к перипатетикам и схоластике, свой постоянный протест против них, идущий «от того непокорного элемента жизни, который, улыбаясь, смотрит на все односторонности и идет своей дорогой»³⁴, сам Бэкон не освобождается вполне от их влияния и в выработке основного понятия своей метафизики едва ли идет дальше преобразования перипатетического учения о формах как вечных и неизменных природных сущностях.

Столь критическое отношение к распространенным в то время философским концепциям многие исследователи сравнивают с методическим сомнением Декарта. Последний считал, что, коль скоро речь идет о познании истины, универсальное сомнение должно служить первым шагом и условием для отыскания несомненных основ знания. Для Бэкона, как и для Декарта, критицизм означал прежде всего высвобождение человеческого ума из всех тех схоластических пут и предрассудков, которыми он обременен. Для Бэкона, как и для Декарта, сомнение не самоцель, а средство выработать плодотворный метод познания. В дальнейшем их пути расходятся. Декарта

³² Там же, стр. 690.

³³ Там же, стр. 691.

³⁴ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. 1. М., 1946, стр. 241.

интересуют прежде всего приемы и способы математического знания, опирающиеся на имманентные уму критерии «ясности и отчетливости», Бэкона — методология естественнонаучного, опытного познания. Но Декарт, конечно, подписался бы под бэконовским осуждением проповедников акаталепсии — жрецов Идола Непознаваемого, как он подписался бы и под его критикой слепого Идола Эмпирической науки, ориентирующего не на теорию, а на случайный и частный эмпирический поиск.

Есть еще один источник появления идолов — это смешение естествознания с суеверием, теологией и мифическими преданиями. В этом прежде всего повинны пифагорейцы и платоникки, а из новых философов те, кто пытается строить естественную философию на Священном писании. И если рационалистическая философия и софистика запутывают разум, то эта, полная вымыслов и поэзии, льстит ему, подыгрывает его склонности к воображению и фантазии. Такое «поклонение суетному равносильно чуме разума», и его надо тем более сдерживать, «что из безрассудного смещения божественного и человеческого выводится не только фантастическая философия, но и еретическая религия», между тем как вере следует оставить «лишь то, что ей принадлежит»³⁵.

Отношение Бэкона к религии типично для передового ученого Возрождения. Человек призван открывать законы природы, которые бог скрыл от него. Руководствуясь знанием, он уподобляется всевышнему, который ведь тоже вначале пролил свет и уже потом создал материальный мир (это одна из любимых бэконовских аллегорий). И Природа, и Писание — дело рук божьих, и поэтому они не противоречат, а согласуются друг с другом. Недопустимо только для объяснения божественного Писания прибегать к тому же способу, что и для объяснения писаний человеческих, но недопустимо и обратное. Признавая истину и того и другого, Бэкон отдавал свои силы пропаганде постижения лишь естественного. У божественного и без него было слишком много служителей и защитников. И так преобладающая часть лучших умов посвящала себя теологии, испытатели же природы насчитывались единицами. Отделяя естественнонаучное от тео-

³⁵ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 439.

логического, утверждая его независимый и самостоятельный статус, он, таким образом, вовсе не порывал с религией, в которой видел главную связующую силу общества. Он писал, что только поверхностное знакомство с природой отвращает от религии, более же глубокое и проникновенное возвращает к ней. И все же в знаменательном для того времени компромиссе между научным и религиозным воззрениями прогрессивность позиции определялась тем, в интересах какой из этих братающихся концепций принимались и оценивались утверждения другой. Пройдет некоторое время, и материалистическая философия выдвинет тезис, что вся эта идея согласия науки и религии есть не более чем ложная и вредная иллюзия. «Ярким пламенем вспыхнуло рациональное вольнодумство, не идущее на какой-либо компромисс. Но ошибся бы тот, кто полагал бы, что этим пламенем горел дух Бэкона. Он был в принципе только одним из набожных «поджигателей»»³⁶.

И еще одна линия бэконовской критики — это «изобличение доказательств». Он считает, что «логика, которая теперь имеется, бесполезна для научных открытий»³⁷. Своему основному философскому сочинению он дает название «Новый Органон», как бы противопоставляя его «Органону» Аристотеля — этому компендиуму логических знаний античности, содержащему принципы и схемы дедуктивного рассуждения и построения науки. «Органон» имел огромное значение для всего последующего развития логической мысли, определив направление научных интересов римских, византийских и арабских мыслителей. «Органон» переводили, комментировали, составляли на его основе многочисленные руководства по логике. Его идеями в значительной мере жила средневековая схоластическая наука, их широко использовала и теология для рационализации своих доктрин и доказательств.

Нет, Бэкон не сомневается, что в силлогизме заключена некая математическая достоверность. Но посмотрите, как используются силлогистические доказательства! Достаточно наполнить их путанными, опрометчиво абстрагированными от вещей и плохо определенными понятиями,

³⁶ Т. Котарбинский. Избранные произведения. М., 1963, стр. 108.

³⁷ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 433.

как все рассуждения рушатся. Это по существу. А по видимости такая логическая организация порочных понятий может служить закреплению и сохранению ошибок, так как создает иллюзию обоснованности и доказательности там, где нет ни того ни другого. Такова мысль Бэкона, и с ней трудно не согласиться. Такова одна из тайн мистификации любой схоластики — и старой, и новой. Такова причина, почему Бэкон считал, что аристотелевская логика «более вредна, чем полезна».

Однако в бэконовской критике силлогистики имеется и другой акцент, отмечающий узость этих схем умозаключения, их недостаточность для выражения логических актов творческого мышления. Бэкон чувствует, что в физике, где задача состоит в анализе природных явлений, а не в созидании родовых абстракций и уже, конечно, не в том, чтобы «опутать противника аргументами», силлогистическая дедукция не способна уловить «тонкости совершенства природы»³⁸, в результате чего от нас ускользает и истина. Позднее, в своем письме к Баранзану, он выскажет более терпимое отношение к возможностям аристотелевской логики. «Силлогизм — это вещь скорее неприменимая в отдельных случаях, нежели бесполезная в большинстве их»³⁹. Он отметит его роль в математике и согласится с мнением своего корреспондента, что, после того как посредством индукции введены хорошо определенные понятия и аксиомы, вполне безопасно применение силлогизма и в физике. Ну а если все же не вполне хорошо определенные, имеет ли тогда дедукция хотя бы эвристическое познавательное значение? Слишком живые для того времени примеры бесплодных спекулятивных дедукций схоластики, кажется, мешали Бэкону не только положительно ответить на этот вопрос, но даже и поставить его.

4. Эмпирический метод и теория индукции

Своеобразие интеллектуального ига схоластики сказывалось не только в регламентации свободы научной мысли религиозными догматами и предписаниями авторитетов, но и в отсутствии каких-либо строгих критериев для отличения истины от вымысла. Схоластика была

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 128.

«книжной» наукой, т. е. пользовалась сведениями, полученными из книг. Поэтому натренированные в полемике умы, отстаивая тот или иной тезис или антитезис, чисто умозрительно могли подвергать сомнению любую из общепринятых истин, что порой сопровождалось как отрицанием достоверности самых бесспорных фактов, так и апологией самых фантастических измышлений. Ригоризм и догматизм, таким образом, даже способствовали известной свободе мышления, неспособной, однако, побудить к действительно плодотворным исследованиям. Ощущался недостаток не столько в идеях (некоторые из них в результате бесконечных дискуссий были разработаны даже слишком утонченно), сколько в методе для получения новых открытий, в том твердом основании, на котором только и могло быть воздвигнуто здание критически выверенного и вместе с тем позитивного научного знания, — в организации эффективного экспериментального исследования. Это обстоятельство было в полной мере осознано Бэконом и положено во главу угла как его критики, так и его методов.

Чтобы дать более конкретное и наглядное представление о сложившейся в науке XVII в. ситуации, сошлемся на пример физики, этой, по мнению Бэкона, важнейшей части естествознания. С этой целью предоставим слово Р. Котсу — известному редактору и издателю «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона. В своем издательском предисловии к «Началам» Котс рассказывает о трех подходах к физике, существенно отличных друг от друга именно в философско-методологическом отношении.

Схоластические последователи Аристотеля и перипатетиков приписывали разного рода предметам специальные скрытые качества и утверждали, что взаимодействия отдельных тел происходят вследствие особенностей этой их природы. В чем же эти особенности состоят и каким образом осуществляются действия тел, они не учили. «Следовательно, в сущности, они ничему не учили, — заключает Котс. — Таким образом все сводилось к наименованию отдельных предметов, а не к самой сущности дела, и можно сказать, что ими создан философский язык, а не самая философия»⁴⁰.

⁴⁰ Собрание трудов академика А. Н. Крылова, т. VII. М. — Л., 1936, стр. 5.

Другие (и здесь Котс имеет в виду сторонников картезианской физики) считали, что вещество Вселенной однородно и все наблюдаемое в телах различие происходит от некоторых простейших и доступных пониманию свойств частиц, из которых состоят эти тела. Восходя от более простого к более сложному, они были бы правы, если бы приписывали этим первичным частицам лишь те свойства, которыми их действительно наделила природа. Между тем они чисто гипотетично и произвольно измышляли различные виды и величины частиц, их расположения, соединения и движения. И далее этот ньютонианец замечает: «Заимствующие основания своих рассуждений из гипотез, даже если бы все дальнейшее было ими развито точнейшим образом на основании законов механики, создали бы весьма изящную и красивую басню, но все же лишь басню»⁴¹.

Третью категорию составляют приверженцы экспериментальной философии, т. е. экспериментального метода исследования явлений природы. Они также стремятся вывести причины всего сущего из возможно простых начал, но они ничего не принимают за начало, кроме того, что подтверждается совершающимися явлениями. Они не измышляют гипотез и вводят их в физику не иначе как в виде предположений, справедливость которых подлежит исследованию. Они пользуются двумя методами — аналитическим и синтетическим. Силы природы и простейшие законы их действия они выводят аналитически из каких-либо избранных явлений и затем синтетически получают законы остальных явлений. «Вот этот-то самый лучший способ исследования природы и принят преимущественно перед прочими нашим знаменитейшим автором»⁴², — пишет Котс, имея в виду Исаака Ньютона. А мы можем добавить, что первые кирпичи в фундамент именно такой методологии закладывал Фрэнсис Бэкон — этот «настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки*»⁴³.

Заслуга Бэкона, в частности, состоит в том, что он со всей определенностью подчеркнул: научное знание происходит из опыта, не просто из непосредственных чувств-

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 6.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142.

венных данных, а именно из целенаправленно организованного опыта, эксперимента. Более того, наука не может строиться просто на непосредственных данных чувства. Наивный сенсуалистический реализм столь же несостоятелен, как и абстрактно-спекулятивная метафизика. Одно в сущности стоит другого: «Диалектики, — пишет Бэкон, — преклоняются перед первыми понятиями ума и наконец успокаиваются на непосредственных данных чувства»⁴⁴. Есть множество вещей, которые ускользают от чувств, с другой же стороны, свидетельства чувств субъективны, «всегда соотнесены с человеком, а не с миром»⁴⁵. И если чувства могут отказывать нам в своей помощи или обманывать нас, то нельзя утверждать, что «чувство есть мера вещей». Наивный сенсуализм оказывается перед лицом гносеологической антиномии, чреватой крайностями скептицизма и солипсизма. Рационалист Декарт, размышляя о том, насколько адекватно чувственные восприятия соответствуют внешней реальности, апеллировал к «правдивости бога», который, не будучи обманщиком, не мог допустить в наших мнениях лжи без того, чтобы не дать и какой-нибудь способности для ее исправления. Бэкон предлагает гораздо более современное и трезвое решение. Компенсацию несостоятельности чувств и исправление его ошибок дает правильно организованный и специально приспособленный для того или иного исследования опыт или эксперимент. Именно его «мы готовим в качестве светоча, который надо возжечь и внести в природу»⁴⁶. И далее он делает крайне важное разъяснение: «поскольку природа вещей лучше обнаруживает себя в состоянии искусственной стесненности, чем в естественной свободе»⁴⁷.

При этом для науки важны не всякие опыты, но прежде всего поставленные с целью открытия новых свойств явлений, их причин или, как выражается философ, аксом, дающие материал для последующего более полного и глубокого теоретического понимания. Отстаивая ценность и значение специализированного научного

⁴⁴ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCLXXIX, p. 287.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 288.

эксперимента, Бэкон проводит свое знаменитое различие двух родов опытов — «светоносных» и «плодоносных», то почти тривиальное для современного ученого разграничение эксперимента, ориентированного исключительно на получение нового научного результата, от опыта, преследующего ту или иную непосредственную практическую пользу. Он предупреждает против преждевременной погони за немедленным получением новых практических результатов и утверждает, что открытие и установление правильных теоретических представлений, вооружая нас не поверхностно, а глубоко, в конце концов повлечет за собой многочисленные ряды самых неожиданных приложений. Как видно, этот теоретик эмпирической науки был далек от недооценки теории как в структуре самого научного знания, так и в ее многообещающем значении для практики.

Формируя теоретические аксиомы и понятия о природных явлениях, не следует полагаться на абстрактные обоснования, какими бы замалчиваемыми и справедливыми они ни казались. Надо расшифровывать тайный язык природы из документов самой же природы, из фактов опыта. Иной альтернативы в научном познании не существует. Самое главное — выработать правильный метод анализа и обобщения опытных данных, позволяющий постепенно проникнуть в сущность исследуемых явлений. По Бэкону, таким методом должна стать индукция, однако не та, которая заключает на основании простого перечисления ограниченного числа благоприятных фактов. Простая перечислительная индукция чаще приводит к ошибочным, чем к истинным, обобщениям и в лучшем случае имеет эвристическое значение наведения на более или менее вероятное предположение. И Бэкон ставит перед собой задачу сформулировать принцип научной индукции, «которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отбрасываний делала бы необходимые выводы»⁴⁸.

Это очень важная установка. В случае индукции мы, вообще говоря, имеем незавершенный опыт, и Бэкон понимает необходимость выработки таких эффективных средств, которые позволили бы, говоря современным языком, осуществлять возможно более полный и глубокий

⁴⁸ Там же, стр. 286.

анализ информации, заключающейся в посылках индуктивного вывода. Этот пункт станет основным в построении всех последующих логических теорий индукции, и разные теоретические модели индукции, вообще говоря, будут различаться принятием тех или иных средств и методов такого анализа. Основоположники индуктивной логики Фр. Бэкон, Дж. Гершель и Дж. Ст. Милль, так же как и некоторые из последующих и современных нам логиков — Дж. Вени, Г. Греневский и Н. Решер, стремятся построить индукцию как строгое умозаключение наподобие дедуктивного. Если при этом некоторые из них и допускают неопределенность индуктивного заключения, то не применяют к его оценке функцию «вероятность». Другие же исследователи — П. Лаплас, Дж. М. Кейнс, Р. Карнап и Г. Рейхенбах — подходят к построению ее теории с точки зрения вероятностной оценки индуктивного обобщения.

Бэкону не только была чужда идея вероятностного подхода к индукции, но он, кажется, с излишним оптимизмом считал, что предлагаемые им средства индуктивного анализа являются достаточной гарантией необходимости и достоверности получаемого заключения. Вот в кратких словах суть его индуктивного метода, его таблиц Открытия — Присутствия, Отсутствия и Степеней. Собирается достаточное количество разнообразных случаев некоторого «простого свойства» (например, плотности, теплоты, тяжести, цвета и т. п.), природа или «форма» которого ищется. Затем берется множество случаев, как можно более подобных предыдущим, но уже таких, в которых это свойство отсутствует. Затем — множество случаев, в которых наблюдается изменение интенсивности интересующего нас свойства. Сравнение всех этих множеств позволяет исключить факторы, не сопутствующие постоянно исследуемому свойству, т. е. не присутствующие там, где имеется данное свойство, или присутствующие там, где оно отсутствует, или же не усиливающиеся при его усилении (соответственно не ослабевающие, где оно ослабевает). Таким отбрасыванием в конце концов получают определенный остаток, неизменно сопутствующий интересующему нас свойству, — его «форму».

Аналогия и исключение составляют главные приемы этого метода. По аналогии подбираются эмпирические данные для таблиц Открытия. Она лежит как бы в фун-

даменте индуктивного обобщения, которое достигается посредством отбора, выбраковки ряда обстоятельств из обилия первоначальных возможностей. Этому процессу анализа могут способствовать исключительные ситуации, в которых исследуемая природа по тем или иным причинам обнаруживается более очевидно, чем в других. Бэкон насчитывает и излагает 27 таких преимущественных примеров (прерогативных инстанций). Сюда относятся те случаи, когда исследуемое свойство существует в предметах совершенно различных между собой во всех других отношениях. Или, наоборот, это свойство отсутствует в предметах, совершенно подобных между собой. Или это свойство наблюдается в наиболее явной, максимальной (соответственно минимальной) степени. Или же выявляется очевидная альтернативность двух или нескольких причинных объяснений, и тогда дело остается лишь за *experimentum crucis* и т. д.

Но вот особенности бэконовской трактовки индукции, связывающие собственно логическую часть учения Бэкона с его аналитической методологией и философской метафизикой. Во-первых, средства индукции предназначаются для выявления форм «простых свойств», или «природ», как называет их Бэкон, на которые, вообще говоря, разлагаются все конкретные физические тела. Индуктивному исследованию подлежат, например, не золото, вода или воздух, а такие их свойства или качества, как плотность, тяжесть, ковкость, цвет, теплота, летучесть и т. п. Такой аналитический подход в теории познания и методологии науки впоследствии превратится в прочную традицию английского философского эмпиризма. И вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что физика (и не только в XVII столетии) занималась изучением как раз такого рода феноменов, исследуя природы плотности, упругости, тяготения, теплоты, цвета и магнетизма.

Во-вторых, задача бэконовской индукции — выявить «форму» — в перипатетической терминологии «формальную» причину, а отнюдь не «действующую» или «материальную», которые, по мнению философа, частны и переходящи и поэтому не могут быть неизменно и существенно связаны с теми или иными простыми свойствами. Здесь мы вплотную сталкиваемся с бэконовской «метафизикой», так как именно она призвана исследовать

формы, «охватывающие единство природы в несходных материях»⁴⁹, в то время как собственно физика имеет дело с более частными материальными и действующими причинами — переходящими и как бы внешними носителями этих форм. Вот каким примером поясняет сам Бэкон это различие. «Если будет идти речь о причине белизны снега или пены, то правильным будет определение, что это тонкая смесь воздуха и воды. Но это еще далеко от того, чтобы быть формой белизны, так как воздух, смешанный со стеклянным порошком или порошком хрусталя, точно так же создает белизну, не чуть не хуже, чем при соединении с водой. Это лишь действующая причина, которая есть не что иное, как носитель формы. Но если тот же вопрос будет исследовать метафизика, то ответ будет приблизительно следующий: два прозрачных тела, равномерно смешанные между собой в мельчайших частях в простом порядке, создают белый цвет»⁵⁰. Быть может, это рассуждение и покажется современному читателю несколько наивным, тем не менее оно иллюстрирует, что именно Бэкон понимал под «метафизикой». Бэконовское понимание метафизики отличается от перипатетического; его метафизика не совпадает с «матерью всех наук» — первой философией, а является частью самой науки о природе, как бы высшим, более абстрактным и глубоким разделом физики. «Не беспокойся о метафизике, — напишет впоследствии Бэкон в письме к Баранзану. — Не будет никакой метафизики после обретения истинной физики, за пределами которой нет ничего, кроме божественного»⁵¹.

Таким образом, Бэкон рассматривал индукцию не как средство узкоэмпирического исследования, в каковое она фактически превращается уже в представлении Дж. Ст. Милля, а как метод выработки фундаментальных теоретических понятий и аксиом естествознания, или, как он сам выражался, естественной философии. И это обстоятельство может если и не оправдать, то в какой-то мере все же объяснить то удивительное пренебрежение, которое так часто проявлял этот энтузиаст новой науки к открытиям современного ему опытного естествознания, полученным по не предусмотренной им методе.

⁴⁹ Там же, стр. 457.

⁵⁰ Там же, стр. 338.

⁵¹ Там же, стр. 128.

Но что же все-таки он подразумевал под «формой»? «Вещь отличается от формы не иначе, чем явление отличается от сущности, или внешнее от внутреннего, или вещь по отношению к человеку от вещи по отношению к миру»⁵², — читаем мы в «Новом Органоне». Понятие «форма» восходит к Аристотелю, в учении которого она наряду с материей, действующей причиной и целью, один из четырех принципов бытия. Форма — это принцип, делающий вещь тем, что она есть, и в этом смысле — сущность вещи. Будучи сопринадлежащей материи и вместе с тем отличной от нее, форма сообщает материи, этой чистой возможности, подлинную действительность, образуя из нее специфичную конкретную вещь. И вместе с тем форма есть принцип общности в вещах, умопостигаемый и определяемый с помощью понятия. Это учение Аристотеля было воспринято средневековой схоластикой. И здесь форма трактовалась как основной принцип, сущность вещи, источник ее действительности, качественной определенности или специфики, выразимой лишь в понятиях и определениях.

В текстах бэконовских сочинений встречается множество различных наименований «формы»: *essentia*, *res ipsissima*, *natura naturans*, *fons emanationis*, *definitio vera*, *differentia vera*, *lex actus puri*⁵³. Все они характеризуют с разных сторон это понятие то как сущность вещи, то как внутреннюю, имманентную причину или природу ее свойств, как их внутренний источник, то как истинное определение или различение вещи, наконец, как закон чистого действия материи. Все они вполне согласуются между собой, если только не игнорировать их связь со схоластическим словоупотреблением и их происхождения из доктрины перипатетиков. И вместе с тем бэконовское понимание формы по крайней мере в двух пунктах существенно отличается от господствовавшего в идеалистической схоластике: во-первых, признанием материальности самих форм, во-вторых, убеждением в их полной познаваемости⁵⁴. Форма, по Бэкону, это сама материальная вещь, но взятая в своей подлинно объективной сути,

⁵² Там же, стр. 464.

⁵³ Н. Городенский. Франциск Бэкон, его учение о методе и энциклопедия наук. Сергиев Посад, 1915, стр. 39.

⁵⁴ Там же, стр. 40—41.

а не так, как она является или представляется субъекту. В связи с этим он писал, что материя скорее, чем формы, должна быть предметом нашего внимания — ее состояния и действие, изменения состояний и закон действия или движения, «ибо формы суть выдумки человеческого ума, если только не называть формами эти законы действия»⁵⁵. И такое понимание позволило Бэкону поставить задачу исследования форм эмпирически, индуктивным методом.

Вообще Бэкон различает двоякого рода формы — формы конкретных вещей, или субстанции, и формы простых свойств, или природ. Так как любая конкретная вещь есть сочетание сил простых природ, то и форма субстанции есть нечто сложное, состоящее из множества форм простых природ. Последние называются им формами первого класса. Эти формы вечны и неподвижны, но именно они — разнокачественные, индивидуализирующие природу вещей внутренне присущие им сущности — придают неповторимое своеобразие бэконовской философской онтологии. «У Бэкона, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»⁵⁶, — писал К. Маркс. И вместе с тем, поскольку дело касается исследования конкретных форм, и прежде всего различных форм движения, мы не можем не почувствовать, как концепция Бэкона уже проникается духом механического естествознания.

Собственно простых форм существует конечное число, и они наподобие букв алфавита, из которых составляются всевозможные слова, своим количеством и сочетанием определяют все разнообразие существующих вещей. Возьмем, например, золото. Оно имеет желтый цвет, такой-то вес, ковкость и прочность, имеет определенную текучесть в жидком состоянии, растворяется и выделяется в таких-то реакциях. Исследуем формы этих и других простых свойств золота. Узнав способы получения желтизны, тяжести, ковкости, прочности, текучести, растворимости и т. д. в специфичной для этого металла степени и мере, мы сможем организовать соединение их

⁵⁵ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 437.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142—143.

в каком-либо теле и таким образом получить золото. Не правда ли, задача как будто напоминает ту, которую ставили перед собой алхимики и приверженцы натуральной магии? Да и разве сам Бэкон не писал, что, подобно тому как механические искусства составляют практику физики, магия (правда, понимаемая им в «очищенном смысле слова») призвана стать практикой метафизики. Как ни стремился Бэкон выработать принципиально новую философскую систему понятий и терминологии, над ним все же тяготел груз традиционных представлений, словоупотреблений и даже постановок проблем. Такое положение довольно обычно для состояния культурных феноменов в переходные эпохи. И все же Бэкона отличает от алхимиков и адептов натуральной магии ясное сознание того, что любая практика может быть успешной, если она руководствуется правильной теорией, и связанная с этим ориентация на рациональное и методологически выверенное понимание природных явлений. И, несмотря на подчас пагубную непосредственность его воззрений, мы не можем не оценить того чрезвычайно важного обстоятельства, что Бэкон еще на заре современного естествознания, кажется, предвидел, что его задачей станет не только познание природы, но и отыскание новых, не реализованных самой природой возможностей.

Вместе с тем в этом бэконовском постулате об ограниченном количестве форм, можно усмотреть намечку очень важного принципа индуктивного исследования, в том или ином виде предполагаемого и в последующих теориях индукции. По существу примыкая в этом пункте к Бэкону, сформулирует свои «Правила умозаключений в физике» И. Ньютон:

«Правило I. Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений.»

По этому поводу философы утверждают, что природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей.

Правило II. Поэтому, поскольку возможно, должно приписывать те же причины того же рода проявлениям природы.»

Так, например, дыханию людей и животных, падению

камней в Европе и в Африке, свету кухонного очага и Солнца, отражению света на Земле и на планетах»⁵⁷.

Этот принцип молчаливо подразумевает Дж. Ст. Милль, поскольку в каждом конкретном случае применения его индуктивных методов опытного исследования причинной зависимости рассматривается и может рассматриваться лишь ограниченное множество обстоятельств, среди которых ищется причина (или следствие) интересующего нас явления. И уже в наше время Дж. М. Кейнс примет его в качестве одного из фундаментальных постулатов своей индуктивной логики под названием «принцип ограничения независимого разнообразия»: во всем многообразии исследуемых фактов или свойств можно выделить некоторое ограниченное множество независимых конституентов, из комбинаций которых слагаются все свойства этого многообразия.

Итак, бэконовская теория индукции тесно связана с его философской онтологией, с аналитической методологией, с учением о простых природах, или свойствах, и их формах, с концепцией разных видов причинной зависимости. И здесь создатель первого варианта индуктивной логики преподает нам еще один урок, который должен быть особенно поучителен для тех, кто до сих пор придерживается в логике формалистических и номиналистических позиций. Выражаясь современным языком, логика, понимаемая как интерпретированная система, то есть как система с заданной семантикой, всегда имеет какие-то онтологические предпосылки и по существу строится как логическая модель некоторой онтологической структуры. Сам Бэкон еще не делает столь определенного и общего вывода. Но он определенно замечает, что логика должна исходить «не только из природы ума, но и из природы вещей»⁵⁸, и пишет о необходимости «видоизменения способа открытия применительно к качеству и состоянию того предмета, который мы исследуем»⁵⁹. И бэконовский подход, и все последующее развитие логики свидетельствуют, что для существенно различных задач, вообще говоря, требуются и различные

⁵⁷ Собрание трудов академика А. Н. Крылова, т. VII. М. — Л., 1936, стр. 502.

⁵⁸ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 502.

⁵⁹ Там же, стр. 455.

логические модели, что это справедливо как для дедуктивных, так и для индуктивных логик. Поэтому при условии достаточно конкретного и деликатного анализа мы будем иметь не одну, а множество систем индуктивных логик, каждая из которых выступает специфической логической моделью определенного рода онтологической структуры.

Как метод продуктивного открытия индукция должна работать по строго определенным правилам, как бы по некоторому алгоритму, не зависящему в своем применении от различий индивидуальных способностей исследователей, «почти уравнивая дарования и мало что оставляя их превосходству»⁶⁰. Так, циркуль и линейка при начертании окружностей и прямых линий нивелируют остроту глаза и твердость руки. В другом месте, регламентируя познание «лестницей» строго последовательных индуктивных обобщений, Бэкон даже прибегает к такому образу: «Разуму надо придать не крылья, а скорее свинец и тяжесть, чтобы они сдерживали всякий прыжок и полет»⁶¹. Это очень точное метафорическое выражение одного из основных методологических принципов научного познания. Определенная регламентация всегда отличает научное знание от обыденного, как правило недостаточно ясного и точного и не подлежащего методологически выверенному самоконтролю. Такая регламентация проявляется, например, в том, что любой экспериментальный результат в науке принимается как факт, если он повторяем, если в руках всех исследователей он один и тот же, что в свою очередь предполагает стандартизацию условий его осуществления; она проявляется также и в том, что объяснение должно удовлетворять условиям принципиальной проверяемости и обладать предсказательной силой, а все рассуждение строится по законам и нормам логики.

Саму эту мысль рассматривать индукцию как систематическую процедуру исследования и попытку сформулировать ее точные правила, конечно, нельзя недооценивать. Однако предложенная Бэконом схема не гарантирует определенности и достоверности получаемого результата, поскольку не дает уверенности, что процесс

⁶⁰ Там же, стр. 454.

⁶¹ Там же, стр. 450.

исключения доведен до конца. Сам Бэкон надеялся обрести эту уверенность на пути создания исчерпывающего и точного списка всех «простых природ». Это было бы бесперспективной и метафизической затеей. Реальной коррективой к его методологии было бы более внимательное отношение к гипотетическому элементу при осуществлении индуктивного обобщения, всегда имеющему здесь место хотя бы в фиксировании исходных для выбраковки возможностей. Любопытно, что три столетия спустя в самой индуктивной логике произойдет характерное изменение в анализе — проблема индукции «дедуктивизируется» и на первый план в ней выдвинется задача подтверждения (верификации или фальсификации) гипотез.

В пылу своей критики умозрительных абстракций и спекулятивных дедукций перипатетиков Бэкон недооценил и роль гипотез, и возможности гипотетико-дедуктивного метода в науке. А этому методу, состоящему в том, что выдвигаются определенные постулаты или гипотезы, из которых затем выводятся следствия, проверяемые на опыте, следовал не только Архимед, но и Стевин, Галилей и Декарт — современники Бэкона, заложившие основы нового естествознания. Опыт, которому не предшествуют какая-то теоретическая идея и следствия из нее, просто не существует в естествознании. По-видимому, с этим просчетом Бэкона связан и его взгляд на значение и роль математики. Бэкон предвидит, что, по мере того как физика будет наращивать свои достижения и открывать новые законы, она будет все более нуждаться в математике. Однако математику он рассматривал преимущественно как способ завершающего оформления естественной философии, а не как один из источников ее понятий и принципов, не как творческое начало и аппарат в открытии законов природы. Бэкон был далек от мысли Галилея, что книга природы написана языком математики и понять ее может лишь тот, кто научился понимать этот язык. Метод математического моделирования естественных процессов он был склонен оценивать даже как Идол Рода человеческого, и именно это, по-видимому, помешало ему принять теорию Коперника и открытия Кеплера. Между тем математические схемы в сущности есть сокращенные записи обобщенного физического эксперимента, моделирующие исследуемые

процессы с точностью, позволяющей предсказывать результаты будущих опытов. Соотношение того и другого (эксперимента и математики) для различных отраслей науки, вообще говоря, различно и зависит от развития как экспериментальных возможностей, так и имеющейся в нашем распоряжении математической техники. И надо сказать, что во времена Бэкона экспериментальная физика уже заговорила языком математической дедукции, приобретающей значение логической основы науки.

Привести философскую онтологию в соответствие с этим методом нового естествознания выпало на долю ученика Бэкона и «систематика» его материализма Томаса Гоббса. И если Бэкон в естествознании уже пренебрегает конечными, целевыми причинами, которые, по его словам, подобно деве, посвятившей себя богу, бесплодны и не могут ничего родить, то Гоббс отказывается и от бэконовских «форм», придавая значение лишь материальным и действующим причинам. Программа исследования и построения картины природы по схеме «формы — сущности» уступает место программе исследования по схеме «причинности». Соответствующим образом меняется и общий характер мировоззрения. «В своем дальнейшем развитии материализм становится *односторонним*... — писал К. Маркс. — Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*. *Физическое* движение приносится в жертву *механическому* или *математическому* движению; *геометрия* провозглашается главной наукой»⁶². Так идейно было подготовлено главное научное произведение века — «Математические начала натуральной философии» Исаака Ньютона, блестяще воплотившее в себе эти два, казалось бы, полярных подхода — строгий эксперимент и математическую дедукцию.

Мы не будем ставить в вину Фрэнсису Бэкону, что от его первоначально грандиозного замысла, от претендующей на универсальность методологической концепции последующими поколениями была воспринята лишь общая идея и, быть может, некоторые технические частности. Подобными метаморфозами наполнена и история конкретных наук, что несколько не исключает того, что

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 143.

эти первоначальные концепции фактически и исторически образуют те леса, с помощью которых возводится величественное и основательное здание научного знания. Бэконовская индукция оказалась недостаточным, можно даже сказать упрощенным, решением сложнейшей проблемы научно-теоретического обобщения эмпирического материала, той проблемы, которая, как мы теперь склонны считать, вообще не имеет своего единственного и универсального способа решения. Но вместе с тем бэконовская индукция содержит в себе в каком-то приближении, в модели те простые качественные схемы экспериментального установления зависимости (или независимости) между явлениями, которые впоследствии были специально выделены Гершелем и Миллем и названы методами сходства, различия и сопутствующих изменений. Эти схемы нетрудно обнаружить и сегодня в реализации многих экспериментальных исследований. И в этом смысле Фрэнсис Бэкон также может быть назван одним из родоначальников современной экспериментирующей науки. Но еще важнее, пожалуй, то, что пионер естественнонаучной методологии не относился к своему учению как к истине в последней инстанции. Он прямо и откровенно ставил его лицом к лицу с будущим. «Я не утверждаю, однако, что к этому ничего нельзя прибавить, — писал Бэкон. — Наоборот, рассматривая ум не только в его собственных способностях, но и в его связи с вещами, следует признать, что искусство открытия может делать успехи вместе с успехами самих открытий»⁶³.

5. Моралист, политик, писатель

Антиклерикальная Реформация в Англии привела к значительным изменениям в религиозном сознании. В свой поздний Ренессанс страна вступила фактически без господствующей религии. К концу XVI столетия на это не могли претендовать ни официально насаждаемое англиканство, ни подорванное Реформацией католичество, ни многочисленные преследуемые секты протестантов и пуритан. Попытки короны приобщить страну к «единой религии» оставались безуспешны, а сам факт, что дела церкви и религии решала светская власть, способствовал

⁶³ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 457.

тому, что секуляризация захватила и прочие сферы духовной жизни общества. Повсюду слово Священного писания и догму церкви теснил авторитет Человеческого разума, здравого смысла и интереса. Фрэнсис Бэкон, пионер разработки «естественной» философии, был и одним из тех, кто положил в Англии начало концепции «естественной» морали, построению этики хотя и сопричастной теологии, но в основном без помощи религиозных представлений, исходя из рационально понятых посторонних жизненных устремлений и аффектов человеческой личности. Бэкон по-своему делал в Англии то же самое, что несколько раньше во Франции — Монтень и Шаррон.

Не уподобляясь тем, кто, желая научить искусству письма, лишь демонстрирует его образцы, не объясняя, как надо выписывать буквы, Бэкон мало интересовался впечатляющими описаниями высоких и достойных подражания образцов Добродетели, анализом их видов, частей и отношений. Еще менее он интересовался рассуждениями о том, существуют ли добродетели в человеке от природы, или же они в нем воспитываются, преодолимо ли различие между благородными и низкими душами и т. п. Вслед за Платоном античные и христианские авторы все это не раз изображали и обсуждали до него. Он ставил перед собой другую задачу: обратившись к примерам реальной, даже обыденной жизни, попытаться разобраться в путях, средствах и стимулах того человеческого волеизъявления, которое подлежит той или иной моральной оценке.

Определяя источники нравственности, Бэкон решительно утверждал примат и величие общего блага перед индивидуальным, деятельной жизни перед созерцательной, общественного престижа перед личным удовлетворением. Такая позиция позволяла ему подвести под общий знаменатель и под удар своей критики все те нравственные ценности, вокруг которых кристаллизовались этические теории древних киренаиков, эпикурейцев, скептиков и стоиков. Ведь как бы ни украшали личную жизнь человека бесстрастная созерцательность, душевная безмятежность, самоудовлетворенность или же стремление к индивидуальному наслаждению, они не выдерживают критики, если только подойти к этой жизни с точки зрения критериев ее общественного предназначения.

И тогда окажется, что все эти «гармонизирующие душу» блага есть не более чем средства малодушного бегства от жизни с ее треволнениями, искушениями и антагонизмами и что они никак не могут служить основой для того подлинного душевного здоровья, активности и мужества, которые позволяют противостоять ударам судьбы, преодолевать жизненные трудности и, исполняя свой долг, полноценно и общественно значимо действовать в этом мире.

Солидаризуясь с христианским тезисом о первостепенном значении общего блага, Бэкон вместе с тем не очень-то хотел быть связанным со всем грузом его теологического содержания. Он стремился строить этику, столь же ориентированную на человеческую природу, как и на нормы моральных аксиом, которая и «в своих собственных границах могла содержать немало разумного и полезного»⁶⁴, и хотел прочесть этот тезис в ее транскрипции. Но в таком понимании общее благо созидалось волей, умом и расчетом отдельных лиц, общественное благополучие складывалось из совокупного стремления каждого к благополучию, общественное признание получали выдающиеся в том или ином отношении личности. Поэтому наряду с тезисом «общее благо превыше всего» Бэкон защищает и развивает и другой: «человек сам кузнец своего счастья». Надо только уметь разумно определять значение и ценность всех вещей в зависимости от того, насколько они способствуют достижению наших целей — душевного здоровья и сил, богатства, общественного положения и престижа. И о чем бы ни писал Бэкон — об искусстве беседы, манерах и соблюдении приличий, об умении вести дела, о богатстве и расходах, о достижении высокой должности, о любви, дружбе и хитрости, о честолюбии, почестях и известности, он постоянно имел в виду и эту сторону дела и исходил в своих оценках, суждениях и рекомендациях из соответствующих ей критериев.

Быть может, Англия столь же обязана Бэкону так привившемуся в ее литературе жанру эссеистики, как сам Бэкон был обязан им Мишелю Монтеню. Правда и здесь, отдавая дань излюбленным своим древним авторам, Бэкон указывает как источник избранного им жанра на послание Сенеки Луцилию. Однако это не может

⁶⁴ Там же, стр. 394.

вести нас в заблуждение. «Опыты» Бэкона и Монтеня роднит общность жанра, тематики, даже наименования ряда очерков. Заимствовав манеру своих размышлений от Монтеня, Бэкон вместе с тем делает совершенно иные акценты. У Монтеня в центре внимания человек существующий и мыслящий и широкое критическое исследование всех условий его существования. Фокус бэконовского внимания сужен и сосредоточен на человеческом поведении и оценке его с точки зрения достижения определенных результатов. В его размышлениях нет монтеновской самоуглубленности, мягкости, скептицизма, юмора, светлого и независимого восприятия мира, но лишь холодный объективизм и сосредоточенный анализ того, что должно обеспечить человеку его положение и преуспевание.

Вот, например, его эссе «О высокой должности». По теме оно совпадает с монтеновским «О стеснительности высокого положения», но различие чувствуется уже в названиях. Лейтмотив рассуждений Монтеня таков: я предпочитаю занимать в Париже скорее третье, чем первое место, если я и стремлюсь к росту, то не в высоту — я хочу расти в том, что мне доступно, достигая большей решимости, рассудительности, привлекательности и даже богатства. Всеобщий почет, могущество власти подавляют и пугают его. Он готов скорее отступить, чем перепрыгивать через ступень, определенную ему по способностям, ибо всякое естественное состояние есть и самое справедливое, и удобное. Не переоценивая высокого положения, он и не видит в его потере того, что усмотрит здесь Бэкон — не со всякой высоты непременно падаешь, гораздо чаще можно благополучно опуститься.

Внимание Бэкона целиком направлено на выяснение того, как достигнуть высокой должности и как вести себя, чтобы на ней удержаться. Его рассуждения трезвы и практичны. Он, правда, может немного пожаловаться, что власть лишает человека свободы, делает его невольником и государя, и людской молвы, и своего дела. Но это далеко не самое главное, потому что достигнувший власти считает естественным держаться за нее и бывает счастлив, когда пресекает домогательства других. «Нет, люди не в силах уйти на покой, когда хотели бы; не уходят они и тогда, когда следует; уединение всем нестерпимо, даже старости и немощам, которые надо бы укрывать в

тени; так, старики вечно сидят на пороге, хотя и передают этим свои седины на посмеяние»⁶⁵. Потеря высокого положения, падение или закат — для Бэкона ситуация поистине трагическая.

Читая сочинения Фрэнсиса Бэкона, никогда не теряешь ощущения, что они написаны деятелем, с головой погруженным в политические контroversы своего времени, политиком до мозга костей, приобщающим к глубинам государственной мудрости, наставляющим в изощренной стратегии и опыте жизненной борьбы. Бэкон стоял за сильную централизованную власть, подчиняющую себе противоречия различных социальных сил, классов и партий в интересах созидания военного, морского и политического могущества национального государства, и предлагал целую систему мер для ее укрепления. В эссе «Об искусстве повелевать» он советует, как ограничить влияние надменных прелатов, в какой мере подавлять старую феодальную знать, как создать ей противовес в новом дворянстве, порой своевольном, но все же являющемся надежной опорой трона и оплотом против простого народа, какой налоговой политикой поддерживать купечество. В то время как английский король фактически игнорировал парламент, Бэкон, имея в виду опасности деспотизма, рекомендовал его регулярный созыв, видя в парламенте и помощника королевской власти, и посредника между монархом и народом.

Его занимали не только вопросы политической тактики и государственного устройства, но и широкий круг социально-экономических мероприятий, которыми жила тогда Англия, уже прочно встававшая на путь буржуазного развития. Процветание своей страны и благосостояние ее народа Бэкон связывал с поощрением мануфактур и торговых компаний, с основанием колоний и вложением капитала в сельское хозяйство, с сокращением численности непродуцирующих классов населения, с искоренением праздности и обузданием роскоши и расточительства. Как государственный деятель и политический писатель, он отдавал свои симпатии интересам и чаяниям тех преуспевающих слоев, которые ориентировались одновременно на выгоды и торгово-промышленного развития, и

⁶⁵ Фрэнсис Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954, стр. 62.

абсолютизма королевской власти, могущей и защитить от опасных конкурентов, и организовать захват колониальных рынков, и выдать патент на доходную монополию, и оказать любую другую поддержку сверху. Между тем корабль Великобритании уже берет курс на океан бурь социальной революции.

В поздних политических очерках и заметках Бэкона зазвучат мотивы конгенные макиавеллиевским. Знаменитый автор «Князя» оказывал влияние на многих политических писателей и деятелей XVII—XVIII вв., явно или не явно опиравшихся на него в своей защите абсолютизма против носящихся уже в воздухе идей суверенитета народа. В бэконовском эссе «О смутах и мятежах» мы читаем: «Пусть ни один правитель не вздумает судить об опасности недовольства по тому, насколько оно справедливо; ибо это значило бы приписывать народу чрезмерное благоразумие, тогда как он зачастую противится собственному своему благу»⁶⁶. Для предотвращения этой опасности Бэкон предлагает, например, и такое средство: «Искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды»⁶⁷. А вот его рекомендации по борьбе с недовольными. Следует привлекать на свою сторону их лидеров, разделять и раскалывать враждебные правительству группы и партии, стравливать их между собой и создавать в их среде и среди их предводителей взаимное недоверие. Гений Макиавелли поистине водил рукой, писавшей эти строки.

И все же Бэкон не был бы Бэконом, если бы он считал, что нет подлинных и надежных моральных критериев и все измеряется лишь степенью полезности, выгоды и удачи. Его этика была относительной, но она не была утилитаристской. Во всяком случае Бэкон стремился отличить допустимые приемы от недопустимых, к которым, в частности, относил и рекомендуемые Макиавелли, освобождавшим политическую практику от какого-либо суда религии и морали. Какие бы цели ни осуществляли люди,

⁶⁶ Там же, стр. 73.

⁶⁷ Там же, стр. 76.

они действуют в сложном, многогранном мире, в котором есть все цвета палитры, есть и любовь, и добро, и красота, и справедливость и которого никто не имеет права лишать этого его богатства. Ибо «само бытие без нравственного бытия есть проклятие, и, чем значительнее это бытие, тем значительнее это проклятие»⁶⁸. Во всей этой картине непрерывной, не знающей ни минуты покоя, ни единого дня отдыха лихорадочной людской погони за счастьем есть и высшее сдерживающее начало, которое сам Бэкон усматривал в благочестии. Религия как твердый принцип единой веры была для него как бы высшей нравственной связующей силой общества. Это, конечно, «теологическая непоследовательность» Бэкона, но такая, которая предохраняет, по его мнению, картину человеческих взаимоотношений от всепожирающего адского пламени.

Однако в бэконовских «Опытах» помимо отягощающего их относительного морального сознания есть и другое, связанное с глубоким пониманием человеческой психологии и зарисовками с панорамы страстей, чувств, характеров людей и поведения их в различных ситуациях. Этот чисто человеческий компонент изменяется несравнимо медленнее, чем конкретные социальные и политические условия бытия. Поэтому можно согласиться со знатоком и издателем бэконовских сочинений Дж. Спеддингем, который писал, что «Опыты» не разделили судьбу остальных философских работ Бэкона, уже более не говорящих нам того, что они говорили своим современникам.

Во Фрэнсисе Бэконе жило призвание литератора. Он любил слово, его неожиданные возможности и постоянно искал колоритного и точного выражения своей мысли. При этом он часто ссылался на сентенции и тексты древних авторов и в подтверждение своих соображений приводил и толковал примеры из античной истории и мифологии. Но разве это не было признаком хорошего тона для всей литературы Возрождения? Последующим, более изысканным писателям английского Просвещения его стиль покажется искусственным и вымученным. «Стиль Бэкона неловок и груб; его остроумие часто блестящее,

⁶⁸ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 414.

в то же время часто неестественно и надуманно; он представляется первоисточником резких сравнений и вымученных аллегорий», — напишет Давид Юм⁶⁹. Но не будем забывать, что Юм упрекал в грубости и отсутствии утонченности и Вильяма Шекспира. Бэкон любил собирать и приводить разные пословицы и изречения и использовал для этого все подходящие случаи. В одну из книг своего трактата «О достоинстве и приумножении наук» он вставил своеобразное собрание тематически подобранных афоризмов. И стоит обратить внимание, насколько с большим вкусом он это делает, чем многие современные издатели чужой заемной мудрости. Этот метафизик в философии отлично понимал антитезы всех вещей и, приводя крылатые изречения, выстраивал их по фигуре контраста, сопоставляя различные мысли об одном и том же и «за», и «против».

Бэконовские «Опыты» содержат порой довольно тонкий анализ и живое описание целого спектра человеческих проявлений — скрытности и лукавства, любви и зависти, смелости и хитрости, доброты и подозрительности, эгоизма и тщеславия, высокомерия и гнева. Бэкон обсуждает все эти свойства человеческой природы, указывает на их разновидности и градации, приводит примеры, дает оценки и выносит свои заключения. Это еще не художественные описания в собственном смысле слова. Их трезвость исключает поэтику, фрагментарность — подлинную образность, объективизм — проникновенность и эмоциональную напряженность. «Я вовсе не хочу, чтобы в этике все эти характеристики воспринимались как цельные образы людей (как это имеет место в поэтических и исторических сочинениях и в повседневных разговорах), — писал он, — скорее это должны быть какие-то более простые элементы и отдельные черты характеров, смешение и соединение которых создает те или иные образы. Нужно установить, сколько существует таких элементов и черт, что они собой представляют и какие допускают взаимные сочетания»⁷⁰. Тем не менее этот жанр концентрированной морально-психологической эссеистики всегда так или иначе смыкался с литературой

⁶⁹ Давид Юм. Соч., т. 2. М., 1965, стр. 827.

⁷⁰ The Works of Lord Bacon, vol. II. London, MDCCCLXXIX, p. 394.

художественной. «Характеры» Теофраста связаны с поздней греческой драмой. «Характеры» Лабрюйера, по мнению Лессинга, служили источником типажей для комедий Ж.-Ф. Реньяра. Наблюдения Бэкона могут заинтересовать не только как свидетельства нравов его времени и круга. В толковании им одной из соломоновых притч мы обнаруживаем набросок ситуации, поразительно близкой той, которая будет классически разработана Мольером в «Тартюфе». Вот она.

«В каждой семье, где царят раздоры и несогласия, всегда появляется какой-нибудь слуга или бедный друг, приобретающий большое влияние и становящийся арбитром во всех семейных спорах и неурядицах; в результате все семейство и сам глава семьи чувствуют себя обязанными ему. Если этот человек преследует собственные интересы, он может еще сильнее ухудшить положение этой семьи...»⁷¹

На закате своих лет Бэкон начал писать философскую повесть, социальную утопию «Новая Атлантида». В ней он снова, правда в ином жанре, возвращается к основной своей теме — пропаганде научно-технического прогресса, усматривая в нем залог безграничной власти человеческого общества над природой и над самим собой. В своих взглядах канцлер Бэкон не был последником и продолжателем взглядов канцлера Мора. Социалистическая «Утопия» последнего предполагала обобществление собственности и коммунальный уклад жизни, правда оставляя науке и производству их средневековую патриархально-ремесленную организацию. «Новая Атлантида» принадлежит к иной литературной традиции. Ее не отличает ни глубина социальной мысли, ни широта политических горизонтов. «Общественный строй, изображенный в утопии Бэкона, есть лишь идеализация английской абсолютной монархии времен Бэкона. Мы узнаем в нем и королевскую власть, и парламент, и церковь, занимающую важное место в жизни государства, и чиновничество различных степеней и рангов»⁷². Зато здесь рассказывается о таких научно-технических достижениях, в которых, если исключить явно невозможное вроде осуществления

⁷¹ Там же, стр. 400.

⁷² В. Ф. Асмус. Избранные философские труды, т. I. М., 1969, стр. 362.

вечного двигателя, наш современник без труда узнает то, что дала наука и техника лишь XIX—XX вв., или даже то, что они только сегодня пытаются дать.

Строй Бенсалема, утопического острова в Атлантическом океане, который описывается Бэконом, — это законсервировавшееся в своем благополучии классовое общество, процветающая монархия, изолированная от всего мира из опасения «новшеств и влияния чуждых нравов». Правда, изоляция не мешает островитянам различными способами получать информацию из других стран, или, выражаясь современным языком, вести повсюду широкий научно-технический шпионаж. Главный институт Бенсалема — орден «Дом Соломона» — научно-технический центр, мозг страны, и вся жизнь в Бенсалеме, кажется, подчинена интересам его успешного функционирования. По существу вся повесть нужна Бэкону, чтобы изложить проект новой всегосударственной организации науки — идеализированное предвосхищение будущих европейских академий наук, как впоследствии не раз отметят многие ученые. Так, организаторы Лондонского королевского общества Спрат, Бойль и Гленвиль прямо заявляли, что они только выполняли бэконовскую программу. Вместе с тем прерогативу бенсалецкого «Дома Соломона» составляют не только планирование и организация научных исследований и технических изобретений, но и распоряжение производительными силами страны, ее природными ресурсами и производством. Ему принадлежит забота о внедрении в промышленность, сельское хозяйство и быт достижений науки и техники, а также монополия внешних сношений. Его члены — технократическая, элитарная каста, занимающая высшее положение в государстве и не очень-то подчиняющаяся политическим правителям. В этом незаконченном сочинении Бэкона мы можем усмотреть первый набросок и прообраз тех социальных технократических утопий, которые впоследствии составят целую литературную традицию.

А. Л. Мортон в своей книге очерков «От Мэлори до Элиота» заметил, что Бэкона гораздо меньше интересовали общественная проблематика и вопросы морали, чем технический прогресс и наука. Это замечание можно принять лишь с известной оговоркой. Едва ли не половину многотомного собрания сочинений Фрэнсиса Бэкона занимают работы, посвященные политике, праву, истории,

теологии и морали. Точнее было бы сказать, что в своих политических и моральных взглядах он менее ярк и оригинален, чем в собственно философских и общенаучных. Тем не менее написанное им в этой области, по-своему, также показательнo для Бэкона — мыслителя и человека, как и для времени и общества, в котором он жил. И все же оно не только показательный и знаменательный документ времени. Работы Фрэнсиса Бэкона относятся к тем замечательным произведениям истории, знакомство с которыми продолжает обогащать нас и сегодня, поскольку людей вообще обогащает и чему-то научает человеческое идейное прошлое в откровенном и впечатляющем изложении талантливого и умного писателя.

* *
*

Настоящее двухтомное издание «Сочинений» включает основные философские труды, достаточно полно характеризующие Бэкона как мыслителя. Первый том составляет трактат «О достоинстве и приумножении наук». Во второй входят — «Новый Органон», «Опыты и наставления нравственные и политические», «О мудрости древних» и «О началах и истоках». Большинство работ дается в новых переводах с латинского или английского оригиналов, остальные переводы сверены с оригиналами.

А. Л. Субботин

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАУК

ФРАНЦИСК ВЕРУЛАМСКИЙ ¹

ТАК МЫСЛИЛ

И УСТАНОВИЛ ДЛЯ СЕБЯ ТАКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ,
ОЗНАКОМИТЬСЯ С КОТОРЫМИ, ПО ЕГО МНЕНИЮ,
ВАЖНО И НЫНЕ ЖИВУЩИМ И ПОТОМСТВУ

Убедившись в том, что разум человеческий сам себе создает затруднения и не пользуется трезво и здраво находящимися во власти человека истинными средствами помощи, вследствие чего возникает многообразное непонимание вещей, влекущее за собой бесчисленный ущерб, он счел необходимым всеми силами стремиться к тому, чтобы каким-либо способом восстановить в целостности или хотя бы привести к лучшему виду то общение между умом и вещами, которому едва ли уподобится что-либо на земле или по крайней мере что-либо земное. На то же, чтобы укоренившиеся и готовые укорениться навеки заблуждения исправились одно за другим самостоятельно (если предоставить ум самому себе), собственной ли силою разума или благодаря помощи и поддержке диалектики, не было решительно никакой надежды; ибо первые понятия о вещах, которые ум легким и беспечным вкушением извлекает, вбирает в себя и накапливает и от которых проистекают все остальные понятия, порочны и смутны и неправильно отвлечены от вещей, вторичные же и остальные понятия отличаются не меньшим произволом и неустойчивостью; откуда следует, что все человеческое мышление, которым мы пользуемся для исследования природы, дурно составлено и построено и уподобляется некоей великолепной громаде без фундамента. Ибо люди, восхищаясь ложными силами духа и прославляя их, обходят и теряют истинные его силы, каковые могли бы

у него быть (если бы ему была предоставлена должная помощь и сам он покровствовал бы вещам, вместо того чтобы попирать их необузданно). Оставалось только одно: заново обратиться к вещам с лучшими средствами и провозвести Восстановление наук и искусств и всего человеческого знания вообще, утвержденное на должном основании. И хотя этот замысел мог бы показаться чем-то бесконечным и превышающим силы смертных, однако на деле он окажется здравым и трезвым в большей степени, чем то, что делалось доньше. Ибо здесь есть какой-то выход. То же, что ныне делается в науках, есть лишь некое вращение и вечное смятение и движение по кругу. Не скрыто от него, на какое одиночество обрекает этот опыт и как он мало пригоден, чтобы внушить доверие; тем не менее он не счел возможным пренебречь ни делом, ни собою самим и не отказался вступить на тот путь, который один только возможен для человеческого духа. Ибо лучше положить начало тому, что может привести к выходу, чем вечными усилиями и стараниями связывать себя с тем, что никакого выхода не имеет. Пути же размышления близко соответствуют путям деятельности, о которых искони говорится, что один, вначале крутой и трудный, выводит на простор, другой же, на первый взгляд удобный и легкий, ведет к бездорожью и пропастям. И вот, не будучи уверен в том, придет ли когда все это кому-нибудь на ум впоследствии, каковое сомнение в него вселяло то обстоятельство, что он не нашел никого, кто в прошлом обратил бы свой ум к подобным размышлениям, он решил обнародовать первое, к чему удалось прийти. Эта поспешность была вызвана не тщеславием, а заботой о том, чтобы если с ним что случится по бренности человеческой, то все же осталось бы некое начертание и обозначение дела, которое он обнял своим замыслом, и тем самым остался бы некоторый знак его искреннего и доброго стремления ко благу человеческого рода. Всякое же иное притязание он поистине счел недостойным задуманного дела. Ибо дело, о котором идет речь, или вовсе ничтожно, или таково, что подобает довольствоваться самою заслугой и не искать награды вовне.

СВЕТЛЕЙШЕМУ И МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСУДАРЮ
И ГОСПОДИНУ НАШЕМУ

ЯКОВУ

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ВЕЛИКОЙ БРИТАНИИ, ФРАНЦИИ
И ГИБЕРНИИ² КОРОЛЮ, ВЕРЫ ЗАЩИТНИКУ И ПРОЧАЯ

Светлейший и могущественнейший государь, Ваше Величество сможет, пожалуй, обвинить меня в хищении за то, что я хотел бы похитить у Ваших дел столько времени, сколько потребовала бы приносящая Вам книга. Мне нечего возразить, ибо нет возврата времени. Но, может быть, тот ущерб, который понесло время, принадлежащее Вашим делам, будет возмещен памятью Вашего имени и славой Вашего века, если только приносимое имеет какую-нибудь цену. Во всяком случае оно ново, и притом вполне, хотя и списано с весьма старого образца, а именно самого мира и природы вещей и духа. Сам я (признаюсь откровенно) считаю этот труд скорее порождением времени, чем ума. Ибо только одно в нем достойно удивления — что кому-то могли прийти на ум начатки дела и столь сильные сомнения в том, что получило силу. Остальное же следует без труда. Но ведь несомненно имеется нечто случайное (как мы говорим) и как бы произвольное в том, что думают люди, как и в том, что они делают или говорят. Но я хотел бы, чтобы это случайное (о котором я говорю) было понято таким образом, что если в приносимом мною есть нечто хорошее, то это должно быть приписано бесконечному милосердию и благодати божьей и счастливому благоденствию времен Ваших, государя, которому я и при жизни служил с непоколебимым усердием и по смерти, быть может, достигну того, что Ваши времена станут светить потомству новым сим факелом, зажженным во тьме философии. И по заслугам принадлежит это *возрождение и восстановление* наук временам государя мудрейшего и ученнейшего из всех. Остается просьба, не недостойная Вашего Величества и как ничто другое важная для нашего замысла. Она заключается в том, чтобы, во многом уподобляясь Соломону — силою правосудия, мирным правлением, величием сердца, наконец, превосходным разнообразием составленных Вами книг, Вы прибавили к этому, по примеру того же царя, заботу о составлении и завершении

истории естественной и опытной, истинной и строгой (отбросившей филологию), такой, которая была бы пригодна для основания философии, короче, такой, какую мы ее опишем в своем месте; чтобы наконец после стольких веков существования мира философия и науки более не были висящими в воздухе, а опирались на прочные основания разнородного и притом хорошо взвешенного опыта. Я дал *Органон*; материал же нужно искать в самих вещах. Да хранит долго всеблагий всевышний господь Ваше Величество.

*Светлейшего Вашего Величества
раб усерднейший и преданнейший
Франциск Верулам, канцелларий*

ФРАНЦИСКА ВЕРУЛАМСКОГО

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

предисловие ³

О том, что состояние наук неблагоприятно и не показывает их рост, и о том, что необходимо открыть человеческому разуму новую дорогу, совершенно отличную от той, которая была известна нашим предшественникам, и дать ему новые средства помощи, чтобы дух мог пользоваться своими правами на природу

Нам кажется, что люди не знают вполне ни своих богатств, ни своих сил и представляют себе первые большими, а вторые — меньшими, чем они есть в действительности. От этого происходит, что они, придавая непомерную цену унаследованным искусствам, не ищут ничего большего или, слишком низко ставя себя, тратят свои силы на ничтожное, а не испытывают их в том, что важно для существа дела. Поэтому и у наук есть как бы свои роковые пограничные столбы⁴; и проникнуть далее не побуждает людей ни стремление, ни надежда. Но так как преувеличенное представление о своем богатстве является одной из главнейших причин бедности и так как доверие к настоящему заставляет пренебречь истинными средствами помощи для будущего, то уместно и даже прямо необходимо в самом начале нашего труда отвести избыток почета и преклонения от всего того, что найдено до сих пор (оставив при этом в стороне околичности и притворство), и надлежащим увещанием достигнуть того, чтобы люди не преувеличивали и не прославляли изобилие и пользу того, что у них имеется.

В самом деле, если кто внимательно рассмотрит все то разнообразие книг, в которых превозносятся науки и искусства, то повсюду он найдет бесконечные повторения одного и того же, по способу изложения различные, по по содержанию заранее известные, так что все это с первого взгляда представляющееся изобильным после проверки окажется скудным. Что же касается полезности этого, то тут надо сказать открыто, что та мудрость,

которую мы почерпнули преимущественно у греков, представляется каким-то детством науки, обладая той отличительной чертой детей, что она склонна к болтовне, но бессильна и не созрела для того, чтобы рождать. Она плодovита в спорах, но бесплодна в делах, так что настоящее состояние наук живо изображается басней о Сцилле, у которой голова и лицо девы, а у чрес — опоясание из лающих чудовищ. Так и привычные нам науки содержат общие положения, привлекательные и благообразные, но если обратиться к их специальным разделам, как бы производящим частям, чтобы они выдали плоды и дела, то вместо плодов все заканчивается препирательствами и злобным лаем споров. Кроме того, если бы науки этого рода не были совершенно мертвы, то, очевидно, менее всего могло бы произойти то, что наблюдается на протяжении уже многих столетий, а именно, что они остаются почти неподвижными на своем месте и не получают приращений, достойных человеческого рода; так что часто не только утверждение остается утверждением, но и вопрос остается вопросом, и диспуты не разрешают его, а укрепляют и питают. Вся последовательность и преемственность наук являют образ учителя и слушателя, а не изобретателя и того, кто прибавляет к изобретениям нечто выдающееся. В механических же искусствах мы наблюдаем противоположное: они, как бы восприняв какое-то живительное дуновение, с каждым днем возрастают и совершенствуются и, являясь у первых своих творцов по большей части грубыми и как бы тяжело-весными и бесформенными, в дальнейшем приобретают все новые достоинства и какое-то изящество, так что скорее прекратятся и изменятся стремления и желания людей, чем эти искусства дойдут до предела своего совершенствования. Напротив того, философия и умозрительные науки, подобно изваяниям, встречают преклонение и прославление, но не двигаются вперед. Нередко бывает даже так, что они наиболее сильны у своего основоположника, а затем вырождаются. Ибо, после того как люди стали послушными учениками и объединились вокруг мнения кого-либо одного (наподобие «пеших» сенаторов⁵), они не заботятся более о развитии самих наук, а занимаются, как прислужники, тем, что превозносят и сопровождают того или иного автора. Пусть никто не возражает, что науки, понемногу подрастая, дошли нако-

нец до некоторого удовлетворительного состояния и только после этого (как бы завершив положенный путь) в трудах немногих людей обрели надежное место и что раз ничего лучшего изобрести нельзя, то остается возвеличивать и чтить изобретенное ранее. Хорошо было бы, если бы это было так. Но справедливее и вернее, что это пленение наук порождено не чем иным, как самонадеянностью немногих людей и нерадивостью и косностью остальных. Ибо, после того как науки в своих частях были, может быть, прилежно разработаны и развиты, нашелся кое-кто, кто, обладая смелым умом и сумев изящной сжатостью рассуждения списать общее расположение и похвалу, казалось бы, учредил искусства, а на самом деле извратил труды древних. Но это и оказывается обыкновенно желательным для потомства, потому что такой труд легко доступен, а новое исследование скучно и утомительно. Между тем если кто поддается впечатлению от всеобщего и уже укоренившегося согласия — как бы суда времени, — то пусть он знает, что опирается на совершенно обманчивое и шаткое основание. Ведь нам в значительной части неизвестно, что было обнаружено и обнародовано в науках и искусствах различных веков и стран, и еще гораздо менее — какие попытки и тайные замыслы принадлежали отдельным людям. Так остаются вне летописей как своевременные, так и преждевременные плоды. Самое же согласие и его длительность решительно нельзя высоко ценить. Действительно, в то время как существует много различных родов государственного устройства, у наук есть один единственный строй, и он всегда был и останется народоуправством. А наибольшую силу у народа имеют учения, или вызывающие и драчливые, или краснбайские и пустые, то есть такие, которые приобретают сторонников, или запутывая их в сети, или заманивая. Поэтому, несомненно, наиболее одаренные во все времена подвергались насилию: люди, обладавшие незаурядными дарованиями и разумом, все же подчинились суждению современности и толпы, желая возвыситься в ее мнении. Поэтому, если где-либо и появились проблески более возвышенных мыслей, их сразу же изгонял и гасил ветер ходячих мнений; так что время, подобно реке, донесло до нас то, что легко и надуту, и поглотило то, что полновесно и твердо. Ведь даже и те самые авторы,

которые установили некую диктатуру в науках и с такой самоуверенностью высказываются о вещах, время от времени, словно опомнившись, обращаются к сетованиям о тонкости природы, сокровенности истины, темноте вещей, запутанности причин, слабости человеческого ума, проявляя, впрочем, при этом нисколько не больше скромности, так как они предпочитают сослаться на общее положение людей и вещей, чем признаться в собственном бессилии. Мало того, у них стало чуть ли не обязательным все то, чего какое-либо искусство не смогло достигнуть, объявлять невозможным на основании этого самого искусства. Но конечно, искусство не может оказаться осужденным, если оно само ведет суд и разбирательство. И вот их старания направлены к тому, чтобы освободить невежество от бесславия. Что же касается того, что унаследовано и воспринято, то оно примерно таково: в практической части бесплодно, полно нерешенных вопросов; в своем приращении медлительно и вяло; тщится показать совершенство в целом, но дурно заполнено в своих частях; по содержанию угождает толпе и сомнительно для самих авторов, а потому ищет защиты и показной силы во всевозможных ухищрениях. А те, кто решился, отдавшись наукам, сам сделать попытку расширить их пределы, не отважились ни решительно отказаться от воспринятого ранее, ни обратиться к источникам вещей. Они считают, что достигнут чего-то великого, если придадут и добавят хоть что-нибудь свое, благоразумно полагая, что согласнем с чужим они проявляют скромность, а добавлением своего утверждают собственную свободу. Но в заботе о мнениях и приличиях эти хваленые посредственности приносят большой ущерб науке. Едва ли возможно одновременно и преклоняться перед авторами и превзойти их. Здесь перед нами подобие вод, которые не поднимаются выше того уровня, с какого они спустились. Таким образом, эти люди кое-что исправляют, но мало двигают дело вперед и достигают улучшения, но не приращения. Были, впрочем, и такие, которые с большей решимостью сочли для себя все подлежащим пересмотру и, со стремительной пылкостью ума ниспровергая и сокрушая все предшествующее, расчистили доступ для себя и своих мнений; но произведенный ими шум не принес большой пользы, так как они старались не пополнить философию и искусства трудом и делом, а только заменить одни мнения

другими и захватить власть в их царстве, а это, конечно, приносило мало плодов, поскольку противоположным заблуждениям свойственны почти одни и те же причины блужданий. Если же иные, не подчиняясь ни чужим, ни своим собственным мнениям, но, желая содействовать свободе, были одушевлены стремлением побудить других к совместным исканиям, то хотя их рвение было похвально, но в своих попытках они остались бессильны. Ибо они, очевидно, следовали только соображениям вероятности и, увлеченные водоворотом доказательств, подорвали строгость исследования беспорядочной вольностью своих поисков. Никого мы не находим, кто должным образом остановился бы на самих вещах и на опыте. С другой стороны, многие, пустившиеся в плавание по волнам опыта и почти сделавшиеся механиками, все же в самом опыте прибегают к какому-то зыбкому пути исследования и не следуют какому-либо определенному закону. Кроме того, большинство из них поставило перед собой какие-то ничтожные задачи, считая чем-то великим, если им удастся произвести на свет какое-нибудь единственное изобретение — замысел столь же ограниченный, как и неразумный. Ведь никто не может правильно и удачно исследовать природу какой-либо вещи, ограничиваясь самой этой вещью; трудолюбиво видоизменяя свои опыты, он не успокаивается после них, а находит предмет для дальнейших исследований. Но прежде всего нельзя упускать из виду, что любое усердие в опытах всегда с самого начала с преждевременной и неуместной торопливостью устремлялось на какие-нибудь заранее намеченные практические цели; оно искало, хочу я сказать, плодоносных, а не светоносных опытов и не последовало божественному порядку, который в первый день создал только свет и на это уделил полностью один день, не производя в этот день никаких материальных творений, но обратившись к ним лишь в последующие дни. Те же, кто приписал величайшее значение диалектике, надеясь найти в ней самую верную помощь наукам, вполне справедливо и правильно поняли, что человеческий разум, предоставленный самому себе, не заслуживает доверия. Но лекарство оказывается слабее болезни, да и само не свободно от болезни. В самом деле, общепринятая диалектика, будучи вполне применима в гражданских делах и в тех искусствах, которые основаны на речи и мнении, все же далеко не достигает

тонкости природы; и, попытавшись поймать неуловимое, она содействовала скорее укоренению и как бы закреплению ошибок, чем расчистке пути для истины.

Итак, сделаем вывод из сказанного: до сих пор, по видимому, людям не подали счастливого света для наук ни посторонняя помощь, ни собственное старание, тем более что и в доказательствах и в опытах, известных доныне, мало пользы. Знание этого нашего Мира и его строй представляют собою некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобия вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы. Совершать же путь надо при неверном свете чувств, то блистающем, то прячущемся, пробираясь сквозь лес опыта и единичных вещей. К тому же (как мы сказали) вожатые, встречающиеся на этом пути, сами сбиваются с дороги и увеличивают число блужданий и блуждающих. При столь тяжелых обстоятельствах приходится оставить всякую надежду на суждения людей, почерпнутые из их собственных сил, и также на случайную удачу. Ибо, каково бы ни было превосходство сил ума и как бы часто ни повторялся жребий опыта, они не в состоянии победить все это. Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная уже от первых восприятий чувств. Впрочем, это не должно быть понято так, будто столькими столетиями и такими трудами вовсе ничего не достигнуто. Мы отнюдь не досадуем на то, что уже найдено. Несомненно, в том, что зависит от отвлеченного размышления и от силы ума, древние показали себя людьми достойными уважения. Но подобно тому как в прежние века, когда люди в морских плаваниях направляли свой путь только посредством наблюдений звезд, они могли, конечно, обойти берега Старого Света или пересечь некоторые малые и окруженные землями моря; но, прежде чем переплыть океан и открыть области Нового Света, необходимо было узнать употребление мореходной иглы как более верного и надежного вожатого в пути, точно так же все то, что до сих пор найдено в искусствах и науках, — это вещи такого рода, которые могли быть добыты практикой, размышлением, наблюдением, рассуждением, ибо они близки к чувствам и лежат почти под самой поверхностью обычных понятий; но,

прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума.

И вот мы, побежденные вечной любовью к истине, отважились вступить на неизведанный путь среди круч и пустынь и, полагаясь и уповая на божественную помощь, противопоставили наш дух и ожесточению, и как бы боевому строю общераспространенных мнений, и собственным внутренним колебаниям и сомнениям, и затемненности, туманности и повсюду представляющимся ложным образом вещей, чтобы добыть наконец для ныне живущих и для потомства более верные и надежные указания. И если мы в этом достигнем чего-нибудь, то путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа. Действительно, ранее нас все, кто обращался к изобретению искусств, бросив поверхностный взгляд на вещи, примеры и опыт, тотчас же как бы взывали к собственному духу, чтобы он подал им оракул, как будто изобретение — это не что иное, как некое измышление. Мы же, постоянно и добросовестно оставаясь среди вещей, не отвлекаем разум от них далее, чем это необходимо, чтобы могли сойтись изображения и лучи вещей (как это бывает в случае ощущений), вследствие чего немногого остается на долю сил и превосходства ума. И той же смиренности, которую мы проявляем в изобретении, мы следуем и в поучении. Мы не стараемся придать этим нашим изобретениям большой вес триумфами опровержений, взываем к древности, каким-либо использованием авторитета или, наконец, покровом затемненности; хотя найти все это было бы нетрудно тому, кто пытался бы снискать свет для своего имени, а не для душ других. Мы не создали, повторяю, и не готовим никакого насилия и никакой западни для суждений людей, а приводим их к самим вещам и к связям вещей, чтобы они сами видели, что им принять, что отвергнуть, что прибавить от себя и сделать общим достоянием. Если же мы в чем-либо приняли на веру ложное, или задремали и не были достаточно внимательны, или, утомившись в пути, оборвали исследование, — если это и так, все же мы показываем вещи обнаженными и открытыми таким образом, что наши ошибки можно отметить и выделить раньше, чем они проникнут в глубину тела науки, а вместе с тем оказыва-

ется легким и удобным продолжение наших трудов. Таким образом, как мы полагаем, мы навсегда укрепили истинное и законное сочетание способностей опыта и рассудка, коих опрометчивое и злополучное расторжение и разрушение создало общее смятение в семье людей.

Поэтому в начале нашего труда мы возносим к богу-отцу, богу-слову и богу-духу смиреннейшие и пламеннейшие моления о том, чтоб не в нашей власти, — чтобы они, помня о тяготах рода человеческого и о превратностях этой жизни, в коей мы проводим немногие и горькие дни, удостоили подать семье людей через наши руки новый дар своего милосердия. И еще мы коленопреклонно молим о том, чтобы человеческое не оказалось во вред божественному и чтобы открытие путей чувств и яркое возжжение естественного света не породило в наших душах ночь и неверие в божественные таинства, но чтобы, напротив, чистый разум, освобожденный от ложных образов и суетности и все же послушный и вполне преданный божественному откровению, воздал вере то, что вере принадлежит. Наконец, чтобы, отбросив тот влитый в науку змием яд, от коего возносится и преисполняется надменностью дух человеческий, мы не мудрствовали лукаво и не шли далее трезвой меры, но в кротости чтили истину.

Совершив моление, мы обратимся к людям со спасительным увещанием и со справедливым требованием. Прежде всего мы увещаем их — о чем мы и возносили моления — сдерживать чувство в его деятельности, поскольку дело касается божественного. Ибо чувства (подобно солнцу) лик земного шара раскрывают, а небесного свертывают и сокрывают. С другой стороны, пусть они, избегая этого зла, не погрешат противоположной ошибкой, в которую они впадут, если будут думать, что исследование природы в какой-либо части как бы изъято от них запретом. Ведь не то чистое и незапятнанное знание природы, в силу которого Адам дал вещам названия по их свойствам, было началом и причиной падения; тщеславная и притязательная жажда морального знания, судящего о добре и зле, — вот что было причиной и основанием искушения к тому, чтобы человек отпал от бога и сам дал себе законы. О науках же, созерцающих природу, святой философ говорит так: «Слава бога — в том, чтобы скрывать, слава же царя — в том, чтобы открывать», не иначе как если бы божественная природа

забавлялась невинной и дружелюбной игрой детей, которые прячутся, чтобы находить друг друга, и, в своей снисходительности и доброте к людям, избрала себе сотоварищем для этой игры человеческую душу. Наконец, мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка, и никогда через нее ни ангел, ни человек не были в опасности.

Требования же, которые мы предъявляем, таковы. О самих себе мы молчим; но в отношении предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом и были уверены в том, что здесь закладываются основания не какой-либо секты или теории, а пользы и достоинства человеческого. Затем, чтобы они, отбросив предубеждения и пристрастия к каким-либо мнениям, со всей непредвзятостью сообща пеклись о своем преуспевании и, нашей поддержкой и помощью освобожденные и защищенные от блужданий и препятствий в пути, приняли и сами участие в тех трудах, которые еще предстоят. Наконец, чтобы они прониклись доброй надеждой и не представляли в своем уме и воображении наше Восстановление чем-то бесконечным и превышающим силы смертных, тогда как на самом деле оно есть законный конец и предел бесконечного блуждания; оно не забывает и о смертности человеческой, так как совсем не предполагает, что дело может быть завершено на протяжении одного века, но предназначает его потомкам; наконец, оно не ищет высокомерно науки в кельях человеческого ума, а смиренно обращается за ними к великому миру. Но то, что пусто, обыкновенно бывает обширным; твердое же бывает наиболее сжатым и располагается в малом объеме. Наконец, мы считаем нужным (дабы никто не вздумал проявить по отношению к нам несправедливости, опасной для самого дела) потребовать от людей, чтобы они подумали, насколько им позволительно, на основании того, что мы должны с необходимостью утверждать (раз мы хотим быть последовательны), выносить мнение и

суждение о том, что мы предлагаем; ибо мы отвергаем все это мышление, человеческое, незрелое, предвзятое, опрометчиво и слишком торопливо отвлеченное от вещей (поскольку оно касается исследования природы), как вещь непостоянную, беспорядочную и дурно устроенную. Нельзя требовать, чтобы суд совершался тем, что само должно быть судимо.

РОСПИСЬ СОЧИНЕНИЯ

УСТАНОВЛИВАЮТСЯ ШЕСТЬ ЕГО ЧАСТЕЙ

Первая: Разделение наук.

Вторая: Новый Органон, или Указания для истолкования природы.

Третья: Явления мира, или Естественная и экспериментальная история для основания философии.

Четвертая: Лестница разума.

Пятая: Предвестия, или Предварения второй философии.

Шестая: Вторая философия, или Действенная наука.

Содержание каждой из частей

Часть нашей задачи заключается в том, чтобы изложить все ясно и наглядно, насколько это возможно. Ибо нагота духа, как некогда нагота тела, есть спутник невинности и простоты. Итак, раскроем прежде всего строй и план сочинения. Частей его мы устанавливаем шесть. Первая часть⁶ дает очерк или общее описание того знания или той науки, обладанием которыми в настоящее время пользуется человеческий род. Мы сочли нужным несколько задержаться и на том, что нами унаследовано, лишь с той мыслью, чтобы легче достигнуть и усовершенствования старого, и доступа к новому. Ибо почти равное усердие нас влечет и к упорядочению старого и к достижению дальнейшего. К тому же это содействует приобретению доверия, согласно положению: «Не воспринимает невежда слов науки, если не сказать прежде то, что заключено в его сердце». Итак, мы не пренебрежем тем, чтобы совершить плавание вдоль берегов унаследованных наук и искусств и мимоходом внести в них кое-что полезное.

Но при этом мы дадим такое распределение наук, которое обнимет не только то, что уже найдено и извест-

но, но и то, что до сих пор упускалось и только подлежит нахождению. Ведь и в мире разума, как в мире земном, наряду с возделанными областями есть и пустыни. Поэтому не должно казаться странным, если мы иногда отступаем от общепринятых разделений. Ибо всякое добавление, изменяя целое, неизбежно изменяет и части, и их разделы; и унаследованные разделения пригодны только для унаследованной совокупности наук, какова она теперь.

По отношению же к тому, что мы отметим как пропущенное, мы будем поступать таким образом, что предположим нечто большее, чем простые заглавия и краткое содержание нужного: если мы что-нибудь укажем среди пропущенного (лишь бы только оно имело своим содержанием достаточно важный предмет) и оно представится несколько темным, так что мы будем иметь основание опасаться, что людям будет трудно понять, что мы имеем в виду и какова та работа, которую мы намечаем в мыслях, то в этих случаях мы всегда озаботимся присоединить или наставление о том, как должна производиться подобная работа, или часть самой работы, выполненной нами в качестве образчика для всего целого; таким образом, мы в каждом случае поможем или советом, или делом. Притом же мы считаем важным не только для пользы других, но и для нашей доброй славы, чтобы никто не думал, будто нашего ума коснулось лишь некое слабое представление о вещах этого рода и то, чего мы желаем и к чему стремимся, подобно мечтам. Между тем все это таково, что и у людей есть для этого полная возможность (если только они не повредят сами себе), и мы даем некоторый определенный и развернутый план. Ведь мы хотим не измерять эти области умом, как авгуры, чтобы найти в них предзнаменования, но войти в них как вожди, и только в этом видим заслугу.

Такова первая часть сочинения.

Далее, миновав старые искусства, мы подготовим человеческий разум к переправе. Итак, для второй части предназначается учение о лучшем и более совершенном применении разума к исследованию вещей и об истинной помощи разума, чтобы тем возвысился разум (насколько это допускает участь смертных) и обогатился способностью преодолевать трудное и темное в природе. Это

приносимое нами искусство (которое мы обыкновенно называем истолкованием природы) сродни логике и все же чрезвычайно и даже прямо бесконечно от нее отличается. Действительно, ведь и обычная логика заявляет, что она производит и доставляет поддержку и помощь разуму; в этом одном они совпадают. Но резкое различие между ними заключается главным образом в трех вещах: в самой цели, в порядке доказательства и в началах исследования.

В самом деле, перед этой нашей наукой стоит задача нахождения не доказательств, а искусств, и не того, что соответствует основным положениям, а самих этих положений, и не вероятных оснований, а назначений и указаний для практики. Но за различием в устремлениях следует и различие в действиях. Там рассуждениями побеждают и подчиняют себе противника, здесь — делом природу.

Такой цели соответствует также природа и порядок самих доказательств. В обычной логике почти вся работа строится вокруг силлогизма. Об индукции же диалектики, кажется, едва ли и подумали серьезно, ограничиваясь поверхностным упоминанием о ней, чтобы поспешно перейти к формулам рассуждений. Мы же отбрасываем доказательство посредством силлогизмов, потому что оно действует неупорядоченно и упускает из рук природу. Ибо, хотя никто не может сомневаться в том, что содержания, совпадающие со средним термином, совпадают между собой (в этом заключена некая математическая достоверность), тем не менее остается та возможность ошибки, что силлогизм состоит из предложений, предложения из слов, а слова — это символы и знаки понятий. Поэтому если понятия разума (которые составляют как бы душу слов и основу всех такого рода схем и построений) дурно и опрометчиво отвлечены от вещей, смутны и недостаточно определены и очерчены, короче, если они порочны во многих отношениях, то все рушится. Итак, мы отбрасываем силлогизм, и не только применительно к принципам (к которым и другие его не прилагают), но и применительно к средним предложениям, которые силлогизм, правда, так или иначе выводит и порождает, но лишь как бесплодные в работе, удаленные от практики и совершенно непригодные в действенной части науки. Таким образом, хотя мы оставляем за силлогизмом и тому

подобными знаменитыми и прославленными доказатель-
ствами их права в области обыденных искусств и мнений
(ибо здесь мы ничего не затрагиваем), однако по отноше-
нию к природе вещей мы во всем пользуемся индукцией
как для меньших посылок, так и для больших. Индукцию
мы считаем той формой доказательства, которая считает-
ся с данными чувств и настигает природу и устремляется
к практике, почти смешиваясь с нею.

Итак, и самый порядок доказательства оказывается
прямо обратным. До сих пор обычно дело велось таким
образом, что от чувств и частного сразу воспаряли к
наиболее общему, словно к твердой оси, вокруг которой
должны вращаться рассуждения, а оттуда выводилось
все остальное через средние предложения: путь, конечно,
скорый, но крутой и не ведущий к природе, а предрас-
положенный к спорам и приспособленный для них. У нас
же непрерывно и постепенно устанавливаются аксиомы,
чтобы только в последнюю очередь прийти к наиболее
общему; и само это наиболее общее получается не в виде
бессодержательного понятия, а оказывается хорошо опре-
деленным и таким, что природа признает в нем нечто
подлинно ей известное и укорененное в самом сердце
вещей.

Но и в самой форме индукции, и в получаемом через
нее суждении мы замысливаем великие перемены. Ибо та
индукция, о которой говорят диалектики и которая про-
исходит посредством простого перечисления, есть нечто
детское, так как дает шаткие заключения, подвержена
опасности от противоречащего примера, взирает только
на привычное, и не приводит к результату.

Между тем для наук нужна такая форма индукции,
которая производила бы в опыте разделение и отбор и
путем должных исключений и отбрасываний делала бы
необходимые выводы. Но если тот обычный способ сужде-
ния диалектиков был так хлопотлив и утомлял такие
умы, то насколько больше придется трудиться при этом
другом способе, который извлекается из глубин духа, но
также и из недр природы?

Но и здесь еще не конец. Ибо и основания наук мы
полагаем глубже и укрепляем, и начала исследования
берем от больших глубин, чем это делали люди до сих
пор, так как мы подвергаем проверке то, что обычная
логика принимает как бы по чужому поручательству. Ведь

диалектики берут принципы наук как бы взаймы от отдельных наук; далее, они преклоняются перед первыми понятиями ума; наконец, успокаиваются на непосредственных данных хорошо расположенного чувства. Мы же утверждаем, что истинная логика должна войти в области отдельных наук с большей властью, чем та, которая принадлежит их собственным началам, и требовать отчета от самих этих мыслительных начал до тех пор, пока они не окажутся вполне твердыми. Что же касается первых понятий разума, то среди того, что собрал предоставленный самому себе разум, нет ничего такого, что мы не считали бы подозрительным и подлежащим принятию лишь только в том случае, если оно подвергнется новому суду, который и вынесет свой окончательный приговор. Мало того, и данные самих чувств мы подвергаем многообразной проверке. Ибо чувства неизбежно обманывают, однако они же и указывают на свои ошибки; только ошибки близки, а указания на них приходится искать далеко.

Недостаточность чувств двояка: они или отказывают нам в своей помощи, или обманывают нас. Что касается первого, т. е. множества вещей, которые ускользают от чувств, хотя бы и хорошо расположенных и несколько не затрудненных, это происходит либо вследствие тошноты тела, либо вследствие малости его частей, либо вследствие дальности расстояния, либо вследствие замедленности или быстроты движения, либо вследствие привычности предмета; либо по другим причинам. С другой стороны, и тогда, когда чувства охватывают предмет, их восприятия недостаточно надежны. Ибо свидетельство и осведомление чувств всегда покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира; и весьма ошибочно утверждение, что чувство есть мера вещей.

И вот, чтобы помочь этому, мы, в своем усердном и верном служении, отовсюду изыскиваем и собираем пособия для чувств, чтобы его несостоятельности дать замсну, его уклонениям — исправления. И замышляем мы достигнуть этого при помощи не столько орудий, сколько опытов. Ведь тонкость опытов намного превосходит тонкость самих чувств, хотя бы и пользующихся содействием изысканных орудий (мы говорим о тех опытах, которые разумно и в соответствии с правилами придуманы и приспособлены для постижения предмета исследования).

Таким образом, непосредственному восприятию чувств самому по себе мы не придаем много значения, но приводим дело к тому, чтобы чувства судили только об опыте, а опыт о самом предмете. Поэтому мы полагаем, что предстаем бережными покровителями чувств (от которых нужно всего искать в исследовании природы, если только мы не хотим безумствовать), а не малоопытными истолкователями их вещей, так что выходит, что иные лишь неким исповеданием, а мы самим делом чтим и охраняем чувства. Таково то, что мы готовим в качестве светоча, который надо возжечь и внести в природу; и это само по себе было бы достаточно, если бы человеческий разум был ровен и подобен гладкой доске (*tabula abrasa*)⁷. Но так как умы людей настолько загромождены, что совершенно отсутствует гладкая и удобная почва для восприятия подлинных лучей вещей, то возникает необходимость подумать об изыскании средства и против этого.

Идолы же, которыми одержим дух, бывают либо приобретенными, либо врожденными. Приобретенные вселились в умы людей либо из мнений и учений философов, либо из превратных законов доказательств. Врожденные же присущи природе самого разума, который оказывается гораздо более склонным к заблуждениям, чем чувства. Действительно, как бы ни были люди самодовольны, впадая в восхищение и едва ли не преклонение перед человеческим духом, несомненно одно: подобно тому как неровное зеркало изменяет ход лучей от предметов подобно своей собственной форме и сечению, так и разум, подвергаясь воздействию вещей через посредство чувств, при выработке и измышлении своих понятий грешит против верности тем, что сплетает и смешивает с природой вещей свою собственную природу.

При этом первые два рода идолов искоренить трудно, а эти последние вовсе невозможно. Остается только одно: указать их, отметить и изобличить эту враждебную уму силу, чтобы не произошло так, что от уничтожения старых сразу пойдут новые побеги заблуждений в силу недостатков самой природы ума и в конечном итоге заблуждения будут не уничтожены, а умножены, но чтобы, напротив того, было наконец признано и закреплено навсегда, что разум не может судить иначе как только через индукцию в ее законной форме. Итак, наше учение об очищении разума, для того чтобы он был способен к

истине, заключается в трех изобличениях: изобличении философов, изобличении доказательств и изобличении прирожденного человеческого разума. Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносит с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благодати мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной. И свадебное пожелание заключается в том, чтобы от этого сочетания произошли средства помощи для людей и поколение изобретений, которые до некоторой степени смягчат и облегчат нужды и бедствия людей.

Такова вторая часть сочинения.

Но в наши намерения входит не только указать и проложить путь, но и вступить на него. Поэтому третья часть сочинения обнимает явления Мира, т. е. разнообразный опыт, а также естественную историю такого рода, которая могла бы послужить основой для построения философии⁸. Ведь как бы ни был превосходен путь доказательств и способ истолкования природы, он не может, предохраняя и удерживая ум от ошибок и заблуждения, в то же время доставлять и подготавливать ему материал для знания. Но кто ставит перед собой задачу не высказывать предположения и бредить, а открывать и познавать и кто намерен не выдумывать каких-то обезьян мира и басни о мире, а рассматривать и как бы рассекать природу самого этого подлинного мира, тому надо все искать в самих вещах. И никакая мудрость или размышление или доказательство, хотя бы сошлись все силы всех умов, не могут оказаться достаточными, чтобы заменить или возместить этот труд и исследование — это проникновение в мир. Таким образом, или все это должно быть налицо, или надо навсегда отказаться от задуманного дела. Но до нынешнего дня у людей дело обстояло так, что нет ничего удивительного, если природа им не открывалась.

Действительно, во-первых, осведомление самих чувств и недостаточное, и обманчивое; наблюдение, недостаточно тщательное и беспорядочное и как бы случайное; предание, суетное и основанное на молве; практика, рабски устремленная на свое дело; сила опытов, слепая, тупая, смутная и незаконченная; наконец, естественная история,

и легковесная, и скудная — все это давало разуму лишь совершенно порочный материал для философии и наук.

А потом, при совершенно безнадежном положении дела, пытаются найти запоздалое средство помощи в превратной и суетной тонкости рассуждений, но это несколько не улучшает положения и не устраняет заблуждений. Таким образом, вся надежда на больший рост и движение вперед заключена в некоем Восстановлении наук.

Начало его надо почерпнуть в естественной истории; но и сама она должна быть нового рода и состава. Ведь бесполезно было бы полировать зеркало, если бы отсутствовали предметы изображения; и, конечно, необходимо приготовить для разума подходящий материал, а не только дать ему верные средства помощи. Отличается же наша история (как и наша логика) от ныне существующей весьма многим: целью или задачами, самим содержанием и составом, далее, тонкостью, наконец, отбором и расположением, учитывающим дальнейшее.

Действительно, прежде всего мы предлагаем такую естественную историю, которая бы не столько привлекала разнообразием предметов или была бы полезна непосредственными плодами опытов, сколько пролила бы свет на нахождение причин и дала бы питающую грудь вскармливаемой философии. Ибо хотя мы более всего устремляемся к практике и к действенной части наук, однако мы выжидаем время жатвы и не пытаемся пожирать мох и зеленые всходы. Ведь мы хорошо знаем, что правильно найденные аксиомы влекут за собой целые вереницы практических приложений и показывают их не поодиночке, а целой массой. Преждевременную же и ребяческую погоню за немедленным получением залогов новых практических приложений мы решительно осуждаем и отвергаем, как яблоко Аталанты⁹, задерживающее бег. Такова задача нашей естественной истории.

Что же касается содержания, то мы составляем историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоров, земли и моря, минералов, растений, животных, но в гораздо большей степени природы, обузданной и стесненной, когда искусство и занятия человека выводят ее из ее обычного состояния, воздействуют на нее и оформляют ее. Поэтому мы описываем все опыты механических искусств,

действенной части свободных искусств, многих практических приемов, которые не соединились еще в особое искусство, насколько нам удалось все это исследовать и насколько все это содействует нашей цели. Более того, мы (чтобы высказать все о состоянии дела), не обращая внимания на высокомерное пренебрежение людей, уделяем этой части гораздо больше труда и внимания, чем той другой, поскольку природа вещей лучше выражается в состоянии искусственной стесненности, чем в собственной свободе.

При этом мы даем не только историю тел, но сочли, сверх того, необходимым требованием для нашего усердия отдельно составить также историю самих качеств (мы говорим о тех, которые могут считаться как бы основными в природе и на которых явно утверждены начала природы как на первичных претерпеваниях и стремлениях материи, а именно о плотном, разреженном, теплом, холодном, твердом, жидком, тяжелом, легком и многом другом).

Что касается тонкости, мы стараемся изыскать гораздо более тонкий и простой род опытов в сравнении с теми, которые ныне встречаются. Мы выводим из тьмы и обнаруживаем многое, что никому не пришло бы на ум исследовать, если бы он не устремился верным и прямым путем к нахождению причин; ибо сами по себе эти опыты не приносят никакой пользы, так что совершенно ясно, что их ищут не ради них самих, но они имеют такое же значение для вещей и практики, какое имеют для речи и слов буквы алфавита, которые, будучи бесполезны сами по себе, тем не менее составляют элементы всякой речи.

В выборе же опытов и того, что мы рассказываем, мы позаботились о людях, как мы полагаем, лучше, чем те, кто до сих пор занимался естественной историей. Ибо мы принимаем все лишь в случае очевидной или по крайней мере усматриваемой достоверности, с величайшей строгостью; так что мы не приводим ничего прикрашенного с целью вызвать удивление, но все, что мы рассказываем, свободно и очищено от сказок и суетности. Более того, некоторые распространенные и прославленные выдумки (которые вследствие какого-то странного попустительства получили силу и укоренились на протяжении многих веков) мы особо упоминаем и клеймим, что-

бы они больше не вредили наукам. Ибо если сказки, суеверия и выдумки, которыми няньки дурманят детей, серьезно извращают их умы, как это разумно заметил кто-то, то и нас это же соображение заставило приложить старание и даже боязливую заботу, чтобы философия, коей как бы младенчество мы воспитываем в естественной истории, не привыкла с самого начала к какой-либо суетности. При этом для каждого нового и несколько более тонкого опыта, хотя бы (как нам кажется) надежного и заслуживающего доверия, мы все же присоединяем, ничего не скрывая, описание способа, которым мы производили опыт, чтобы люди, узнав, как обосновано каждое из наших положений, видели, какая в чем может скрываться и корениться ошибка, и побуждались к более верным и более изысканным доказательствам (если таковые имеются); наконец, мы повсюду рассыпаем напоминания, оговорки и предупреждения и в своих опасениях прибегаем чуть ли не к заклинаниям, чтобы устранить и отбросить все ложные представления.

Наконец, зная о том, как опыт и история округляют острее человеческого ума, и о том, как трудно (в особенности для умов или слабых, или предубежденных) с самого начала привыкнуть к общению с природой, мы часто присоединяем свои замечания как некие первые обращения и наставления и как бы окна из истории в философию, чтобы в этом был для людей и залог того, что они не всегда будут оставаться в пучинах истории, и чтобы тогда, когда мы дойдем до дела разума, все было более подготовлено. При помощи такого рода естественной истории (какую мы описываем) мы считаем возможным создать надежный и удобный доступ к природе и доставить разуму доброкачественный и хорошо подготовленный материал.

После того как мы и разум укрепили самыми надежными средствами помощи и поддержки и со строжайшим отбором составили правильный строй божественных дел, не остается, казалось бы, ничего иного, как только приступить к самой философии. Однако делу столь трудному и рискованному необходимо еще предпослать кое-что, отчасти для поучения, отчасти ради непосредственных применений.

Первое здесь — это дать примеры исследования и открытия согласно нашему правилу и методу, представлен-

ные на некоторых предметах, избирая преимущественно такие предметы, которые и представляли бы наибольшую важность среди всего, что подлежит исследованию, и были бы наиболее отличны друг от друга, чтобы ни в одной области не отсутствовал пример. Мы говорим не о тех примерах, которые присоединяются для пояснения к каждому предписанию и правилу (ибо такие примеры мы в изобилии дали во второй части сочинения); мы понимаем под ними настоящие типы и образцы, которые должны на известных предметах, и притом разнообразных и значительных, поставить как бы перед глазами все движение мысли и весь непрерывный ход и порядок открытия. Здесь нам приходит на ум, что в математике при наличии механизма (*machina*) доказательство получается легким и наглядным; без этого удобства, напротив, все представляется запутанным и более сложным, чем оно есть на самом деле. Итак, примерам этого рода мы уделяем четвертую часть нашего сочинения, которая в сущности есть не что иное, как обращенное к частному и развернутое применение второй части¹⁰.

Пятая часть применяется только временно, пока не будет завершено остальное, и как бы выплачивается по процентам, пока не окажется возможным получить весь капитал¹¹. Ведь мы не в таком ослеплении устремляемся к нашей цели, чтобы пренебрегать тем полезным, что нам встречается по дороге. Поэтому пятую часть сочинения мы составляем из того, что мы или изобрели, или одобрили, или добавили, притом не на основании правил и предписаний истолкования, а на основании того же применения разума, каким обычно пользуются другие при исследовании и открытии. Ибо хотя благодаря нашему постоянному общению с природой мы ожидаем от наших размышлений большего, чем это позволяли бы нам силы ума, однако то, о чем мы говорим, сможет послужить как разбитая в дороге палатка, в которой ум, устремляясь к более верному, мог бы немного отдохнуть. Однако мы уже теперь подтверждаем, что отнюдь не собираемся держаться того, что найдено или доказано не на основании истинной формы истолкования. Пусть никого не устрашает эта задержка суждения в том учении, которое не утверждает просто, что ничего нельзя знать, а лишь что ничего нельзя узнать иначе как в определенном по-

рядке и определенным методом, устанавливая, однако, при этом в целях облегчения практики известные степени достоверности на то время, пока ум задерживается на объяснении причин. Ведь даже и те школы философов, которые просто утверждали акатаlepsию¹², были не хуже тех, которые позволяли себе свободу суждений; но они не доставили средств помощи чувству и разуму, как это сделали мы, а только отвергли веру и авторитет; а это нечто совсем иное и даже почти противоположное.

Наконец, шестая часть нашего сочинения (которой остальные служили и ради которой существуют) раскрывает и предлагает ту философию, которая выводится и создается из такого рода правильного, чистого и строгого исследования (каковое мы выше показали и наметили). Завершить эту последнюю часть и довести ее до конца — дело, превышающее и наши силы, и наши надежды. Мы дадим ей лишь начало, заслуживающее (как мы надеемся) некоторого внимания, а завершение даст судьба человеческого рода, притом такое, какое, пожалуй, людям, при нынешнем положении вещей и умов, нелегко постигнуть и измерить умом. Ведь речь идет не только о созерцательном благе, но поистине о достоинстве и счастье человеческого и о всяческом могуществе в практике. Ибо человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько охватил в порядке природы делом или размышлением; и свыше этого он не знает и не может. Никакие силы не могут разорвать или раздробить цепь причин; и природа побеждается только подчинением ей. Итак, два человеческих стремления — к знанию и могуществу — поистине совпадают в одном и том же; и неудача в практике более всего происходит от незнания причин.

Таково положение вещей, если кто, не отводя от вещей умственного взора, воспримет их образы такими, каковы они на деле. Да не допустит того бог, чтобы мы выдали за образец мира грезу нашего воображения, но да подаст он в своей благости, чтобы в нашем Писании было откровение и истинное видение следов и отпечатков Творца на его творениях.

Ты, Отец, который изначала дал творению свет видимый и, в завершение твоих дел, вдохнул в облик человека свет разума, соблюди и направь этот труд, который

порожден твоей благостью и взыскует твоей славы. Когда ты обратился, чтобы посмотреть на дело рук твоих, ты увидел, что все хорошо весьма, и опочил. Но человек, обратившись к делу рук своих, увидел, что все суета и томление духа, и опочить не мог. Поэтому если мы в поте лица потрудимся в твоих делах, то ты сделаешь нас причастными твоему видению и твоей субботе. Молим тебя укрепить в нас этот дух и руками нашими и других, кому ты уделишь от этого духа, ниспослать роду человеческому новые подаяния твоего милосердия.

**О ДОСТОИНСТВЕ
И ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК**

КНИГА ПЕРВАЯ

В древнем законе говорилось, великий государь, и о добровольных дарах, и о ежедневных жертвоприношениях. Последние совершались согласно культовому ритуалу, первые порождались благочестивым рвением. Я считаю, что нечто подобное должны получать и государи от своих подданных и, очевидно, каждый должен не только исполнять свой долг перед государем, но и доставлять ему доказательства своей любви. Что касается исполнения долга, то здесь, надеюсь, я буду не из последних. Относительно же второго я долго не мог решить, что было бы здесь наилучшим, и наконец счел за лучшее избрать нечто такое, что относилось бы скорее к выдающимся качествам Вашей личности, чем к делам государства.

Очень часто думая, как я и должен, о Вашем Величестве, я прихожу в величайшее изумление, видя сколь совершенны в Вас (не говоря о других атрибутах Вашей добродетели и счастливой судьбы) те достоинства и способности, которые философы называют интеллектуальными: Ваш ум, способный охватить множество великих вопросов, твердость памяти, живость восприятия, глубина суждения, стройность и в то же время легкость речи. И конечно, всякий раз на ум приходит известное положение Платона о том, что «знание есть не что иное, как припоминание», и что «душа познает все естественным путем, возвращаясь к тому прирожденному свету, который затемняла пещера телесности»¹. Замечательный пример этого лучше других являет Ваше Величество: ум Ваш настолько быстр, что самый незначительный повод, малейшая искра чужой мысли могут зажечь его пламя. И подобно тому как Священное писание о мудрейшем из

царей говорит, что «сердце его было подобно песку морскому»², масса коего огромна, а сами песчинки чрезвычайно малы, так и Вашему Величеству бог дал поистине удивительный ум, способный и охватить все величайшие предметы, и не упустить в то же время мельчайшие детали, а между тем представляется чрезвычайно трудным, если не вообще невозможным, найти в природе такое средство, с помощью которого одинаково доступно было бы и великое, и малое. Что же касается Вашего красноречия, то как подходят к нему слова Корнелия Тацита, сказанные об Августе Цезаре: «Речь Августа была свободной, плавной и истинно достойной первого мужа»³. Действительно, если правильно взглянуть на вещи, то всякая слишком отработанная, слишком отделанная или же подражающая какому-то образцу речь, хотя порой она и может быть великолепной, все же всегда несет в себе что-то рабское и недостойное. Ваша же речь поистине царственна, она течет свободно из своего источника и тем не менее, подчиняясь естественному порядку природы, разделяется на ручьи; она всегда легка и блестяща, и, никому не подражая, она сама неподражаема.

И подобно тому как в Ваших делах, и государственных и личных, добродетель, по-видимому, соперничает с удачей, самые лучшие нравы — со счастливым правлением, Ваши надежды, в свое время терпеливо и благочестиво сдерживаемые, — со счастливым и радостным исполнением их, священная верность супружескому союзу — с благословенным плодом супружества — прекраснейшим наследником, благочестивое и в высшей степени достойное христианского государя стремление к миру — с подобным же стремлением соседних властителей, счастливо и единодушно желающих того же самого, точно так же не меньший спор и соперничество возникают и среди самих дарований Вашего ума, если сопоставить то, что дано Вам в изобилии самой природой, с добытыми упорнейшим учением сокровищами громадной эрудиции и со знанием множества искусств. Поистине нелегко было бы найти за всю историю со времени рождения Христа хоть одного государя, которого можно было бы сравнить с Вашим Величеством по разнообразию и глубине познаний в области наук, как человеческих, так и божественных. Кто вспомнит всех королей и императоров, живших за это время, тот согласится со мной. Ведь кажется, что

короли совершают нечто великое, даже если они из вторых рук знакомятся с кратким изложением научных достижений, или сами какое-то время весьма поверхностно занимаются наукой, или, наконец, любят и выдвигают образованных людей. Но чтобы король, родившийся королем, черпал знания из подлинных источников науки, мало того, сам был источником ее — это почти что настоящее чудо. У Вашего же Величества есть еще и то достоинство, что в одной и той же сокровищнице Вашего ума вмещаются как священные тексты, так и светское знание, так что Вы, подобно трижды великому Гермесу, удостоены тройной славы — могущества государя, просветленности священнослужителя и образованности философа. Таким образом, поскольку Вы намного превосходите остальных правителей славой Вашей учености и эта слава по праву принадлежит одному Вам, то справедливо, если она не только будет вызывать восхищение нынешнего поколения или благодаря свету истории окажется передана потомству, но и будет высечена на каком-то незыблемом сооружении, которое бы указывало на могущество великого государя и в то же время представляло образ государя, столь замечательно ученого.

Поэтому, возвращаясь к моему замыслу, я считаю, не может быть более достойного приношения, чем трактат, преследующий указанную цель. Содержание его будет состоять из двух частей⁴. В первой части (правда, менее весомой, но которой, однако, ни в коем случае не следует пренебрегать) речь будет идти о выдающейся роли знания и наук во всех областях жизни, а также о заслугах тех, кто с большой энергией и настойчивостью прилагает все силы для их развития. Вторая же часть (главная в сочинении) имеет целью рассмотреть то, что в этой области уже достигнуто к настоящему времени, а также и то, что еще, по нашему мнению, следует сделать. И хотя я не осмелился бы выделить какую-то науку и особо рекомендовать ее Вашему Величеству, однако я надеюсь, что мне удастся, представив на Ваше рассмотрение множество разнообразных предметов, заинтересовать Ваш царственный ум и побудить Вас по великодушию Вашему и мудрости уделить все лучшее из собственных сокровищ Вашей души на развитие и расширение пределов искусств и наук.

В самом преддверии первой части для того, чтобы расчистить путь и как бы пригласить к молчанию, дабы можно было лучше услышать свидетельства великого значения наук и дабы нам не мешал глухой ропот возражений, я решил с самого начала защитить науку от тех порицаний и пренебрежения, с которыми против них выступает невежество, проявляющееся в разных видах: то в зависти теологов, то в высокомерии политиков, то, наконец, в заблуждениях и ошибках самих ученых. Я слышу, как первые говорят, что знание относится к тем вещам, которые можно допускать только в небольших дозах и осторожно, что чрезмерное стремление к знанию явилось первородным грехом, который привел к падению человека, и что и теперь в нем остается нечто от змея искушителя, так как, продвигаясь вперед, оно ведет к высокомерию. Они говорят, что «знание делает нас надменными» и Соломон считает, что «нет конца сочинительству книг», а длительное чтение — это «страдание плоти», и в другом месте: «В великой мудрости — великая печаль», а «кто увеличивает знание, тот увеличивает и страдание»; что св. Павел предостерегал: «Да не дадим обмануть себя бесплодной философией»⁵; что, кроме всего прочего, по опыту известно, что главными еретиками были ученейшие люди, а наиболее просвещенные эпохи были склонны к атеизму, и, наконец, что размышление над вторичными причинами подрывает авторитет первопричины.

Поэтому для того, чтобы показать ложность этого положения и ошибочность тех оснований, на которых оно строится, достаточно посмотреть на то, что ясно каждому, — защитники этого положения не понимают, что знание, которое привело к падению человека, не было тем чистым первоначальным естественным знанием, благодаря свету которого человек дал имена животным, приведенным к нему в рай, каждому сообразно его природе, а тем высокомерным стремлением к познанию *добра* и *зла*, с помощью которого он хотел изгнать бога и сам установить себе законы. И уж конечно, наука не обладает такой силой (как бы велика ни была сила ее), которая могла бы наполнить дух человеческий высокомерием, ибо ничто, кроме самого бога и созерцания бога, не может наполнить дух и расширить его. Поэтому Соломон, говоря о двух главных чувствах, воспринимающих мир (зрении и слухе), заявляет: «Глаз не насыщается виденным, ухо —

слышанным»⁶, ибо, если нет наполнения, содержащее больше содержимого. Так же определяет он и само знание, и человеческий разум (для которого чувства служат как бы разведчиками) в тех словах, которыми он заключает свой календарь и ежедневные наставления (ephemerides), указывая время для каждой вещи: «Бог создал все так, что каждая вещь является прекрасной в свое время, и этот самый мир он вложил также в сердце людей, однако человек не может раскрыть от начала и до конца содеянное богом»⁷. Этими словами он довольно ясно дает понять, что бог создал человеческий ум подобным зеркалу, способным отразить всю Вселенную, столь же жаждущим охватить этот мир, как глаз жаждет света, и не только желающим воспринять все разнообразие и чередование времен, но и стремящимся к всестороннему рассмотрению и исследованию неизменных и нерушимых законов и установлений природы. И хотя, по-видимому, он дает понять, что этот высший порядок природы (который он называет «деяние, творимое богом от начала и до конца») не может быть познан человеком, это отнюдь не умаляет способностей человеческого познания, но скорее должно быть отнесено за счет тех препятствий, которые встречаются на пути науки, таких, как краткость человеческой жизни, противоречия и споры научных школ, неверный и ненадежный способ обучения и множество других трудностей, вытекающих из свойств человеческой природы и подстерегающих человеческий род. Ведь в другом месте он достаточно ясно доказывает, что ни одна часть Вселенной не является недоступной для человеческого познания, говоря, что «дух человека подобен божественному светочу», с помощью которого он исследует сокровенные тайны природы. Поэтому если столь велики человеческие возможности (captus), то совершенно очевидно, что количественная сторона знания, как бы велика она ни была, не грозит нам никакой опасностью заносчивости или высокомерия. Такая опасность подстерегает нас только со стороны качественной, ибо как бы мало и незначительно ни было само знание, но если оно существует без своего противоядия, то содержит в себе нечто опасное и злобное, в избытке несущее в себе признаки высокомерия. Таким противоядием или «благовоением», примесь которого сдерживает неумеренные претензии знания и делает его в высшей степени полезным,

является благочестие (*charitas*), на что указывает и апостол, продолжая уже приведенные выше слова: «Знание делает надменным, благочестие же созидает». Созвучны с этим и другие его слова: «Если бы я говорил на всех языках, ангельских и людских, а благочестием не обладал, то я был бы подобен звонкой меди или звенящему кимвалу»⁸. Дело не в том, что говорить на языках ангелов и людей — вещь сама по себе незначительная, а в том, что если такое знание лишено благочестия и не направлено на достижение общего всему человечеству блага, то оно скорее породит пустое тщеславие, чем принесет серьезный, полезный плод. Что же касается мнения Соломона относительно вреда сочинения и чтения книг и тех душевных мучений, которые приносит знание, а также предостережения апостола Павла «не дать себя обольстить пустой философией», то, если правильно истолковать эти места, они великолепно смогут показать истинные пределы, поставленные человеческому знанию, которые, однако, дадут ему полную возможность без всякого ограничения охватить целиком всю природу. Таких пределов существует три. Во-первых, мы не должны видеть счастье только в науке и забывать о том, что мы смертны. Во-вторых, мы должны использовать наше знание так, чтобы оно рождало не беспокойство, а спокойствие души. В-третьих, не нужно считать, что мы можем с помощью созерцания и размышления над природой проникнуть в божественные тайны. Относительно первого ограничения прекрасно сказано у Соломона в другом месте той же книги. Он говорит: «Я достаточно хорошо понимаю, что мудрость настолько же отлична от глупости, насколько свет отличен от тьмы. У мудрого есть глаза, глупец же блуждает во тьме, но я знаю и то, что смерть неизбежна и для того, и для другого»⁹. Что касается второго ограничения, то хорошо известно, что никакое душевное беспокойство или волнение не возникает из самого знания, а является лишь результатом привходящих обстоятельств. Ведь всякое знание и удивление (которое является зерном знания) сами по себе доставляют удовольствие. Когда же из них делаются выводы, которые, если их неправильно применить к нашей практике, рожают либо бессильный страх, либо безудержную страсть, тогда и возникает то страдание и смятение духа, о котором мы здесь говорим,

и тогда знание уже не является больше «сухим светом» (по выражению знаменитого Гераклита Темного, который говорит: «Сухой свет — лучшая душа») ¹⁰, но становится «влажным светом», истощенным «влагой аффектов». Третье ограничение требует несколько более тщательного рассмотрения, и его не следует касаться наспех. Ведь если кто-нибудь надеется получить в результате созерцания чувственных, материальных вещей достаточно света для того, чтобы с его помощью проникнуть в божественную природу и волю, то, конечно же, такой человек «окажется в плену у пустой философии». Дело в том, что созерцание творений дает знание, поскольку оно касается самих этих творений, но по отношению к богу оно может порождать лишь восхищение, которое подобно незаконченному знанию. По этому поводу прекрасно сказал один платоник: «Человеческие чувства подобны солнцу, которое хотя и освещает земной шар, однако скрывает от нас небесный свод и звезды» ¹¹, т. е. чувства раскрывают нам природные явления, божественные же скрывают. Отсюда порой случается так, что некоторые из ученых впадают в ересь, пытаясь на крыльях, скрепленных воском чувственных восприятий, взлететь к божественной мудрости. Тем же, кто заявляет, что излишнее знание склоплет разум к атеизму, незнание же вторичных причин способствует рождению благоговения перед первопричиной, я бы с удовольствием задал знаменитый вопрос Иова: «Следует ли лгать во имя бога и подбавляет ли обманывать ради него, чтобы угодить ему?» ¹² Ведь совершенно ясно, что бог всегда все совершает в природе только через вторичные причины, а если бы кто-нибудь был склонен думать иначе, то это было бы чистойшей клеветой на милость божью и означало бы приносить источнику истины оскверненную ложью жертву. Более того, совершенно определенно доказано и подтверждено опытом, что легкие глотки философии толкают порой к атеизму, более же глубокие возвращают к религии. Ибо на пороге философии, когда человеческому разуму являются лишь вторичные причины как наиболее доступные чувственному восприятию, а сам разум погружается в их изучение и останавливается на них, может незаметно подкрасться забвение первопричины, если же кто-нибудь пойдет дальше и будет наблюдать зависимость причин, их последовательность и связь между собой, а также деяния Провидения,

тот легко поймет, что, говоря словами поэтов — творцов мифов, самое первое кольцо в цепи природы приковано к трону самого Юпитера¹³. Короче говоря, пусть никто, стремясь к славе неверно понятых здравомыслия и умеренности, не считает, что можно весьма преуспеть в книгах как божественного, так и светского содержания с помощью теологии либо философии; напротив, пусть люди дерзают и смело стремятся в бесконечную даль и достигают успеха в той и другой областях, лишь бы это знание порождало благочестие, а не высокомерие, служило для пользы, а не для хвастовства; и еще: пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения — теологию и философию и их источники (latites).

Обратимся теперь к тем возражениям, которые выдвигают против науки политические деятели. Они сводятся к следующему: «Искусства изнеживают людей, делают их неспособными к военному делу и безразличными к воинской славе», они также оказывают вредное влияние и в области политики: одни в результате чтения различных книг становятся слишком любопытными, другие, пытаясь следовать строгим правилам, — слишком упрямыми, третьи, стремясь подражать великим примерам, — слишком надменными, четвертые — слишком экстравагантными в силу необычности или недостижимости избираемых примеров. И вообще науки вредны уже по одному тому, что отвлекают людей от политических и общественных дел, вселяя в них жажду покоя и уединения; кроме того, в делах государственных науки и искусства приводят к ослаблению порядка, гражданской дисциплины; ведь каждый скорее склонен к спорам и рассуждениям, чем к повиновению. Поэтому Катон Цензор¹⁴, один из мудрейших людей, когда римская молодежь отовсюду стекалась к приехавшему в Рим в качестве посла философу Карнеаду, увлеченная сладостью и величием его красноречия, предложил на заседании сената сразу же выслать Карнеада из города, как только тот выполнит свое поручение, дабы он не испортил, не совратил граждан и не побудил их изменить обычаям и нравам отцов. Это же самое заставило Вергилия (всегда ставившего славу родины выше своих симпатий) отделить политические искусства от художественных, предоставив первые

римлянам и оставив вторые грекам, о чем он говорит в своих знаменитых стихах:

Ты же народами править властительно, римлянин, помни
Се — твой будут искусства ¹⁵.

Мы знаем также, что Анит, обвинитель Сократа, поставил ему в вину то, что он силою своих рассуждений в беседах на разные темы подрывал у молодежи авторитет предков, законов и обычаев и уважение к ним и распространял губительное и опасное искусство, с помощью которого любой худшее делал лучшим и силой красноречия разрушал саму истину.

Однако все эти, да и другие такого же сорта обвинения скорее основываются на мнимой убедительности, чем отражают истину. Ведь опыт свидетельствует о том, что одни и те же люди, равно как и одни и те же эпохи, могли прославиться как в военном деле, так и в науках и искусствах. Что касается людей, то здесь примером могут служить два знаменитых полководца, Александр Великий и диктатор Юлий Цезарь, первый — ученик Аристотеля в философии, второй — соперник Цицерона в красноречии. Ну а если кто-нибудь предпочитает увидеть людей образованных, ставших знаменитыми полководцами, а не полководцев, отличавшихся своей замечательной ученостью, то мы можем назвать фиванца Эпаминонда или афинянина Ксенофонта, из которых один первым сокрушил могущество спартанцев, другой же первым проложил путь к низвержению персидской монархии. Но это, если можно так сказать, супружество оружия и наук становится более очевидным, если речь идет о целых эпохах, поскольку век всегда значительнее отдельного человека. Ведь у египтян, ассирийцев, персов, греков и римлян те самые эпохи, которые прославились военными деяниями, не в меньшей степени были знамениты и благодаря наукам; так что в одно и то же время жили и величайшие писатели и философы, и знаменитые вожди и полководцы. Да иначе ведь и быть не может, ибо как в самом человеке телесные и духовные силы зреют почти одновременно (если не считать того, что иногда физическое развитие несколько опережает духовное), так и в государствах военная и научная слава (из которых первая зависит от тела, а вторая от духа) или существуют одновременно, или близко следуют одна за другой.

И конечно, нет ничего менее убедительного, чем утверждение, будто образование скорее мешает политикам, чем помогает. Мы все признаем весьма неосмотрительным верить заботу о здоровье своего тела знахарям, которые обычно расхваливают небольшое число средств, представляющихся им пригодными на все случаи жизни, хотя они не знают ни причин болезней, ни особенностей больного, ни опасных симптомов, ни правильного способа лечения. В равной мере мы считаем, что неверно поступают те, кто для ведения судебных дел и тяжб приглашает стряпчих, имеющих известные практические навыки, но неопытных в теории юриспруденции. Ведь их легко заставить умолкнуть, как только речь пойдет о чем-то новом, что выходит за пределы их привычной практики. И точно так же в высшей степени опасно, да иначе и быть не может, доверять руководство государственными делами необразованным людям. И наоборот, вряд ли можно привести пример неудачного управления государством, во главе которого стояли люди образованные. И хотя политики любят унижать образованных людей, именуя их педантами, однако история, «наставница истины», неоднократно доказывала, что несовершеннолетние правители, несмотря на свой возраст, далеко превосходят взрослых как раз по той самой причине, на которую особенно нападают политики, а именно потому, что государство в это время управляется воспитателями монарха. Кто не знает, что в течение знаменитого Неронова пятилетия бремя правления лежало на воспитателе Сенеке. Да и Гордиан Младший¹⁶ обязан славой десятилетнего правления воспитателю Миситею. Не менее счастливым было правление и Александра Севера¹⁷, пока тот оставался несовершеннолетним и когда всем управляли женщины, но по совету воспитателей. Обратимся теперь к правлению пап, и в частности Пия V и Сикста V, живших уже в наше время и происходивших из монашеских орденов, известных своей неискушенностью в делах практических, и мы обнаружим, что деяния таких пап обычно намного замечательнее, чем деяния тех, кто достиг папского престола, занимаясь гражданскими делами и проводя жизнь при дворах правителей. Ведь хотя те, кто посвятил всю свою жизнь занятиям наукой, менее ловки и искусны в практической деятельности и не умеют воспользоваться удобным случаем и приспособиться к обстоятельствам, т. е.

быть теми, кого итальянцы называют *ragioni di stato*¹⁸ (само имя которых ненавидел Пий V, говоря, что оно истине придумано дурными людьми в противовес религии и нравственным добродетелям). Однако эти недостатки с избытком компенсируются тем, что эти люди легко и свободно идут по спокойному, ясному пути религии, справедливости, честности и нравственной добродетели, а тот, кто твердо идет по этому пути, не нуждается ни в каких других средствах, точно так же как здоровое тело не нуждается в лечении. Кроме того, ведь жизнеописание одного человека не может дать достаточного числа примеров того, как правильно жить даже одному человеку. И как иногда случается, что внук и правнук больше походят на деда или прадеда, чем на отца, точно так же нередко современное положение дел бывает более похоже на то, что было в древности, чем на то, что случилось в недавнем прошлом. Наконец, талант одного человека настолько же уступает всей совокупности знаний, насколько богатства одного человека — государственной казне.

Но если даже признать, что все эти вредные последствия и трудности, которые политики вменяют в вину образованию, соответствуют в чем-то действительности, все же сразу следует напомнить, что образование в каждом из этих случаев приносит больше пользы, чем вреда. Допустим, что образование каким-то образом делает человека нерешительным, создает для него сложности, но оно по крайней мере совершенно ясно указывает, как разрешить эти сомнения, до каких пор следует рассуждать и когда, наконец, решать. Более того, оно указывает, каким образом можно благополучно отложить решение трудных вопросов. Допустим также, что науки делают людей более упрямыми и несговорчивыми, но ведь в то же время они показывают, какие положения строятся на доказательствах, а какие на догадках, и в равной мере учат делать различения и исключения, как и твердо придерживаться канонов и принципов. Допустим, далее, что они вводят в заблуждение и сбивают с толку необычностью или недостижимостью своих примеров, не знаю, но мне достаточно хорошо известно, что науки раскрывают значение обстоятельств, помогают понять ошибки в сравнениях и учат осторожности в применении последних, так что в целом они скорее исправляют людей, чем

портят. И всего этого науки достигают благодаря великой силе и разнообразию примеров. Пусть кто-нибудь задумается над заблуждениями Клементя VII, столь подробно описанными Гвиччардини¹⁹, который был по существу его домочадцем, или над колебаниями Цицерона, о которых совершенно ясно свидетельствуют его собственные письма к Аттику, и он будет стараться вообще избегать непоследовательности и частых изменений принятых решений. Пусть взглянет на ошибки Фокиона, и он станет бояться упрямства; пусть прочтет миф об Иксионе²⁰, и он откажется от чрезмерных надежд и всяких несбыточных и призрачных мечтаний. Пусть всмотрится в пример Катона Младшего²¹, и он никогда не переселится к антиподам и не будет идти наперекор своему веку.

Те же, кто считает, что науки сродни безделью и переполняют душу сладостью покоя и уединения, совершат чудо, если сумеют доказать, что сила, заставляющая разум непрерывно действовать, покровительствует безделью; напротив, можно с полным основанием утверждать, что из всех людей только ученые любят труд ради него самого. Ведь те, кто любит дела и труды ради приносимой ими выгоды, подобны наемным рабочим, любящим работу ради той оплаты, которую они получают за нее. Другие же обращаются к практической деятельности ради почестей, ибо, занимаясь какими-то делами, находятся на виду у людей и таким образом могут ублажать свое самолюбие, которое в ином случае осталось бы неудовлетворенным. Иные делают это ради преимуществ богатства и власти, дающих им возможность вознаградить друзей и отомстить своим врагам. Иные — для того, чтобы иметь известную возможность заниматься тем, что им особенно нравится, и таким образом чаще доставлять себе удовольствие. Наконец, иные — для того, чтобы достичь каких-то других своих целей. Так что, подобно честолюбцам, о которых обычно говорят, что их храбрость — в глазах смотрящих, вся деятельность и энергия этих людей, по-видимому, направлены только на то, чтобы снискать похвалу других или доставить наслаждение самим себе. Одни только ученые получают удовольствие от трудов и научных занятий, как от действий, согласных с природой и не менее полезных для ума, чем физические упражнения для тела, думая о самом деле, а не о той выгоде, которую оно может принести, так что из всех людей

они самые неумолимые, если только дело таково, что захватывает и увлекает их ум. Ну а то, что иной раз находятя некоторые весьма начитанные, но неспособные к практической деятельности люди, то ведь дело здесь вовсе не в самих науках, а в каком-то бессилии и слабости тела и души. На таких указывает Сенека, говоря: «Некоторые до такой степени привыкли к тени, что боятся всего, что находится на свету»²². Может, конечно, случиться, что такого рода люди, сознавая себя талантливыми, посвятят себя науке, но само по себе образование отнюдь не формирует и не создает такие характеры. Если же кто-то тем не менее упрямно придерживается мнения, что науки отнимают слишком много времени, которое можно было бы в ином случае употребить более разумно, то я утверждаю, что нет ни одного столь занятого человека — если это только не совершенно бездарный в деловом отношении или неприлично жадный, без разбору хватающийся за любое дело человек, — который не имел бы определенных промежутков отдыха от своих дел, чтобы восстановить силы для работы. Остается, следовательно, спросить, для чего и каким образом следует использовать эти оставшиеся часы — для занятий науками или для наслаждений, чему подчинить это время — духовным или чувственным устремлениям? Правильно ответил Демосфен Эсхину, человеку, всегда предававшемуся чувственным наслаждениям, на упрек в том, что «его речи пахнут масляной лампой»: «Но, — сказал он, — есть большая разница между тем, что делаю я и что делаешь ты при свете лампы»²³. Поэтому ни в коем случае не следует опасаться, что занятия наукой мешают практической деятельности; наоборот, они удерживают ум от безделья и стремления к удовольствиям, которые в противном случае незаметно охватывают его к ущербу и делам, и науке. Далее, утверждение, будто наука подрывает уважение к законам и власти, есть чистейшая клевета, выдуманная для того, чтобы бесосновательно обвинить науку. Ибо тот, кто предпочитает слепое повиновение сознательному выполнению долга, подобен тому, кто станет утверждать, что слепой, идущий наощупь, ходит увереннее, чем зрячий при ясном свете. Более того, не может быть сомнения, что искусства смягчают нравы, делают людей более деликатными, уступчивыми, как бы подобными воску, и способными повиноваться приказам властей; напротив,

невежество делает их упрямыми, неуступчивыми, мятежными, о чем весьма ясно свидетельствует история, ибо эпохи, особенно необразованные, некультурные, варварские, изобилуют мятежами, восстаниями, переворотами.

Относительно же мнения Катона Цензора достаточно сказать, что он полностью искупил свою вину за поношения, которым он подвергал образование, тем, что на восьмом десятке лет с увлечением, как мальчик, стал изучать греческий язык; отсюда ясно, что его первоначальное суждение о греческой литературе вытекало скорее из его напускной суровости, чем из глубокого внутреннего убеждения. Что же касается стихов Вергилия, то, хотя ему было угодно оскорбить весь мир, приписывая римлянам искусство повелевать, а прочие искусства, как более простые, оставляя другим народам, все же и здесь совершенно очевидно, что римляне никогда не достигали вершины власти, не достигая одновременно и вершин искусств. Ведь современниками двух первых Цезарей, мужей, обладавших огромным опытом управления государством, были самый выдающийся поэт, тот самый знаменитый Вергилий Марон, самый выдающийся историк Тит Ливий, самый выдающийся знаток древностей Марк Варрон, самый выдающийся, или близко к тому, оратор Марк Цицерон — и каждый из них, как всем известно, был первым в своем роде занятий. И наконец, по поводу обвинения Сократа я скажу только следующее: вспомним о том времени, когда оно было выдвинуто, — ведь это было в эпоху Тридцати тиранов, самых жестоких, самых преступных, самых недостойных власти людей; когда же прошло это время и обстоятельства изменились, тот же Сократ (являвшийся в их глазах преступником) был причислен к героям, и потомки осыпают его всеми божескими и человеческими почестями, а его рассуждения, ранее считавшиеся развращающими нравы, у всех последующих поколений снискали славу лучшего лекарства против развращения ума и нравов. И этого, пожалуй, достаточно для того, чтобы ответить политикам, которые с высокомерной жестокостью и фальшивой суровостью осмеливаются клеветать на науку. Впрочем, для нашего времени (не знаю, дойдут ли труды мои до потомства) это опровержение представляется не таким уж необходимым, ибо попечение и благоволение двух образованнейших правителей, королевы Елизаветы и Вашего Величества, по-

добных Кастору и Поллуксу, двум сверкающим звездам²⁴, пробудили у нас в Британии великую любовь и уважение к наукам.

Теперь мы переходим к третьему роду упреков наукам, которые на этот раз обязаны самим же ученым и обычно производят более глубокое по сравнению с остальными впечатление. Эти упреки проистекают либо от положения, либо от особенностей характера, либо от природы занятий самих ученых. Из этих обстоятельств первое не зависит от воли самих ученых, второе не имеет отношения к сущности дела и только третье, собственно, как мне кажется, требует рассмотрения. Но так как речь должна пойти не столько об истинной ценности вещей, сколько о том, что думает о них толпа, то не будет лишним сказать несколько слов и о первых двух обстоятельствах.

Итак, попытки преуменьшить значение наук и как бы развенчать их, вызванные положением ученых, обусловлены или бедностью и нуждой этих людей, или незаметным и уединенным образом их жизни, или недостаточно почетным объектом их научных занятий.

Что касается бедности (а довольно часто случается, что ученые люди бывают неимущи и большей частью незнатного происхождения и не умеют так быстро разбогатеть, как это происходит с тем, кто единственной целью в жизни делает наживу), то было бы разумным поручить здесь произнести похвалу бедности нищенствующим братьям (да простят мне они это), роль которых весьма высоко оценивал Макиавелли, говоря: «Уже давно было бы покончено с господством священников, если бы уважение к монахам не возмещало бы роскошества и излишества епископов»²⁵. В равной мере можно сказать, что богатство и великолепие жизни правителей и знати уже давно могли бы выродиться в варварство и грязный разврат, если бы не эти самые бедняки-ученые, которым правители обязаны развитием культуры и нравственности в жизни. Однако, оставив в стороне все эти похвалы, стоит все же отметить, сколь священной и почитаемой в течение ряда веков считалась у римлян бедность, а это государство отнюдь не увлекалось парадоксами. Ведь Тит Ливий говорит следующее: «Или меня вводит в заблуждения любовь к предпринятому мною делу, или же никогда не существовало ни одного более великого, более

уважаемого, более обильного добрыми примерами государства, в которое бы так поздно проникли жадность и роскошь и где бы так долго сохранялось столь великое уважение к бедности и бережливости»²⁶. Да и после того, как Рим пришел в упадок, мы читаем, например, что, когда диктатор Цезарь высказал намерение восстановить гибнущую республику, кто-то из его друзей заметил: мол, ничто не будет более полезным для его начинания, чем уничтожить любым путем уважение к богатству. «Действительно, — говорил он, — и эти, и все прочие бедствия исчезнут вместе с почитанием богатства, если ни выборные должности, ни все остальное, к чему обычно стремятся люди, не будут доставаться за деньги»²⁷. Наконец, подобно тому как верно сказано, что «румянец — это цвет добродетели», хотя иногда он и свидетельствует о вине, можно с полным правом сказать, что бедность — это судьба добродетели, хотя иной раз она и является результатом роскоши и беспечности. И как верно изречение Соломона: «Кто спешит к богатству, тот не останется честным» — и его наставление: «Купи истину и не продавай ее, равно как знание и мудрость!»²⁸ Этими словами он как бы утверждает, что богатства следует тратить для того, чтобы приобрести знания, а не употреблять знания на то, чтобы приобрести богатства.

Что же следует сказать об уединенной и незаметной жизни, которую ставят в упрек ученым? Только то, что покой и уединение (но без праздности и роскоши) лучше городской суеты и занятости благодаря той безмятежности духа, свободе, достоинству или по крайней мере отсутствию недостойных дел, которые они приносят, — все это тема настолько избитая и всеми повторяемая, что никто не может уже говорить о ней неудачно; ведь, выражая таким образом убеждение всех людей, он вполне заслуживает их всеобщее одобрение и согласие. Я хочу только добавить, что ученые, живущие в государстве уединенно и старательно избегающие быть на виду у людей, подобны изображениям Кассия и Брута, о которых Тацит, говоря о том, что их не несли на похоронах Юнии, хотя здесь же было множество других изображений, замечает: «Они ярко сияли уже от одного того, что их не было видно»²⁹.

Из-за того, что деятельность ученых считается неважной и незначительной, им поручается воспитание детей и юношества, а невнимание, с которым относятся к этому

возрасту, распространяется тем самым и на самих учителей. Но сколь несправедливо это принижение ученых, если только смотреть не с точки зрения толпы, а трезво оценив существо дела, можно понять хотя бы из того, что все стремятся скорее наполнить новый, а не старый сосуд и больше озабочены тем, в какую землю посадить молодое, а не взрослое растение. Отсюда ясно, что прежде всего следует заботиться о начале всякого дела. Если угодно, можно сослаться на слова раввинов: «Юноши ваши узрят видения, а старики будут видеть сны»³⁰. Из этого текста делают вывод, что молодость — это возраст, заслуживающий большего уважения; действительно, насколько яснее откровение осуществляется в видениях, чем в снах. Особенно же важно отметить, что, хотя воспитатели, подобно обезьянам у тиранов, служат как бы для насмешек и уже давно никто не заботится об их надлежащем подборе, все же с глубокой древности, с самых лучших и самых мудрых веков существует недовольство тем, что государства слишком заботятся о законах, к воспитанию же граждан относятся небрежно. Эта важнейшая часть древней науки вновь возродилась некоторое время тому назад в коллегиях иезуитов, и, когда я вижу, с каким упорством и тонкостью они занимаются как обучением, так и нравственным воспитанием, мне вспоминаются знаменитые слова Агесилая о Фарнабазе: «Ты так великолепен, если бы ты был наш!»³¹ Впрочем, об упреках и возражениях, связанных с положением и судьбой ученых, сказано достаточно.

Что же касается особенностей характера и правов ученых, то это вопрос скорее личности ученого, а не его занятий. Вне всякого сомнения, среди ученых бывают как хорошие, так и плохие люди, совершенно так же, впрочем, как и во всех других слоях и группах общества, и это вовсе не означает неправильности утверждения (а именно это говорят порой), что «занятия сказываются на характере»³² и что образование, если оно только не оказывается достоянием уж очень плохих людей, исправляет природу человека и улучшает ее.

Однако, тщательно и беспристрастно оценивая положение, я не могу увидеть ни одного недостатка в науке, вытекающего из нравов образованных людей, если они действительно образованы, если только не ставить им в упрек (в чем обвиняют Демосфена, Цицерона, Катона

Младшего, Сенеку и многих других) то, что, поскольку обычно времена, о которых читают, лучше тех, в которые живут, а примеры, которым учат, лучше того, что совершается в действительности, они слишком часто стараются моральную испорченность исправить примерами нравственности наставников и моральности их учений, а древние строгие нравы внушить развращенным эпохам (к чему, однако, вполне может привести и собственный опыт). Солон же на вопрос о том, дал ли он своим согражданам самые лучшие законы, ответил: «Самые лучшие из тех, которые они сами захотели получить»³³. А Платон, видя, что нравы его сограждан хуже, чем он мог это снести, отказался от всех общественных дел, говоря: «С родиной нужно обращаться так же, как с родителями, т. е. уговаривать, а не подвергать насилию, упрашивать, а не ругать»³⁴. Этого же самого опасается тот, кто советует Цезарю «не призывать вернуться к древним учреждениям, над которыми уже давно смеется развращенный век». И Цицерон упрекает в такой же ошибке Катона Младшего в письме к Атику: «У Катона прекрасный образ мыслей, но он иногда приносит вред государству, он говорит так, будто живет в республике Платона, а не среди этих подонков Ромула»³⁵. Тот же самый Цицерон старается смягчить в своем толковании слишком суровые требования и предписания философов: «Сами эти наставники и учителя, как мне кажется, продвинули пределы обязанностей несколько дальше, чем требует сама природа, ибо хотя в мыслях мы способны достичь крайнего предела, однако останавливаемся там, где следует»³⁶. Но и он мог сказать: «Я сам менее значителен, чем мои предписания»³⁷, так как он споткнулся о тот же камень, хотя и не так сильно.

Другой недостаток такого же рода, который, быть может в какой-то мере заслуженно, ставится в упрек ученым людям, состоит в том, что они собственные интересы и собственную безопасность приносят в жертву интересам и чести своей родины или своих государей. Ведь именно об этом говорил Демосфен афинянам: «Если вы всерьез поразмыслите, то поймете, что советы мои не таковы, чтобы я благодаря им возвысился среди вас, а вы сами стали предметом насмешек для греков; наоборот, весьма часто они самому мне грозят опасностью, для вас же всегда полезно использовать их»³⁸. Точно так же Сенека

уже после знаменитого пятилетнего правления, принесшего вечную славу ученым наставникам, не переставал честно и бесстрашно давать советы своему господину, уже запятнанному всеми пороками и преступлениями, несмотря на ту опасность, которая ему грозила и в конце концов привела его к гибели³⁹. Да иначе и не может быть: ведь наука вооружает человеческий ум истинным пониманием собственной непрочности, неустойчивости и изменчивости счастья, достоинства души и значения собственных обязанностей, а те, кто помнит обо всем этом, ни в коем случае не дадут себя убедить в том, что увеличение собственного благополучия может считаться выше всех благ. Поэтому они и живут таким образом, как будто собираются давать отчет сначала перед богом, а затем уже перед своими господами, т. е. либо перед государями, либо перед государствами, следуя принципу «я принес тебе пользу», а не принципу «я принес себе пользу». А в большинстве своем политические деятели, не воспитанные в духе учения об обязанностях и всеобщем благе, все измеряют собственными интересами, считая себя центром мира, как будто все линии должны сходиться к ним самим и их судьбам, и вовсе не заботятся о корабле государства, даже если его застигла буря, лишь бы им самим удалось спастись на лодке собственного преуспеяния и выгоды. Наоборот, тот, кому известны значение обязанностей и границы себялюбия, будет исполнять свои обязанности, свой долг и не покинет своего поста, хотя бы это и грозило его жизни. Ну а если ученым иной раз удастся остаться невредимыми во время смут и переворотов в государстве, то это нужно отнести не на счет всяческих их ухищрений и изворотливости, а на счет того уважения, которое честность вызывает даже у врагов. Впрочем, что касается твердости веры и уважения к соблюдению долга, которые воспитывает в ученых образование, то, как бы порой судьба ни бичевала их и как бы их ни осуждали на основании своих неразумных принципов политические деятели, они тем не менее вызывают явное одобрение, так что здесь нет никакой необходимости в подробной защитительной речи.

Другой недостаток, свойственный ученым, который, пожалуй, легче извинить, чем отрицать, состоит в том, что они, как правило, с трудом приспособляются и сходятся с теми людьми, с которыми им приходится иметь

дело или жить. Этот недостаток возникает по двум причинам. Первая причина — сама возвышенность их духа, из-за которой им очень трудно снизойти до отдельного человека (даже заметить его). Ведь это слова любящего, а не мудреца: «Каждый из нас друг для друга достаточно интересное зрелище»⁴⁰. Но я все же не отрицаю, что тот, кто не может одинаково хорошо сужать или расширять свои духовные интересы, подобно тому как можно сужать или расширять зрачок глаза, лишен весьма важной способности, необходимой для практической жизни. Вторая же причина — это их честность и простота, что, однако, доказывает в них не столько недостаток способности суждения, сколько избирательность этой способности. Ведь истинные и правомерные пределы внимания к другому человеку не простираются дальше, чем это необходимо для того, чтобы познать его характер, с тем, чтобы можно было обращаться с ним, не оскорбляя этим обращением, помогать ему советом, если нужно, и в то же время во всем обезопасить самих себя; по копать в чужих переживаниях для того, чтобы потом оказывать на человека давление и заставлять его подчиняться чужой воле, — это свойственно людям не очень-то честным, но, напротив, хитрым и двоедушным; и если в дружеских отношениях это позорно, то по отношению к правителям это означало бы также и нарушение долга. Действительно, восточный обычай, по которому считается недопустимым смотреть на царей, хотя внешне и представляется варварским, однако по существу своему очень верен: ведь не подобает подданным с любопытством пытаться проникнуть в мысли своих правителей, которые следуют неисповедимым заповедям Священного писания.

Остается еще один недостаток, весьма часто приписываемый ученым людям, и им я закончу рассмотрение этого вопроса. Речь идет о том, что ученые не всегда заботятся о соблюдении приличий в вещах, по существу незначительных и внешних (выражение лица, жесты, походка, манера разговаривать и т. п.). А на основании этих мелких и несущественных недостатков невежественные люди делают заключение о всей деятельности ученых, затрагивающей вещи гораздо более важные и серьезные. Но подобного рода суждение глубоко ошибочно. Более того, таким людям полезно напомнить относящиеся к ним слова Фемистокла, который, когда его по-

просили сыграть на лире и спеть что-нибудь, ответил хотя и весьма высокомерно, но в высшей степени удачно: «Я хотя и не умею играть на лире, но достаточно хорошо знаю, как маленький город превратить в великое государство»⁴¹. И вне всякого сомнения, существует много людей, прекрасно владеющих наукой политики, которые, однако же, в повседневной жизни и в частных взаимоотношениях более неопытны, чем кто-либо другой. Вообще всем тем, кто порицает ученых с этой точки зрения, следует напомнить о той похвале, которой удостоивает Платон своего учителя Сократа, по его словам весьма напоминающего баночки торговцев лекарствами, на которых снаружи нарисованы обезьяны, совы, сатиры, внутри же содержатся драгоценные жидкости и великолепные лекарства, иными словами, он заявляет, что в нем, в его внешности есть некоторые несерьезные и даже уродливые черты, которые и бросаются прежде всего в глаза толпе и служат предметом сплетен, но глубины его духа заключают в себе величайшие способности и добродетели⁴². Итак, о нравах ученых сказано вполне достаточно.

Между тем хочется напомнить о том, что мы вовсе не стремимся брать под защиту некоторые недостойные и грязные обычаи ученых, которыми они позорят и бесчестят и самих себя, и науку: я имею в виду обычаи, которые были присущи римским философам позднего периода, жившим в семьях богатых римлян, питавшимся с их стола и с полным основанием называемым боролатыми паразитами. Такого рода философа великолепно изобразил Лукиан: знатная матрона пожелала, чтобы этот философ возил в коляске ее мальтийского щенка, и, так как он делал это очень старательно, но не очень достойно (*indecenter*), мальчик со смехом сказал: «Боюсь как бы наш философ из стока не превратился в кишка»⁴³. Но прежде всего ничто не наносит такого вреда достоинству науки, как грубая и отвратительная лесть, на службу которой весьма многие, и не только люди невежественные и неученые, поставили свои перья и таланты, превращая, как говорит Дю Бартас⁴⁴, «Гекубу в Елену, Фаустину в Лукрецию». Мне также не очень нравится принятый теперь обычай посвящать книги какому-нибудь покровителю, ибо книги, особенно те из них, которые достойны этого имени, должны считать себя в услужении лишь у истины и разума. Значительно лучше поступали древние,

которые обычно посвящали свои сочинения только друзьям и сверстникам или даже ставили на них имена этих друзей; ну а если иной раз и посвящали свой труд царям и знатым людям, то это делалось только тогда, когда содержание книги было близко этому лицу. Впрочем, этот обычай и подобные ему заслуживают скорее порицания, чем защиты.

Я не хочу здесь ставить в вину ученым, что они иной раз обращаются к людям могущественным и знатым. Ведь Диоген, отвечая на насмешливый вопрос какого-то человека: «Почему философы идут за богатыми, а не богатые за философами?», правильно и не без язвительности сказал: «Это происходит потому, что философы хорошо знают, в чем они нуждаются, богатые же этого не знают»⁴⁵. Близок к этому известный рассказ об Аристиппе. Дионисий не пожелал выслушать его, когда тот обратился к нему с какой-то просьбой, тогда Аристипп распростерся у его ног, как это делают перед богами в храмах. Дионисий, на этот раз выслушав его, удовлетворил его просьбу. Позднее некий защитник достоинства философии стал порицать Аристиппа за то, что он, бросившись в ноги тирану ради столь малого дела, оскорбил тем самым философию. Аристипп возразил ему, что «это не его вина, а Дионисия, ибо у того уши расположены на ногах»⁴⁶. Не следует считать малодушным и того мудреца, который в каком-то споре с цезарем Адрианом дал себя победить, оправдываясь тем, что «справедливо уступить тому, кто командует тридцатью легионами». Поэтому не следует осуждать ученых, которые, когда требуют обстоятельства, готовы поступиться в чем-то своим достоинством, подчиняясь велению необходимости или случая. И хотя это с первого взгляда может показаться низким и достойным раба, однако если правильнее оценить вещи, то придется признать, что ученые уступили здесь не людям, а самому времени.

Перейдем теперь к тем ошибкам и ненужным рассуждениям, которые встречаются в самих исследованиях ученых. Именно это прежде всего и относится, собственно, к нашему изложению. Мы здесь вовсе не собираемся защищать сами эти заблуждения, но хотим только, рассмотрев их тщательно, выделить то, что является здравым и твердым, и защитить это от клеветы. Ведь известно, что люди завистливые всегда стараются, увидя какую-то

ошибку, очернить вместе с этим и все то, что является правильным и обоснованным. Именно таким образом язычники в ранний период истории церкви всегда приписывали христианам всяческие недостатки и ереси. Я не собираюсь также рассматривать более или менее тщательно те заблуждения и препятствия на пути развития науки, которые касаются существа сложных научных проблем и недоступны пониманию толпы, но хочу упомянуть лишь о тех заблуждениях, которые всем известны или по крайней мере доступны всеобщему пониманию.

Исходя из этого, я хочу разделить на три категории все то бесполезное и ненужное в науке, что главным образом и дает повод для нападков на нее. Мы называем бесполезным то, что является либо ложным, либо вздорным, т. е. то, чему не хватает либо истинности, либо практической целесообразности, и считаем тех людей пустыми и легкомысленными, которые либо готовы верить ложному, либо интересуются вещами пустяжными. Ведь любопытство касается либо самих вещей, либо слов, т. е. речь идет о том, что либо усилия тратятся на ненужные вещи, либо слишком большое внимание уделяется словесной отделке. В связи с этим мне кажется в равной мере будет согласно как с определенным опытом, так и с правильным пониманием положения вещей, если будет установлено три вида извращений, которые дискредитируют науку. Первое — это, если можно так выразиться, «наука фантастическая», второе — «наука сутяжная» и третье — «наука, подкрашенная и изнеженная», или можно сказать так: пустые мечтания, пустые пререкания, пустые аффектации. Я начну с последнего.

Это извращение, суть которого состоит в том, что речь становится слишком пышной (хотя некогда это и весьма ценилось), особенно развилось во времена Лютера. Причина заключалась прежде всего в том, что тогда, для того чтобы увлечь народ и произвести на него впечатление, особенно необходимы были пылкость и выразительность речи на сходках, а это требовало доступного народу красноречия. Кроме того, сказывались ненависть и презрение тех времен к схоластам, прибегавшим к весьма различным стилям и родам речи и произвольно создававшим невиданные и чудовищные слова, мало заботившимся об отделке и изяществе речи, поскольку они думали лишь о том, как бы избежать неясности и точно

выразить смысл своих положений. А в результате в последующий период большинство уже скорее заботилось о словах, чем о самих предметах, и очень многие больше стремились к изяществу выражения, отточенности периода, ритмике окончаний, блеску тропов, нежели к основательности содержания, силе доказательства, тонкости и изобретательности в их нахождении или же точности суждений. Тогда-то и расцвел пышный и расслабленный стиль португальского епископа Озория. Тогда же Штурм без усталости тратил бесконечные усилия на изучение оратора Цицерона и риторика Гермодора. Тогда же Кар и Ашэм у нас в Англии, превознося до неба Цицерона и Демосфена в своих лекциях и сочинениях, увлекли молодежь к этому изящному и процветающему роду науки⁴⁷. А Эразм решил вывести свою насмешливую Эхо: «Десять лет потратил я на чтение Цицерона», а Эхо ответила ему: «Осел»⁴⁸. В это время наука схоластов повсюду стала вызывать только презрение как примитивная и варварская. Одним словом, для тех времен характерны склонность и стремление скорее к разнообразию, чем к основательности.

Таким образом, мы видим первую форму искажения науки в том, что (как мы сказали) уделяют внимание главным образом словам, а не самому делу, и, хотя я привел примеры этого, относящиеся к самому последнему времени, тем не менее в той или иной степени подобного рода пустяки правились и раньше, да и в дальнейшем не потеряют своей привлекательности. Однако само по себе это не может серьезно подорвать авторитет и значение науки даже в глазах необразованной толпы, ибо все видят, что сочинения ученых похожи на первую букву рукописи, которая хотя и разукрашена разными нарисованными завитками и цветочками, однако же остается только одной буквой. Наиболее удачным мне представляется сравнение этого увлечения словом со знаменитым безумством Пигмалиона, которое становится как бы символом этого увлечения⁴⁹. Ведь что такое слова, как не образы вещей, и увлечение ими, если они не одухотворены силой разума, не равнозначно ли любви к статуе?

И все же не следует поспешно осуждать тех, кто пытается раскрыть и осветить темные и труднодоступные глубины философии блеском своего стиля. Великолепные примеры этого дают сочинения Ксенофонта, Цице-

рона, Сенеки, Плутарха, да и самого Платона. Их польза весьма велика. Хотя этот стиль в какой-то мере мешает тщательному исследованию истины и живому стремлению к философии, ибо очень скоро усыпляет разум и ослабляет жажду и пыл дальнейшего исследования, но, если кто-нибудь стремится использовать науку для нужд общественной жизни (для развития искусства речи, умения выступать в общественных местах, убеждать, доказывать и т. п.), тот в изобилии найдет у этих авторов уже готовые прекрасные образцы на любой подобный случай. Однако же излишества в словесном выражении настолько справедливо вызывают осуждение, что, подобно Гераклу, который, увидев статую Адониса, любимца Венеры, в негодование воскликнул: «Здесь нет ничего священного!», и все геркулесовы бойцы в науке, т. е. трудолюбивые и мужественные искатели истины, легко отбрасывают подобные украшения и болтовню, ибо в них нет ничего божественного.

Несколько разумнее другой стиль (хотя и он не вполне свободен от тщеславия), который почти всегда приходит на смену излишествам и пышной вычурности речи. Этот стиль выражается в четких словах, кратких сентенциях, вообще в речи, скорее сжатой, чем распылчатой. В результате все, что пишется в таком стиле, представляется более значительным и умным, чем есть на самом деле. Такой стиль очень широко представлен у Сенеки, несколько умереннее пользуются им Тацит и Плиний Младший, да и для нашего слуха этот стиль с недавнего времени становится привычным. Он обычно нравится людям не слишком умным (и даже придает какое-то достоинство сочинениям), однако люди, более подготовленные и образованные, с полным основанием его порицают, и его также можно считать своего рода извращением науки, ибо и он представляет собой погоню за словами и их благозвучностью. Но уже достаточно сказано о первом виде извращения наук.

Следующий вид извращения (*intemperies*) касается уже самого существа науки. Мы поставили его на второе место и назвали сутяжной утонченностью т. е. излишними ухищрениями в споре. Это извращение несколько серьезнее того, о котором мы только что говорили. Ведь насколько факты важнее словесной отделки, настолько, с другой стороны, опаснее несерьезность в делах, чем

в словах. И в этом отношении знаменитое осуждение науки апостолом Павлом в равной мере может быть отнесено не только к его времени, но и к последующим временам и касается, как мне кажется, не только теологии, но и вообще всей науки: «Избегай невежественной новизны в словах и споров псевдонауки»⁵⁰. В этих словах он называет два признака дурной и ложной науки. Первый — это новизна и необычность терминов, второй — догматизм, который неизбежно порождает возражения, а затем приводит к препирательствам и спорам. Действительно, подобно тому как большинство тел в природе сначала остаются целыми, а затем обычно разлагаются и пожираются червями, здоровое и серьезное познание природы довольно часто загнивает и разлагается, превращаясь в скрупулезные, пустые, нездоровые и (если можно так выразиться) червеподобные (*vermiculatae*) исследования, которые обладают, правда, каким-то движением и признаками жизни, но по существу гнилы и совершенно бесполезны. Этот род научных занятий, лишенный здравого смысла и саморазлагающийся, получил особенное распространение у многих схоластов, располагающих большим количеством свободного времени, наделенных острым умом, но очень мало читавших (ибо их образование было ограничено сочинениями небольшого числа авторов, главным образом Аристотеля, их повелителя, а сами они всю жизнь проводили в монастырских кельях). Почти ничего не зная в области естественной и гражданской истории, они из небольшого количества материи, но с помощью величайшей активности духа, служившего им своего рода ткацким челноком, соткали свою знаменитую, потребовавшую колоссального труда ткань, которую мы находим в их книгах. Ведь человеческий ум, если он направлен на изучение материи (путем созерцания природы вещей — творений бога), действует применительно к этой материи и ею определяется; если же он направлен на самого себя (подобно пауку, плетущему паутину), то он остается неопределенным и хотя и создает какую-то ткань науки, удивительную по тонкости нити и громадности затраченного труда, но ткань эта абсолютно ненужная и бесполезная.

Эта бесполезная утонченность или пытливость бывает двоякого рода — она может относиться либо к самому предмету (таким и являются пустое умозрение или пу-

стые споры, примеров которых можно немало найти и в теологии, и в философии), либо к способу и методу исследования. Метод же схоластов приблизительно таков: сначала по поводу любого положения они выдвигали возражения, а затем отыскивали результаты этих возражений, эти же результаты по большей части представляли собой только расчленение предмета, тогда как древо науки, подобно связке прутьев у известного старика, не составляет из отдельных прутьев, а представляет собой их тесную взаимосвязь. Ведь стройность здания науки, когда отдельные ее части взаимно поддерживают друг друга, является и должна являться истинным и эффективным методом опровержения всех частных возражений. Напротив, если вырывать отдельные аксомы, подобно прутьям из связки, легко можно будет лишать их значения и произвольно изменять или ломать их. И если о Сенеке говорили, что он «словесными топкостями разрушает значение фактов»⁵¹, то это же можно с полным правом отнести к схоластам, сказав, что они «мелочностью вопросов подрывают твердую науку». Разве не разумнее было бы в большом зале зажечь одну большую свечу или люстру со множеством различных светильников, чтобы осветить сразу все пространство, вместо того чтобы обходить каждый уголок с маленькой лампадой в руке? Но как похожа на это деятельность тех, кто не столько стремится раскрыть истину с помощью очевидных доказательств, ссылок на авторитеты, сравнений, примеров, сколько прилагает все усилия лишь к тому, чтобы уничтожить любое, самое малое сомнение, освободиться от самого незначительного заблуждения, разрешить все сомнения, и, порождая таким образом все время вопрос за вопросом, подобно лампаде, в приведенном нами сравнении, освещает лишь одно место, остальное же вокруг оставляет без внимания и ввергает в темноту. Этот род философии очень ярко характеризует миф о Сцилле, у которой лицо и грудь прекрасной девушки, а внизу, как говорят, ее «с лаем чудовища вокруг опоясали»⁵². В общем-то у схоластов можно найти некоторые прекрасно сформулированные и весьма верные открытия, но там, где дело доходит до дистинкций и анализа вместо плодovitого чрева, рождающего полезное и нужное для человечества, обнаруживается лишь чудовищный лай пререканий и бесконечных

вопросов. Поэтому совсем неудивительно, если такого рода наука даже у непросвещенной толпы служит предметом презрения, ибо люди обычно склонны вообще отвергать истину из-за тех споров, которые ведутся вокруг нее, и считают, что все те, кто никогда не может договориться друг с другом, просто заблуждаются. И когда люди видят, как ученые сражаются друг с другом из-за вещей, не имеющих никакого значения, они сразу же вспоминают слова Дионисия, сицилийского тирана: «Это болтовня стариков, которым нечего делать»⁵³. Тем не менее совершенно очевидно, что, если бы схоласты в придачу к неистребимой жажде истины и к неутомимой деятельности своего ума как можно больше читали и изучали природу, они, конечно, стали бы великими учеными и в огромной степени способствовали бы развитию всех искусств и наук. О втором роде искажения науки сказано достаточно.

Что же до третьего искажения, касающегося лжи и заблуждений, то это самое отвратительное из всех, потому что оно разрушает самую природу и душу науки, которая есть не что иное, как образ истины. Ведь истина бытия и истина познания — это одно и то же и отличаются друг от друга не более чем прямой и отраженный лучи. Этот недостаток, таким образом, является двояким по своему характеру или, лучше сказать, раздвоенным — это обман и доверчивость; вторая обманывается, первый обманывает; и, хотя оба этих порока представляются противоположными по своей природе, один исходит от какой-то хитрости, второй — от простодушия, однако же они, как правило, сходятся, ибо, как говорится в стихотворении,

От любопытного прочь убегай, ибо он и болтун ведь⁵⁴.

Эти слова дают понять, что человек любопытный в то же время и пустой человек; тот, кто легко верит, с удовольствием и обманывает. Ведь именно так, как известно, распространяются молва и слухи: тот, кто легко им верит, с равной легкостью их и распространяет. Об этом мудро говорит Тацит в следующих словах: «Измышляют и сами же этому верят»⁵⁵, так близки друг к другу желание обманывать и с легкостью верить.

Эта готовность верить и принимать с легкостью что угодно (подчас подкрепленная ложным авторитетом) бы-

вает двух родов в зависимости от объекта веры; ведь верят либо рассказу или факту (как говорят юристы), либо какой-то догме. В первом случае мы видим, как сильно повредило это заблуждение авторитету некоторых из церковных историй, которые слишком легкомысленно и доверчиво рассказывают о чудесах, совершенных мучениками, монахами-отшельниками и другими святыми, а также их мощами, гробницами, часовнями, иконами и т. п. Точно так же мы видим, что и естественная история включает много несерьезного материала, взятого без всякого отбора и оценки, как об этом ясно свидетельствуют сочинения Плиния, Кардана, Альберта⁵⁶ и большинства арабских авторов, книги которых полны нелепых и фантастических рассказов, не только петочных и малообоснованных, но и заведомо лживых и явно вымышленных, что наносит огромный ущерб авторитету естественной философии в глазах людей строгих и здравомыслящих. И здесь, конечно, нужно воздать должное блестящей мудрости и добросовестности Аристотеля, который, создав свою тщательно обоснованную и документированную историю животных, очень скупно примешивает сказочный материал и вымышленные факты; более того, он даже объединяет в особом небольшом сочинении все «удивительные слухи», которые он счел достойными упоминания, разумно полагая, что бесспорно истинное (которое, составляя прочный базис опыта, могло бы быть положено в основу философии и науки) не должно неразумно смешиваться с вещами не вполне достоверными, а с другой стороны, редкое и необычное, представляющееся большинству невероятным, не должно вообще отбрасываться, ибо не следует отнимать у потомков возможности узнать об этом.

Другой вид легковерия, которое распространяется не на историю или повествование, а на науки и теорию, также двоякого рода, т. е. речь идет о том, что мы слишком доверяем либо самим наукам, либо деятелям этой науки. Самых же наук, опирающихся скорее на фантазию и веру, чем на разум и доказательства, насчитывается три: это — астрология, естественная магия и алхимия. Причем цели этих наук отнюдь не являются неблагодарными. Ведь астрология стремится раскрыть тайны влияния высших сфер на низшие и господства первых над вторыми. Магия ставит своей целью направить есте-

ственную философию от созерцания различных объектов к великим свершениям. Алхимия пытается отделить и извлечь инородные части вещей, скрывающиеся в естественных телах; сами же тела, загрязненные этими примесями, очистить; освободить то, что оказывается связанным, довести до совершенства то, что еще не созрело. Но пути и способы, которые, по их мнению, ведут к этим целям, как в теории этих наук, так и на практике, изобилуют ошибками и всякой чепухой. Поэтому и обучение этим наукам не является, как правило, открытым, но обставлено всяческими сложностями и таинственностью. Алхимики, однако, мы обязаны тем, что можно прекрасно понять из сравнения с басней Эзопа о земледельце, который перед смертью сказал сыновьям, что «он им оставил в винограднике богатый клад золота, но не помнит точно, в каком месте закопал его». Тщательно перекопав заступами весь виноградник, сыновья, правда, не нашли никакого золота, но зато получили на следующий год богатейший урожай винограда, потому что тщательно окопали корни виноградных лоз. Подобно этому неустанные труды и огромные усилия упомянутых химиков, потраченные на создание золота, как бы зажгли факел для множества прекрасных изобретений и экспериментов, весьма полезных как для раскрытия тайн природы, так и для практических нужд человечества.

Та же доверчивость, которая наделила известных авторов своего рода диктаторскими полномочиями и правом издавать законы, а не полномочиями сенаторов, лишь дающих советы, нанесла огромный ущерб науке и явилась, может быть, основной причиной, которая подавила их, лишила жизни, обескровила и отняла возможность какого бы то ни было развития. Именно поэтому случилось так, что в прикладных науках первые изобретатели создали сравнительно мало, а время дополнило остальное, развило и усовершенствовало, в теоретических же науках первые авторы продвинулись очень глубоко, время же большую часть из этого стерло и испортило. Так, мы видим, что артиллерия, кораблестроение, типографское искусство вначале были несовершенными, почти не оформившимися и весьма сложными для тех, кто занимался этими искусствами, с течением же времени они усовершенствовались и сделались более доступными. Напротив, философское учение и научные теории Аристо-

теля, Платона, Демокрита, Гиппократа, Евклида, Архимеда в трудах самих этих авторов были великолепно изложены, но со временем выродились и утратили весьма значительную часть своего блеска. Причиной этого является то, что в прикладных науках в одном деле объедалось множество талантов, в искусствах же и свободных науках таланты многих подчинялись одному, однако, следуя за ним, они чаще искажали его учение, чем раскрывали. Ибо подобно тому, как вода не поднимается выше источника, из которого она вытекает, учение, идущее от Аристотеля, никогда не поднимается выше учения Аристотеля. И поэтому, хотя мы и не отказываемся от правила: «Учащийся должен верить», к нему, однако, следует присоединить другое: «Выучившийся должен руководствоваться собственным мнением». Ведь ученики только временно обязаны верить учителям и воздерживаться от собственного суждения, пока не постигнут до конца науку, но они не должны полностью отречься от свободы и обречь на вечное рабство свой ум. Поэтому, чтобы покончить с этим вопросом, я добавлю только следующее: пусть великим ученым честь воздается таким образом, чтобы не лишать ее самого великого автора, отца истины — Времени.

Итак, мы выявили три искажения или болезни науки; кроме них существуют еще некоторые недомогания, не столько застаревшие болезни, сколько вредные отеки, которые, однако, не настолько скрыты и незаметны, чтобы не быть замеченными многими и не вызывать их порицания. Поэтому мы ни в коем случае не должны обойти их молчанием.

Первое из них — это неумеренное стремление к двум крайностям — к старому и новому, и здесь дети Времени плохо подражают своему отцу. Ведь как Время пожирает потомков своих, так они пожирают друг друга. Старое завидует росту нового, а новое, не довольствуясь тем, что привлекает последние открытия, стремится совершенно уничтожить и отбросить старое. Известный совет пророка должен здесь стать правилом: «Встаньте на древние пути и посмотрите, который из них прямой и правильный, и идите по нему»⁵⁷. Уважение к старому требует, чтобы люди наконец несколько задержались, встали на его основание и стали бы искать вокруг, какая дорога является лучшей; когда же путь будет точно

известен, уже не следует оставаться на месте, а следует, не зная устали, шагать вперед. Действительно, правильно говорится: «Древнее время — молодость мира». И конечно, именно наше время является древним, ибо мир уже состарился, а не то, которое отсчитывается в обратном порядке, начиная от нашего времени⁵⁸.

Другое заблуждение, вытекающее из первого, выражается в некоем сомнении и неверии в то, что теперь можно открыть что-то, без чего мир мог так долго обходиться, как будто времени можно сделать тот же упрек, какой Лукиан делает Юпитеру и остальным языческим богам: удивляясь, почему, родив столько детей, они ни одного из них не родили в его время, он с насмешкой спрашивает, может быть, им уже по семьдесят лет или, может быть, они связаны Паппиевым законом, запрещающим браки стариков?⁵⁹ Так, очевидно, и люди боятся, не стало ли время бесплодным и неспособным к рождению потомства. Мало того, легкомысленные и непостоянные люди лучше всего видны из того, что они, пока какой-то факт не окажется совершившимся, удивляются тому, что это вообще возможно; когда же это все-таки произойдет, снова удивляются тому, как этого не произошло раньше. Так, поход Александра в Азию сначала считался колоссальным и невероятно трудным предприятием, позднее же Ливию этот поход казался столь нетрудным, что он говорил об Александре: «Он всего лишь осмелился пренебречь пустыми слухами»⁶⁰. То же самое выпало на долю Колумба в связи с его плаванием на Запад. В науке же такие вещи случаются значительно чаще, как это можно видеть на примере многих положений Евклида, которые до того, как они доказаны, кажутся удивительными, и с ними не так легко соглашаются, после же доказательства разум путем некоего обратного действия (ретроакции, как говорят юристы) воспринимает их как уже очевидные и познанные.

Еще одно заблуждение, родственное вышеупомянутому, — это ошибка тех, кто считает, что из всех древних учений и течений, если бы их восстановили и сопоставили, всегда сохраняется наилучшее преимущественно перед остальными. Поэтому они воображают, что если кто-нибудь заново начнет исследование и изучение, то он не может не прийти к какому-нибудь из отвергнутых, а затем утерянных и забытых мнений, как будто толпа

или даже ученые, стремящиеся угодить толпе, одобряют и принимают в первую очередь не то, что более доступно и легко, а то, что основательно и имеет глубокие корни. Ведь время подобно реке, которая приносит к нам все легковесное и пустое, плотное же и имеющее вес поглощает своими волнами.

Еще одно заблуждение, отличное от предыдущих, — это преждевременное и самонадеянное превращение тех или иных учений в научные руководства и методы. Такая поспешность по большей части приносит очень мало пользы науке или оказывается совершенно бесполезной для нее. Действительно, ведь точно так же как юноши, когда их тело окончательно сформировалось, уже больше почти не растут, так и наука, пока она существует в афоризмах и наблюдениях, может расти и развиваться, но, как только она оказывается систематизированной и подчиненной определенному методу, она, вероятно, может принимать более изящный и ясный вид или же использоваться для практических нужд людей, но уже не может больше развиваться и расти.

Заблуждение, следующее за тем, которое мы только что отметили, состоит в том, что сразу же после распределения отдельных наук и искусств по их классам большинство отказывается от обобщающего познания всей природы и от первой философии, а это наносит величайший вред развитию науки. Вперед можно смотреть с башен или других возвышенных мест, и невозможно исследовать более отдаленные и скрытые области какой-нибудь науки, стоя на плоской почве той же самой науки и не поднявшись как бы на смотровую башню более высокой науки.

Следующее заблуждение вытекает из чрезмерного почтения и чуть ли не преклонения перед человеческим интеллектом, заставившего людей отойти от изучения природы и научного опыта и витать лишь в тумане собственных размышлений и фантазий. И Гераклит правильно упрекнул этих знакомых всем псевдомыслителей и (если можно так сказать) интеллектуалистов, которые, однако же, слывут обычно за возвышенных и божественных философов: «Люди ищут истину в своих микрокосмах, а не во Вселенной»⁶¹. Ведь они отвергают азбуку природы и не желают, как школьники, учиться на божественных творениях. А если бы они поступали иначе, то может

быть смогли бы шаг за шагом, постепенно переходя от простых букв к слогам, подняться до свободного чтения книги сущего. Они же, напротив, непрерывными усилиями ума настойчиво стремятся вызвать своего гения, дабы он пророчествовал и изрекал оракулы, которым они с удовольствием позволяют себя обманывать.

Следующее заблуждение, близкое к предыдущему, состоит в том, что люди весьма часто пронизывают свои рассуждения и учения некоторыми собственными взглядами и концепциями — теми, которыми они особенно увлечены, или связывают их с предметами, которыми они специально занимаются, и подчиняют все остальное этому своему увлечению, как бы окрашивая им все, хотя это всего лишь весьма обманчивый грим. Так, Платон примешал к своей философии теологию, Аристотель — логику, вторая школа Платона (т. е. Прокл и др.) — математику. Ведь именно эти науки они особенно лелеяли и любили, как своих детей-первенцев. Химики же, опираясь на небольшое число опытов у очага и плавильной печи, выковали новую философию. И наш соотечественник Гильберт⁶² извлек из изучения магнита новое философское учение. Цицерон, разбирая различные мнения о природе души и дойдя до мнения музыкапта, который утверждал, что душа — это гармония, остроумно заметил: «Этот отступил от своего искусства»⁶³. Об этом роде ошибок удачно и умно говорит Аристотель: «Тот, кто обозревает немного, легко выносит суждение»⁶⁴.

Еще одно заблуждение — это неспособность к сомнению и слепая поспешность, заставляющая принимать решение, не обдумав как подобает до конца свое суждение. Ведь два пути размышления ничем не отличаются от двух путей действия, о которых не раз упоминают древние: один, поначалу гладкий и легкий, в конце оказывается непроходимым, второй же, сначала трудный и неровный, если несколько пройти по нему вперед, становится ровным и удобным. Точно так же и в размышлениях: если кто-нибудь отправляется от установленных положений, он приходит под конец к сомнению, если же начинает с сомнений и терпеливо справляется с ними, через какое-то время приходит к правильному выводу.

Аналогичная ошибка проявляется в методе изложения науки, который по большей части является наставительным и поучающим, а не свободным и естественным, ско-

рее требующим от слушателей веры, чем предоставляющим им возможность размышления и оценки. Я, пожалуй, согласен, что в популярных обобщающих книжках, предназначенных для обучения, можно сохранить этот стиль изложения, но в подлинных научных трактатах, по-моему, следует избегать обеих крайностей — и крайности эпикурейца Веллея, ничего так не боявшегося, как показаться в чем-нибудь сомневающимся⁶⁵, и крайности Сократа и академиков, ставивших под сомнение все. Скорее нужно стремиться к ясности, излагая материал с большей или меньшей категоричностью, в зависимости от того, хорошо ли он обоснован и подкреплён доводами.

Другие ошибки заключаются в тех целях, которые люди ставят перед собой и на достижение которых они направляют все свои усилия и труды. Ведь в то время, как наиболее добросовестные корифеи науки, казалось, должны были бы прежде всего стремиться сделать какое-нибудь выдающееся открытие в науке, которой они занимаются, они, наоборот, считают достаточным оставаться только на вторых ролях, добиваясь славы тонкого истолкователя, сильного и энергичного оппонента или опытного популяризатора, т. е. тех ролей, которые, правда, могут увеличить кое-какие доходы и, так сказать, податки науки, но которые никогда не смогут увеличить основного достоинства и владений ее.

Но наиболее серьезная из всех ошибок состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие — ради удовольствия, третьи — чтобы приобрести авторитет, четвертые — чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство — ради материальной выгоды и лишь очень немногие — для того, чтобы данный от бога дар разума направить на пользу человеческому роду. Как будто наука — это ложе, на котором взволнованный и беспокойный ум мог бы отдохнуть, или галерея, либо портик, внутри которых ум мог бы свободно прогуливаться, или башня, с высоты которой гордый и честолюбивый ум мог бы взирать на все вокруг, или крепость, либо бастион, предназначенные для сражений и битв, или доходная торговая лавка, а не богатое хранилище и сокровищница, созданные во славу творца всего сущего и в помощь человечеству. Ведь именно служение этой цели действительно украсило бы науку и

подняло бы ее значение, если бы теория (*contemplatio*) и практика соединились более прочными узами, чем до сих пор. И это единение, конечно, должно было бы стать таким же, каким является союз двух верховных планет, когда Сатурн, покровитель спокойствия и созерцательного размышления, объединяется с Юпитером, покровителем общественного рвения и деятельности. Впрочем, когда я говорю о практике и деятельности, я никоим образом не имею в виду науку прикладную и стремящуюся к непосредственной выгоде. Ведь я прекрасно понимаю, насколько это задерживало бы развитие и прогресс науки и напоминало бы о золотом яблоке, брошенном перед Аталантой: она нагнулась, чтобы поднять его, и это помешало ее бегу:

И отклонилась с пути, и нагнулась за золотом жарким⁶⁶.

Я также не собираюсь делать то, что, как говорят, сделал Сократ: «Отозвать философию с неба, дабы обратилась она на земное»⁶⁷, т. е. оставить в стороне физику во имя торжества моральной философии и политики; ведь подобно тому как небо и земля объединяются вместе для того, чтобы охранять жизнь человека и помогать ему, такова же должна быть и цель обеих философий, которые должны, отбросив пустые спекуляции и все бессодержательное и бесплодное, сохранить лишь то, что прочно и плодотворно, чтобы тем самым наука была не гетерой, служащей для наслаждения, и не служанкой корысти, но супругой для рождения потомства, для радости и нравственного утешения.

Я, кажется, уже вскрыл и как бы рассек ударом скальпеля все те вредные нарывы (или по крайней мере главнейшие из них), которые не только препятствуют развитию наук, но и дают повод для их обвинения. Если, впрочем, я сделал это слишком болезненно, то следует помнить пословицу: «Честны раны, нанесенные любящим, коварны поцелуи недоброжелателя».⁶⁸ Как бы там ни было, мне кажется, что я по крайней мере заслужил доверие в том, что я скажу сейчас в защиту науки, если непосредственно перед этим я так откровенно критиковал ее. Однако я не собираюсь писать панегирик наукам или петь гимн Музам, хотя, быть может, уже давно их святыни не прославлялись должным образом. Моя цель заключается в том, чтобы без прикрас и преувеличений

показать истинный вес науки среди других вещей и, опираясь на свидетельства божественные и человеческие, выяснить ее подлинное значение и ценность.

Таким образом, прежде всего значение науки мы будем искать в архетипе или образце, т. е. в атрибутах и деяниях бога, насколько, разумеется, они раскрываются человеку и могут быть предметом трезвого исследования. Однако здесь название науки оказывается неподходящим, ибо всякая наука есть приобретенное знание, но в боге никакое познание не является приобретенным, а изначально присуще ему. Поэтому следует найти другое название, а именно мудрость, как и указывает Священное писание.

Дело обстоит так: мы обнаруживаем в деяниях творения двойную эманацию божественной силы, из которых одна является выражением могущества, другая — мудрости. Первая проявляется в создании всей громады материи, вторая — в красоте приданной ей формы. Установив это, следует отметить, что ничто в истории создания не мешает верить тому, что эта нерасчлененная масса неба и земли, материя, была создана в один миг; на устройство же ее и распределение по формам пошло шесть дней: столь отчетливо бог выказал различие в проявлении могущества и мудрости. Кроме того, относительно создания материи не сообщается, что бог при этом сказал: «Да будет небо и земля», подобно тому как это сказано о следующих его деяниях, но просто называется действие: «Бог создал небо и землю»⁶⁹. Так что материя представляется как бы созданной руками, введение же формы требует использования закона и декрета.

Перейдем от бога к ангелам, природа которых ближе всего природе бога. Мы видим, что среди ангелов (если, конечно, доверять знаменитой «Небесной иерархии», которая приписывается Дионисию Ареопагиту) первое место занимают серафимы, т. е. ангелы любви, второе место — херувимы, ангелы света, третье же и последующие места предоставляются ангелам престола, правления и прочим ангелам могущества и власти, так что из самого этого порядка и распределения совершенно ясно, что ангелы знания и просвещения стоят выше ангелов власти и могущества⁷⁰.

Переходя от духовного и интеллигибельного к формам чувственным и материальным, мы читаем, что

первой из созданных форм был свет, принадлежащий к естественным и телесным субстанциям, которому соответствует среди духовных и нетелесных субстанций мудрость.

Так, в распределении дней мы видим, что день, в который бог отдыхал и созерцал свои творения, был более благословенным, чем дни, в которые он создал и благоустроил все здание Вселенной.

Мы читаем, что по завершении творения человек был помещен в рай, чтобы он там созидал, но у него не могло быть иного дела, кроме того, которое сводится к созерцанию, т. е. цель которого может быть определена не какой-нибудь необходимостью, но лишь наслаждением и деятельностью, не приносящей страдания. А так как в то время не могло быть никакого противоборства природы, никакой работы в поте лица, то неизбежно следует, что человеческая деятельность была связана с наслаждением и размышлением, а не с физическим трудом и практическими действиями. Кроме того, первые действия человека, которые он осуществил в раю, охватывали две важнейшие части знания: это было созерцание творений бога и наименование их. Ведь то знание, которое привело к падению (о чем мы говорили и раньше), не было естественным знанием, касающимся творений бога, но моральным знанием добра и зла, строящимся на том предположении, что разрешение или запрещение бога не суть основы добра и зла и что происхождение их иное. И человек стал стремиться к познанию добра и зла, чтобы тем самым совершенно отнаться от бога и полагаться только на самого себя и свое собственное суждение.

Перейдем теперь к тому, что случилось сразу же после падения. Мы видим (ибо бесчисленны таинства Священного писания, всегда исторически истинные и точные) два типа жизни, созерцательный и деятельный, изображенные в фигурах Авеля и Каина, в их занятиях и образе жизни; один из них — пастух, который, обладая досугом и спокойно и свободно созерцая небесный свод, представляет собой тип созерцательной, теоретической жизни, второй же — земледelec, т. е. человек, изнуренный трудами и постоянно видящий перед собой лишь землю. При этом ясно видно, что благосклонность и избрание божье на стороне пастуха, а не земледельца.

Так, в эпоху, предшествовавшую потопу, священная летопись среди очень немногих, что сообщается об этом времени, удостоила упоминания изобретателей музыки и производства металлов. После же потопа самым тяжелым наказанием, которое бог послал на людей за их гордость, было смешение языков, резко ограничившее свободное общение в науке и взаимный обмен знаниями среди ученых.

Перейдем теперь к законодателю Моисею, который первым записал слова бога и которого Писание восхваляет, называя осведомленным и опытным во всей науке египтян. А ведь этот народ считается одним из древнейших образованных народов мира. Так, Платон вводит египетского жреца, который говорит Солону: «Вы, греки, всегда остаетесь детьми, не обладая никаким знанием древности и никакой древностью знания»⁷¹. Перелистаем законы Моисея об обрядах, и мы найдем кроме предсказаний о Христе установление различия между избранным (божьим) народом и остальными племенами, упражнения в повиновении и другие священные предписания этого же закона; некоторые из самых ученых раввинов предприняли отнюдь не бесполезную работу над этим законом, стремясь тщательно раскрыть как естественный, так и моральный смысл обычаев и обрядов. Например, о прокаже говорится: «Если всего человека покроет проказа, человек будет чист и ему не откажут в доступе к людям, если же у него останется нетронутая плоть, он будет осужден за нечистоту и по решению жреца отлучен от людей»⁷². Из этого закона один из раввинов выводит естественную аксиому: «Язва опаснее, когда она еще не назрела, чем тогда, когда она созрела». Другой же выводит моральное положение: «Люди, покрывшие себя страшным позором и преступлениями, приносят меньше вреда общественным правам, чем люди, только частично и незначительно испорченные»; так что из этого места и подобных ему мест, как мне кажется, можно извлечь помимо теологического смысла немало относящегося непосредственно к философии.

Если кто-нибудь тщательно просмотрит также и замечательную книгу Иова, он найдет, что она полна и, так сказать, чревата откровениями, относящимися к естественной философии. Например, к космографии относится следующее место, говорящее о шарообразности земли:

«Кто гонит северный ветер над пустотой и помещает землю над бездной», где весьма ясно имеется в виду, что земля висит в пустоте, а северный ее полюс и небесный свод поднимаются над горизонтом. Далее, об астрономии и звездных телах говорится в следующих словах: «Дух его украсил небеса, и его рукой выведен был извивающийся уж» — и в другом месте: «Неужели ты сможешь соединить сверкающие звезды Плеяды или рассеять круг Арктура?», где изящнейшим образом описывается неподвижное расположение закрепленных звезд, находящихся всегда на одних и тех же расстояниях друг от друга. То же самое в другом месте: «Кто создает Арктура, и Орiona, и Гиады, и тайники Австра», где вновь намекается на то, что южный полюс расположен внизу и называется содержимым Австра, так как южные звезды в нашем полушарии никогда не видны. О рождении животных: «Разве ты не выдоил меня, как молоко, и не сгустил меня, как сыр?» и т. д. О металлургии: «Серебро добывается из залежей, и для золота есть место, где оно плавится, железо извлекается из земли, и камень, расплавленный жаром, превращается в медь» и так далее в той же главе⁷³.

Равным образом и на примере личности царя Соломона мы видим, что дар мудрости, о котором он сам просил и который даровал ему бог, выше всех земных и переходящих благ. Вооруженный этим божественным даром мудрости, Соломон не только написал свои знаменитые параболы или афоризмы о божественной и моральной философии, но и создал естественную историю всех растений, «от кедра в горах до мха на стене»⁷⁴ (который есть не что иное, как рудиментарная форма растений, занимающая среднее место между плесенью и травой), и историю всех существ, которые дышат и передвигаются. Более того, тот же самый царь Соломон хотя и обладал богатством, великолепными дворцами, флотом, множеством слуг, знаменитым именем и всем остальным, что составляет славу человека, однако же ничего с этой нивы славы не скопил и не взял себе, кроме чести искать и находить истину. И он красноречиво говорит: «Божья слава — скрывать слово, слава царя — раскрывать слово»⁷⁵, давая понять, что если бог в своем величии развлекается этой безобидной и добродушной игрой детей, которые для того и прячутся, чтобы их нашли, то и для

царей нет ничего почетнее, чем быть участниками этой игры вместе с богом, тем более что они повелевают столькими талантами, обладают такими значительными средствами, с помощью которых можно довести до конца исследование всех тайн.

Бог не отступил от своего замысла и после того, как явился в мир наш Спаситель. Ведь он сначала проявил свое могущество, обратив в бегство невежество, когда спорил в храме с книжниками и священниками, а уже затем покорил силы природы, совершив множество замечательных чудес. Пришествие святого духа главным образом символизировалось и выразилось в подобии и самом даре языков, которые являются не чем иным, как двигателями знания.

Так же и при выборе средств, которые бог решил использовать для распространения веры, он сначала призвал людей совершенно неученых и необразованных, лишь вдохновленных святым духом, чтобы яснее проявить свою непосредственную силу и унизить всю человеческую мудрость. Но как только этот его замысел осуществился, он сразу же вслед за этим направил в мир свою божественную истину, дав ей в сопровождающие другие науки. Поэтому бог при создании Нового завета прежде всего использовал перо апостола Павла, который был единственным образованным человеком среди апостолов. Мы знаем также, что очень многие из древних епископов и отцов церкви отличались прекрасным знанием языческой образованности.

Так что «Эдикт» Юлиана⁷⁶, запретивший христианам посещение школ и гимназиев, был более опасным оружием в борьбе с христианской верой, чем кровавые преследования предшествующих императоров. Нетерпимость же римского епископа Григория Первого⁷⁷ (в других отношениях выдающегося мужа), ревностно стремившегося уничтожить даже память о языческих авторах и о древностях, не встречала одобрения даже со стороны публичных мужей. Наоборот, только христианская церковь во время нашествия скифских полчищ из северных земель и сарацин — из восточных спасла на своей груди драгоценные реликвии языческой цивилизации, которым грозило полное уничтожение. Да и теперь можно видеть, какую помощь и поддержку в восстановлении и укреплении римского престола оказали ему иезуиты, которые

отчасти по собственной инициативе, отчасти же из-за соперничества со своими противниками стали уделять очень большое внимание образованию.

Таким образом, подводя итог этой части нашего рассуждения, мы укажем на две важнейшие услуги, которые гуманистические науки оказывают вере и религии помимо того, что они способствуют их украшению и разъяснению. Прежде всего, науки еще сильнее и эффективнее побуждают нас превозносить и прославлять божественное величие. Ведь псалмы и все остальное Священное писание неизменно призывают нас к созерцанию и прославлению великолепных и удивительных творений божьих, но, если мы сосредоточимся только на их внешнем облике, каким он является нашим чувствам, мы совершим такую же несправедливость по отношению к божественному величию, как если бы мы стали судить о богатстве знаменитого ювелира по тому, что выставлено на показ у входа. С другой стороны, философия дает замечательное лекарство и противоядие против цеверия и заблуждения. Ведь Спаситель наш говорит: «Вы заблуждаетесь, не зная Писания и могущества бога»⁷⁸. И для того чтобы мы не впали в заблуждение, он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля божья, а затем — книгу природы, раскрывающую его могущество. Из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая дальше нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне его творений. О божественных свидетельствах и суждениях относительно истинного значения и ценности науки сказано достаточно.

Что же касается свидетельств и доказательств гражданской истории, то здесь открывается столь обширное поле, что в этом кратком и сжатом трактате лучше отобрать несколько наиболее характерных примеров, чем поражать их обилием. Итак, прежде всего у язычников самой высшей честью считалось удостоиться божеских почестей (что, впрочем, для христиан является запретным плодом); здесь же мы говорим специально о мнениях людей. Итак, как мы начали говорить, у язычников

то, что греки называли «апофеоз», а римляне «причисление к богам», было самой высокой почестью, которая только может быть оказана человеку человеком, тем более если оно не предписывалось каким-либо декретом или эдиктом власти (как для цезарей у римлян), а вытекало из внутреннего убеждения людей, свободно выражавших свое мнение. Впрочем, этой столь высокой почести предшествовала некая промежуточная ступень. Ведь выше человеческих почестей считались почести героические и божеские, в распределении которых древние придерживались следующего порядка: основатели государств, законодатели, тираноубийцы, отцы отечества и те, кто особенно отличился в государственных делах, удостоившись только титула героев и полубогов. Таковы Тезей, Минос, Ромул и прочие. С другой стороны, изобретатели и создатели новых искусств, те, кто своими открытиями сделал человеческую жизнь лучше и богаче, всегда причислялись к высшим божествам, как это произошло с Церерой, Вакхом, Меркурием, Аполлоном и др. И это, конечно, было вполне справедливо и разумно. Ибо заслуги первых ограничиваются едва ли не пределами одной эпохи и одного народа, и их можно сравнить с короткими и благодатными дождями, которые хотя и приносят урожай и потому желанны, однако полезны только в то время, когда выпадают, и только для той земли, которую они орошают; благодеяния же вторых, подобно дарам самого солнца и небес, вечны во времени и бесконечны в пространстве. Кроме того, первые по большей части сопряжены с борьбой и волнениями, вторые же выражают истинный характер присутствия божества и приходят как нежное дуновение, не вызывая ни шума, ни смятения.

Конечно, роль науки в гражданских делах, в устранении неприятностей, которые человек приносит человеку, не во многом уступает другим ее заслугам в борьбе с теми трудностями человеческой жизни, которые создаются самой природой. Эти заслуги великолепно изображены в мифологическом сказании об Орфее, повествующем о том, как различные животные и птицы собрались вместе и, забыв о своих врожденных инстинктах, стремлении к добыче, борьбе и драках, дружески и мирно стояли рядом, потрясенные гармонией и сладкозвучием кифары; когда же звуки ее прекращались или когда их

заглушал какой-то другой, более громкий звук, то сразу же все эти животные вновь обретали свой природный характер. В этом мифе тонко изображаются нравы и характеры людей, волнующих множеством необоримых страстей — наживы, сладострастия, мести; но до тех пор, пока они прислушиваются к наставлениям и увещаниям религии, законов, учителей, прекрасно и красноречиво изложенным в книгах, проповедях и речах, до тех пор они уважают и сохраняют мир и союз; когда же все это молчит или грохочет смуты и возмущения, все разваливается и впадает в анархию и смятение.

Но это становится еще более очевидным, когда сами цари, владыки или магнаты оказываются людьми образованными. Ведь хотя, может быть, и кажется слишком пристрастным тот, кто сказал: «Только тогда государства будут благоденствовать, когда или философы станут царствовать, или цари станут философами»⁷⁹, однако по опыту известно, что под властью образованных правителей государства переживали самые счастливые периоды своей истории. И хотя сами цари могут заблуждаться, иметь свои недостатки и быть подверженными разным аффектам и дурным привычкам, как и все остальные люди, однако если загорится светоч учения, то воспринятые ранее понятия религии, благоразумия, честности удержат их и предохранят от всяких губительных поступков и непоправимых эксцессов и ошибок и заставят постоянно слушать себя, даже и тогда, когда молчат их советники и приближенные. Да и сами сенаторы и советники, если они образованны, опираются на более прочные принципы, чем те, кто руководствуется только практическим опытом. Ведь образованные люди заранее видят опасности и вовремя их предупреждают, тогда как необразованные видят их, только вплотную столкнувшись с ними, замечают только то, что им непосредственно угрожает, пребывая в уверенности, что, если будет нужно, они сумеют благодаря своей смекалке выбраться из самой гущи опасностей.

Насколько счастливими были времена, когда власть принадлежала образованным правителям (постоянно стремясь к краткости изложения, я привожу только самые выразительные и тщательно отобранные примеры), особенно ярко видно на примере периода от смерти императора Домициана до правления Коммода. В эту эпоху

один за другим следуют шесть образованных, или по крайней мере щедро покровительствовавших образованию, правителей, и это время (если иметь в виду только переходящие блага) было самым цветущим во всей истории Рима, воплощавшего собой тогда весь мир. Именно это было предсказано во сне Домициану: накануне того дня, когда он был убит, ему приснилось, что на его шею выросла золотая голова; это пророчество исполнилось в последовавшую за его кончиной золотую эпоху⁸⁰. О каждом из этих императоров я скажу отдельно, хотя и очень кратко.

Нерва был человеком ученым, другом и чуть ли не учеником знаменитого Аполлония Пифагорейца; уже умирая, он произнес следующий стих Гомера:

Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!⁸¹

Траян, хотя сам и не был ученым, почитал науку, был щедрым покровителем образованных людей, создавал библиотеки; в его дворце, как известно, всегда находились ученые наставники, пользовавшиеся большим его расположением, хотя сам он и был весьма воинственным императором. Адриан — любознательнейший из смертных, неутомимый исследователь всевозможных тайн природы. Антонин — утонченный мыслитель (напоминающий схоластиков), получивший за это прозвище *kumi-poristes* (разрезающий тминное зерно). Один из божественных братьев, Люций Коммод, хорошо знал искусство и литературу. Марк, как показывает само его прозвище, был философом. Эти владыки, будучи самыми образованными, в то же время были и самыми лучшими правителями. Нерва был самым мягким императором, давшим миру Траяна; уже одного этого достаточно, если бы даже он не сделал ничего другого. Траян больше всех других правителей прославил себя в военных и мирных искусствах. Он намного расширил границы империи, проявлял сдержанность и не так жестоко угнетал покоренные народы, строил колоссальные сооружения, что дало Константину повод для злословия — он назвал его степницей⁸² из-за того, что его имя было вырезано на великом множестве стен. Адриан вступил в борьбу с самим временем, ибо заботливо и щедро восстанавливал разрушения и устранял несправедливости, чинимые временем в разных областях жизни. Антонин (назовем и

его) был человеком в высшей степени благочестивым, любимым всеми сословиями за какую-то врожденную доброту, в его царствование, кстати не такое уж краткое, не произошло никаких несчастий. Люций Коммод, хотя и уступал брату в доброте, превосходил в этом отношении множество других императоров. Марк представлял собой образец доблести, и знакомый нам цеголь в «Пире богов»⁸³ ни в чем не смог упрекнуть его, кроме того, что он терпеливо относился к поведению своей жены. Таким образом, в этом непрерывном ряду шести правителей каждый может увидеть счастливейшие плоды, которые наука принесла власти, изображенные на самой великой картине мира⁸⁴.

Но наука оказывает влияние не только на гражданские дела и мирные искусства; она и в военном деле проявляет свою силу и могущество, как это можно ясно видеть на примерах Александра Великого и диктатора Цезаря, деяния которых мы раньше лишь бегло упомянули, а теперь рассмотрим подробнее. Нет никакой необходимости упоминать и пересказывать воинские доблести этих мужей и подвиги, совершенные ими на войне, так как в этом отношении они являются предметом восхищения во всем мире, но совсем не лишним будет хотя бы коротко сказать об их любви и стремлении к наукам, равно как и о их совершенстве в них. Александр был воспитанником и учеником Аристотеля, действительно великого философа, посвятившего ему некоторые из своих философских сочинений. Его никогда не покидал Каллисфен и другие высокообразованные мужи, которые находились в его войске и были постоянными его спутниками во всех походах и экспедициях. Как высоко он ценил образование, ясно показывает множество примеров: например, зависть к судьбе Ахилла за то, что он нашел глашатая своих подвигов и славы в Гомере, слова, сказанные о драгоценной шкатулке Дария, найденной среди других трофеев — когда стали думать о том, чему более всего достойно храниться в ней, и высказывались различные предложения, Александр сказал: «Творения Гомера»⁸⁵. Можно назвать еще письмо к Аристотелю, написанное после того, как тот издал свою «Физику», в котором Александр упрекает его и требует, чтобы тот раскрыл тайны философии, и здесь же пишет, что он предпочитает превосходить всех ученостью и познанием,

а не могуществом и властью. Есть и другие примеры, свидетельствующие о том же. Во всех его высказываниях и ответах, полных мудрости и учености, ясно видно, более того, бросается в глаза, сколь замечательно он был образован, и хотя то, что сохранилось до нашего времени, численно невелико, однако и здесь можно найти глубокий отпечаток его замечательных знаний.

Из его высказываний на темы морали рассмотрим прежде всего апофтегмы⁸⁶ о Диогене. Следует заметить, что они, может быть, затрагивают немало самых серьезных вопросов моральной философии. «Кто счастливее — тот, кто наслаждается материальными благами, или тот, кто их презирает?» При виде Диогена, который довольствовался столь малым, Александр, обратившись к окружающим, насмеявшись над его образом жизни, сказал: «Если бы я не был Александром, я предпочел бы быть Диогеном». Сенека же в этом сопоставлении ставит выше Диогена, говоря: «Важнее то, что Диоген не захотел принять, чем то, что Александр мог дать»⁸⁷.

В области естественных наук следует обратить внимание на высказывание, которое он часто повторял: «Что моя природа смертна, я замечаю особенно в двух вещах — во сне и в сладострастии»⁸⁸. Эти слова, бесспорно, извлечены из глубин естественной философии, избличая не столько Александра, сколько Аристотеля или Демокрита, ибо как недостаток, так и избыток природы, обозначенные этими двумя понятиями, служат как бы залогом смерти.

Говоря о поэзии, обратим внимание на слова, произнесенные им при виде текущей из его раны крови, когда он позвал одного из льстецов, который всегда называл его божественным, и сказал: «Смотри, это кровь человека, не такая жидкость, которая, по словам Гомера, текла из руки Венеры, раненой Диомедом»⁸⁹, тем самым насмеялся над поэтами, над своими льстецами и над самим собой.

В области диалектики обратите внимание на то, как порицал он диалектические ухищрения в опровержении доводов противника, осудив Кассандра, не поверившего доносу на своего отца Антипатра. Ведь когда Александр сказал: «Неужели ты считаешь, что люди пустятся в столь долгий путь, если у них не будет серьезной причины для обиды?», Кассандр ответил: «Именно это и дает им силу —

надежда, что продолжительность их пути помешает обнаружить клевету». «Вот они, — воскликнул царь, — аристотелевские уловки, помогающие повернуть дело и «за», и «против»»⁹⁰. Но когда требовало дело, он прекрасно умел использовать в своих интересах это искусство, которое он порицал у другого. Так, однажды Каллисфена (которого он тайно ненавидел за то, что тот противился его новому обожествлению) на каком-то пиру одна из присутствующих попросила выбрать по своему усмотрению какую-нибудь тему и произнести на нее экспромтом речь для развлечения присутствовавших (ибо он был весьма красноречивым человеком). Тот согласился и, взяв в качестве темы прославление македонского народа, произнес речь к величайшему удовольствию всех слушающих. Но Александру это совсем не понравилось, и он заметил: «В хорошем деле любому легко быть красноречивым; ну что же, оберни стиль и послушаем, что ты можешь сказать против нас». Каллисфен принял предложение царя и так резко и язвительно сделал это, что Александр, прерывая его, сказал: «И злой ум, подобно доброму делу, тоже рождает красноречие»⁹¹.

В риторике, которая рассматривает тропы и украшения речи, я укажу на изящнейшее употребление метафоры, с помощью которой он выразил порицание Антипатру, правителю властному и тираническому. Однажды какой-то приятель Антипатра стал хвалить его в присутствии Александра за то, что он очень скромн, что он не впал (подобно другим начальникам) в персидскую роскошь и не носит взамен старого македонского плаща пурпурных одежд. «Зато, — сказал Александр, — он в глубине души весь пурпурный»⁹². Знаменита и другая его метафора. Когда Парменион подошел к нему на Арбельском поле и, указывая на огромное вражеское войско, которое из-за бесконечного числа огней представлялось взгляду в темноте подобным небу, покрытому звездами, стал советовать ему напасть на врагов ночью, Александр сказал: «Я не хочу воровать победу»⁹³.

Из его политических высказываний нужно обратить внимание на очень важное и мудрое различие (впоследствии использованное всеми последующими эпохами) между своими ближайшими друзьями, Гефестионом и Кратером: по его словам, один любит Александра, а другой — царя. Тем самым он указал очень глубокое разли-

чие, которое существует даже среди самых верных слуг царей и состоит в том, что одни искренне преданы личности своих государей, другие же в первую очередь движимы чувством долга по отношению к своему правителю»⁹⁴. Посмотрим также и на то, как великолепно изобличает он заблуждение, особенно свойственное советникам правителей, которые обыкновенно дают советы, руководствуясь меркой собственного ума и своих возможностей, а не возможностей своих государей. Так, когда Дарий предлагал Александру выгодные условия мира, Парменион сказал: «Если бы я был Александром, я бы принял их». На что Александр заметил: «И я бы тоже принял, если бы был Парменионом»⁹⁵. Наконец, вспомним об остром и метком ответе его друзьям, спросившим его, что же он оставляет себе, если дарит так много столь щедрых подарков. «Надежду», — сказал он⁹⁶, так как прекрасно знал, что при здравом расчете надежда является истинным достоянием и как бы наследством тех, кто стремится к великому. Она была богатством Юлия Цезаря, когда он, отправляясь в Галлию, истратил все свои средства на щедрые раздачи. Она была также богатством Генриха, герцога Гиза⁹⁷, знатнейшего вельможи, хотя и слишком честолюбивого. Широкую известность получили сказанные о нем слова: «Он был самым большим ростовщиком среди французов, потому что все его богатства были отданы в долг, а все свое наследство он обратил в долговые обязательства». Впрочем, восхищение перед этим правителем — тем более что я представляю его себе не как Александра Великого, а как ученика Аристотеля — увлекло меня, может быть, слишком далеко в сторону от нашей темы.

Что же касается Цезаря, то для того, чтобы сделать вывод о выдающейся его образованности, нет необходимости ссылаться на его воспитание, или говорить о его друзьях и близких, или приводить его афоризмы, ибо она видна в его сочинениях и книгах, часть которых сохранилась, а часть, к сожалению, погибла. Прежде всего, в настоящее время у нас в руках имеется знаменитая история его войн, которую он назвал всего лишь «Комментариями». В этом сочинении все последующие поколения восхищаются глубиной содержания и живым изображением событий и лиц, соединенными с прозрачной чистотой речи и исключительной ясностью повествования,

Однако о том, что эти достоинства явились не даром природы, но были приобретены в результате обучения науке красноречия, свидетельствует его книга «Об аналогии», которая представляла собой не что иное, как своеобразную философию грамматики. В этой книге он настойчиво стремился к тому, чтобы слово, произвольно созданное (*vox ad Placitum*), стало словом, подчиняющимся нормам языка (*vox ad Licitum*), и речь, не знающая никаких правил, превратилась в речь, грамматически и стилистически правильную, слова же, которые суть образы вещей, отражали правильно эти вещи, а не подчинялись только произволу толпы.

Точно так же памятьюком его учености, равно как и власти, служит проведенная по его распоряжению реформа календаря, что красноречиво свидетельствует о его праве поставить себе в заслугу то, что он познал законы движения светил на небе и дал законы людям на земле.

А из книги, которую он озаглавил «Анти-Катон», легко увидеть, что он так же упорно стремился одержать свою победу ораторским талантом, как и оружием, и что он предпринял состязание в стиле с сильнейшим противником, величайшим оратором того времени Цицероном. Далее, мы видим, что в книге апофтегм, собранных им, он считал для себя более почетным скрыться самому в страницах книги, заключающей мудрость и глубокие мысли других людей, вместо того чтобы собственные изречения объявлять священными, словно изречения оракула, как это делают некоторые глупые правители, поддавшиеся лести окружающих. Однако если бы я захотел повторить многие его изречения (как я это сделал, говоря об Александре), то они, конечно, оказались бы подобными тем, о которых говорит Соломон: «Слова мудрецов, как иглы или гвозди, глубоко вонзенные»⁹⁸. Я приведу здесь только три таких изречения, скорее поражающих своей силой и выразительностью, чем изящных. Итак, во-первых, должен быть настоящим мастером слова тот, кто одной фразой может подавить волнение в войске. Именно так обстояло дело. У римлян был обычай, что полководцы, обращаясь к войску, называли их «воины», магистрат же, обращаясь к народу, называл его «квириты». Однажды среди воинов Цезаря началось волнение: они требовали, чтобы Цезарь отправил их домой не потому, что они этого желали, но для того, чтобы этим требованием заставить

Цезаря улучшить их положение. Он же спокойно и твердо, когда наступила тишина, начал так: «Я, квириты...», показывая этим словом, что они уже отпущены из войска. Пораженные этим и совершенно изумленные, воины стали все время прерывать его речь и, забыв о своем требовании отправки домой, настойчиво требовали теперь, чтобы их вновь называли воинами⁹⁹.

Второе изречение его следующее. Цезарь очень хотел получить титул царя. Поэтому он подослал некоторых лиц, чтобы те, когда он будет проходить по улице, приветствовали его из толпы, называя царем. Заметив, что эти возгласы довольно жидки и редки, Цезарь превратил дело в шутку и сказал, как будто бы те ошиблись в его прозвище: «Я не Рекс (царь), а Цезарь»¹⁰⁰. Если присмотреться внимательнее, то нам не так-то легко удастся выразить все значение и силу этих слов. Во-первых, он сделал вид, что отказывается от этого имени, по этому ни в коем случае нельзя было принимать всерьез. Во-вторых, этими словами он продемонстрировал какую-то колоссальную самоуверенность и величие, как будто бы имя Цезаря было более важным титулом, чем титул царя (а ведь именно так и произошло, и так это обстоит вплоть до наших дней). Но что здесь особенно было для него важно, так это то, что эти слова удивительно искусно приближали его к цели. Ведь он этим намекал, что сенат и народ римский вступают с ним в борьбу из-за незначительной вещи, всего лишь из-за имени (ибо царской властью он по существу обладал уже раньше), причем из-за такого имени, которое носили очень многие даже из совсем незнатных фамилий, ибо прозвище Рекс (царь) было у многих из исконных римлян, подобно тому как и у нас в английском языке существует нечто подобное.

И последнее, о чем мне хотелось бы здесь напомнить. Когда Цезарь после начала гражданской войны занял Рим и приказал открыть священную сокровищницу, чтобы употребить на нужды войны хранящиеся в ней деньги, против этого выступил Метелл, бывший в это время народным трибуном. Тогда Цезарь сказал ему: «Если ты будешь настаивать, то можешь считать себя уже мертвым». Затем, понемногу овладев собой, он добавил: «Юноша, мне тяжелее сказать тебе это, чем сделать»¹⁰¹, слова, столь удивительно соединившие в себе жестокость

и мягкость, что пельзя представить ничего более совершенного.

И чтобы покончить с этой темой, заметим, что Цезарь прекрасно сознавал свою исключительную образованность, как это видно из тех слов, которые он с насмешкой сказал кому-то удивленному тем, что Люций Сулла сам отказался от диктатуры: «Сулла был неграмотен и не умел диктовать»¹⁰².

Мне кажется, что уже наступило время закончить это рассуждение о тесной связи воинской доблести и образованности. Действительно, что можно еще сказать об этом после упоминания об Александре и Цезаре? Однако мне хочется еще немного задержаться на одном примере. Он привлекает меня своим особым значением и необычностью, неожиданным переходом от шутки к настоящему чуду. Речь идет о философе Ксенофонте, который сразу после обучения у Сократа отправился в Азию вместе с Киром Младшим в поход против царя Артаксеркса. Этот Ксенофонт в то время был еще очень юн и никогда не видел ни военного лагеря, ни войска в боевом строю, никогда ничем не командовал в войске и отправился в поход только из-за дружбы с Проксеном. Но случайно судьба помогла ему, когда после гибели Кира в бою к грекам прибыл Фалин, посол великого царя. Греки (это был лишь небольшой отряд), лишившись своего вождя, оказались в глубине Персии, отрезанные от родины громадным расстоянием в тысячи миль и огромными и глубокими реками. Послы хотели побудить греков сложить оружие и сдаться на милость царя. Прежде чем дать послам формальный ответ, многие из воинов по-дружески разговаривали с Фалином, и в их числе Ксенофонт, который сказал следующее: «Но, Фалин, ведь только эти две вещи у нас и остаются — оружие и доблесть, если же мы отдадим оружие, то, скажи пожалуйста, зачем нам нужна будет доблесть?» А Фалин с улыбкой ответил: «Если я не ошибаюсь, ты, юноша, афинянин и увлекаешься философией, и то, что ты говоришь, прекрасно, но ты очень ошибаешься, если считаешь, что ваша доблесть может сравниться с царской силой»¹⁰³. Это была лишь остроумная шутка, а за ней следует чудо. Ведь этот новичок, вчерашний школяр и философ, когда все начальники и вожди были предательски убиты, вывел десять тысяч пеших воинов из Вавилона в Грецию, проведя их через центральные обла-

сти персидского царства, несмотря на все усилия царских войск помешать им, и это произвело на всех ошеломляющее впечатление, а греков с тех пор воодушевляло и вдохновляло на вторжение в Персию и ее завоевание. Об этом вскоре стал мечтать и готовиться к этому Ясон, царь Фессалии, этот замысел попытался осуществить спартаец Агесилай, его наконец осуществил Александр Македонский, и всех их увлекал выдающийся подвиг их ученого предшественника.

От доблести полководцев и военных перейдем теперь к моральным качествам и к тому, что является достоянием всякого человека. Прежде всего в высшей степени верны слова поэта:

Стало быть, верное знание плодов искусств благородных
Правы смягчает людей, дикость от них отвратя¹⁰⁴.

Действительно, образование освобождает человека от дикости и варварства. Но следует сделать ударение на этом слове «правильное». Ведь беспорядочное образование действует скорее в противоположном направлении. Я повторяю, образование уничтожает легкомыслие, несерьезность и высокомерие, заставляя помнить наряду с самим делом и о всех опасностях и сложностях, которые могут возникнуть, взвешивать все доводы и доказательства, как «за», так и «против», не доверять тому, кто первым обращает на себя внимание и кажется привлекательным, и вступать на всякий путь, только предварительно исследовав его. В то же время образование уничтожает пустое и чрезмерное удивление перед вещами, главный источник всякого неосновательного решения, ибо удивляются вещам или новым, или великим. Что касается новизны, то нет такого человека, который, глубоко познакомившись с наукой и наблюдая мир, не проникся бы твердой мыслью: «Нет ничего нового на земле»¹⁰⁵. Ведь кукольное представление не слишком удивит того, кто, заглянув за занавеску, увидит руки и нитки, которыми приводятся в движение куклы. Относительно же величия можно сказать следующее. Привыкший к грандиозным сражениям и победам в Азии, Александр Македонский, изредка получая сообщения из Греции о каких-то походах и столкновениях, которые по большей части предпринимались из-за какого-нибудь моста или маленькой крепости или в лучшем случае ради завоевания какого-нибудь города, обычно

говорил: «Мне кажется, что мне пришло известие о битве лягушек и мышей, о которой пишет Гомер»¹⁰⁶. Точно так же, конечно, и тому, кто видит перед собой все многообразие явлений и вещей, все здание Вселенной, земной шар вместе с живущими на нем людьми (мы не говорим о божественности души) покажется ничуть не больше муравьиной кучи, где одни спешат с зернышками, другие — со своими яйцами, третьи — безо всякой ноши, но все суетятся и ползают непрерывно то туда, то сюда вокруг маленькой груды мусора. Далее. Образование уничтожает или по крайней мере уменьшает страх перед смертью или несчастьем, а ведь ничто не может нанести большего вреда доблести и нравственности человека. Ибо если чей-то ум в результате изучения природы проникнется сознанием смертности и непрочности вещей и как бы впитает в себя эти убеждения, то он придет к мысли Эпиктета, который, выходя однажды из дому, увидел женщину, плачущую над разбитым кувшином, а на следующий день, увидев другую женщину, оплакивающую мертвого сына, сказал: «Вчера я увидел, что хрупкая вещь разбивается, а сегодня вижу, что смертное существо умирает»¹⁰⁷. Поэтому Вергилий великолепно и очень мудро связывает познание причин сущего с избавлением от всякого страха, всегда сопутствующих друг другу:

Счастливы те, кто вещей познать умели причину,
Те, кто всяческий страх и рок непреклонный к молениям,
Всё повергли к ногам, — и шум Ахеронта скупого¹⁰⁸.

Было бы слишком долго перечислять те лекарства, которые наука предоставляет для лечения отдельных болезней духа, иногда очищая его от вредной влаги, иногда вскрывая закупорки, то помогая пищеварению, то вызывая аппетит, а очень часто излечивая рапы и язвы его и т. п. Поэтому я хочу заключить следующей мыслью, которая, как мне кажется, выражает смысл всего рассуждения: наука настраивает и направляет ум на то, чтобы он отныне никогда не оставался в покое и, так сказать, не застывал в своих недостатках, а, наоборот, постоянно побуждал себя к действию и стремился к совершенствованию. Ведь необразованный человек не знает, что значит погружаться в самого себя, оценивать самого себя, и не знает, как радостна жизнь, когда замечаешь, что с каждым днем она становится лучше; если же такой человек

случайно обладает каким-то достоинством, то он им хвастается и повсюду выставляет его напоказ и использует его, может быть даже выгодно, но, однако же, не обращает внимания на то, чтобы развить его и приумножить. Наоборот, если он страдает от какого-нибудь недостатка, то он приложит все свое искусство и старание, чтобы скрыть и спрятать его, но ни в коем случае не исправить, подобно плохому жнецу, который не перестает жать, но никогда не точит свой серп. Образованный же человек, наоборот, не только использует ум и все свои достоинства, но постоянно исправляет свои ошибки и совершенствуется в добродетели. Более того, вообще можно считать твердо установленным, что истина и благость отличаются друг от друга только как печать и отпечаток, ибо благость отмечена печатью истины, и, наоборот, бури и ливни пороков и волнений обрушиваются лишь из туч заблуждения и лжи.

От добродетели перейдем к могуществу и власти и рассмотрим, можно ли найти где-нибудь такое могущество и такую власть, какой образование наделяет и с помощью которой возвеличивает человеческую природу. Мы видим, что уважение к власти зависит от достоинства того, над кем властвуют. Так, власть над животными и скотом, какой обладают волонасы или овчары, не имеет никакого значения; власть над детьми, которой обладают школьные учителя, не слишком уважаема; власть над рабами скорее позорна, чем почетна, и не намного лучше власть тиранов над народом, доведенным до рабского состояния и утратившим мужество и благородство души. Отсюда всегда возникает убеждение, что почет приятнее в свободных монархиях и республиках, чем под властью тиранов, так как уважают больше ту власть, которая осуществляется над людьми, добровольно ее принимающими, а не вынужденными подчиняться вопреки своему желанию и воле. Поэтому Вергилий, желая как можно искуснее оказать Августу самую высокую честь, которая только может быть у людей, говорит следующее:

...и народам охотно-покорным,
Как победитель, дает законы, путь правя к Олимпу¹⁰⁹.

Но власть науки намного выше, чем власть над волей, хотя бы и свободной и ничем не связанной. Ведь она господствует над рассудком, верой и даже над самим

разумом, который является важнейшей частью души и управляет самой волей. Ведь на земле, конечно, нет никакой иной силы, кроме науки и знания, которая бы могла утвердить свою верховную власть над духом и душами людей, над их мыслями и представлениями, над их волей и верой. И мы видим это проклятое безграничное наслаждение, которое охватывает и увлекает всех ереснархов, лжепророков и великих обманщиков, когда они чувствуют, что обрели безграничную власть над верой и сознанием людей; это наслаждение столь велико, что того, кто однажды испробовал его, уже нельзя заставить отречься от этой власти никакими преследованиями и никакими пытками. Это то, о чем говорится в «Апокалипсисе»: «бездонная бездна Сатаны», и, наоборот, справедливое и законное господство над умами людей, упроченное самой очевидностью и сладостной рекомендацией истины, конечно же, скорее всего может быть уподоблено божественному могуществу.

Что же касается благосостояния и почестей, то дары науки, обогащая целые королевства и республики, тем самым развивают и приумножают благосостояние и богатства также и отдельных лиц. Ведь уже давно было сказано, что Гомер дал пищу большему числу людей, чем Сулла, Цезарь или Август со всеми их раздачами, денежными подарками и земельными наделами (ветеранам). По крайней мере трудно сказать, оружие или образование помогли составить состояние большинству людей. Если же мы будем говорить о высшей власти, то увидим, что царскую власть доставляли оружие и право наследования, церковная же власть, которая всегда была соперницей царской, весьма часто доставалась именно людям образованным.

С другой стороны, если рассматривать те удовольствия и наслаждения, которые дает наука, то насколько же превосходят они все остальные наслаждения. Действительно, ведь если аффективные наслаждения настолько же выше чувственных радостей, насколько счастливое исполнение обета важнее какой-то песенки или пира, то разве не в такой же мере интеллектуальные наслаждения превосходят аффективные? Другим удовольствиям сопутствует пресыщение; и, как только эти удовольствия делаются чуть-чуть привычными, они блекнут и теряют свою прелесть; и это говорит нам, что на самом деле это

были не подлинные и чистые наслаждения, а только лишь обманчивая тень их, доставляющие радость не столько по своей сущности, сколько своею новизной. Поэтому люди, предающиеся чувственным радостям, часто становятся затем монахами, а старость честолюбивых владык довольно печальна и меланхолична. Наука же не знает пресыщения, а знает лишь непрерывное чередование достижения цели и стремления к новому, так что необходимо признать, что возникающее здесь наслаждение есть истинное и простое благо, не связанное с обманом и не являющееся результатом каких-либо привходящих моментов. Не последнее место занимает в душе и то наслаждение, которое рисует Лукреций:

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры ¹¹⁰.

Он говорит, что приятно стоящему или прогуливающемуся по берегу смотреть на то, как борется с бурей корабль в открытом море, точно так же приятно с высокой башни смотреть на два сражающихся на равнине войска. Но нет ничего приятнее для человека, чем разум, поднявшийся благодаря учению на крепость истины и имеющий возможность оттуда взирать на заблуждения и невзгоды людей.

Наконец, чтобы не говорить о таких избитых доводах, как то, что благодаря науке один человек превосходит другого в том же, в чем человек превосходит животных, что благодаря науке ум человека возвышается до небес, чего не может сделать его тело и т. и., мы завершим это рассуждение о выдающемся значении наук, указав на то приносимое ими благо, к которому прежде всего стремится человек по своей природе, а именно бессмертие и вечность. Ведь именно из-за этого рождают потомство, стараются прославить свое имя, сооружают здания, основывают различные учреждения, воздвигают памятники, стремятся к славе и в конце концов к этому сводятся все человеческие чаяния. Но мы видим, что памятники, созданные талантом и эрудицией, сохраняются много дольше, чем те, которые воздвигнуты руками человека. Разве песни Гомера не живут уже двадцать пять, а то и больше веков, не потеряв ни единого слова, ни единой буквы. А за это же время рухнуло и погибло бесчисленное множество дворцов, храмов, замков и городов. Уже никакими силами нельзя восстановить портреты и статуи Кира, Александра,

Цезаря и даже значительно более близких к нам королей и правителей. Ведь сами их архетипы, подчиняясь законам времени, давно погибли, копии же с каждым днем теряют первоначальное сходство. Но образы их гения вечно остаются нетленными в книгах, не подвластные никаким разрушениям времени, обладая силой вечного обновления. Впрочем, они, собственно, и не могут быть названы образами, ибо они сами непрерывно как бы рождают что-то новое, сея свои семена в душах людей, и в более поздние эпохи продолжают возбуждать и порождать бесчисленное множество деяний и идей. Если изобретение корабля считалось столь замечательным и удивительным делом, так как он перевозит товары и богатства из одной страны в другую, соединяет области, расположенные в совершенно различных местах, давая им возможность взаимно потреблять продукты и другие блага каждой из них, то насколько же больше имеют на это право науки, которые, подобно кораблям бороздя океан времени, соединяют самые далекие друг от друга эпохи в союзе и сотрудничестве талантов и открытий. Кроме того, известно, что некоторые философы, безгранично доверяющие чувственным восприятиям, совсем не думающие о божестве и отрицающие бессмертие души, вынуждены были, однако, подчиняясь силе истины, допустить, что те движения и акты, которые осуществляются в человеческой душе без участия тела, могут, вероятно, существовать и после смерти; к их числу принадлежит в особенности деятельность интеллекта и менее всего — движения страстей. Таким образом, знание представляется им бессмертным и нетленным. Мы же, познавшие свет божественного откровения, с презрением отбрасываем все эти примитивные и ложные показания чувств и знаем, что не только разум, но и очищенные аффекты, не только душа, но и тело достигнут в свое время бессмертия. Но пусть читатели поймут, что и здесь, и в другом месте, когда это было нужно, я, говоря о значении науки, с самого начала отделил божественные свидетельства от человеческих, и этого метода я неизменно придерживался, рассматривая их отдельно друг от друга.

Как бы то ни было, я никоим образом не претендую на то, что мне удастся какой-либо речью в защиту достоинства и значения науки переубедить, скажем, эопова петуха, который ячменное зерно предпочел брил-

лианту; или Мидаса, который, оказавшись судьей в состязании предводителя Муз Аполлона и овечьего пастуха Пана ¹¹¹, отдал пальму первенства богатству; или Париса, который, отвергнув мудрость и могущество, предпочел наслаждение и любовь; или Агришину, выбирающей: «Пусть убьет мать, лишь бы правил» ¹¹², предпочитая власть даже на столь чудовищном условии; или же Улисса, который старуху жену предпочел бессмертию, представляющего тип тех людей, которые привычное предпочитают лучшему, и множество других ходячих мнений того же рода. Ведь они будут придерживаться старого. Но сохранится и то, на чем как на прочнейшем фундаменте держится наука и что никогда не удастся поколебать:

...мудрость оправдана чадом своим ¹¹³.

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ КОРОЛЮ

Кажется вполне естественным, великий государь, хотя нередко случается и иначе, что те, кто обладает многочисленным потомством и как бы видит в нем свое бессмертие, больше остальных смертных озабочены будущим, прекрасно понимая, что именно тогда придется жить их столь горячо любимым детям. Королева Елизавета, не вступив в брак, была в этом мире скорее гостьей, чем жительницей, но и она явилась украшением и славой своего времени. Но Вашему Величеству господь бог по милости своей даровал много детей, поистине достойных увековечить Вас, а Ваш цветущий возраст и счастливое супружество обещают еще более многочисленное потомство, и поэтому Вам во всех отношениях подобает не только нести свет своему веку, что Вы и делаете, но и распространить свои заботы на то, что достойно всеобщей памяти и на что взирает сама вечность. А здесь (если только не обманывает меня мое пристрастие к науке) нет ничего более достойного и благородного, чем подарить миру важные и плодотворные открытия в различных науках. Доколе, наконец, мы будем видеть в лице немногих избранных писателей что-то вроде геркулесовых столбов, дальше которых мы якобы не имеем права продвигаться в науке, в то время как Вы, Ваше Величество, служите нам сверкающей путеводной звездой, указывающей счастливый путь в нашем плаваньи?

Но вернемся к делу. Подумаем внимательно и постараемся понять, что сделали государь и другие правители для развития науки и что они упустили. Мы скажем об этом коротко и отчетливо, в словах энергичных и смелых, нигде не отступая от правды, ничего не преувеличивая.

Итак, скажем о том, с чем согласится, пожалуй, каждый: осуществлению всех самых великих и трудных деяний способствует достойное вознаграждение, разумные и обдуманнные планы, а также объединение усилий; первое из этих условий стимулирует начинания, второе — помогает устранить неясности и ошибки, третье — возмещает слабость человеческой природы. Но среди этих трех условий первое место по праву принадлежит разумным и обдуманным планам, т. е. тому, что призвано показать и начертать правильный и удобный путь к намеченной цели. Как говорится: «Хромой, идущий по дороге, может обогнать бегуна, бегущего по бездорожью». Весьма подходит к данному случаю и изречение Соломона: «Если притупится меч, пужно применить большую силу, но сильнее всего — мудрость»¹. Этими словами он дает понять, что разумный выбор средства скорее приведет к намеченной цели, чем напряжение и сосредоточение силы. И это заставляет меня сказать следующее (не затрагивая ни в коей мере заслуг тех, кто так или иначе оказывал помощь науке): по моему глубокому убеждению большинство действий и предприятий правителей осуществлялось скорее ради прославления и увековечения их собственного имени, чем ради развития и успеха самих наук, и все это скорее увеличивало число ученых, чем приносило какой-либо успех самим наукам.

Деятельность же и усилия, способствующие развитию науки, касаются трех объектов: научных учреждений, книг и самих ученых. Ведь подобно тому как вода, образующаяся из небесной росы или бьющая из источников, легко может испариться и исчезнуть, если не собрать ее в какие-то водохранилища, где она, соединяясь и скопываясь в одном месте, могла бы сохраняться и сама поддерживать свое существование (а для этого человеческая изобретательность придумала водопроводы, цистерны, пруды, украсив их к тому же различными украшениями, которые в такой же мере способствуют великолепию и достоинству этих сооружений, в какой являются одновременно полезными и необходимыми), так же и эта драгоценнейшая влага знания, истекает ли она из божественного вдохновения или возникает из чувственных восприятий, очень скоро целиком погибла бы и исчезла, если бы ее не сохраняли в книгах, преподавании, беседах и главным образом в определенных местах, предназна-

ченных для этого, — в академиях, коллегиях, школах, где науки получают как бы постоянное местожительство и сверх того возможности и средства для своего роста и укрепления.

Что касается деятельности, относящейся к развитию научных учреждений, то ее можно разделить на четыре рода: строительство зданий, выделение денежных средств, предоставление привилегий, утверждение уставов и положений — все это должно прежде всего содействовать достижению необходимого покоя и освободить ученых от посторонних забот и неприятностей. Это как раз то, чего требует Вергилий, говоря об устройстве пчелиных ульев для добычи меда:

Прежде всего выбирай для пчел жилище и место,
Что недоступно ветрам...²

Что касается книг, то здесь возможны два рода деятельности: во-первых, основание библиотек, в которых хранятся книги, как в усыпальницах хранятся мощи древних святых, обладающие чудодейственной силой; во-вторых, новые издания авторов, исправленные, в более точных переводах, с более полезными комментариями, с более точными примечаниями.

Что же касается тех мер, которые имеют в виду в отношении самих ученых, то, не говоря уже о возвышении и продвижении их, нужно указать на следующие две задачи: а) вознаграждение и поощрение преподавателей дисциплин уже известных и открытых, б) вознаграждение и поощрение исследователей в тех областях науки, которые до сих пор остаются еще недостаточно разработаны и исследованы.

Таков в общем характер деятельности, в которой проявились заслуги знаменитых правителей и других выдающихся людей перед наукой. Когда же я стал думать о том, как бы упомянуть каждого, кто принес большую пользу науке, мне вспомнились известные соображения Цицерона, побудившие его после возвращения из изгнания поблагодарить всех вкупе: «Трудно не пропустить кого-нибудь, неблагоприятно пропустить кого-то»³. Лучше, по совету Писания, взглянуть на тот участок пути, который нам еще предстоит пройти, чем оглядываться назад на то, что мы уже оставили за спиной.

Прежде всего меня удивляет, что во всей Европе среди такого числа великолепно организованных колледжей нет ни одного, где бы изучались свободно все науки в их совокупности, и все эти колледжи предназначены для обучения лишь каким-то определенным профессиям. Конечно, тот, кто считает, что целью всякой науки является ее практическая полезность, безусловно, прав. Но в то же время, рассуждая таким образом, легко впасть в ту самую ошибку, о которой говорит древняя басня, рассказывающая о том, как остальные члены тела вступили в тяжбу с желудком за то, что он не приводит в движение тело, подобно суставам, и не вырабатывает ощущения, подобно голове, а между тем этот желудок, переварив полученную пищу, распределял ее по всему телу. Совершенно так же тот, кто в философии и в изучении общих законов видит пустое и бессмысленное занятие, не замечает, что именно от них поступают жизненные соки и силы во все отдельные профессии и искусства. По крайней мере я убежден, что это обстоятельство явилось отнюдь не последней причиной, задерживающей до сих пор прогресс науки, ибо этими основополагающими науками занимались лишь мимоходом и не пытались глубже проникнуть в них. Ведь если хотят, чтобы дерево было плодоноснее обычного, то не имеет смысла заботиться о ветвях, нужно вскопать землю вокруг корней и переместить поближе лучшую землю — иначе ничего не получится. Не следует обходить молчанием и тот факт, что такого рода ограничение деятельности колледжей и научных обществ лишь определенным кругом профессиональных знаний не только мешало развитию науки, но даже нанесло ущерб королевствам и республикам. Ведь именно в этом причина того, что правители, собираясь назначить министров, способных заняться государственными делами, обнаруживают вокруг себя удивительную нехватку такого рода людей. Дело в том, что ни в одном колледже не дается общего образования, необходимого для государственной деятельности, нет колледжа, где бы люди, самой природой предназначенные к такой деятельности, могли бы изучать прежде всего (помимо остальных наук) историю, новые языки, политические книги и трактаты для того, чтобы приступить к государственной службе более подготовленными и образованными.

Поскольку же наставники колледжей «насаждают», а профессора «орошают», мне теперь следует сказать о недостатках в общественном образовании. Я, безусловно, самым резким образом осуждаю скудность оплаты (особенно у нас) преподавателей как общих, так и специальных дисциплин. Ведь прогресс науки требует прежде всего, чтобы преподаватели каждой дисциплины выбирались из самых лучших и образованных специалистов в этой области, поскольку их труд не предназначен для удовлетворения преходящих нужд, но должен обеспечить развитие науки в веках. Но это можно осуществить только в том случае, если будут обеспечены такое вознаграждение и такие условия, которыми может быть вполне удовлетворен любой, самый выдающийся в своей области специалист, так что ему будет нетрудно постоянно заниматься преподаванием и незачем будет думать о практической деятельности. Для того чтобы процветали науки, нужно придерживаться восточного закона Давида: «Чтобы доставалась равная часть идущему в битву и остающемуся в обозе»⁴, ибо иначе обоз будет плохо охраняться. Так и преподаватели для науки оказываются, так сказать, хранителями и стражами всех ее достижений, дающих возможность вести бой на поле науки и знания. А поэтому вполне справедливо требование, чтобы их оплата равнялась заработку тех же специалистов, занимающихся практической деятельностью. Если же пастырям наук не установить достаточно крупного и щедрого вознаграждения, то произойдет то, о чем можно сказать словами Вергилия:

И чтобы голод отцов не сказался на хилом потомстве⁵.

А теперь я укажу на другой недостаток, где на помощь придется, пожалуй, призвать какого-нибудь алхимика, ибо именно они настойчиво советуют исследователям продать книги, построить печи, оставить Минерву и Муз как бесплодных девственниц и посвятить себя служению Вулкану. Действительно, нужно признать, что в некоторых науках (особенно в естественной философии и медицине) как для более глубокого их изучения, так и для практического применения следует искать помощи не в одних только книгах. В этой области вообще никогда не прекращались субсидии со стороны щедрых людей: ведь мы видим, что приобретаются и используются для

запятый не только книги, но и сферы, глобусы, астролябии, карты и тому подобные предметы, необходимые в астрономии и космографии. Мы знаем также, что некоторые колледжи, занимающиеся медициной, имеют сады для наблюдений и изучения всякого рода растений и что вполне хватает трупов для анатомических исследований. Но ведь все это мелочи. Вообще же следует твердо помнить, что едва ли возможен значительный прогресс в раскрытии глубоких тайн природы, если не будут предоставлены достаточные средства на эксперименты, будь то работы Вулкана или Дедала (т. е. требующие печей или машин) или эксперименты какого-нибудь другого рода. И поэтому если королевским секретарям и эмиссарам разрешается представлять счета и получать компенсацию за средства, потраченные на обнаружение заговоров и раскрытие государственных тайн, то точно таким же образом следует компенсировать расходы исследователей и разведчиков природы, потому что в противном случае мы никогда не узнаем о великом множестве вещей, достойных нашего познания. Ведь если Александр предоставил Аристотелю огромные деньги, на которые тот смог нанять охотников, птицеловов, рыбаков и прочих, с тем чтобы приступить к написанию истории животных, обладая возможно большим числом фактов, то, конечно же, еще большего заслуживают те, кто не бродит по ущельям и лесам, но прокладывает себе путь в лабиринтах науки.

Нам нужно рассмотреть еще один недостаток, имеющий большое значение: речь идет о том, что ректоры университетов не обращают внимания на организацию преподавания, а государи и другие высшие особы не посещают учебных заведений, с тем чтобы внимательно рассмотреть и решить, полезно ли сохранять чтения, диспуты и другие формы схоластических упражнений, возникшие еще в древности и сохранившиеся до нашего времени, или же следует отказаться от них и заменить их другими, лучшими формами. Ведь среди мудрейших постановлений Вашего Величества мы находим следующее: «По поводу любого обычая или примера следует иметь в виду время, когда этот обычай впервые возник, и если в это время царили смуты или невежество, то это прежде всего лишает его всякого значения и делает подозрительным». Поскольку университетские традиции в большинстве случаев ведут свое происхождение от времен гораздо

более невежественных и темных, чем наш век, тем больше оснований подвергнуть их пересмотру. Я покажу это на одном или двух примерах, взятых из областей наиболее знакомых и распространенных. Вошло в обычай (хотя, как мне кажется, совершенно напрасно) как можно раньше заставлять учащихся изучать логику и риторику — науки, несомненно подходящие взрослым людям, а не детям и юношам. Ведь эти две науки, если правильно оценивать вещи, принадлежат к числу труднейших наук; это *науки наук*, потому что одна из них изучает суждения, а другая — средства их изложения; они дают правила и нормы того, как следует располагать и излагать материал. Поэтому добиваться, чтобы неопытные и неразвитые умы (которые еще не приобрели даже того, что Цицерон называл «материалом» и «запасом» (*supellex*)⁶, т. е. фактическими знаниями) начали свое развитие с этих наук, равносильно желанию научиться взвешивать, измерять и укрощать ветер; и, конечно, такое стремление может привести только к полной утрате этими науками их подлинного значения и возможностей (в действительности больших и достаточно широких) и вырождению первой из них в ребяческую софистику, а второй — в смешную декламацию или в лучшем случае к потере ими значительной части своего авторитета. Кроме того, поспешное и преждевременное изучение этих наук неизбежно приводит к весьма тощему и схематичному их изложению и такого же рода преподаванию, приспособленному, естественно, к возможностям детского восприятия. Приведу другой пример. Речь идет о недостатке, уже давно укоренившемся в наших университетах и выражающемся в чрезвычайно вредном разрыве между упражнениями, требующими запоминания, и упражнениями, предназначенными для того, чтобы развить творческие способности учащегося. Ведь большинство речей, сочиняемых при изучении риторики, либо вообще бывают подготовлены заранее, так что произносятся уже в готовых выражениях, и здесь уже не остается места для изобретательности и находчивости, либо, наоборот, эти речи всецело представляют собой экспромты и не дают никакой возможности для развития памяти. А между тем в обычной жизни, в ораторской практике, редко можно встретить потребность только в одном из этих видов красноречия, чаще приходится пользоваться обоими одновременно, т. е. необходимы

и предварительные заметки, и способность к импровизации. Поэтому такого рода упражнения совершенно не отвечают потребностям практики и не соответствуют истинному представлению о жизни. В своих упражнениях следует постоянно стремиться к тому, чтобы все (насколько это возможно) максимально соответствовало тому, что происходит в реальной жизни, а иначе такого рода деятельность будет не развивать способности человеческого ума, а лишь портить их и направлять по ложному пути. Истинность этих слов легко обнаруживается в тот момент, когда окончившие учебные заведения приступают к своей профессиональной деятельности либо принимаются за исполнение какой-нибудь иной гражданской обязанности. Тут-то они сами очень скоро обнаруживают в себе тот недостаток, о котором мы говорили, но еще быстрее замечают его у них окружающие. Впрочем, мне бы хотелось завершить эту часть моего рассуждения об улучшении организации преподавания известными словами Цезаря, заключающими его письмо к Оппию и Бальбу: «Мне приходит кое-что в голову относительно того, как это сделать, но многое еще можно придумать, и я прошу вас самих подумать об этом»⁷.

Есть еще одно, несколько более важное обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание. Ведь если успешное развитие науки в немалой степени зависит от разумной организации отдельных университетов и правильного управления, то еще больших результатов можно было бы добиться, если бы все университеты, рассеянные по Европе, установили между собой более тесную связь и сотрудничество. Ведь, как известно, немало орденов и товариществ, хотя и находятся в разных государствах, далеко друг от друга, тем не менее объединяются в сообщества и своего рода братства, тщательно поддерживают эти союзы и даже имеют общих префектов (областных или федеральных), которым они все подчиняются. Природа создает отношения братства в семье, занятия ремеслами устанавливают братство в цехах, божественное помазание несет с собой братство среди королей и епископов, обеты и уставы устанавливают братство в монашеских орденах, и, конечно, невозможно, чтобы точно таким же образом благодаря наукам и просвещению не возникло бы и благородное братство среди людей, ибо сам бог носит имя «отца света»⁸.

Наконец, вызывает огорчение (об этом я коротко говорил уже несколько выше), что почти никогда не происходит публичного поощрения (или оно происходит очень редко) людей, способных создавать труды или проводить исследования в тех областях науки, которые все еще недостаточно разработаны. В этом деле огромную помощь окажет задуманная нами своего рода перепись наук, которая даст нам возможность судить, какие области науки достигли уже значительного развития и богатства знаний, а какие до сих пор остаются в забвении и впадают нищенское существование. Ведь уверенность в изобилии является одной из причин бедности; и множество книг указывает скорее на роскошь, чем на недостаток. Однако это чрезмерное изобилие (если правильно оценивать вещи) должно быть устранено отнюдь не уничтожением написанных до сих пор, а изданием новых, лучших книг, способных, подобно змею Моисея, «пожрать змеев Магов»⁹.

Исправить все перечисленные мною недостатки, за исключением последнего (и даже этот последний в той его части, которая касается поощрения исследователей), без сомнения, под силу только монарху. Обыкновенного же человека, предпринимающего усилия и попытки сделать что-то в этом отношении, можно сравнить со статуей Меркурия на развилке дорог — она может указывать направление пути, но сама по нему пойти не может. Однако для деятельности отдельного человека остается открытой другая, исследовательская сторона проблемы: речь идет о том, чтобы обдумать и решить, что необходимо сделать в каждой области науки для дальнейшего их развития. Поэтому я и решил предпринять всеобщий и полный обзор всех наук, ставя при этом своей главной задачей внимательное и тщательное выяснение того, какие области науки остаются до сих пор не разработанными, не привлекают еще внимания исследователей и не поставлены на службу человеку. Я надеюсь, что такого рода обзор состояния науки и задач, стоящих перед ней, послужит стимулом и указанием для помощи науке со стороны государственной власти и для самостоятельных усилий отдельных ученых. Впрочем, в настоящее время я хочу указать лишь на то, что остается улучшенным, и отметить то, что необходимо сделать, отнюдь не стремясь изобличать ошибки и критиковать неудачи. Ведь

одно дело — обнаружить необработанную землю, другое — исправить способ обработки.

Готовясь приступить к исполнению этого замысла, я полностью отдаю себе отчет в том, сколь тяжкий труд предстоит мне, сколь трудную задачу я взял на себя, наконец, сколь безмерно малы мои силы по сравнению с тем, что я хотел бы сделать. Однако я весьма надеюсь, что если даже моя слишком пылкая любовь к науке и завела меня слишком далеко, то я смогу сослаться в качестве оправдания на силу своих чувств, ибо одному и тому же человека никогда не выпадает на долю одновременно «и любить и быть мудрым»¹⁰. Разумеется, я прекрасно понимаю, что следует и другим предоставить такую же свободу суждения, какой я сам пользуюсь, и я, конечно, с одинаковым удовольствием приму от других и исполню сам этот (общий для всех) долг человечности, «ибо тот, кто любезно указывает путь заблуждающимся» и т. д.¹¹

Я предвижу также, что очень многое из того, что я решил включить в наш список неразработанных и подлежащих исследованию областей науки, вызовет самые разнообразные суждения и возражения: одно покажется уже выполненным и существующим, другое — отвечающим лишь любопытству и обещающим ничтожную практическую пользу, третье — слишком трудным и почти невозможным для человеческих сил. Что касается первых двух возражений, то здесь само дело будет говорить за себя; относительно же последнего, говорящего о невозможности выполнения поставленной задачи, я могу сказать следующее: нужно считать возможным и выполнимым все то, что может быть достигнуто кем-нибудь, хотя и не обязательно каждым, и то, что может быть достигнуто объединенными усилиями людей, хотя не обязательно одним человеком, и то, что может быть достигнуто на протяжении ряда веков, хотя и недоступно для одного только века, и, наконец, то, что может быть достигнуто благодаря государственной поддержке и субсидиям (заботе и богатству всего общества), хотя и остается недостижимым для усилий и средств отдельных людей. Если же, однако, найдется кто-нибудь, кто предпочтет воспользоваться словами Соломона: «Ленивый говорит: лев на пути», а не словами Вергилия: «...ибо видят, что можно и могут!»¹², то для меня будет достаточным, если мои труды останутся только

среди добрых пожеланий и стремлений. Ведь подобно тому как уже правильная постановка вопроса свидетельствует о некотором знакомстве с предметом, так и тот, как мне кажется, не лишен совершенно здравого смысла, кто пожелал того, что ни в коем случае нельзя считать бессмысленным.

Глава I

Разделение всего человеческого знания на историю, поэзию и философию в соответствии с тремя интеллектуальными способностями: памятью, воображением, рассудком; это же разделение относится и к теологии

Наиболее правильным разделением человеческого знания является то, которое исходит из трех способностей разумной души, сосредоточивающей в себе знание. История соответствует памяти, поэзия — воображению, философия — рассудку. Под поэзией мы понимаем здесь своего рода вымышленную историю, или вымыслы, ибо стихотворная форма является в сущности элементом стиля и относится тем самым к искусству речи, о чем мы будем говорить в другом месте. История, собственно говоря, имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются в определенных условиях места и времени. Ибо, хотя естественная история на первый взгляд занимается видами, это происходит лишь благодаря существующему во многих отношениях сходству между всеми предметами, входящими в один вид, так что если известен один, то известны и все. Если же где-нибудь встречаются предметы, являющиеся единственными в своем роде, например солнце и луна, или значительно отклоняющиеся от вида, например чудовища (монстры), то мы имеем такое же право рассказывать о них в естественной истории, с каким мы повествуем в гражданской истории о выдающихся личностях. Все это имеет отношение к памяти.

Поэзия — в том смысле, как было сказано выше — тоже говорит об единичных предметах, но созданных с помощью воображения, похожих на те, которые являются предметами подлинной истории; однако при этом довольно часто возможны преувеличение и произвольное изображение того, что никогда бы не могло произойти в действительности. Точно так же обстоит дело и в живописи. Ибо все это дело воображения.

Философия имеет дело не с индивидуумами и не с чувственными впечатлениями от предметов, но с абстрактными понятиями, выведенными из них, соединением и разделением которых на основе законов природы и фактов самой действительности занимается эта наука. Это полностью относится к области рассудка.

Что это именно так, можно легко убедиться, обращаясь к источникам мыслительного процесса. Ощущение, служащее как бы воротами интеллекта, возникает от воздействия только единичного. Образы или впечатления от единичных предметов, воспринятые органами чувств, закрепляются в памяти, при этом первоначально они запечатлеваются в ней как бы нетронутыми, в том самом виде, в каком они явились чувственному восприятию. И только потом человеческая душа перерабатывает и пережевывает их, а затем либо пересматривает, либо воспроизводит их в своеобразной игре, либо, соединяя и разделяя их, приводит в порядок. Таким образом, совершенно ясно, что история, поэзия и философия вытекают из этих трех источников — памяти, воображения и рассудка — и что не может быть ни каких-либо иных, ни большего числа форм деления науки. Дело в том, что историю и опытное знание (*experientia*) мы рассматриваем как единое понятие, точно так же как философию и науку.

Мы считаем, что и теология не пуждается в каком-то ином типе деления. Конечно, существует различие между информацией, получаемой через откровение, и информацией, идущей от чувственных восприятий, как по самому существу, так и по способу ее передачи, по дух человеческий един и его способности и части одни и те же. Это похоже на то, как разные жидкости разными путями вливаются в один и тот же сосуд. Поэтому и теология складывается из священной истории, из притч (парабол), являющихся своего рода религиозной поэзией, и из поучений и догматов — некоей вечной философии. Что же касается той части теологии, которая остается и после такого деления (я имею в виду пророчества), то это по существу род истории, ибо божественная история имеет то преимущество перед человеческой, что сообщение о каких-то событиях в равной мере может как следовать за ними, так и предшествовать им.

Глава II

Разделение истории на естественную и гражданскую, включая в последнюю историю церковную и историю научную. Разделение естественной истории на историю явлений обычных, явлений исключительных и искусств

История делится на естественную и гражданскую. В естественной истории рассматриваются явления и факты природы, в гражданской — деятельность людей. Божественное начало, вне всякого сомнения, проявляется и в той, и в другой, но главным образом это относится к гражданской истории; более того, оно образует свой собственный вид истории, который мы обычно называем священной, или церковной, историей. В свою очередь роль наук и искусств представляется нам столь значительной, что мы считаем необходимым выделить их в особый вид истории, которая, подобно церковной истории, должна, по нашему мнению, входить в состав истории гражданской. Разделение естественной истории на три вида мы будем проводить, исходя из состояния и условий самой природы, которая выступает перед нами в трех видах и развивается как бы по трем направлениям. Ведь природа или является свободной и развивается своим обычным, естественным путем, как это имеет место по отношению к небесным явлениям, животным, растениям и вообще ко всем природным явлениям, или же под влиянием искажений и косности непокорной материи, под действием мощных препятствий утрачивает свое естественное состояние (как в случае чудовищ), или же, наконец, уступает труду и искусству человека, подчиняется его воле и как бы рождается вновь, как это происходит во всех созданиях рук человеческих. Поэтому мы и будем делить естественную историю на историю обычных явлений (*generationes*), историю исключительных явлений (*praeter-generationes*) и историю искусств, которую мы обычно называем также механической и экспериментальной историей. Первая из этих дисциплин исследует природу в ее естественном, свободном проявлении, вторая — отклонения от естественного состояния, третья — взаимоотношения природы и человека. Мы с особенным удовольствием рассматриваем историю искусств как вид естественной истории, потому что глубоко укоренилось ошибоч-

ное мнение, считающее искусство и природу, естественное и искусственное чем-то совершенно различным, а это убеждение приводит к тому, что исследователи считают свою задачу полностью выполненной, если они изложили историю животных, растений и минералов, даже не упомянув об экспериментах в области механических искусств¹³. Результатом этого ошибочного противопоставления явилась пагубная идея, согласно которой искусство лишь некий придаток природы, годный только на то, чтобы довести до конца дело, начатое самой природой, или исправить какие-то возникающие недостатки, или устранить те или иные препятствия, мешающие ее свободному развитию, но совершенно неспособный глубоко изменить ее, преобразовать или потрясти до основания. Такое убеждение заставляет человека слишком поспешно отчаиваться в своих способностях. В действительности же люди должны проникнуться глубоким убеждением в том, что искусственное отличается от естественного не формой или сущностью, а только действующей причиной: ведь вся власть человека над природой органичивается властью над движением, т. е. способностью соединять и разъединять природные тела. Поэтому если имеется возможность сближения или удаления природных тел, то соединяя, как говорят, активное с пассивным, человек может все, если же такой возможности нет, он ничего не может. И если вещи располагаются в определенном для данного результата порядке, то не имеет никакого значения, произойдет ли это с участием человека или без его участия. Иногда золото плавят на огне, иногда же его находят в чистом виде в золотоносном песке, и здесь его создает сама природа. Точно так же радуга образуется в небе благодаря прохождению света через влагу облаков, но она же может возникнуть и здесь, на земле, при прохождении света через рассеянные водяные пары. Таким образом, всем управляет природа, ей же подчиняются указанные выше три направления: развитие самой природы, отклонения от ее естественного развития и искусство (*ars*), т. е. человек в его отношении к природе. Поэтому есть все основания включить в естественную историю все эти три направления, что в значительной мере сделал еще Гай Плиний, единственный, кто рассматривал естественную историю так, как этого требовало ее истинное значение; но, включив в нее все эти направ-

ления, он излагал их совсем не так, как следовало, более того, совершенно неправильно.

Из этих трех областей первая более или менее разработана, остальные две исследованы столь слабо и неудовлетворительно, что их следует отнести к разряду требующих разработки (*desiderata*). Ведь не существует ни одного достаточно аргументированного и полного описания таких явлений природы, которые бы отклонялись от обычного хода ее развития, будь то какие-то исключительные создания определенных стран и местностей, или необычные по времени явления, или же, как говорит Плиний, игра случая (*casuum ingenia*), или проявления каких-то неизвестных свойств, или явления, уникальные (*monadica*) в своем роде. Я, пожалуй, не стану отрицать, что можно найти слишком много книг, наполненных всякими баснословными сообщениями, фантастическими тайнами, беззастенчивым обманом и написанных лишь для развлечения и удовлетворения пустого любопытства, но серьезной и строгой систематизации всех чудесных явлений природы, тщательно проверенной и подробно изложенной, у нас нет, а тем более нет должных попыток отбросить и, так сказать, публично подвергнуть остракизму получившие распространение всевозможные лживые измышления и басни. Ведь, судя по тому, как обстоят сейчас дела, если ложные и фантастические представления относительно явлений природы закрепятся и — потому ли, что так велико уважение к древности, потому ли, что не хочется вновь исследовать эти явления, потому ли, что подобные вещи представляются замечательными украшениями речи благодаря тем сравнениям и аналогиям, которые из них можно извлечь, — получат распространение, то потом их уже никогда не искоренить и не исправить.

Целью сочинения такого типа (а этот тип сочинений освещен примером самого Аристотеля) менее всего будет удовлетворение пустого любопытства, к чему стремятся чудотворцы и фокусники. Наоборот, такое произведение поставит перед собой прежде всего две важные и серьезные задачи: первая из них — исправить ошибочность некоторых аксиом, которые в большинстве своем основываются на избитых и широкоизвестных примерах; вторая — найти более удобный и легкий переход от чудес природы к чудесам искусства. Самое важное в этом де-

ле — зорко следить за природой, когда она внезапно отклоняется от естественного хода своего развития, чтобы в результате таких наблюдений можно было в любой момент восстановить по своей воле упомянутый ход развития и заставить природу подчиниться. И я не собираюсь советовать полностью исключить из этой истории чудесных явлений все суеверные рассказы о колдовстве, ворожбе, чарах, сновидениях, предсказаниях и тому подобном, если совершенно точно известно, что соответствующее событие действительно произошло. Ведь еще неизвестно, в каких случаях и до какой степени то, что приписывается суеверию, может быть объяснено естественными причинами. И поэтому мы хотя и считаем, что занятия такого рода деятельностью, безусловно, заслуживают осуждения, однако уверены, что в результате внимательного наблюдения и тщательного изучения этих вещей получим отнюдь не бесполезные знания о них, и не только для того, чтобы должным образом разобраться в преступлениях людей, обвиняемых в подобного рода деятельности, но и для того, чтобы глубже проникнуть в тайны самой природы. Следовательно, нужно без колебания вступать и проникать во все такого рода тайники и пещеры, если только перед нами стоит одна цель — исследование истины. Вы, Ваше Величество, подтвердили правильность этого собственным примером, ибо обоими прекраснейшими и ясновидящими глазами, глазом религии и глазом естественной философии, столь мудро и прозорливо проникли в кромешный мрак и доказали, что нет никого более похожего на солнце, которое, освещая даже клоаки, остается незапятнанным¹⁴. Однако я хотел бы напомнить о том, что эти рассказы вместе со всеми суевериями следует излагать отдельно и не смешивать с рассказом о подлинных и ясных явлениях природы. Что же касается религиозных рассказов о знамениях и чудесах, то они либо не во всем истинны, либо вообще не имеют никакого отношения к явлениям природы, а потому не должны рассматриваться в естественной истории.

Остановимся теперь на истории покоренной и преобразованной природы, которую мы называем обычно историей искусств. Здесь мне, правда, известны некоторые работы о земледелии и даже о многих механических искусствах, но что в этой области самое плохое — это то, что постоянно остаются без внимания и игнорируются

наиболее известные и распространенные опыты в тех или иных практических дисциплинах, хотя они дают для познания природы столько же, если не больше, чем вещи менее распространенные. Ведь считается, что наука будет чуть ли не осквернена и унижена, если ученые обратятся к наблюдениям и исследованиям вопросов, относящихся к механике, если только это не какие-то тайны искусства или же вещи, слывающие весьма редкими и утонченными. Над этой пустой и высокомерной заносчивостью с полным основанием смеялся Платон, выведя хвастливого софиста Гиппия, беседующего с Сократом, честным и глубоким исследователем истины. Когда разговор зашел о красоте, Сократ в соответствии со своим непринужденным и свободным методом рассуждения воспользовался примером сначала прекрасной девушки, затем прекрасной лошади, наконец, прекрасной и великолепно выполненной глиняной вазы. Возмущенный этим последним примером, Гиппий сказал: «Я бы, конечно, с негодованием отказался спорить с любимым, кто приводит столь низкие и грязные примеры, если бы меня не удерживали правила вежливости». На что Сократ с иронией заметил: «Ну конечно, как же ты можешь вынести их, если ты одет в такое великолепное платье и прекрасные сандалии»¹⁵. Во всяком случае можно, пожалуй, утверждать наверняка, что великие примеры дают нам не самое лучшее и не самое надежное знание. Именно об этом не без остроумия говорится в известном рассказе о философе, который, созерцая звезды на небе, упал в воду; ведь если бы он посмотрел под ноги, то смог бы увидеть звезды в воде, но, глядя на небо, он не мог увидеть воды в звездах¹⁶. Точно так же часто случается, что вещи мелкие и незначительные дают нам больше для познания великих вещей, чем великие — для познания малых. Поэтому очень хорошо заметил Аристотель: «Природа любой вещи лучше всего обнаруживается в ее мельчайших частях»¹⁷. Поэтому природу государства он ищет прежде всего в семье и в простейших формах социальных связей (мужа и жены, родителей и детей, господина и раба), которые встречаются в любой хижине. Совершенно аналогично природу этого великого государства (т. е. Вселенной) и управление им следует искать как в любом первичном соединении, так и в мельчайших частях вещей. Пример этого мы видим в том,

что известная тайна природы (считавшаяся величайшей) — способность железа под влиянием магнита направляться к полюсам — раскрылась не в больших железных брусках, а всего лишь в иголках.

Для меня же, если только мое мнение имеет какой-то вес, совершенно ясно, что история искусств имеет для естественной философии в высшей степени важное и основополагающее значение. Я имею в виду такую естественную философию, которая не стремится погрузиться в туман утопченных и возвышенных спекуляций, но действительно помогает людям в преодолении трудностей и невзгод их жизни. И она принесет не только непосредственную пользу в данный момент, соединяя наблюдения разных наук и используя наблюдения одной науки в интересах других и тем самым получая новые результаты, что неизбежно происходит тогда, когда наблюдения и выводы различных наук становятся предметом размышления и исследования одного человека, но и зажжет такой яркий факел, освещающий путь к дальнейшему исследованию причин сущего и открытию научных истин, какой еще никогда и нигде не загорался. Ведь подобно тому как характер какого-нибудь человека познается лучше всего лишь тогда, когда он приходит в раздражение, и Протей принимает обычно различные обличья лишь тогда, когда его крепко свяжут, так и природа, если ее раздражить и потревожить с помощью искусства, раскрывается яснее, чем когда ее предоставляют самой себе.

Прежде чем покончить с этой частью естественной истории, которую мы называем механической и экспериментальной историей, необходимо добавить следующее: нужно включить в изложение этой истории не только собственно механические, но и практическую часть свободных наук, а также и многообразные формы практической деятельности, чтобы ничто не было пропущено из того, что служит развитию человеческого разума. Таково первое разделение естественной истории.

Глава III

Второе разделение естественной истории в зависимости от ее применения и цели — на повествовательную и индуктивную. Важнейшая цель естественной истории со-

стоит в том, чтобы служить философии и давать материал для ее формирования; это и является предметом индуктивной истории. Разделение истории природных явлений на историю небесных явлений, историю метеоров, историю земного шара и моря, историю масс, или больших собраний, и историю видов, или меньших собраний

Естественная история по своему объекту делится, как мы уже сказали, на три вида, по практическому же применению — на два. Ибо она используется либо для познания самих вещей, являющихся предметом истории, либо — как первоначальный материал для философии. И этот первый вид истории, который либо доставляет удовольствие занимательностью изложения, либо приносит пользу своими экспериментами и который получил распространение именно благодаря такого рода удовольствию и пользе, должен быть признан значительно менее важным по сравнению с тем, который служит основой и материалом истинной и подлинной индукции и является первой кормилицей философии. Поэтому мы установим еще одно деление естественной истории — на историю повествовательную и индуктивную. А эту последнюю отнесем к тем областям науки, которые требуют разработки. И пусть ни величие авторитета древних, ни огромные фолианты современных ученых не мешают никому острым умом проникать в неизведанное. Мы достаточно хорошо знаем, что естественная история весьма обширна по своему объему, занимательна благодаря разнообразию своего материала и нередко является результатом большого и тщательного труда. Но если исключить из нее небылицы, свидетельства древних, ссылки на авторов, пустые споры, наконец, словесные украшения и прикрасы — все то, что годится скорее для застольных бесед и ночных пирушек ученых, чем для формирования философии, то она потеряет почти все свое значение. Конечно же, в таком виде она весьма далека от той истории, о которой мы мечтаем. Ведь прежде всего остаются неразработанными те две части естественной истории, о которых мы только что говорили, т. е. история исключительных явлений природы и история искусств, которым мы придаем очень большое значение. Далее, в остающейся третьей части нашего основного деления, т. е. в истории естественных явлений, достаточно удовлетворительно

разработана лишь одна из пяти частей, ее составляющих. Дело в том, что история естественных явлений складывается из пяти взаимосвязанных частей. Первая из них — это история небесных явлений, которая охватывает только сами эти явления, как таковые, и совершенно не связана с теорией. Вторая часть — это история метеоров (включая кометы) и того, что называют атмосферой, однако пока невозможно найти сколько-нибудь серьезное и ценное исследование природы комет, огненных метеоров, ветров, дождей, бурь и т. п. Третья часть — это история земли и моря (насколько они являются едиными частями Вселенной), гор, рек, приливов и отливов, песков, лесов, островов, наковец, самих очертаний континентов и их протяженности; но во всех этих явлениях важно прежде всего наблюдать и исследовать их природу, а не ограничиваться их простым описанием. Четвертая часть посвящена истории общих масс материи (*massae materiae communes*), которые мы называем большими собраниями (*collegia maiora*) и которые обычно имеют элементами: ведь не существует описаний огня, воздуха, воды, земли, их природы, характера движения, действия, влияния на окружающее, которые бы могли составить их подлинную историю. Пятая и последняя часть посвящена истории особенных собраний материи (*collectiones materiae exquisitae*), которые мы называем меньшими собраниями (*collegia minora*) и которые обычно именуют видами (*species*). Только в этой последней части проявилась достаточно полно деятельность ученых, однако результатом ее было скорее изобилие ненужных сведений (например, всевозможные описания внешнего вида животных или растений), а не обогащение науки основательными и тщательными наблюдениями, которые одни только и должны составлять содержание естественной истории. Короче говоря, вся естественная история, которой мы располагаем в настоящее время, как по состоянию исследовательской работы, так и по тому материалу, который в ней имеется, ни в коей мере не соответствует той цели, которую мы перед ней поставили, — служить основой для развития философии. Поэтому мы заявляем, что индуктивная история еще ждет своей разработки. Итак, об естественной истории сказано достаточно.

Разделение гражданской истории на историю церковную, научную и собственно гражданскую. Необходимость создания научной истории. Принцип ее построения

Мы считаем, что гражданская история с полным основанием делится на три вида: во-первых, священную, или церковную, историю, затем собственно гражданскую историю и, наконец, историю наук и искусств. Мы начнем наше изложение с того вида, который мы назвали последним, ибо два остальных уже существуют, а этот, как мне кажется, еще предстоит создать. Это — история науки. Действительно, если бы история мира оказалась лишней этой области, то она была бы весьма похожа на статую ослепленного Полифема, так как отсутствовало бы именно то, что как нельзя более выражает гений и талант личности. Хотя мы считаем, что эта дисциплина еще только должна быть создана, нам тем не менее прекрасно известно, что в отдельных науках, например в юриспруденции, математике, риторике, философии, даются краткие упоминания об их истории или сухое перечисление различных школ, учений, имен ученых или же поверхностное изложение хода развития этих наук; встречаются даже отдельные трактаты — впрочем, весьма скудные и бесполезные — о создателях этих наук. Однако я с полным правом заявляю, что подлинной всеобщей истории науки до сих пор еще не создано. Поэтому мы скажем здесь о ее предмете, способе создания и практическом назначении.

По предмету она не выходит за рамки всего того, что основывается на памяти, и связана с тем, какие науки и искусства, в какие эпохи, в каких странах мира преимущественно развивались. Здесь нужно сказать о состоянии науки в древности, о ее развитии, распространении по разным частям света (ведь знания путешествуют так же, как и сами народы); далее следует сказать о тех или иных ошибках, периодах забвения и возрождения. В то же время необходимо показать в каждом виде искусства и науки повод для их возникновения и источники их происхождения, традиции преподавания и изучения, методы исследования и формы применения. Важно также назвать отдельные школы и наиболее известные споры,

возникавшие среди ученых, рассказать о том, какую клевету приходилось терпеть ученым и какой славой и почестями они бывали увенчаны. Должны быть названы основные авторы, наиболее значительные книги, школы, традиции, университеты, общества, колледжи, ордены, наконец, все, что имеет отношение к состоянию и развитию науки. Прежде всего мы хотим, чтобы было восполнено то, что составляет достоинство и как бы душу гражданской истории, а именно, чтобы одновременно с перечислением событий говорилось и о причинах, их породивших, т. е. чтобы было сказано о природе стран и народов, об их больших или меньших способностях и дарованиях к тем или иным наукам, о тех или иных исторических обстоятельствах, способствовавших или мешавших развитию науки, о ревности и вмешательстве религий, о законах, направленных против науки, и о законах, благоприятствовавших ее успехам, наконец, о замечательных качествах и деятельности отдельных лиц, способствовавших развитию науки и просвещения и т. п. Мы хотим предупредить, что весь этот материал следует излагать не так, как это делают критики, тратя время на восхваление и порицание, а строго исторически, излагая преимущественно сами факты и как можно осторожнее прибегая к собственным оценкам.

Относительно же способа построения такого рода истории прежде всего следует помнить следующее: фактический материал для нее следует искать не только у историков и комментаторов; прежде всего следует привлечь к изучению важнейшие книги, написанные за все время существования науки, начиная с глубокой древности, изучая их последовательно по отдельным векам и даже по более коротким периодам времени, чтобы из общего знакомства с ними (прочитать их все было бы невозможно, ибо число их бесконечно) и наблюдений над их содержанием, стилем и методом изложения перед нами возник, словно по волшебству, сам дух науки того времени.

Что касается практического применения, то история науки создается не для того, чтобы восславить науки и устроить торжественную процессию из множества знаменитых ученых, и не потому, что, охваченные пылкой любовью к наукам, мы стремимся узнать, исследовать и сохранить все, что так или иначе касается их состояния

вплоть до мельчайших деталей. Наша цель значительно важнее и серьезнее. Она, коротко говоря, сводится к убеждению в том, что с помощью такого изложения, какое мы описали, можно значительно увеличить мудрость и мастерство ученых в самой научной деятельности и в организации ее и, кроме того, оттенить движения и изменения, недостатки и достоинства в истории мысли в такой же мере, как и в гражданской истории, а это в свою очередь даст возможность найти наилучший путь руководства ими. Ведь, по нашему мнению, труды блаженного Августина и блаженного Амвросия не могут принести такой пользы для образования епископа или теолога, какую может принести тщательное изучение церковной истории. Мы не сомневаемся, что аналогичный результат даст ученым история наук. Ведь всякое объяснение, которое не основывается на примерах и исторической памяти, неизбежно оказывается во власти случайности и произвола. Это все, что мы хотели сказать об истории наук.

Глава V

*О значении гражданской истории и о трудностях, связанных с ее созданием*¹⁸

Далее следует собственно гражданская история, значение и авторитет которой превосходят значение и авторитет остальных человеческих творений. Ведь ей доверены деяния предков, смена событий, основания гражданской мудрости, наконец, слава и доброе имя людей. Но огромное значение этой науки влечет за собой и не меньшие трудности. Ведь во всяком случае требуется огромный труд и мудрость для того, чтобы при создании истории мысленно погрузиться в прошлое, проникнуться его духом, тщательно исследовать смену эпох, характеры исторических личностей, изменения замыслов, пути свершения деяний, подлинный смысл поступков, тайны правления, а затем свободно и правдиво рассказать об этом, как бы поставив это перед глазами читателя и осветив лучами яркого повествования. Это тем более трудно, что все события древности известны нам плохо, а занятия историей недавнего прошлого сопряжены с немалой опасностью. Поэтому-то большинство сочинений по гражданской истории так неудачно. Очень многие

исследователи излагают события как-то очень бледно и бездарно, и их сочинения недостойны этой науки; другие поспешно и беспорядочно соединяют вместе отдельные сообщения и незначительные заметки современников; третьи бегло перечисляют лишь основные события; четвертые, наоборот, роятся во всяких мелочах, не имеющих никакого значения для понимания сущности событий; некоторые, слишком уж переоценивая силу своего таланта, бесстрашно фантазируют и придумывают многие события; другие же оставляют на всем изложении отпечаток не столько таланта, сколько своих чувств, и, думая об интересах своей партии, оказываются не слишком достоверными свидетелями событий; кое-кто всюду вводит излюбленные политические доктрины и, пытаясь найти повод для того, чтобы похвастаться, слишком легко прерывает повествование различными отступлениями; другие, не зная никакой меры, без разбору нагромождают в своих сочинениях множество всякого рода речей и обращений. Итак, совершенно очевидно, что среди всех сочинений, созданных людьми, ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях история. Впрочем, в настоящий момент мы лишь даем классификацию наук, чтобы указать на то, что было упущено, а не оценку и критику ошибочности выводов. Поэтому приступим теперь к установлению различных типов деления гражданской истории на специальные области. Ведь будет меньше возможностей смещения ее видов, если вместо одного-единственного, постоянно проводимого будут установлены различные типы деления.

Глава VI

Первое деление гражданской истории

Воспользовавшись аналогией с тремя родами картин или статуй, гражданскую историю можно разделить на три раздела. Картины и статуи могут быть незаконченными — им кисть или резец художника еще не придали окончательного вида, могут быть законченными и совершенными и, наконец, испорченными и обезображенными временем. Пользуясь этой аналогией, мы разделим гражданскую историю (являющуюся своего рода образом событий и времен) на три вида, соответствующие указан-

ным трем видам картин. Эти виды мы назовем мемориями (*memoriae*), адекватной историей (*historia justa*) и древностями (*antiquitates*). Мемории — это незавершенная история (*historia inchoata*), или как бы первоначальные и необработанные наброски истории. Древности же — это «деформированная история», иначе обломки истории, случайно уцелевшие от кораблекрушения в бурях времен.

Мемории, т. е. подготовительные материалы для истории, делятся на два рода, первый из которых мы будем называть комментариями, второй — перечнями (*registra*). Комментарии излагают голые факты в их хронологической последовательности, не касаясь причин и поводов событий и действий, не упоминая того, что им предшествовало, и того, что их сопровождало, не приводя речей, не рассказывая о планах и замыслах исторических деятелей и обо всем остальном, сопровождавшем сами события. Такова сущность и природа этого жанра, хотя Цезарь по какой-то своей великодушной скромности и называл комментариями самое выдающееся историческое сочинение из всех ныне существующих. Перечни бывают двоякого рода: они либо содержат перечень событий и лиц, расположенных в хронологическом порядке, и называются фастами или хронологиями¹⁹, либо представляют собой сборники официальных документов, какими являются указы государей, постановления сенатов, документы судебных процессов, официальные речи, дипломатические послания и т. п., не сопровождаемые при этом последовательным изложением и толкованием.

Древности имеют дело со своего рода останками истории, похожими, как мы уже сказали, на обломки корабля, потерпевшего крушение. Когда воспоминания о событиях уже исчезли и сами они почти полностью поглощены пучиной забвения, трудолюбивые и проицательные люди, несмотря на это, с какой-то удивительной настойчивостью и скрупулезной тщательностью пытаются вырвать из волн времени и сохранить хотя бы некоторые сведения, анализируя генеалогии, календари, надписи, памятники, монеты, собственные имена и особенности языка, этимологии слов, пословицы, предания, архивы и всякого рода орудия (как общественные, так и частные), фрагменты исторических сочинений, различные места в книгах, совсем не исторических. Эта работа, конечно, требует огромного труда, однако она и приятна людям, и

вызывает к себе известное уважение, и, поскольку мы отвергаем мифы о происхождении народов, безусловно, может заменить такого рода фантастические представления. Однако она не имеет достаточного веса, потому что, будучи объектом исследования незначительного числа людей, неизбежно оказывается в зависимости от произвола этой немногочисленной группы.

Я не считаю необходимым отмечать какие-то недостатки во всех этих видах незавершенной истории, так как они являются чем-то вроде несовершенной связи (*imperfecte mista*) и такого рода недостатки вытекают из самой их природы. Что же касается всевозможных аббревиатур (*epitomae*)²⁰, этих настоящих короедов и гусениц истории, то их (по нашему мнению) следует гнать от себя как можно дальше (и в этом с нами согласны очень многие весьма разумные люди), ибо эти черви изъели и источили множество великоленейших исторических трудов, превратив их в конце концов в бесполезную труху.

Глава VII

Разделение адекватной истории на хроники, жизнеописания и повествования. Содержание этих трех частей

В зависимости от характера своего объекта адекватная история делится на три вида. Ведь история может рассказывать либо о каком-то более или менее продолжительном периоде времени, либо о той или иной выдающейся личности, представляющей интерес для потомков, либо о каком-то исключительном событии или подвиге. В первом случае — перед нами хроники или летописи, во втором случае — жизнеописания и, наконец, в третьем — повествования (*relationes*). Среди этих трех жанров наибольшей известностью и популярностью пользуются хроники; жизнеописания лучше других способны обогатить людей полезными примерами; повествования же отличаются своей правдивостью и искренностью. Хроники излагают лишь значительные события общественной жизни, дают лишь внешнее представление о личности исторических деятелей, показывая их, так сказать, со стороны, обращенной к публике, и оставляя без внимания и обходя молчанием все менее значительное как в самих событиях, так и в людях. А так как только боже-

ству доступно искусство «великое связывать с малым», то весьма часто оказывается, что такого рода история, стремясь к изложению только великих событий и фактов, изображает лишь эффектную и помпезную их сторону, не выявляя истинные их причины и внутреннюю связь между собой. И даже если эта история и рассказывает при этом о самих замыслах и планах событий, она все-таки, увлекаясь все тем же величием изображенного, приписывает человеческим поступкам гораздо больше важности и мудрости, чем они имеют в действительности, так что иная сатира может оказаться более истинной картиной человеческой жизни, чем некоторые из подобного рода исторических сочинений. Наоборот, жизнеописание, если только они написаны добросовестно и умно (мы не говорим здесь о панегириках и тому подобных пустопорожних восхвалениях), дают значительно более правдивую и истинную картину действительности, поскольку они посвящены описанию жизни отдельных людей, и здесь автору неизбежно приходится сопоставлять и перечислять поступки и события важные и несерьезные, великие и незначительные, рассказывать о фактах личной жизни и о государственной деятельности этого человека; и все это, конечно, гораздо легче и с большим успехом может послужить в качестве примера и образца для читателя. Сочинения же, посвященные тем или иным отдельным историческим событиям (как, например, «Пелопоннесская война» Фукидида, «Поход Кира» Ксенофонта, «Заговор Катилины» Саллюстия и т. п.), вполне естественно отличаются во всех отношениях гораздо большей искренностью, безупречностью и правдивостью повествования по сравнению с историей, рассказывающей о целых периодах развития, поскольку авторы такого рода сочинений могут выбрать себе материал достаточно обозримый и удобный, дающий возможность как точного и надежного его изучения, так и исчерпывающего изложения. История же целой эпохи (особенно если она значительно удалена от времени жизни самого исследователя) весьма часто страдает от недостатка материала и неизбежно содержит известные пробелы, которые обычно писатели совершенно произвольно восполняют своей фантазией и догадками. Вместе с тем то, что было сказано нами об искренности отдельных исторических повествований, не следует понимать буквально. Во

всяком случае нужно признать (поскольку вообще все человеческое не является во всех отношениях совершенным и почти всегда те или иные преимущества сопровождаются какими-то потерями), что такого рода сочинения, особенно если они написаны в то самое время, о котором они повествуют, с полным основанием считаются наименее надежными источниками, ибо они нередко запечатлевают на себе симпатии и антипатии самого автора. Но с другой стороны, существует средство и против этого порока: дело в том, что подобные повествования почти всегда создаются сторонниками не одной какой-либо партии, но пишутся, выражая при этом партийные пристрастия и стремления авторов, деятелями и той и другой партии и, таким образом, открывают и укрепляют дорогу для истины, находящейся где-то посредине между двумя крайностями. Когда же улягутся страсти и стихнет борьба, эти сочинения могут дать добросовестному и проницательному историку не самый худший материал для создания более совершенной истории.

Если говорить о том, что мне представляется желательным в этих трех родах истории и что не вызывает сомнений, — до сих пор все еще не существует очень многих историй отдельных государств и это неизбежно наносит немалый ущерб королевствам и республикам, вместо того чтобы увеличивать их славу и достоинство (разумеется, мы имеем в виду такого рода сочинения, которые могли бы представлять какую-то действительную ценность, или по крайней мере более или менее сносные). Перечислять их было бы слишком долго. Впрочем, оставляя заботу об истории других народов им самим (чтобы не показаться слишком заинтересованным в чужих делах), я не могу не посетовать перед Вашим Величеством на то, как плохо и несерьезно написана существующая в настоящее время история Англии в целом, и также на то, сколь необъективен и пристрастен новейший блистающий эрудицией автор истории Шотландии²¹. Я считаю, что для Вашего Величества будет весьма почетным, а для потомства — весьма приятным, если, подобно тому как этот остров Великобритании будет существовать отныне как единая монархия, так и вся его история от древних веков будет изложена в едином сочинении, так же как Священное писание излагает историю десяти

колен царства Израильского и двух колен царства Иудейского. Если же Вам кажется, что трудности, встающие перед такого рода историей, — а они действительно весьма велики — могут помешать точному и достойному изложению событий, то я Вам укажу на пример памятного периода истории Англии, хотя и значительно более краткого, чем вся ее история, а именно периода от союза Алой и Белой Розы до объединения королевства Англии и Шотландии²². Этот период, по крайней мере по моему мнению, значительно богаче разнообразными событиями (которые обычно редки), чем можно встретить где бы то ни было в другом, равном по времени периоду истории любой из наследственных монархий. Этот период начинается с принятия короны, добытой отчасти с помощью оружия, отчасти же — законным путем, ибо путь к ней был проложен мечом, брак же упрочил добытую власть²³. А затем последовали времена, соответствующие такому началу, более всего похожие на волны моря после сильного шторма — они еще огромны и мощны, но страшная буря уже улеглась, и мудрость кормчего, единственного выдающегося по своему уму среди предшествующих королей, помогла одолеть их. Ему наследовал король, деятельность которого оказывала значительное влияние на дела всей Европы, давая перевес тем силам, которые он поддерживал, хотя сам он действовал, руководствуясь скорее своими настроениями, чем мудрыми планами²⁴. Именно в период его царствования берет свое начало та великая церковная реформа, подобную которой весьма редко случается видеть. Далее царствовал несовершеннолетний король, а затем последовала попытка установления тирании, хотя и весьма непродолжительная, которую можно сравнить с однодневной лихорадкой²⁵. Затем наступило правление женщины, вышедшей замуж за чужеземного короля, а потом — снова царствование женщины, на этот раз одинокой и безбрачной²⁶. И наконец, все это завершает счастливое и славное событие — объединение нашего отделенного от всего остального мира острова Британия. Тем самым то древнее пророчество, данное Энею, которое указывало на ожидающий его покой: «... ищите древнюю мать»²⁷, исполнилось применительно к славным народам Англии и Шотландии, уже объединившимся под именем Британии, своей древней праматери, и это объединение служит залогом и символом того,

что положен предел и наступил исход скитаний и странствий. Мне представляется вероятным, что подобно тому, как тяжелые глыбы, приведенные в движение, прежде чем остановиться в неподвижности, некоторое время дрожат и колеблются, божественное провидение пожелало, чтобы эта монархия, прежде чем укрепиться и упрочиться под властью Вашего Величества и Ваших потомков (а я надеюсь, что под властью Вашего потомства она упрочится на вечные времена), испытала все эти многочисленные изменения и превратности судьбы, послужившие ей как бы предвестниками ее будущей прочности.

Думая о жизнеописаниях, я невольно испытываю удивление, видя, что наше время совсем не знает того, что составляет его принадлежность: ведь так мало существует жизнеописаний людей, прославившихся в наш век. Хотя королей и других правителей, пользующихся неограниченной властью, очень мало, да и руководителей в свободной республике (ведь столько республик стало теперь монархиями) тоже немного, однако и под властью королей не было недостатка в выдающихся людях, заслуживших нечто большее, чем беглое и смутное упоминание о себе или пустое и бесплодное восхваление. В связи с этим мне вспоминается довольно изящный образ, созданный одним из новейших поэтов, которым он обогатил древнее сказание²⁸. Он говорит, что к концу нити Парок прикреплена какая-то круглая пластинка (или медальон), на которой написано имя умершего. Время поджидает удара Пожы Атропы, и, как только нить обрывается, оно выхватывает пластинку и, унеся ее, некоторое время спустя выбрасывает в Лету. Над рекой носится множество птиц, которые подхватывают эти пластинки и носят их повсюду некоторое время в своих клювах, а потом, забыв о них, роняют в реку. Но среди этих птиц есть несколько лебедей: если они схватывают какую-то пластинку с именем, то сейчас же относят ее в некий храм, посвященный Бессмертию. В наше же время эти лебеди почти совсем исчезли. Хотя большинство людей, дела и заботы которых еще более смертны, чем их тело, пренебрегают памятью о своем имени, видя в ней не более чем дым и ветер:

...и всех тех, чья душа не нуждается в славе великой²⁹,

поскольку философия их и их строгость произрастают из следующего принципа: «Мы только тогда презрели похвалы, когда перестали совершать достойное похвалы», однако это не опровергает нашего мнения, ибо, как говорит Соломон, «да восславится память о человеке справедливым, имя же нечестивых сгниет»³⁰: первая вечно цветет, второе тотчас же приходит в забвение или, разлагаясь, издает отвратительное зловоние. И поэтому в тех же обычных выражениях и формулах речи, которые вполне правильно применяются по отношению к умершим («счастливой памяти», «блаженной памяти», «добрый памяти»), мы узнаем, как мне кажется, то, что сказал Цицерон (заимствуя это в свою очередь у Демосфена): «Добрая слава — это единственная собственность умерших»³¹. И я не могу не отметить, что это богатство в наше время, как правило, остается заброшенным и никем не используется.

Что же касается повествований, то здесь весьма желательно, чтобы им было уделено гораздо больше внимания. Ведь едва ли случается какое-нибудь более или менее значительное событие, которое бы не нашло для себя прекрасного пера, способного заметить и описать его. А поскольку тех, кто мог бы достойно написать адекватную историю, очень мало (это достаточно ясно уже в силу немногочисленности даже посредственных историков), постольку, если удастся запечатлеть отдельные события в достаточно сносных сочинениях еще в тот самый период времени, когда они происходят, можно будет надеяться, что появятся когда-нибудь те, кто сможет с помощью материала этих повествований написать адекватную историю. Ведь эти повествования могли бы послужить как бы питомником, из которого, когда это будет необходимо, можно будет насадить огромный и великодушный сад.

Глава VIII

Разделение истории времен на всеобщую и частную историю; достоинства и недостатки каждой из них

История времен может быть или всеобщей, или частной. Последняя охватывает события какого-нибудь одного государства, республики или народа, первая излагает всемирную историю. Никогда не было недостатка в лю-

дях, похвалявшихся тем, что они написали историю всего мира чуть ли не с самого его возникновения, выдавая при этом за историю беспорядочную мешанину из событий и обрывков сокращенных повествований. Другие убеждены, что они могут охватить в форме адекватной истории все замечательные события своего времени, происшедшие во всех странах мира: попытка, бесспорно великая и сулящая немалую пользу. Ведь все события в нашем мире не настолько разделены по странам и государствам, чтобы между ними не существовали многочисленные связи, поэтому во всяком случае интересно рассматривать судьбы какого-то века или поколения как бы собранными и изображенными на одной картине. Кроме того, большое число сочинений, заслуживающих внимания (например, упомянутые выше повествования), которые в противном случае могли бы погибнуть или не издаваться долгое время, используются в такого рода общей истории либо полностью, либо на худой конец в основных своих частях и таким образом фиксируются и сохраняются для потомства. Однако если рассмотреть этот вопрос глубже, то легко заметить, что законы подлинной истории настолько строги, что они лишь с большим трудом применимы к столь обширному материалу, так что в результате великое значение истории скорее уменьшается, чем увеличивается, с разрастанием ее объема. Ведь тот, кто стремится охватить как можно больше самых разнообразных фактов и событий, мало-помалу перестает заботиться о точности получаемых сведений и, растратив все свое внимание на множество приводимых частных случаев, в конце концов начинает хвататься за всевозможные слухи и легенды и пишет историю, основываясь на такого рода малодостоверных сообщениях и тому подобном гнилом материале. Мало того, чтобы его произведение не разрослось до бесконечности, он неизбежно будет вынужден сознательно опускать очень многое, заслуживающее упоминания, и в конце концов довольно часто скатываться до уровня сочинителя аббревиариев. Существует и другая весьма значительная опасность, диаметрально противоположная тем задачам, которые ставит перед собой всеобщая история: ведь если всеобщая история способствует сохранению некоторых сведений, которые иначе, возможно, погибли бы, то она же, с другой стороны, и весьма часто губит другие, весьма интересные сообщения,

которые в противном случае могли бы сохраниться, а здесь вынуждены пасть жертвой столь любезных людям сокращений.

Глава IX

Другой вид деления истории времен — на летописи и повседневную хронику

Историю времен можно еще с полным основанием разделить на летописи (*Annales*) и дневники (повседневную хронику), и, хотя это деление основывается лишь на разных периодах времени, оно тем не менее имеет отношение и к отбору материала. Ведь Корнелий Тацит, упомянув о великолепии каких-то сооружений, тут же совершенно правильно замечает: «Согласно с достоинством римского народа установлено, что выдающиеся события заносятся в летописи, а подобные тем, о которых я только что упомянул, — в повседневную хронику»³², относя к содержанию «летописей» лишь дела государственной важности, а все остальные события и незначительные происшествия считая достойным лишь повседневной хроники, или дневников (*diaria*). Во всяком случае мне представляется вполне целесообразным с помощью своего рода геральдики установить среди сочинений такую же иерархию, какая существует и среди людей. Ведь ничто не наносит большего ущерба гражданским делам, чем смешение сословий и степеней, и точно так же ничто больше не подрывает авторитета серьезной истории, как стремление смешать политические проблемы с вещами гораздо менее значительными и серьезными вроде описаний всякого рода торжественных процессий, празднеств, зрелищ и т. п. И конечно же, в высшей степени желательно, чтобы такого рода разделение материала и жанра сочинений стало обычным и само собой разумеющимся делом. В наше время дневники ведутся только во время морских путешествий и военных походов. У древних же считалось знаком почтения к царям заносить в дневники все, что происходило в их дворцах. Мы знаем, что именно так было при персидском царе Агасуере, который, страдая однажды ночью бессонницей, потребовал, чтобы ему принесли дневники, и таким образом обнаружил заговор евнухов. А в дневниках Александра Великого содержались настолько мелкие факты, что туда внесено даже то,

что он, например, заснул как-то за столом. Однако это не значит, что если летописи охватывают только серьезные и важные события, то дневники содержат одни лишь пустяки: в действительности они включают в равной мере все — и важное, и неважное.

Глава X

Следующее разделение гражданской истории — на чистую и смешанную

Наконец, мы можем разделить гражданскую историю на чистую и смешанную. Особенно часто в сочинение исторического характера включается материал, заимствованный как из других гражданских наук, так и в значительной мере из наук естественных. Некоторые писатели создали особый жанр, в котором автор не излагает события в хронологической последовательности, но выбирает их по своему усмотрению, размышляя о них, и, воспользовавшись этим поводом, обращается к рассуждениям на актуальные политические темы³³. Этот род историко-политических трактатов мы, разумеется, всячески приветствуем, но только в том случае, если автор такой работы заранее скажет, что он пишет именно такого рода сочинение. Но если кто-то, сознательно ставя перед собой цель создать адекватную историю, в то же время то и дело отвлекается в сторону, старается рассуждать на политические темы и прерывает таким образом нить повествования, то он тем самым делает сочинение совершенно непригодным и весьма тягостным для читателя. Конечно, любая более или менее серьезная историческая тема, если можно так выразиться, черпает политическими уроками и наставлениями, но все же сам писатель не должен уподобляться повивальной бабке. Точно так же к смешанному виду истории относится и космографическая история, имеющая весьма многочисленные точки соприкосновения с другими дисциплинами: ведь из естественной истории она заимствует описание самих стран, характера их местности, географического положения и природных ресурсов; из гражданской истории — описание городов, государств, нравов; из математики — описание климата и движения небесных светил над землей. Этот род истории или, точнее, науки составляет, как мне кажется,

особую славу именно нашего века. Ведь именно в нашу эпоху земной шар каким-то удивительным образом сделался открытым и доступным для изучения. Правда, древние знали о поясах земли и антиподах:

В час же, как дышат на нас, запыхавшись, кони Востока,
Там зажигает, багрян, вечерний свой пламенный Веспер³⁴.

Правда, все это было скорее результатом логических рассуждений, чем путешествий и непосредственных наблюдений. Но чтобы какой-то маленький кораблик соперничал с самим небом и обошел весь земной шар даже по еще более сложному и извилистому пути, чем тот, по которому всегда движутся небесные светила, — это достижение нашего века, так что наше время с полным правом могло бы взять своим девизом не только знаменитое *plus ultra* [и дальше], тогда как древние провозглашали *non ultra* [не дальше]³⁵, но, кроме того, *imitabile fulmen* [имитируемая молния] там, где древние говорили *non imitabile fulmen* [неподражаемая молния]:

Неподражаемый пламень небес и тучи, безумец!
Медью и стуком хотел заменить рогоногих он коней³⁶

— и, что еще более удивительно, *imitabile caelum* (имитируемое небо), что стало возможным благодаря морским путешествиям, в результате которых мы все чаще получаем возможность объезжать и обходить весь земной шар, подобно тому как это делают небесные светила.

И эти счастливые успехи в морском деле, в изучении и познании земного шара вселяют в нас большую надежду на дальнейшие успехи и развитие знаний, тем более что и то и другое, как видно по божественному предначертанию, происходит в одну и ту же эпоху. Ведь именно так предсказывает пророк Даниила, говоря о новейших временах: «Очень многие будут путешествовать, и увеличится знание»³⁷, как бы относя тем самым к одному и тому же веку путешествия, исследования Вселенной и всестороннее развитие знаний. Мы знаем, что в значительной степени это пророчество уже исполнилось, ибо наше время по развитию знания вовсе не уступает, а в ряде случаев и значительно превосходит те два знаменитых начальных периода или переворота в развитии наук, которые выпали на долю греков и римлян.

Глава XI

Разделение церковной истории на историю церкви, историю пророчеств и историю возмездий

Церковная история в целом подразделяется на те же самые виды, что и гражданская история. Существуют церковные хроники, существуют жития отцов церкви, существуют повествования о синодах и других событиях, имеющих отношение к церкви. Однако в собственном смысле слова церковная история делится на историю церкви (сохраняющую свое родовое название), историю пророчеств и историю возмездия или Провидения. Первая из них излагает эпоху воинствующей церкви и изменение положения церкви в различные периоды ее развития: бросают ли ее волны, подобно ковчегу во время потопа, странствует ли она, подобно ковчегу в пустыне, или поконтся, подобно ковчегу в храме, т. е. говорит о положении церкви в периоды преследования, распространения и мира. Я не вижу в этой области чего-либо недостающего, скорее здесь можно говорить о значительных излишествах, чем о недостатке сведений. И мне бы хотелось только, чтобы всему этому колоссальному объему содержания соответствовали искусство и искренность повествования.

Вторая часть, т. е. история пророчеств, состоит из двух взаимосвязанных частей: описания самих пророчеств и их исполнения. В связи с этим композиция такого рода сочинения должна предусматривать сопоставление отдельных пророчеств Писания с теми событиями, которые подтверждают их истинность, и такое параллельное изложение должно быть проведено по всем векам, что послужит укреплению веры и в то же время поможет создать своего рода науку истолкования тех пророчеств, которые до сих пор еще не исполнились. Однако здесь необходимо иметь в виду ту широту, которая вообще органически присуща божественным предсказаниям, ибо они могут исполняться либо в течение некоторого времени, либо в какой-то один определенный момент, поскольку они отражают природу своего творца, «для которого один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»³⁸; и, хотя полное и окончательное свершение пророчеств падает обыкновенно на какую-то определенную эпоху или даже на какой-то определенный момент, здесь существуют известные градации и постепенное

приближение к свершению пророчеств, происходящее в течение ряда эпох истории. Создание такого произведения я считаю необходимым. Но это требует величайшей мудрости, ясности взгляда и уважения к предмету, иначе вообще лучше не браться за эту тему.

Третья часть, а именно история возмездия, уже была предметом сочинений некоторых благочестивых людей, проникнутых, однако, определенной партийной пристрастностью. Задача же этой науки сводится к познанию той божественной гармонии, которая время от времени осуществляется между явной и тайной волей бога. Ведь хотя замыслы и пути господни столь сокровенны, что они совершенно недоступны плотской природе человека, хотя они очень часто скрыты даже от глаз тех, кто всеми силами настойчиво стремится разгадать их, однако иногда божественная мудрость в целях укрепления верующих и посрамления тех, кто живет в этом мире, забыв о боге, все же дает возможность обнаружить себя и является перед людьми как бы начертанной большими буквами для того, чтобы, по словам пророка, «любой мог даже второпях прочесть это»³⁹, а это значит, что люди, живущие только чувственными удовольствиями и радостями и в торопливой погоне за ними забывающие божественные заветы, а также никогда не задумывающиеся над ними, несмотря на всю суету своей порочной жизни, оказываются вынужденными признать их истинность. Такое впечатление производят хотя бы и поздно, хотя бы и неожиданно наступившее возмездие, или спасение, пришедшее вдруг в тот момент, когда уже исчезла всякая надежда на него, или божественный промысел, обнаруживший себя наконец в сложных сплетениях и удивительных лабиринтах событий и т. п. Все это имеет большое значение не только для утешения всрющих, но также и для того, чтобы пробудить сознание и совесть в дурных людях.

Глава XII

О приложениях к истории, рассматривающих слова людей подобно тому, как история рассматривает дела их. Разделение их на речи, письма и афоризмы

Однако следует сохранять память не только о деяниях человечества, но и о словах его. Конечно, речи, письма

и т. п. иногда включаются в исторические сочинения, поскольку они способствуют серьезному и доходчивому изложению событий. Но главным хранилищем человеческих слов служат сборники речей, писем, афоризмов. Речи мудрых людей, произнесенные по поводу важных и трудных дел и обстоятельств, имеют большое значение как для познания самих событий, так и для развития красноречия. Но еще большую помощь в формировании гражданской мудрости оказывают письма великих людей, написанные по поводу различных важных событий. Поистине, среди всех видов словесного творчества нет ничего более значительного и полезного, чем такого рода письма. В них гораздо больше природного смысла, чем в официальных речах, гораздо больше зрелой мудрости, чем в обычных беседах. Если же они систематически пишутся и охватывают, таким образом, определенный период времени (таковы, например, письма послов, губернаторов и других государственных чиновников, адресованные царям, сенату или другим вышестоящим лицам, или, наоборот, письма правителей к своим чиновникам), то они, вне всякого сомнения, оказываются драгоценнейшим материалом для истории. Но и афоризмы служат отнюдь не только для развлечения или украшения речи, они, безусловно, важны и полезны в деловой жизни и в гражданской практике. Ведь они, по словам одного знаменитого человека, своего рода «словесные топоры или кинжалы», которые своим острием разрубают запутанные узлы дел и событий и проникают в их глубину. Ведь все в мире повторяется, и то, что когда-то было полезным, может снова понадобиться и вновь оказаться таким же полезным независимо от того, представляют ли люди эти изречения как создание своего века или будут специально подчеркивать их древность. По крайней мере нельзя сомневаться в пользе для развития общественной жизни того, чему сам Цезарь оказал честь своими трудами. Если бы только сохранилась книга его изречений!⁴⁰ Ведь все то, что в настоящее время существует в этом роде, представляется нам весьма случайным и неоднородным по своему значению.

Вот и все, что следовало сказать об истории, т. е. той части науки, которая отвечает одной из «клеток», или «келий», интеллекта, а именно памяти.

Глава XIII

О втором важнейшем разделе знаний — о поэзии. Разделение поэзии на эпическую, драматическую и параболическую. Три примера параболической поэзии

Ну а теперь перейдем к поэзии. Поэзия — это род учености, в значительной мере ограниченный в отношении средств словесного выражения, но зато весьма свободный и ничем не связанный в отношении своего содержания. Поэтому, как мы уже сказали с самого начала, она относится к воображению, которое обладает способностью воссоздавать и придумывать любые самые невероятные сочетания вещей или отделять друг от друга предметы в действительности неотделимые. Но, как мы заметили выше, понятие поэзии может восприниматься в двух смыслах: с точки зрения словесного выражения либо с точки зрения ее содержания. В первом случае она представляет собой определенный род речи: ведь стихотворение, стих — это понятие стилистическое, определенная форма выражения, не имеющая отношения к самому предмету, ибо в равной степени можно в стихотворной форме излагать подлинные события и в прозаической — события вымышленные⁴¹. Во втором смысле мы с самого начала назвали поэзию одним из основных видов знаний и поставили ее в один ряд с историей, ибо она представляет собой не что иное, как произвольное подражание истории. Таким образом, стремясь в нашем разделении выяснить и показать истинный характер каждой отрасли знания и не следуя (во многих случаях) обычным установившимся принципам деления, мы исключаем из рассмотрения в настоящий момент сатиры, элгии, эпиграммы, оды и тому подобное и переносим разговор о них в разделы философии и ораторского искусства. Под именем же поэзии мы рассматриваем здесь только историю, произвольно воссозданную фантазией писателя. Если не говорить о тех принципах деления, которые у поэзии оказываются общими с историей (ведь существуют вымышленные хроники, вымышленные жизнеописания, даже вымышленные повествования), наиболее правильным и соответствующим сущности предмета является деление поэзии на эпическую, драматическую и параболическую. Эпическая поэзия во всех отношениях подражает истории, так что ее можно было бы порой

принять за последнюю, если бы только она не прибегала весьма часто к слишком уж большим преувеличениям.

Драматическая поэзия — это как бы паглядная история; она изображает события так, как будто они происходят непосредственно перед нашими глазами, история же показывает их как уже совершившиеся. Параболическая же поэзия — это история, выражающая абстрактные понятия посредством чувственных образов.

Эпическая поэзия (назовем ее героической, имея при этом в виду ее содержание, а не стихотворную форму) возникает, по-видимому, из самых благородных оснований и отвечает прежде всего требованиям самой человеческой природы. Ведь так как чувственный мир по своему значению ниже, чем разумная душа (*anima rationalis*), то поэзия, очевидно, в изобилии дает человеческой природе именно то, чего не может ей дать история, и так или иначе удовлетворяет человеческий ум хотя бы тенями вещей за отсутствием вещей действительных. В самом деле, если внимательнее рассмотреть все это, то мы найдем в поэзии бесспорное доказательство того, что человеческая душа стремится к величию более великолепному, к порядку более совершенному, к разнообразию более прекрасному, чем те, которые можно обнаружить в самой природе за все время существования рода человеческого. Поэтому, так как деяния и события, составляющие предмет реальной истории, не обладают таким величием, которое было бы способно удовлетворить человеческую душу, возникает поэзия, творящая события более героические. Так как истинная история излагает ход событий, совсем не заботясь о том, чтобы он демонстрировал торжество добродетели и наказание порока, то поэзия исправляет его, приводя действия к такому финалу, в котором бы торжествовал закон возмездия, воздавая каждому по заслугам. Наконец, истинная история, рассказывая о многих весьма похожих друг на друга событиях, в конце концов неизбежно становится скучной и неинтересной, поэзия же привлекает к себе внимание рассказом о событиях неожиданных, разнообразных, о внезапных переменах, превратностях судьбы и т. д. Таким образом, поэзия не только доставляет художественное наслаждение, но и способствует возвышению духа и улучшению нравов. Поэтому вполне заслуженно в ней можно увидеть даже нечто божественное, ибо она возвышает дух и увлекает его к небесам,

стремится согласовать образы вещей со стремлениями души, а не подчинить душу действительности (то что делают разум и история). Благодаря всем этим привлекательным свойствам и очарованию, покоряющему человеческую душу, усиленному еще и музыкой, придающей особую сладостность ее воздействию, поэзия легко достигла того, что даже в самые грубые эпохи, даже у варваров, там, где другие искусства и науки были совершенно уничтожены, она пользовалась почетом и уважением.

Драматическая же поэзия, для которой театр — это весь мир, может приносить исключительную пользу при условии правильного понимания своих целей. Ибо театр может быть и великой школой истины, и опасной школой пороков. Что касается пороков, то театр насаждает их в изобилии, наука же истины в наше время совершенно забыта⁴². Между тем, хотя в современных государствах театральные представления считаются пустым развлечением (если только они не приближаются слишком уж сильно к сатире и не становятся опасными в своих критических выпадах), древние настойчиво стремились к тому, чтобы театр стал школой воспитания гражданской доблести. А великим мудрецам и выдающимся философам театр представлялся своего рода инструментом, заставляющим звучать струны человеческой души. И вот что еще удивительно верно (и в то же время остается тайной природы): человеческая душа оказывается значительно более открытой и доступной для аффектов и впечатлений в тот момент, когда люди собираются вместе, чем тогда, когда они находятся наедине с собой.

Параболическая поэзия занимает выдающееся место среди остальных видов поэзии и представляется людям чем-то священным и величественным, тем более что сама религия широко пользуется ее средствами и с ее помощью осуществляет связь между божественным и человеческим. Однако и она имеет свои недостатки благодаря тому легкомыслию и несерьезности, с которыми люди относятся к аллегориям. Она является, так сказать, «палкой о двух концах» и может быть использована в прямо противоположных целях. Она может затемнять смысл, но может и раскрывать его. В первом случае она — хитроумное орудие обмана, во втором — определенное средство обучения. И это средство обучения, которое помогает раскрыть смысл явлений, в древности использовалось особенно

широко. Поскольку открытия и выводы человеческого разума (даже те, которые в наше время общезвестны и очевидны) были в то время новыми и непривычными, то люди с трудом воспринимали тонкость этих рассуждений и приходилось прибегать к образным сравнениям и примерам, более доступным для понимания, чем абстрактные умозаключения. Поэтому мы встречаем у древних на каждом шагу множество всякого рода мифов, притч, загадок и сравнений. Отсюда числа Пифагора, загадки Сфинкса, басни Эзопа и т. п. Да и почти все афоризмы древних мудрецов раскрывают их мысли, пользуясь сравнениями. И у римлян, народа в те времена еще совершенно необразованного, Менений Агриппа⁴³ с помощью притчи добился прекращения восстания плебеев. Наконец, подобно тому как иероглифическое письмо древнее буквенного, так и притчи появляются раньше отвлеченных логических доказательств. Даже в наше время притча обладает, как и раньше, исключительной силой воздействия, ибо ни одно логическое доказательство не может быть столь наглядным и очевидным, ни один пример не может быть более удачным.

Вторая функция параболической поэзии, по существу противоположная первой, состоит в том, чтобы (как мы уже сказали) скрывать истинный смысл особенно тех вещей, достоинство которых требует, чтобы они были скрыты от взоров непосвященных каким-то покровом; и именно поэтому таинства религии, секреты политики, глубины философии облакаются в одежды басен и аллегорий. Сомневаются, заключают ли в себе древние поэтические мифы некий тайный смысл? Во всяком случае сам я могу заявить, что склонен видеть в очень многих мифах древних поэтов глубокий скрытый смысл. И нас не заставит презрительно относиться к ним то, что эти мифы считаются теперь интересными лишь для маленьких детей да школяров грамматического класса и им не придают серьезного значения. Наоборот, отлично известно, что сочинения, содержащие эти мифы, являются, если не говорить о Священном писании, древнейшими из всех, которые создало человечество, а сами мифы еще намного древнее и этих произведений (ибо известно, что они не были созданы самими этими писателями, а восприняты ими из древней традиции) и поэтому мифы эти похожи на какое-то нежное дуновение, проникшее в греческие

свирели из песен более древних народов. И так как все попытки истолкования этих мифов, предпринимавшиеся до сих пор, принадлежат людям некомпетентным, весьма поверхностно образованным и не могут никоим образом удовлетворить нас, то следует думать, что философская интерпретация древних мифов и притч как наука еще должна быть создана. Мы приведем здесь один или два примера такого толкования. Может быть, это и не так уж и важно само по себе, но хотелось бы сохранить принятый нами принцип изложения, состоящий в том, чтобы, если что-то представляется неясным относительно тех научных трудов, которые мы считаем необходимым создать, всегда давать советы и приводить примеры того, как следует выполнить это. А иначе, пожалуй, кто-нибудь подумает, что у нас нет ничего, кроме самого поверхностного представления о предмете, и что мы, подобно авгурам⁴⁴, умеем только в уме своем оценивать пределы, но не знаем путей, ведущих туда. Этот раздел поэзии, как никакой другой, нуждается в дальнейшем исследовании, дабы поэзия, как растение, выросшее само собою на богатой почве и никем не посеянное, поднялась над другими искусствами и науками и широко распростерлась над ними. Однако приведем всего лишь три примера: первый — из области естественных наук, второй — из области политики и последний — из области этики.

*Первый пример философской интерпретации
древних мифов в естественной философии*
О ВСЕЛЕННОЙ ПО МИФУ О ПАНЕ

Древние не имели единого мнения о происхождении Пана. Одни считали его сыном Меркурия, другие представляли себе его происхождение совершенно иначе. Говорили, что Пенелопа сожительствовала со всеми своими женихами и плодом этого беспорядочного сожительства явился Пан. Не следует оставлять без внимания и третью версию его происхождения: некоторые считали Пана сыном Юпитера и Гюбрис (т. е. богини дерзости). Каковы бы ни были, однако, версии его происхождения, его сестрами всегда считались Парки, жившие в подземной пещере. Сам же Пан жил всегда под открытым небом. С древних времен Пана изображают так: на голове у него острые, прямые рога, высоко поднимающиеся к небу, все

тело его густо покрыто шерстью и курчавыми волосами, длинная борода. Облик его наполовину человеческий в верхней части тела и полузвериный — в нижней, козлиные ноги. В руках у него — знаки его власти: в левой — свирель, сделанная из семи тростниковых трубочек, в правой — посох, изогнутый сверху. Одет он в шкуру леопарда. Что касается его функций, то он считался богом охотников, пастухов и вообще сельских жителей, а также владыкой гор. Кроме того, подобно Меркурию, он был вестником богов. Он считался также предводителем нимф, которые все время вели вокруг него хороводы и плясали; спутниками его были сатиры и силены. Помимо всего прочего он обладал способностью внушать страх, особенно пустой и суеверный, который назывался паническим. Деяния его немногочисленны. Главное место среди них занимает состязание, на которое он вызвал Купидона и был побежден им⁴⁵. Известно также, что он поймал в сети и усмирил гиганта Тифона. А кроме того, рассказывают, что, когда Церера в горе и негодовании из-за похищения Прозерпины скрылась от богов и людей и все боги всячески старались ее разыскать, отправившись в поисках ее во все концы земли, только Пану по какой-то счастливой случайности удалось во время охоты встретить ее. Он осмелился также вступить в музыкальное состязание с Аполлоном и даже оказался победителем по решению судьи состязания Мидаса (за это решение Мидас получил ослиные уши, хотя ему и удавалось их прятать). У Пана почти не было любовных связей. Древние называют лишь две или три, что может показаться весьма удивительным, тем более что буквально все древние боги были весьма любвеобильны. Рассказывают только, что он любил нимфу Эхо, которая даже считалась его женой. Кроме нее он был влюблен еще в другую нимфу — Сиригу: эта любовь была мстью разгневанного Купидона, которого тот осмелился вызвать на состязание. Говорят также, что однажды он увлек в глубокую чащу леса Луну. У него не было никакого потомства, что в равной степени удивительно, так как боги, особенно мужчины, были очень плодовиты. Правда, некоторые считают его дочерью бойкую служанку Ямбу, которая всегда развлекала гостей веселыми историями; говорят, что она была дочерью Пана от его жены Эхо. Таков в общих чертах миф о Панае.

Пап (как показывает уже само имя)⁴⁶ олицетворяет и представляет собой Вселенную, т. е. всю совокупность вещей. О его происхождении существует (да и, естественно, может существовать) два мнения: или он происходит от Меркурия, т. е. божественного слова (что утверждает, не подвергая это ни малейшему сомнению, и Священное писание, да и те философы, которые больше других, как полагают, прониклись божественной мудростью), или же он происходит из беспорядочного смешения семян (*confusae semina*) вещей. Ведь некоторые из философов считают, что семена вещей бесконечно разнообразны по своей субстанции; отсюда возникла теория «гомеомерий», которую создал или, может быть, лишь развил Анаксагор. Некоторые высказывали более пронизательное и разумное мнение о том, что для создания всего разнообразия вещей вполне достаточно первооснов, обладающих одной и той же субстанцией, но разнообразных по форме, хотя формы эти вполне определены. Все же остальное, по их мнению, зависит от их положения и соединения друг с другом. На этой основе возникает учение об атомах, которое развивал Демокрит, хотя создателем его был Левкипп. Другие же хотя и выдвигали какое-то одно начало сущего (Фалес — воду, Анаксимен — воздух, Гераклит — огонь), однако же считали, что это начало, будучи актуально единым, потенциально является разнообразным и делимым, скрывающим в себе семена всех вещей. Те же, кто (подобно Платону и Аристотелю) утверждал, что материя вообще лишена каких бы то ни было свойств, аморфна и безразлична к формам, значительно ближе подходили к смыслу мифа. Они рассматривали материю как публичную женщину, а формы — как ее клиентов⁴⁷. Таким образом, все мнения о первоосновах вещей сводятся к этим двум основным положениям: либо мир происходит от Меркурия, либо от Пенелопы со всеми ее женихами. Третья версия происхождения Папа наводит на мысль о том, что греки, по-видимому, слышали что-то, то ли от египтян, то ли каким-либо иным путем, о еврейских религиозных представлениях. Эту версию можно отнести не к первоначальному состоянию мифа, когда он лишь создавался, а к тому времени, когда уже произошло грехопадение Адама и мир стал доступен смерти и порче. Это состояние было и остается порождением бога и греха (или дерзости). Ведь грех Адама был

результатом дерзости, так как он «захотел стать подобным богу». Таким образом, все эти три версии происхождения Пана могут оказаться по-своему правильными, если правильно учитывать и обстоятельства, и время их создания. Ведь этот Пан (каким мы его теперь видим и понимаем) происходит от божественного слова, и вместе с тем в его создании принимает участие и бесформенная материя (которая, впрочем, сама является созданием бога), и грех, притеснявший с собой порчу.

Судьбы вещей поистине являются сестрами их природы. Ведь понятие судьбы охватывает и происхождение вещей, и их существование, и их гибель, равно как и упадок и возвышение, страдание и счастье, наконец, вообще любое состояние индивидуума, которое, однако, за исключением каких-то выдающихся индивидуумов (будь то человек, или город, или народ), вообще не поддается наблюдению и познанию. Но источником всех этих столь разнообразных состояний индивидуумов является Пан, т. е. природа вещей, так что по отношению к индивидуумам природные связи и нить Парок представляют собой по существу одно и то же. Кроме того, Пан, по представлению древних, живет всегда под открытым небом, Парки же — в огромной подземной пещере, откуда они внезапно, как вихрь, падают на людей: этот образ говорит о том, что природа и внешняя сторона Вселенной открыты и доступны для взора, судьбы же индивидуумов скрыты и неожиданны. И если даже брать понятие судьбы в более широком смысле, применяя его решительно к любому факту, а не только к более или менее замечательному, то и в этом смысле оно великолепно совпадает с понятием мироздания, ибо в природе нет ничего столь незначительного, что не имело бы своей причины, и, с другой стороны, нет ничего столь великого, что в свою очередь не зависело бы от чего-то другого. Итак, сама мастерская природы в своем лоне и в своих недрах производит все явления, большие и малые, в свое время и по определенному закону. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Парки изображаются законными сестрами Пана. Ведь Фортуна — дочь черни и привлекает лишь несерьезных философов. Конечно же, Эпикур произносит не только безбожные, но даже, как мне кажется, и совершенно безумные речи, когда говорит, что «лучше верить мифу о богах, чем быть рабом судьбы»⁴⁸, как будто во

Вселенной, подобно острову в море, может существовать хоть что-нибудь, что было бы свободно от естественной взаимосвязи вещей. Но дело в том, что Эпикур (как явствует из его собственных слов), приспособившая свою естественную философию к нуждам своей этики и подчиняя ее им, не желал допустить ни одного теоретического положения, которое могло бы подействовать угнетающе и болезненно на душу, нарушить и поколебать знаменитую эвтимию («благодущие»), понятие, заимствованное им у Демокрита. Поэтому, заботясь скорее о радостном состоянии духа, чем об истине, он полностью освободился от тяготеющего над людьми ига, отбросив прочь как неизбежность судьбы, так и страх перед богами. Однако об отношении Парок и Пана сказано вполне достаточно.

Мир (Пан) изображается с рогами — внизу, в основании, широкими и кверху заостренными. Но и вся природа образует собой своего рода заостренную пирамиду. Действительно, индивидуумы, образующие основание природы, бесчисленны; они образуют многочисленные виды; в свою очередь виды объединяются в роды; эти последние, поднимаясь к более общим категориям, постепенно все теснее стягиваются, пока наконец природа не соединяется как бы в одной точке; это и обозначается пирамидальной формой рогов Пана. Нет совершенно ничего удивительного и в том, что его рога достигают даже до неба: ведь самое возвышенное в природе, т. е. общие идеи, в какой-то мере соприкасается с божественным. Поэтому и говорили, что знаменитая, воспетая Гомером цепь естественных причин прикреплена к подножию престола Юпитера, поэтому же все, кто занимался метафизикой и изучал вечное и неизменное в природе, отвлекаясь в какой-то мере от преходящих вещей, приходили одновременно с этим к занятиям естественной теологией: до такой степени близок и естествен переход от вершины пирамиды природы к вещам божественным.

Трудно найти более тонкий и верный образ, чем изображение тела природы, покрытого волосами, — ведь это же лучи, которые исходят от различных вещей. Действительно, лучи — это своего рода волосы или «шерстяной покров» природы, ибо все в природе в большей или меньшей степени испускает лучи. Особенно ясным это становится в зрительной способности, точно так же как

и во всяком проявлении магнетизма и вообще во всяком действии на расстоянии. Ведь обо всем, что способно действовать на расстоянии, поистине можно сказать, что оно испускает лучи. Но особенно длинны волосы в бороде Пана, так как лучи, исходящие от небесных тел, и прежде всего от солнца, действуют на особенно большом расстоянии и проникают повсюду, совершенно меняя, передельвая и наполняя жизнью все не только на поверхности земли, но даже и под землей. Этот образ оказывается еще более изысканным, если мы вспомним, что само солнце кажется нам бородатым, когда его закрывает сверху облако и снизу из-под облака пробиваются яркие лучи.

В высшей степени правильно и изображение тела природы, обладающего двоякой формой (*biforme*), ибо тела высшей сферы отличны от тел низшей. Действительно, первые благодаря своей красоте, равномерности и устойчивости движения, а также своему господству над землей и земными вещами с полным основанием изображаются в облике человека, ибо человеку по природе присуще стремление к порядку и господству. Вторые же вследствие своей беспорядочности, неустойчивости движения и подчинения в большинстве случаев небесным явлениям вполне могут удовлетворяться образом бессловесного животного. Более того, та же двоякая форма тела может олицетворять и взаимоотношение видов. Ведь ни один из существующих в природе видов не может рассматриваться как простой, но всегда предстает как занимающий что-то у другого вида и как бы слитый из двух элементов. В самом деле, человек имеет что-то общее с животным, животное — с растением, растение — с неодушевленным телом, и по существу все обладает двойственной природой и любая вещь оказывается результатом соединения элементов высшего и низшего видов. Очень тонкой и остроумной является аллегория, заключенная в образе козлиных ног и раскрывающая восхождение земных тел к областям атмосферы и неба, где они существуют как бы в подвешенном состоянии и откуда они скорее падают, чем спускаются. Ведь коза — животное горное, она любит взбираться на крутые скалы и почти повисать над пропастью; нечто подобное происходит удивительным образом и с вещами, казалось бы принадлежащими к нижней сфере, что особенно ясно, когда мы наблюдаем облака или метеоры. Поэтому Гильберт,

написавший книгу о магните⁴⁹, основанную на тщательнейших и обстоятельных экспериментальных данных, имел немалые основания высказать предположение о том, что, возможно, тяжелые тела на большом расстоянии от Земли постепенно теряют способность падать.

Пан держит в руках два символа — гармонии и власти. Ибо свирель из семи тростниковых трубочек достаточно ясно символизирует созвучие и гармонию вещей или единство согласия и разногласия, возникающее в результате движения семи планет. Ведь в небе нельзя обнаружить другие неправильные движения или явные отклонения, за исключением движения семи планет. Эти отклонения и блуждания в сочетании с устойчивым, постоянным и неизменным по отношению друг к другу положением звезд способны определять как устойчивость видов, так и изменчивость индивидуумов. Ну а если на небе существуют все же и меньшие планеты, которые, однако, нельзя обнаружить невооруженным глазом, или если на небе происходят какие-то более значительные изменения, как это, например, можно сказать о движении некоторых комет в надлунном пространстве, то их, конечно, можно представить в виде или совсем немой свирели, или издающей только время от времени отдельные звуки: ведь они либо не оказывают на нас никакого воздействия, либо лишь ненадолго прерывают гармонию семитрубчатой свирели Пана. Посох же является прекрасной метафорой власти, ибо пути, указываемые природой, могут быть то прямыми, то окольными. Этот посох, или прут (*virga*), изогнут именно в своей верхней части, ибо все, что совершает в мире божественное провидение, осуществляется не прямо, а сложными и окольными путями, так что внешний ход событий может порой показаться противоречащим их подлинному смыслу, как это можно видеть на примере сказания об Иосифе, проданном в Египет⁵⁰, и на других подобных примерах. Да и все более или менее разумные правители с большим успехом внушают и указывают народу то, что они считают нужным и полезным для него, опять-таки не прямо, а исподволь, прибегая к разного рода уловкам и околичностям. И даже в чисто естественных процессах (хотя, пожалуй, это может показаться и удивительным) легче обмануть природу, чем грубо подавить ее, и, таким образом, то, что осуществляется слишком прямо, оказывается часто неудач-

ным и приносящим вред самому же себе, тогда как обходный и постепенный путь бывает и удобнее, и эффективнее. Очень удачна и остроумна аллегория одежды Пана — накидки, сделанной из шкуры леопарда. Ведь шкура леопарда пятниста. Но и небо усеяно звездами, моря — островами, земля покрыта цветами, да и вообще почти все отдельные вещи обладают неоднородной поверхностью, которая является своего рода «одеждой» вещи.

Говоря о занятиях Пана, трудно было найти более верную и удачную аллегория, чем сделал его богом охотников. Ведь любой акт природы, любое движение, любое развитие есть не что иное, как охота. Ведь и науки, и искусства «охотятся» за своими созданиями, человеческие замыслы преследуют свои цели, да и все вообще создания природы стремятся либо к тому, чтобы найти пищу, либо к тому, чтобы получить какое-то удовольствие и наслаждение, потому что каждый идет на охоту или ради добычи, или для собственного удовольствия, прилагая к этому все свое умение и все силы:

Львица за волком бежит свирепая; волк за козю,
А за китйсом бегут цветущим блудливые козы⁵¹.

Но Пан является также и вообще богом всех сельских жителей, ибо именно они живут по природе в то время, как в городах и дворцах природа почти уничтожена ростом цивилизации, так что слова поэта любви, сказанные о римской девушке, можно применить и к природе, имея в виду одинаковый результат влияния культуры:

Дева себя лишь наименьшая часть⁵².

О Пане говорят, что он прежде всего господствует над горами, ибо именно в горах и на возвышенных местах раскрывается природа, становясь более доступной и открытой для созерцания и изучения. Пан, как было сказано, второй после Меркурия вестник богов. Это поистине божественная аллегория, потому что вслед за словом божьим сам образ Мира является провозвестником божественного могущества и мудрости. Об этом говорит и божественный поэт: «Небеса повествуют о славе господа, и твердь небесная указывает на творения рук его»⁵³.

Пана услаждают нимфы, т. е. души, ибо души живущих — это услада мира, а он с полным основанием считается их повелителем, ибо каждая из них следует за

своей природой, как за вождем: в непрерывном движении, в бесконечном разнообразии фигур они танцуют и вступают вечные хороводы вокруг него. Один из новейших философов очень тонко и удачно свел все способности души к движению и указал на небрежность и поспешность некоторых из древних философов, которые, рассматривая только память, воображение и рассудок, опрометчиво упустили из виду способность мышления, которой принадлежит первое место среди всех способностей души. Ведь и тот, кто помнит или просто пытается вспомнить, — мыслит, и кто воображает — равно мыслит, и кто рассуждает — тоже мыслит. Наконец, подчиняясь ли наставлениям чувств или же собственной воле, осуществляя ли функции интеллекта или же функции аффектов и воли, душа как бы танцует под музыку мышления, и это и есть та самая пляска нимф, о которой говорится в мифе. Пана постоянно сопровождают сатиры и силены, т. е. старость и молодость. Ведь всему на свете присущ и возраст веселья и резвости, и возраст неторопливости и шаяства, и пристрастия обоих этих возрастов могут иной раз показаться мудрому человеку даже смешными и безобразными, подобно какому-нибудь сатиру или силену. Очень глубокий смысл заложен в образе панического страха. Природа всему живому дала чувство страха как средство сохранения жизни и существования, помогающее избежать и отразить надвигающуюся опасность. Однако та же самая природа не умеет сохранить меру и к спасительному страху примешивает всегда страхи пустые и неосновательные, так что если заглянуть поглубже, то мы увидим, что все вокруг охвачено паническим страхом, особенно же люди, и прежде всего толпа, которая в огромной степени подвержена суеверию (а оно есть не что иное, как панический страх), особенно в трудные, тяжелые, смутные времена. Правда, суеверие это не только царит в толпе, но и распространяется иной раз под ее влиянием на людей более мудрых, так что поистине божественно сказал Эпикур (если бы только остальные его мысли о богах были в том же духе): «Нечестие состоит не в том, чтобы отрицать богов толпы, а в том, чтобы приписывать богам представления толпы»⁵⁴.

Что же касается дерзости Пана, вызвавшего на борьбу Купидона, то смысл этого состоит в следующем: материя обладает известной склонностью, стремлением к разруше-

нию своей формы и возвращению к первоначальному состоянию Хаоса, и только более могучая сила согласия (изображаемая Амуром или Купидоном) сдерживает ее разрушительные порывы и заставляет подчиниться мировому порядку. Поэтому если Пан терпит поражение в этой борьбе и удаляется побежденный, то это происходит по счастливой судьбе и людей, и всей природы или же скорее по безграничной милости божьей. Сюда же можно в полной мере отнести и рассказ о Тифоне, окутанном сетями. Ведь всюду в природе время от времени мы можем наблюдать обширные и необыкновенные вздутия вещей (что и символизирует образ Тифона) — вздуваются моря, набухают тучи, вздымается земля и т. п.; однако природа неразрывными сетями сдерживает и обуздывает такие возмущения и эксцессы, как бы сковывая их стальной цепью⁵⁵.

Говорят также, что именно бог Пан обнаружил Цереру, отправившись на охоту, остальным же богам это не удалось, хотя они старательно искали и все делали для того, чтобы найти ее. Этот эпизод включает в себе удивительный и глубокий смысл: не следует ждать открытия полезных и необходимых для практической жизни вещей от философов, погруженных в абстракции, которые оказываются здесь похожими на старших богов, хотя они всеми силами стремятся принести пользу; этого следует ждать только от Папа, т. е. от тонкого эксперимента и всеобъемлющего познания природы, и такие открытия происходят почти всегда случайно, как будто бы во время охоты. Ведь всеми самыми полезными открытиями мы обязаны опытному знанию, и эти открытия подобны некоему дару, доставшемуся людям по счастливой случайности.

Рассказ о музыкальном состязании и его исходе показывает нам, как можно обуздать и привести в себя человеческий разум, слишком возомнивший о себе и утративший чувство здравого смысла. Ведь существуют, по-видимому, две гармонии, или музыки, — гармония божественной мудрости и гармония человеческого разума. Для человеческого ума, как и для слуха смертных, божественное управление миром и тайные предначертания бога звучат как что-то грубое и как бы немзыкальное. И хотя это человеческое невежество вполне заслуженно символизируется ослиными ушами, однако сами эти уши

обычно прячутся и не выставляются напоказ, и поэтому люди не видят этого уродства и не обращают на него внимания.

Наконец, нет ничего удивительного в том, что Пан никого не любит (исключение составляет его брак с Эхо). Ведь мир довольствуется самим собой и всем в себе; ведь тот, кто любит, хочет пользоваться тем, что любит, а избыток не оставляет места стремлению. Поэтому мир не может любить никого и не может стремиться овладеть чем-то (ибо он вполне доволен самому себе), за исключением, может быть, любви к речи. Она и олицетворяется нимфой Эхо, лишенной тела и обладающей только голосом, или же, если быть более точным, Сирингой, символизирющей речь более отделанную, когда слова и выражения подчинены стихотворным размерам или ораторским приемам, управляющим ими, подобно мелодии. Но среди всех видов речи одна только Эхо оказывается вполне достойной быть супругой мира. Ведь именно та философия является настоящей, которая самым тщательнейшим и верным образом передает слова самого мира и сама как бы написана под его диктовку; она есть не что иное, как его подобие и отражение, она ничего не прибавляет от себя, но только повторяет произнесенное им.

Рассказ же о том, как Пан увлек однажды Луну в глубину леса, изображает, как мне кажется, соединение чувства с небесным, т. е. божественным, началом. Ведь смысл мифа о Эндимоне отличается от смысла мифа о Пане⁵⁶. К спящему Эндимиону Луна пришла сама, по собственной воле, и это потому, что божественное начало само приходит к уснувшему интеллекту, когда он свободен от влияния чувств; если же оно появляется лишь по приглашению и зову чувства, подобно Луне, призванной Паном, то оно может дать лишь тот свет, о котором говорится у Вергилия:

Точно таким при неверной луне под обманчивым светом
Путь бывает в лесах, когда тенью небо скрывает
Юпитер⁵⁷...

На самодовлеющее и совершенное состояние мира указывает и то, что Пан не имеет потомства. Ведь мир рождает лишь в отдельных своих частях, ибо как бы он смог рождать в целом, если за его пределами вообще не существует ничего. Что же касается женщины Ямбы, ко-

торуую считают дочерью Эхо, то упоминание о ней является весьма интересным добавлением к мифу. Она олицетворяет различные пустопорожные теории о сущности мира, в изобилии существовавшие во все времена, теории, по существу бесплодные, как бы незаконнорожденные, иной раз, правда, привлекающие пестрым нарядом изложения, но чаще весьма тягостные и просто невыносимые.

*Второй пример философского истолкования
древнего мифа, применительно к вопросам политики*
О ВОЙНЕ ПО МИФУ О ПЕРСЕЕ

Говорят, что Персей, родившийся на Востоке, был послан Палладой обезглавить Медузу, которая приносила неисчислимые страдания множеству народов, живших на Западе, на берегах Иберии. Это жестокое и безжалостное чудовище обладало таким страшным и непереносимо ужасным взглядом, что только от него одного люди превращались в камень. Медуза была одной из Горгон, единственной среди них смертной (остальные были бессмертны). И вот Персей, собираясь совершить столь славный подвиг, получил в подарок от трех богов три вещи: крылья — от Меркурия (но эти крылья прикреплялись не к плечам, а к ногам), шлем — от Плутона и, наконец, щит и зеркало — от Паллады. Но, несмотря на все это, он не отправился прямо на битву с Медузой, а сначала пошел к Грайям — сестрам Горгон. Грайи были уже от рождения седыми старухами. У них на всех был только один глаз и один зуб; когда кому-нибудь из них нужно было выйти из дому, они брали по очереди этот зуб и глаз, а вернувшись домой, вынимали их. И вот этот-то глаз и этот зуб Грайи отдали Персею. И только тогда, считая себя теперь вполне снаряженным для исполнения предстоящего подвига, он храбро помчался на крыльях к Медузе. Он нашел ее спящей, но, опасаясь встретиться с ее взглядом, если она вдруг проснется, он, отвернувшись и глядя в зеркало Паллады, чтобы не ошибиться, нанес удар и отрубил ей голову. Из крови ее, пролившейся на землю, тотчас же родился крылатый Пегас. А отрубленную голову Медузы Персей прикрепил к щиту Паллады. Даже отрубленная голова Медузы сохранила свою страшную силу, так что при взгляде на нее все цепенели, как пораженные громом.

Миф, по всей вероятности, имеет в виду разумный способ ведения войны. Прежде всего всякая война должна предприниматься лишь по воле Паллады, а вовсе не Венеры (как, например, Троянская война) и вообще не по какой-нибудь незначительной и несерьезной причине; напротив, решения о начале войны должны основываться на очень серьезных и важных соображениях. Далее миф предлагает три очень разумных и важных совета относительно выбора характера войны. Первый сводится к тому, что не следует слишком настойчиво стремиться к покорению соседних народов, ибо пути расширения власти государства не похожи на пути увеличения собственного имения. Когда речь идет о частных владениях, имеет важное значение то, что имение, которое хотят приобрести, расположено по соседству; в деле же расширения и распространения власти государства соображения соседства уступают место удобству случая, легкости ведения войны и ее результатам. Поэтому Персей, хотя он и жил на Востоке, ни на мгновение не поколебался отправиться в длинное путешествие на крайний Запад. Знаменательный пример того, о чем мы говорим, дают нам противоположные методы ведения войны, которых придерживались два царя, отец и сын, Филипп и Александр⁵⁸. Филипп, занятый войнами с соседними государствами, сумел присоединить к своему царству лишь несколько городов, да и то с огромными усилиями и опасностью для страны, ибо и во многих других сражениях, и особенно в битве при Херонее, он был на грани полного поражения. Александр же, не испугавшись далекого похода в Персию, сумел покорить бесчисленное множество народов и был скорее утомлен походами, чем сражениями. То же самое еще яснее можно увидеть в том, как распространялась власть Римской державы. За то самое время, в течение которого на Западе римские войска едва проникли дальше Лигурии, на Востоке они подчинили своему господству земли вплоть до Таврских гор. Да и французский король Карл VIII, с большим трудом проведший войну с Бретанью (которая завершилась наконец благодаря супружескому союзу)⁵⁹, удивительно легко и удачно совершил свой знаменитый поход в далекий Неаполь. Войны с отдаленными странами имеют хотя бы то преимущество, что противник совсем не знаком с военной тактикой и вооружением пришельцев, тогда как в войнах с соседями дело

обстоит совершенно иначе. Кроме того, к такого рода походам ведется очень тщательная и всесторонняя подготовка, и уже сама дерзость такого похода и уверенность, с какой он предпринимается, повергают врагов в ужас. К тому же при этих дальних походах благодаря тому огромному расстоянию, которое пришлось преодолеть, почти невозможны какие-то враждебные действия или ответное вторжение со стороны врагов, что весьма часто происходит во время войн с соседними государствами. Но самое главное — это то, что довольно трудно выбрать удобный случай для вторжения в соседнее государство, тогда как тот, кто решится на поход в отдаленные страны, сможет по собственному усмотрению начать войну против такого государства, где плохо развито военное дело, или силы народа крайне истощены и подорваны, или к счастью для него возникли гражданские распри, или сложились еще какие-то иные обстоятельства, благоприятствующие вторжению врага. Второй важный вывод состоит в том, что всегда должна существовать справедливая, благочестивая, вызывающая уважение и расположение людей причина войны. А это поднимает дух как у воинов, так и у тех, кто несет на себе все издержки войны, помогает организовывать военные союзы, да и вообще приносит множество преимуществ. Среди всех причин войны наибольшее одобрения заслуживает желание ниспровергнуть тиранию, под гнетом которой страдает обессиленный и измученный народ, оцепенев, словно под взглядом Медузы. За такие подвиги, например, Геракл был причислен к богам. А римляне всегда считали важным и священным делом энергично и неутомимо помогать своим союзникам и защищать их, если они вдруг подверглись какому-нибудь нападению. Кроме того, войны, которые велись ради справедливого отмщения, почти всегда были удачными, как, например, война против Брута и Кассия за убийство Цезаря, война Севера, мстящего за Пертиакса, Юния Брута, мстящего за гибель Лукреции⁶⁰. Вообще все, кто с оружием в руках мстит за несчастья и страдания людей или старается их облегчить, — воины Персея. Третий вывод: предпринимая любую войну, необходимо правильно оценить силы и точно взвесить, удастся ли благополучно завершить эту войну или нет, и никогда не обольщаться слишком большими надеждами. Ведь Персей очень разумно среди Горгон (воплощающих собой войны)

выбрал ту, которая по своей природе была смертной, и не стремился к невозможному. Вот те наставления, которые можно вынести из мифа, относительно того, что следует помнить, предпринимая войну. Остальное относится уже, собственно, к самому ведению войны.

Наибольшую пользу на войне приносят три названных дара богов, и даже само счастье во многом подчиняется им и идет вслед за ними. Действительно, Персей получил дар быстроты от Меркурия, дар скрывать свои замыслы — от Орка и дар предусмотрительности — от Паллады. Глубокий аллегорический смысл заключен в том, что крылья, дающие быстроту Персею (ведь быстрота имеет на войне первостепенное значение), прикреплены не к плечам, а к ногам героя: речь идет о том, что быстрота действий требуется даже не столько при первых военных столкновениях, сколько в последующих операциях, которые должны поддержать первоначальный успех, и нет на войне более распространенной ошибки, чем неумение закрепить достигнутый успех и развивать наступление и преследование противника в том же темпе, в каком начата была операция. Очень прозрачной метафорой является шлем Плутона, делающий, как известно, человека невидимым. Умение скрывать свои планы имеет на войне такое же первостепенное значение, как и быстрота действий, к тому же сама быстрота оказывается составной частью этого умения, ибо она помогает предотвратить возможное разглашение этих планов. Шлем Плутона служит также символом того, что военными действиями должен руководить один человек, обладающий всей полнотой власти, совещания же и споры многих начальников символизируются скорее султаном плема Марса, нежели шлемом Плутона. Он же выражает собой и всевозможные хитрости, обманы, обходные маневры, распространение ложных слухов — все то, что притупляет бдительность, отвлекает внимание и помогает скрыть истинные намерения полководца. Наконец, украшением шлема Плутона служат тщательные меры предосторожности и проверка донесений послов, перебежчиков и множество других вещей. Очень важно скрывать свои планы, но не менее важно знать и замыслы врагов. Поэтому к шлему Плутона присоединяется зеркало Паллады, дающее возможность обнаружить силы врага, увидеть, каковы его недостатки, кто тайно помогает ему, существуют ли во вражеском стане

разногласия и соперничающие группы, каковы успехи врага и его дальнейшие замыслы. Но поскольку на войне существует так много случайного, что нет оснований полагаться ни на возможность скрыть свои планы или раскрыть вражеские, ни даже на быстроту действий, то прежде всего следует вооружиться щитом Паллады, т. е. предусмотрительности, чтобы как можно меньше зависеть от превратностей судьбы. А это означает прежде всего предварительную проверку того пути, по которому предстоит идти войску, а во-вторых, тщательное укрепление лагеря (что в современной военной практике почти забыто, тогда как у римлян лагерь напоминал укрепленный город, давая возможность укрыться в нем в случае неудачного исхода сражения); далее, прочный и четкий оборонительный строй (ибо не следует слишком полагаться на отряды легковооруженных воинов и даже копницы); наконец, все, что способствует прочной и активной обороне, так как на войне при всех обстоятельствах щит Паллады оказывается важнее самого меча Марса. Однако как бы хорошо ни был вооружен Персей, как бы ни был он силен духом, ему, прежде чем вступить в открытую борьбу, остается выполнить еще одно во всех отношениях чрезвычайно важное дело — обратиться к Грайям. Грайи воплощают собой измены, предательства, являющиеся сестрами войн, правда не родными, а несколько более низкой степени родства. Ведь войны по существу благородны, предательство же низко и омерзительно. Изображение их седыми и старыми уже от рождения весьма удачно и символизирует непрерывные тревоги и страхи предателей. Сущность предательства (до тех пор пока оно не превратилось в открытую измену) может быть выражена в символических образах глаза и зуба. Ведь любая обособившаяся политическая группировка, готовая к измене, старается все высмотреть и как бы нанести укусы. И этот глаз, и этот зуб могут быть представлены как общие, ибо все, что Грайям удастся узнать и выведать, переходит непрерывно от одной к другой. Единственный же зуб означает, что они изрыгают свои язвительные и гнусные слова как бы из одних и тех же уст, так что если слышишь одну из них, то слышишь и всех их вместе. Таким образом, Персей должен вступить в союз с этими Грайями и привлечь их себе на помощь и прежде всего получить от них глаз и зуб; глаз — чтобы выведывать

чужие тайны, зуб — чтобы распространять ложные слухи, возбуждать ненависть и вызывать волнения и замешательство. После же того как все приготовления к войне полностью закончены, необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы застать Медузу спящей, что и сделал Персей. Действительно, всякий благоразумный полководец, начиная войну, почти всегда нападает на врага, когда тот не готов к отпору и считает себя в полной безопасности. Наконец, уже в ходе самих военных действий, во время атаки на врага, необходимо все время смотреть в зеркало Паллады. Очень многие способны перед началом сражения внимательно и глубоко изучить силы врага, но во время самого сражения либо теряют от страха способность правильно оценивать положение, либо слишком поспешно и прямо смотрят на стоящую перед ними опасность и поэтому очертя голову бросаются ей навстречу, думая лишь о победе, но забывая о необходимой предосторожности. На деле же не должно быть ни того, ни другого, и не нужно забывать о необходимости оглядываться на зеркало Паллады, чтобы иметь возможность верно направлять удар, не поддаваясь страху и не давая увлечь себя ярости.

Результатом победоносной борьбы оказывается рождение крылатого Пегаса, что совершенно очевидно обозначает молву, которая разлетается повсюду и славит победу, представляя прошедшую войну как дело легкое и удачливое. Вторым результатом является прикрепление головы Медузы к щиту, и никакой иной вид обороны не может сравниться с ним, потому что даже единственный, но выдающийся и знаменательный, счастливо совершившийся подвиг способен парализовать все действия врагов и сделать бессильной даже самую злобу.

*Третий пример философского истолкования
древних мифов, на этот раз с точки зрения этики*

О СТРАСТИ ПО МИФУ О ДИОНИСЕ

Рассказывают, что возлюбленная Юпитера Семела, добившись от него нерушимой клятвы исполнить любое ее желание, попросила его явиться к ней на свидание в том же самом облике, в каком он является к Юнопе, и погибла, не выдержав божественного сияния. Ребенка же, которого она носила во чреве, отец принял, зашил в соб-

ственное бедро и сам носил его в течение необходимого для рождения времени. Из-за этого Юпитер иногда немного прихрамывал. Мальчик, которого Юпитер носил в бедре, колот его, причиняя ему боль, и за это получил имя Диониса. В течение нескольких лет после рождения он воспитывался у Прозерпины, а когда вырос, то имел весьма женственный облик, так что даже трудно было определить, к какому полу он принадлежит. Потом он умер и был погребен, но через некоторое время воскрес. В ранней юности он первым создал искусство виноградарства и научил других возделывать лозу, делать вино и пить его. Это принесло ему великую славу, и он подчинил себе весь мир вплоть до дальних пределов Индии. Он ездил на колеснице, запряженной тиграми, а вокруг нее бежали пританцовывая безобразные демоны — Кобал, Акрат и пр. Но и Музы присоединялись к его свите. В жены он взял Ариадну, покинутую Тезеем. Священным деревом его был плющ. Он считался также создателем обрядов и церемоний, отличавшихся, однако, оргиастическим характером, разнузданностью и порой жестокостью. Он обладал также способностью насылать приступы безумия. Так, во время оргий Диониса женщины в припадке безумия растерзали, как говорят, двух выдающихся мужей — Пенфея⁶¹ и Орфея; первого — в то время как он, забравшись на дерево, хотел из любопытства посмотреть, что происходит на этих оргиях, второго — когда он с великим искусством сладостно играл на своей лире. Между прочим, нередко деяния этого бога смешивают с деяниями Юпитера.

Смысл мифа, как мне кажется, моральный, и, пожалуй, трудно найти что-нибудь лучшее во всей философии морали. В образе Вакха изображается природа страсти, т. е. аффектов и волнений души. Итак, прежде всего — о зарождении страсти. Источником всякой страсти, даже самой опасной, является не что иное, как кажущееся благо. Точно так же как матерью добродетели является подлинное благо, матерью страсти является кажущееся благо. Первая из них — законная супруга Юпитера (в образе которого представлена человеческая душа), вторая — любовница, которая, однако, подобно Семеле, стремится соперничать с Юноной в почестях. Зарождается страсть в недозволенном желании, которому бездумно предаются раньше, чем как следует осмыслят и оценят

его. А уж после того, как страсть разгорелась, ее мать (т. е. природа и внешний облик блага) разрушается и гибнет от невыносимого жара. Дальнейшее же развитие зародившейся страсти таково: ее вскармливает человеческий дух, являющийся ее родителем, и прячет ее преимущественно в своей нижней части (как в бедре), а она колет, потрясает, угнетает его, мешает его действиям и решениям, так что он как будто хромает. И даже тогда, когда она, не встречая противодействия, с течением времени окрепнет и выльется в действие или, пользуясь языком мифа, родится по истечении положенного срока на свет, она все еще некоторое время находится на воспитании у Прозерпины, т. е. ищет себе убежище, остается тайной, как бы скрываясь под землей до тех пор, пока не сбросит с себя узду стыда и страха, и, призвав себе на помощь дерзость, либо постарается выдать себя за какую-нибудь добродетель, либо пренебрегает даже самым позором. Удивительно верной является мысль о том, что всякий более или менее сильный аффект похож на существо, имеющее признаки обоих полов, ибо он всегда несет в себе и мужскую настойчивость, и женскую слабость. Великолепен и образ воскресающего после смерти Вакха. Действительно, аффекты иной раз кажутся уснувшими и мертвыми, но ни в коем случае нельзя этому верить, даже если они погребены, потому что, если представится повод и удобный случай, они воскреснут вновь.

Интересна и метафора открытия виноградарства. Все страсти проявляют удивительную изобретательность и умение в поисках для себя пищи и подходящей среды. Но из всего, что известно людям, ничто сильнее и действеннее не возбуждает и не воспаляет какие бы то ни было волнения и беспокойства, чем вино. Да и вообще оно разжигает все страсти. Очень удачно изображение аффекта, т. е. страсти, как покорителя чужих земель, предпринимającego бесконечно далекий поход. Ведь страсть никогда не может остановиться, но все время подстрекаемая не знающим пределов, несытым желанием стремится все дальше и постоянно жаждет нового. Страстям сопутствуют тигры и даже впрягаются в их колесницу. Ибо, как только страсть перестает двигаться сама, а взбирается на колесницу, когда она побеждает разум и торжествует над ним, она становится жестокой, неукротимой и безжалостной по отношению ко всему, что пытается

противоречить ей или бороться с ней. Остроумен и образ пляшущих вокруг колесницы Вакха безобразных и смешных демонов. Ведь любые сильные аффекты порождают во взгляде, в самом выражении лица и во всех движениях человека нечто нелепое, недостойное, суеливое и безобразное, и если иному, может быть, покажется, что он великолепен и величествен в какой-нибудь своей страсти (например, в гнев, гордости, любви), то всем остальным он представляется безобразным и смешным. В свите страсти мы видим и Муз. Ведь, пожалуй, нельзя найти ни одной страсти, сколь бы дурной и низкой она ни была, которая бы не имела своих защитников и хвалителей. И здесь снисходительное отношение к порокам и безнравственность писателей нанесли огромный ущерб величю искусства и Муз, которые вместо того, чтобы быть путеводителями и знаменосцами на жизненном пути (а это их долг), становятся нередко прислужницами и угодницами страстей.

Но особенно замечательна аллегория Вакха, полюбившего ту, которая была отвергнута и покинута другим. Действительно, не может вызывать ни малейшего сомнения, что страсти добиваются и стремятся к тому, что уже давно отвергнуто опытом. И пусть все те, кто в угоду своим страстям, рабами которых они являются, безмерно высоко ценят возможность обладания предметом своих желаний, будь то почести, любовь, слава, знание или что-нибудь еще, знают, что они стремятся к тому, что уже оставлено многими другими, которые на протяжении почти всех веков, убеждаясь на опыте в тщетности своих желаний, отбрасывали и отвергали их. Не лишено тайного смысла и то, что Вакху посвящен именно плющ. Здесь важны две вещи: во-первых, то, что плющ и зимой остается зеленым, а во-вторых, то, что он растет, обвивая и охватывая множество разных предметов — деревья, стены, здания. Первое является символом того, что всякая страсть, подобно плющу во время зимних холодов, растет в результате сопротивления, оказываемого ей, стремясь к тому, что запрещено и в чем отказано, и набирает силу путем, так сказать, противоборства. Во втором случае речь идет о том, что любая страсть, господствующая в человеческой душе, подобно плющу, обвивает и связывает все ее действия и решения, так что едва ли можно найти в душе что-нибудь, на чем страсть не оставила бы свой

отпечаток. Нет ничего удивительного и в том, что Вакху приписывается создание суеверных обрядов, ибо почти все безумные страсти пышно расцветают в ложных религиях, так что нечестивые сборища еретиков превзошли даже вакханалии язычников, чьи суеверные обряды были столь же кровавы, сколь и отвратительны. Точно так же нет ничего удивительного и в представлении о том, что Вакх насылает приступы безумия, ибо всякий аффект в конечном счете есть не что иное, как кратковременное безумие, а если же он оказывает более длительное воздействие на душу и прочно овладевает ею, то нередко приводит к тяжелому и длительному душевному заболеванию. Очень ясную аллегорическую историю заключает в себе рассказ о Пенфее и Орфее, растерзанных во время оргий Вакха. Любой сильный аффект ненавидит и не выносит две вещи: проявление интереса и любопытства к нему и желание дать спасительный и честный совет. И здесь не поможет даже то, что интерес этот чисто созерцательный, что в нем нет никакого злого умысла, что он лишь проявление любопытства, как у Пенфея, забравшегося на дерево. Не поможет здесь и то, что наставления и советы даются в самой мягкой форме и что они правильны: в любом случае оргии не терпят ни Пенфея, ни Орфея. Наконец, с полным основанием можно найти метафорический смысл и в смешении Юпитера и Вакха. Ведь любое благородное и знаменитое деяние, любой великий и славный подвиг могут иметь своим источником как добродетель, мудрость и величие духа, так и скрытые аффекты и тайную страсть (поскольку и добродетель, и страсть в равной мере находят удовольствие в известности и одобрении), и, таким образом, не легко порой отличить деяния Диониса от деяний Юпитера.

Но мы слишком долго задерживаемся в театре, войдем же теперь во дворец духа, переступить порог которого падлежит с большим уважением и вниманием.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I

Разделение науки на теологию и философию. Разделение философии на три учения: о божестве, о природе, о человеке. Определение первой философии как общей матери всех наук

Вся история, великий государь, шествует по земле и скорее указывает нам путь, чем освещает его. Познанию же можно сравнить со свиданием знания: она приятна, разнообразна, хочет казаться владеющей чем-то божественным, на что претендуют и сами свидания. Однако настало время мне пробудиться, оторваться от земли и пронестись по прозрачному эфиру философии и наук.

Знание по его происхождению можно уподобить воде: воды либо падают с неба, либо возникают из земли. Точно так же и первоначальное деление знания должно исходить из его источников. Одни из этих источников находятся на небесах, другие — здесь, на земле. Всякая наука дает нам двоякого рода знание. Одно есть результат божественного вдохновения, второе — чувственного восприятия. Что же касается того знания, которое является результатом обучения, то оно не первоначально, а основывается на ранее полученном знании, подобно тому как это происходит с водными потоками, которые питаются не только из самих источников, но и принимают в себя воды других ручейков. Таким образом, мы разделим науку на теологию и философию. Мы имеем здесь в виду боговдохновенную, т. е. священную, теологию, а не естественную теологию, о которой мы будем говорить несколько позже. А эту первую, т. е. боговдохновенную, мы отнесем в конец сочинения, чтобы ею завершить наши рассуждения, ибо она является гаванью и субботой для всех человеческих размышлений.

У философии троякий предмет — бог, природа, человек и сообразно этому троякий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т. е. как бы прямыми лучами; бог же воздействует на него

через неадекватную среду (т. е. через творения) преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами. Следовательно, выходит, что философия делится на три учения: учение о божестве, учение о природе, учение о человеке. А так как различные отрасли науки нельзя уподобить нескольким линиям, расходящимся из одной точки, а скорее их можно сравнить с ветвями дерева, вырастающими из одного ствола, который до того, как разделиться на ветви, остается на некотором участке цельным и единым, то, прежде чем перейти к рассмотрению частей первого деления, необходимо допустить одну всеобщую науку, которая была бы как бы матерью остальных наук и в развитии их занимала такое же место, как тот общий участок пути, за которым дороги начинают расходиться в разные стороны. Эту науку мы назовем «первая философия», или же «мудрость» (когда-то она называлась знанием вещей божественных и человеческих). Этой науке мы не можем противопоставить никакой другой, ибо она отличается от остальных наук скорее своими границами, чем содержанием и предметом, рассматривая вещи лишь в самой общей форме. Я не вполне уверен, следует ли отнести эту науку к разряду тех, которые требуют дальнейшего исследования, однако все же думаю, что это следует сделать. Ведь мы имеем по существу лишь какую-то мешанину, сырую, неперевавленную массу научных знаний, собранных из естественной теологии, логики, отдельных разделов физики (например, о первых началах и о душе), и эту-то мешанину некоторые самовлюбленные люди, прикрываясь высокопарными речами, пытаются поставить над всеми науками. Мы же весьма скромно стремимся лишь к тому, чтобы существовала наука, которая была бы собранием аксиом не одной какой-нибудь науки, а многих наук.

Никто не станет спорить с тем, что такого рода аксиом существует множество. Например: «Если к неравным величинам прибавить равные, то суммы будут также неравны» — это правило математики. Но то же правило можно применить и к области этики, во всяком случае в том, что касается «справедливости распределения», так как в применении к «справедливости обмена» принцип равенства требует, чтобы неодинаковым воздавалось оди-

наковое, тогда как при «справедливости распределения», если не воздать неодинаково неодинаковым, произойдет величайшая несправедливость¹. «Если две величины равны третьей, то они равны и между собой» — это тоже математическое правило; но оно в то же время настолько важно в логике, что становится основанием силлогизма. «Природа проявляет себя преимущественно в самом малом» — этот важнейший физический принцип привел к созданию Демокритом теории атомов. Но этот же принцип был удачно применен Аристотелем к области политики, когда он начал изучение государства с семьи. «Изменяется все, но не гибнет ничто»² — этот общий принцип формулируется в физике следующим образом: «Количество материи не увеличивается и не уменьшается». Но этот же принцип в применении к естественной теологии принимает другой вид: «Создать нечто из ничего и обратить нечто в ничто — доступно лишь всемогущему богу», что подтверждает и Священное писание: «Я знаю, что все творения бога — вечны, и мы ничего не можем ни прибавить к ним, ни убавить»³. «Сведение вещи к первоначалам — предотвращает ее уничтожение» — это принцип физический, но он же, как верно заметил Макнавелли, применим и в политике, так как лучшее средство предотвратить гибель государства — это их преобразование и возвращение к старинным нравам⁴. «Развивающаяся язва заразнее созревшей» — эта истина из области естественных наук, но она может быть с успехом применена и к области этики, ибо самые испорченные люди, самые страшные преступники наносят значительно меньше вреда состоянию общественных нравов, чем люди, у которых их недостатки и пороки уживаются с некоторой видимостью добродетели и благоразумия. «То, что сохраняет большую форму, производит более сильное действие» — это физический принцип, ибо, не давая возможности распасться всеобщей связи вещей, препятствуя тем самым образованию, как говорят, вакуума, он способствует сохранению всего мироздания. Но его можно применить и к более узкой области лишь плотных тел, ибо он объясняет притяжение тяжелых тел массой земли. И первое действие преобладает. Этот же принцип применим и в политике, ибо то, что способствует сохранению самого государства, по своей природе оказывается более сильным, чем то, что способствует лишь благу отдельных

его членов. Подобным же образом этот принцип действует и в теологии, ибо среди всех теологических добродетелей выделяется милосердие — добродетель наиболее всеобъемлющая. «Сила действия возрастает благодаря противодействию противоположного» — это физический закон. Но он же удивительным образом имеет силу и в политике; ибо ярость любой группировки возрастает вместе с усилением враждебной ей группы. «Диссонанс, сразу же сменяющийся созвучием, образует гармонию» — это музыкальное правило. Но оно же применимо и в области этики, и в отношении различных аффектов. Известная музыкальная фигура, когда неожиданно уходят от, казалось бы, уже наступившей концовки, или так называемой каденции, соответствует риторической фигуре «обмана ожидания»⁵. Дрожащий звук струны доставляет слуху такое же наслаждение, какое доставляет зрению свет, отраженный от воды или драгоценного камня:

...и блистает под светом трепещущим море⁶.

Органы чувств действуют по принципу отражения. Это имеет место и в области зрительного восприятия — ведь глаз подобен стеклу или воде; и в области слухового восприятия — ведь орган слуха можно сравнить с пустой полостью, отражающей звук. Этих немногих примеров, полагаю, достаточно, чтобы понять мою мысль. Более того, ведь и персидская магия, о которой так много говорили, занималась главным образом поисками соответствий между явлениями природы и общественной жизни. Все то, что мы называли, и многое другое в том же роде не является простым совпадением (как это, пожалуй, могло бы показаться людям недостаточно пронизательным), но совершенно очевидно представляет собой общие знаки и приметы природы, которые она запечатлела на самых различных своих созданиях и в разных областях. Никто еще серьезно не занимался этим вопросом. Может быть в сочинениях выдающихся авторов и можно изредка встретить отдельные из этих истин, причем всегда только применительно к данному содержанию, но еще никто не создал полного собрания таких аксиом и принципов, которые были бы применимы как общие и основополагающие в различных науках. А между тем именно это могло бы лучше всего показать единство природы, что и является задачей первой философии.

Существует и другой раздел первой философии, который может показаться уже старым и известным, если судить лишь по словам, и который является совершенно новым и неразработанным, если иметь в виду поставленную нами цель. Речь идет об исследовании привходящих качеств сущего (ens), которые мы можем назвать трансценденциями, т. е. таких понятий, как большое и малое, подобное и различное, возможное и невозможное, а также бытие (ens) и небытие и т. п. Поскольку все эти вопросы, собственно, не относятся к области физики, а диалектика изучает их скорее с точки зрения развития искусства доказательства, чем познания сущности явлений, то во всяком случае целесообразно, чтобы исследование такого рода вопросов, само по себе весьма важное и полезное, не было совершенно забыто, а нашло себе по меньшей мере хоть какое-то место в нашем разделении наук. Конечно, мы прекрасно понимаем, что это исследование должно вестись совершенно иначе, чем оно обычно велось до сих пор. Например, никто из тех, кто писал о понятиях «многое» и «малое», не попытался понять и объяснить, почему в природе существует и может существовать такое обилие одних вещей и так малочисленны и редки другие; действительно, не может быть так, чтобы в природе существовало так же много золота, как и железа, так же много роз, как и травы, так же много модифицированного, как и немодифицированного. Равным образом из тех, кто писал о понятиях «подобное» и «различное», никто не объяснил достаточно убедительно, почему почти всегда между различными видами существуют некие промежуточные виды, обладающие признаками того и другого вида, как, например: мох — между плесенью и растением; рыбы, которые прикреплены к камням под водой и не могут передвигаться, — между растением и животным; мыши, крысы и т. п., занимающие среднее место между животными, родившимися из гниения, и животными, рождающимися из семени, летучие мыши — между птицами и четвероногими; летучие рыбы (теперь уже широко известные) — между птицами и рыбами; тюлени — между рыбами и четвероногими и т. д. Далее, никто не попытался выяснить и причину того, почему, если подобное стремится к подобному, железо не притягивает железо, а магнит делает это; точно так же и золото не притягивает золото, хотя

и притягивает ртуть. Относительно всех этих и подобных им вопросов исследования о трансценденциях хранят глубокое молчание, ибо авторы их больше заботятся о красотах и тонкостях стиля, чем о точном и основательном знании вещей. Поэтому мы и хотим, чтобы первая философия включила в себя подлинное и глубокое изучение этих трансценденций, или приводящих признаков сущего, основывающееся на законах природы, а не на правилах красноречия. Вот что следовало сказать о первой философии, или мудрости, которую мы с полным основанием относим к тем наукам, которые нуждаются в дальнейшем развитии.

Глава II

О естественной теологии; учение об ангелах и духах, являющееся приложением к этой науке

Итак, отведя положенное место общей родительнице наук, которая, подобно Берекинтии (Кибеле) ⁷, радуется, видя столь многочисленное потомство богов —

Всех — небожителей, всех — обитающих крайние выси ⁸,

вернемся к нашему разделению философии на три учения: о боге, о природе и о человеке. Действительно, естественная теология совершенно правильно называется также и божественной философией. Ее определяют как такое знание или скорее даже искру знания, которое можно получить о боге с помощью света самой природы и созерцания его творений, как науку, которая вполне может считаться божественной (имея в виду характер ее объекта) и в то же время естественной дисциплиной (имея в виду метод ее изучения). Подлинные цели этой науки сводятся к изобличению и опровержению атеизма, а также к раскрытию законов природы, и она не ставит своей задачей установление религии. Ведь бог никогда не творил чуда для того, чтобы обратить в веру атеиста, ибо тот может прийти к познанию бога и с помощью самого света природы; чудеса же существуют для обращения идолопоклонников и суеверных, которые уже познали божество, но не нашли достойного его почитания, потому что света природы недостаточно для понимания воли божьей или познания достойного его почитания. Подобно тому как творения мастера раскрывают нам

его талант и мастерство, но ни в коей мере не могут нарисовать его образ, так и творения создателя говорят об его всемогуществе и мудрости, но ни в коей мере не рисуют его образ. И здесь представления язычников отступают от святой истины. Ведь они считали мир образом бога, человека же — образом мира. Но Священное писание не удостаивает подобной чести мир и считает его отнюдь не образом божьим, но лишь творением рук его; человека же оно называет непосредственным образом и подобием божьим. Поэтому то, что бог существует, что он управляет миром, что он всемогущ, что он мудр и знает все наперед, что он добр, что он воздаст всем по заслугам и наказывает виновных, что он заслуживает поклонения, можно доказать лишь с помощью его творений; эти же творения могут раскрыть нам и многие удивительные тайны его атрибутов и еще в значительно большей степени — тайны его мудрого управления Вселенной. Эта тема была весьма плодотворно исследована рядом писателей. Но, как мне кажется, весьма рискованно, опираясь на созерцание материального мира и принципы человеческого разума, рассуждать о таинствах веры, или убеждать кого-то более или менее пастойчиво, или, наоборот, с любопытством исследовать все это и пытаться проникнуть в то, каким образом совершается это таинство. «Отдай вере то, что ей принадлежит». Ведь даже язычники приходят к тому же самому выводу в своем знаменитом, поистине божественном мифе о золотой цепи, ибо ни люди, ни боги не смогли сбросить Юпитера с неба на землю; Юпитер же, наоборот, сумел поднять их с земли на небо⁹. Поэтому напрасно потратит свои силы тот, кто попытается подойти к небесным тайнам религии с мерками нашего разума. Вместо этого следует с восторгом и преклонением обратить наши мысли к престолу небесной истины. Таким образом, я не вижу никаких недостатков в этой части естественной теологии, скорее уж здесь можно найти некоторые излишества, и, для того чтобы указать на них, я сделал это небольшое отступление, имея в виду огромные трудности и опасности, угрожающие в результате как религии, так и философии, поскольку именно это обстоятельство порождает как религиозную ересь, так и пустую и ложную философию.

Совсем иначе обстоит дело с природой ангелов и ду-

хов, которую нельзя назвать непознаваемой и запретной для человеческого ума, наоборот, доступ к ее познанию в значительной мере облегчен тем родством, которое существует между нею и человеческой душой. Правда, Священное писание предупреждает нас: «Пусть никто не обманет вас высокопарными речами и почитанием ангелов, вмешиваясь в то, чего он не знает»¹⁰. Однако если внимательно продумать это предостережение, то мы обнаружим лишь две вещи, которые нам запрещают делать: первое — чтить ангелов наравне с богом, второе — придерживаться сумасбродных представлений о них, считая их отличными от всех остальных творений или претендуя на такое знание их природы, которым в действительности никто не обладает. Но разумное их исследование, пытающееся подняться к познанию их природы по лестнице телесных вещей либо увидеть ее как в зеркале в человеческой душе, никогда не встречает никаких препятствий. То же самое следует сказать и о нечистых духах, утративших свое прежнее состояние. Общение с ними и использование их помощи непозволительно, тем более какое бы то ни было их почитание и поклонение им. Но изучение и познание их природы, могущества и коварства с помощью не только отдельных мест Священного писания, но и путем размышления и опытного исследования занимает отнюдь не последнее место в духовной мудрости¹¹. Ведь именно так говорит апостол: «Нам известны их хитрые замыслы»¹². Поэтому с таким же правом можно исследовать в естественной теологии природу демонов, как и в естествознании природу ядов, или в этике природу пороков. Однако не стоит относить эту часть науки, посвященную изучению ангелов и демонов, к числу требующих дальнейшего исследования, поскольку об этом писали уже достаточно. Скорее следовало бы уличить немалую часть такого рода авторов в несерьезности, суеверии или бесполезных тонкостях.

Глава III

Разделение естественной философии на теоретическую и практическую. Эти две части должны рассматриваться отдельно и в намерении автора, и в содержании трактата

Оставив, таким образом, в стороне естественную теологию (к которой мы присоединяем в качестве приложе-

ния исследование о духах), обратимся теперь ко второй части, т. е. к учению о природе, или к естественной философии. Очень хорошо сказал Демокрит: «Знание природы скрыто в глубинах рудников или на дне колодез»¹³. Неплохо говорят и химики о том, что Вулкан — это вторая природа и, более того, что он значительно быстрее совершает то, на что природа обычно тратит много времени, долго не находя правильного пути. Так почему бы нам не разделить философию на две части — на рудник и плавильную печь, а самих философов — на рудокопов и кузнецов? Действительно, хотя сказанное и кажется шуткой, однако мы считаем в высшей степени полезным такого рода деление. Пользуясь знакомыми схоластическими терминами, мы можем сказать, что следует разделить учение о природе на исследование причин и получение результатов: на части — теоретическую и практическую. Первая исследует недра природы, вторая переделывает природу, как железо на наковальне. Мне прекрасно известно, как тесно связаны между собой причина и следствие, так что иной раз приходится при изложении этого вопроса говорить одновременно и о том и о другом. Но поскольку всякая основательная и плодотворная естественная философия использует два противоположных метода: один — восходящий от опыта к общим аксиомам, другой — ведущий от общих аксиом к новым открытиям, я считаю самым разумным отделить эти две части — теоретическую и практическую — друг от друга и в намерении автора трактата, и в самом его содержании.

Глава IV

Разделение теоретического учения о природе на физику и метафизику, из которых физика исследует действующую причину и материю, метафизика — конечную причину и форму. Разделение физики на учение о началах вещей, учение о строении Вселенной, или о Мире, и учение о разнообразии вещей. Разделение учения о разнообразии вещей на учение о конкретном и учение об абстрактном. Разделение учения о конкретном совпадает с подобным же разделением естественной истории. Разделение учения об абстрактном на учение о состояниях (schematismi) материи и учения о движениях. Два при-

ложения к теоретической физике: проблемы естествознания, мнения древних философов. Разделение метафизики на учение о формах и учение о конечных причинах

Ту часть естественной философии, которая является чисто теоретической, мы считаем нужным разделить на собственно физику и метафизику. При этом делении читатели должны обратить внимание на то, что мы употребляем термин «метафизика» совсем в ином смысле, чем это обычно принято. Мне кажется, что здесь уместно сказать о нашем общем принципе употребления терминов. Он сводится к тому, что, как и в вышеприведенном термине «метафизика», так и во всех остальных случаях, там, где понятия и значения оказываются новыми и отступающими от общепринятых, мы с величайшим уважением сохраняем старый термин, надеясь на то, что сам порядок и ясный характер объяснения, которое мы пытаемся дать в таком случае, избавят читателя от неправильного понимания употребляемых нами терминов, в остальных же случаях мы вообще стремимся (насколько, разумеется, это возможно без ущерба для научной истины) как можно меньше отступать от мыслей и способов выражения древних авторов. В этом отношении вызывает удивление самоуверенность Аристотеля, который из какого-то духа противоречия объявляет войну всей древности и не только присваивает себе право по своему произволу создавать новые научные термины, но и вообще старается уничтожить и предать забвению всю предшествующую науку, так что нигде даже не упоминает ни самих древних авторов, ни их учений, если не считать, конечно, тех случаев, когда он критикует их или опровергает их точку зрения. Конечно, если он стремился прославить свое имя и приобрести толпу последователей, то такое отношение к предшественникам соответствовало его намерениям, ибо распространяется и познается философская истина так же, как и истина божественная: «Я пришел во имя отца, и вы не принимаете меня, а если же кто придет к вам во имя свое, его примете»¹⁴. Но если мы посмотрим, кто имеется здесь прежде всего в виду (а здесь это говорится об Антихристе, самом страшном обманщике всех времен), то из этого божественного афоризма можно сделать вывод, что стремление «прийти во имя свое», совершенно не счи-

таясь с наследием прошлого, являющегося, если можно так сказать, отцом нашего знания, не предвещает ничего хорошего для истины, хотя бы это и сопровождалось очень часто удачей, — «вы его примете». Впрочем, Аристотель, человек поистине выдающийся, наделенный удивительным умом, легко мог, как я полагаю, заразиться этим честолюбием от своего ученика, с которым он, быть может, соперничал. Ведь как Александр подчинил себе все народы, так Аристотель покорил все другие учения, основав в науке своего рода монархию. Так что, пожалуй, какне-нибудь недоброжелательные и злоречивые люди могут назвать его тем же именем, что и его ученика:

Счастливый грабитель земель — плохой пример всему миру ¹⁵

и точно так же: «Счастливый грабитель науки» и т. д. Мы же со своей стороны, желая, насколько это в наших силах, установить связь и преемственность между древней и новой наукой, твердо решили следовать до конца за древними и сохранять их термины, хотя довольно часто нам приходится менять их смысл и определения. В этом мы придерживаемся того сдержанного и заслуживающего похвалы метода проведения реформ в гражданской области, при котором хотя и происходят изменения в государстве, однако на словах все остается по-прежнему; это как раз то, о чем говорит Тацит: «Названия же должностей оставались прежними» ¹⁶.

Но вернемся к значению термина «метафизика» в том смысле, который мы придаем ему. Из того, что было сказано раньше, ясно, что мы отделяем от метафизики первую философию, хотя до сих пор они рассматривались как одна и та же наука ¹⁷. Первую философию мы называем общей матерью наук, метафизику же считаем одной из частей естественной философии. Предметом первой философии мы называли общие для всех наук аксиомы, а также относительные или же привходящие признаки сущего, которые мы называли трансценденциями, как, например: многое и малое, тождественное, различное, возможное, невозможное и т. п., предупредив лишь о том, что эти понятия должны рассматриваться не в логическом, а в физическом смысле. Исследование же таких вещей, как бог, единый, благой, ангелы, духи, мы отнесли к естественной теологии. Вполне закономерно возникает во-

прос, что же в таком случае остается на долю метафизики? Во всяком случае за пределами природы — ничего, но зато важнейшая область самой природы. И конечно, без большого ущерба для истины можно было бы и теперь, следуя древним, сказать, что физика изучает то, что материально и изменчиво, метафизика же — главным образом то, что абстрактно и неизменно. С другой стороны, физика видит в природе только внешнее существование, движение и естественную необходимость, метафизика же — еще и ум, и идею. Собственно, к этому же сводится и наша точка зрения, но мы хотим изложить ее в ясных и привычных словах, не прибегая к возвышенному стилю. Мы разделили естественную философию на исследование причин и получение результатов. Исследование причин мы отнесли к теоретической философии. Последнюю мы разделили на физику и метафизику. Следовательно, истинный принцип разделения этих дисциплин неизбежно должен вытекать из природы причин, являющихся объектом исследования. Поэтому без всяких неясностей и околичностей мы можем сказать, что физика — это наука, исследующая действующую причину и материю, метафизика — это наука о форме и конечной причине¹⁸.

Таким образом, физика рассматривает изменчивую, неопределенную и в соответствии с характером объекта подвижную сторону причин и не касается того, что в них является постоянным.

Как этот воск отекает, как глина — затвердевает
В том же самом огне...¹⁹

Для глины огонь является причиной твердения, но для воска этот же огонь причина таяния. Мы разделим физику на три учения, ибо природа выступает либо собранной воедино, либо разрозненной и разъединенной. В основе же единства природы лежат либо общие для всех вещей начала, либо единое и цельное строение Вселенной. Таким образом, это единство природы вызвало к жизни две части физики: учение о началах вещей и учение о строении Вселенной, т. е. о Мире, которые мы обычно называем учениями о высших родах бытия. Третье учение, исследующее природу в разрозненном и раздробленном состоянии, дает нам представление о бесконечном разнообразии вещей и о низших родах бытия.

Отсюда ясно, что вообще существуют три области физики: о началах вещей, о системе Мира, т. е. о строе-нии Вселенной, и о многообразии природы, т. е. о при-роде в разрозненном состоянии. Это последнее учение, как мы уже сказали, охватывает все разнообразие вещей и является своего рода первой глоссой, или толкованием, «текстов» природы. Ни одна из этих частей не может быть отнесена вполне к числу нуждающихся в разви-тии; насколько же правильно они разрабатываются в настоящее время, здесь говорить неуместно.

Физику, рассматривающую природу в раздробленном состоянии, т. е. все многообразие вещей, мы в свою оче-редь разделим на две части: физику конкретного и фи-зику абстрактного, или учение о творениях и учение о природах (*naturae*). Первая из них, говоря языком ло-гики, изучает субстанции со всем разнообразием их ак-циденций, вторая изучает акциденции во всем разнооб-разии субстанций. Например, когда речь идет о льве или дубе, то очевидно, что они обладают множеством различных акциденций; наоборот, если исследуется тепло или тяжесть, то они могут быть присущи множеству отдельных субстанций. Поскольку же вся физика зани-мает среднее положение между естественной историей и метафизикой, то первая ее часть (если посмотреть вни-мательнее) ближе к естественной истории, вторая — к метафизике. Конкретная физика делится на те же от-делы, что и естественная история, — о небесных явле-ниях, о метеорах, о земном шаре и море, о больших собраниях, которые называют элементами, и меньших собраниях, т. е. видах, кроме того, об исключительных явлениях природы и о механизмах. Дело в том, что во всех этих случаях естественная история исследует само явление и рассказывает о нем, физика же интересуется прежде всего причинами явлений (при этом следует иметь в виду, что речь здесь идет о преходящих причинах, т. е. о материи и действующей причине). Среди всех этих отделов физики наиболее слабым и совершенно не-разработанным является тот, который посвящен исследо-ванию небесных явлений, хотя, казалось бы, он должен был стать предметом особой заботы и внимания, имея в виду важность его содержания. Правда, астрономия строится на большом фактическом материале, однако она еще очень слабо развита и непрочна, астрология же в

большинстве случаев вообще лишена какого бы то ни было основания. Достижения астрономии перед человеческим умом можно сравнить с той жертвой, которую коварно предложил некогда Юпитеру Прометей. Вместо настоящего быка он поставил шкуру огромного и прекрасного быка, набитую соломой, листьями и натянутую на прутья. Точно так же и астрономия демонстрирует нам лишь внешнюю сторону небесных явлений (число звезд, их положение, движение, периоды), своего рода «шкуру» неба, прекрасную, искусно и ловко шпитуя, но лишённую внутренностей (т. е. физических обоснований), из которых с помощью астрономических гипотез можно было бы вывести теорию, не только пытающуюся дать удовлетворительное объяснение тем или иным небесным явлениям (а такого рода остроумных теорий можно придумать множество), но и показывающую субстанцию, движение и взаимное влияние небесных тел такими, какими они действительно являются. Ведь уже давно подорваны теории о первотолчке и о небесной тверди, где звезды будто бы прибиты гвоздями к своим орбитам, как к потолку²⁰. Не намного удачнее и попытки утверждать, что существуют будто бы различные полюсы — Зодиака и Мира, что некий второй двигатель (*secundum mobile*) действует в направлении, противоположном действию первого двигателя, что все на небе движется по совершенным кругам, что существуют эксцентрические и эпициклические движения, благодаря которым поддерживается постоянство движений по совершенным кругам, что Луна не производит никаких изменений, никаких возмущений в телах, расположенных выше нее, и т. п.²¹ Абсурдность всех этих предположений заставила говорить о суточном движении Земли, что с нашей точки зрения совершенно неверно. Но едва ли хоть кто-нибудь попытался выяснить физические причины небесной субстанции, как звездной, так и межзвездной, скорости движения небесных тел относительно друг друга, различной скорости движения одной и той же планеты, направления движения с Востока на Запад или, наоборот, их движений вперед, остановок, движений вспять, подъемов к апогею и спуска к перигею; сложных движений либо по спирали по направлению от одного тропика к другому, либо изгибами, которые называются Драконами; полюсов вращения и причины того, почему они находятся именно в данной

части неба, а не в другой; неизменности расстояния некоторых планет от Солнца и т. д.²² Такого рода исследования почти не предпринимаются, и все сводится лишь к математическим наблюдениям и доказательствам. Эти доказательства могут показать, сколь изобретательно все это можно уложить в стройную систему и выпутаться из затруднения, но не то, каким образом все это происходит в действительности; они могут показать только кажущееся движение, вымышленный, произвольно построенный механизм его, а отнюдь не сами причины и истинный характер этих явлений. Поэтому астрономия в нынешнем ее виде причисляется полностью к математическим наукам и наносит тем самым известный ущерб своему достоинству, в то время как она должна была бы (если бы она хотела сохранить свою роль) скорее составлять одну из важнейших частей физики. Ведь всякий, кто откажется от вымышленного разрыва между надлунным и подлунным мирами и внимательно примется за изучение наиболее общих претерпеваний и стремлений материи (а это имеет силу в той и другой сферах и проходит вообще через весь материальный мир), приобретет богатые познания о небесных явлениях, опираясь на те сведения, которые он получит на земле; и, наоборот, из наблюдений над небесными явлениями он сможет узнать немало о тех земных движениях, которые остаются теперь еще скрытыми от нас, и не только в той мере, в какой они зависят от движений в верхней сфере, но и поскольку они обладают общей с ними претерпеваемостью (*passiones*)²³. Поэтому мы считаем, что физическую часть астрономии следует отнести к тем наукам, которые должны получить развитие. Мы назовем ее «живая астрономия» в отличие от того набитого соломой быка Прометей, который был быком лишь с виду.

Астрология же полна всяческих суеверий, так что едва ли в ней можно обнаружить хоть что-нибудь здоровое. И все же мы считаем, что ее скорее следует очистить от всего ложного, чем полностью отказываться от нее. Ибо всякий, кто будет утверждать, что основанием этой науки служат не исследования и выводы физики, а слепой опыт и многовековые практические наблюдения, и на этом основании откажется от рассмотрения физических причин (чем гордились халдеи), с равным успехом может обратиться и ко всякого рода гаданиям и предска-

занятиям по птицам, по внутренностям и к тому подобным басням, поскольку все это также считалось плодом длительного опыта и передаваемого из поколения в поколение знания. Мы же считаем астрологию отраслью физики и не придаем ей большего значения, чем это допускают разум и очевидные факты, решительно отбрасывая всякого рода суеверия и измышления. Рассмотрим, однако, этот вопрос несколько внимательнее. Прежде всего сколь бесспорным оказывается измышление о том, что отдельные планеты поочередно царят во Вселенной по часу, так что на протяжении двадцати четырех часов они трижды занимают это положение, не считая трех остающихся часов. Однако именно это измышление породило у нас деление недели на семь дней (существующее издавна и получившее широкое распространение), что очевиднейшим образом явствует из чередования дней, так как в начале каждого следующего дня всегда царствует планета, занимающая четвертое место за планетой предыдущего дня, поскольку существуют те три остающихся часа, не входящих в общий счет. Далее, мы без всяких колебаний отвергаем как пустую выдумку учение о гороскопах и о распределении «домов» — самое большое наслаждение всей астрологии, настоящую небесную вакханалию²⁴. И мы не перестаем удивляться тому, как некоторые выдающиеся мужи, знаменитые астрологи, могут прибегать к столь несерьезным доказательствам для построения этой теории, утверждая, например, что если солнцестояния, равноденствия, новолуния, полнолуния и тому подобные большие циклы (revolutiones) звезд совершенно очевидно обнаруживают значительное влияние на естественные тела, о чем свидетельствует уже сам опыт, то тонкие и незаметные изменения в расположении звезд тем более должны неизбежно оказывать и более сложное, и более скрытое влияние на них. Но они должны были прежде всего исключить из этого очевидное воздействие тепловых лучей Солнца, а также определенную магнетическую силу Луны, проявляющуюся в усилении морских приливов, происходящих через каждые полмесяца (ежедневные морские приливы и отливы представляют собой явление совершенно иного порядка). Исключив же все это, они легко обнаружат, что всякие иные воздействия планет на явления природы (поскольку это подтверждается опытом) оказываются

слишком слабыми, незначительными, как бы скрытыми даже в случае больших циклов. Поэтому они должны были скорее прийти к совершенно противоположному заключению: что если большие циклы оказывают в действительности столь незначительное влияние, то эти едва уловимые и незаметные различия в положении светил вообще не обладают никакой силой. Далее, мы считаем, что знаменитые фатальные предопределения, будто бы час рождения или зачатия определяет судьбу плода, час начала предприятия — удачу этого предприятия, час исследования — его успех, одним словом, учения о предопределении рождения, выбора и исследования и тому подобные пустяки в значительной мере лишены серьезных и прочных оснований и легко могут быть опровергнуты и разбиты с помощью физических доказательств. Тем более необходимо сказать, что же в конце концов мы сохраняем в астрологии, что одобряем и что из одобренного, по нашему мнению, заслуживает дальнейшего развития? Потому что именно ради этого (т. е. ради определения тех наук, которые следует развивать) мы приняли наше сочинение, а для оценки всего состояния науки, как мы не раз повторяли, у нас нет времени. Во всяком случае мы считаем, что из всего приносимого нами наиболее разумным по сравнению с остальным является учение о циклах. Но пожалуй, будет лучше всего установить известные правила, с помощью которых мы могли бы оценивать астрологическую науку, чтобы сохранить полезное и отбросить пустое. Первым правилом пусть будет то, о котором мы уже упоминали раньше: следует сохранить учение о больших циклах и отбросить учение о гороскопах и «домах». Первые подобны большим метательным орудиям, способным поражать цель издали, вторые же — лукам, стрелы которых не могут преодолеть большого расстояния и нанести сильный удар. Второе правило: небесные явления способны оказывать воздействие не на любое тело, а только на тонкое, такое, как мокроты, воздух, жизненный дух (*spiritus*), при этом, однако, мы исключаем действие солнечного тепла и тепла других светил, которое, вне всякого сомнения, распространяется и на металлы, и на другие ископаемые. Третье правило: всякое действие небесных явлений распространяется скорее на массы вещей, чем на отдельные тела; однако косвенным путем оно распространяется и на

предметы, на те из всех индивидуумов одного и того же вида, которые оказываются наиболее доступными этому воздействию и подобными мягкому воску, так зараза, распространенная в воздухе, поражает тела, неспособные к сопротивлению ей, и обходит тела, обладающие большей сопротивляемостью. Четвертое правило близко к предыдущему: всякое воздействие небесных явлений распространяется и осуществляется не в какой-то момент времени или в небольшие его промежутки, но в течение длительного времени. Поэтому предсказания температуры на год могут оказаться правильными, попытки же предсказать ее на каждый отдельный день с полным основанием считаются несерьезными. Наконец, последнее правило, которое, кстати, всегда встречало одобрение наиболее разумных астрологов, состоит в том, что светила не обладают никакой силой фатальной необходимости и скорее предрасполагают к какому-то результату, чем насильственно приводят к нему. Прибавим к этому еще одно соображение (и это совершенно ясно покажет, что мы не отказываемся полностью от астрологии, если только она будет реформирована): нам представляется несомненным, что небесные тела обладают и некоторыми другими формами воздействия кроме излучения тепла и света, которые, однако, могут подчиняться только тем правилам, которые мы перед этим привели. Но все это глубоко скрыто в тайниках природы и требует более подробного исследования и обсуждения. Таким образом, мы, основательно взвесив все сказанное, считаем, что астрология, реформированная на основе выдвинутых нами принципов, должна получить дальнейшее развитие; и, подобно тому как мы назвали основанную на принципах физики астрономию живой астрономией, так и астрологию, подчиняющуюся тем же самым принципам, мы хотим назвать «здоровая астрология». И хотя сказанное нами принесет немалую пользу становлению научной астрологии, все же, по нашему обыкновению, мы хотим сделать еще несколько замечаний, которые ясно покажут, из каких элементов должна складываться эта наука и каковы ее цели. Прежде всего здоровая астрология должна включить в себя учение о смещении лучей, сближениях, противостояниях и иных сопряжениях и отношениях планет. К этому же разделу астрологии, изучающей смещение лучей, мы относим также учение о прохождении

планет через знаки Зодиака и расположение их под этими знаками, ибо расположение планеты под тем или иным знаком Зодиака есть некое сближение со звездой, находящейся под тем же знаком. Более того, следует отмечать не только сближения, но и противостояния и прочие формы сопряжения планет со звездами, расположенными под соответствующим знаком, что до сих пор почти никогда не делалось. Изучение же взаимодействия лучей неподвижных звезд, хотя и полезное для познания механизма Вселенной и природы лежащих под ними областей, не имеет никакого значения для предсказания будущего, ибо эти звезды никогда не меняют своего места. Во-вторых, в астрологию должно быть включено изучение приближений отдельных планет к точке зенита или удалений от нее в зависимости от той или иной широты. Ведь отдельные планеты, подобно Солнцу, имеют свое лето и свою зиму, во время которых они в зависимости от своего положения относительно точки зенита производят более сильное или более слабое излучение. Во всяком случае у нас не вызывает ни малейшего сомнения, что Луна, находясь в созвездии Льва, оказывает более сильное воздействие на земные тела, чем находясь в созвездии Рыб. Дело, конечно, не в том, что Луна, находящаяся в созвездии Льва, действует на сердце, а в созвездии Рыб — на ноги, как об этом болтают. Причина более сильного ее воздействия — ее приближение к точке зенита и к большим звездам, т. е. совершенно то же самое, что происходит и с Солнцем. В-третьих, астрология должна включить и учение об апогеях и перигеях планет, выяснив должным образом, какое действие оказывает сила планеты сама по себе и какова ее зависимость от близости планеты к Земле. Ведь планета в апогее, т. е. в своей высшей точке, более активна сама по себе, в перигее же, т. е. в низшей точке, она способна сильнее влиять на земные тела. В-четвертых, она должна вообще включить все остальные акциденции движения планет, к числу которых относятся ускорения и замедления в движении отдельных планет, продвижения вперед, прекращения движения (*stationes*), движения назад, сюда же нужно отнести и расстояния от Солнца, вспышки, усиление и ослабление свечения, затмения и т. п., ибо все это в конечном счете теми или иными путями влияет на увеличение и ослабление излучения планет. И вообще все

перечисленные четыре пункта относятся к области изучения небесных светил. В-пятых, астрология должна включить в себя все, что так или иначе может раскрыть и показать природу как движущихся, так и неподвижных светил в их сущности и присущей им активности, т. е. исследование их величины, цвета, облика, свечения и вибрации света, положения относительно полюсов или экватора, определение их созвездий (asterismi), определение того, какие звезды расположены преимущественно группами, какие — поодиночке; какие звезды расположены выше, какие — ниже; какие из неподвижных звезд находятся на путях Солнца и планет, т. е. в пределах пояса Зодиака, а какие — вне его; какая из планет движется быстрее, какая — медленнее; какая планета движется по эклиптике, какая отклоняется от нее; какая планета может двигаться в обратном направлении и какая не может; какая может удалиться на любое расстояние от Солнца, какая всегда находится от него на одинаковом расстоянии; какая движется быстрее в апогее, а какая — в перигее. Наконец, изучение аномалий Марса, отклонений Венеры и удивительных испытаний и претерпеваний, неоднократно наблюдавшихся и на Солнце, и на Венере, и некоторых других вещей. И самое последнее — астрология должна включить в себя и традиционные представления об особой природе и склонностях каждой планеты и неподвижных звезд: в этом вопросе исследователи обнаруживают удивительное согласие, и поэтому не следует легкомысленно отбрасывать такого рода представления, за исключением, разумеется, тех случаев, когда они вступают в явное противоречие с физическими законами. Таким образом, здравая астрология складывается из перечисленных нами разделов, и только на основании этих исследований можно составлять представления о сущности небесных явлений и истолковывать их.

Здравая астрология может быть использована с известным доверием к ней для предсказаний и более осторожно — для обоснования выбора (и то и другое, разумеется, в определенных границах) Можно предсказывать появление комет (что по нашему мнению вполне вероятно) и всякого рода метеоров, разливы, засухи, жару, гололеды, землетрясения, наводнения, извержения вулканов, бури и ливни, различную температуру в течение года, чуму, эпидемии, урожай и неурожай, войны,

восстания, расколы, переселения народов, наконец, любые более или менее значительные движения или изменения как природного, так и общественного характера. Такого рода предсказания, хотя и с меньшей долей уверенности, могли бы осуществляться и по отношению к более частным, а иной раз даже и отдельным явлениям, если, выявив сначала общие тенденции такого рода периодов, мы после тщательного или физического, или политического анализа применяли бы их к тем видам или отдельным явлениям, которые более других подвержены подобным влияниям. Так, исходя из предсказаний погоды на целый год можно, например, сделать вывод, что она будет более благоприятна или, наоборот, более пагубна для оливковых деревьев, чем для виноградных лоз, для легочных больных, чем для больных печенью, для монахов, чем для придворных (имея в виду различный образ их жизни и питания); или, зная о том влиянии, которое небесные тела оказывают на жизнь людей, можно сделать вывод о том, что это влияние благоприятно или, наоборот, неблагоприятно для народов, а не для правителей, для ученых и любознательных, а не для мужественных и воинов, для любителей наслаждений, а не для деловых людей и политических деятелей. Примеров такого рода бесчисленное множество, но, как мы уже сказали, такие предсказания требуют не только познания общих тенденций, которое мы получаем из наблюдений над звездами, оказывающими активное воздействие, но также и познания отдельных объектов, испытывающих на себе их воздействие. Не следует полностью отвергать и возможность предсказания выбора, однако здесь следует быть еще более осторожным. Мы знаем, что при посадках деревьев, посевах, прививках наблюдения над фазами Луны имеют немалое значение. И можно привести еще много подобных примеров. Но этот выбор еще больше, чем предсказания, должен регулироваться нашими правилами. При этом следует постоянно иметь в виду, что надежный выбор возможен только в тех случаях, когда сила влияния небесных тел не исчезает внезапно, а действие тел, испытывающих это влияние, подобным же образом не завершается мгновенно; именно так обстоит дело в приведенных нами примерах. Ибо рост Луны не происходит внезапно, точно так же как рост растений. Мысль же о возможности предсказания и

выбора точного момента времени должна быть, безусловно, отброшена. Можно привести (вопреки мнению некоторых) немало подобных примеров выбора и в гражданской области. Если же кто-нибудь обвинит нас в том, что мы, в какой-то мере показав, из чего может быть построена эта новая исправленная астрология и какую пользу она может принести, совсем не показали, каким же образом ее можно построить, то он будет неправ, ибо станет требовать от нас наставлений в самой этой науке, чего мы вовсе не обязаны делать. Впрочем, тому, кто обращается к нам с просьбой, мы все же скажем, что существует только четыре способа проложить дорогу к этой науке. Первый — с помощью будущего опыта, второй — с помощью прошлого опыта, затем — путем знакомства с традицией самой науки и, наконец, — путем изучения физических оснований. Что касается будущего опыта, то для того, чтобы накопить здесь достаточно наблюдений, потребуется еще много веков, так что пытаться высказать об этом какое-то мнение было бы напрасной тратой времени. Что же касается прошлого опыта, то он во всяком случае находится уже в распоряжении человечества, хотя использование его — дело очень трудоемкое и требует много времени. Ведь астрологи (если бы они хотели укрепить свой авторитет) могли бы, опираясь на достоверные исторические источники, рассмотреть все более или менее значительные события (как, например, наводнения, эпидемии, сражения, восстания, кончины правителей, если угодно, и т. п.) и изучить, как располагались в то время небесные светила, следуя не тонкостям «тем», а намеченным нами правилам циклов, чтобы установить определенные законы предсказания в том случае, когда удастся обнаружить очевидное соответствие и согласие между собой событий и положений светил. Несколько слов об использовании результатов старой астрологии. Их необходимо очень тщательно проанализировать и, решительно отбросив все, что вступает в очевидное противоречие с физическими основаниями, сохранить и упрочить авторитетом традиции все то, что прекрасно с ними согласуется. Наконец, о самих физических основаниях. Для нашего исследования особенно важны те, которые касаются общих свойств, состояний и стремлений материи, простых и подлинных движений тел. На этих крыльях можно совершенно безопасно подняться

к познанию материальных свойств небесных явлений. О здоровой астрологии сказано достаточно.

Нужно упомянуть еще об одном фантастическом представлении астрологов помимо тех измышлений, о которых мы говорили с самого начала; впрочем, его обычно выделяют из астрологии и относят к так называемой небесной магии. Это представление основывается на странном измышлении человеческого ума, согласно которому то или иное благоприятное расположение светил будто бы может быть воспринято знаком или печатью (сделанной из металла или какого-нибудь драгоценного камня, подходящего для этой цели) и таким образом будто бы оказывается возможным удержать, как бы поймать на лету счастливое действие данного часа, которое иначе исчезло бы навсегда. Именно поэтому горько жалуется поэт об утрате некогда столь знаменитого в древности искусства:

Погибло дивное кольцо, Олимпа
Впитавшее божественную силу,
И драгоценный камень в скромном блеске
Уж боле не несет ни лика Феба,
Ни лун, кружащихся в высоких сферах ²⁵.

Действительно, римская церковь признает мощи святых и их силу (ибо божественным и нематериальным вещам течение времени не может нанести вреда), но верить в возможность сохранить «небесные мощи», чтобы время, которое уже минуло и как бы умерло, вновь воскресло и продолжалось, — это чистейшее суеверие. Оставим поэтому в стороне все эти разговоры, а то, чего доброго, покажется, что Музы выжили из ума от старости.

Мы считаем, что самым правильным делением абстрактной физики является ее деление на два раздела: учение о состояниях материи и учение о стремлениях (*appetitus*) и движениях. Мы бегло перечислим составные части обоих разделов, чтобы из этого перечисления можно было составить подлинную картину абстрактной физики. Состояния материи следующие: сгущенное, разреженное; тяжелое, легкое; горячее, холодное; осязаемое, газообразное; летучее, связанное; определенное, текучее; влажное, сухое; жирное, тощее; твердое, мягкое; ломкое, тягучее; пористое, плотное; живое, безжизненное; простое, сложное; чистое, содержащее примеси; волокнистое и жилистое; простой структуры или однообразное; подобное, неподобное; обладающее видом и не обладающее

видом; органическое, неорганическое; одушевленное, неодушевленное. И этот список можно продолжить и дальше, но мы не будем этого делать. Понятия же «обладающее чувством» и «не обладающее чувством», «наделенное разумом» и «не наделенное разумом» мы относим к учению о человеке. Существуют два рода стремлений и движений. Существуют простые движения, заключающие в себе корень всех остальных действий в природе (в зависимости, правда, от тех или иных состояний материи), и движения сложные или произвольные. Эти последние служат основанием существующей философии, которая почти не соприкасается непосредственно с самой природой, а между тем такого рода сложные движения, какими являются рождение, разложение и другие, скорее должны считаться уже неким результатом или суммой простых движений, а не простейшими движениями. Простыми движениями являются: действие антитипии, которое обычно называют стремлением помешать взаимопроникновению; действие сцепления, которое называют стремлением избежать пустоты; движение освобождения, т. е. стремление предотвратить чрезмерное сжатие или растяжение; движение к новому объему, т. е. тенденция к разрежению и сгущению; второе движение сцепления, т. е. стремление к сохранению непрерывности; движение большего собрания, т. е. соединение однородных масс, которое обычно называется естественным движением; движение меньшего собрания, которое обычно называют симпатией и антипатией; движение расположения, т. е. стремление к правильному распределению частей целого; уподобление, т. е. стремление размножить свою природу в другом теле; побуждение — действие, при котором более мощный агент возбуждает скрытое и уснувшее в другом теле движение; движение печати или запечатление — действие без передачи субстанции от субъекта к объекту; царское движение, т. е. подчинение всех остальных движений господствующему движению; бесконечное движение, т. е. самопроизвольное вращение; колебание (*trepidatio*), т. е. систолия и диастолия тел, находящихся между выгодным и невыгодным положением; наконец, недвижимое состояние, т. е. страх перед движением, которое также оказывает влияние на множество вещей. Таковы простые формы движения, которые возникают из самих глубин природы. Их усложнение, продолжение,

изменение, ограничение, повторение и многообразное соединение образуют сложные формы движения, т. е. суммы движений, которые обычно воспринимаются. Этими знаменитыми суммами движения являются рождение, разрушение, увеличение, уменьшение, изменение, расширение, а также смещение, отделение, превращение (*versio*). Остаются как своего рода приложения к физике меры движения, а именно: что означает количество или доза в природе; каково значение расстояния, т. е. того, что весьма удачно названо сферой действия, силы или активности²⁶; что такое ускорение и замедление; что такое бóльшая или меньшая продолжительность; что есть сила и слабость вещи; в чем состоит влияние окружающих вещей? Все это неотъемлемые части подлинной абстрактной физики, ибо она состоит из учений о состояниях материи, о простых движениях, о суммах, или объединениях, движений и о мерах движения. Что касается произвольного движения живых существ, движения, выражающегося в действиях чувств, движения воображения, стремления и желания, движения души, воли и разума, то рассмотрение их мы переносим в разделы, посвященные соответствующим учениям. Однако мы считаем необходимым еще раз напомнить, что в физике изучение всех перечисленных вопросов ограничивается исследованием материальных свойств и действующих причин и эти вопросы будут рассматриваться еще раз в метафизике уже с точки зрения формы и конечной причины.

Мы должны присоединить к физике два важных приложения, которые имеют отношение не столько к самому предмету, сколько к способу его исследования. Это — проблемы естествознания и мнения древних философов. Первое является приложением к изучению природы во всем ее многообразии, второе — к изучению природы в ее единстве. И то и другое необходимо для пробуждения разумного сомнения, составляющего весьма важную сторону всякого научного исследования. Проблемы охватывают сомнения в частных вопросах, мнения философов — сомнения общего характера, касающиеся первоначал вещей и всей системы мира (*fabrica*). Великолепный пример изложения проблем мы находим в книгах Аристотеля, впрочем, произведения такого рода заслуживают того, чтобы потомки не только хвалили их, но и продолжали их в своих собственных трудах, потому что каждый

день неизбежно возникают новые и новые сомнения. Но здесь необходимо высказать одно очень важное предостережение. Выдвижение сомнений приносит двоякую выгоду. Во-первых, сомнение предохраняет философию от ошибок и заблуждений, заставляя не давать оценки и не утверждать того, что еще не вполне ясно (чтобы одна ошибка не породила другую), а воздерживаться от суждения и не выносить окончательного решения. Во-вторых, сомнения, высказанные в научных сочинениях, сразу же становятся своего рода губками, которые постоянно привлекают к себе и впитывают новые достижения науки; и в результате то, что могло бы остаться незамеченным или рассматривалось бы весьма поверхностно, если бы не было подвергнуто сомнению, теперь благодаря сомнению будет рассматриваться серьезно и внимательно. Но эти две выгоды с трудом компенсируют один недостаток, который обязательно разовьется, если ему решительно не помешать. Дело в том, что, если однажды сомнение будет признано справедливым и, так сказать, приобретет силу, немедленно появятся защитники как той, так и другой точки зрения, готовые передать даже потомкам свою страсть к сомнению, так что в результате люди будут употреблять все усилия своего ума скорее на то, чтобы и дальше развивать и поддерживать это сомнение, чем на то, чтобы разрешить его и положить ему конец. Примеры подобного рода в изобилии встречаются и в практике юристов, и в деятельности ученых, у которых вошло в обычай стремиться увековечить раз возникшее сомнение, считая своим долгом не столько утверждать, сколько сомневаться, тогда как единственно законным употреблением человеческого разума является стремление превратить сомнение в твердое знание, а не подвергать сомнению то, что вполне достоверно. Поэтому я считаю, что необходимо создать некий перечень сомнений, т. е. проблем, существующих в науке о природе, и я всячески одобряю такое начинание. Только при этом нужно позаботиться о том, чтобы по мере роста нашего знания (а это, вне всякого сомнения, будет происходить изо дня в день, если только люди последуют нашим наставлениям) полностью разрешенные сомнения вычеркивались из этого списка. Мне бы очень хотелось присоединить к этому перечню еще один, не менее полезный. Поскольку в любом исследовании мы встречаем тройкого рода

положения: очевидно правильные положения, сомнительные положения, очевидно ложные положения, то было бы в высшей степени полезным присоединить к перечню сомнений перечень ложных мнений и общераспространенных заблуждений, существующих как в естественной истории, так и в теории, для того, чтобы они не приносили больше вреда науке.

Что же касается мнений древних философов, таких, как Пифагор, Филолай, Ксенофан, Анаксагор, Парменид, Левкипп, Демокрит и другие, к которым обычно относятся пренебрежительно и невнимательно, то было бы весьма полезно проявить немножко больше скромности и повнимательнее изучить их. И хотя Аристотель по обычаю турков считает, что он не может царствовать в безопасности, если не уничтожит всех своих братьев²⁷, однако же тем, кто стремится не к царской власти или роли наставника, а лишь к исследованию и раскрытию истины, не может не представляться весьма полезной возможность рассмотреть собранные вместе разнообразные мнения разных ученых о природе вещей. При этом я совсем не думаю, что из этих и им подобных теорий можно надеяться каким-то образом извлечь некую более точную истину. Ведь точно так же как одни и те же явления, одни и те же вычисления согласуются и с астрономическими принципами Птолемея, и с астрономическими принципами Коперника, так и наш повседневный опыт, которым мы руководствуемся, и внешняя сторона вещей согласуются со множеством различных теорий, а между тем для подлинного исследования истины необходимы совсем иные, строго научные принципы. Аристотель очень удачно сказал, что «маленькие дети, только начинающие еще что-то лепетать, называют матерью любую женщину, а уже потом они научаются узнавать собственную мать»²⁸. Точно так же и опыт в своем детском состоянии готов называть матерью любую философию, достигнув же зрелого возраста, он признает свою настоящую мать. Будет полезно также познакомиться с разнообразными несогласными друг с другом философскими учениями, с различными толкованиями природы, из которых одно, может быть, ближе к истине в одном вопросе, другое — в другом. Поэтому мне бы хотелось, чтобы было создано тщательно продуманное сочинение о древних философах, включающее сведения, почерпнутые

из жизнеописаний древних философов, из сборника Плутарха об их учениях, из цитат у Платона, из полемик Аристотеля, наконец, из разбросанных и случайных упоминаний, встречающихся в других книгах христианских и языческих писателей (Лактанция, Филона, Филострата и др.)²⁹. Насколько мне известно, такого сочинения до сих пор не существует. Однако следует предупредить о том, чтобы каждая философская система в ее составных частях и в ее развитии излагалась отдельно, а не так, как это сделал Плутарх, перечисляя отдельные названия и сборники. Ведь любая цельная философская система стоит на собственном основании и отдельные ее части взаимно укрепляют и разъясняют друг друга; если же их оторвать одну от другой, они теряют свой смысл и становятся непонятными. Во всяком случае когда я читаю у Тацита о поступках Нерона или Клавдия, совершаемых при определенных обстоятельствах, среди конкретных лиц и событий, то я не вижу в этих поступках ничего, что было бы совершенно невероятным; а когда я читаю о том же самом у Светония Транквилла³⁰, но в отрывочном изложении, со всякого рода обличиями местами, вне хронологической последовательности, то эти же поступки представляются мне чем-то чудовищным и невероятным. Совершенно то же самое происходит и с философией, когда в одном случае она излагается как цельная система, а в другом — как разорванная на мелкие куски. Я не исключаю из этого перечня философские взгляды и новейшие теории и учения, например учение Теофраста Парацельса, весьма красноречиво изложенное и сведенное в стройную философскую систему датчанином Северином; или учение Телезия из Козенцы, который, восстановив философию Парменида, обратил оружие перипатетиков против них же самих; или Патриция Венецианского, сублимировавшего туманное учение платоников; или нашего соотечественника Гильберта, пересмотревшего теорию Филолая; или любого другого, если только он окажется достойным упоминания³¹. Поскольку сочинения последних существуют в полном виде, то из них нужно выбрать только самое главное и присоединить к остальным учениям. О физике и ее приложениях сказано достаточно.

Перейдем теперь к метафизике. Мы отнесли к ней исследование формальных и конечных причин. Это могло

бы показаться бесполезным в той мере, в какой это относится к формам, поскольку уже давно укрепилось твердое мнение, что никакие человеческие усилия не в состоянии раскрыть сущностные формы вещей или их истинные отличительные признаки. А между тем это мнение подтверждает наше убеждение, что нахождение форм является наиболее достойной исследования областью во всей науке. Что же касается возможности открытия, то существуют, конечно, неумные и ленивые путешественники, которые, видя перед собой только море и небо, считают, что впереди вообще нет никакой земли. Но в то же время прекрасно известно, что Платон, созерцающий весь мир с высоты своего гения, как с высокой скалы, в своем учении об идеях уже видел, что формы являются истинным объектом науки, хотя он и не сумел воспользоваться плодами этого в высшей степени правильного положения, поскольку рассматривал и воспринимал формы как нечто совершенно отвлеченное от материи и не детерминированное ею. Именно по этой причине он свернул с правильного пути и обратился к теологическим спекуляциям, что наложило отпечаток на всю его естественную философию и испортило ее. Поэтому если мы внимательно, серьезно и искренне обратимся к действию и практике, то без большого труда сможем в результате исследований достичь знания того, что собой представляют те формы, познание которых могло бы удивительным образом обогатить и облагодетельствовать человечество. Ведь формы субстанций (за исключением только человека, о котором Писание говорит: «Он создал человека из глины земной и вдохнул в облик его дыхание жизни», а не так, как об остальных видах: «Пусть произведут воды...»; «Пусть произведет земля...») ³², я повторяю, виды всех существ (поскольку теперь число их значительно увеличилось благодаря скрещиваниям и пересадкам) так перепутались и усложнились, что либо вообще не имеет смысла исследовать их, либо следует на время отложить настоящее их исследование и приняться за него только после того, как будут открыты и исследованы более простые по своей природе формы. Ведь было бы нелегко и совершенно бесполезно исследовать форму того звука, который образует какое-нибудь слово, так как сложением и перестановкой букв можно образовывать бесконечное множество слов; исследовать же форму

звука, который выражается какой-нибудь простой буквой (т. е. исследовать характер артикуляции данного звука), — это вполне доступно и даже легко; а как только мы познаем эти формы букв, они тотчас же приведут нас к познанию форм слов. Точно так же, кто станет тратить усилия на исследование формы льва, дуба, золота или даже воды или воздуха? Исследование же формы плотного, разреженного, горячего, холодного, тяжелого, легкого, осязаемого, газообразного, летучего, связанного и тому подобных состояний и движений, перечисленных нами в значительной мере, когда мы говорили об изучении физики, и обычно называемых формами первого класса, которые (подобно буквам алфавита) не так уж многочисленны, однако составляют сущности и формы всех субстанций, — такое исследование, повторяю, и есть именно то, что мы пытаемся сделать и что составляет и определяет ту часть метафизики, которую мы сейчас рассматриваем. Это, однако, не мешает и физике, как об этом уже было сказано, заниматься исследованием тех же самых свойств и состояний, но только с точки зрения преходящих причин. Например, если будет идти речь о причине белизны снега или пены, то правильным будет определение, что это тонкая смесь воздуха и воды. Но это еще очень далеко от того, чтобы быть формой белизны, так как воздух, смешанный со стеклянным порошком, точно так же создает белизну, не чуть не хуже, чем при соединении с водой. Это лишь действующая причина, которая есть не что иное, как носитель (*vehiculum*) формы. Но если тот же вопрос будет исследовать метафизика, то ответ будет приблизительно следующий: два прозрачных тела, равномерно смешанные между собой в мельчайших частях в простом порядке, создают белизну. Я считаю, что эта часть метафизики не получила еще необходимого развития. И это неудивительно, потому что с помощью того метода исследования, которым пользуются до сих пор, никогда не удастся проникнуть в формы вещей. Корень этого зла, как, впрочем, и всех остальных зол, состоит в том, что люди, как правило, и слишком поспешно, и слишком далеко уходят от осмысления практического опыта и конкретных фактов и вещей, целиком погружаясь в свои чисто умозрительные размышления.

Польза же, приносимая этой частью метафизики, которую я отношу к числу дисциплин, требующих дальнейшего развития, исключительно велика по двум причинам. Первая причина состоит в том, что вообще является обязанностью всех наук и их подлинной силой — сокращать (насколько это допускает требование истины) длинные и извилистые пути опыта и тем самым находить ответ на старинную жалобу о том, что «жизнь коротка, а путь искусства долог»³³. Лучше всего это можно сделать, собрав воедино наиболее общие научные аксиомы, имеющие силу по отношению к материи любой индивидуальной вещи. Ведь науки образуют своеобразную пирамиду, единственное основание которой составляют история и опыт, и поэтому основанием естественной философии служит естественная история. Ближе всего к основанию расположена физика, ближе всего к вершине — метафизика. Что же касается конуса, самой верхней точки пирамиды, т. е. высшего закона природы, или «творения, которое от начала до конца есть дело рук бога»³⁴, то я серьезно сомневаюсь, может ли человеческое познание проникнуть в эту тайну. Во всяком случае эти три области знания составляют три подлинные ступени науки; для тех, кто гордится своим знанием и готов подняться против богов, они подобны трем попыткам гигантов подняться на Олимп:

Трижды они Пелион взгромоздить на Осу пытались,
Осу трижды взвалить на Олимп многолиственный...³⁵

Для тех же, кто в самоуничижении во всем видит славу божью, они подобны тройному восклицанию «свят, свят, свят», ибо свят бог во множестве дел своих, свят в их порядке, свят в их единстве. Поэтому очень верно известное положение Платона и Парменида (хотя у них оно было чисто умозрительным): «Все поднимается по некоей лестнице к единству». Действительно, только та наука превосходит остальные, которая менее других отягощает человеческий ум множественностью. И совершенно очевидно, что такой наукой является метафизика, потому что она сосредоточивает свое внимание главным образом на изучении простых форм вещей, которые мы выше назвали формами первого класса, так как хотя они и немногочисленны, однако своими количественными и порядковыми соотношениями образуют все многообразие

вещей. Второе важное обстоятельство, определяющее выдающееся значение раздела метафизики, посвященного изучению форм, состоит в том, что эта область науки в наибольшей степени раскрепощает и освобождает могущество человека и выводит его на бескрайнее, широко открытое поле деятельности. Ведь физика направляет человеческие усилия по узким и трудным тропинкам, повторяющим извилистые пути обычной природы, но мудрым всюду открыта широкая дорога, ибо у мудрости, которую древние определяли как «знание всех вещей, божественных и человеческих»³⁶, всегда достаточно самых разнообразных средств. Физические причины освещают путь и дают средства для новых открытий в однородной материи, но тот, кто обладает знанием какой-либо формы, обладает также и знанием высшей возможности привнесения этой природы в любую материю, и его действия не связаны и не ограничены ни материальным основанием, ни условием действующей причины. О таком знании прекрасно сказано еще Соломоном, хотя скорее в религиозном смысле: «И не будут стеснены шаги твои, и на пути своем не встретишь ты камня преткновения»³⁷. Он подразумевает здесь, что пути мудрости не знают ни теснин, ни препятствий.

Вторая часть метафизики посвящена исследованию конечных причин. Эту область знания нельзя назвать заброшенной, но она отнесена не к той науке. Ведь, как правило, такого рода исследования предпринимаются в области физики, а не метафизики. Впрочем, если бы это нарушало только порядок изложения, то этому не следовало бы придавать большого значения. Ведь порядок — это скорее вопрос ясности изложения, и он не имеет отношения к самой сущности науки. Но в данном случае изменение порядка породило один очень серьезный недостаток и нанесло огромный ущерб философии. Дело в том, что рассмотрение вопроса о конечных причинах в физике совершенно изгнало из нее изучение физических причин, так что люди к огромному ущербу для науки успокоились на этих эффектных и неясных причинах, перестав настойчиво стремиться к исследованию реальных и подлинных физических причин. Впрочем, я считаю, что так поступал не только Платон, который всегда бросал якорь на этом берегу, но и Аристотель, Гален и другие, которые тоже частенько садятся на эту

мель. Ведь тот, кто стал бы приводить объяснения такого рода, как «веки и ресницы — это вал и забор для защиты глаз», или «плотная кожа у животных существует для защиты от жары и холода», или «кости созданы природой как своего рода колонны и балки, чтобы на них держалось все здание тела», или «листья появляются на деревьях для того, чтобы предохранить плоды от солнца и ветра», или «облака несутся по небу для того, чтобы орошать дождями землю», или «земля уплотнена и тверда для того, чтобы живые существа имели возможность ходить по ней и стоять на ней» и т. п., — тот в области метафизики с успехом мог бы изучать их, в области же физики ему бы ничего не удалось сделать. Более того, как мы уже отчасти говорили об этом, такие рассуждения, подобно фантастическим рыбам, присасывающимся к кораблям и мешающим их движению, замедлили, так сказать, плавание и прогресс наук, мешая им следовать своим курсом и продвигаться вперед, и уже давно привели к тому, что исследование физических причин в результате пренебрежения, с которым давно к нему относятся, пришло в упадок и обходится глубоким молчанием. Поэтому естественная философия Демокрита и других, которые устранили бога и ум (*mens*) из мироздания и приписали строение Вселенной бесчисленному ряду попыток и упражнений самой природы³⁸, называемых ими одним именем рока или судьбы, и видели причины отдельных вещей в необходимости, присущей материи, не нуждаясь во вмешательстве конечных причин, является, как нам кажется (насколько можно судить по фрагментам их сочинений и изложениям их философии), в вопросе о физических причинах значительно более основательной и глубже проникает в природу, чем философия Аристотеля и Платона. Единственная причина этого состоит в том, что первые никогда не тратили сил на изучение конечных причин, последние же беспрестанно рассуждали о них. И в этом отношении Аристотель заслуживает еще большего осуждения, чем Платон, ибо он не упоминает об источнике конечных причин, т. е. божестве, и заменяет бога природой; сами же конечные причины он излагает скорее с точки зрения логики, чем теологии. Мы говорим об этом не потому, что эти конечные причины не являются истинными и достойными внимательного изучения в метафизике, но потому, что, совершая набеги и

вторжения во владения физических причин, они производят там страшные разорения и опустошения. Впрочем, если бы только их можно было удержать в своих границах, то в этом случае было бы очень большим заблуждением думать, что они вступают в резкое противоречие с физическими причинами. Ведь когда говорится, что «ресницы век ограждают глаза», то это, конечно, никак не противоречит другому положению о том, что «волосы обычно вырастают во влажных областях»: «источники, скрытые мхом» и т. д.³⁹ Точно так же когда говорится, что «плотная кожа у животных спасает их от чрезмерного жара, холода, сырости и т. д.», то это не противоречит другому положению о том, «что кожа становится плотной в результате сокращения пор в наружных частях тела под воздействием холода и порывов ветра»; то же самое можно сказать и об остальных объяснениях. Мы видим, что и тот, и другой род причин великолепно согласуется между собой, с той лишь разницей, что одни причины указывают на цель, другие же просто называют следствие. Все это ни в коей мере не ставит под сомнение божественное провидение и нисколько не умаляет его значения, наоборот, скорее удивительным образом укрепляет его и превозносит. Ведь подобно тому как в гражданских делах тот, кто сумеет направить усилия других людей на достижение собственных целей и стремлений, не раскрывая им, однако, своих замыслов, так что они, ни на минуту не подозревая об этом, будут фактически исполнять его желания, проявит значительно более глубокую и замечательную политическую мудрость, чем тот, кто поделится своими планами с их исполнителями, точно так же и божественная мудрость сверкает ярче и удивительнее, когда вопреки действию природы провидение приводит к другому результату, чем когда каждое природное свойство и движение оказывается отмеченным знаком провидения. И разумеется, Аристотель, обременивший природу конечными причинами, утверждая, что «природа ничего не делает напрасно и всегда исполняет свои желания, если только не возникнут какие-то препятствия»⁴⁰, и высказывавший много других аналогичных мыслей, не нуждался больше в божестве. Да и атомистическое учение Демокрита и Эпикура само по себе не встречало возражений со стороны некоторых весьма проникательных ученых, однако же когда они стали до-

казывать, что все мироздание возникло из случайного столкновения этих атомов без какого бы то ни было участия ума, то их подняли на смех. Поэтому утверждение о том, что познание физических причин отвлекает человека от бога и провидения, весьма далеко от истины; напротив, те философы, которые целиком посвятили себя изучению этих причин, не находя никакого иного выхода, в конце концов обращались к богу и провидению. Вот все, что следовало сказать о метафизике. Я не стану отрицать, что раздел этой науки, посвященный конечным причинам, излагается в книгах как по физике, так и по метафизике, но если во втором случае это правильно, то исследовать эти причины в книгах по физике — ошибочно, ибо это наносит ущерб самой физике.

Глава V

Разделение практической части учения о природе на механику и магию, что соответствует делению теоретической части: механика — физике, магия — метафизике. Реабилитация термина «магия». Два приложения к практической части: опись человеческих богатств и перечень особенно полезных экспериментов

Практическое естествознание по необходимости мы также разделим на две части. Это деление соответствует приведенному выше делению теоретического естествознания, поскольку физика и исследование действующих и материальных причин являются основой механики, а метафизика и исследование форм — основой магии. Ибо исследование конечных причин бесплодно и, подобно деве, посвященной богу, ничего не рождает. Нам при этом известно, что довольно часто встречается и чисто эмпирическая, практическая механика, не связанная с физикой, но эту механику мы отнесли к естественной истории, отделив ее от естественной философии. Мы говорим здесь только о той механике, которая связана с физическими причинами. Однако встречается и такого рода механика, которая не является в полной мере чисто практической, но и не соприкасается в собственном смысле слова с философией. Дело в том, что все практические изобретения, известные человечеству, либо делались случайно, а потом уже передавались от поколения к поко-

лению, либо являются результатом сознательного поиска. Те открытия, к которым пришли сознательно, в свою очередь достигнуты либо с помощью того светоча, который дает людям знание причин и аксиом, либо путем своего рода расширения, или перенесения в другие области, или сочетания между собой сделанных ранее изобретений, а это уже дело скорее изобретательности и практического ума, чем философии. Об этом разделе, которым мы ни в коем случае не пренебрегаем, речь будет идти несколько позже в той части логики, где мы будем говорить о научном опыте (*experientia literata*). Во всяком случае ту механику, которую мы имеем сейчас в виду и которой беспорядочно занимался Аристотель, Герон излагает в «Пневматике»⁴¹; наконец, о ней очень подробно пишет один из новейших исследователей, Георгий Агрикола⁴², в своем трактате о минералах, а также множество других ученых в сочинениях по различным специальным вопросам; так что мне в сущности ничего не остается прибавить к этому, и я не вижу, чтобы в этой части механики что-то было упущено. Единственное, что мне представляется необходимым, — это чтобы новейшие исследователи по примеру Аристотеля продолжали в своих трудах еще более тщательную разработку этих проблем механики, останавливаясь подробнее на тех явлениях, причины которых особенно неясны или результаты особенно значительны. Но те, кто уделяет особое внимание только этим вопросам, похожи на моряков, плывущих только вдоль побережья,

...жмяся робко,
Из боязни бурь, к берегам неровным⁴³.

Я во всяком случае убежден, что едва ли можно что-нибудь коренным образом изменить или обновить в природе, полагаясь на какой-нибудь счастливый случай, или эксперимент, или на знание физических причин, которые осветят путь исследования. Только открытие форм способно это сделать. А если мы считаем, что та часть метафизики, которая рассматривает формы, должна получить развитие, то отсюда следует, что равным образом должна получить развитие магия, которая связана с ней. Но здесь, как мне кажется, следует потребовать восстановления древнего и почтенного значения слова «магия», которое долгое время воспринималось в дурном смысле.

Ведь у персов магия считалась возвышенной мудростью, знанием всеобщей гармонии природы, а те три царя, которые пришли с Востока, чтобы поклониться Христу, носили имя магов. Мы же понимаем магию как науку, направляющую познание скрытых форм на свершение удивительных дел, которая, как обычно говорят, «соединяя активное с пассивным», раскрывает великие тайны природы. Что же касается натуральной магии, о которой написано множество книг⁴⁴, излагающих какие-то наивные и суеверные представления и теории о симпатиях и антипатиях вещей, о тайных и специфических свойствах, равно как и пустые по преимуществу опыты, замечательные скорее своим искусством навлекать на все покров глубокой тайны, чем по существу, то едва ли будет ошибкой сказать, что эта магия так же далека в отношении природной истины от науки, которую мы хотим создать, как далеки в отношении исторической истины книги о подвигах короля Артура Британского или Гуго Бордосского⁴⁵ и тому подобных мифических героев от «Записок» Цезаря. Ведь совершенно очевидно, что Цезарь на деле совершил более значительные подвиги, чем те, которые авторы этих книг осмелились выдумать о своих героях, только действия его носили отнюдь не сказочный характер. Такого рода учения хорошо изображает миф об Иксионе, который, думая, что он владеет Юноной, богиней могущества, обнимал лишь бесплотное облако, породившее ему кентавров и химер. Так и те, кто в безумной и неудержимой страсти стремится к тому, что им мерещится в дымке и тумане их воображения, вместо реального дела лишь тешат себя пустыми надеждами и хватаются за какие-то безобразные и чудовищные призраки. Действие этой несерьезной и выродившейся натуральной магии на людей подобно действию некоторых снотворных средств, которые не только вызывают сон, но и приносят радостные и приятные сновидения. Ведь прежде всего эта магия усыпляет человеческий разум, воспевая некие специфические свойства и тайные силы, чуть ли не посланные небом, которым обучают только шепотом; и люди перестают неустанно и неуспешно стремиться к открытию и исследованию истинных причин явлений, но легковерно успокаиваются на такого рода досужих выдумках. Во-вторых, она внушает людям бесчисленное множество приятных, но лживых, похожих

на сон надежд на достижение того, чего каждый особенно желает. В то же время стоит заметить, что у этих наук, которые слишком сильно опираются на воображение и веру (таких, как магия, о которой мы говорим в настоящий момент, алхимия, астрология и т. п.), методы и теория обычно оказываются более чудовищными, чем цель и действительность, которые они имеют в виду. Превращение серебра или ртути или какого-нибудь другого металла в золото — вещь, в которую трудно поверить; однако значительно вероятнее, что тот, кто познает и глубоко изучит природу тяжести, желтого цвета, ковкости и растяжимости, неподвижного и изменчивого, кто тщательно исследует составляющие элементы и растворители минералов, сможет после долгих, требующих больших усилий и изобретательности экспериментов в конце концов создать золото, чем тот, кто надеется за несколько минут превратить в золото другие металлы с помощью нескольких капель чудесного эликсира, способного будто бы усовершенствовать природу и освободить ее от всего, что ей мешает. Подобным же образом нелегко поверить в отсрочку старости или восстановление юности. Однако значительно более вероятно предположить, что человек, хорошо знающий природу процессов усыхания (*arefactiones*) и пагубное действие духов на плотные части тела, изучивший природу процессов усвоения пищи и питания, знающий, какое питание полезнее, какое вреднее, выяснивший также природу духов (*spiritus*) и своего рода телесного пламени, то пожирающего тело, то восстанавливающего его силы, скорее сумеет с помощью определенной диеты, ванн, натираний, нужных лекарств, соответствующих упражнений и тому подобного продлить жизнь или в какой-то мере восстановить силы юности, чем тот, кто надеется этого достичь несколькими каплями или крупинками какой-нибудь драгоценной жидкости или квинт-эссенции. Опять-таки люди, пожалуй, не сразу и не так легко согласятся с тем, что звезды определяют человеческие судьбы; а что касается того, будто час рождения (который очень часто по множеству естественных причин может наступить или немного раньше, или немного позже) решает судьбу всей жизни или что час исследования оказывает влияние на сам предмет исследования, то это уже чистейшие пустяки. Но человеческий род столь напыщен и самоуверен, что не только берется за невозмож-

ное, но и надеется, что ему удастся легко, без напряжения и пота, как бы забавляясь, выполнить самые трудные дела. Но о магии сказано достаточно; мы очистили от позора сам термин и показали истинный облик этой науки, отделив его от ложного и недостойного.

Существуют еще два очень важных приложения к этой части практического учения о природе. Первое — необходимо создать опись всех человеческих богатств, в которую должны быть включены и коротко перечислены все существующие и находящиеся в распоряжении человечества блага и богатства независимо от того, являются ли они дарами природы или произведениями человеческого искусства; сюда же следует присоединить и все то, что, как известно, некогда существовало, а теперь погибло; это необходимо для того, чтобы люди, приступая к новым открытиям, не тратили понапрасну усилия на то, что уже известно и существует. Этот список будет еще более удачным и полезным, если в него включить перечень того, что, по общему мнению, считается невозможным ни в каком виде, а также перечень вещей, казалось бы почти невозможных, но тем не менее существующих. Первый перечень должен способствовать обострению человеческой изобретательности, второй же — до известной степени направлять ее, чтобы все желательные и возможные вещи быстрее превратились в действительные. Второе — необходимо создать перечень тех экспериментов, которые являются особенно полезными и способствуют, и пролагают путь к новым открытиям. Например, опыт искусственного замораживания воды с помощью льда и черной соли имеет бесконечно важное значение. Ведь он раскрывает тайну процесса уплотнения, а трудно найти что-нибудь более плодотворное для человечества. Ведь мы обладаем огнем как средством разряжения, но процесс уплотнения продолжает оставаться неясным. Если такого рода полезные эксперименты составят специальный каталог, то это в очень значительной степени сократит путь к новым открытиям.

Глава VI

О математике — великом приложении к естественной философии, как теоретической, так и практической. Причины, по которым она должна быть отнесена к приложениям, а не к основным наукам. Разделение математики на чистую и смешанную

Аристотель прекрасно сказал, что «физика и математика рождают практику, т. е. механику»⁴⁶. Поэтому, поскольку мы уже рассмотрели как теоретическую, так и практическую части науки о природе, следует здесь сказать о математике, которая является вспомогательной дисциплиной для той и другой. Правда, обычно ее рассматривают как третью часть философии после физики и метафизики, но если бы мы, пересматривая сейчас систему наук, собирались отнести математику к числу основных и определяющих наук, то было бы, как мне кажется, более соответствующим и природе самого дела, и ясности классификации определить математику как раздел метафизики. Ведь количество, которое составляет предмет математики, приложенное к материи, является своего рода мерой природы и одной из причин множества явлений в природе, поэтому его следует отнести к сущностным формам. Фигуре же и числам древние придавали такое большое значение, что Демокрит видел основу всего разнообразия вещей прежде всего в фигурах атомов, а Пифагор утверждал, что природа вещей складывается из чисел. А между тем несомненна истина, что среди всех природных форм (в том смысле, в каком мы их понимаем) количество является наиболее абстрактной и легче других отделимой от материи формой, и именно это обстоятельство стало причиной более тщательной разработки и более глубокого исследования этой категории по сравнению со всеми остальными формами, значительно глубже скрытыми в материи. Поскольку же человеческий ум от природы (к великому, правда, ущербу для развития науки) предпочитает свободное поле общих истин густым зарослям и лесам частных проблем, то трудно было найти что-либо увлекательнее и приятнее математики для того, чтобы удовлетворить это стремление человеческого ума выйти на широкий простор размышлений. И хотя все это вполне соответствует истине, однако, поскольку мы заботимся не только об истине и

порядке изложения, но и пользе и выгоде для людей, представляется более правильным, имея в виду огромное значение математики и для физики, и для метафизики, и для механики, и для магии, отнести ее в приложения ко всем этим наукам и определить как вспомогательную для них дисциплину. Сделать это нас в какой-то мере побуждает и общеизвестное высокомерие и самодовольство математиков, стремящихся к тому, чтобы их наука фактически господствовала над физикой. Ведь как-то так случилось, что математика и логика, которые должны были бы быть служанками физики, теперь, кичась перед нею своей точностью, претендуют на господство над ней. Но нам сейчас следует не столько заботиться о месте и значении этой науки, сколько рассмотреть самое сущность ее. Обратимся к этому вопросу.

Математика бывает или чистая, или смешанная. К чистой математике принадлежат те дисциплины, которые рассматривают количество, полностью абстрагированное от материи и физических аксиом. Этим дисциплинам две — геометрия и арифметика. Первая рассматривает непрерывное количество, вторая — дискретное. Обе эти дисциплины потребовали для своего исследования и разработки большого таланта и усилий многих ученых; однако все последующие ученые не прибавили в геометрии к трудам Евклида ничего, что было бы достойно такого огромного промежутка времени, прошедшего с тех пор⁴⁷; учение же о плотных телах не получило ни у древних, ни у новых ученых такого развития, которое соответствовало бы его пользе и исключительному значению. В арифметике еще не существует ни достаточно разнообразных, ни достаточно удобных способов сокращения вычислений, особенно в прогрессиях, широко используемых в физике⁴⁸. Не вполне совершенна еще и алгебра. И уже явное отклонение от правильного пути науки представляет собой та пифагорейская, мистическая арифметика, которую начали возрождать, опираясь на сочинения Прокла⁴⁹ и некоторые отрывки из сочинений Евклида. Таково уж свойство человеческого ума: не имея достаточно сил для решения важных проблем, он тратит себя на всякие пустяки. Предметом смешанной математики являются некоторые аксиомы и части физики. Она рассматривает количество в той мере, в какой оно помогает разъяснению, доказательству и приведению в действие законов физики.

Ибо в природе существует много такого, что не может быть ни достаточно глубоко понято, ни достаточно убедительно доказано, ни достаточно умело и надежно использовано на практике без помощи и вмешательства математики. Это можно сказать о перспективе, музыке, астрономии, космографии, архитектуре, сооружении машин и некоторых других областях знания. Впрочем, я не нахожу, чтобы в смешанной математике полностью отсутствовал какой-нибудь раздел, но я могу предсказать, что в будущем, если только люди не предадутся праздности, таких разделов окажется очень много. Ведь по мере того как физика день ото дня будет приумножать свои достижения и выводить новые аксиомы, она будет во многих вопросах нуждаться все в большей помощи математики; и это приведет к созданию еще большего числа областей смешанной математики.

Итак, мы рассмотрели до конца учение о природе и отметили все, чего ей недостает и что требует дальнейшего развития. И если при этом мы, может быть, отошли от старых общепринятых мнений и тем самым дали кому-нибудь повод для возражений, то следует сказать, что мы во всяком случае далеки и от стремления к спорам, и от намерения вступить в борьбу с кем бы то ни было. И если правильно, что

Не для глухих мы поем: леса на все отвечают ⁵⁰,

то голос природы повторит наши слова, хотя бы человеческий голос и протестовал. Александр Борджиа ⁵¹ обычно говорил о походе французов против Неаполя, что «они пришли с мелом в руках, чтобы отмечать им дома, где они останутся, а не с оружием, чтобы силой врываться в них». Точно так же и нам приятнее мирное вступление истины, когда умы, оказавшиеся способными принять такую гостью, как бы помечаются мелом, нежели воинственное ее вторжение, пролагающее ей дорогу в столкновениях и жестоких спорах. Покончив таким образом с двумя частями философии, посвященными богу и природе, обратимся теперь к третьей части, посвященной человеку.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I

Разделение учения о человеке на философию человека и гражданскую философию. Разделение философии человека на учение о теле и учение о душе человека. Установление единого общего учения о природе или состоянии человека. Разделение учения о состоянии человека на учение о человеческой личности и учение о связи духа и тела. Разделение учения о человеческой личности на учение о слабостях человека и учение о его преимуществах. Разделение учения о связи духа и тела на учение об указаниях и о впечатлениях. Включение физиогномики и толкований естественных снов в учение об указаниях

Если кто-нибудь, великий государь, станет нападать на меня или оскорблять за что-то из того, что я предложил или еще предложу, то, не говоря уже о том, что я должен быть в безопасности под защитой Вашего Величества, да будет ему известно, что он нарушит тем самым обычай и закон войны. Ведь я всего лишь трубач и не участвую в битве; я, наверное, один из тех, о ком Гомер сказал:

Здравствуйте, мѹжи — глашатаи, вестники бога и смертных! ¹

Ибо они могли спокойно ходить повсюду, не подвергаясь нападению, даже среди самых жестоких и непримиримых врагов. И наша труба зовет людей не ко взаимным распрям или сражениям и битвам, а, наоборот, к тому, чтобы они, заключив мир между собой, объединенными силами встали на борьбу с природой, захватили штурмом ее неприступные укрепления и раздвинули (насколько великий господь в своей доброте позволит это) границы человеческого могущества.

А теперь обратимся к той науке, к которой ведет нас древний оракул, т. е. к познанию самих себя ². И чем она важнее для нас, тем тщательнее следует изучать ее. Эта наука для человека составляет цель всех наук и в то же время лишь часть самой природы. Нужно взять за общее правило, что все деления наук должны мыслиться

и проводиться таким образом, чтобы они лишь намечали или указывали различия наук, а не отсекали и разрывали их, с тем чтобы никогда не допускать нарушения непрерывной связи между ними. В противном случае науки, отделенные одна от другой, становятся бесплодными, пустыми и ошибочными, не получая питания и поддержки от их общего родника. Так, оратор Цицерон жалуется на то, что Сократ и его школа впервые отделили философию от риторики и это превратило риторику в пустую болтовню³. Подобным же образом известно, что положение Коперника о вращении земли (распространенное и в наше время), поскольку оно не противоречит тому, что мы наблюдаем, нельзя опровергнуть исходя из астрономических принципов, однако же это можно сделать исходя из правильно примененных принципов естественной философии. Наконец, искусство медицины, оторванное от естественной философии, не намного превосходит практику знахарей. Установив этот принцип, перейдем к учению о человеке. Оно состоит из двух частей. Одна из них рассматривает человека, как такового, вторая — в его отношении к обществу. Первую из них мы называем философией человека, вторую — гражданской философией. Философия человека складывается из частей, соответствующих тем частям, из которых состоит сам человек, а именно из наук, изучающих тело, и наук, изучающих душу. Но прежде чем продолжать рассмотрение отдельных частей этого деления, учредим единую общую науку о природе или состоянии (*status*) человека, ибо этот предмет достоин того, чтобы быть выделенным в отдельную, независимую от других науку. Она касается тех вещей, которые являются общими как для тела, так и для души. Со своей стороны эта наука о природе и состоянии человека может быть разделена на две части, из которых одна должна заниматься целой природой человека, а другая — самой связью души и тела; первую мы назовем учением о личности человека, вторую — учением о связи души и тела. Ясно, что все эти вопросы, представляя собой нечто общее и смешанное, не могут быть сведены к упомянутому делению на науки, изучающие тело, и науки, изучающие душу.

Учение о личности человека охватывает главным образом два предмета, а именно рассмотрение слабостей человеческого рода и его преимуществ и превосходств. Стра-

дания и несчастья человечества не раз оплакивались многими писателями в прекрасных и великолепно написанных сочинениях, как философских, так и теологических, чтение которых столь же приятно, сколь и назидательно.

Другая же наука, о преимуществах, еще заслуживает, как нам кажется, специальной разработки. Воздавая хвалы Гиерону, Пиндар удивительно изящно (как это ему присуще) говорит, что «он срывает вершины всех добродетелей»⁴. Немалое значение для прославления величия и красоты человеческого духа могло бы иметь сочинение, в котором было бы собрано то, что схоласты называют крайностями, а Пиндар — вершинами человеческой природы. Главным источником для этого должна послужить сама история. Речь идет о крайних или высших ступенях совершенства, которых когда-либо могла самостоятельно достичь человеческая природа в той или иной духовной или телесной способности. Например, замечательная способность Цезаря, который, как говорят, одновременно мог диктовать пяти секретарям, или изумительная выучка древних риториков — Протагора, Горгия и философов — Каллисфена, Посидония, Карнеада, способных экспромтом произнести большую изящную речь на любую тему, защищая с одинаковым успехом противоположные тезисы, в немалой степени прославили могущество человеческого таланта. Другой пример, быть может, менее полезной, но еще более эффектной способности приводит Цицерон, говоря, что его учитель Архий «мог экспромтом произнести множество великолепных стихов на тему, о которой в тот момент шла речь»⁵. О величайших способностях человеческой памяти свидетельствует тот факт, что Кир или Сципион могли по именам назвать всех воинов своих многотысячных войск⁶. Не менее интеллектуальных велики и моральные достоинства человека. Изумительный пример стойкости являет нам знаменитая история об Анаксархе, который во время допроса и пыток откусил себе язык, чтобы не выдать тайны и выплюнул его в лицо тирана⁷. Не уступает ему в выдержке (хотя и проявившейся в обстоятельствах несравненно менее достойных) один бургундец, живший уже в нашу эпоху, — убийца герцога Оранского⁸. Его били железными прутьями и раздирали раскаленными клещами, но он не издал ни единого стога, а когда что-то случайно упало

на голову одного из присутствующих, то этот шалопаи, уже весь покрытый ожогами, среди страшных ныток даже расхохотался (хотя незадолго до этого плакал, когда ему обстригали его прекрасные волосы). Удивительную ясность духа и спокойствие в смертный час проявляло немало людей. Такое спокойствие проявил один центурион, о котором рассказывает Тацит. Когда воин, которому было приказано казнить его, крикнул ему, чтобы он сильнее вытянул шею, тот сказал: «Если бы ты сумел так же сильно ударить»⁹. А когда герцогу Саксонскому Иоганну, сидевшему за шахматной доской, принесли приказ о назначении на завтра его казни, то он, подзвав одного из присутствующих, сказал ему с улыбкой: «Посмотрика-ка, разве не сильнее моя позиция в этой партии? А ведь он (указывая на своего партнера) после моей смерти станет хвастаться, что его позиция была лучше». Когда накануне казни нашего соотечественника Мора, канцлера Англии, к нему пришел цирюльник (посланный остричь его из боязни, что вид его с длинными ниспадающими волосами может вызвать сострадание у народа) и спросил его, не хочет ли тот остричься, тот отказался и, обращаясь к цирюльнику, сказал: «У меня с королем идет спор о моей голове, и, прежде чем он разрешится, я не стану на нее тратить». И тот же Мор в самый момент казни, уже положив голову на роковую плаху, немного приподнялся и, отведя слегка свою отросшую бороду, сказал: «По крайней мере она-то не оскорбила короля». Но не будем заходить слишком далеко; достаточно ясно и так, к чему мы стремимся. Мы хотим, чтобы в какой-то одной книге были собраны все чудесные свойства человеческой природы, высшие проявления ее душевных и физических свойств и достоинств. Эта книга будет своего рода сводом триумфов человека. Здесь примером могут послужить сочинения Валерия Максима и Гая Плиния, их добросовестность и глубина суждения¹⁰.

Учение о союзе или общей связи души и тела может быть разделено на две части. Подобно тому как союзники обмениваются между собой тем, чем они обладают, и оказывают друг другу взаимную помощь, так и это учение о союзе души и тела складывается из двух частей: описания того, каким образом эти две сущности (т. е. душа и тело) взаимно раскрывают друг друга и каким образом

они взаимно воздействуют друг на друга с помощью знания (*notitia*), или указания и впечатления. Первая часть, т. е. описание того, что можно узнать о душе исходя из состояния тела и что — о теле исходя из акциденций духа, дала нам два вида науки о предсказании, один из которых известен благодаря исследованиям Аристотеля, другой — Гиппократ. Правда, в последнее время эти искусства включили в себя всякого рода суеверные и фантастические представления, однако если их очистить от этих вредных примесей и восстановить в их истинном состоянии, то окажется, что они покоятся на достаточно прочном природном основании и могут приносить немалую пользу в повседневной жизни. Первое из этих искусств — физиогномика, которая по строению тела и чертам лица определяет душевные наклонности; второе — толкование естественных снов, раскрывающее состояние и положения тела исходя из движений души. В первой из этих дисциплин кое-что, по моему мнению, требует развития. Дело в том, что Аристотель талантливо и мастерски исследовал тело в состоянии покоя, но он не рассматривал его в движении, т. е. оставил в стороне жесты, которые, однако, не меньше заслуживают научного изучения; польза же такого изучения превосходит то, что дает исследование неподвижного тела. Действительно, очертания тела указывают лишь на общие наклонности и стремления души, выраженные же лица и движения отдельных частей тела свидетельствуют, кроме того, и об изменениях состояния души: о настроении и проявлении воли человека в данную минуту. Мне бы хотелось воспользоваться здесь в высшей степени удачными и столь же изящными словами Вашего Величества: «Язык поражает уши, жесты же говорят глазам»¹¹. Это прекрасно известно множеству проходимцев и подлецов, которые ни на минуту не отрывают взора от выражения лица и движений собеседника и используют это в своих интересах — ведь именно в этом и состоит в значительной мере их ловкость и мудрость. И конечно, нельзя отрицать того, что выражение лица и жесты человека удивительным образом выдают его притворство и великолепно могут подсказать момент, когда удобнее всего обратиться к нему, а это составляет немаловажную часть житейской мудрости. Ведь никто же не считает, что такое искусство, имея какое-то значение по отношению к тем или иным

отдельным людям, не выражает общего правила, ибо мы смеемся, плачем, краснеем, мрачнеем почти одинаково и в большинстве случаев то же самое можно сказать и о более тонких движениях души. Но если кто-нибудь захочет в этой связи вспомнить и о хиромантии, то пусть знает, что это абсолютно несерьезная и пустая вещь, недостойная вообще даже упоминания в такого рода сочинении. Что же касается толкования естественных снов, то эта наука излагается в некоторых ученых трудах, изобилующих, к сожалению, множеством самых нелепых измышлений. В данный момент я хочу только сказать, что этому искусству не дали еще достаточно прочного основания. А между тем оно сводится к следующему: если действие какой-то внутренней причины аналогично действию какой-либо внешней причины, то это внешнее действие обычно воспроизводится во сне. Например, давление, вызванное скоплением газов в желудке, сходно с давлением на живот какой-нибудь внешней тяжести, и поэтому люди во время ночных кошмаров видят во сне, что на них наваливается тяжесть, и видят при этом множество связанных с этим подробностей. Точно так же тошнота, вызванная морской качкой, похожа на тошноту, вызванную скоплением газов в животе, и поэтому ипохондриякам довольно часто снится, что они плывут на корабле и их качает. Можно привести бесчисленное множество аналогичных примеров.

Вторая часть учения о союзе души и тела, которую мы назвали «впечатление», еще не представляет собой сформировавшейся науки; эти вопросы лишь иногда вскользь затрагивались в сочинениях на другие темы. А эта часть имеет для себя такое же соответствие, как и первая. Ибо она рассматривает два вопроса: каким образом и в какой мере мокроты и все физическое состояние тела меняют душу и влияют на нее? или, наоборот, каким образом и в какой мере страсти и восприятия души изменяют тело и влияют на него? Первый вопрос, как мы знаем, иногда рассматривается в медицине, но и он странным образом оказался тесно связанным с религией. В самом деле, врачи выписывают лекарства для лечения душевных болезней, например мании или меланхолии, более того, они пытаются найти средства для восстановления хорошего настроения, для укрепления духа, для увеличения физических сил, для развития умственной

деятельности, для улучшения памяти и т. п. Но установленные в секте пифагорейцев, в ереси манихейцев и в законе Магомета ограничения в выборе пищи и питья, омовения и другие правила, касающиеся тела, превосходят всякую меру. В религиозных законах существует множество предписаний, строго запрещающих употребление в пищу крови и жира, четко разделяющих животных на чистых и нечистых (имея в виду их употребление в пищу). Даже сама христианская вера, хотя и свободная и очистившаяся от мрака ложных верований, сохраняет все же требования постов, воздержаний и т. п., что способствует унижению и умерщвлению плоти, рассматривая все это не только как чисто ритуальные, но и как полезные вещи. Основа же всех этих запретов (не касаясь собственно обрядовой стороны и искуса послушания) лежит именно в том, о чем мы здесь говорим, т. е. в том, что душа страдает вместе с телом. Если же какой-нибудь не очень умный человек подумает, что такого рода воздействия тела на душу ставят под сомнение бессмертные души или лишает душу ее власти над телом, то на такое легкомысленное сомнение достаточно такого же ответа. Пусть он возьмет в качестве примера, скажем, ребенка во чреве матери, который испытывает вместе с матерью одни и те же воздействия, однако же в положенное время покидает ее тело, или же монархов, которые, несмотря на свое могущество, иногда уступают просьбам своих слуг, сохраняя при этом свое царское величие.

Противоположная сторона этого учения (о воздействии души и ее аффектов на тело) также находит себе место в медицине. Ведь нельзя найти ни одного более или менее серьезного врача, который бы не занимался рассмотрением и изучением душевного состояния, что весьма важно для лечения, а также для того, чтобы в значительной степени усиливать действие всех других средств или, наоборот, ослаблять. Однако исследование другого вопроса, имеющего отношение к предыдущему, до сих пор проводилось очень слабо и ни в коем случае не соответствовало ни его сложности, ни той пользе, которую он может принести. Речь идет о том, в какой степени само воображение души (если оставить в стороне аффекты) или навязчивая неотступная мысль, превратившаяся уже в своего рода убеждение, влияет на физическое состояние человека? Ведь хотя такое состояние, несомненно,

приносит вред, из этого, однако, вовсе не следует, что оно в равной мере способно приносить пользу, подобно тому как из факта существования вредного воздуха, несущего мгновенную смерть, нельзя сделать заключение о необходимости существования столь же целебного воздуха, приносящего мгновенное выздоровление. Такого рода исследование принесло бы, конечно, огромную пользу, но, как говорит Сократ, здесь нужен «делосский водолаз»¹², ибо проблема эта достаточно глубока. Далее, среди всех этих разделов учения о союзе, т. е. о согласии души и тела, нет ничего столь необходимого, как исследование того, где, собственно, помещаются в человеческом теле и его органах отдельные способности души. Недостатка в исследователях этого вопроса нет, однако результаты их исследований по большей части или противоречивы, или недостаточно серьезны; и здесь, конечно, необходимы и больший талант, и более тщательное изучение проблемы. Во всяком случае мнение Платона¹³ о том, что интеллект располагается в мозгу, как в крепости, дерзость (*animositas*) (которую он неудачно называет вспыльчивостью, тогда как она значительно ближе к высокомерию и гордости) — в сердце, похоть и чувственность — в печени и т. д., может быть, и не следует совершенно отбрасывать, однако же не следует и слишком восторженно хвататься за него. Кроме того, нельзя считать правильным и помещение всех упомянутых интеллектуальных способностей (воображения, рассудка, памяти) в желудочках мозга. Таким образом, мы изложили учение о природе человека в целом и учение о связи души и тела.

Глава II

Разделение учения о человеческом теле на медицину, косметику, атлетику и науку о наслаждениях. Разделение медицины на три отдела: поддержание здоровья, лечение болезней и продление жизни; последняя часть должна быть отделена от остальных двух

Учение о человеческом теле имеет столько же разделов, сколько благ несет с собою тело. А человеческое тело обладает четырьмя благами: здоровьем, формой или красотой, силой, наслаждением. Столько же существует и

наук: медицина, косметика, атлетика и наука о наслаждениях, которую Тацит называет утонченной роскошью¹⁴.

Медицина — одно из самых благородных искусств, — по словам поэтов, «происходит из знатнейшего рода». Поэты сделали главным богом медицины Аполлона, а сыном его — Эскулапа, тоже бога и учителя медицины, ибо если Солнце является создателем и источником жизни всего, что существует в природе, то врач, поддерживая и охраняя жизнь, оказывается своего рода вторым источником жизни. Но неизмеримо большее достоинство придают медицине дела Спасителя, который был врачом телом и души, и тела, сделав душу подлинным предметом своего небесного учения, а тело предметом своих чудес. Ведь нигде не написано, что он совершил хоть одно чудо, относящееся к почестям или деньгам (за исключением единственного, с помощью которого он заплатил подать кесарю), но все чудеса его сводились либо к сохранению и поддержанию, либо к лечению человеческого тела.

Предмет медицины, а именно человеческое тело, из всего того, что создала природа, лучше всего поддается действию лекарств, но в свою очередь применение этих лекарств особенно сопряжено с ошибками. Ибо тонкость и многогранность объекта лечения, давая, с одной стороны, очень большие возможности для лечения, с другой стороны, весьма сильно увеличивает возможность ошибок. Таким образом, поскольку это искусство (особенно в нынешнем его состоянии) строится главным образом лишь на догадках, исследования в этой области следует отнести к числу наиболее трудных и требующих особого внимания. Но мы не собираемся на этом основании разделять с Парацельсом и алхимиками их сумасбродные идеи относительно того, что в человеческом теле можно обнаружить соответствия отдельным видам, существующим во Вселенной (звездам, минералам и т. п.), ибо эти басни представляют собой несерьезное и примитивное истолкование знаменитого положения древних, что человек — это микрокосм, т. е. уменьшенный образ всего мира, и применение этого положения к их собственным измышлениям. Но тем не менее дело обстоит так, что (как мы уже начали говорить) среди всех тел, созданных природой, нельзя найти ни одного, которое было бы столь же сложным и многообразным, как человеческое тело. Мы видим, что травы и растения получают пищу из земли и воды,

животные питаются травой и плодами, человек же питается мясом самих животных (четвероногих, птиц, рыб), а также травами, зерном, плодами, соками и другими жидкостями; при этом прежде, чем пойти в пищу человеку, все это в различной форме смешивается и готовится с добавлением всяких приправ. К этому нужно добавить, что образ жизни животных проще, факторы, воздействующие на их тело, не столь многочисленны, да и действуют они сравнительно однообразно, в то время как человек подвергается почти бесконечному множеству различных изменений: ему приходится менять место жительства, занятия, испытывать различные аффекты во время сна и бодрствования. Поэтому в высшей степени правильно, что среди всего остального человеческое тело наиболее возбудимо (*fermentatum*) и сложно по своему составу. Душа же, напротив, является самой простой из всех субстанций, так что удачно сказал поэт:

и чистым оставит
Оный эфирный состав и пламя Авры начальной¹⁵.

Поэтому меньше всего следует удивляться тому, что душа, находящаяся в теле, не может найти себе покоя, ибо, как гласит известная аксиома: движение вещей беспокойно, если они не на месте, и спокойно, если они на месте. Но вернемся к делу. Это разнообразное и тонкое строение человеческого тела сделало его подобным сложному и капризному музыкальному инструменту, способному легко утратить свою гармонию. Поэтому имеет смысл соединение поэтами в лице Аполлона музыки и медицины: ведь дух обоих этих искусств почти одинаков; а обязанность врача состоит целиком в том, чтобы уметь так настроить лиру человеческого тела и так играть на ней, чтобы она ни в коем случае не издавала негармонических и неприятных для слуха созвучий. Таким образом, именно непостоянство и неоднородность предмета сделали искусство медицины основанным скорее на догадках, чем на прочном знании, а эта непрочность основания медицины в свою очередь открыла широкую дорогу не только для ошибок, но и для прямого обмана. Дело в том, что почти все остальные искусства и науки мы можем оценить, исходя из их собственного достоинства и присущих им функций, а не по их успехам и результатам. Адвокаты оценивают по самой его способности вести процесс и

выступать в суде, а не по результатам того или иного процесса; точно так же и кормчего мы оцениваем по его умению управлять рулем, а не по успеху какого-то путешествия. Что же касается врача, да, пожалуй, еще и политического деятеля, то едва ли существуют какие-то особые действия или навыки, с помощью которых они могли бы с полной очевидностью продемонстрировать свое дарование и искусство; и главным образом сам исход дела приносит им или почет, или позор, и приговор этот часто оказывается совершенно несправедливым. Ведь когда больной умирает или выздоравливает, когда государство находится в цветущем состоянии или приходит в упадок, разве хоть кто-нибудь знает, является ли это результатом случайности или сознательной деятельности врача или политика. Поэтому очень часто случается так, что слава достается обманщику, а опытный и искусный человек подвергается осуждению. Более того, человеческая слабость и легковерие столь велики, что частенько люди ученому врачу предпочитают шарлатана и знахаря. Поэтому, как мне кажется, поэты были весьма прозорливы и проникательны, считая Кирку сестрой Эскулапа и обоих их называя детьми Солнца. Именно так говорится в стихах об Эскулапе, рожденном Фебом:

Изобретателя сам врачеваний таких и искусства
Молнией Фебова сына к Стигийским волнам низринул.

И точно так же о Кирке, дочери Солнца:

Где недоступные рощи дочь роскошная Солнца
Неумолкаемым полнит пеньем и в пышных чертогах
Благоуханные кедры, как свечи ночные, сжигает¹⁶.

Ведь во все времена в глазах толпы знахаря, ворожея и обманщика были в какой-то мере соперниками врачей и, пожалуй, могли поспорить с ними в популярности своих методов лечения. Ну и каков же результат этого? Врачи стали думать о себе то же, что говорил по более важному поводу Соломон: «Если и у глупца, и у меня — один и тот же конец, то какая мне польза от того, что я отдал больше сил для достижения мудрости?»¹⁷ Во всяком случае я не осуждаю врачей за то, что они довольно часто уделяют какому-то другому любимому ими делу гораздо больше времени, чем своему собственному искусству. Среди врачей можно найти поэтов, любителей

древности, критиков, риторов, политических деятелей, теологов, к тому же более образованных во всех этих науках, чем в собственной профессии. Это происходит, я полагаю, не потому (как упрекнул врачей некий обличитель наук), что, имея постоянно перед глазами вещи столь неприятные и печальные, они испытывают необходимость вообще отвлечься от этого и заняться чем-то другим (ибо, будучи людьми, они считают, что ничто человеческое им не чуждо¹⁸), но именно по той самой причине, о которой мы сейчас говорим, — они считают, что для их репутации и для их заработка совершенно не имеет никакого значения, являются ли они посредственными врачами или достигли в своем искусстве высшей степени совершенства. Ведь непреодолимый ужас смерти, сладость жизни, обманчивые надежды, советы друзей заставляют людей легко доверять любым врачам, каковы бы они ни были. Но если разобраться внимательнее, то окажется, что все это скорее можно поставить в вину врачам, чем привести в их оправдание, потому что они должны не совершенно отбрасывать надежду, а, напротив, напрягать все свои усилия. Действительно, всякий, кто захочет разбудить свое внимание и, не торопясь, осмотреться вокруг, уже из самых обыденных и знакомых примеров легко поймет, какой огромной властью над всем разнообразием материи или форм вещей обладает тонкий и пронизательный ум. Нет ничего разнообразнее, чем человеческие лица и их выражение, однако память способна удерживать бесконечные их различия; более того, художник, обладая несколькими баночками красок, остротой зрения, силой воображения и твердостью руки, мог бы своей кистью воспроизвести и нарисовать лица всех людей, когда-либо существовавших, существующих, и тех, которые будут существовать (если бы ему удалось увидеть их). Нет ничего разнообразнее, чем человеческий голос, однако мы легко различаем и узнаем голоса отдельных людей; более того, существует немало шутов и мимов, умеющих подражать чему угодно, живо воспроизводить любые звуки и голоса. Нет ничего более разнообразного, чем артикулированные звуки, т. е. слова, однако существует возможность свести их к небольшому числу букв алфавита. Поэтому не может быть сомнения в том, что если в науке встречается еще очень много сложного, запутанного и непознанного, то это происходит

не оттого, что человеческий ум не обладает достаточной тонкостью и способностью понимания таких вещей, но скорее потому, что объект познания находится слишком далеко. Ведь с интеллектом происходит то же, что и с чувственным восприятием отдаленного объекта, которое в большинстве случаев бывает неверным, а при должном приближении к объекту дает о нем верное представление. Люди обычно наблюдают природу издалека, как бы с высокой башни, и слишком много уделяют внимания общим рассуждениям, но если бы они решились спуститься с этой башни и обратиться к исследованию частных вопросов, внимательнее и глубже изучить самое действительность, то восприятие ее было бы значительно более истинным и принесло бы больше пользы. Таким образом, для того чтобы сделать наше познание более истинным, необходимо не только совершенствовать и укреплять сами органы восприятия и мышления, но и приблизить к ним объект познания. Поэтому не должно быть никакого сомнения в том, что, если врачи, оставив хотя бы отчасти общие рассуждения, решатся пойти навстречу природе, они сумеют овладеть ею, о чем и говорит поэт:

Так как различны болезни — их мы по-разному лечим,
Сколько бы ни было зол, столько ж спасенья путей¹⁹.

Врачи тем более обязаны это сделать, что те философские учения, на которые они опираются как в исследовании методов лечения, так и в приготовлении лекарственных средств (ибо медицина, не основанная на философии, не может быть надежной), в действительности мало чего стоят. Поэтому если слишком общие положения, даже когда они верны, содержат в себе уже тот недостаток, что мало побуждают человека к действию, то, конечно же, значительно большая опасность таится в тех общих положениях, которые оказываются ложными и тем самым приводят к неправильным выводам.

Итак, медицина, как видим, до сих пор продолжает находиться в таком состоянии, что она скорее хвастается своими успехами, чем действительно разрабатывается, а если даже и разрабатывается, то не развивается и не приумножается, ибо все усилия, потраченные на нее, скорее выглядят как движения по замкнутому кругу, чем как действительное продвижение вперед. Я нахожу, что авторы медицинских сочинений очень много повторяют

одно и то же и очень мало прибавляют нового. Мы разделим медицину на три части, которыми обозначим три ее предназначения. Первая обязанность медицины — сохранение здоровья, вторая — лечение болезней, третья — продление жизни. Впрочем, эту последнюю врачи, как мне кажется, не признают важной частью своего искусства, довольно неразумно объединяя ее с двумя остальными. Они считают, что если им удастся предупредить наступление болезней или излечивать их, когда они возникают, то это уже само по себе влечет продление жизни. Хотя это не вызывает ни малейшего сомнения, однако здесь врачи оказываются весьма недалекими, не замечая, что и то и другое относится только к болезням и имеет в виду только такое продление человеческой жизни, которому препятствуют болезни, сокращая ее. Но никто из врачей не исследовал должным образом, как продлить самую нить жизни и на какое-то время отдалить смерть, незаметно подкрадывающуюся к человеку, как результат естественного распада и старческой атрофии организма. И пусть никого не смущает и не волнует, что мы рассматриваем как задачу и предмет науки прежде всего то, что подвластно судьбе и божественному провидению. Конечно, вне всякого сомнения, от провидения в равной мере зависит любая смерть, и насильственная, и являющаяся результатом либо болезни, либо старости, однако это вовсе не исключает мер предосторожности и лечения. Искусство и труд человека не повелевают природой и судьбой, а прислуживают им. Но об этом мы скажем несколько позже; здесь же мы хотели только предупредить, чтобы никто ошибочно не смешивал эту третью, лежащую на медицине обязанность с двумя предыдущими, что до сих пор делалось почти всегда.

Что касается задачи поддержания здоровья, являющейся первой из перечисленных нами обязанностей медицины, то об этом писало много ученых достаточно неудачно, впрочем, как и во многих других отношениях, придавая, по нашему мнению, чрезмерное значение ограничению числа продуктов питания и отбору их и уделяя значительно меньше, чем нужно, внимания определению необходимого для организма количества их. Ну а если они все же говорили о необходимом для человека количестве пищи, то, подобно философам-моралистам, чрезмерно восхваляли умеренность, несмотря на то, что и превратившееся в

привычку недоедания и ставшее обычным, ничем не ограниченное обильное питание могут сохранить здоровье лучше, чем эта знаменитая умеренность, которая делает человеческий организм слабым и неспособным, когда необходимо переносить как излишества, так и недостаток. Далее. Никто из врачей как следует не систематизировал и не описал те виды упражнений, которые особенно полезны для сохранения здоровья, хотя едва ли существует такая болезнь, которую нельзя было бы предупредить соответствующим видом упражнений. Например, при болезни почек полезна игра в кегли, при заболевании легких — стрельба из лука, для желудка полезны прогулки и верховая езда и т. д. Но так как мы рассматриваем эту часть о сохранении здоровья лишь в целом, то в нашу задачу сейчас не входит разбирать менее значительные недостатки.

Лечение болезней составляет ту часть медицины, на которую было затрачено особенно много труда, хотя результаты его оказались весьма скудными. Она представляет собой учение о болезнях, которым подвержено человеческое тело, о причинах этих болезней, их симптомах и средствах лечения. В этом втором разделе медицины очень многое требует изучения и развития. Мы изложим здесь лишь несколько наиболее важных вопросов; думаю, что будет достаточно просто перечислить их, не следуя какому-нибудь определенному порядку или методу изложения.

Прежде всего укажем на то, что давно уже забыт введенный Гиппократом в высшей степени полезный обычай тщательно и аккуратнейшим образом записывать все, что происходит с больным, сообщая о природе болезни, о примененном лечении, об ее исходе. И поскольку мы уже обладаем столь удачным и замечательным примером этого в лице человека, считающегося отцом данной науки, то нам нет никакой необходимости искать какой-нибудь иной пример, заимствованный из других областей знания, например из весьма разумной практики юристов, у которых издавна существует обычай записывать все более или менее интересные случаи и новые решения для того, чтобы быть лучше подготовленными на будущее. Поэтому я считаю, что необходимо непрерывно вести описание всех болезней и после тщательного и серьезного отбора объединить их в одном собрании. Это собрание, по моему мнению, не должно быть настолько

обширным, чтобы включать в себя все совершенно заурядные и обыденные случаи (ибо это не имело бы конца и не принесло бы никакой пользы), но, с другой стороны, оно и не должно быть столь сжатым, чтобы включать в себя только редчайшие и поразительные случаи (что и делают некоторые авторы). Ведь многое оказывающееся необычным в способе и обстоятельствах своего осуществления вовсе не является таковым в самой сущности. Но тот, кто посвятит себя тщательным наблюдениям, даже, казалось бы, в самых обычных вещах сможет обнаружить многое достойное внимания.

То же самое обычно происходит и в анатомических изысканиях: имеющее отношение к человеческому телу вообще исследуется самым тщательным образом, здесь проявляется живой интерес и отмечается любая мельчайшая деталь; когда же дело доходит до исследования того многообразия, которое мы встречаем в различных телах, энергия врачей вдруг ослабевает. Поэтому я считаю, что общая анатомия исследована самым подробнейшим образом, сравнительная же анатомия требует дальнейшего развития. Действительно, люди научились хорошо исследовать отдельные части тела, их состав, форму, расположение, но они значительно меньше внимания уделяют наблюдениям над различием форм и признаков этих частей у разных людей. Я считаю, что такого рода упущение происходит лишь по той простой причине, что в первом случае может быть вполне достаточно одного или двух вскрытий, а во втором (когда речь идет о сравнении и исследовании отдельных случаев) необходимо внимательное и всестороннее изучение многих трупов. К тому же в первом случае ученые имеют возможность покрасоваться на лекциях перед толпой слушателей, а во втором результат может быть достигнут лишь после долгих и кропотливых исследований. А между тем не вызывает никакого сомнения, что форма и строение внутренних частей организма почти не уступают в разнообразии очертаниям и формам внешних органов: что формы сердца, печени или желудка у людей столь же разнообразны, как и формы лба, носа или ушей. А между тем в самих этих различиях внутренних органов довольно часто и заключены постоянные причины (*causae continentes*) многих болезней. Врачи, не обращая на это внимания, иной раз обвиняют в этом совершенно безвредные мокроты (*humor-*

ges), тогда как действительным виновником заболевания является само строение какого-либо органа. Если при лечении таких болезней применять возбуждающие средства, то это не даст хороших результатов, ибо в данном случае возбуждение вредно. Напротив, следует исправить положение органа и с помощью режима питания и обычных средств лечения найти возможность успокоить боль и облегчить течение болезни. Подобным же образом к области сравнительной анатомии относится и тщательное изучение как всякого рода жидкостей, так и следов, и отпечатков болезней, наблюдаемых в процессе многочисленных вскрытий. Ведь обычно при вскрытиях почти не обращают внимания на мокроты, видя в них лишь вызывающие отвращение нечистоты, тогда как в высшей степени необходимо отметить, какие существуют виды различных мокрот, встречающихся в человеческом теле, и сколько их (не слишком полагаясь здесь на уже существующее деление), в каких областях и полостях тела они преимущественно образуются и скапливаются, в чем их польза и их вред и т. п. Точно так же сравнительная анатомия, опираясь на собранные воедино многочисленные опыты множества врачей, должна очень заботливо и внимательно исследовать и тщательно сопоставлять между собой обнаруженные при различных вскрытиях следы и отпечатки болезней, причиненные этими болезнями повреждения и полное поражение внутренних органов, как-то: нарывы, сокращения, растяжения, конвульсии, вывихи, смещения, завалы, переполнения, опухоли, а также все противоестественные явления, встречающиеся в человеческом теле, например камни, мясистые наросты, шишки, черви и т. п. А ведь до сих пор все это разнообразие явлений либо рассматривается в анатомических исследованиях от случая к случаю, либо вообще обходится молчаньем.

Что можно сказать о другом недостатке анатомии, заключающемся в том, что обычно не производится анатомических исследований на живых телах? Ведь это действительно отвратительная и варварская вещь, вполне справедливо осужденная Цельсом²⁰. Однако не менее правильно и сделанное еще древними наблюдение, что многочисленные мельчайшие поры, проходы и отверстия, которые невозможно обнаружить при анатомических вскрытиях, потому что они закрыты и невидимы в трупах,

в живых телах раскрыты и могут быть обнаружены. Но для того чтобы одновременно удовлетворить и соображениям пользы и требованиям гуманности, нет необходимости совершенно отказываться от вивисекций или надеяться на случайные наблюдения хирургов (что делал сам Цельс), ибо подобные наблюдения можно с успехом проводить на операциях с живыми животными, которые, несмотря на отличие своих органов от человеческих, могли бы удовлетворить потребности такого исследования, если, разумеется, при этом делать правильные выводы.

Переходя к исследованиям самих болезней, мы видим, что врачи считают очень многие болезни неизлечимыми, причем одни считаются неизлечимыми с самого начала заболевания, другие — после какого-то определенного периода. Так что проскрипции Л. Суллы и триумвиров оказываются совершенным пустяком по сравнению с проскрипциями врачей, своими совершенно несправедливыми приговорами осуждающих на смерть такое множество людей, из которых, правда, очень многие избегают ее гораздо легче, чем это некогда удавалось жертвам римских проскрипций. Поэтому я абсолютно не сомневаюсь в необходимости создать какую-то книгу о лечении болезней, считающихся неизлечимыми, для того чтобы она побудила и призвала выдающихся и благородных врачей отдать свои силы этому труду, насколько это допускает природа, поскольку уже само утверждение, что эти болезни являются неизлечимыми, как бы санкционирует и безразличие, и халатность, спасая невежество от позора.

И я хотел бы пойти здесь немного дальше: я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия²¹, о которой так мечтал Август, уже сама по себе является немалым счастьем; примером такой счастливой смерти может служить кончина Антоина Пия, который, казалось, не умер, а заснул глубоким сладким сном. То же самое, как говорят, вышло и на долю Эпи-

кура: когда его состояние стало безнадежным, он заглушил все чувства и боль в желудке, упившись вином, откуда и эти слова эпиграммы:

И затем уже пьяный он испил воды Стикса ²²,

т. е. вином заглушил горечь стигийской воды. А в наше время у врачей существует своего рода священный обычай остаться у постели больного и после того, как потеряна последняя надежда на спасение, и здесь, по моему мнению, если бы они хотели быть верными своему долгу и чувству гуманности, они должны были бы и увеличить свои познания в медицине, и приложить (в то же время) все старания к тому, чтобы облегчить уход из жизни тому, в ком еще не угасло дыхание. Эту часть медицины мы называем исследованием внешней эвтанасии (в отличие от той эвтанасии, которая рассматривает подготовку души) и считаем, что эта дисциплина должна получить развитие.

Кроме того, в учении о лечениях болезней я вижу один общий недостаток. Дело в том, что современные врачи хотя и совсем неплохо могут указать общее направление лечения, однако конкретные средства, специально предназначенные для лечения отдельных болезней, они или недостаточно хорошо знают, или не слишком продуманно применяют. Своими безапелляционными суждениями они разрушили и уничтожили достижения старой и проверенной на опыте медицины, по произволу прибавляя, отнимая или меняя что-то в методах лечения, подобно аптекарям заменяя одно средство другим; они так высокомерно повелевали медициной, что медицина сама перестала повелевать болезнями. Ведь за исключением териака, митридатия и, может быть, диаскордия, алькермеса и немногих других средств, они не придают серьезного значения почти ни одному определенному лекарству и не применяют их строго. Ведь те лекарства, которые продают в аптеках, скорее оказывают действие на общее состояние организма, чем предназначены, собственно, для лечения того или иного заболевания, поскольку они по существу не имеют в виду специально ни одной болезни, а лишь способствуют общему очищению, раскрытию закупорок, укреплению пищеварения. Результатом этого оказывается прежде всего, что знахари и ворожеи успешнее

лечат болезни, чем ученые врачи, потому что они точно и скрупулезно соблюдают рецепты изготовления и составления испытанных средств. Мне по этому поводу вспоминаются слова одного знаменитого у нас в Англии врача, кажется иудейской веры, последователя арабской школы медицины: «Ваши европейские врачи, конечно, ученые люди, но только они не умеют лечить ни одной болезни». Он же обычно, шутя, хотя, впрочем, и весьма недостойно, говорил, что наши врачи похожи на епископов, которые умеют только венчать и отпускать грехи и ничего больше. Но, говоря серьезно, как того и требует само дело, мы считаем чрезвычайно важным, чтобы несколько знаменитых врачей, известных как своей практической деятельностью, так и ученостью, создали руководство по применению хорошо испытанных и проверенных на практике лекарств, предназначенных для лечения определенных болезней. Ибо если кто-нибудь, исходя из внешне эффектных соображений, полагает, что ученый врач должен скорее приспособливать свои средства лечения к обстоятельствам, учитывая особенности организма и возраст своих пациентов, время года, их образ жизни и т. п., а не придерживаться неуклонно каких-то определенных предписаний, то такое представление обманчиво: оно недостаточно доверяет опыту, слишком переоценивая возможности суждения. И точно так же как в Римской республике наиболее полезными и лучшими гражданами были те, кто, будучи консулами, поддерживал народ, а становясь народными трибунами, принимал сторону сената, так и в той области, о которой мы сейчас говорим, мы ценим тех врачей, которые, обладая обширными знаниями, придают большое значение результатам практики, а достигнув выдающихся успехов в практике лечения, не пренебрегают общими методами и принципами науки. Изменения же состава лекарств (если когда-нибудь возникает в этом необходимость) должны касаться скорее их второстепенных частей, чем самого основного состава, в котором ничего не следует менять без очевидной необходимости. Итак, мы считаем, что необходимо создать и развивать этот раздел медицины, посвященный подлинным и эффективным средствам лечения. В этом деле необходим очень тщательный и строгий отбор средств, и сама эта работа может быть выполнена только общими усилиями лучших врачей.

В области приготовления лекарств (особенно принимая во внимание исключительные и широко известные успехи химиков в создании лекарств из минеральных веществ и то, что эти лекарства более безопасны при наружном, чем при внутреннем их употреблении) меня удивляет, что до сих пор не нашлось никого, кто бы поставил себе задачу искусственно создать целебные воды по образцу тех, которые существуют в естественных горячих и минеральных источниках. А между тем известно, что эти источники получают свою целебную силу от тех залежей минералов, через которые они протекают, и очевидным доказательством этого служит то, что человек, пожалуй, вполне мог бы с помощью кропотливого анализа точно определить, какие именно минералы входят в состав этих вод, например сера, купорос, железо и т. п. Если бы удалось искусственным образом воссоздать эти естественные растворы, то во власти человека было бы приготовить любые виды таких вод в зависимости от практических требований и по своему усмотрению управлять их составом. Итак, мы считаем необходимым создание такой отрасли медицины, целью которой должно стать подражание природе в создании искусственных минеральных вод, вещи без сомнения и полезной, и вполне выполнимой.

Не вдаваясь в рассмотрение отдельных частных более подробно, чем этого требует поставленная нами цель и допускает сам характер этого трактата, завершим эту часть сочинения указанием еще на один недостаток, представляющийся нам весьма серьезным. Речь идет о том, что имеющийся у нас круг лечебных средств слишком узок для того, чтобы можно было ожидать от него какого-нибудь значительного и серьезного результата. Во всяком случае, по нашему мнению, было бы скорее приятной мечтой, чем действительно серьезным предположением, надеяться на то, что может существовать какое-нибудь могучее и чудодейственное лекарство, одного употребления которого было бы достаточно для исцеления от какой-нибудь очень серьезной болезни. Поистине чудесной была бы речь, одно произнесение или даже неоднократное повторение которой могло бы исправить или уничтожить какой-нибудь порок, прочно и глубоко укоренившийся в душе. На деле все обстоит далеко не так. Но что действительно обладает в природе исключи-

тельным могуществом, так это порядок, последовательность, систематичность и искусное чередование. Хотя все это требует от врача более глубоких размышлений, а от больного — больше терпения и твердости, однако эти усилия с избытком компенсируются значительностью достигнутых результатов. Правда, видя ежедневные усилия врачей, их посещение больных, пребывание у них, назначение лекарств, можно было бы подумать, что они активно проводят лечение и твердо идут по какому-то одному определенному пути, однако, если более внимательно присмотреться к их назначениям, приходишь к убеждению, что большинство принимаемых ими мер свидетельствуют о постоянных колебаниях и неуверенности, что они часто импровизируют и назначают то, что им в данный момент пришло в голову, не имея никакого определенного заранее обдуманного плана лечения. А ведь они должны были бы с самого начала, после того как внимательно осмотрели больного и поставили правильный диагноз заболевания, обдумать четкий курс лечения и не отступать от него без серьезных оснований. Врачам следовало бы хорошо знать, что правомерно, например, назначать для лечения какой-нибудь серьезной болезни, может быть, три или четыре лекарства, которые, если их принимать в соответствующем порядке, через определенные промежутки времени, должны помочь больному, но, если принимать только некоторые из них и изменить порядок приема или не соблюдать необходимых промежутков между приемами, могут оказаться даже вредными. При этом мы совсем не хотим назвать лучшим какой-то скрупулезный, педантичный до суеверия способ лечения, ибо не всякая узкая дорога — это дорога к небу, но мы хотим только, чтобы эта дорога была бы в такой же степени правильной, в какой она узка и трудна. Это направление медицины, которое мы называем врачебной нитью, мы считаем необходимым развивать. Таким образом, мы перечислили все, что, по нашему мнению, необходимо создать или развить в науке о лечении болезней. Остается, пожалуй, только еще одно пожелание, может быть даже более важное, чем все остальные. Необходима подлинная и действенная естественная философия, на которой должно строиться все здание медицинской науки. Впрочем, это уже другая тема.

Третьим разделом медицины мы назвали учение о продлении жизни. Эта наука, которая еще нова и по существу только должна быть создана, представляется нам самой важной частью медицины. Если удастся создать подобную науку, то медицина уже не будет иметь дело только с тяготами лечения, а сами врачи заслужат благодарность и уважение не только потому, что они необходимы, но прежде всего за тот самый, пожалуй, драгоценный для смертных земной дар, который они по воле божьей смогут нести людям и распределять среди них. Ведь хотя для христианина, стремящегося к земле обетованной, мир подобен пустыне, однако следует считать даром божественной милости, если у идущих через эту пустыню меньше износится их одежда и сандалии, т. е. наше тело, являющееся как бы одеянием души. Считая эту науку одной из важнейших и требующих своего развития, мы, по нашему обыкновению, сделаем здесь несколько предупреждений и дадим ряд указаний и наставлений.

Прежде всего мы хотим напомнить, что из всех авторов, писавших на эту тему, никто не смог прийти к какому-нибудь значительному, чтобы не сказать просто дельному, результату. Правда, Аристотель издал по этому вопросу крошечное сочинение²³, в котором есть кое-какие тонкие наблюдения, однако, как обычно, сам он считал свою работу исчерпывающей. Сочинения же новейших ученых об этом писаны так бездарно и полны такого вздора, что из-за их несерьезности стали считать пустой и фантастической самое эту науку.

Во-вторых, мы хотим напомнить и о том, что сами усилия врачей, направленные на достижение указанной цели, не имеют никакой ценности и скорее отвлекают от нее мысли людей, чем направляют к ней. Они рассуждают о том, что смерть — это уничтожение тепла и власти и поэтому необходимо поддерживать естественное тепло и сохранять влагу организма, надеясь, что этого можно достичь с помощью отваров, или латука и мальвы, или крахмала, или пряностей, или же ароматических веществ, или крепких вин, или даже спирта и химических масел, тогда как все это скорее приносит вред, чем пользу.

В-третьих, мы хотим посоветовать, чтобы люди перестали заниматься пустяками, и с такой легкостью верить, что столь грандиозное дело, как задержка и обращение вспять естественного хода природы, можно успешно со-

вершить, принимая по утрам какое-то питье или какое-нибудь драгоценное лекарство. Надо понять, что продления жизни нельзя достичь ни растворами золота, ни эссенциями жемчуга, ни тому подобной чепухой, потому что это дело, требующее большого труда, применения весьма многочисленных средств и правильного сочетания их между собой. Поэтому никому не следует быть настолько наивным, чтобы верить в возможность достижения уже применявшимися ранее путями того, что до сих пор никогда не было осуществлено.

В-четвертых, мы предупреждаем, что люди должны внимательно рассмотреть и четко различать то, что может способствовать достижению здоровой жизни и что — долгой. Ведь существуют некоторые средства, способные увеличить бодрость организма, усилить его функции, предотвратить заболевания, но в то же время сокращающие продолжительность жизни и без всяких болезней ускоряющие приближение старческой атрофии. С другой стороны, существуют и другие средства, способствующие продлению жизни и отсрочке наступления старческой атрофии, употребление которых сопряжено, однако, с известной опасностью для здоровья, так что, прибегая к этим средствам для продления жизни, нужно быть готовым вместе с тем и к неприятным последствиям, которые могут быть результатом их употребления. На этом мы закончим наши предупреждения.

Перейдем теперь к указаниям. Я представляю здесь себе следующую картину: вещи могут существовать во времени двумя способами: или оставаясь тождественными себе, или восстанавливаясь. Примером первого могут служить муха или муравей в янтаре, цветок, плод или дерево, сохраняющиеся в леднике, бальзамированный труп. Примером второго является пламя или какой-нибудь механизм. Тот, кто ставит своей задачей продление жизни, должен использовать оба пути одновременно, ибо каждый из них в отдельности недостаточно эффективен: т. е. должен стремиться сохранять человеческое тело и так, как сохраняют неодушевленные предметы, и так, как поддерживают пламя, и, наконец, в какой-то степени так, как восстанавливается действие механизмов. Таким образом, существуют три главных пути продления жизни: замедление процесса изнашивания, надежное поддержание существования и обновление того, что уже начало стареть.

Процесс изнашивания вызывается двумя формами воздействия на организм: воздействием врожденного жизненного духа и воздействием окружающего воздуха. Помешать ему можно тоже двумя путями: либо ослабляя вредоносное воздействие агентов, либо усиливая способность к сопротивлению той среды, которая подвергается этому воздействию, т. е. жизненных соков тела. Разрушительная сила жизненного духа становится слабее или в результате сгущения его субстанции, что достигается употреблением опиатов и нитратов, или же благодаря уменьшению его количества, что достигается различными диетами (например, пифагорейской и монашеской), или, наконец, благодаря сокращению и смягчению движения, что достигается покоем и спокойствием. Разрушительная сила окружающего воздуха ослабевает, если воздух меньше накаливается солнечными лучами, как это происходит в местах с прохладным климатом, в пещерах, в горах и на высоких столбах отшельников, или же его действия можно избежать благодаря плотной коже, или перьям птиц, или употреблению неароматических масел и мазей. Сопrotивляемость организма усиливается, если его жизненные соки делаются или плотными, или влажными, или же маслянистыми. Уплотнение достигается простой и грубой пищей, жизнью в холодном климате, физическими упражнениями и купанием в некоторых минеральных источниках. Влажность достигается употреблением сладкого, воздержанием от соленого и кислого и особенно благодаря очень тонкому и нежному питью, в составе которого не должно быть, однако, никаких следов ни острого, ни кислого. Силы организма поддерживаются питанием. Процесс питания можно стимулировать четырьмя способами: пищеварительной деятельности внутренних органов, перерабатывающих пищу, способствуют средства, укрепляющие основные внутренние органы; возбуждению внешних частей организма, помогающему усвоению питательных веществ, способствуют соответствующие упражнения и массажи, а также втирания некоторых мазей и специальные ванны; приготовление пищи уже облегчает ее усвоение и в какой-то мере предвосхищает само ее переваривание, а этому способствуют разнообразные искусные способы приготовления приправ, напитков, закваски хлеба и их наилучшее сочетание. Завершающий акт усвоения пищи усиливается благодаря своевременному сну и исполь-

зованию некоторых наружных средств. Обновление начавшего стареть организма происходит двумя путями: или расслаблением всего тела, что достигается употреблением расслабляющих средств, таких, как ванны, компрессы и втирания различных мазей, причем все эти средства обязательно должны проникать внутрь организма, или же выведением старого сока и заменой его новым, что достигается повторяющимся (через определенные промежутки) пусканием крови и голодной диеты, которые восстанавливают цветущее состояние организма. Это все, что следовало сказать об указаниях.

Хотя из самих указаний можно было бы вывести множество наставлений, нам хочется назвать здесь лишь три наиболее, на наш взгляд, важных. Прежде всего следует ожидать возможности продления жизни от определенной диеты, а не от того или иного изменения обычного питания или тем более от какого-либо одного замечательного лекарства, потому что средства, которые обладают такой силой, что способны повернуть вспять самую природу, как правило, даже при однократном приеме производят слишком резкие и тяжелые изменения в организме и тем более невозможно включать их в состав повседневной пищи и принимать постоянно. Таким образом, остается только применять все эти средства последовательно, регулярно, в определенное время и в определенном порядке.

Второй наш совет — ожидать возможности продления жизни прежде всего от действия на жизненные духи организма и от расслабления (*malacissatio*) членов, а не от того или иного способа питания. Действительно, человеческое тело и его строение испытывают воздействие (если не говорить о внешних условиях) со стороны трех сил: жизненных духов, своих членов и питательных веществ. Путь продления жизни, связанный с тем или иным способом питания организма, долог, извилист и ненадежен; пути же, связанные с воздействием на жизненные духи организма и его члены, намного короче и гораздо быстрее приводят к желанной цели, потому что эти духи мгновенно поддаются воздействию и паров, и аффектов, обладающих над ними удивительной властью. Точно таким же образом на телесные члены незамедлительно действуют ванны, протирания и компрессы.

Третье наставление сводится к тому, что расслабление членов извне должно осуществляться с помощью

веществ, обладающих той же субстанцией, способных проникать внутрь и закрывать поры. Ибо вещества, обладающие той же субстанцией, охотно и благосклонно воспринимаются членами и, собственно, они-то и способствуют расслаблению тела. Вещества, способные проникать внутрь членов, могут легче и глубже проводить в организм размягчающие средства и сами в какой-то мере расширяют эти члены. Вещества, закрывающие поры, поддерживают силы этих членов и понемногу укрепляют их, ограничивая испарение, которое препятствует размягчению, выводя из организма влагу. Таким образом, поставленной цели можно достигнуть с помощью этих трех видов средств, применяя их в определенном порядке и последовательности, а не все вместе. В то же время мы хотим здесь напомнить, что цель расслабления организма состоит не в питании его членов извне, а лишь в том, чтобы сделать их более способными к усвоению питательных веществ, поскольку, чем суше тело, тем менее оно способно к усвоению других веществ. Но пожалуй, о продлении жизни, составляющем третью отрасль медицины, лишь недавно включенную в нее, сказано достаточно.

Перейдем теперь к косметике. Она отчасти имеет гражданское значение, отчасти же составляет достояние людей изнеженных. Ведь физическая опрятность, достоинство и приличие всего облика, как совершенно правильно считается, исходят от нравственной скромности и уважения прежде всего к богу, созданиями которого мы все являемся, затем — к обществу, в котором мы живем, и, наконец, к самим себе, которых мы должны уважать не меньше, а даже больше, чем других. Но неприятные способы украшения, применяющие краски, грим, румяна и т. п., вполне достойны тех неприятностей, которые им всегда сопутствуют, ибо они все же настолько изобретательны, чтобы обмануть окружающих, но зато достаточно неудобны в повседневной жизни и даже весьма опасны и вредны для здоровья. Меня удивляет, что этой отвратительной привычке краситься так долго удавалось избегать осуждения со стороны и церковных, и гражданских законов о нравственности, хотя в других случаях они были весьма суровы к роскошной одежде и вычурным прическам. Правда, мы читаем о том, что Иезавель красилась, но ничего подобного не говорится ни о Эсфирь, ни о Юдифь²⁴.

Перейдем теперь к атлетике. Мы понимаем ее в несколько более широком, чем обычно, смысле. В это понятие мы включаем все, что может способствовать развитию любой доступной человеческому телу физической способности, будет ли это ловкость или тот или иной вид выносливости. Ловкость складывается из двух частей: силы и быстроты. Выносливость тоже можно разделить на два вида: способность переносить недостаток в необходимом и стойкость в мучениях. Замечательные примеры всех этих способностей мы можем часто наблюдать в практике канатоходцев, в суровом образе жизни некоторых диких народов, в удивительной силе сумасшедших и в стойкости некоторых людей, проявленной во время самых изощренных пыток. А если обнаружится еще какая-нибудь другая способность, которая не подходит под установленное нами деление (например, часто замечаемая у ныряльщиков способность удивительно долго задерживать дыхание), то и такая способность, как мы считаем, должна быть отнесена к атлетике. То, что подобные вещи нередко случаются, — это совершенно очевидно, но философское их осмысление и исследование причин таких явлений до сих пор остаются в пренебрежении. Причина этого, по нашему мнению, заключается во всеобщем убеждении, что подобные вещи являются только результатом врожденных способностей определенных людей (а этому невозможно научить) или развиваются благодаря долгой, начинающейся еще в детские годы практике (а это скорее можно заставить делать, чем научить этому). Быть может, эти соображения и не являются полностью справедливыми, однако имеет ли смысл указывать на подобного рода недостаток? Ведь Олимпийские состязания уже давно ушли в прошлое, так что для повседневной жизни достаточно обычных способностей, а выдающиеся способности такого рода могут служить, пожалуй, лишь для демонстрации за плату перед публикой.

Наконец, мы подошли к искусствам, доставляющим наслаждение. Они делятся по числу самих наших чувств. Зрительное наслаждение доставляет прежде всего живопись и бесчисленное множество других искусств, целью которых является создание великолепных зданий, садов, одежды, ваз, бокалов, резных камней и т. п. Наслаждение слуху приносит музыка со всем ее разнообразием звуков человеческого голоса, духовых и струнных инструментов.

Когда-то важную роль в этом искусстве играли также и водяные инструменты, но сейчас они почти вышли из употребления. Нужно сказать, что искусства, связанные со зрительным или слуховым восприятием, с большим основанием, чем все остальные искусства, считаются свободными. Эти два чувства более целомудренны, чем остальные, а искусства требуют больших знаний: ведь даже сама математика является их служанкой. При этом живопись имеет больше отношения к памяти и демонстративному мышлению (*demonstrationes*), а музыка — к области нравственности и душевных аффектов. Наслаждения, доставляемые остальными чувствами человека, и искусства, связанные с ними, менее уважаемы, поскольку они скорее служат роскоши, чем возвышенному. Кремы, духи, изысканные деликатесы и особенно все, что может возбуждать сладострастие, требуют для себя скорее строгого цензора, чем точного исследователя. Поистине прекрасно заметил кто-то, что в период рождения и роста государств процветает воинское искусство, в эпоху их наивысшего развития — свободные искусства, когда же они начинают клониться к упадку и гибели, расцветают искусства, служащие сладострастию. И я боюсь, что наша эпоха, когда начинают проявляться признаки упадка, может стать эпохой расцвета такого рода искусств. Но оставим эту тему. К искусствам, доставляющим наслаждение, я отношу также и искусство фокусников и манипуляторов, потому что обман чувств следует рассматривать как своего рода удовольствие, доставляемое чувствам.

Рассмотрев таким образом все науки, касающиеся человеческого тела (медицину, косметику, атлетику и искусства, доставляющие наслаждение), мы хотим попутно сделать только одно замечание. Хотя в человеческом теле подлежит изучению множество вещей (члены, мокроты, функции, способности, акциденции) и хотя (если бы это было в наших возможностях) следовало бы создать единый свод учения о человеческом теле, который включил бы в себя все эти вопросы (подобно учению о душе, о котором мы будем сейчас говорить), однако, чтобы не слишком увеличивать число наук и не передвигать дальше, чем необходимо, прежние их границы, мы отнесли к медицине учение о частях человеческого тела, об его функциях, о мокротах, дыхании, сне, рождении,

о человеческом плоде и беременности, о росте организма, его зрелости, старости, ожирении и т. п. Правда, все это не имеет прямого отношения к тем трем обязанностям, которые возложены на медицину, но ведь человеческое во всех своих проявлениях является предметом медицины. Что же касается произвольного движения и чувств, мы отнесем это к учению о душе, ибо и в том, и в другом главную роль играет душа. На этом мы завершаем рассмотрение учения о человеческом теле, которое служит лишь жилищем для души.

Глава III

Разделение философии человека на учение о боговдохновенной душе и учение о чувственной (anima sensibilis), или созданной, душе. Второе разделение той же науки — на учение о субстанции и способностях души и учение об использовании и объектах этих способностей. Два приложения к учению о способностях души: учение о естественном откровении и учение о чарах. Разделение способностей чувственной души на движущую и чувствующую

Перейдем теперь к учению о человеческой душе, из сокровищницы которой вышли все остальные науки. Оно состоит из двух частей: первая исследует наделенную разумом душу, которая является божественной, вторая — душу, не наделенную разумом, которая у нас является общей с животными. Несколько выше, говоря о формах²⁵, мы уже отметили два совершенно различных вида эманации душ, которые обнаруживаются уже в самом их создании, поскольку одна душа происходит от духа божья, вторая же — из набора элементов. Ибо о возникновении разумной души Священное писание говорит: «Слепил человека из глины земной и вдохнул в облик его дыхание жизни». Создание же неразумной души, т. е. души животных, произошло со следующими словами: «Пусть произведет вода»; «Пусть произведет земля...»²⁶ И эта душа (в том виде, в каком она существует у человека) является только органом разумной души и сама происходит, подобно душе животных, из праха земли. Ведь не сказано: «Он создал тело человека из глины земной», но — «Он создал человека», т. е. имеется в виду человек в целом, за исключением этого дыхания жизни (spiraculum). Поэтому мы

будем называть первую часть общего учения о человеческой душе учением о боговдохновенной душе, вторую же часть — учением о чувственной, или созданной, душе²⁷. Мы бы не стали заимствовать этот принцип деления у теологии (поскольку мы все время говорим о философии, а рассмотрение священной теологии отнесли к концу сочинения), если бы это деление не совпадало и с принципами философии. Существует очень много весьма важных проявлений превосходства человеческой души над душой животных, что очевидно даже для философов-сенсуалистов. Но там, где обнаруживается множество столь значительных преимуществ, всегда необходимо установить специфические их отличия. Поэтому мы не слишком одобряем неясные и нечеткие рассуждения философов о функциях души: ведь человеческая душа отличается от души животных не по степени, а по виду, подобно тому как солнце отличается от звезд, а золото — от остальных металлов.

Прежде чем говорить подробнее о видах, необходимо дать еще одно деление общего учения о человеческой душе, ибо то, что мы будем говорить позднее о видах, будет одновременно затрагивать оба деления: как то, что мы только что установили, так и то, которое мы собираемся предложить. Итак, установим еще одно деление науки о душе — на учение о субстанции и способностях души и на учение об использовании и объектах этих способностей.

Установив таким образом это двойное деление науки о душе, обратимся к рассмотрению отдельных ее видов. Учение о боговдохновенной душе, точно так же как и учение о субстанции мыслящей души, включает в себя следующие вопросы, касающиеся ее природы: врождена ли она или привнесена извне, отделена или не отделена от тела, смертна или бессмертна, в какой степени она подчинена законам материи и в какой свободна от них? и т. п. И хотя все такого рода вопросы могли бы получить в философии более глубокое и тщательное исследование по сравнению с тем состоянием, в котором они находятся в настоящее время, тем не менее мы считаем более правильным передать эти вопросы на рассмотрение и определение религии, потому что иначе они получили бы в большинстве случаев ошибочное решение под влиянием тех заблуждений, которые могут породить у философов

данные чувственных восприятий. Ведь если субстанция души при ее создании не была извлечена или выведена из массы неба и земли, но является непосредственным творением божественного духа и если, с другой стороны, закономерности неба и земли, собственно, и составляют предмет философии, то как можно требовать от философии познания субстанции разумной души? Наоборот, его следует почерпнуть из того же божественного вдохновения, из которого впервые возникла и субстанция души.

Учение о чувственной, или созданной, душе, в том числе и проблема ее субстанции, правда, находит своих исследователей, однако, на наш взгляд, эти исследования оставляют желать лучшего. В самом деле, что могут дать для учения о субстанции души «конечная причина», «форма тела»²⁸ и тому подобные логические пустяки? Ведь чувственная душа, т. е. душа животных, безусловно, должна считаться обладающей телесной субстанцией, разреженной под влиянием высокой температуры и сделавшейся невидимой; она представляет собой некое «дуновение», сходное по природе с пламенем и воздухом: податливость воздуха дает ей возможность воспринимать впечатления извне, мощь огня делает ее активной; она питается частично маслянистыми, частично водянистыми веществами, заключена в телесную оболочку и у совершенных животных расположена по преимуществу в голове, проходит по нервам и восстанавливает и поддерживает свое существование с помощью живительной крови артерий. Именно так утверждают Бернардино Телезио и его ученик Августин Дониус²⁹, и эти рассуждения в известной мере содержат полезные мысли. Итак, как мы уже сказали, это учение требует дальнейшего и более тщательного исследования, тем более что, будучи неправильно истолковано, оно породило суеверные и совершенно ложные, самым ужасным образом вот уже сколько лет попирающие достоинство человеческой души представления о метемпсихозе³⁰ и об очищении душ, наконец, вообще о слишком близком родстве человеческой души с душами животных. Ведь эта душа является основной у животных, а тело животных является ее органом, у человека же она сама оказывается органом мыслящей души и скорее могла бы называться жизненным духом, чем душой. Вот все, что следовало сказать о субстанции души³¹.

Способности души прекрасно известны: это — интеллект, рассудок, воображение, память, влечение, воля, наконец, все то, чем занимаются логика и этика. Но в учении о душе необходимо прежде всего исследовать происхождение этих способностей с точки зрения физики, в той мере, в какой они врождены душе и неотъемлемо принадлежат ей, отнеся к логике и этике лишь исследование их применения к их объектам. Как нам кажется, в этой области до сих пор еще не получены сколь-нибудь значительные результаты, хотя мы бы, конечно, не сказали, что здесь вообще ничего не делается. Этот раздел о способностях души имеет два приложения, которые, впрочем (в том виде, в каком они сейчас существуют), если можно так выразиться, скорее окутывают все дымом, чем светят ярким пламенем истины. Одно из этих приложений — учение об естественном предвидении, другое — учение о чарах.

Древние весьма правильно подразделяли предвидение на два вида — на искусственное и естественное. В первом случае предсказание является результатом рассуждений, основанных на тех или иных фактических признаках, во втором случае оно исходит из самого внутреннего предчувствия души, не нуждаясь в помощи никаких признаков. Искусственное предвидение осуществляется двумя путями: либо оно строится на анализе причин, либо слепо подчиняется одному только опыту. Это последнее, как правило, исполнено всяческих суеверий: таковы были языческие учения о гаданиях по внутренностям жертвенного животного, по полету птиц и т. п. Да и астрология халдеев, хотя и более знаменита, не намного лучше их. Но и тот и другой вид искусственного предвидения используются в различных науках. Астролог делает свои предсказания, исходя из положения светил. Врач предсказывает наступающую смерть, выздоровление, возможные проявления болезни, исходя из наблюдения над мочой, пульсом, внешним видом больных и т. п. Может предсказывать и политический деятель: «О продажный город, который скоро погибнет, если только найдет покупателя!»³² Подтверждение этого пророчества не замедлило явиться: впервые оно исполнилось при Сулле, а затем — при Цезаре. Поэтому такого рода предсказания нас в настоящий момент не интересуют и должны рассматриваться вместе с теми науками, в которых они исполь-

зуются. Мы сейчас говорим только об естественном предвидении, возникающем из некоей внутренней силы духа. Оно тоже двоякого рода: одно является врожденным, другое — результат внешнего влияния. Врожденное предвидение строится на основании следующего предположения: душа, сосредоточенная и собранная в самой себе, а не распространенная по органам тела, обладает по собственной своей сущности некоей способностью предвидения будущего. Эта способность особенно хорошо проявляется в вещих сновидениях, экстазах, на пороге смерти, значительно реже — в состоянии бодрствования, в здоровом и крепком теле. Такое состояние души возникает и поддерживается благодаря воздержаниям и всему тому, что особенно отвлекает душу от телесных предметов, давая ей возможность наслаждаться собственной своей природой, не испытывая препятствий со стороны внешнего мира. Предвидение как результат внешнего влияния строится на основании другой предпосылки: душа, подобно зеркалу, воспринимает некий отраженный свет божественного предвидения и предвидения духов, и этой способностью души помогает то же самое состояние тела и тот же образ жизни, что и в предыдущем случае. Ибо это отвлечение души от телесных предметов одновременно способствует и тому, что она сильнее использует свою собственную природу, и тому, что она оказывается более восприимчивой к божественному воздействию; только во втором случае душу охватывает некое волнение, она как бы с трудом выдерживает близкое присутствие божества (в древности это называлось священным исступлением); при врожденном же предвидении душа чувствует себя гораздо спокойнее и свободнее.

Колдовство же есть сила и напряженное действие воображения, направленные на другое тело (о силе воображения, направленной на тело самого субъекта воображения, мы упоминали выше). В этой области школа Парацельса и защитники лживых измышлений натуральной магии настолько утратили чувство меры, что чуть ли не готовы были приравнять силу и возможности воображения к силе чудотворной веры. Другие, стоявшие ближе к истине, присматриваясь внимательнее к проявлениям скрытой энергии и воздействия одних вещей на другие, взаимопроникновению чувств, распространению заразы от тела к телу, передаче магнетических свойств, пришли

к убеждению, что в значительно большей степени возможны такие воздействия, сообщения и взаимодействия между духами, ибо дух является одновременно и самым активным, и самым чутким и восприимчивым к внешним воздействиям среди всего, что существует в природе. Именно отсюда распространились представления, ставшие почти всеобщими, о высшем гении, о людях, приносящих несчастье и служащих дурным предзнаменованием, о внезапных приливах любви и ненависти (*invidia*) и т. п. Но с этим связан другой вопрос: каким образом можно усилить и развить воображение? Ведь если сильное воображение обладает таким огромным могуществом, то было бы важно узнать, какими способами его можно возбудить и заставить превзойти самое себя. И здесь незаметно (но не становясь от этого менее опасной) рождается попытка оправдать и защитить магические обряды. Действительно, вполне можно было бы предположить, что все эти обряды, магические знаки, заклинания, символические жесты, амулеты и т. п. вовсе не обладают никакой силой, полученной в результате некоего молчаливого или скрепленного клятвой договора со злыми духами, но существуют только для того, чтобы усиливать и возбуждать воображение тех, кто прибегает к этому, совершенно так же, как в религии используются изображения святых, помогающие сосредоточить мысль на созерцании и возбудить религиозное чувство молящихся. Мое же мнение таково: даже если воображение обладает исключительно могущественной силой, а магические обряды еще более увеличивают и укрепляют эту силу; даже если, наконец, эти обряды используются совершенно искренне только для такого усиления, как своеобразное чисто физическое средство, причем нет никакого, даже малейшего, помышления о том, чтобы привлечь с их помощью силы злых духов, все же такие обряды должны считаться недопустимыми, потому что они противоречат словам бога, осудившего человека за его грех, — «В поте лица будешь добывать хлеб свой»³³ и грубо попирают их. Ведь такого рода магия ставит своей целью с помощью нескольких легких и отнюдь не мучительных действий получить те замечательные плоды, ценой которых по воле божьей должен быть труд.

Остаются еще два учения, касающиеся главным образом способностей низшей, или чувственной, души,

поскольку они особенно тесно связаны с органами тела: это — учение о произвольном движении и учение о чувстве и о чувствующем субъекте. В первом из этих учений, хотя оно вообще разрабатывалось достаточно скудно, почти целиком отсутствует целый раздел. Действительно, если речь идет о роли и соответствующем строении нервов, мышц и всего прочего, необходимого для такого движения, о том, какая часть тела покоится в то время, как другая находится в движении, о том, что управляет этим движением, подобно вознице, а именно о воображении, так что если вдруг исчезнет образ, на который направлено воображение, то немедленно приостанавливается и прерывается само движение (например, если, гуляя, мы вдруг начинаем о чем-то напряженно и сосредоточенно думать, то мы тотчас же останавливаемся), и о некоторых других, имеющих известное значение тонкостях, то они уже давно стали объектом наблюдения и изучения. Но каким образом сжатия, расширения и волнения духа, вне всякого сомнения являющегося источником движения, могут сгибать, поднимать, толкать огромное и плотное тело, этого еще никто до сих пор не исследовал и не писал об этом. И в этом нет ничего удивительного, если сама чувственная душа до сих пор рассматривалась скорее как интелехия и некая функция, а не как субстанция³⁴. Но коль скоро мы узнали, что она является телесной и материальной субстанцией, неизбежно возникает также и вопрос о том, с помощью каких усилий это нежное и едва заметное дуновение может приводить в движение такое плотное и твердое тело. И этот вопрос, поскольку он еще не разработан, должен стать объектом исследования.

Гораздо полнее и тщательнее исследовалась проблема чувственного восприятия и чувствующего субъекта как в общих трактатах на эту тему, так и в специальных сочинениях о перспективе, о музыке и т. д. Здесь не имеет смысла говорить о том, насколько правильно это делалось; во всяком случае едва ли есть основания относить эту область к числу проблем, требующих исследования. Однако в этом учении существуют два важных и заметных раздела — о различии восприятия и чувства и о форме света, которые, по нашему мнению, разработаны недостаточно.

Философы, прежде чем приступать к своим сочинениям о чувстве и чувствующем субъекте, должны были установить ясное и четкое различие между восприятием

и чувством в качестве основополагающего принципа такого исследования. Ибо мы видим, что почти всем телам в природе присуща ярко выраженная способность восприятия и даже своего рода выбора, дающего им возможность принимать то, что им приятно, и отвергать то, что им чуждо и враждебно. И мы говорим здесь не только о сравнительно тонких типах восприятия, подобных притяжению железа магнитом, стремлению пламени к нефти, соединению при сближении одного пузырька воздуха с другим, отражению лучей предметом белого цвета или тому, что происходит, когда тело животного усваивает полезные вещества и выбрасывает бесполезные, а губка (даже если часть ее поднимается над водой) притягивает воду и выталкивает воздух и т. п. Впрочем, зачем перечислять все эти примеры? Ведь ни одно тело, приближенное к другому, не может ни изменить его, ни измениться само под его влиянием, если этому действию не предшествует взаимное восприятие. Тело воспринимает пути, которыми оно проникает внутрь; воспринимает силу другого тела, которому оно уступает; воспринимает, отходя назад, удаление другого тела, которое его удерживало; воспринимает разрыв своей целостности, которому оно определенное время сопротивляется. Словом, всюду существует восприятие. А воздух так остро воспринимает тепло и холод, что его восприятие оказывается намного тоньше, чем человеческое, которое, однако, считается мерой холодного и теплого. Таким образом, становится ясным, что люди в отношении этого учения совершили двойную ошибку: во-первых, они в большинстве случаев вообще не обращались к этому учению и не разрабатывали его, несмотря на чрезвычайную его важность, а во-вторых, в том случае, когда они все же случайно обращались к наблюдениям над этими проблемами, они заходили дальше, чем следует, приписывая всем телам обладание чувством, так что сломать ветку дерева становилось чуть ли не преступлением, ибо оно могло вдруг застонать, как Полидор³⁵. А между тем они должны были исследовать различие между восприятием и чувством, не только сравнивая в целом тела, наделенные чувством, и тела, не наделенные чувством (например, растения и животные), но и наблюдая за самим чувствующим телом и пытаясь выяснить, почему такое большое число действий совершается вообще без какого бы то ни было участия чувств;

переваривается и выбрасывается пища, мокроты и соки движутся вверх и вниз по всему телу, сердце и сосуды пульсируют, внутренние органы, подобно мастерским, исполняют каждый свою работу. И однако все это и многое другое совершается без участия чувства. Но люди недостаточно отчетливо видят, каков характер действия чувства и какого рода тело, какая продолжительность времени, какая повторяемость впечатления необходимы для того, чтобы вызвать страдание или наслаждение. Наконец, они, как мне кажется, вообще совершенно не понимают различия между простым восприятием и чувством, так же как не знают того, в какой мере возможно восприятие без участия чувства. А ведь это спор не только о словах, но и о в высшей степени важном существе дела. Поэтому это учение, как исключительно полезное и имеющее отношение к очень многим вещам, должно получить более глубокое развитие. Ибо неосведомленность в этой области у некоторых древних философов была так велика, что они всем без исключения телам приписывали душу и не понимали, каким образом может происходить произвольное движение без участия чувства и как может существовать чувство без души³⁶.

То, что до сих пор не проводилось должного исследования форм света (несмотря на то что в области оптики осуществлено уже много серьезных работ), можно объяснить только какой-то поразительной небрежностью. Ибо ни в оптике, ни где-либо в другом месте мы не встречаем более или менее ценных исследований о свете. Исследуется распространение лучей света, но не его происхождение. А источником этого недостатка, как и аналогичных ему, является причисление оптики к разряду математических дисциплин, ибо в этом случае слишком поспешно была покинута почва физики. С другой стороны, и в самой физике свет (как и его причины) получает порой почти фантастическое толкование, и его рассматривают как нечто среднее между божественной и природной субстанциями, а некоторые из платоников даже заявляли, что он древнее самой материи, совершенно безосновательно воображив, что после того, как было создано пространство, оно сначала заполнилось светом, а уже потом — материей. А между тем Священное писание достаточно красноречиво свидетельствует, что темная масса неба и земли была создана раньше света. Что же касается физических иссле-

дований света, основанных на анализе чувственных восприятий, то они сразу же сводятся к вопросам распространения световых лучей, так что собственно физического исследования света почти не проводится. А людям следовало бы спуститься немного пониже в своих рассуждениях и попытаться выяснить, что есть общего у всех светящихся тел, иначе говоря, исследовать форму света. Ведь сколь бесконечно телесное различие (если его оценивать по достоинству) солнца и гнилого пня или же гнилой рыбьей чешуи! Следовало также попытаться понять, в чем заключается причина того, что некоторые тела при нагревании загораются и начинают испускать свет, с другими же этого не происходит? Железо, металлы, камни, стекло, дерево, масло, сало от огня воспламеняются или же по крайней мере накаляются докрасна, а вода и воздух даже от самого сильного, невыносимого жара не испускают никакого света и не сверкают. И если кто-нибудь подумает, что это происходит потому, что свет — это свойство огня, а вода и воздух во всех отношениях враждебны огню³⁷, то такой человек, конечно же, никогда не плавал в лодке по морю темной теплой ночью, ибо он смог бы в таком случае увидеть, как искрятся и светятся капельки воды под ударами весел. То же самое происходит и с пеной беспокойного моря, которую называют морскими легкими. Что, наконец, имеют общего с пламенем и раскаленными предметами светлячки, и светящиеся жуки, и индийская муха, освещающая целую комнату, и глаза некоторых животных, светящиеся в темноте, и сахар, искрящийся, когда его колют или скребут, и пот мчащегося жаркой ночью коня, и некоторые другие вещи? Действительно, люди так мало знают об всем этом, что большинство считает, что искры от кремня на самом деле возникают от трения воздуха. Но с другой стороны, так как воздух не загорается от нагревания и не начинает заметно светиться, то каким же образом в конце концов совы и кошки и некоторые другие животные могут видеть ночью? И поскольку зрение не может происходить без света, то неизбежно предположение, что самому воздуху присущ от природы некий врожденный, хотя и очень слабый и незаметный свет, который, однако, приспособлен к строению зрительных органов таких животных и вполне достаточен им для зрения³⁸. Причина же этого недостатка, как, впрочем, и многих других, состоит в том, что люди

не умеют выводить из частных явлений общие формы тех или иных свойств (*naturae*), т. е. то, что мы назвали специфическим предметом метафизики, которая в свою очередь сама составляет часть физики, или учения о природе. Итак, нужно вести исследование формы и происхождения света, отнеся этот раздел науки к числу тех, которые должны быть созданы. Об учении о субстанции как разумной, так и чувственной души, о ее способностях, а также о приложениях к этому учению сказано достаточно.

КНИГА ПЯТАЯ

Глава I

Разделение учения об использовании и объектах способностей человеческой души на логику и этику. Разделение логики на искусство открытия, суждения, запоминания и сообщения

Наука об интеллекте, великий государь, и наука о человеческой воле являются близнецами, потому что просветление ума и свобода воли вместе возникают и вместе гибнут, и во всей Вселенной не существует более глубокой симпатии, чем та, которую испытывают друг к другу истина и добро. Тем более должно быть стыдно ученым, если они, будучи в науке подобны крылатым ангелам, в своих страстях уподобляются змеям, ползающим по земле, а души их подобны грязному зеркалу.

Мы подошли уже к учению об использовании и объектах способностей человеческой души. Это учение делится на две очень известные и всеми признаваемые части — логику и этику. При этом, однако, следует оговорить, что учение об обществе, обычно считающееся частью этики, мы уже раньше выделяли в самостоятельную и цельную науку о человеке, его связях с обществом, и поэтому здесь речь будет идти только об отдельном человеке, рассматриваемом вне этих связей. Логика изучает процессы понимания и рассуждения, этика — волю, стремления и аффекты; первая рождает решения, вторая — действия. Не подлежит, однако, сомнению, что в обеих этих областях, т. е. в области суждения и в области действия, роль своего рода посла, или посредника, или поверенного как той, так и другой стороны играет воображение. Ведь чувство передает воображению все виды образов, о которых затем выносит суждение разум, а разум в свою очередь, отобразив и приняв те или иные образы, возвращает их воображению еще до того, как принятое решение будет исполнено.

Ибо воображение всегда предшествует произвольному движению и возбуждает его, так что оно является общим орудием и того, и другого: и разума, и воли; впрочем, этот Янус имеет два лица: лицо, обращенное к разуму, несет на себе отпечаток истины, лицо же, обращенное к действию, выражает добро; однако эти два лица подобны,

...как быть полагается сестрам¹.

Но воображение не является лишь обыкновенным посредником, и помимо своей роли простой передачи поручения само приобретает немалое влияние. Аристотель правильно говорит: «Душа обладает такой же властью над телом, как господин над рабом, разум же обладает над воображением такой властью, какая существует в свободном государстве у выборного магистрата по отношению к гражданину»², который в свою очередь тоже может получить власть. Мы видим, что в вопросах веры и религии воображение берет верх над самим разумом и выходит на первый план, и не потому, что божественное просветление находит себе место в воображении (наоборот, оно располагается прежде всего в крепости духа и интеллекта), но потому, что милосердие божье использует движения фантазии как орудие просветления, точно так же как оно использует движения воли в качестве орудия добродетели. Именно поэтому религия всегда искала себе путь и к человеческому уму прежде всего, через сравнения, образы, притчи, видения, сны. Кроме того, не так уж мала власть воображения и в области убеждения, осуществляемого силой красноречия. Ведь если искусная речь способна ласкать, воспалять, увлекать в любую сторону умы людей, то все это происходит благодаря активной деятельности воображения, которое, приобретая неодолимую силу, не только нападает на разум, но и совершает насилие над ним, и ослепляет его, и в то же время возбуждая. Тем не менее я не вижу причины отступать от первоначального деления: ведь воображение по существу не создает науки, так как поэзия, которую мы вначале отнесли к области воображения, скорее должна считаться своего рода развлечением ума, чем наукой. Значение же воображения для понимания естественных явлений науки о душе мы только что отметили. Что же касается его близкого родства с риторикой, то вполне естественно отнести рас-

смотрение этого вопроса к области самой риторики, о которой мы будем говорить ниже.

Часть философии человека, которая посвящена логике, не очень-то нравится большинству умов, и в ней не видят ничего, кроме шипов, запутанных сетей и силков утонченного умозрения. Ибо если правильно утверждение, что «знание — это пища ума»³, то не менее правильно и то, что, стремясь к этой пище и выбирая ее для себя, большинство проявляет вкус, напоминающий о предпочтении, выраженном в пустыне израильянами, которых охватило страстное желание вернуться к горшкам с мясом и отвращение к манне, хотя и небесной пище, однако казавшейся им менее сытной и вкусной. Точно так же в большинстве случаев людей привлекают те науки, в которых есть, если можно так выразиться, кое-какая, более съедобная, «мясная» начинка, такие, как гражданская история, мораль, политика, ибо они волнуют человеческие страсти, честолюбие и затрагивают судьбы людей. А этот «сухой свет» [логики] неприятен и невыносим для нежной и слабой природы большинства умов. Впрочем, если уж угодно определять каждое явление по степени его достоинства, то следует сказать, что науки, изучающие мышление, безусловно, являются ключом ко всем остальным. И точно так же как рука является орудием орудий, а душа — формой форм⁴, так и эти науки являются науками наук. Они не только направляют разум, но и укрепляют его, подобно тому как упражнения в стрельбе из лука развивают не только меткость, но и силу, давая возможность стрелку постепенно натягивать все более тугой лук.

Логика делится на четыре раздела в зависимости от тех целей, которые стоят перед каждым из них. В процессе мышления человек либо находит то, что он искал, либо выносит суждение о том, что он нашел, либо запоминает то, о чем он вынес суждение, либо передает другим то, что он запомнил. Поэтому наука, изучающая мышление, естественно, должна делиться на четыре раздела: искусство исследования, или открытия; искусство оценки, или суждения; искусство «сохранения», или памяти; искусство высказывания, или сообщения⁵. Мы будем говорить о каждом из них отдельно.

Глава II

Разделение искусства открытия на изобретение искусств и открытие доказательств. Первое из них, являющееся особенно важным, еще должно быть создано. Разделение искусства изобретения искусств на научный опыт и Новый Органон. Описание научного опыта (experientia literata)

Существуют два вида открытия, совершенно отличных друг от друга. Первый вид — это изобретение искусств и наук, второй — открытие доказательств и словесного выражения. Я утверждаю, что первый из этих двух видов полностью отсутствует. Этот недостаток, как мне кажется, можно сравнить с тем случаем, когда при описи имущества какого-нибудь умершего пишется: «Наличных денег не обнаружено». Ведь точно так же как все остальное можно приобрести за деньги, так и все остальные науки могут быть созданы при помощи этой науки. И подобно тому как нам никогда не удалось бы открыть Вест-Индию, если бы этому не предшествовало изобретение морского компаса (хотя в первом случае речь идет об огромных пространствах, а во втором — всего лишь о малозаметном движении стрелки), нет ничего удивительного в том, что в развитии и расширении наук не достигнуто более или менее значительного прогресса, потому что до сих пор игнорируется необходимость существования особой науки об изобретении и создании новых наук.

То, что следует создать такой раздел науки, — совершенно бесспорно. Прежде всего потому, что диалектика ничего не говорит, более того, даже не помышляет ни об изобретении искусств, как механических, так и тех, которые называют свободными, ни о выработке средств для первых, ни об открытии аксиом для вторых, но обращается к людям мимоходом, приказывая доверять каждому в его собственном искусстве. Цельс, человек умудренный не только в медицине (хотя всем свойственно восхвалять собственное искусство), говоря весьма серьезно и умно об эмпирическом и догматическом направлениях в медицине, заявляет, что сначала были открыты лекарства и другие средства лечения, а уже потом стали рассуждать о причинах и основаниях болезней, а не наоборот, — сначала были извлечены из природы вещей причины, которые осветили путь для изобретения лекарств. Платон же со своей стороны неоднократно утверждал, что

«число единичных вещей бесконечно и наиболее общие понятия дают наименее точные сведения о явлениях, поэтому существо познаний, которые отличают мастера от неумелого человека, состоит в промежуточных суждениях, чему в каждой науке учит опыт»⁶. Да и вообще все, кто упоминает об изобретателях тех или иных вещей или о происхождении той или иной науки, скорее благодарят случай, чем искусство, и чаще называют бессловесных животных, четвероногих, птиц, рыб, змей учителями знаний, чем самого человека:

Тут Венера, скорбя о беде незаслуженной сына,
Матерь, срывает диктами с Кретеийской Иды с листьями
Зрелыми стебель, цветком пурпурно-кудрявым цветущий, —
Козам диким в горах знакомо это растение,
Как застрянут в спине у них летучие стрелы⁷.

Так что совсем неудивительно (поскольку древние обычно обожествляли изобретателей полезных вещей), что у египтян — древнего народа, которому очень многие искусства обязаны своим возникновением, — в храмах стояло множество изображений животных и почти не было человеческих статуй:

Чудища разных богов и лающий дерзко Анубис⁸.

И даже если вы, следуя греческой традиции, предпочитаете считать создателями искусств не животных, а людей, вы все же никогда не сможете сказать, что открытие Прометеем огня было результатом сознательного исследования или что он, впервые ударяя по кремню, ожидал получить искры; нет, он случайно попал на это открытие и, как говорят, «совершил кражу у Юпитера». Поэтому что касается изобретения искусств, то открытием пластыря мы обязаны дикой козе, открытием модуляций в музыке — соловью, открытием промываний желудка — ибису⁹, изобретением артиллерийского искусства — подскочившей крышке котла; короче говоря, вообще мы всем этим обязаны случаю или любому другому обстоятельству значительно больше, чем диалектике. Мало чем отличается от только что названного и тот способ изобретения, который верно описывает Вергилий:

Чтоб до различных искусств дошел в размышлениях опыт
Мало-помалу...¹⁰

Ведь здесь речь идет именно о том методе открытия, на который способны сами животные и к которому они часто

прибегают, т. е. о внимательнейшем интересе к какой-то одной вещи и о постоянном упражнении с ней, к которому этих животных неизбежно побуждает инстинкт самосохранения. Цицерон правильно заметил: «Постоянное занятие одним делом очень часто побеждает и природу, и искусство»¹¹. Поэтому если о людях говорят:

...труд же упорный,
Все победил, да нужда, что гнетет в обстоятельствах
жестких¹²,

то подобным же образом можно спросить о животных:

Кто научил попугая говорить (здравствуйте)?¹³

Кто научил ворона в засуху бросать камушки в дупло дерева, на дне которого он заметил воду, чтобы таким образом он мог дотянуться до нее клювом, когда она поднимется? Кто показал пчелам путь, которым они всегда летят по воздуху на покрытые цветами луга, хотя эти луга иногда и очень далеко отстоят от их ульев, а потом возвращаются вновь в свои ульи? Кто научил муравья, прежде чем положить в свой муравейник зерна, обгрызать их, чтобы они не проросли и не сделали напрасным весь его труд? Таким образом, если мы обратим внимание в приведенном выше стихе Вергилия на глагол *extundere* (выковать), который указывает на трудность предприятия, и наречие *paulatim* (постепенно), которое указывает на медлительность этого процесса, то мы вновь придем туда, откуда мы отправились, т. е. к тем самым египетским божествам, ибо до сих пор люди в своих открытиях слабо использовали возможности разума и никогда не прибегали к помощи искусства.

Во-вторых, если несколько внимательнее присмотреться к делу, то сама форма индукции, которую предлагает нам диалектика, доказывает справедливость нашего утверждения, ибо эта форма индукции, с помощью которой предполагается обнаружить и обосновать принципы наук, совершенно порочна и бессильна и не только не способна усовершенствовать природу, но зачастую искажает и извращает ее. Ведь всякий, кто поглубже рассмотрит тот метод, с помощью которого собирают этот небесный нектар знаний, подобный тому, о котором говорит поэт:

Дар небесный теперь воздушного меда немедля
Я опишу...¹⁴

(ибо и сами знания извлекаются из отдельных фактов природы и искусства, как мед из полевых и садовых цветов), конечно же, обнаружит, что ум, действуя самостоятельно, опираясь лишь на свою врожденную силу, способен на более совершенную индукцию, чем та, которую мы находим у диалектиков, ибо из голого перечисления отдельных фактов без противоречащего случая, как это обычно делается у диалектиков, вытекает порочное заключение, и такого рода индукция не может привести ни к чему другому, кроме более или менее вероятного предположения. Действительно, кто поручится, что какое-нибудь явление, полностью противоречащее его выводам, не останется неизвестным ему, когда отдельные факты, известные непосредственно или же по памяти, представляются ему лишь односторонне. Это похоже на то, как если бы Самуил остановился на тех сыновьях Исаии, которых он встретил у него дома, и не стал спрашивать о Давиде, находившемся в поле. И если уж говорить всю правду, то эта форма индукции является столь неуклюжей и грубой, что кажется невероятным, как могли столь тонкие и прощательные ученые (а именно такие ученые посвящали себя исследованию подобных вопросов) широко использовать ее; единственной причиной этого является, по-видимому, их поспешное желание направить свои усилия на утверждение теорий и догм и какое-то презрительное и высокомерное пренебрежение частными фактами, а тем более продолжительным их исследованием. Они использовали отдельные частные случаи, как ликторов и стражу, для того, чтобы разогнать толпу и открыть путь своим догмам, но они вовсе не призывали их с самого начала на совещание для того, чтобы можно было сознательно и зрело обсудить истинное положение вещей. Действительно, наш ум поражает некое благочестивое религиозное удивление, когда мы видим, что и в человеческих, и в божественных вещах к заблуждению ведет один и тот же путь. Ведь подобно тому как при познании божественной истины трудно заставить себя в своем сознании как бы снова стать ребенком, так и при изучении истин человеческого ума считается чем-то низким и чуть ли не вызывающим презрение, когда люди, особенно пожилые, подобно детям, все еще перечитывают и изучают вновь первые элементы индукции.

В-третьих, даже если допустить, что научные принципы могут быть правильно установлены с помощью обычной индукции или же чувственным и опытным путем, все же остается совершенно несомненным, что из естественных явлений, обладающих материальной природой, невозможно достаточно надежно вывести аксиомы с помощью силлогизма. Ведь силлогизм с помощью промежуточных посылок осуществляет сведение предложений к принципам. Эта форма открытия или доказательства имеет место в таких науках, как этика, политика, право и т. п.; встречается она и в теологии, поскольку богу по доброту его было угодно приспособиться к возможностям человеческого познания. Но в физике, где требуется реально овладеть природой, а не опутать противника аргументацией, истина при таком способе исследования ускользает из рук, так как природа намного тоньше и сложнее любой самой изощренной речи, и из-за бесилия силлогизма в любом случае необходима помощь индукции, но только подлинной и исправленной, для того, чтобы установить как самые общие принципы, так и промежуточные посылки. Ведь силлогизмы состоят из предложений, предложения — из слов, слова же — это знаки понятий; поэтому если сами понятия (которые составляют душу слов) будут плохо и произвольно абстрагированы от реальных явлений, то разрушится и все здание¹⁵. И даже тщательное изучение последовательности аргументаций или истинности посылок никогда не сможет полностью восстановить положение, ибо ошибка заключена, как говорят врачи, «в первом пищеварении», которое уже не могут исправить последующие функции. Таким образом, немало философов (и среди них некоторые очень известные) имели весьма серьезные и очевидные причины стать академиками и скептиками, отрицающими достоверность человеческого знания и восприятия и утверждающими, что с их помощью можно достигнуть лишь правдоподобия и вероятности. Я не стану отрицать, что некоторым кажется, что Сократ, отрицая достоверность собственного знания, делал это лишь иронически и, скрывая знание, спекулировал им, т. е. отрицал знание того, что ему было заведомо известно, для того, чтобы считали, что он знает и то, чего он в действительности не знал¹⁶. И даже среди последователей новой Академии, к числу которых принадлежал и Цицерон, идея акаталепсии принималась не

очень искренне. Ведь эту школу избрали себе те, кто отличался своим красноречием, для того, чтобы стяжать себе славу умением свободно говорить «за» и «против» любого положения; в результате они сошли с прямого пути, по которому должны были бы двигаться к истине, предпочитая ему приятные прогулки по живописным окрестностям. Однако известно, что некоторые философы как в старой, так и в новой Академии, а еще больше среди скептиков в буквальном смысле восприняли этот принцип акаталепсии. Их главная вина заключалась прежде всего в том, что они клеветали на чувственные восприятия и тем самым в корне подрывали всякое знание. Ведь хотя чувства довольно часто обманывают и вводят в заблуждение, однако в союзе с активной деятельностью человека они могут давать нам вполне достаточные знания; и это достигается не столько с помощью инструментов (хотя и они в известной мере оказываются полезными), сколько благодаря экспериментам, способным объекты, недоступные нашим органам чувств, сводить к чувственно воспринимаемым объектам. Скорее они должны были бы приписать этот недостаток как ошибкам разума, так и его самоуверенности (не желающей считаться с самыми реальными вещами), а также неверным доказательствам и методам рассуждения и умозаключения из чувственных восприятий. Мы говорим об этом не для того, чтобы умалить значение интеллекта или чтобы объявить тщетными все его попытки; наша цель состоит в том, чтобы найти и предоставить интеллекту необходимую помощь, благодаря которой он сможет преодолеть все трудности и раскрыть тайны природы. Ведь ни один человек не обладает такой твердой и опытной рукой, чтобы быть способным провести прямую линию или начертить совершенный круг, тогда как он легко может сделать это с помощью линейки или циркуля. Именно это мы и собираемся сделать; к подобной цели и направлены все наши усилия: с помощью особой науки сделать разум адекватным материальным вещам, найти особое искусство указания и наведения (*directio*), которое раскрывало бы нам и делало известными остальные науки, их аксиомы и методы. Мы с полным основанием утверждаем, что такая наука должна быть создана.

Это искусство указания (а мы его будем называть именно так) делится на две части. Указание может либо

вести от экспериментов к экспериментам, либо от экспериментов к аксиомам, которые в свою очередь сами указывают путь к новым экспериментам. Первую часть мы будем называть научным опытом (*experientia literata*), вторую — истолкованием природы, или Новым Органом. Впрочем, первая из этих частей (как мы уже говорили вкратце в другом месте¹⁷) едва ли должна считаться искусством или частью философии — скорее ее следует принять за своеобразную пронизательность, и поэтому мы иногда называем ее «охота Пана», заимствовав это наименование из мифа. Однако подобно тому как каждый может продвигаться на своем пути трояким образом: или идти наощупь в темноте, или держаться за руку другого, потому что сам плохо видит, или, наконец, идти свободно, освещая себе путь, — точно так же можно предпринимать всевозможные эксперименты: без всякой последовательности и системы — это чистейшее продвижение наощупь; когда же при проведении эксперимента следуют какому-то определенному направлению и порядку, то это можно сравнить с тем, когда человека ведут за руку: именно это мы и понимаем под научным опытом. Подлинный же светоч, который мы упомянули третьим, может дать нам лишь истолкование природы, или Новый Органон.

Научный опыт, или «охота Пана», исследует модификации экспериментирования. Поскольку мы установили, что эта область знания только должна быть создана и пока еще далеко не является ясной, то по заведенному нами порядку мы попытаемся в известной мере обрисовать ее. Модификации экспериментирования выступают главным образом как изменение, распространение, перенос, инверсия, усиление, применение, соединение и, наконец, случайности (*sortes*) экспериментов. Все это, вместе взятое, находится, однако, еще за пределами открытия какой-либо аксиомы. Вторая же названная нами часть, т. е. Новый Органон, целиком посвящается рассмотрению всех форм перехода от экспериментов к аксиомам или от аксиом к экспериментам.

Изменение эксперимента прежде всего касается материи, т. е. речь идет о том, что эксперимент, проводившийся до сих пор постоянно с одной определенной материей, теперь проводится на других вещах подобного же рода. Например, бумагу делают только из полотняных лоскутов и никогда не делают ни из шелка (за исключе-

нием, может быть, Китая), ни из ворсистой ткани, так называемого камлота, ни из шерсти, хлопка и кожи, хотя эти три последних представляются менее подходящими и поэтому скорее могут быть использованы в соединении с другими, чем сами по себе. Точно так же широко распространена прививка плодовых деревьев; на диких же деревьях она применяется редко, а между тем, как говорят, вяз, привитый к вязу, разрастается удивительно пышно. Очень редко практикуется прививка и на цветах, хотя в последнее время ее стали производить на розах, удачно привив мускатную розу к обыкновенной. К изменениям эксперимента относительно материи мы причисляем также и его изменения относительно части предмета. Например, мы знаем, что черенок, привитый к стволу дерева, приживется скорее, чем посаженный в землю. А почему бы не предположить, что семя лука, внесенное в головку зеленого лука, не прорастет лучше, чем если его просто посеять в землю? Здесь речь идет о замне ствола корнем, так что эту операцию можно рассматривать как своеобразную прививку на корне. Во-вторых, изменение может касаться и действующей причины. Так, солнечные лучи с помощью зажигательных стекол настолько усиливают свою теплоту, что могут зажечь легко воспламеняющееся вещество; а нельзя ли с помощью тех же стекол сфокусировать и лунные лучи, чтобы выяснить, обладают ли все небесные тела какой-то теплотворной способностью? Точно так же, как нам известно, тепловые лучи усиливаются благодаря действию зажигательных стекол и зеркал; но происходит ли то же самое и с теплотой темных тел (например, камней или металлов, еще не разогретых добела), или же здесь скорее играют какую-то роль частицы света? Точно так же янтарь и гагат под влиянием трения притягивают соломинки; а будут ли они делать то же самое, если их нагреть на огне? В-третьих, изменение эксперимента может касаться и количества; в этом типе эксперимента нужно быть особенно внимательным, так как здесь нас подстерегает возможность многочисленных ошибок. Ведь люди убеждены, что с возрастом или умножением количества пропорционально возрастают или умножаются и достоинства. И это становится чуть ли не постулатом и предполагается как своего рода математическая определенность, в то время как это утверждение абсолютно ложно. Свинцовый шар весом

в один фунт, брошенный с башни, упадет на землю, предположим, через десять секунд; ну а шар в два фунта (у которого это так называемое естественное ускорение должно быть в два раза больше) упадет, следовательно, через пять секунд? А между тем он упадет почти в то же самое время и не ускорит своего падения в зависимости от изменения количества¹⁸. Подобным же образом допустим, одна драхма серы, смешанная с полфунтом стали, расплавляет ее, превращая в жидкое состояние; но значит ли это, что одной унции серы будет достаточно для того, чтобы расплавить четыре фунта стали? Такого результата не наступает. Ибо определенно известно, что сопротивление материи, подвергающейся воздействию, с увеличением массы возрастает сильнее, чем активная сила действующей материи. Кроме того, чрезмерное количество может быть в такой же мере ненадежным, как и слишком малое. Ведь самая обычная ошибка при выплавке и очищении металлов состоит в том, что для ускорения плавки увеличивают или температуру плавильной печи, или количество добавочных ингредиентов. Однако же и то и другое при чрезмерном увеличении мешает этому процессу, а не помогает ему, поскольку в результате значительная часть чистого металла сгорает и превращается в дым, так что мы теряем металл, а оставшаяся масса становится более твердой и неподатливой. Поэтому людям следует поразмыслить над известным шутивным рассказом Эзопа о женщине, которая надеялась, что ее курица будет ежедневно нести по два яйца, если ей давать в два раза больше ячменя. А курица ожирев, вообще перестала нести яйца. Так что весьма опасно полагаться на какой-нибудь естественный эксперимент до тех пор, пока он не проверен и в отношении большего, и в отношении меньшего количества вещества. Но об изменении эксперимента сказано достаточно.

Распространение эксперимента может выступать в двух видах: как повторение и как расширение эксперимента, т. е. когда эксперимент или неоднократно повторяется, или ставится в какой-то более тонкой форме. Можно привести такой пример повторения. Винный спирт образуется из вина в результате однократной дистилляции; он значительно крепче и сильнее самого вина; а не превзойдет ли спирт по крепости самого себя, если его вторично подвергнуть дистилляции или сублимации? Но

и повторение эксперимента таит в себе возможность ошибки. Ведь вторичная возгонка может не дать результата, аналогичного первому, да к тому же довольно часто при таком повторении эксперимента после достижения некоего предельного состояния природа не только не продвигается дальше, но, наоборот, отступает назад. Поэтому в этом типе эксперимента необходима осторожность. Подобным же образом ртуть в полотняной тряпке или еще в чем-нибудь, помещенная в расплавленный свинец, когда он уже начинает остывать, густеет и теряет текучесть; но быть может эта же ртуть при неоднократном повторении этого эксперимента настолько уплотнится, что станет ковкой? А вот пример расширения эксперимента. Вода в подвешенном состоянии, вливаясь сверху через продолговатое горлышко сосуда в находящееся на более низком уровне вино, разбавленное водой, в конце концов отделит вино от воды, потому что вино будет подниматься в верхний сосуд, а вода оседать на дно нижнего¹⁹; нужно проверить, нельзя ли, подобно тому как в нашем эксперименте вино и вода (два очевидно различных тела) отделяются друг от друга, отделить таким же образом с помощью своего рода весовой дистилляции более тонкие от более плотных частиц вина (несомненно, однородного тела) и таким образом в верхнем сосуде получить нечто подобное винному спирту, но только, может быть, более тонкое? Или, например, магнит притягивает цельный кусок железа; а если кусок магнита поместить в жидкое железо, будет ли он притягивать к себе частицы железа и покроется ли таким образом железной оболочкой? Или стрелка компаса располагается по направлению к полюсам; следует ли она при этом тем же путем, в том же направлении, что и небесные тела? А именно, если поставить стрелку в противоположном направлении, т. е. по направлению к югу, и, удержав ее некоторое время в таком положении, затем отпустить, то направится ли стрелка к северу, вращаясь с запада на восток или с востока на запад? Точно так же золото впитывает ртуть при соприкосновении с ней; неужели золото поглощает ртуть, не расширяя при этом своего объема, так что в результате создается некая масса более тяжелая, чем само золото? Точно так же люди помогают памяти, помещая в определенных местах изображения лиц; достигнут ли они того же результата, если, отвлекаясь от изображений,

будут воссоздавать также и поступки, в общий облик этих лиц? Но о развитии эксперимента сказано достаточно.

Перенос эксперимента может идти тремя путями: или из природы или случайности в искусство, или из искусства или одного вида практики в другой, или из какой-то части искусства в другую часть того же искусства. Можно привести бесчисленное множество примеров переноса эксперимента из природы или случайности в искусство; собственно говоря, почти все механические искусства объяснены своим происхождением незначительным и случайным фактам и явлениям природы. Известна пословица: «Виноград рядом с виноградом быстрее зреет»²⁰. Она часто применяется, когда говорят о взаимных дружеских услугах. Но этот принцип великолепно используют у нас при изготовлении сидра, т. е. яблочного вина. Никогда не начинают рубить яблоки и выжимать сок из них прежде, чем дадут им некоторое время вылежаться в гудах и созреть от взаимного соприкосновения; тем самым удается избежать излишней кислоты. Точно так же искусственная радуга, образуемая прохождением лучей света через плотное облако брызг, простейшим образом подражает настоящей радуге, образующейся во влажных облаках. Точно так же и дистилляция жидкостей могла возникнуть либо из наблюдений над дождями или росой, либо из всем известного обыденного явления образования капель на блюде, стоящем на котле с кипящей водой. Кто осмелился бы подражать грому и молнии, если бы не подброшенная внезапно вверх со страшной силой и грохотом крышка во время опытов, производимых тем самым знаменитым монахом-химиком?²¹ Но чем больше здесь можно привести примеров, тем меньше их нужно. Если бы люди имели возможность вести поиски полезного для себя, то им следовало бы внимательно, детально и целенаправленно изучать все природные действия и процессы, беспрестанно и напряженно обдумывая, решая, что из виденного можно использовать для развития искусств, ибо природа — это зеркало искусства. Не менее многочисленны эксперименты, которые могут быть перенесены из одного искусства в другое, т. е. с одного вида практики на другой, хотя это встречается все же относительно реже, потому что природа — у всех перед глазами, а отдельные искусства известны лишь тем мастерам, которые ими зани-

маются. Очки изобретены для того, чтобы помочь слабеющему зрению; но, может быть, кто-нибудь сумеет придумать какой-то инструмент, который, если его приложить к глухнущему уху, поможет восстановить слух? Точно так же известно, что бальзамирование и натирание медом предохраняет трупы от разложения; так нельзя ли что-то из этой практики перенести в медицину, что могло бы быть полезным и для живых людей? Точно так же издревле было известно искусство делать отпечатки на воске, камнях, свинце, и именно оно указало путь для печатания на бумаге, т. е. типографскому искусству. Точно так же известно, что соль в кулинарии употребляется для сохранения мяса, при этом с большим успехом зимой, чем летом; а нельзя ли эту практику с пользой применить к вешам, чтобы регулировать их температуру, когда необходимо, меняя концентрацию соли? Точно так же совсем недавно в эксперименте по искусственному созданию снега было установлено, что соль обладает значительным свойством сгущения; но нельзя ли применить это ее свойство к сгущению металлов²², поскольку еще раньше было известно, что активные воды, в состав которых входят некоторые соли, извлекают золотые песчинки из некоторых металлов, менее плотных, чем само золото? Точно так же известно, что картины своими изображениями оживляют воспоминание о самих предметах; но разве это не используется в так называемом искусстве памяти? И если говорить об этом вообще, ничто в такой мере не может способствовать этому как будто бы падающему с неба своеобразному ливню полезных и новых изобретений, как может этому способствовать объединение сведений об экспериментах, проводимых во многих видах технических искусств, в уме одного человека или небольшого числа людей, которые развивали бы их во взаимных обсуждениях, чтобы с помощью того, что мы назвали переносом эксперимента, все искусства могли бы взаимно способствовать друг другу и как бы зажигать друг друга взаимным смешением лучей. И хотя рациональный путь, указываемый Новым Органоном, обещает гораздо более значительные результаты, однако же и эта проницательность научного опыта способна щедро бросить человеческому роду весьма многое из того, что находится у нас под руками, подобно тому как в древности разбрасывались среди толпы подарки правителей.

Нам остается еще сказать о переносе опыта из одной части искусства в другую, который, впрочем, мало чем отличается от переноса опыта из одного искусства в другое. Но так как некоторые искусства настолько велики по своему объему, что допускают перенос эксперимента в своих собственных пределах, нам показалось целесообразным указать и на этот вид переноса. Особенно поэтому, что в некоторых искусствах такого рода перенос играет чрезвычайно важную роль. Например, развитию медицинской науки могло бы принести огромную пользу, если бы удалось перенести эксперименты, производимые в той области медицины, которая занята лечением болезней, в область охраны здоровья и продления жизни. Ведь если бы какой-нибудь замечательный опият был способен ослабить бурный приступ жара во время чумы, то никто бы не стал сомневаться, что какое-то аналогичное средство, систематически принимаемое в должной дозе, могло бы в известной мере ослабить и задержать то медленно и незаметно развивающееся повышение температуры, которое является возрастным явлением. Но о переносе эксперимента сказано достаточно.

Инверсия эксперимента имеет место тогда, когда доказывается противоположное тому, что известно из эксперимента. Например: «Зеркала усиливают интенсивность тепла», но, может быть, и холода? ²³ Точно так же: «Тепло, распространяясь, поднимается снизу вверх»; но, может быть, холод, распространяясь, опускается сверху вниз? Например, возьмем железную палочку и нагреем ее с одного конца, а затем, поставив ее в вертикальное положение так, чтобы нагретый конец оказался внизу, поднесем руку к верхнему концу палочки: руку сразу же обожжет; если же нагретый конец поместить сверху, а взяться рукой за нижний конец палочки, то рука почувствует жар намного позже. Если же нагреть всю палочку и один конец ее погрузить в снег или обернуть губкой, смоченной в холодной воде, и если при этом снег или губка охладят верхний конец палочки, то будет ли холод быстрее распространяться книзу, чем подниматься вверх, если охладить нижний конец палочки? Точно так же известно, что солнечные лучи отражаются от белой поверхности и концентрируются на темной; а не отражаются ли тени темной поверхностью, на белой же концентрируются? И мы видим, что именно так происходит

в затемненном помещении, куда проникает свет лишь через узкое отверстие; изображения вещей, находящихся снаружи, воспринимаются на белой бумаге, на черной же мы не получаем никакого изображения. Точно так же мигрени облегчаются вскрытием лобовой вены; а облегчается ли боль во лбу надрезом черепа? Но об инверсии эксперимента сказано достаточно.

Под усилением эксперимента мы понимаем доведение эксперимента до уничтожения или потери исследуемого свойства; в остальных видах охоты зверя только ловят, здесь же убивают. Вот пример усиления эксперимента. Магнит притягивает железо — будем воздействовать на магнит и на железо, добываясь, чтобы больше не происходило притяжения, например подвергая магнит нагреванию на огне или смачивая его в сильных растворах, чтобы выяснить, не исчезнет ли или по крайней мере не ослабеет ли его сила. Наоборот, если сталь или железо превратить в окисел железа или так называемую закаленную сталь либо подвергнуть ее воздействию сильных растворов, то будет ли магнит в этом случае притягивать их? Далее, магнит притягивает железо через всякую известную нам среду, т. е. если между ними поместить золото, серебро, стекло; будем теперь искать, если это только возможно, какую-то среду, которая бы останавливала силу магнитного притяжения: испытаем ртуть, масло, камедь, обожженный уголь и пр., что до сих пор еще не испытывалось в этом отношении. Точно так же недавно были изобретены оптические приборы, способные удивительным образом увеличивать очень мелкие, едва видимые предметы. Нужно применить эти инструменты и к таким мельчайшим объектам, что за их пределами уже ничего нельзя различить, и к таким крупным, изображения которых бы сливались. Таким образом, следует проверить, смогут ли они ясно обнаружить в моче то, что иным способом невозможно заметить? Смогут ли они в драгоценных камнях, совершенно чистых и прозрачных, обнаружить зерна или пятнышки? Смогут ли они показать как большие тела те мельчайшие пылинки, которые летают в лучах солнца (и по поводу которых совершенно без всякого основания упрекали Демокрита в том, что он будто бы видел в них свои атомы и первоосновы вещей)? Могут ли они показать порошок, смешанный из белил и киновари, в таком виде, что совершенно отчетливо будут видны

зернышки белой и красной красок? Или наоборот, смогут ли они более значительные объекты (например, лицо или глаз) показать увеличенными в такой же степени, как они увеличивают блоху или червячка? Смогут ли они показать полотно или какую-нибудь другую, более тонкую и прозрачную ткань так, чтобы она представлялась нашему взгляду подобной сетке? Но мы не будем задерживаться дольше на усилении эксперимента, ибо все это по существу лежит за пределами просто научного опыта и относится скорее к области причин и аксиом, т. е. к Новому Органону. Ведь там, где мы встречаемся с отрицанием, изъятием, исключением, мы начинаем видеть какой-то свет, указывающий путь к открытию форм. Но об усилении эксперимента сказано достаточно.

Применение эксперимента есть не что иное, как изобретательный перенос его на какой-нибудь другой полезный эксперимент. Можно привести такой пример: каждое тело имеет определенный объем и вес. Золото обладает большим весом и меньшим объемом, чем серебро, вода — большим весом и меньшим объемом, чем вино. Отсюда можно сделать весьма полезный практический вывод: зная объем и вес предметов, можно определить, сколько серебра примешано к золоту либо сколько воды смешано с вином, — это и было знаменитой «эврикой» Архимеда. Другой пример: мясо начинает портиться в одних помещениях быстрее, чем в других; было бы весьма полезно перенести этот эксперимент на исследование климата и применить этот принцип для того, чтобы определять более здоровый и менее здоровый для жизни климат, т. е. там, где мясо портится медленнее, там климат здоровее. Тот же самый принцип можно применить и к определению более здорового и менее здорового времени года. Но подобные примеры бесчисленны. Нужно только, чтобы люди не дремали, а непрерывно обращали свои взгляды как на природу вещей, так и на человеческую практику. Но о применении эксперимента сказано достаточно.

Соединение эксперимента — это тесная связь и сцепление его применений; оно имеет место там, где отдельные явления не могли бы принести сами по себе какой-то пользы, но в соединении с другими оказываются полезными. Например, если хочешь получить поздние розы или фрукты, то этого можно добиться, срезав ранние почки; того же результата можно достичь, оставляя до се-

редины весны корни растений не покрытыми землей; но намного вернее цель будет достигнута, если соединить оба этих способа. Точно так же особенно сильное охлаждение способны вызвать лед и селитра, если же их употребить вместе, то результат оказывается еще более значительным. Но все это очевидно само по себе. Тем не менее и здесь часто могут возникнуть ошибки (как и вообще в любой области, где еще не существует аксиом), вызванные соединением различных и обладающих противоположным действием веществ. Но о соединении эксперимента сказано достаточно.

Остаются случайности эксперимента. Речь идет здесь о таком способе эксперимента, в котором совершенно отсутствует какое-либо рациональное начало, так что эксперимент производится чуть ли не в состоянии некоей одержимости, когда вдруг человеку приходит в голову провести какой-то опыт не потому, что размышление или какой-то другой эксперимент натолкнули его на этот опыт: просто он берется за него только потому, что подобный эксперимент до сих пор еще никогда не проводился. Однако я не уверен, что такой вид эксперимента, о котором мы сейчас ведем речь, не скрывает в себе возможности великого открытия, если только перевернуть в природе, так сказать, каждый камень. Ведь великие тайны природы почти всегда лежат в стороне от исхоженных дорог, вдали от известных путей, так что иной раз помогает даже сама абсурдность предприятия. Но если в то же время сюда присоединится и разумный расчет, т. е. если к тому соображению, что подобный эксперимент еще никогда не предпринимался, присоединится еще и серьезная и значительная причина предпринять такого рода эксперимент, то это даст самый лучший результат и поможет вырвать у природы ее тайны. Например, при воздействии огня на какое-нибудь природное тело, как известно, всегда происходит одно из двух: или какая-то часть вещества улетучивается (как, например, пламя и дым при обычном сгорании), или же по крайпей мере происходит местное разделение частей вещества, оказывающихся на известном расстоянии друг от друга, как это имеет место в процессе дистилляции, когда гуща оседает на дне, а пары, пробыв некоторое время в свободном состоянии, собираются в приемниках. Но никто еще до сих пор не пытался произвести закрытой перегонки (именно

так мы можем называть ее). А между тем представляется вполне вероятным, что сила тепла, если бы она действовала в закрытом теле, когда не может произойти ни потери вещества, ни его освобождения, может заставить этого Протея материи²⁴, закованного, наконец, в цепи, совершить многочисленные трансформации, при условии, конечно, если тепло будет регулироваться, с тем чтобы не произошло взрыва сосуда. Этот процесс можно уподобить тому, что происходит в естественной матке, где действующей силой является тепло и никакая часть вещества не исчезает и не выделяется. Отличие состоит только в том, что в матке происходит еще и процесс питания, что же касается изменений, то здесь существует, по-видимому, полная аналогия. Таковы примеры случайностей эксперимента.

В заключение мы хотим, имея в виду такого рода эксперименты, дать следующий совет: не нужно падать духом и приходить в отчаяние, если эксперименты, которыми отдано столько сил, не приводят к желаемому результату. Конечно, успех опыта значительно приятнее, но и неудача часто обогащает нас новыми знаниями. И нужно всегда помнить о том (мы повторяем это непрестанно), что к светоносным опытам следует стремиться еще настойчивее, чем к плодоносным. Мы уже сказали раньше, что научный опыт в нашем понимании — это скорее пронизательность и своего рода охотничье чутье, чем наука. О Новом же Органоне мы ничего не будем говорить и не станем даже вкратце касаться этой проблемы, потому что об этом (а ведь это самая важная проблема из всех существующих) мы намерены с божьей помощью написать специальное сочинение²⁵.

Глава III

Разделение науки об открытии доказательств на промтуарий²⁶ и топику. Разделение топики на общую и частную. Пример частной топики в исследовании о тяжелом и легком

Открытие доказательств не является в собственном смысле слова изобретением. Изобретать — значит обнаруживать неизвестное, а не припоминать и обращаться вновь к тому, что уже раньше было известно. Задача же

того открытия, о котором мы говорим в настоящий момент, сводится, кажется, к тому, чтобы из всей массы знаний, собранных и сохраняющихся в памяти, умело извлекать то, что необходимо для решения данного дела или вопроса. Ведь если кому-нибудь мало или вовсе ничего не известно об исследуемом предмете, тому не помогут и средства открытия; наоборот, тот, у кого есть, что сказать по рассматриваемому делу, и без всякого искусства изобретения сможет найти и привести достаточно аргументов (хотя, может быть, он делает это и не так быстро и не так ловко). Так что, повторяю, этот вид открытия представляет собой, собственно, не изобретение, а лишь припоминание или полагание и его практическое применение. Но поскольку этот термин укрепился и получил распространение, то мы будем его употреблять. Ведь охотиться на какого-нибудь зверя и поймать его в равной мере можно и когда мы охотимся в диком лесу, и когда — в ограде парка. Но, оставляя в стороне словесные тонкости, ясно одно, что основной целью здесь является скорее определенная готовность и умение использовать уже имеющиеся у нас знания, нежели увеличение и развитие их.

Для того чтобы иметь в достаточном количестве средства вести спор или рассуждение, можно избрать два пути. Первый путь обозначает и как бы указывает пальцем, куда нужно направить исследование; это мы называем тонкой. Второй путь требует составить заранее и хранить до тех пор, пока они не потребуются, доказательства, применимые ко всем особенно часто встречающимся в спорах случаям; мы будем называть это «промптуарий» (*promptuarium*). Этот последний путь едва ли заслуживает того, чтобы его рассматривали как часть науки, ибо он нуждается скорее в простой старательности, чем в научной подготовке. Тем не менее как раз в этой области Аристотель остроумно, хотя и не совсем верно, высмеивает софистов своего времени, говоря, что «они поступают совершенно так же, как тот, кто, объявив себя сапожником, вместо того, чтобы показать, как нужно делать башмаки, выставил бы только перед нами множество банников разного размера и фасона»²⁷. Но здесь можно возразить, что, если бы этот сапожник вообще не имел в своей мастерской башмаков и шил бы их только на заказ, он бы стал совсем нищим и имел бы очень мало

покупателей. А Спаситель наш совсем иначе говорит о божественной науке: «Всякий книжник, наученный царству небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей старое и новое»²⁸. Мы знаем, что древние учителя красноречия советовали ораторам иметь наготове различные заранее обработанные общие места, которые можно использовать для утверждения или опровержения любого тезиса, например в защиту духа закона, против буквы закона, и наоборот; в защиту логических доказательств, против свидетельских показаний, и наоборот. Сам Цицерон, опираясь на свой долгий опыт, откровенно утверждает, что усердный и старательный оратор может иметь заранее обдуманнные и обработанные речи на любой случай, который может возникнуть, чтобы во время самого судебного разбирательства не было никакой необходимости вносить в речь что-нибудь новое и неожиданное за исключением новых имен и каких-то особых обстоятельств²⁹. Усердие же и заботливость Демосфена в ораторском искусстве были столь велики, что он, зная какое огромное влияние оказывает на людей вступительная часть речи, ибо она подготавливает их к слушанию дела и вызывает у них нужное оратору настроение, считал необходимым заранее составить множество различных вступлений ко всякого рода политическим и судебным речам, чтобы всегда иметь наготове такое вступление. Все эти примеры и авторитеты, пожалуй, вполне могут перевесить мнение Аристотеля, который был бы готов посоветовать нам сменять все наше платье на пошницы. Таким образом, не следовало отбрасывать эту часть науки, названную нами промигуарием; однако в этом месте о ней сказано достаточно. Ведь эта часть науки имеет такое же отношение к логике, как и к риторике; поэтому мы решили только вкратце коснуться ее в логике, отнеся более подробное ее рассмотрение в отдел риторики.

Вторую часть науки об открытии, т. е. топикку, мы разделим на общую и частную. Общая топика подробно и тщательно рассматривается в диалектике, и поэтому нам нет необходимости долго задерживаться на ее разъяснении. Однако мне представляется необходимым попутно напомнить, что общая топика имеет значение не только для аргументации, необходимой в спорах, но и в рассуждениях, когда мы обдумываем и обсуждаем сами с собой

какую-нибудь проблему; более того, сущность ее сводится не только к тому, что она предлагает или советует, что мы должны утверждать или заявлять, но прежде всего к тому, что мы должны исследовать и о чем спрашивать. А умный вопрос — это уже добрая половина знания. Ведь Платон правильно говорит: «Тот, кто о чем-то спрашивает, уже представляет себе в самом общем виде то, о чем он спрашивает, а иначе как бы он смог узнать правильность ответа, когда он будет найден»³⁰. Поэтому, чем более обширной и точной будет наша антиципация, тем более прямым и кратким путем пойдет исследование. И те же самые места доказательства, которые заставляют нас рыться в тайниках нашего интеллекта и извлекать собранные там знания, помогают нам и в приобретении знаний, находящихся вне нас; так что если мы встретим какого-то знающего и опытного человека, то сможем разумно и толково спросить его о том, что ему известно; и точно так же мы сумеем с пользой для дела выбрать и прочитать тех авторов, те книги или части книг, которые могут нам дать сведения по интересующим нас вопросам.

Но частная тоника в значительно большей степени содействует этой цели и должна быть признана наукой чрезвычайно плодотворной. Правда, некоторые авторы вскользь упоминают о ней, но она еще никогда не рассматривалась в полном виде и так, как этого требует ее подлинное значение. Но, оставляя в стороне общеизвестные недостатки, так долго царившие в схоластике, когда с бесконечными тонкостями исследовались очевиднейшие вещи, а все, что мало-мальски менее известно, даже не затрагивалось, мы обращаемся к частной тонике как к вещи в высшей степени полезной, касающейся исследований и открытий, приложимых к частным объектам и конкретным наукам. Ее предмет представляет собой своеобразное соединение данных логики и конкретного материала отдельных наук. Ведь только пустой и ограниченный ум способен считать, что можно создать и предложить некое с самого начала совершенное искусство научных открытий, которое затем остается только применять в научных исследованиях. Но люди должны твердо знать, что подлинное и надежное искусство открытия растет и развивается вместе с самими открытиями, так что если кто-то, приступая впервые к исследованиям в области

какой-нибудь науки, имеет некоторые полезные руководящие принципы исследования, то после того, как он будет делать все большие успехи в этой науке, он может и должен создавать новые принципы, которые помогут ему успешно продвигаться к дальнейшим открытиям. Это очень похоже на движение по равнине; когда мы уже проделали какую-то часть пути, то мы не только ближе подошли к цели нашего путешествия, но и яснее видим тот участок пути, который нам еще осталось преодолеть. Точно так же и в науке; каждый шаг пути, оставляя позади пройденное, в то же время дает нам возможность ближе увидеть то, что нам еще остается сделать. Мы считаем нужным привести здесь пример частной тоники, поскольку мы отнесли ее к дисциплинам, еще не получившим развития.

Частная тоника, или пункты исследования о тяжелом и легком.

1. Нужно выяснить, что собой представляют тела, обладающие тяжестью, и что собой представляют тела, обладающие легкостью; существуют ли какие-то средние, т. е. обладающие в отношении тяжести нейтральной природой, тела.

2. Вслед за простым исследованием тяжести и легкости нужно провести сравнительное исследование, т. е. выяснить, какие из тяжелых тел при одинаковом объеме обладают большим весом, какие — меньшим, а также, какие из легких тел быстрее поднимаются вверх, какие — медленнее.

3. Нужно выяснить, какое действие оказывает количество тела на движение тяжести. На первый взгляд такое исследование может показаться излишним, потому что движение должно бы изменяться с изменением этого количества; однако это далеко не так. Дело в том, что хотя на весах количество тела равносильно его тяжести (так как силы тела слагаются через противодействие или сопротивление чашек весов или коромысла), однако там, где сопротивление незначительно (например, при падении тел в воздухе), количество тела не оказывает почти никакого влияния на скорость падения: ведь кусок свинца весом в двадцать фунтов падает на землю почти за то же самое время, что и кусок свинца весом в один фунт.

4. Нужно выяснить, может ли количество тела увеличиться настолько, что движение тяжести совершенно

прекращается, как это происходит с земным шаром, который висит в пространстве и никуда не падает. И могут ли существовать другие настолько крупные массы, чтобы они могли поддерживать самих себя? Потому что перемещение к центру земли — это вещь вымышленная, а всякая крупная масса отвергает любое перемещение, если только она не бывает вынуждена подчиниться другому, более сильному стремлению.

5. Нужно выяснить силу и действие сопротивления среды, т. е. тела, встречающегося на пути падающего тела, на характер движения тяжести. Падающее тело либо проникает через встречное тело, рассекая его, либо останавливается им. Если оно проникает через среду, то это проникновение может происходить либо при легком сопротивлении среды, как, например, в воздухе, либо при более сильном, как, например, в воде. Если тело останавливается, то останавливается оно или вследствие неравного сопротивления, когда падающее тело оказывается тяжелее среды, как это происходит, если дерево положить на воск, или равного сопротивления, как это происходит, если воду лить на воду или дерево положить на дерево той же породы. Это как раз то, чему схоласты дают совершенно пустое определение: «Тело имеет вес только вне своего места». Все это оказывает различное влияние на движение тяжести. Ведь движение тяжелых тел на весах проявляется иначе, чем в свободном падении, одно дело (хотя это может показаться удивительным) — движение чашек весов, подвешенных в воздухе, другое — их движение, когда они помещены в воде; одно дело — движение тяжести при падении тела в воде, другое — при нахождении тела на поверхности воды.

6. Нужно выяснить, какое влияние и действие на характер движения тяжести оказывает форма падающего тела, например то, что тело широкое или плоское, кубическое, продолговатое, круглое, пирамидальное; как влияет на упомянутое движение то, что тела поворачиваются при падении или сохраняют свое исходное положение.

7. Нужно выяснить, какое влияние и действие оказывает непрерывность и нарастание самого падения на ускорение падения, а также в какой пропорции и до каких пределов увеличивается это ускорение. Дело в том, что древние, исходя лишь из самого поверхностного

рассмотрения, считали, что это движение, будучи естественным, непрерывно нарастает и усиливается.

8. Нужно выяснить, какое влияние и действие оказывают на ускорение и замедление падения тела или даже на полное прекращение его (если оно только окажется за пределами того, что Гильберт называл орбитой активности земного шара) отдаленность или близость падающего тела к земле, а также и то, какое действие в этом отношении оказывает погружение падающего тела в глубь земли или помещение его ближе к поверхности земли. Это последнее обстоятельство тоже меняет характер движения, как это было замечено людьми, работающими в рудниках.

9. Нужно выяснить, какое влияние и действие оказывает различие в плотности тел, через которые распространяется и передается движение тяжести, так же ли хорошо передается оно через мягкие и пористые тела, как через твердые и плотные; например, если одно плечо коромысла весов будет сделано из дерева, а второе — из серебра, то если даже они будут обладать одинаковым весом, вызовет ли различие их материала изменение в движении чашек весов. Подобным же образом нужно выяснить, сохранит ли кусок металла, положенный на шерсть или на надутый пузырь, тот же самый вес, которым он обладает, находясь на дне чашки весов.

10. Нужно выяснить, какое влияние и действие оказывает на распространение движения тяжести расстояние тела от стрелки весов, т. е. быстрое или медленное восприятие усиления или ослабления давления, например склонится ли чашка весов, если одно плечо коромысла будет длиннее другого, хотя бы они и имели один и тот же вес, — ведь в изогнутой трубке сифона длинное колено всасывает воду, хотя короткое (будучи более емким) заключает в себе больше воды.

11. Нужно выяснить, какое влияние на ослабление тяжести тела оказывает смещение или соединение легкого тела с тяжелым; примером может служить различие веса мертвых и живых животных.

12. Нужно выяснить тайны восхождения и нисхождения более легких и более тяжелых частиц в цельном теле, часто являющихся источником четкого разделения веществ, как это имеет место в отделении вина от воды, в отстое сливок в молоке и т. п.

13. Нужно выяснить, каковы линия и направление движения тяжести и насколько оно устремлено к центру земли, т. е. массы земли, либо к центру самого тела, т. е. средоточию всех его частей. Понятия центров облегчают изложение, но в самой природе они не имеют ровно никакого значения.

14. Нужно провести сравнительное исследование движения тяжести в отношении к другим видам движения, чтобы выяснить, какие виды движения оказываются слабее его, а какие — сильнее. Например, в так называемом бурном движении движение тяжести на время приостанавливается. Точно так же, когда маленький магнит поднимает значительно более тяжелый кусок железа, движение тяжести отстает перед движением симпатии.

15. Нужно выяснить характер движения воздуха: поднимается ли он вверх, или он как бы нейтрален в этом отношении? Решить этот вопрос очень трудно, и здесь могут помочь только какие-то очень тонкие эксперименты. Ведь быстрый подъем воздуха из глубины к поверхности воды происходит скорее в результате давления воды, чем самого движения воздуха; то же самое происходит и с деревом. Воздух же, смешанный с воздухом, не производит никакого эффекта движения, потому что воздух проявляет свою легкость в воздухе не лучше, чем вода свою тяжесть в воде; в форме же пузырька, когда его обволакивает тонкая пленка, воздух на некоторое время остается неподвижным.

16. Нужно установить, что такое предел легкости. Ибо, полагаю, едва ли можно утверждать, что, подобно тому как центром тяжести является центр земли, так и пределом легкости является самая высшая небесная сфера; или, может быть, лучше предположить, что, подобно тому как тяжелые тела, по-видимому, стремятся упасть, т. е. стремятся к неподвижному состоянию, так и легкие тела в своем движении в конце концов начинают вращаться, т. е. стремятся фактически к бесконечному движению.

17. Нужно выяснить, почему пары и испарения поднимаются вверх до уровня, называемого средней областью воздуха, хотя они состоят из довольно плотной материи, а действие солнечных лучей периодически (по ночам) прекращается.

18. Нужно исследовать, что направляет движение пламени вверх; эта причина скрыта тем глубже, что пламя в

каждый момент погибает и сохраняется лишь потому, что оказывается внутри другого, более сильного пламени. В самом деле, пламя, если нарушить его непрерывность, не может существовать долго.

19. Нужно исследовать движение вверх самой тепловой активности, например почему тепло в раскаленном железном стержне быстрее распространяется вверх, чем вниз.

Итак, мы привели пример частной топки. Однако мы еще раз хотим напомнить о том, о чем уже предупреждали: люди должны менять частную топку и вслед за заметными успехами, достигнутыми в исследовании, неустанно создавать новую и новую топку, если только они хотят подняться к вершинам знаний. Мы же придаем такое большое значение частной топке, что намерены создать специальное произведение, посвященное ей в исследовании важных и весьма темных вопросов естествознания. Ведь мы обладаем властью ставить вопросы, но еще не господствуем над фактами. Об искусстве открытия сказано достаточно.

Глава IV

Разделение искусства суждения на суждение посредством индукции и посредством силлогизма. Учение об индукции относится к Новому Органону. Первое разделение суждения посредством силлогизма — на прямую и обратную редукцию. Второе разделение силлогистического суждения — на аналитику и учение об опровержениях. Разделение учения об опровержениях на опровержения софизмов, опровержения толкования и опровержения призраков, или идолов. Разделение идолов на идолы рода, идолы пещеры и идолы площади. Приложение к искусству суждения: о соответствии доказательств с природой предмета

Перейдем теперь к суждению или к искусству суждения, в котором рассматривается природа доказательств, или доводов. Искусство суждения (как это всем известно) учит делать умозаключения или путем индукции, или с помощью силлогизма. Ибо энтимемы и примеры представляют собой лишь сокращения этих двух форм. Что касается суждения по индукции, то здесь вряд ли что-нибудь может привлечь наше внимание, потому что в

этом случае одно и то же действие разума одновременно и находит искомое, и выносит суждение о нем; здесь процесс совершается непосредственно, почти так же как в чувственном восприятии, не нуждаясь ни в каких промежуточных звеньях. Ведь по отношению к своим первичным объектам чувство одновременно воспринимает вид объекта и соглашается с его истинностью. В силлогизме это происходит иначе: его доказательство не является непосредственным, но осуществляется опосредствованно. Здесь нужно различать нахождение среднего термина и суждение о заключении; ибо ум сначала бросается в разные стороны, а потом успокаивается. Но мы вообще не желаем заниматься порочной формой индукции, правильную же форму индукции мы будем рассматривать в Новом Органоне. Поэтому в настоящий момент об индукции сказано достаточно.

Что же можно сказать о силлогистическом суждении, если эта форма чуть ли не истерта в порошок в исследованиях тончайших мыслителей и изучена до мельчайших подробностей? И это неудивительно, так как силлогизм особенно близок человеческому уму. Ведь человеческий ум всеми силами стремится выйти из состояния неуверенности и найти нечто прочное и неподвижное, на что он мог бы, как на твердь, опереться в своих блужданиях и исследованиях. Аристотель пытается доказать, что во всяком движении тел можно найти нечто находящееся в покое, при этом древний миф об Атланте, который стоя держит на своих плечах небо, он весьма удачно и тонко переносит на полюсы мира³¹, вокруг которых происходит вращение неба. Точно так же и люди всеми силами стремятся найти в себе некоего Атланта своих размышлений, или полюсы, которые в какой-то мере управляли бы волнениями и вихрями мыслей, охватывающими разум, боясь как бы на них не обрушилось небо их мыслей. Поэтому они с величайшей поспешностью поторопились установить научные принципы, вокруг которых могли бы вращаться, не опасаясь рухнуть, все многообразные их споры и рассуждения; они не знали при этом, что тот, кто слишком торопится получить точный ответ, кончает сомнениями, тот же, кто не спешит высказать суждение, наверняка придет к точному знанию.

Таким образом, очевидно, что искусство силлогистического суждения есть не что иное, как редукция предло-

жений к принципам посредством средних терминов. Принципы же мыслятся общепринятыми и не подвергаются обсуждению. Нахождение же средних терминов является прерогативой свободно исследующего ума. Эта редукция бывает двоякого рода — прямая и обратная. Прямой она оказывается тогда, когда данное предложение сводится к самому принципу, — это то, что называют остенсивным доказательством; обратная редукция имеет место тогда, когда противоречие предложения сводится к противоречию принципа, — это то, что называют доказательством (*per incommodum*)³². Число же средних терминов или их ряд возрастает или сокращается по мере удаления предложения от принципа.

Установив это, мы разделим теперь искусство суждения (как это почти всегда делается) на аналитику и учение об опровержениях. Первая указывает путь к истине, второе — предостерегает от ошибки. Аналитика устанавливает истинные формы выводов, вытекающих из доказательств, всякое изменение или отклонение от которых приводит к ошибочному заключению, и уже тем самым содержит в себе своего рода изобличение и опровержение, ибо, как говорят, «прямизна является мерилom и прямизны, и кривизны». Тем не менее наиболее надежно использовать опровержения как наставников, помогающих быстрее и легче обнаруживать заблуждения, которые в противном случае подстерегали бы суждение. В аналитике же я не могу обнаружить ни одного раздела, который не был бы достаточно разработан, скорее, наоборот, в ней есть много лишнего, и во всяком случае она не нуждается ни в каких дополнениях.

Мы решили разделить учение об опровержениях на три части: опровержение софизмов, опровержение толкований и опровержение призраков, или идолов. Учение об опровержении софизмов особенно плодотворно. Наиболее грубый вид софизмов Сенека не без остроумия сравнивает с искусством фокусников³³, когда, глядя на их манипуляции, мы не можем сказать, как они делаются, хотя и твердо знаем, что в действительности все делается совсем не так, как это нам кажется; в то же время более тонкие виды софизмов не только не дают человеку возможности что-либо ответить на них, но и во многих случаях серьезно мешают суждению.

Теоретическая часть учения об опровержениях софизмов прекрасно разработана Аристотелем, а Платон приводит великолепные образцы этого искусства и не только на примере старших софистов (Горгия, Гиппия, Протагора, Эвтидема и др.), но и на примере самого Сократа, который, никогда ничего не утверждая сам, а лишь показывая несостоятельность положений, выдвигаемых другими, дал нам образцы остроумнейших возражений, софизмов и их опровержений. Поэтому в этом разделе нет ничего, что требовало бы дальнейшего исследования. Нужно в то же время заметить, что, хотя мы и считаем подлинным и важнейшим назначением этого учения опровержение софизмов, тем не менее совершенно ясно, что те же самые софизмы могут при недобросовестном и недостойном применении его привести к новым уловкам и противоречиям. Такого рода способности ценятся весьма высоко и сулят немалую выгоду; впрочем, кто-то весьма удачно сказал, что различие между оратором и софистом состоит в том, что первого можно сравнить с гончей, славящейся своим бегом, а второго — с зайцем, прекрасно умеющим петлять.

Далее следуют опровержения толкований — «герменей» (мы даем ему это название, заимствуя у Аристотеля в данном случае скорее сам термин, чем его смысл). Напомним то, что было сказано нами выше при рассмотрении первой философии о трансценденциях и приводящихся свойствах сущего, или адьюнкциях. К их числу относятся понятия: больше, меньше, много, мало, раньше, позже, идентичное, различное, возможное, действительное, обладание, лишение, целое, части, действующее, испытывающее действие, движение, покой, сущее, не сущее и т. п. Особенно важно помнить и иметь в виду два различных способа изучения этих понятий, о которых мы говорили, т. е. изучение их с точки зрения физики и с точки зрения логики. Исследование этих понятий с точки зрения физики мы отнесли к первой философии. Остается исследовать их с точки зрения логики. Именно такое исследование мы называем здесь учением об опровержениях ложных толкований. Это, несомненно, разумная и полезная часть науки, так как общие и широко распространенные понятия неизбежно употребляются повсюду, в любых рассуждениях и спорах; и если с самого начала тщательнейшим и внимательнейшим образом не

устанавливать четкого различия между ними, они совершенно затемняют сущность всех дискуссий и в конце концов ведут к тому, что эти дискуссии превращаются в споры о словах. Ведь двусмысленность слов или неправильное толкование их значений это то, что мы назвали бы софизмами из софизмов. Поэтому-то я и решил, что целесообразнее рассматривать это учение отдельно, а не включать его в первую философию или метафизику, как это весьма нечетко сделал Аристотель, относить ее частично к аналитике. Название же этому учению мы дали, исходя из его назначения, ибо истинное его назначение целиком сводится к обнаружению ошибок в употреблении слов и предупреждению этих ошибок. Более того, мы считаем, что весь раздел, посвященный категориям, если правильно понимать его значение, должен быть в первую очередь посвящен тому, как избежать смещения и смещения границ определений и разделений, и именно поэтому мы предпочли поместить его в эту часть. Впрочем, об опровержениях толкований сказано достаточно.

Что же касается опровержения призраков, или идолов, то этим словом мы обозначаем глубочайшие заблуждения человеческого ума. Они обманывают не в частных вопросах, как остальные заблуждения, затемняющие разум и расставляющие ему ловушки; их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта. Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений. Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй — идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства. Но от этого типа идолов можно избавиться и отказаться, и поэтому мы в настоящее время не будем го-

ворить о нем. Идолы же остальных видов всецело господствуют над умом и не могут быть полностью удалены из него. Таким образом, нет оснований ожидать в этом вопросе какого-то аналитического исследования, но учение об опровержениях является по отношению к самим идолам важнейшим учением. И если уж говорить правду, то учение об идолах невозможно превратить в науку и единственным средством против их пагубного воздействия на ум является некая благоразумная мудрость. Полное и более глубокое рассмотрение этой проблемы мы относим к Новому Органону; здесь же мы выскажем лишь несколько самых общих соображений.

Приведем следующую пример идолов рода: человеческий ум по своей природе скорее воспринимает положительное и действительное, чем отрицательное и недействительное, хотя по существу он должен был бы в равной мере воспринимать и то и другое. Поэтому на него производит гораздо более сильное впечатление, если факт хотя бы однажды имеет место, чем когда он зачастую отсутствует и имеет место противоположное. И это является источником всякого рода суеверий и предрассудков. Поэтому правильным был ответ того человека, который, глядя на висящие в храме изображения тех, кто, исполнив свои обеты, спасся от кораблекрушения, на вопрос о том, признает ли он теперь божественную силу Нептуна, спросил в свою очередь: «А где же изображения тех, которые, дав обет, тем не менее погибли?»³⁴ Это же свойство человеческого ума лежит в основе и других суеверий, таких, как вера в астрологические предсказания, вещие сны, предзнаменования и т. п. Другой пример идолов рода: человеческий дух, будучи по своей субстанции однородным и единообразным, предполагает и придумывает в природе существование большей однородности и большего единообразия, чем существует в действительности. Отсюда вытекает ложное представление математиков о том, что все небесные тела движутся по совершенным круговым орбитам и что не существует спиральных движений³⁵. Отсюда же вытекает и тот факт, что, несмотря на то что в природе существует множество единичных явлений, совершенно отличных друг от друга, человеческое мышление тем не менее пытается найти всюду проявления соотносительности, параллельности и сопряженности. Именно на этом основании вводится еще один элемент — огонь с его

кругом для того, чтобы составить четырехчлен вместе с тремя остальными элементами — землей, водой и воздухом³⁶. Химики же в своем фанатизме выстроили все вещи и явления в фалангу, совершенно бесспорательно уверяя, что в этих их четырех элементах (эфире, воздухе, воде и земле) каждый из видов имеет параллельные и соответствующие виды в других. Третий пример близок к предыдущему. Имеется утверждение о том, что человек — это своего рода мера и зеркало природы. Невозможно даже представить себе (если перечислить и отметить все факты), какую бесконечную вереницу идолов породило в философии стремление объяснять действия природы по аналогии с действиями и поступками человека, т. е. убеждение, что природа делает то же самое, что и человек. Это не намного лучше ереси антропоморфитов, родившейся в уединенных кельях глупых монахов, или мнения Эпикура, весьма близкого по своему языческому характеру к предыдущему, ибо он приписывал богам человеческие черты. И эпикуреец Веллей не должен был спрашивать: «Почему бог, подобно эдипу, разукрасил небо звездами и светильниками?»³⁷ Потому что, если бы этот величайший мастер стал бы вдруг эдипом, он расположил бы звезды на небе в каком-нибудь прекрасном и изящном рисунке, похожем на те, которые мы видим на роскошных потолках в дворцовых залах, тогда как на самом деле едва ли кто укажет среди столь бесконечного числа звезд какую-нибудь квадратную, треугольную или прямолинейную фигуру. Столь велико различие между гармонией человеческого духа и духа природы!

Что же касается идолов пещеры, то они возникают из собственной духовной и телесной природы каждого человека, являясь также результатом воспитания, образа жизни и даже всех случайностей, которые могут происходить с отдельным человеком. Великолепным выражением этого типа идолов является образ пещеры у Платона³⁸. Ибо (оставляя в стороне всю изысканную тонкость этой метафоры) если бы кто-нибудь провел всю свою жизнь, начиная с раннего детства и до самого зрелого возраста, в какой-нибудь темной подземной пещере, а потом вдруг вышел наверх и его взору представился весь этот мир и небо, то нет никакого сомнения, что в его сознании возникло бы множество самых удивительных и неленейших фантастических представлений. Ну

а у нас, хотя мы живем на земле и взираем на небо, души заключены в пещере нашего тела; так что они неизбежно воспринимают бесчисленное множество обманчивых и ложных образов; лишь редко и на какое-то короткое время выходят они из своей пещеры, не созерцая природу постоянно, как под открытым небом. С этим образом платоновой пещеры великолепно согласуется и знаменитое изречение Гераклита о том, что «люди ищут знания в собственных мирах, а не в большом мире».

Наиболее же тягостны идолы площади, проникающие в человеческий разум в результате молчаливого договора между людьми об установлении значения слов и имен. Ведь слова в большинстве случаев формируются исходя из уровня понимания простого народа и устанавливают такие различия между вещами, которые простой народ в состоянии понять; когда же ум более острый и более внимательный в наблюдении над миром хочет провести более тщательное деление вещей, слова поднимают шум, а то, что является лекарством от этой болезни (т. е. определения), в большинстве случаев не может помочь этому недугу, так как и сами определения состоят из слов, и слова рожают слова. И хотя мы считаем себя повелителями наших слов и легко сказать, что «нужно говорить, как простой народ, думать же, как думают мудрецы»; и хотя научная терминология, понятная только посвященным людям, может показаться удовлетворяющей этой цели; и хотя определения (о которых мы уже говорили), предпосылаемые изложению той или иной науки (по разумному примеру математиков), способны исправлять неверно понятое значение слов, однако все это оказывается недостаточным для того, чтобы помешать обманчивому и чуть ли не колдовскому характеру слова, способного всячески сбивать мысль с правильного пути, совершая некое насилие над интеллектом, и, подобно татарским лучникам, обратно направлять против интеллекта стрелы, пущенные им же самим. Поэтому упомянутая болезнь нуждается в каком-то более серьезном и еще не применявшемся лекарстве. Впрочем, мы лишь очень бегло коснулись этого вопроса, указав в то же время, что это учение, которое мы будем называть «Великими опровержениями», или наукой о прирожденных и благоприобретенных идолах человеческого ума, должно быть еще

создано. Подробное же рассмотрение этой науки мы относим к Новому Органону.

Остается одно очень важное дополнение к искусству суждения, которое тоже, как мы считаем, должно получить развитие. Дело в том, что Аристотель только указал на эту проблему, но нигде не дал метода ее решения. Эта наука исследует вопрос о том, какие способы доказательств должны применяться к различным объектам исследования, являясь, таким образом, своего рода наукой суждения о суждениях. Ведь Аристотель прекрасно заметил, что «не следует требовать от оратора научных доказательств, точно так же как от математика не следует требовать эмоционального убеждения»³⁹. Поэтому если ошибиться в выборе рода доказательств, то и само суждение не может быть вынесено. Поскольку же существует четыре рода доказательств, а именно через непосредственное согласие и общепринятые понятия, через индукцию, через силлогизм и, наконец, то, что Аристотель правильно называет круговым доказательством (*demonstratio in orbem*)⁴⁰, т. е. не идущим от предшествующего и более известного, а строящимся как бы на одном и том же уровне, то каждый из этих четырех родов доказательств имеет свои определенные объекты и определенные сферы науки, где он обладает достаточной силой, другие же объекты исключают возможность его применения. Ведь излишняя педантичность и жесткость, требующие слишком строгих доказательств в одних случаях, а еще больше небрежности и готовности удовольствоваться весьма поверхностными доказательствами в других, принесли науке огромный вред и очень сильно задержали ее развитие. Но об искусстве суждения сказано достаточно.

Глава V

Разделение искусства запоминания на учение о вспомогательных средствах памяти и учение о самой памяти. Разделение учения о самой памяти на учение о предварительном знании и учение об эмблемах

Мы разделим искусство запоминания, или сохранения, на два учения: учение о вспомогательных средствах памяти и учение о самой памяти. Основным вспомогательным средством памяти является письменность. Вообще

следует понять, что память без такой помощи не может справиться с материалом достаточно обширным и сложным и что только записи представляют для нее достаточно надежную основу. Это в особенности имеет место в индуктивной философии и в истолковании природы. Ведь в равной мере невозможно без всяких записей с помощью одной лишь памяти выполнять все расчеты в книге расходов, как невозможно дать удовлетворительного истолкования природы, опираясь лишь на одни размышления и на силу природной памяти и не призвав на помощь ей должным образом составленных таблиц. Но даже если не говорить об истолковании природы, поскольку это учение новое, то и для старых и широко распространенных наук не может, пожалуй, быть ничего полезнее, чем хорошая и прочная опора памяти, какой может явиться добросовестный и всеобъемлющий свод общих мест. При этом для меня не является тайной, что некоторые в стремлении все прочитанное и изученное заносить в сборники общих мест видят серьезный ущерб для образования, поскольку это задерживает само чтение и отучает память от напряженной работы. Но поскольку в науке нельзя доверять поспешным и скороспелым выводам, а пужно прочно и всесторонне обосновывать их, то мы считаем, что тщательный труд, потраченный на составление сборника общих мест, может оказаться в высшей степени полезным для того, чтобы сделать учение более прочным и основательным, давая в изобилии материал для изобретения и направляя острые суждения на один предмет. Впрочем, среди всех методов и систем общих мест, с которыми нам до сих пор приходилось сталкиваться, нельзя найти ни одного, имеющего хотя бы какую-то ценность, так как с самого начала они являют нам скорее образ школы, чем окружающего мира, устанавливая грубые и чисто школярские деления предметов, а отнюдь не те, которые бы проникали в самое сущность, в самую глубину вещей.

Исследования самой памяти до сих пор, как мне кажется, велись довольно вяло и медленно. Правда, существует какое-то подобие искусства памяти, но мы уверены, что может существовать и более совершенная теория укрепления и развития памяти, чем та, которую излагает это искусство; и само это искусство может использоваться на практике более успешно, чем это

делалось до сих пор. При этом мы не собираемся спорить с тем, что с помощью этого искусства можно (при желании использовать его ради эффекта) проявить невероятные чудеса в запоминании, но это искусство в том виде, в каком оно используется, остается совершенно бесплодным и бесполезным для практических нужд человечества. И мы ставим ему в вину совсем не то, что оно разрушает и (как обычно говорят) перегружает естественную память, но то, что оно плохо помогает развитию памяти в делах серьезных и практически важных. Мы же (может быть потому, что мы всю жизнь посвятили политике) весьма мало ценим то, что отличается лишь искусством, но не представляет никакой пользы. Во всяком случае способность, услышав один только раз, немедленно повторить в том же самом порядке, как они были произнесены, огромное число имен или слов, или экспромтом сочинить множество стихов на любую тему, или остро сардонизировать любой сюжет, или любую серьезную вещь обратить в шутку, или суметь ловким возражением либо прищипкой увернуться от любого вопроса и т. п. (таких способностей ума существует великое множество, а талант и упражнения могут довести их до совершенно невероятной, граничащей с чудом степени), короче говоря, все эти и им подобные способности мы ценим не выше, чем ловкость и трюки канатоходцев и клоунов. Ведь это же по существу одно и то же, ибо в одном случае злоупотребляют физической силой, в другом — силами ума; и то и другое может быть даже иной раз вызывает удивление, но во всяком случае недостойно никакого уважения.

Искусство памяти опирается на два понятия: предварительное знание и эмблемы. Предварительным знанием (*praenotio*) мы называем своего рода ограничение бесконечности исследования; ведь когда мы пытаемся вызвать в памяти что-то, не обладая при этом никаким представлением о том, что мы ищем, то такого рода поиски требуют огромного труда и ум не может найти правильного направления исследования, блуждая в бесконечном пространстве. Но если ум обладает каким-то определенным предварительным знанием, то тем самым бесконечность немедленно обрывается и память действует уже на более знакомом и ограниченном пространстве, что напоминает охоту на лань в ограде парка. По этой же причине бесспорную помощь памяти оказывает и поря-

док. Ибо в этом случае существует предварительное знание того, что предмет нашего исследования должен отвечать данному порядку. Именно поэтому, например, стихи легче запоминать наизусть, чем прозу: если мы вдруг собьемся на каком-то слове, то нам поможет предварительное знание того, что это должно быть такое слово, которое укладывалось бы в стихотворную строчку. И это же предварительное знание является первым элементом искусственной памяти. Ведь в искусственной памяти мы обладаем определенными местами, уже заранее подготовленными и приведенными в систему; образы же мы формируем мгновенно, в соответствии с обстоятельствами. Но при этом нам помогает предварительное знание, указывающее, что этот образ должен в какой-то степени соответствовать «месту»; и это обстоятельство подстегивает память и так или иначе прокладывает ей путь к предмету исследования. Эмблема же сводит интеллигибельное к чувственному, а чувственно воспринимаемое всегда производит более сильное воздействие на память и легче запечатлевается в ней, чем интеллигибельное, так что даже память животных возбуждается чувственным, но никак не возбуждается интеллигибельным. Поэтому легче запомнить образ охотника, преследующего зайца, или актера, окруженного пробирками, или судьи, произносящего речь, или мальчика, читающего стихи наизусть, или актера, играющего на сцене, чем сами понятия нахождения, расположения, выражения, памяти, действия. Есть и другие средства, помогающие памяти (как мы об этом только что говорили), но то искусство, которое существует в настоящее время, состоит из вышеупомянутых двух элементов. Рассмотрение же частных недостатков этих искусств заставило бы нас отойти от принятого нами порядка изложения. Таким образом, об искусстве запоминания, или сохранения, сказано достаточно. И вот, следуя нашему порядку, мы уже подошли к четвертому отделу логики, рассматривающему проблемы передачи и изложения наших знаний.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава I

*Разделение искусства сообщения знаний на учение о средствах, учение о методе и учение об иллюстрации изложения. Разделение учения о средствах изложения на учение о знаках вещей, учение об устной речи и учение о письменности; два последних учения образуют грамматику и являются двумя ее подразделениями. Разделение учения о знаках вещей на учение об иероглифах и учение о реальных знаках (*characteres reales*). Второе разделение грамматики — на нормативную и философскую. Присоединение поэзии (в разделе о метрике) к учению об устной речи. Присоединение учения о шифрах к учению о письменности*

Каждому, конечно, позволено, Ваше Величество, смеяться и шутить над самим собой и своими занятиями. Поэтому, кто знает, может быть, это наше сочинение списано с какой-нибудь старинной книги, найденной среди книг той достославнейшей библиотеки святого Виктора, каталог которой составил магистр Франсуа Раблэ? Ведь там встречается книга, которая называется «Муравейник искусств»¹. И мы действительно собрали крохотную кучку мельчайшей пыли, под которой спрятали множество зерен наук и искусств для того, чтобы муравьи могли заползть туда и, немного отдохнув, вновь взяться за свою работу. Мудрейший из царей обращает внимание всех ленивцев на пример муравьев²; мы же считаем ленивыми тех, кому доставляет удовольствие пользоваться лишь уже достигнутым, и кто не стремится к новым посевам и жатвам на ниве наук.

Обратимся теперь к искусству передачи, или сообщения и выражения того, что найдено, о чем вынесено суждение и что отложено в памяти; мы будем называть это общим термином «искусство сообщения». Оно охватывает все науки, касающиеся слова и речи. Что же касается смысла, то хотя он и является своего рода душой речи, однако при исследовании этого вопроса следует отделить друг от друга смысл и изложение (значение

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава I

*Разделение искусства сообщения знаний на учение о средствах, учение о методе и учение об иллюстрации изложения. Разделение учения о средствах изложения на учение о знаках вещей, учение об устной речи и учение о письменности; два последних учения образуют грамматику и являются двумя ее подразделениями. Разделение учения о знаках вещей на учение об иероглифах и учение о реальных знаках (*characteres reales*). Второе разделение грамматики — на нормативную и философскую. Присоединение поэзии (в разделе о метрике) к учению об устной речи. Присоединение учения о шифрах к учению о письменности*

Каждому, конечно, позволено, Ваше Величество, смеяться и шутить над самим собой и своими занятиями. Поэтому, кто знает, может быть, это наше сочинение списано с какой-нибудь старинной книги, найденной среди книг той достославнейшей библиотеки святого Виктора, каталог которой составил магистр Франсуа Раблэ? Ведь там встречается книга, которая называется «Муравейник искусств»¹. И мы действительно собрали крохотную кучку мельчайшей пыли, под которой спрятали множество зерен наук и искусств для того, чтобы муравьи могли заползть туда и, немного отдохнув, вновь взяться за свою работу. Мудрейший из царей обращает внимание всех ленивцев на пример муравьев²; мы же считаем ленивыми тех, кому доставляет удовольствие пользоваться лишь уже достигнутым, и кто не стремится к новым посевам и жатвам на ниве наук.

Обратимся теперь к искусству передачи, или сообщения и выражения того, что найдено, о чем вынесено суждение и что отложено в памяти; мы будем называть это общим термином «искусство сообщения». Оно охватывает все науки, касающиеся слова и речи. Что же касается смысла, то хотя он и является своего рода душой речи, однако при исследовании этого вопроса следует отделить друг от друга смысл и изложение (значение

слова от его формы), точно так же как рассматривают отдельно душу и тело. Искусство сообщения мы разделим на три части: учение о средствах, учение о методе и учение об иллюстрации (или об украшении) изложения.

Учение о средствах изложения, в его обычном понимании называемое также грамматикой, состоит из двух частей: одна из них касается устной речи, другая — письменной: ведь Аристотель правильно говорил, что слова — это знаки мыслей, а буквы — слов³. Обе эти части мы отнесем к грамматике. Но для того чтобы глубже рассмотреть этот вопрос, мы, прежде чем перейти к грамматике и двум уже названным выше ее частям, должны сказать вообще о средствах сообщения. Ведь, как мне представляется, существуют и другие виды сообщения помимо слов и букв. Поэтому следует совершенно ясно установить, что все, что способно образовать достаточно многочисленные различия для выражения всего разнообразия понятий (при условии, что эти различия доступны чувственному восприятию), может стать средством передачи мыслей от человека к человеку. Ведь мы знаем, что народы, говорящие на разных языках, тем не менее прекрасно общаются друг с другом с помощью жестов. И мы являемся свидетелями того, как некоторые люди, глухонемые от рождения, но обладающие определенными умственными способностями, вступают в удивительные разговоры друг с другом и со своими друзьями, изучившими их жестикуляцию. Более того, в настоящее время стало уже широко известным, что в Китае и других областях Дальнего Востока используются некие реальные знаки, выражающие не буквы и не слова, а вещи и понятия. В результате многочисленные племена, говорящие на совершенно разных языках, но знакомые с такого рода знаками (которые у них очень широко распространены), могут общаться друг с другом в письменной форме, и любую книгу, написанную такими знаками, любой из этих народов может прочитать на своем родном языке.

Знаки вещей, выражающие значение их без помощи и посредства слова, бывают двух родов: в первом случае знак выражает значение вещи на основе своего сходства с ней, во втором — знак совершенно условен. К первому роду относятся иероглифы и жесты, ко второму — названные нами «реальные знаки». Иероглифы употреблялись еще в глубокой древности и вызывают к себе особое

почтение, особенно у египтян, одного из древнейших народов; по-видимому, иероглифическое письмо возникло раньше буквенного и поэтому значительно старше его, за исключением, может быть, еврейской письменности. Жесты же — это своего рода переходящие иероглифы. Подобно тому как слова, произнесенные устно, улетают, а написанные остаются, так и иероглифы, выраженные жестами, исчезают, нарисованные же остаются. Ведь когда Периандр, которого спросили, какими средствами можно сохранить тиранию, приказал посланцу следовать за ним и, гуляя по саду, срывать головки самых высоких цветов, давая понять, что нужно уничтожить злых, он точно так же пользовался иероглифами, как если бы он их нарисовал на бумаге. Во всяком случае ясно одно, что иероглифы и жесты всегда обладают каким-то сходством с обозначаемой ими вещью и представляют собой своего рода эмблемы; поэтому мы называли их знаками вещей, основанными на сходстве с ними. Реальные же знаки не несут в себе ничего от эмблемы, но абсолютно немые, ничем не отличаясь в этом отношении от элементов самих букв; они имеют чисто условное значение, основанное на своего рода молчаливом соглашении, которое ввело их в практику. При этом совершенно очевидно, что необходимо огромное число такого рода знаков для того, чтобы ими можно было писать, ибо их должно быть столько же, сколько существует корневых слов. Итак, этот раздел учения о средствах изложения, посвященный исследованию знаков вещей, мы относим к числу требующих своего развития. И хотя польза этого раздела может показаться на первый взгляд незначительной, поскольку слова и буквенное письмо являются самыми удобными средствами сообщения, нам все же показалось необходимым в этом месте как-то упомянуть о нем как о вещи, имеющей не последнее значение. Мы видим в иероглифе, если можно так выразиться, своего рода денежный знак интеллигентных вещей, и было бы полезно знать, что, подобно тому как монеты могут делаться не только из золота и серебра, так можно чеканить и другие знаки вещей помимо слов и букв.

Обратимся теперь к грамматике. Она по отношению к остальным наукам исполняет роль своего рода вестового; и хотя, конечно, эта должность не слишком высокая, однако она в высшей степени необходима, тем более что

в наше время научная литература пишется на древних, а не на современных языках. Но не следует и принижать значение грамматики, поскольку она служит своего рода противоводием против страшного проклятия смешения языков. Ведь человечество направляет все свои силы на то, чтобы восстановить и вернуть себе то благословенное состояние, которого оно лишилось по своей вине. И против первого, главного проклятия — бесплодия земли («в поте лица своего будете добывать хлеб свой») оно вооружается всеми остальными науками. Против же второго проклятия — смешания языков оно зовет на помощь грамматику. Правда, в некоторых современных языках она используется мало; чаще к ней обращаются при изучении иностранных языков, но особенно большое значение имеет она для тех языков, которые уже перестали быть живыми и сохраняются только в книгах.

Мы разделим грамматику также на две части: школьную (нормативную) и философскую⁴. Первая просто используется при изучении языка, помогая быстрейшему его усвоению и способствуя развитию более правильной и чистой речи. Вторая же в какой-то мере дает материал для философии. В этой связи нам вспоминается трактат «Об аналогии», написанный Цезарем. Правда, нельзя с уверенностью сказать, действительно ли этот трактат был посвящен изложению той самой философской грамматики, о которой мы говорим. Мы даже подозреваем, что в этом сочинении не содержалось ничего слишком утонченного или возвышенного, а лишь излагались правила чистого и правильного стиля, не испорченного и не искаженного влиянием неграмотной или чересчур аффектированной речи; сам Цезарь дал великолепный образец такого стиля⁵. Тем не менее это произведение навело нас на мысль о создании некоей грамматики, которая бы тщательно исследовала не аналогию между словами, но аналогию между словами и вещами, т. е. смысл, однако не заходя в пределы толкований, принадлежащих собственно логике. Действительно, слова являются следами мысли, а следы в какой-то мере указывают и на то тело, которому они принадлежат. Мы наметим здесь общие контуры этого предмета. Прежде всего нужно сказать, что мы ни в коей мере не одобряем то скрупулезное исследование языка, которым, однако, не пренебрегал даже такой выдающийся ученый, как Платон⁶. Мы имеем в виду

проблему возникновения и первоначальной этимологии имен, когда предполагается, что уже с самого начала имена отнюдь не давались вещам произвольно, а сознательно выводились из значения и функции вещи; конечно, такого рода предмет весьма изящен и похож на воск, который удобно мять и из которого можно лепить все, что угодно; а поскольку при этом исследовании стремятся, как видно, проникнуть в самые глубокие тайники древности, то тем самым оно начинает вызывать к себе какое-то особенное уважение, что тем не менее не мешает ему оставаться весьма малодостоверным и совершенно бесполезным. С нашей точки зрения, самой лучшей была бы такая грамматика, в которой ее автор, превосходно владеющий множеством языков, как древних, так и современных, исследовал бы различные особенности этих языков, показав специфические достоинства и недостатки каждого. Ведь таким образом языки могли бы обогащаться в результате взаимного общения, и в то же время из того, что есть в каждом языке самого лучшего и прекрасного, подобно Венере Апеллеса⁷, мог бы возникнуть некий прекраснейший образ самой речи, некий великолепнейший образец того, как следует должным образом выражать чувства и мысли ума. А вместе с тем при таком исследовании можно на материале самих языков сделать отнюдь не малозначительные (как, может быть, думает кто-нибудь), а достойные самого внимательного наблюдения выводы о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках. Я, например, с удовольствием нахожу у Цицерона замечание о том, что у греков нет слова, соответствующего латинскому *inertus*. «Это потому, — говорит Цицерон, — что у греков этот недостаток имел такое широкое распространение, что они его даже не замечали» — суждение, достойное римской суровости⁸. Или например, почему греки так свободно создавали сложные слова, римляне же, наоборот, проявляли в этом отношении большую строгость? Из этого наверняка можно сделать вывод, что греки были более склонны к занятию искусствами, римляне же — к практической деятельности, ибо различия, существующие в искусствах, требуют для своего выражения сложных слов, тогда как деловая жизнь нуждается в более простых словах. А евреи до такой степени избегают всяких сложных образований в лексике, что скорее предпочитают злоупотреб-

лять метафорой, чем прибегают к образованию сложных слов. И вообще в их языке очень мало слов, и эти слова никогда не соединяются, так что уже из самого языка становится совершенно ясным, что это был народ истинно назарейский и отделенный от остальных племен. А разве не заслуживает внимания тот факт (хотя, может быть, он и нанесит некоторый удар самолюбию современных людей), что в древних языках существует множество склонений, падежей, спряжений, времен и т. п., тогда как современные языки почти совершенно утратили их и в большинстве случаев по лености своей пользуются вместо них предлогами и вспомогательными глаголами. И конечно, в этом случае легко предположить, что, как бы мы ни были довольны самими собой, придется признать, что умственное развитие людей прошлых веков было намного глубже и тоньше нашего. Существует бесчисленное множество примеров такого же рода, которые могли бы составить целый том. Поэтому мы считаем, что есть все основания отделить философскую грамматику от простой школьной грамматики и отнести ее к числу дисциплин, развитие которых необходимо.

Мы считаем, что к грамматике относится также все то, что в какой-то мере касается слова, т. е. звук, метрика, размер, ударение. Правда, то, что служит первоисточником отдельных букв (т. е. то, какие именно артикуляции языка, рта, губ, горла образуют звук соответствующей буквы), не относится к грамматике, а является частью учения о звуках, которая должна рассматриваться в разделе о чувственных восприятиях и о чувственно воспринимаемом. Собственно же грамматический звук, о котором мы говорим здесь, имеет отношение лишь к благозвучию и неблагозвучию. Законы последних являются чем-то общим для всех. Ведь нет ни одного языка, который бы не стремился в какой-то мере избежать сочетаний нескольких согласных. Существуют и другие проявления законов благозвучия и неблагозвучия, но при этом различные явления для слуха одних народов оказываются приятными, для других — неприятными. Греческий язык изобилует дифтонгами, в латинском их значительно меньше. Испанский язык не любит узкие звуки и немедленно обращает их в средние. Языки, восходящие к готскому, тяготеют к придыхательным. Можно привести много ана-

логичных примеров, но этого, пожалуй, уже более чем достаточно.

Ритмика слов предоставила нам широкое поприще для искусства, а именно для поэзии, имея при этом в виду не ее содержание (об этом говорилось выше), а стиль и форму слов, т. е. стихосложение. Наука, рассматривающая этот вопрос, еще очень слаба, зато само искусство изобилует бесконечным числом великих примеров. Эта наука (которую грамматика называют просодией), однако, не должна была бы ограничиваться только изучением различных жанров стихотворных произведений и их размеров. Она должна включить в себя и теорию того, какой стихотворный жанр лучше всего соответствует определенному содержанию или предмету. Древние поэты писали героическим стихом эпические поэмы и эпикомии, элегическим — грустные произведения, лирическим — оды и гимны, ямбом — шпективы⁹. Да и новые поэты, пишущие на своих родных языках, не отказываются от этой практики. Здесь, однако, следует упрекнуть некоторых слишком пылких любителей древности за то, что они пытаются применить к новым языкам античные размеры (гексаметр, элегический дистих, сапфическая строфа и т. д.), которые не приемлет система самих этих языков и которые абсолютно чужды слуху этих народов. В делах такого рода на первое место нужно ставить суждение, выносимое чувством, а не правила искусства. Как сказал поэт:

...мне бы хотелось

Трапезу чтобы хвалил гость, а не повара¹⁰.

Это уже не искусство, а злоупотребление искусством, ибо оно не столько совершенствует природу, сколько искажает ее. Ну а что касается поэзии (будем ли мы говорить о сюжетах или о размерах), то она (как мы уже сказали выше) подобна пышной траве, никем не сеянной, растущей благодаря силе самой земли. Поэтому она пробивается повсюду и захватывает огромные пространства, так что совершенно излишне беспокоиться о ее недостатках. Итак, оставим вообще заботу о ней. Что же касается ударения, то нет никакой необходимости упоминать о столь незначительном вопросе; разве только кому-нибудь вдруг покажется достойным упоминания тот факт, что в науке тщательно исследовано ударение в словах, но совсем не изучалось ударение в целом предложении. Одна-

ко почти всему человеческому роду свойственно понижать голос в конце периода и повышать его в вопросительной фразе и немало других вещей в том же роде. Впрочем, о той части грамматики, которая изучает устную речь, сказано достаточно.

Что же касается письма, то оно осуществляется либо с помощью обычного алфавита, принятого повсеместно, либо с помощью особого, тайного алфавита, известного лишь немногим; такой алфавит называется шифром. Даже обычная орфография породила среди нас вопросы и споры о том, нужно ли писать слова так, как они произносятся, или же так, как это принято в настоящее время. На мой взгляд, такая возможная орфография (т. е. написание слов, отражающее их произношение) совершенно бессмысленна и бесполезна. Ведь и само произношение все время изменяется и не остается постоянным, и, кроме того, при таком написании становятся совершенно неясными производные слова, особенно заимствованные из иностранных языков. Наконец, если традиционное написание ни в коей мере не мешало установившемуся произношению, а оставляло для него полный простор, то зачем вообще нужны эти поправки?

Итак, обратимся к шифрам. Существует довольно много видов шифра: простые шифры, шифры, смешанные со знаками, ничего не обозначающими, шифры, изображающие по две буквы в одном знаке, шифры круговые, шифры с ключом, шифры словесные и т. д. Шифры должны обладать тремя достоинствами: они должны быть удобными, не требующими многих усилий для их написания; они должны быть надежны и ни в коем случае не быть доступны дешифровке и, наконец, если это возможно, они не должны вызывать подозрения. Ведь если письма попадут в руки тех, кто обладает властью над тем, кто пишет это письмо, или над тем, кому оно адресовано, то, несмотря на надежность шифра и невозможность его прочесть, может начаться расследование соответствующего дела, если только шифр не будет таким, что не вызовет никакого подозрения или же ничего не даст при его исследовании. Ну а если уж мы заговорили о том, как избежать подозрения и сделать попытку обнаружить шифр безрезультатной, то для этой цели оказывается вполне достаточным одно новое и весьма полезное средство; а поскольку мы им располагаем, то зачем отно-

снить его к числу тех искусств, которые должны быть созданы, если проще его сразу же изложить здесь? Это средство сводится к следующему. Нужно иметь два алфавита: один — состоящий из обычных букв, другой — из букв, не имеющих никакого значения, и отправить одно в другом сразу два письма: одно — содержащее секретные сведения, другое — имеющее достаточно правдоподобное для пишущего содержание, которое, однако, не должно навлечь на него никакой опасности. И если вдруг начнут строго допрашивать о шифре, то нужно дать алфавит, состоящий из ничего не значащих букв, вместо алфавита из настоящих букв и алфавит, состоящий из настоящих букв, вместо алфавита из букв, не имеющих значения. Таким образом, следовательно сможет прочесть внешнее письмо и, найдя его вполне правдоподобным, ничего не заподозрит о существовании внутреннего письма. Но чтобы помочь избежать вообще всякого подозрения, мы приведем еще одно средство, изобретенное нами еще в ранней юности, в бытность нашу в Париже; даже сейчас, как нам кажется, это изобретение не потеряло своего значения и не заслуживает забвения. Ибо оно представляет собой высшую ступень совершенства шифра, давая возможность выражать все через все (*omnia per omnia*). Единственным условием при этом оказывается то, что внутреннее письмо должно быть в пять раз меньше внешнего; никаких других условий или ограничений не существует. Вот как это происходит. Прежде всего все буквы алфавита выражаются только двумя буквами путем их перестановки. Перестановки из двух букв по пяти дадут нам тридцать два различных сочетания, что более чем достаточно для замещения двадцати четырех букв, из которых состоит наш алфавит. Вот пример такого алфавита:

<i>A.</i>	<i>B.</i>	<i>C.</i>	<i>D.</i>	<i>E.</i>	<i>F.</i>
<i>aaaaa.</i>	<i>aaaab.</i>	<i>aaaba.</i>	<i>aaabb.</i>	<i>aabaa.</i>	<i>aabab.</i>

<i>G.</i>	<i>H.</i>	<i>I.</i>	<i>K.</i>	<i>L.</i>	<i>M.</i>
<i>aabba.</i>	<i>aabbb.</i>	<i>abaaa.</i>	<i>abaab.</i>	<i>ababa.</i>	<i>ababb.</i>

<i>N.</i>	<i>O.</i>	<i>P.</i>	<i>Q.</i>	<i>R.</i>	<i>S.</i>
<i>abbaa.</i>	<i>abbab.</i>	<i>abbba.</i>	<i>abbbb.</i>	<i>baaaa.</i>	<i>baaab.</i>

<i>T.</i>	<i>U.</i>	<i>W.</i>	<i>X.</i>	<i>Y.</i>	<i>Z.</i>
<i>baaba.</i>	<i>baabb.</i>	<i>babaa.</i>	<i>babab.</i>	<i>babba.</i>	<i>babbb.</i>

Между прочим, это изобретение приводит нас к чрезвычайно важным выводам. Ведь из него вытекает способ, благодаря которому с помощью любых объектов, доступных зрению или слуху, мы можем выражать и передавать на любое расстояние наши мысли, если только эти объекты способны выражать хотя бы два различия¹¹. Такими средствами могут быть: звук колоколов или рога, пламя, звуки пушечных выстрелов и т. п. Но возвратимся к нашему изложению. Когда вы приметесь писать, то внутреннее письмо следует написать с помощью такого двухбуквенного алфавита. Допустим, что внутреннее письмо будет следующего содержания:

FUGUE — бегн

Вот пример такого написания:

F
U
G
E
aabab. baabb. aabba. aabaa.

Здесь нужно иметь наготове другой, двойной, алфавит, состоящий из букв обычного алфавита, как заглавных, так и строчных, изображенных двумя произвольно выбранными шрифтами (которые каждый может выбрать по своему усмотрению).

Пример двойного алфавита:

<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
A A a a	B B b b	C C c c	D D d d
<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
E E e e	F F f f	G G g g	H H h h
<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
I I i i	K K k k	L L l l	M M m m
<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
N N n n	O O o o	P P p p	Q Q q q
<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
R R r r	S S s s	T T t t	U U u u
<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>	<i>a b a b</i>
W W w w	X X x x	Y Y y y	Z Z z z

Затем, написав внутреннее письмо двухбуквенным алфавитом, нужно приложить к нему буква к букве внешнее письмо, написанное двойным алфавитом, и потом расшифровать. Пусть внешним письмом будет *Manere te volo*

донес venero (Я хочу, чтобы ты оставался на месте, пока я не приду).

Пример такого приспособления:

F	U	G	E		
aaabab. b	aa	bb aa	bba	aa	baa
Maner e	te	vo lo	don	ec	ven(ero)

Приведем еще один, более полный пример такого шифра, дающего возможность писать все посредством всего.

Внутреннее письмо

Пусть им будет письмо спартанцев, посланное ими некогда на скитале:

«Perditae res: Mindarus cecidit: milites esuriunt: neque hinc nos extricare, neque hic diutius manere possumus».

(Все погибло. Миндар убит. Воины голодают. Мы не можем ни уйти отсюда ни оставаться здесь дольше.)

Внешнее письмо

Пусть им будет отрывок из первого письма Цицерона; в него должно быть вставлено письмо спартанцев:

«Ego omni officio, ac potius pietate erga te, caeteris satisfacio omnibus: mihi ipse nunquam satisfacio. Tanta est enim magnitudo tuorum, erga me meritorum, ut quoniam tu, nisi perfecta re, de me non conquesti: ego, quia non idem in tua causa efficio, vitiam mihi esse acerbam putem. In causa haec sunt: Ammonius regis legatus aperte pecunia nos oppugnat. Res agitur per eosdem creditores, per quos, cum tu aderas, agebatur. Regis causa, si qui sunt, qui velint, qui pauci sunt, omnes ad Pompeium rem deferri volunt. Senatus religionis calumniam, non religione, sed malevolentia, et illius regiae largitionis invidia, comprobatur, etc.»

Учение о шифрах влечет за собой другое учение, связанное с первым. Это учение о дешифровке, или раскрытии, шифров, если даже ключ к ним совершенно неизвестен. Это, конечно, очень трудное дело, требующее в то же время большой изобретательности; это искусство (точно так же, как и искусство шифра) используется в секретных государственных делах. Но если проявить достаточно ловкости и предосторожности, то можно было бы сделать это искусство бесполезным, хотя, судя по нынешнему положению дел, оно приносит немалую пользу. Ведь

если бы были приняты надежные и хорошие шифры, то большинство из них было бы абсолютно недоступно для дешифровки, исключалась бы всякая возможность их раскрытия, хотя они и оставались бы достаточно удобными и легкими для написания и прочтения. Но неопытность и невежество секретарей и служащих при королевских дворах столь велики, что даже важнейшие документы в большинстве случаев доверяются шифрам ненадежным и легко дешифруемым.

Между тем у кого-нибудь может возникнуть подозрение, что мы, перечисляя науки и, так сказать, проводя их смотр, стремимся вызвать как можно больше удивления, увеличивая и умножая число наук, которые мы выстраиваем как бы в боевой порядок, тогда как в таком коротком исследовании можно, пожалуй, лишь похвастаться их числом и едва ли можно действительно развернуть их силы. Но мы будем честно придерживаться принятого нами плана и, создавая этот глобус наук, не хотим пропустить на нем даже самых маленьких и отдаленных островков. Кажется, мы коснулись этих наук отнюдь не поверхностно, хотя и вкратце; наоборот, острым пером мы извлекли из огромной массы их материала главное зерно, самую сущность этих наук. Судить об этом мы предоставляем людям действительно опытным в этих науках. Ведь очень многие, желающие показаться широкообразованными, умеют лишь то и дело щеголять научными терминами и показной ученостью, вызывая изумление невежд и насмешки людей, глубоко владеющих этой наукой. Мы надеемся, что наше сочинение произведет совершенно противоположный эффект, привлечет самое пристальное внимание людей, наиболее сведущих в каждой из этих наук, а для остальных не будет представлять какой-нибудь ценности. Если же кто-нибудь считает, что мы слишком большое внимание уделяем наукам, которые могут показаться не столь уж важными, то пусть он посмотрит вокруг себя и увидит, что люди, считавшиеся, бесспорно, значительными и знаменитыми в своих провинциях, приехав в метрополию и оказавшись в столице, почти смешались с толпой, потеряв свое бывшее величие; точно так же нет ничего удивительного и в том, что эти менее важные науки рядом с фундаментальными и высшими науками теряют свое значение, тогда как для тех, кто целиком посвятил

себя их изучению, они представляются особенно важными и прекрасными. Но о средствах изложения сказано достаточно.

Глава II

Учение о методе изложения является основной и главной частью искусства сообщения. Эта дисциплина получает название мудрости сообщения. Перечисляются различные методы и указываются их преимущества и недостатки

Перейдем к учению о методе изложения. Обычно его рассматривают в диалектике. Находит оно свое место и в риторике под именем «расположение». Однако то обстоятельство, что эту дисциплину рассматривали всегда как служанку других наук, явилось причиной того, что очень многое из того, что могло бы быть полезным для познания метода, оказалось упущенным. Поэтому мы решили установить основополагающее и главное учение о методе, которому мы даем общее наименование «мудрость сообщения». Итак, будем стараться скорее перечислить различные роды метода (а они весьма разнообразны), чем установить их подразделения. Не имеет никакого смысла говорить о «единственном методе» и о бесконечных дихотомиях¹². Ведь это было какое-то помрачение науки, которое быстро прошло, нечто, безусловно, несерьезное и одновременно в высшей степени вредное для нее. Ибо, когда сторонники такого подхода извращают явления в угоду законам своего метода, а все, что не подходит под их дихотомии, либо отбрасывают, либо, не считаясь с природой, искажают, они тем самым удобляются людям, выбрасывающим зерна наук и оставляющим себе лишь сухую и никому не нужную шелуху. Такой подход рождает лишь бессодержательные компендии, разрушая самое основание наук.

Итак, установим первое различие метода: метод может быть либо магистральный, либо инициативный. Под словом «инициативный» мы вовсе не понимаем то, что этот метод должен давать нам только начала (*initia*) знаний, в то время как первый излагает науку в полном виде; наоборот, заимствуя этот термин из священных обрядов, мы называем инициативным такой метод, который раскрывает и обнажает перед нами самые глубокие тайны науки. Магистральный метод наставляет, инициа-

тивный приобщает. Магистральный требует веры в свои слова, инициативный скорее стремится подвергнуть их испытанию. Первый передает знания всем без исключения учащимся, второй — только сыновьям науки. Наконец, для первого цель наук (в их настоящем состоянии) — практическая польза; для второго же такой целью является продолжение и дальнейшее развитие самих наук. Второй метод представляется заброшенной и заваленной дорогой; ведь до сих пор науки преподаются у нас обычно таким образом, как будто и учитель, и ученик, словно по уговору, взаимно стремятся к заблуждениям. Ведь тот, кто учит, стремится в первую очередь к тому, чтобы вызвать максимальное доверие к своим словам, а вовсе не к тому, чтобы найти наиболее удобный способ подвергнуть их проверке и испытанию; тот же, кто учится, стремится немедленно получить удовлетворяющие его сведения и вовсе не нуждается ни в каком исследовании; для него значительно приятнее не сомневаться, чем не заблуждаться. Таким образом, и учитель из-за честолюбия боится обнаружить непрочность своей науки, и ученик из-за нежелания утруждать себя не хочет испытать собственные силы. Знание же передается другим, подобно ткани, которую нужно выткать до конца, и его следует вкладывать в чужие умы таким же точно методом (если это возможно), каким оно было первоначально найдено. И этого, конечно, можно добиться только в том знании, которое приобретено с помощью индукции; что же касается того предвзятого (*anticipata*) и незрелого знания, которым мы располагаем, вряд ли кто-нибудь легко сможет сказать, каким путем он пришел к нему. Однако всякий, разумеется, в состоянии в большей или меньшей степени пересмотреть собственные познания и вновь пройти путь становления своего знания и обретения доверия к нему и тем самым пересадить знание в голову слушателя в таком виде, в каком оно выросло в его собственной голове. Ведь с науками происходит то же, что и с растениями: если просто нужно какое-то растение, то судьба корня для тебя безразлична, если же ты хочешь пересадить его в другую почву, то с корнями нужно обращаться осторожнее, чем с отростками. Так же и тот метод изложения, который получил распространение в наше время, открывает нам своего рода стволы наук, может быть

даже и прекрасные, но совершенно лишённые корней; они, без сомнения, очень хороши для плотника, но совершенно бесполезны для садовника. Поэтому если ты стремишься к тому, чтобы развивались науки, то не нужно слишком заботиться о стволах, нужно все старания приложить к тому, чтобы, извлекая из земли корни, не повредить их; пусть даже на них останется приставшая к ним земля. С этим методом изложения имеет некоторое сходство метод математиков, применяемый ими в их науке; что же касается общего применения такого метода, то мне нигде не приходилось видеть его, точно так же, как и того, чтобы кто-нибудь занимался его исследованием. Поэтому мы отнесли этот метод к числу предметов, требующих исследования и разработки, и будем называть его «передача факела», или «метод, обращенный к потомству».

Следующее различие метода, близкое к первому по своей цели, на деле является почти полной его противоположностью. Общим для того и другого является то, что они отделяют толпу слушателей от избранных учеников, противоположным же то, что здесь первый метод использует более доступный способ изложения, тогда как второй, о котором мы сейчас будем говорить, — более сложный и недоступный. Таким образом, второе различие метода сводится к тому, что первый метод — экзотерический, второй — акроаматический¹³. Дело в том, что то различие, которое древние проводили при издании своих сочинений, мы решили перенести на сам метод изложения. Но и сам акроаматический метод широко использовался древними, которые применяли его разумно и обдуманно. В более поздние времена этот акроаматический, или энigmatический, способ выражения был скомпрометирован многими авторами, использовавшими его для создания неверного и обманчивого света, при котором им легче было сбыть свой фальшивый товар. Назначением же такого метода является, как мне кажется, стремление не допустить к тайнам науки непосвященную чернь, используя покровы, представляемые сложным изложением, и допускать в науку только тех, кто либо со слов учителей познакомится с истолкованием смысла аллегорий, либо своим собственным талантом и проницательностью сможет проникнуть за покров тайны.

Следующее различие метода имеет огромное зна-

чение для науки. Речь идет о том, что знания могут передаваться или с помощью афоризмов, или методически. Прежде всего необходимо заметить, что во многих случаях у людей вошло в привычку на основании самых незначительных аксиом и наблюдений сразу же воздвигать чуть ли незаконченное и величественное учение, поддерживая его кое-какими соображениями, пришедшими им в голову, украшая всевозможными примерами и связывая воедино определенным способом. Другой же тип изложения, с помощью афоризмов, несет с собой множество преимуществ, недоступных методическому изложению. Во-первых, такой способ дает нам представление о том, усвоил ли автор свою науку поверхностно и несерьезно, или же он изучил ее глубоко и основательно. Ведь афоризмы неизбежно должны выражать самое сущность, самое сердцевину научного знания, иначе они будут попросту смешными. Ибо здесь отбрасываются всякие украшения и отступления, все разнообразие примеров, дедукция и связь, а также описание практического применения, так что у афоризмов не остается никакого иного материала, кроме богатого запаса наблюдений. Поэтому никто не возьмется за создание афоризмов, более того, даже не осмелится мечтать об этом, пока не увидит, что он обладает достаточно широкими и основательными знаниями для того, чтобы писать их. При методическом же изложении

...приятность

Много зависит от связи идей, от порядка — их сила¹⁴,

что очень часто придает видимость какого-то замечательного искусства тому, что при более глубоком рассмотрении, если освободиться от всего внешнего и обнажить сущность, оказывается совершенно ничтожным пустяком. Во-вторых, методическое изложение обладает способностью убеждать и доказывать, но в значительно меньшей степени дает указания практического порядка; ведь такого рода изложение использует как бы круговое доказательство, где отдельные части взаимно разъясняют друг друга, и поэтому интеллект скорее удовлетворяется им; но так как действия в обычной жизни не приведены в строгую систему, а беспорядочно перемешаны, то тем более убедительными для них оказываются и разрозненные доказательства. Наконец, афоризмы, давая только какие-то части и отдельные куски науки, приглашают

тем самым всех прибавить что-нибудь к этой науке также и от себя; методическое же изложение, представляя науку как нечто цельное и законченное, приводит к тому, что люди успокаиваются, думая, что они достигли вершины знания.

Следующее также чрезвычайно важное различие метода сводится к тому, что знания можно передавать либо в форме утверждений, сопровождаемых доказательствами, либо в форме вопросов, за которыми следуют определения. Если слишком злоупотреблять вторым методом, то он может нанести такой же вред развитию науки, какой могли бы нанести успешному продвижению вперед какого-нибудь войска непрерывные задержки и остановки перед каждой маленькой крепостью или городком. Ведь если одержать победу в решающем сражении и сосредоточить все силы на главном направлении, то все эти мелкие укрепленные пункты сами сдадутся добровольно. Но я, однако, согласен и с тем, что далеко не всегда безопасно оставить у себя в тылу какой-нибудь значительный и хорошо укрепленный город. Пользуясь этим сравнением, можно сказать, что при изложении научных знаний следует соблюдать меру во всякого рода возражениях, использовать их осторожно и только в том случае, когда необходимо разрушить какие-то значительные предрассудки и заблуждения ума, и ни в коем случае не прибегать к ним для искусственного возбуждения всякого рода пустячных сомнений.

Следующее различие метода выражается в том, что метод приспособляется к предмету изложения. Ведь по-разному излагаются математические дисциплины, являющиеся самыми абстрактными и простыми (*simplicia*) среди наук, и политические дисциплины, которые являются наиболее конкретными и сложными науками. Как мы уже сказали, вообще невозможно к многообразной материи успешно применить единообразный метод. Поэтому точно так же, как мы приняли частные виды топики в открытиях, мы в какой-то степени хотим применять частные методы и при изложении материала науки. Это различие метода требует обдуманного подхода к изложению знаний. Оно определяется наличием тех или иных сведений и представлений о предмете преподавания в умах учащихся. Ведь по-разному следует преподавать науку, которая является совершенно новой

и незнакомой для слушателей, и науку, которая оказывается близкой и родственной уже воспринятым и усвоенным представлениям. Поэтому-то Аристотель, желая упрекнуть Демокрита, в действительности хвалит его, говоря, что «если мы хотим рассуждать серьезно, то мы не должны стремиться к уподоблениям»¹⁵ и т. д., ставя в вину Демокриту то, что он слишком злоупотребляет сравнениями. Но ведь тем, чьи доказательства основаны на общеизвестных положениях, не остается ничего другого, как рассуждать и логически подтверждать свои выводы. Наоборот, тем, чьи взгляды выходят за пределы общеизвестных истин, приходится выполнять двойную работу: во-первых, необходимо добиться понимания того, что они утверждают, а во-вторых, доказать истинность этих утверждений; таким образом, им по необходимости приходится прибегать к помощи сравнений и метафор для того, чтобы их мысли стали доступны человеческому восприятию. Именно поэтому мы видим, что в эпохи менее образованные, в период младенчества наук, когда те понятия, которые теперь стали уже общеизвестными и банальными, были еще необычными и неслыханными, на каждом шагу употреблялись метафоры и сравнения. А иначе все новые мысли либо, не встретив должного внимания, остались бы незамеченными, либо были бы отброшены как парадоксальные. Ведь существует своего рода правило искусства изложения, на основании которого «всякое знание, не совпадающее с предшествующими представлениями, должно искать себе опору в аналогиях и сравнениях»¹⁶.

Вот что следовало сказать о различиях в методах, которые до сих пор не были отмечены другими исследователями. Что касается остальных методов — аналитического, систатического, диалектического, а также криптоического, гомерического¹⁷ и т. п., то они совершенно правильно установлены и распределены, так что, как мне кажется, нет никакой нужды задерживаться на них.

Таковы разновидности метода. Частей же у метода две: первая часть касается архитектоники всего труда, т. е. содержания какой-либо книги, вторая — ограничения предложений. Ведь искусство архитектуры занимается не только строением всего здания в целом, но и формой колонн, балок и т. п. Метод же — это своеобразная архитектура науки, в этом отношении Рамус скорее за-

служивает благодарности за то, что он восстановил великоленные старинные правила (kathóloy prôton, katà panthòs, kath'auto¹⁸ и т. д.), нежели за свой единственный метод и дихотомии. Однако неизвестно почему (как это часто изображают поэты) всегда самое драгоценное, что существует у людей, поручается самым опасным и ненадежным сторожам. И действительно, попытка Рамуса тщательно обработать предложения привела его ко всем этим эпитомам и посадила его на мель в науке. Ведь нужны поистине счастливые предзнаменования и покровительство какого-нибудь доброго гения тому, кто попытается сделать научные аксиомы обратимыми, не превращая их в то же время в круговые или обращающиеся в самих же себя. Тем не менее я не отрицаю того, что попытка, предпринятая Рамусом в этой области, была несомненно полезной.

Остаются еще два вида ограничения предложений (помимо того, что предложения становятся обратимыми): один из них касается расширения, другой — продления предложений. Действительно, при правильном взгляде на вещи мы заметим, что наука помимо глубины обладает еще двумя другими измерениями, а именно шириной и длиной. Глубина характеризует истинность и реальность той или иной науки, а именно определяет ее основательность. Что же касается двух остальных измерений, то ширина может быть постигнута и измерена при сопоставлении одной науки с другой, длина же рассматривается как расстояние от самого высшего до самого низшего предложения одной и той же науки. Первая включает в себя установление истинных пределов и границ каждой науки для того, чтобы научные положения рассматривались в соответствующих областях науки, а не беспорядочно и чтобы можно было избежать повторений, отступлений и, наконец, вообще всякого смешения. Вторая устанавливает критерий, помогающий решить, до какого предела, до какой степени подробности следует выводить положения данной науки. Вне всякого сомнения, следует что-то оставить и на долю испытания и практики, ибо нужно избегать ошибок Антонина Пия, не превращаясь в науке в людей, разрезающих тминное зерно, и не увеличивая до бесконечности число подразделений. Поэтому вполне заслуживает рассмотрения то,

в какой степени мы сами соблюдаем надлежащую меру в этом отношении. Ведь мы знаем, что слишком общие положения (если только они не подвергаются дедукции) дают слишком малую информацию; более того, они даже делают науку объектом насмешек со стороны практиков, потому что приносят так же мало пользы в практической деятельности, как всеобщая география Ортелия для поездки из Лондона в Йорк. Поистине нельзя отказать в меткости сравнению прекрасных правил с металлическими зеркалами, в которых вообще-то можно увидеть изображения, но только после того, как они будут отполированы. Точно так же правила и наставления оказываются полезными лишь после того, как они подверглись испытанию на практике. Однако если бы уже с самого начала эти правила могли оказаться прозрачными, так сказать хрустальными, то это было бы лучше всего, поскольку в таком случае не было бы необходимости в тщательной практической проверке. Но о науке, изучающей метод и названной нами мудростью сообщения, сказано достаточно.

Однако не следует обходить молчанием и то, что некоторые скорее чванливые, чем ученые, люди немало усилий потратили на создание некоего метода, который в действительности не имеет никакого права называться законным; это по существу метод обмана, который тем не менее оказывается весьма привлекательным для некоторых суетных людей. Этот метод как бы разбрызгивает капельки какой-нибудь науки так, что любой, нахватавшийся верхушек знаний, может производить впечатление на других некоей видимостью эрудиции. Таково было искусство Луллия¹⁹, такова же и созданная некоторыми писателями типокосмия; все эти методы представляют собой не что иное, как беспорядочную грудку терминов какой-нибудь науки, дающую, однако, возможность всякому владеющему этой терминологией казаться владеющим и самой этой наукой. Такого рода мешанина напоминает лавку старьевщика, где можно найти множество тряпья, но нельзя найти ничего, что имело бы хоть какую-нибудь ценность.

Глава III

Об основах и назначении риторики. Три приложения к риторике, относящиеся только к промптуарию; иллюстрации добра и зла, как простого, так и сложного. Анти-тезы. Малые формулы речи

Мы подошли к учению об иллюстрации изложения. Это учение называется риторикой, или ораторским искусством. Наука эта, замечательная уже сама по себе, великолепно разработана в трудах многих писателей. Конечно, если здраво оценивать вещи, то красноречие, вне всякого сомнения, уступает мудрости. Насколько последняя выше первого, мы видим из божественных слов, обращенных к Моисею, когда тот отказался от порученной ему миссии, ссылаясь на недостатки красноречия: «У тебя есть Аарон, он будет твоим вестником, ты же будешь ему богом»²⁰. Что же касается непосредственных плодов и популярности, то в этом отношении мудрость далеко уступает красноречию. Именно об этом говорит Соломон: «Мудрого сердцем назовут мудрецом, но сладкоречивый вития добьется большего»²¹, совершенно ясно давая понять, что мудростью можно снискать какую-то славу и восхищение, но в практической деятельности и повседневной жизни красноречие оказывается особенно полезным. Что же касается разработки этого искусства, то ревнивое отношение Аристотеля к риторам своего времени и страстное и пылкое стремление Цицерона всеми силами прославить это искусство в соединении с долгим практическим опытом в нем явились причиной того, что в своих книгах, посвященных ораторскому искусству, они буквально превзошли самих себя. Богатейшие же примеры этого искусства, которые мы встречаем в речах Демосфена и Цицерона, вместе со всесторонним и глубоким теоретическим анализом удвоили успехи риторики. Поэтому если в этой науке что-нибудь и нуждается, с нашей точки зрения, в дальнейшем развитии, то это касается скорее всякого рода сборников, которые, подобно слугам, должны всегда находиться неотступно при ней, а вовсе не теории и практики самого искусства. Ведь когда мы, говоря о логике, упомянули о необходимости создания определенного запаса общих мест, мы пообещали более подробно разъяснить этот вопрос в разделе риторики.

Однако, для того чтобы, по нашему обыкновению, немного взрыхлить почву вокруг корней этого искусства, примем за основание, что риторика в такой же мере подчинена воображению, как диалектика — интеллекту. Если вдуматься поглубже, то задача и функция риторики состоят прежде всего в том, чтобы указания разума передавать воображению для того, чтобы возбудить желание и волю. Ведь, как известно, руководящая роль разума может быть поколеблена и нарушена тремя способами: либо софистическими хитросплетениями, что относится к области диалектики, либо обманчивой двусмыслицей слов, что уже относится к риторике, либо, наконец, насильственным воздействием страстей, что относится к области этики. Ведь подобно тому как в отношениях с другими людьми мы можем поддаться хитрости или отступить перед грубостью и насилем, так и во внутренних взаимоотношениях с самим собой мы ошибаемся под влиянием обманчивых доказательств, приходим в беспокойство и волнение в результате постоянного воздействия впечатлений и наблюдений или нас может потрясти и увлечь бурный натиск страстей. Но человеческая природа отнюдь не устроена настолько неудачно, чтобы все эти искусства и способности лишь мешали деятельности разума и ни в какой мере не содействовали его укреплению и упрочению; наоборот, они в значительно большей степени предназначены именно для этой последней цели. Ведь целью диалектики является раскрытие формы доказательств, необходимой для защиты интеллекта, а не для обмана его. Точно так же цель этики состоит в том, чтобы так успокоить аффекты, дабы они служили разуму, а не воевали с ним. Наконец, цель риторики сводится к тому, чтобы заполнить воображение такими образами и представлениями, которые бы помогали деятельности разума, а не подавляли его. Ведь злоупотребления искусством возникают здесь лишь побочным образом, и их нужно избегать, а не пользоваться ими.

Поэтому Платон был в высшей степени неправ (хотя причиной этого было вполне заслуженное негодование против раторов его времени), когда он отнес риторику к развлекательным искусствам, говоря, что она подобна поварскому искусству, которое так же много портит полезной пищи, как много вредной делает съедобной благодаря применению всякого рода приправ и специй²².

Однако речь оратора не должна отдавать предпочтение желанию приукрасить мерзкие дела, вместо того чтобы превозносить доблестные деяния. А это происходит повсюду, ибо нет ни одного человека, чьи слова не были бы благороднее его чувств или поступков. Фукидид очень метко заметил, что именно нечто подобное обычно ставили в упрек Клеону, ибо тот, выступая постоянно в защиту несправедливого дела, придавал огромное значение красноречию и изяществу речи, прекрасно понимая, что не всякий может красиво говорить в защиту дела грязного и недостойного; о вещах же достойных любому человеку говорить очень легко²³. Платон весьма тонко заметил (хотя сейчас эти слова стали уже банальностью), что «если бы можно было воочию видеть добродетель, то она возбудила бы в людях неодолимую любовь к себе»²⁴. Но риторика как раз и рисует нам образ добродетели и блага, делая его почти зрительно ощутимым. Поскольку ни добродетель, ни благо не могут явиться чувственному восприятию в своем телесном обличьи, им не остается ничего другого, как предстать перед воображением в словесном облачении так живо, как это только возможно. И Цицерон имел полное основание смеяться над обычаем стоиков, считавших возможным с помощью кратких и метких сентенций и заключений возбудить добродетель в человеческой душе, а между тем все это не имеет никакого отношения к воображению и воле²⁵.

Далее, если бы сами аффекты были приведены в порядок и полностью подчинялись рассудку, то, безусловно, не было бы большой необходимости в убеждении или внушении, которые могли бы открыть доступ к разуму; но в таком случае было бы вполне достаточным простое и непосредственное знакомство с самими фактами. Однако в действительности аффекты устраивают такие смятения и волнения, да что там, поднимают такие бурные восстания — согласно известным словам:

...Желаю

Я одного, но другое твердит мне мой разум...²⁶

что разум полностью оказался бы у них в плену и рабстве, если бы красноречие не могло убедить воображение отрешиться от аффектов и заключить с разумом союз против них. Следует заметить, что сами аффекты постоянно стремятся к внешнему благу и в этом отношении

имеют нечто общее с разумом; разница лишь в том, что аффекты воспринимают главным образом непосредственное благо, разум же, способный видеть далеко вперед, воспринимает также и будущее благо, и высшее благо. Таким образом, поскольку непосредственное впечатление оказывает более сильное воздействие на воображение, то в этом случае разум обычно уступает и подчиняется ему. Когда же красноречие силой убеждения приближает к нам отдаленное будущее, делая его отчетливо видимым и ясным, как будто оно находится у нас перед глазами, тогда воображение переходит на сторону разума, и этот последний одерживает победу.

Итак, в заключение скажем, что не следует упрекать риторику за то, что она умеет представить в выгодном свете проигрышное дело, точно так же как не следует упрекать диалектику за то, что она учит нас строить софизмы. Кому не известно, что противоположности обладают одной и той же сущностью, хотя они и противопоставляются на практике? Кроме того, диалектика отличается от риторики не только тем, что, как обычно говорят, одна бьет кулаком, а другая — ладонью (т. е. одна действует более сжато, а другая — более распластанно), но и еще в значительно большей степени тем, что диалектика рассматривает разум в его природном качестве, тогда как риторика — в его ходячем употреблении. Поэтому Аристотель весьма разумно ставит риторику вместе с политикой между диалектикой и этикой, поскольку она включает в себя элементы и той и другой²⁷. Ведь доводы и доказательства диалектики являются общими для всех людей, тогда как доводы и средства убеждения, используемые в риторике, должны изменяться применительно к характеру аудитории; так что оратор должен уподобляться музыканту, приспособляющемуся к различным вкусам своих слушателей, ставясь

...Орфеем в лесах, меж дельфинов самим Арионом²⁸.

И эта приспособленность и вариация стиля речи (если иметь в виду желание достичь здесь высшего совершенства) должны быть развиты до такой степени, чтобы при необходимости говорить об одном и том же с различными людьми, для каждого уметь находить свои особые слова. Впрочем, как известно, великие ораторы в

большинстве случаев не интересуются этой стороной красноречия (т. е. политической и деловой стороной в частных речах) и, стремясь лишь к украшениям речи и изящным формулировкам, не заботятся о гибкости и приспособляемости стиля, о тех особенностях речи, которые бы помогли общению с каждым в отдельности. И конечно же, было бы целесообразно провести новое исследование этого вопроса, о котором мы сейчас говорим, дав ему название «мудрость частной речи» и отнеся к числу тех тем, которые требуют разработки. При этом не имеет большого значения, где будет рассматриваться эта тема — в риторике или в политике.

Скажем только о том, чего еще не хватает этой науке, хотя эти вопросы (как мы сказали выше) таковы, что их скорее следует рассматривать как своего рода дополнения, чем как органические части самой науки; все они имеют отношение прежде всего к промитуарию, т. е. к накоплению материала и средств выражения. Прежде всего я не вижу, чтобы кто-нибудь с успехом следовал примеру мудрой и тщательной работы Аристотеля в этом направлении или пытался дополнить ее. Ведь Аристотель начал собирать ходячие признаки, или иллюстрации, добра и зла, как простого, так и сложного, которые являются в сущности риторическими софизмами. Эти софизмы совершенно необходимы, особенно в деловой практике, т. е. в том, что мы назвали мудростью частной речи. Но труды Аристотеля, посвященные этим иллюстрациям²⁹, имеют три недостатка: во-первых, он рассматривает слишком незначительное число случаев, хотя их существует много; во-вторых, он не приводит их опровержений; в-третьих, он, как мне кажется, лишь отчасти знает, как их следует использовать. А использовать их можно в равной мере как для доказательства, так и для возбуждения и побуждения. Ведь существует множество форм словесного выражения, имеющих одно и то же содержание, однако по-разному действующих на слушателя. Действительно, намного сильнее ранит острое оружие, чем тупое, хотя на самый удар были затрачены одинаковые силы. И конечно же, нельзя найти человека, на которого бы не произвели большее впечатление слова: «Твои враги будут ликовать из-за этого»,

Ифак хочет того, и щедро заплатят Атриды³⁰,

чем слова: «Это повредит твоим делам». Поэтому-то ни в коем случае не следует пренебрегать этими, если можно так выразиться, «кинжалами и иглами» языка. А так как мы отнесли эту проблему к числу требующих дальнейшего развития, то, по нашему обыкновению, подкрепим ее с помощью примеров, так как предписания не смогут столь же прояснить существо этого предмета.

ПРИМЕРЫ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ДОБРА И ЗЛА, КАК ПРОСТОГО, ТАК И СЛОЖНОГО

Софизм I

То, что люди восхваляют и прославляют, — хорошо, то, что они порицают и осуждают, — плохо.

Опровержение

Этот софизм ложен с четырех точек зрения: он не учитывает возможного невежества, недобросовестности, партийной пристрастности и, наконец, самого склада характера тех, кто хвалит или осуждает. Что касается невежества, то какое имеет значение для определения добра и зла мнение толпы? Разве неправ был Фокион, который, видя, что народ приветствует его более горячо, чем обычно, спросил: «Может быть, я ненароком совершил ошибку?»³¹ Недобросовестность проявляется в том, что те, кто хвалит и осуждает, чаще всего преследуют при этом собственные интересы и не говорят того, что они в действительности чувствуют:

хвалит товар чересчур, лишь сбыть его с рук замышляя³².

И точно так же покупатель говорит: «Плохой, плохой товар, но, когда отойдет в сторону, будет хвастаться покупкой»³³. Если же говорить о влиянии партийной пристрастности, то ведь всякому прекрасно известно, что люди обычно без всякой меры превозносят сторонников своей партии и, наоборот, незаслуженно принижают своих противников. Наконец, влияние характера людей сказывается в том, что некоторые уже самой природой созданы склонными к рабской лести; другие же, наоборот, от природы насмешливы и злы; так что в своих похвалах и осуждениях люди повинуются только особенностям своего характера, весьма мало беспокоясь об истине.

Софизм II

То, что хвалят даже враги, — великое благо, а то, что порицают даже друзья, — великое зло.

Мне кажется, что софизм этот исходит из предпосылки, что слова, сказанные нами против воли вопреки нашим чувствам и склонностям, являются, как полагают, результатом силы истины, заставляющей нас произнести их.

Опровержение

Этот софизм ложен, ибо он не учитывает возможной хитрости как недругов наших, так и друзей. Ведь враги иной раз хвалят нас не вопреки своей воле и вовсе не отступая перед силой истины, а думая лишь о том, чтобы вызвать этими похвалами ненависть к нам и навлечь на нас какую-нибудь опасность. Поэтому у греков имел большое распространение предрассудок, что если кого-нибудь похвалят не от чистого сердца, а с намерением повредить ему, то у этого человека на носу выскакивает прыщ. Этот софизм ложен еще и потому, что враги иногда обращаются к похвалам как к некоему вступлению, для того чтобы потом свободнее и злее клеветать на нас. С другой стороны, этот софизм ложен еще и потому, что он не принимает во внимание возможной хитрости наших друзей. Ведь друзья иной раз признают наши недостатки и говорят о них совсем не потому, что их вынуждает поступать так сила истины; напротив, они выбирают такие недостатки, которые меньше всего способны принести вреда нашей репутации, чтобы показалось, что во всех остальных отношениях мы являемся замечательными людьми. Наконец, этот софизм ложен еще и потому, что друзья также прибегают к упрекам как к своего рода вступлениям (подобно тому, что говорилось о похвалах врагов) для того, чтобы затем свободнее и щедрее похвалить нас.

Софизм III

То, лишение чего есть благо, тем самым является злом, то, лишение чего есть зло, тем самым является благом.

Опровержение

Этот софизм ложен по двум соображениям: он не учитывает существования различных степеней добра и

зла, а также и того, что может существовать различная последовательность добра и зла. Что касается первого соображения, если для человеческого рода, допустим, было благом перестать употреблять в пищу желуди, то из этого отнюдь не следует, что сами по себе желуди плохи; просто желуди хороши, но хлеб еще лучше³⁴. Точно так же из того факта, что для народа Сиракуз было несчастьем лишиться Дионисия Старшего, не следует, что сам этот Дионисий был хорош; он был всего лишь не так плох, как Младший³⁵. Относительно же второго соображения можно сказать, что лишение какого-то блага дает место злу, но иногда ведет за собой большее благо, как например, когда опадает цветок, на его месте появляется плод. Точно так же и освобождение от какого-нибудь зла не всегда дает место благу, но иногда сменяется еще большим злом. Ведь когда Милон уничтожил своего врага Клодия, он тем самым погубил и основание, и источник своей славы³⁶.

Софизм IV

То, что соседствует с добром или злом, тем самым тоже является добром или злом; то же, что далеко от добра, есть зло, а то, что далеко от зла, — добро.

Это одно из свойств природы — располагать близко друг к другу явления и вещи, сходные по своей сущности; явления же, противоположные по своей природе, располагаются на определенном расстоянии друг от друга, потому что все радуется соединению с дружественным себе и освобождению от враждебного.

Опровержение

Этот софизм ложен по трем соображениям: он упускает из виду возможность а) лишения средств к существованию, б) затемнения одного предмета другим, в) помощи одного другому. Поясним это на примерах. Говоря о лишении средств к существованию, мы имеем в виду следующее: то, что является в своем роде самым значительным и самым выдающимся, привлекает к себе, насколько это возможно, все находящееся по соседству и почти лишает его возможности к существованию. Именно поэтому никогда нельзя встретить густой кустарник рядом с большими деревьями. Очень верно заметил кто-то:

«Рабы богача — самые жалкие рабы». Не менее удачно и проищеское замечание другого человека, сравнившего службу во дворцах правителей с кануном праздников — они вплотную приблизились к праздникам, но сами еще принадлежат посту. Под затемнением мы понимаем следующее: все выдающееся в своем роде обладает той особенностью, что, если даже оно не ослабляет и не лишает возможности существования находящееся рядом с ним, оно все же затемняет его и оставляет в тени. Эту особенность астрономы отмечают и в отношении Солнца: хотя оно с виду представляется хорошим, при приближении и соединении оказывается плохим. Наконец, о помощи одного другому: дело в том, что вещи сближаются и соединяются не только благодаря общности и природному сходству, но весьма часто (особенно в гражданских делах) зло прибегает к помощи добра, чтобы спрятаться за ним и укрыться под его покровительством. Поэтому преступники ищут убежища в храмах богов и сам порок скрывается в тени добродетели:

Часто таится порок в близком соседстве с добром³⁷.

Наоборот, и добро порой соединяется со злом не благодаря их общности, но для того, чтобы изменить его и обратить в благо. Поэтому врачи чаще приходят к больным, чем к здоровым, а Спасителя нашего упрекали в том, что он беседовал с откупщиками и грешниками.

Софизм V

Та партия или группа, которой остальные группы единодушно присуждают второе место (так как каждая из них первое место отводит себе), по-видимому, является лучшей, чем все остальные: ведь первое место каждая из них берет себе из честолюбия, второе же присуждает, оценивая действительные заслуги этой группы.

Именно так рассуждает Цицерон, доказывая, что школа академиков, защищающая принципы акаталепсии, была лучшей философской школой. «Спроси стоика, — говорит он, — какая философская школа является лучшей, и он поставит свою школу выше остальных, а затем спроси его, какой школе принадлежит второе место, и он назовет школу академиков. Задай такие же вопросы эпикурейцу (который не может вывести даже самого вида стоика), и он,

поместив свою школу на первое место, второе место отдаст академикам»³⁸. Точно так же если государь спросит каждого из соискателей на какую-нибудь вакантную должность, кого бы они рекомендовали на это место после себя, то весьма вероятно, что их мнения сойдутся на том из них, кто более всего достоин и заслуживает в первую очередь этого места.

Опровержение

Этот софизм ложен, ибо он не учитывает влияния зависти. Ведь люди обычно ставят непосредственно после себя и своей партии и выражают свои симпатии той группе, которая среди остальных отличается своей слабостью и робостью и которая тем самым приносит им как можно меньше неприятностей; они делают это из желания вызвать ненависть к тем, кто первым допустил вышады против них и причинил им неприятности.

Софизм VI

Если самая замечательная и выдающаяся часть какого-то целого превосходит такую же часть другого целого, то и в целом первое сохраняет превосходство.

Сюда же относятся известные формулы: «Не будем блуждать в общих определениях. Сравним какой-нибудь частный факт с другим частным фактом» и т. п.

Опровержение

Этот софизм представляется достаточно убедительным и носит скорее диалектический, чем риторический характер. Но все же он иногда может ввести в заблуждение. Прежде всего потому, что существует немало вещей весьма непрочных, которые тем не менее, если им удастся избежать грозившей им опасности, превосходят все остальные; и, таким образом, будучи в родовом отношении худшими, ибо они чаще подвергаются опасности и гибнут, в отдельных случаях оказываются более сильными и замечательными. К числу таких вещей принадлежит, например, мартовская почка, о которой французская пословица говорит: «Парижский мальчишка и мартовская почка: если они выживут, то стоят десяти других». Иначе говоря, в родовом отношении майская почка пре-

восходит мартовскую, однако в отдельных случаях лучшая мартовская почка превосходит лучшую майскую. Во-вторых, этот софизм ложен еще и потому, что природа проявляет себя в некоторых родах и видах более равномерно, а в других — менее равномерно, например можно заметить, что в более теплом климате, как правило, рождаются более одаренные люди, но, с другой стороны, талантливые люди, родившиеся на севере, превосходят своими дарованиями самые выдающиеся таланты южных стран. Подобным же образом в многочисленных военных столкновениях, если бы дело решалось поединком между отдельными воинами, то победа, возможно, досталась бы одной стороне, а если в бой вступают все войска, то победа может оказаться на другой стороне. Ведь все выдающееся и исключительное зависит от случая, роды же подчиняются порядку, установленному самой природой. Более того, в родовом отношении металл дороже камня, но ведь алмаз драгоценнее золота.

Софизм VII

То, что содействует сохранению вещи, — благо; отсутствие путей к отступлению — зло, ибо не иметь возможности отступить — это род бессилия; сила же — это благо.

В связи с этим вспоминается басня Эзопа о двух лягушках, которые во время страшной засухи, когда нигде не было воды, стали раздумывать о том, что же им делать. Первая сказала: «Спустимся в глубокий колодец, ведь невероятно, чтобы там не было воды». Вторая же так возразила ей: «Ну, а если там вдруг не окажется воды, каким образом мы сможем выбраться оттуда?» Этот софизм основан на убеждении, что действия человеческие настолько ненадежны и опасны, что лучшим представляется то, что дает наибольшие возможности для бегства. Сюда относятся распространенные формулы: «Ты окажешься совершенно связанным»; «Ты возьмешь у судьбы не столько, сколько захочешь» и т. д.

Опровержение

Этот софизм ложен прежде всего потому, что в человеческих действиях судьба требует всегда какого-то определенного решения. Ведь, как тонко заметил кто-то, «даже

ничего не решать — это уже решать что-то», так что весьма часто отказ от определенного решения ставит перед нами больше проблем, чем если бы мы приняли какое-то решение. Эта своеобразная болезнь ума весьма похожа на ту, которую мы встречаем у скупых людей, только в данном случае речь идет не о страсти сохранять в неприкосновенности свои богатства, а о страсти сохранять право и возможность выбора. Действительно, скупой не желает пользоваться своим богатством, чтобы ничего не брать из него; точно так же и подобного рода скептик не желает ничего предпринимать, чтобы все его духовное достойнее осталось в неприкосновенности. Во-вторых, этот софизм ложен и потому, что он не учитывает того, что необходимость и то, что выражается словами «Жребий брошен», придают людям решительность; как сказал кто-то: «В остальном вы равны с врагами, но вы превосходите их, потому что у вас нет выхода»³⁹.

Софизм VIII

Несчастье, которое человек навлекает на себя по собственной вине, является большим злом, чем то, которое обрушивается на нас со стороны.

Причина этого явления состоит в том, что сознание собственной вины удваивает страдание; наоборот, сознание того, что за тобой нет никакой вины, дает великое утешение в несчастьи. Поэтому-то поэты и стараются всячески выделить как особенно близкие к отчаянию такие страсти, когда обвиняют самого себя и страдают от сознания своей вины:

Провозглашает себя преступной виновницей бедствий⁴⁰.

Наоборот, сознание невинности и исполненного долга облегчает и ослабляет несчастья выдающихся людей. Кроме того, когда несчастье исходит от других, каждый имеет возможность свободно жаловаться на свое горе, и это облегчает душевную боль, освобождая сердце от щемящей тоски. Ведь мы всегда негодуем на то, что является результатом людской несправедливости, мечтаем о мщении или, наконец, умоляем о божественном возмездии либо ждем его; более того, если даже это удар самой судьбы, существует все же какая-то возможность пожаловаться на наш рок:

Всех — и богов, и светила жестокие мать призывала⁴¹.

Наоборот, когда человек по собственной вине навлек на себя какое-то несчастье, острие страдания направляется внутрь и еще сильнее ранит и пронзает душу.

Опровержение

Этот софизм ложен прежде всего потому, что он забывает о надежде, этом великом лекарстве от страданий. Ведь исправление вины очень часто может зависеть от нас самих, тогда как не в нашей власти отвести от себя удары судьбы. Поэтому Демосфен не раз обращался к своим согражданам со следующими словами: «То, что в прошлом было очень плохим, для будущего окажется наилучшим. Но что же это такое? А это как раз то, что из-за вашей бездеятельности и по вашей вине ваши дела идут так плохо. Ибо, если бы вы полностью исполнили свой долг и, несмотря на это, положение ваше было таким же тяжелым, как и теперь, у вас не было бы даже надежды на то, что когда-нибудь в будущем оно улучшится. Но так как главной причиной ваших несчастий были ваши же собственные ошибки, то во всяком случае следует верить, что, исправив их, вы обретете вновь вашу былую славу»⁴². Подобным же образом Эпиктет, говоря о степенях спокойствия души, самое последнее место отводит тем, кто обвиняет других; более высоко он ставит тех, кто обвиняет самих себя; на высшую же ступень он помещает тех, кто не винит ни других, ни самих себя⁴³. Во-вторых, этот софизм ложен и потому, что он забывает о присущей человеческой душе гордыне, из-за которой люди с большим трудом сознаются в собственных заблуждениях. Чтобы избежать такого признания, люди проявляют весьма значительную выдержку в тех несчастьях, которые они навлекли на себя по своей собственной вине. Ведь люди, которые безгранично возмущаются и негодуют, когда совершено какое-то преступление и еще неизвестно, кто его совершил, тотчас же умеряют свое негодование и умолкают, если потом обнаружится, что виновником его является сын, жена или кто-нибудь из близких; так же происходит и тогда, когда случается нечто такое, из-за чего мы вынуждены принять вину на самих себя. Это особенно часто можно заметить среди женщин: если их постигла какая-то неудача (а они действовали против воли родителей и друзей),

то они будут тщательно скрывать любое несчастье, которое явилось результатом их опрометчивых поступков.

Софизм IX

Степень лишения представляется чем-то бóльшим, чем степень уменьшения, и опять-таки степень начинания представляется чем-то бóльшим, чем степень приращения.

Существует математическое правило: нет никакого отношения между ничем и чем-то. Таким образом, степень отсутствия и присутствия представляется большей, чем степени увеличения и уменьшения. Например, для одноглазого человека тяжелее потерять один глаз, чем для человека, имеющего оба глаза; точно так же человеку, имеющему много детей, будет значительно тяжелее потерять последнего оставшегося сына, чем до этого всех остальных. Поэтому и Сивилла, после того как сожгла две первые книги, цену третьей увеличила вдвое⁴⁴, потому что потеря этой третьей книги была бы степенью лишения, а не уменьшения.

Опровержение

Софизм этот ложен прежде всего потому, что он забывает о тех случаях, когда польза какой-то вещи зависит от ее достаточности, т. е. определенного количества. Ведь если кто-то будет обязан под страхом наказания заплатить к определенному сроку какую-то денежную сумму, то ему будет тяжелее, если не хватит единственного золотого, чем, если при условии, что этот единственный золотой он не сможет добыть, ему будет нехватать еще десяти золотых. Точно так же когда кто-то растрчивает свое состояние, то для него опаснее тот первый долг, который пробил первую брешь в его имуществе, чем последний, который привел его в конце концов к разорению. Здесь вспоминаются общераспространенные формулы: «Поздно проявлять бережливость, когда вино осталось на дне»⁴⁵; «Нет никакой разницы, не иметь решительно ничего или иметь то, от чего тебе нет никакой пользы» и т. д. Во-вторых, этот софизм ложен еще и потому, что он забывает о важнейшем принципе природы: «Ущточжение одного есть рождение другого»⁴⁶. Из этого

принципа вытекает, что иногда сама степень полного лишения приносит не так много вреда, потому что дает человеку повод и стимул к поискам новых решений. Именно поэтому так часто жалуется Демосфен перед своими согражданами, говоря, что «те невыгодные и позорные условия, которые они приняли от Филиппа, являются в сущности почвой для их малодушия и бездеятельности; лучше бы они вообще лишились всех средств к существованию, ибо в таком случае они вынуждены были бы проявить какую-то энергию в поисках средств спасения»⁴⁷. Я знал одного врача, который, когда к нему обращались с жалобами на недомогание изнеженные дамы, отказывавшиеся однако от всех лекарств, обычно не без остроумия, но достаточно резко говорил им: «Вам нужно заболеть посерьезнее, тогда-то уже вы примете любое лекарство». Более того, сама степень лишения, т. е. крайней нужды, может оказаться полезной для пробуждения не только энергии, но и терпения.

Что же касается второй части этого софизма, то она опирается на то же основание, что и первая, т. е. речь идет о степенях присутствия и отсутствия. Исходя из этого так много говорят о начале дела:

Тот уж полдела свершил, кто начал...

Отсюда же вытекает и предрассудок астрологов, выносящих суждение о характере и судьбе человека на основании момента его рождения или зачатия.

Опровержение

Этот софизм ложен прежде всего потому, что, как известно, в некоторых случаях начало есть не что иное, как то, что Эпикур называет в своей философии попытками⁴⁹, т. е. какими-то первыми опытами, которые не имеют никакого значения, если не будут повторены или продолжены. Поэтому в данном случае вторая ступень представляется более важной и более значительной, чем первая, подобно тому как в упряжке цугом последний конь сильнее тянет повозку, чем первый. Точно так же весьма метко говорится: «Ответная брань — причина драки». Ведь первое оскорбление могло бы остаться без последствий, если на него не ответить такой же бранью. Во-вторых, этот софизм ложен еще и потому, что он не

обращает внимания на значение настойчивости в действиях, которая особенно нужна для продолжения дела, а не для его начинания. Ведь первый порыв, может быть, порожден случайностью или самой природой, но только зрелое чувство и здравое суждение приводят к твердости. В-третьих, этот софизм ложен еще и потому, что он упускает из виду те явления, природа которых и обычное направление развития противоположны направлению начатого дела, так что первое начинание постоянно кончалось бы ничем, если бы и далее не прилагались усилия. Это как раз то, о чем говорится в известных пословицах: «не идти вперед, значит идти назад», «кто не выиграет, тот проиграет». То же самое происходит при подъеме на гору или когда приходится грести против течения. Наоборот, если идти под гору или грести по течению, то начало действия имеет гораздо более важное значение. Далее, этот пример распространяется не только на ступень начинания, т. е. перехода от возможности к действию в сравнении с переходом от действия к росту, но и на переход от невозможности к возможности в сравнении с переходом от возможности к действию. Ибо переход от невозможного к возможному кажется более важным, чем от возможного к действительному.

Софизм X

Истина важнее мнения. Действие, вызванное чужим мнением, можно обозначить как то, чего бы человек не стал делать, если бы считал, что это останется неизвестным.

Эпикурейцы, говоря о концепции счастья стоиков, которое те видели в добродетели, считают его подобным счастьем актера на сцене: ведь если актер не встречает одобрения публики, он тотчас же приходит в уныние. Поэтому они в насмешку называют его театральным благом. Иначе обстоит дело с богатством, о котором поэт сказал:

«Пусть их освищут меня», говорит, «но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе как хочу...»⁵⁰

Точно так же говорится и о наслаждении:

...скрывая в глубине радость,
На лице же выражая притворную стыдливость⁵¹.

Этот софизм несколько тоньше остальных, хотя ответить на приведенный пример сравнительно легко. Ведь добродетель избирают не только под влиянием общественного мнения, но и потому, что существует известный принцип: «Каждый должен больше всего стыдиться самого себя»⁵². Так что порядочный человек останется одним и тем же как наедине с собой, так и на глазах у людей, хотя, пожалуй, добродетель все же в какой-то мере усиливается благодаря похвалам, подобно тому как тепло усиливается отражением. Но все это лишь отрицает предположение, но не раскрывает ложности самого софизма. Опровержение же его таково. Даже если предположить, что люди избирают добродетель (особенно ту, которая проявляется в трудностях и конфликтах) лишь потому, что за ней обычно следуют восхваления и слава, то из этого вовсе не вытекает, что к добродетели не стремятся прежде всего ради нее самой. Ибо стремление к славе может быть лишь побудительной причиной или *sine qua non*, но ни в коем случае не может быть действующей или устанавливающей (*constituans*) причиной. Например, если из двух коней один, не нуждаясь в шпорах, вполне прилично выполняет все, что от него требуют, а другой, если его пришпорить, намного превосходит первого, то я полагаю, что именно этот последний одержит победу и будет признан лучшим конем. И ни на кого, кто находится в здравом рассудке, не произведут никакого впечатления слова: «Уберите прочь этого коня, ибо все его достоинства зависят от шпор». Ведь поскольку шпоры — это обычное орудие всадника, не приносящее ему никаких неудобств и неприятностей, то не следует умалять достоинства коня, нуждающегося в шпорах; точно так же как и конь, который, не нуждаясь в шпорах, оказывается удивительно послушным, становится тем самым не лучше первого, но лишь более приятным. Подобным же образом слава и уважение служат своего рода шпорами для добродетели; и хотя без них добродетель проявила бы себя несколько слабее, однако, поскольку они всегда сопровождают ее, даже если их и не приглашают, ничто не мешает тому, чтобы к добродетели также стремились и ради нее самой. Таким образом, можно с полным основанием опровергнуть выше-

приведенное положение: «Указанием на то, что действие совершается под влиянием общественного мнения, а не по требованию добродетели, служит то, что человек не совершил бы этого поступка, если бы считал, что он останется неизвестным».

Софизм XI

То, что добыто нашими усилиями и трудом, является бóльшим благом по сравнению с тем, что является результатом чужого благодеяния или милости судьбы.

Этот софизм строится на следующих основаниях: во-первых, это надежда на будущее. Дело в том, что не всегда можно быть уверенным в чужой милости или в благосклонности судьбы; собственная же энергия и способности всегда при нас, и после того, как мы с их помощью достигнем какого-то результата, в нашем распоряжении остаются те же самые орудия, готовые к новым свершениям, только, пожалуй, ставшие еще более надежными в результате приобретенного нами навыка и успеха в их использовании. Во-вторых, известно, что, когда мы получаем что-то благодаря чужому благодеянию, мы становимся обязанными за это благо другим людям, тогда как то, что мы добываем собственными силами, не несет с собой никакой тягостной для нас обязанности. Даже если божественное милосердие исподлет нам свою милость, то она требует какого-то воздаяния за божественную благодать, что весьма неприятно людям дурным и нечестным, тогда как в первом случае происходит то, о чем говорит пророк: «Ликуют и радуются, поклоняются сетям своим, приносят жертвы силкам своим и тенетам»⁵³. В-третьих, известно, что то, что добыто нашими собственными усилиями, не несет с собой славы и уважения. Ведь счастье вызывает известное восхищение, но еще не похвалу. Как говорит Цицерон, обращаясь к Цезарю: «У нас есть, чему удивиться, но мы ждем того, что можно похвалить»⁵⁴. В-четвертых, то, что добыто собственными усилиями, почти всегда требует большого труда и энергии, что уже само по себе доставляет людям какое-то наслаждение; как говорит Соломон: «Сладка пища, добытая охотой».

Существуют четыре противоположных довода, которые приводят к противоположным выводам и могут выступать как своего рода опровержения вышеприведенных положений. Прежде всего счастье представляется людям неким знаком и доказательством божественного благоволения и потому порождает в нас самих чувство уверенности и бодрости, в остальных же людях оно вызывает чувство уважения и почтения к счастливцу. Но счастье включает в себя и случайности, к которым добродетель не имеет почти никакого отношения. Например, Цезарь, желая поднять дух кормчего корабля, на котором он плыл, сказал: «Ты везешь Цезаря и его счастье»⁵⁵. Потому что, если бы он сказал: «Ты везешь Цезаря и его добродетель», это было бы совсем неважно для человека, захваченного страшной бурей, и никак не могло бы успокоить его. Во-вторых, все то, что исходит от наших собственных достоинств и энергии, может явиться объектом подражания и тем самым доступно другим людям, тогда как счастьем нельзя подражать и оно составляет неотъемлемую собственность отдельного человека. Поэтому-то, как известно, вообще все естественное ставится выше искусственного, ибо оно исключает возможность всякого подражания. То же, что доступно подражанию, тем самым оказывается общедоступным. В-третьих, блага, доставшиеся нам благодаря счастью, представляются дарами, а не благами, купленными трудом; наоборот, то, что добыто нашими собственными усилиями, можно сравнить с тем, что куплено за определенную плату. Поэтому очень тонкое наблюдение высказывает Плутарх, говоря о деяниях Тимолеонта, человека исключительно счастливого, и сравнивая их с деяниями Агесилая и Эпамипонда, живших с ним в одно время: «Деяния его были подобны песням Гомера, которые при всем их совершенстве кажутся текущими свободно, без всяких усилий и свидетельствуют о гении их творца»⁵⁶. В-четвертых, известно, что все неожиданное, случившееся вопреки нашим ожиданиям, приятнее людям и доставляет им больше наслаждения. Но это ни в коей мере не выпадает на долю того, что добыто собственными усилиями и стараниями.

То, что состоит из большего числа делимых частей, больше того, что состоит из меньшего числа частей и обладает бóльшим единством, ибо все рассматриваемое по частям кажется бóльшим. Поэтому множественность частей несет в себе представление о большой величине. Но множественность частей производит еще более сильное впечатление, если отсутствует порядок, потому что беспорядочность создает впечатление беспечности и мешает восприятию явления.

Ложность софизма обнаруживается уже с первого взгляда и как бы осязаема, так как впечатление о большей величине целого может определяться не только числом частей, но и их размером. Однако этот софизм довольно часто силой увлекает за собой воображение и даже покушается на чувственное восприятие. Ведь дорога, проходящая по равнине, на которой не встречается ни одного предмета, способного привлечь взор, кажется нашему взгляду короче такой же дороги, проходящей по местности, на которой можно увидеть деревья, здания или еще что-нибудь, что дает возможность измерять промежутки пути и делить весь путь на части. Точно так же богатому человеку представляется, что он стал еще богаче после того, как он разложит свои богатства по сундукам и мешкам и расставит их перед собой. В создании впечатления о величине предмета немалую роль играет разделение предмета на большее число частей и рассмотрение каждой из них в отдельности. Но все это производит еще большее впечатление на воображение, если происходит беспорядочно и хаотически, потому что беспорядочное смешение вещей порождает представление об их обилии. Ведь то, что демонстрируется и предлагается нам в определенном порядке, с одной стороны, свидетельствует об ограниченной численности, а с другой — дает надежное доказательство того, что ничто не было упущено. Наоборот, то, что является перед нами в хаотическом состоянии, не только считается обильным, но и оставляет возможность предположить, что существует еще множество вещей, которые остались без внимания.

Софизм этот ложен прежде всего в том пункте, где речь идет о формировании в сознании представления о большей величине какой-нибудь вещи, чем та, которой в действительности эта вещь обладает. Ведь в таком случае разделение на части разрушает это представление и показывает нам вещь в ее истинном объеме, освобождая от ложного преувеличения. Так, если человек тяжело болен или испытывает какое-то горе, то при отсутствии часов время будет казаться ему значительно длиннее, чем в том случае, когда он имел бы возможность измерять его. Ибо если из-за душевных мук и страданий, причиняемых болезнью, время кажется нам длиннее, чем оно есть в действительности, то, с другой стороны, счет времени исправляет это заблуждение и делает его короче, чем то, которое возникало в первоначальном обманчивом представлении. Точно так же и на равнине иной раз происходит нечто противоположное тому, о чем говорилось выше. Дело в том, что хотя первоначально наше зрение воспринимает дорогу как более короткую, потому что она ничем не разделена на части, однако если на этом основании у нас возникает идея о том, что упомянутое расстояние короче, чем оно есть на самом деле, то, как только мы убедимся в ложности этого, дорога покажется нам в конце концов еще более длинной, чем она есть в действительности. Поэтому тот, кто стремится поддержать ложное представление о значительных размерах какой-нибудь вещи, должен избегать всякого ее деления и, наоборот, стараться показать ее в целом виде. Этот софизм ложен, во-вторых, и потому, что он не учитывает возможности такого разделения предмета, при котором его части оказываются совершенно разрозненными и не могут поэтому одновременно явиться нашему взору. Ведь если рассадить цветы в каком-нибудь саду по многим клумбам, то будет казаться, что их гораздо больше, чем если бы они росли все вместе на одной, причем наш взгляд мог бы охватить сразу все клумбы; ведь в противном случае единство окажется сильнее разрозненного расчленения. Точно так же те люди кажутся нам более богатыми, чьи земли и владения расположены по соседству или объединены в одно целое. Ведь если бы они были разбросаны в разных местах,

их было бы весьма трудно охватить одним взором. Этот софизм ложен, в-третьих, потому, что он не учитывает того, что единое может иметь более важное назначение, чем многое. Ведь всякое соединение является очевиднейшим признаком недостаточности каждой отдельной вещи, когда, как говорят,

и все бессильное врозь силу в единстве найдет⁵⁷.

Поэтому Мария оказывается правой: «Марфа! Марфа! Ты заботишься о многом, а одно только нужно»⁵⁸. Об этом же говорит известная басня Эзопа о лисице и кошке. Лисица хвасталась тем, как много у нее средств и уловок, чтобы спастись от собак; кошка же сказала, что она надеется только на одно-единственное средство, а именно на свою способность лазить по деревьям; однако же это средство оказалось намного надежнее всех тех, которыми хвасталась лиса. Отсюда пословица: «Лисица знает многое, а кошка — одно, но важное»⁵⁹. Да, моральное значение этой басни аналогично этому выводу: ведь намного надежнее полагаться на одного могучего и верного друга, чем на множество всякого рода уловок и хитростей.

Приведенных нами примеров вполне достаточно. У меня в запасе есть еще много подобного рода иллюстраций, которые я в свое время собрал еще в юношеские годы, но, к сожалению, еще не отделанных и не имеющих своих опровержений; привести все это в порядок в настоящее время у меня нет времени. Приводить же здесь одни эти примеры без соответствующих разъяснений (тем более что все предыдущие сопровождалось ими) мне представляется совершенно нецелесообразным. Между тем мне бы хотелось только дать понять, что эта работа, как бы она ни была выполнена, обладает, на мой взгляд, весьма значительной ценностью, поскольку имеет отношение и к первой философии, и к политике, и к риторике. Но о ходячих иллюстрациях кажущегося добра и зла сказано достаточно.

Второе собрание, имеющее отношение к промπτуарию и до сих пор еще не созданное, представляет собой как раз такой сборник, который имеет в виду Цицерон (как мы уже упоминали выше, в разделе логики⁶⁰), требуя всегда иметь наготове общие места, уже заранее обдуманные и отработанные, которые можно было бы использовать как аргументы и «за», и «против», например

аргументы в защиту буквы закона и аргументы в защиту духа закона и т. д. Нам же хочется распространить сферу их применения на другие области и использовать эти общие места не только в юридической практике, но и во всякого рода рассуждениях и спорах. Вообще мы хотим, чтобы все общие места, которые особенно часто употребляются (и для доказательства или опровержения, и для убеждения в истинности или ложности какого-то мнения, и для восхваления или порицания чего-либо), были заранее обдуманы и находились в нашем распоряжении и чтобы мы всеми силами нашего ума, даже несколько нечестно и вопреки истине, старались отстоять либо опровергнуть эти тезисы. Мы считаем, что для лучшего пользования таким сборником (да и для того, чтобы объем его не был слишком велик) будет самым лучшим, если все эти общие места будут выражены в коротких и острых сентенциях, подобно своего рода клубкам, из которых можно вытянуть нитку любой длины в зависимости от требований обстоятельств. Подобного рода работа проделана Сенекой⁶¹, но только в отношении гипотез или отдельных случаев. Располагая большим числом такого рода общих мест, мы решили привести здесь некоторые из них в качестве примера. Мы называем их «антитезы вещей».

ПРИМЕРЫ АНТИТЕЗ

І. Знатность

За

Те, кому от рождения присуща доблесть, не столько не хотят, сколько не могут быть дурными.

Знатность — это лавровый венок, которым время венчает людей.

Даже в мертвых памятниках мы уважаем древность; насколько же сильнее мы должны уважать ее в живых?

Если презирать знатность семейств, то в чем же в конце концов проявится различие между родом человеческим и животными?

Знатность освобождает доблесть от зависти и делает ее предметом благодарности.

Против

Знатность редко является результатом доблести; доблесть же результатом знатности еще реже.

Знать чаще ссылается на предков, чтобы их именем снискать прощение за свои ошибки, чем для того, чтобы при их поддержке занять почетное положение.

Энергия простых людей обычно так велика, что в сравнении с ними знатные кажутся похожими на манекены.

Знатные слишком часто оборачиваются назад во время бега, а это — признак плохого бегуна.

II. Красота

За

Некрасивые обычно мстят за свою природу.

Добродетель есть не что иное, как внутренняя красота, красота же — не что иное, как внешняя добродетель.

Некрасивые люди всегда стремятся защитить себя от презрения злостью.

Красота заставляет сверкать добродетели и краснеть пороки.

Против

Добродетель, как драгоценный камень, заметнее, если вокруг меньше золота и прикрас.

Роскошная одежда прикрывает уродство, красота прикрывает подлость.

Как правило, легкомысленны в равной мере и те, кого красота украшает, и те, на кого она производит впечатление.

III. Молодость

За

Первые помыслы и стремления юности несут в себе нечто от божественной природы.

Старики больше заботятся о самих себе, значительно меньше — о других и о государстве.

Если бы можно было это увидеть, то мы убедились бы, что старость сильнее уродует душу, чем тело.

Старики боятся всего, кроме богов.

Против

Молодость — поприще раскаяния.

Молодости свойственно презрение к авторитету старости, поэтому каждый учится на собственном опыте.

Решения, к которым время не призывает, оно не утверждает.

Для стариков Венеры превращаются в Граций.

IV. Здоровье

За

Забота о здоровье унижает дух и подчиняет его телу.
Здоровое тело — хозяин души, больное — раб.

Ничто так не содействует успеху нашей деятельности, как крепкое здоровье; наоборот, слабое здоровье слишком мешает ей.

Против

Часто выздоравливать — часто молодеть.

На состояние здоровья ссылаются во всех случаях, даже здоровые прибегают к этому.

Здоровье слишком тесными узами привязывает душу к телу.

Даже прикованный к постели правил великим государством и с носилок командовал огромными армиями.

V. Жена и дети

За

Любовь к родине начинается с семьи.

Жена и дети учат человечности; холостяки же мрачны и суровы.

Безбрачие и бездетность способны лишь вызвать желание избавиться от них.

Тот, кто не имеет детей, приносит жертву смерти.

Счастливые во всем остальном обыкновенно оказываются несчастливыми в детях, иначе люди вполне уподоблялись бы богам.

Против

Тот, кто женился и произвел детей, тем самым дал заложников судьбе.

Рождение, дети — это человеческие понятия, создание и творения — божественные.

Бессмертие животных — в потомстве, человека же — в славе, заслугах и деяниях.

Семейные интересы часто заставляют пренебрегать государственными.

Некоторые завидуют судьбе Приама, пережившего всех своих близких⁶².

VI. Богатство

За

Богатство презирают лишь те, кто потерял надежду приобрести его.

Зависть к богатству сделала добродетель богиней.

Пока философы спорят, что является главным — добродетель или наслаждение, ищи средства обладать и тем, и другим.

Добродетель с помощью богатства становится всеобщим благом.

Остальные блага обладают властью лишь над отдельными провинциями, одно только богатство правит всем.

Против

Большое богатство можно охранять, расточать, прославлять, но оно не приносит никакой пользы.

Разве ты не видишь, что цену камням и другим подобным украшениям выдумали для того, чтобы можно было найти хоть какое-то применение большому богатству?

Многие, думая, что они смогут все купить за свои богатства, сами прежде всего продали себя.

Богатство не назовешь иначе, чем обозом добродетели, ибо оно и необходимо ей, и тягостно.

Богатство очень хорошо, когда оно служит нам, и очень плохо — когда повелевает нами.

VII. Почести

За

Почести — это знаки одобрения не только тиранов (как обычно говорят), но и божественного провидения.

Почести делают заметными и добродетели, и пороки, притом первые они развивают, вторые же обуздывают.

Никто не знает, как далеко продвинулся бы он на пути добродетели, если бы почести не раскрывали перед ним свободного поприща.

Добродетели, как и все остальное, торопятся к своему месту и успокаиваются, достигая его; место же добродетели — это почести.

Против

Стремясь к почестям, мы теряем свободу.

Почести дают нам власть над такими вещами, которых лучше всего не желать или на худой конец не мочь.

Трудно достижение почестей, ненадежно обладание ими, стремительна потеря.

Те, кто пользуется почетом, неизбежно должны разделять мнение толпы, для того чтобы считать самих себя счастливыми.

VIII. Власть

За

Наслаждаться счастьем — величайшее благо, обладать возможностью давать его другим — еще большее.

Царей можно сравнивать не с людьми, а с небесными светилами, ибо они оказывают огромное влияние как на судьбы отдельных людей, так и на судьбы своей эпохи.

Бороться с тем, кто является наместником бога — это не только оскорбление величия, но и своего рода богоборчество.

Против

Как ужасно не иметь почти ничего, к чему стоило бы стремиться, и бесконечное число того, чего нужно бояться.

Те, кто обладает властью, подобны небесным телам, они вызывают к себе огромное почтение, но сами ни на мгновение не имеют покоя.

Если боги допускают на свой пир смертного, то только для того, чтобы посмеяться над ним.

IX. Похвалы, уважение

За

Похвалы — это отраженные лучи добродетели.

Та похвала почетна, которая рождается добровольно.

Почести воздаются в различных государствах, но похвалы — только в свободных.

Голос народа несет в себе нечто божественное, а разве иначе такое множество людей смогло бы оказаться единодушным?

Не нужно удивляться тому, что простой народ говорит более правильные вещи, чем люди с положением, ибо он говорит, не боясь за себя.

Против

Молве лучше быть вестницей, чем судьей.

Что общего у порядочного человека со слякучивой толпой?

Молва, подобно реке, поднимает на поверхность все легкое и топит все важное.

Толпа хвалит самые незначительные добродетели, восхищается посредственными и не замечает высших.

Похвалы чаще достаются не тем, кто их действительно заслуживает, а тем, кто хвастается своими заслугами; они выпадают на долю мнимых, а не действительных заслуг.

Х. Природа

За

Привычка развивается в арифметической прогрессии, природа — в геометрической.

Как в государстве общие законы относятся к частным обычаям, так в отдельном человеке соотносятся природа и привычка.

Привычка по отношению к природе осуществляет своего рода тиранию и, так же как тирания, может быть легко и быстро сброшена.

Против

Мы мыслим, следуя природе, говорим, следуя правилам, но действуем по привычке.

Природа заключает в себе нечто от наставника, привычка от начальника.

XI. Счастье

За

Явные достоинства рождают похвалы, скрытые — счастье.

Правственные достоинства рождают похвалы, способности — счастье.

Счастье подобно Галактике, ибо оно представляет собой скопление неких неведомых достоинств, не имеющих имени.

Счастье следует почитать хотя бы из-за его детищ: доверия и авторитета.

Против

Глухость одного — счастье другого.

В счастье самое похвальное, на мой взгляд, то, что оно не задерживается ни у одного из своих избранных.

Великие люди, пока им удастся отклонять зависть к своим добродетелям, — всегда среди поклонников Фортуны.

ХII. Жизнь

За

Глупо любить акциденции жизни сильнее самой жизни. Долгая жизнь лучше короткой во всех отношениях, в том числе и для добродетели.

Не имея достаточно продолжительной жизни, невозможно ни что-либо совершить, ни что-либо познать, ни в чем-либо раскаяться.

Против

Философы, собрав такое количество аргументов против страха смерти, сделали смерть еще более страшной.

Люди боятся смерти, как дети боятся темноты, потому что не знают, что это такое⁶³.

Среди человеческих чувств нельзя найти ни одного, столь слабого, чтобы оно, будучи немного усилено, не превзошло бы страх смерти.

Желать смерти может не только мужественный, или несчастный, или мудрый человек, но и тот, кто просто пресытился жизнью⁶⁴.

ХIII. Суеверие

За

Те, кто грешит из религиозного рвения, не заслуживают одобрения, но заслуживают любви.

Умеренность уместна в вопросах морали, в религиозных же вопросах господствуют крайности.

Суеверный человек — это в будущем религиозный человек.

Я скорее поверю в самое фантастическое чудо любой религии, чем в то, что все это происходит без вмешательства божества.

Против

Так же как сходство с человеком делает обезьяну безобразной, сходство с религией делает суеверие отвратительным.

Суеверие вызывает такую же ненависть к себе в делах религии, какую вызывает позерство в обычной жизни.

Лучше вообще не признавать богов, чем иметь о них недостойное представление.

Древние государства пошатнула не школа Эпикура, а стойки.

Человеческий ум по своему характеру не допускает существования подлинного атеиста, верящего в это учение; настоящими атеистами являются великие лицемеры, у которых беспрерывно на устах священные предметы, но ни на минуту нет уважения к ним.

XIV. Гордость

За

Гордость даже несоединима с пороками, и, подобно тому как один яд обезвреживает другой, немало пороков отступает перед гордостью.

Скромный человек усваивает даже чужие пороки, гордый обладает только собственными.

Если гордость от презрения к другим поднимется до презрения к самой себе, она станет философией.

Против

Гордость, как плющ, обвивает все достоинства и добродетели.

Все остальные пороки противоположны достоинствам, одна лишь гордость соприкасается с ними.

Гордость лишена лучшего качества пороков — она не способна скрываться.

Гордец, презирая остальных, пренебрегает вместе с тем своими собственными интересами.

XV. Неблагодарность

За

Обвинение в неблагодарности есть не что иное, как обвинение в пронциательности относительно причины благодеяния.

Желая быть благодарными к одним, мы оказываемся несправедливыми к другим, самих же себя лишаем свободы.

Доброе дело тем меньше заслуживает благодарности, что неизвестна его цена.

Против

Неблагодарность наказывается не казнью, а мучениями совести.

Добрые дела связывают людей теснее, чем долг; поэтому неблагодарный человек в то же время и человек нечестный и вообще способен на всякое дурное дело.

Такова уж человеческая природа — никто не связан настолько крепко с общественными интересами, чтобы не быть обязанным к личной благодарности или мести.

XVI. Зависть

За

Вполне естественно ненавидеть все, что является укором нашей судьбе.

В государстве зависть является своеобразным спасительным остракизмом.

Против

Зависть не знает покоя.

Ничто, кроме смерти, не может примирить зависть с добродетелью.

Зависть посылает добродетелям испытания, как Юнона Геркулесу.

XVII. Разврат

За

Ханжество превратило целомудрие в добродетель.

Нужно быть очень мрачным человеком для того, чтобы считать любовные развлечения серьезным делом.

Зачем относить к числу добродетелей то, что является либо образом жизни, либо видом чистоплотности, либо дочерью гордости?

У любви, как у птиц небесных, нет никакой собственности, но обладание рождает право.

Против

Самое худшее превращение Цирцеи — распутство.

Развратник полностью теряет уважение к самому себе, а ведь оно служит уздой для всех пороков.

Те, кто, подобно Парису, отдает предпочтение красоте, жертвуют мудростью и властью.

Александр высказал очень глубокую истину, назвав сон и любовь залогом смерти.

XVIII. Жестокость

За

Ни одна из добродетелей не оказывается так часто виновной, как мягкосердечие.

Жестокость, рожденная жаждой возмездия, есть справедливость, рожденная же стремлением избежать опасности — благоразумие.

Кто проявляет жалость к врагу, безжалостен к самому себе.

Как необходимы кровопускания в лечении больных, так необходимы казни в государстве.

Против

Только зверь или фурия способны на убийство.

Порядочному человеку жестокость всегда кажется чем-то невероятным, каким-то трагическим вымыслом.

XIX. Тщеславие

За

Тот, кто стремится заслужить одобрение людей, стремится тем самым быть им полезным.

Я боюсь, что человек, слишком трезвый для того, чтобы заботиться о чужих делах, и общественные дела считает себе чуждыми.

Люди, которым присуще известное тщеславие, скорее берутся за государственные дела.

Против

Все тщеславные люди мятежны, лживы, непостоянны, необузданны.

Фрасон — добыча Гнатона ⁶⁵.

Жениху непристойно ухаживать за служанкой невесты; слава же — служанка добродетели.

XX. Справедливость (Tustitia)

За

Власть и государство всего лишь придатки справедливости; если бы можно было осуществлять справедливость каким-то иным путем, то в них не было бы никакой нужды.

Только благодаря наличию справедливости человек человеку — бог, а не волк.

Хотя справедливость и не может уничтожить пороков, она не дает им наносить вред.

Против

Если справедливость состоит в том, чтобы не делать другому того, чего не желаешь себе, то в таком случае снисходительность, безусловно, является справедливостью.

Если каждому следует воздавать свое, то, конечно, следует быть снисходительным к человечеству.

Что ты мне рассказываешь о справедливости, разве для мудреца все равны?

Обрати внимание на то, в каком положении находились у римлян обвиняемые, и ты сможешь сказать, что республика не могла осуществлять правосудие.

Обычное правосудие, существующее в разных государствах, напоминает придворного философа: оно делает только то, что угодно власти имущим.

XXI. Храбрость

За

Ничто не страшно, кроме самого страха.

Там, где есть страх, наслаждение непрочно, добродетель же не чувствует себя в безопасности.

Тот, кто способен открыто взглянуть на опасность, смело встретить ее, способен и принять меры, чтобы избежать ее.

Все остальные добродетели освобождают нас от господства пороков, одна только храбрость освобождает от господства судьбы.

Против

Хороша же добродетель — желать своей гибели, чтобы погубить других!

Хороша же добродетель, которую порождает даже опьянение!

Человек, не дорожащий собственной жизнью, опасен для других.

Храбрость — это добродетель железного века.

XXII. Воздержанность

За

Воздержанность требует почти таких же сил, как и подвиг.

Единообразии, согласии и мера движения — небесные свойства и символы вечности.

Воздержанность, подобно бодрящему холоду, собирает и укрепляет душевные силы.

Утонченные и неясные чувства нуждаются в наркотиках, точно так же и аффекты.

Против

Нет ничего хорошего во всех этих отрицательных добродетелях: ведь они свидетельствуют не о заслугах, а только о честности.

Дух, неспособный к излишествам, слабеет.

Мне нравятся достоинства, которые развивают активность, а не расслабляют чувство.

Утверждая, что движения души находятся в согласии друг с другом, ты утверждаешь, что они немногочисленны, ибо считать стадо свойственно лишь бедняку.

Принципы «не пользоваться, чтобы не желать», «не желать, чтобы не бояться» свидетельствуют о малодушии и неверии в себя.

XXIII. Постоянство

За

Основа всех достоинств — постоянство.

Несчастен тот, кто не знает, каким он будет.

Человеческая мысль по своему бессилию не может быть вполне адекватной самим явлениям, поэтому пусть она будет по крайней мере верной самой себе.

Твердость даже порокам придает достоинство.

Если к непостоянству судьбы присоединится еще и непостоянство наших мыслей, в каком же мраке придется жить людям!

Фортуна подобна Протею: если проявить настойчивость, она принимает свой истинный облик.

Против

Постоянство, как сварливая привратница, прогоняет много полезных известий.

Справедливо, что постоянство хорошо переносит несчастья, ибо оно само почти всегда и приносит их.

Лучшая глупость — самая непродолжительная глупость.

XXIV. Великодушие

За

Если мы пожелаем однажды достичь великих целей, тотчас же не только все добродетели, но и боги придут нам на помощь.

Добродетель, воспитанная силой привычки или предписания, — это нечто заурядное; добродетель же как самоцель — нечто героическое.

Против

Великодушие — это добродетель, выдуманная поэтами.

XXV. Знание, созерцание

За

Только то наслаждение естественно, которое не знает пресыщения.

Нет ничего сладостнее, чем ясно видеть чужие заблуждения.

Как хорошо обладать умом, созвучным со Вселенной.

Все дурные чувства суть ложные представления, и точно так же благо и истина — в сущности одно и то же.

Против

Созерцание — это благопристойное безделье.

Благая мысль не намного лучше, чем благое сновидение.

О мире заботится божество, ты же думай о родине!

Государственный муж использует и свои мысли для посева.

XXVI. Наука

За

Если бы были написаны книги обо всем, включая мельчайшие факты, то, пожалуй, не было бы больше никакой нужды в опыте.

Чтение — это беседа с мудрецами, действие же — это встреча с глупцами.

Не следует считать бесполезными те науки, которые сами по себе не имеют никакого практического применения, но способствуют развитию остроты и упорядоченности мысли.

Против

В университетах учатся верить.

Какая наука когда-нибудь научила применять науку своевременно?

Мудрость, основанная на правилах, и мудрость, приобретенная опытом, совершенно противоположны друг другу, так что человек, обладающий одной из них, не способен усвоить вторую.

Очень часто наука приносит весьма сомнительную пользу, чтобы не сказать никакой.

Почти все ученые отличаются тем, что из любого факта всегда выводят только то, что они знают, и не умеют открыть в нем того, чего они не знают.

XXVII. Поспешность

За

Мудрая мысль оказывается ненужной, если она не приходит быстро.

Тот, кто быстро ошибается, быстро исправляет ошибку.

Тот, кто принимает мудрое решение лишь после долгой подготовки, а не способен сразу высказать разумную мысль, делает не такое уж великое дело.

Против

Мудрость, которая всегда под руками, не так уж глубока.

Мудрость, как и одежда, легковесна, когда удобна. Возраст не придает мудрости тому, чьи решения не делает более зрелыми размышление.

То, что создается поспешно, недолго и привлекает.

XXVIII. Молчаливость и скрытность

За

Молчаливому можно рассказать все, потому что он всегда сохранит тайну.

Тот, кто легко говорит о том, что он знает, может говорить и о том, чего не знает.

Мистерии обязаны своим существованием тайне.

Против

Непостоянство поведения и привычек — лучший способ скрыть от других свою душу.

Молчаливость — достоинство исповедника.

Молчаливому ничего не рассказывают — ему платят молчанием.

Скрытый человек подобен незнакомцу.

XXIX. Уступчивость

За

Я люблю людей, уважающих чувства других, но не подчиняющихся им.

Уступчивость особенно близка по своей природе самому золоту.

Против

Уступчивость — это некий бессмысленный отказ от своего мнения.

Благодеяния уступчивых людей кажутся чем-то должным, а отказ от них воспринимается как несправедливость.

Тот, кто добивается чего-то от уступчивого человека, должен быть благодарен за это самому себе.

На мягкого человека обрушиваются всевозможные трудности, ибо он ни от чего не может отказаться.

Мягкий человек почти всегда отступает с позором.

XXX. Популярность

За

Мудрые люди почти всегда сходятся в своих мнениях, но нужна подлинная мудрость, чтобы удовлетворить все-му разнообразию мнений глупцов.

Уважать народ — значит быть уважаемым им.

Великие люди никогда не относятся с почтением к кому-нибудь избранному, а только ко всему народу.

Против

Тот, кто слишком сходится с глупцами, сам может показаться подозрительным.

Тот, кто нравится толпе, почти всегда вносит в нее смуту.

Толпа не приемлет ничего умеренного.

Самая низкая лесть — лесть толпы.

XXXI. Общительность

За

Тот, кто молчит, остерегается либо других, либо самого себя.

Хранить всегда тяжело, но труднее всего — хранить молчание.

Молчание — добродетель дураков. Поэтому правильно сказал кто-то молчащему человеку: «Если ты разумный человек, то ты глуп, если же ты глуп, ты разумный человек»⁶⁶.

Молчание, как и ночь, благоприятствует коварству.

Высказанные мысли — самые здоровые.

Молчание — это род одиночества.

Тот, кто молчит, заносит перед чужим мнением.

Молчание не способно ни изгнать дурные мысли, ни распространить хорошие.

Против

Молчание придает последующим словам приятность и значительность.

Молчание, подобно сну, вскармливает мудрость.

В молчании вызревают мысли.

Молчание — это стиль мудрости.

Молчанье стремится к истине.

XXXII. Скрытность

За

Скрытность — упрощенная мудрость.

Мы должны не говорить одно и то же, но одно и то же иметь в виду.

Даже нагота души непристойна.

Скрытность и украшает, и защищает.

Скрытность — ограда наших замыслов.

Некоторым выгодно быть обманутыми.

Тот, кто все делает открыто, в равной мере обманывает людей, потому что большинство или не понимают его, или не верят ему.

Откровенность есть не что иное, как душевное бесилие.

Против

Если мы не можем думать согласно истине вещей, давайте по крайней мере говорить согласно тому, что мы думаем.

Скрытность заменяет мудрость тем, чьи способности недостаточны для государственной деятельности.

Неоткровенный человек лишает себя главного орудия действия — доверия.

Скрытность порождает скрытность.

Тот, кто что-то скрывает, не свободен.

XXXIII. Смелость

За

Тот, кто стесняется, дает повод для упреков.

Чем для оратора является дикция, тем для политика является смелость, повторяю, смелость, смелость и еще раз смелость.

Люблю скромность стыдливую, ненавижу вызывающую.

Мужественность нравов скорее объединяет души.

Мне нравятся непроницаемое выражение лица и ясная речь.

Против

Смелость — помощница глупости.

Наглость годится разве только для обмана.

Самоуверенность — повелительница глупцов и баловство для умных людей.

Смелость — это некая атрофия чувства в соединении со злой волей.

XXXIV. Манеры, этикет, изысканность

За

Достойная скромность в выражении лица и жестах — истинное украшение добродетели.

Если мы подчиняемся толпе в нашей речи, то почему бы не подчиниться ей и во всем облике нашем и манерах?

Кто не заботится о достоинстве даже в самых незначительных и повседневных делах, тот, каким бы великим человеком он ни был, мудрым бывает лишь на час.

Добродетель и мудрость без знания правил поведения подобны иностранным языкам, потому что их в таком случае обычно не понимают.

Кому не известно настроение толпы, поскольку он далек от нее, и кто не может узнать его, наблюдая за ее поведением, тот самый глупый из людей.

Правила поведения — это перевод добродетели на общедоступный язык.

Против

Что может быть отвратительнее превращения жизни в театральные спектакль?

Прекрасно то, что естественно, искусственное — отвратительно.

Лучше уж покрашенные щеки и завитые волосы, чем «накрашенные» и «завитые» нравы и манеры.

Кто уделяет внимание столь ничтожным наблюдениям, тот не способен на великие мысли.

Фальшивое благородство похоже на свет гнилушки.

XXXV. Шутки

За

Шутка — прибежище ораторов.

Кто привносит во все скромную прелесть, сохраняет душевную свободу.

С легкостью переходить от шутки к делу и от дела к шутке — вещь более необходимая политическому деятелю, чем обычно считают.

Шутка часто помогает прийти к истине, недостижимой иным путем.

Против

Кто не презирает людей, жаждущих посмеяться над уродством или блеснуть остроумием?

Уйти с помощью шутки от важного вопроса — нечестный прием.

Только тогда оценишь шутку, когда перестанешь смеяться.

Все эти остро словы не проникают дальше поверхности явлений, где только и рождаются шутки.

Где шутка имеет какое-то значение для серьезного дела, там господствует ребяческое легкомыслие.

XXXVI. Любовь

За

Разве ты не видишь, что каждый ищет себя? И только тот, кто любит, находит.

Нельзя представить себе лучшего состояния души, чем то, когда она находится во власти какой-нибудь великой страсти.

Пусть всякий разумный человек ищет себе предмет любви, ибо, если человек не стремится к чему-то всеми силами, все представляется ему простым и скучным.

Почему никто не может удовольствоваться одиночеством?

Против

Сцена многим обязана любви, жизнь — ничем.

Ничто не вызывает более противоречивых оценок, чем любовь; либо это столь глупая вещь, что она не способна познать самое себя, либо столь отвратительная, что она должна скрывать себя под гримом.

Не терплю людей одержимых одной мыслью.

Любовь всегда означает слишком узкий взгляд на вещи.

XXXVII. Дружба

За

Дружба достигает того же результата, что и храбрость, но только более приятным путем.

Дружба — это приятная приправа ко всякому благу. Самое страшное одиночество — не иметь истинных друзей.

Достойная месть за вероломство — потеря друзей.

Против

Кто завязывает с кем-нибудь тесную дружбу, берет на себя новые обязанности.

Желание разделить с кем-нибудь свою судьбу — свойство слабодушных людей.

XXXVIII. Лесть

За

Лесть — порождение скорее характера человека, чем злой воли.

Давать наставления в форме похвал всегда было формой, обязанной своим существованием сильным мира сего.

Против

Лесть — это стиль рабов.

Лесть — это отбросы пороков.

Лестец похож на птицелова, подражающего голосам птиц, чтобы поймать их.

Лесть комически безобразна, но вред, приносимый ею, трагичен.

Труднее всего излечивается слух.

XXXIX. Мечь

За

Личная мечь — это первобытное правосудие.

Кто на силу отвечает силой, оскорбляет лишь закон, а не человека.

Страх перед личной мечью полезен: ведь законы слишком часто спят.

Против

Кто совершает несправедливость, кладет начало злу; кто же отвечает оскорблением на оскорбление, уничтожает меру зла.

Чем естественнее мечь, тем более ее следует сдерживать.

Кто легко отвечает несправедливостью на несправедливость, тот, возможно, просто не успел первым нанести обиду.

XI. Нововведения

За

Всякое лечение — нововведение.

Кто избегает новых лекарств, тот должен ждать новых несчастий.

Величайший новатор — время; так почему же нам не подражать времени?

Примеры из отдаленного прошлого бессмысленны; современные же свидетельствуют о честолюбии и испорченности.

Примерами пусть руководствуются невежды и сутяги.

Те, кому семьи обязаны своей знатностью, почти всегда бывают более достойными людьми, чем их потомки; точно так же новаторы обычно превосходят тех, кто подражает тому, что ими сделано.

Упрямое стремление сохранить старые обычаи не менее опасно, чем смелые реформы.

Так как все в мире само по себе меняется к худшему, то если не изменить это к лучшему силой нашего ума, где же будет предел несчастьям?

Рабы обычая — игрушки в руках времени.

Против

Новорожденные безобразны.

Только время создает настоящие ценности.

Все новое никогда не бывает безобидно, потому что оно уничтожает то, что уже существует.

То, что вошло в обычай, если это даже и не вполне хорошо, по крайней мере приспособлено одно к другому.

Какой новатор может подражать времени, которое все изменения совершает так незаметно, что наши чувства не могут обнаружить, как они происходят?

То, что случается неожиданно, не так уж приятно тому, кто получает от этого пользу, и значительно тягостнее для того, кому это наносит вред.

XLI. Медлительность

За

Судьба продает торопливому многое из того, что она дарит терпеливому.

Торопясь охватить начала вещей, мы хватаем лишь тени.

Нужно быть бдительным, когда обстоятельства против нас, и действовать — когда они благоприятствуют.

Начало всякого действия следует поручить Аргусу, а конец — Бриарееу⁶⁷.

Против

Благоприятный случай дает сначала ручку сосуда, а потом — и его целиком.

Благоприятный случай подобен Сивилле: уменьшая то, что предлагает, увеличивает его цену.

Быстрота — шлем Орка ⁶⁸.

То, что случается вовремя, всегда справедливо, то же, что случается поздно, ищет себе окольные пути.

XLII. Приготовление

За

Кто, располагая небольшими силами, берется за большое дело, тот лишь обольщает себя пустыми надеждами.

Недостаточная подготовка подкупает не судьбу, а благоразумие.

Против

Лучший момент закончить приготовления — это первая возможность начать действовать.

Пусть никто не надеется, как бы тщательно он ни приготовился, что ему удастся связать судьбу.

Чередование приготовлений и самих действий — достойно политической мудрости, но отделять их друг от друга весьма самонадеянно и опасно.

Большие приготовления — это расточительство и денег, и времени.

XLIII. Предотвращение опасности

За

Большинство опасностей скорее обманывает нас, чем побеждает.

Легче заранее предотвратить опасность, чем следить за ее развитием, постоянно принимая меры предосторожности.

Не мала опасность, если уже кажется малой.

Против

Кто выступает против опасности, способствует ее росту и, принимая меры против нее, ее же укрепляет.

Даже в мерах, предпринимаемых против опасности, заключены известные опасности.

Лучше иметь дело с небольшим числом явных опасностей, чем с угрозой каждой из них.

XLIV. Насильственные действия

За

Тех, кто придерживается пресловутой благоразумной мягкости в своих действиях, может научить только усиление зла.

Необходимость, диктующая применение насильственных мер, сама же и применяет их.

Против

Всякая насильственная мера чревата новым злом. Только гнев и страх заставляют применять насилие.

XLV. Подозрение

За

Недоверие — это жилы мудрости; подозрение же — средство для лечения суставов.

Та верность, которую может поколебать подозрение, сама весьма подозрительна.

Подозрение ослабляет непрочную верность, надежную же оно лишь укрепляет.

Против

Подозрение уничтожает верность.

Неумеренная подозрительность — это какое-то безумие общества.

XLVI. Буквы закона

За

Когда отступают от буквы закона, то это уже не толкование его, а гадание.

Когда отступают от буквы закона, судья превращается в законодателя.

Против

Смысл следует извлекать из совокупности слов и исходя из него толковать каждое слово в отдельности.

Самая страшная тирания та, когда закон распинают на дыбе.

За

Кто опирается на доказательства, тот выносит решение под влиянием таланта оратора, а не существа самого дела.

Тот, кто верит логическим доказательствам больше чем свидетелям, должен больше доверять своему уму, чем чувству.

Было бы очень удобно полагаться на логические доказательства, если бы люди не совершали алогичных поступков.

Когда логические доказательства противоречат свидетельским показаниям, это представляется удивительным, но отнюдь не раскрывает истинного характера дела.

Против

Если нужно верить показаниям свидетелей больше, чем логическим доказательствам, то достаточно, чтобы судья не был глух.

Доказательства — это противоядие против отравы свидетельских показаний.

Тем доказательствам надежнее всего верить, которые реже всего обманывают.

Может быть, все эти антитезы, которые мы привели здесь, и не заслуживают столь большого внимания, однако раз уж они в свое время были составлены и собраны нами, то нам не хотелось бы, чтобы пропал плод нашего юношеского рвения, тем более что это, если внимательнее присмотреться, всего лишь семена, а не цветы. Юношеский характер этого сборника особенно чувствуется в том, что здесь преобладают сентенции морального и эпидиктического характера и очень мало из юридической области, относящихся к так называемому совещательному роду.

Третье собрание, также относящееся к области подготовки материала для ораторской практики, которое необходимо создать, мы хотим назвать «Сборник малых формул». Эти формулы представляют собой, если можно так выразиться, прихожие, всякого рода служебные комнаты, коридоры и тому подобное ораторской речи, которые безо всякого различия могут быть приложимы к любому предмету речи. Таковы вступления, заключения, отступления, переходы, обещания, отклонения и многое другое в том же роде. Ведь подобно тому как удобное расположе-

ние фасадов, лестниц, дверей, окон, прихожих и коридоров в первую очередь создает как красоту, так и удобство здания, так и в ораторской речи все эти вводные и дополнительные элементы (при условии, что они построены и размещены со вкусом и знанием дела) придают всей структуре речи величайшее изящество и стройность. Мы приведем один или два примера таких формул и не станем долго задерживаться на этом. Ибо хотя они и весьма полезны, однако же, поскольку мы не можем здесь дать ничего своего и только лишь выписываем из Демосфена или Цицерона, или еще какого-нибудь образцового оратора отдельные формулы, нам кажется, нет смысла терять на это много времени.

ПРИМЕРЫ МАЛЫХ ФОРМУЛ

Заключение речи «совещательного» типа

Таким образом можно будет и искупить прошлую вину, и предусмотреть меры против будущих затруднений⁶⁹.

Королларий точного разделения

Итак, все могут видеть, что я не желал ни обойти что-либо молчанием, ни затемнить своим изложением⁷⁰.

Переход с предупреждением

Но обойдем это таким образом, чтобы не терять из виду и постоянно наблюдать за ним⁷¹.

Возражение против укоренившегося мнения

Я помогу вам понять, что во всей этой истории идет от самого существа дела, что явилось результатом ложного вымысла, а что раздула здесь зависть.

Этих нескольких примеров будет вполне достаточно для того, чтобы понять, что мы имеем в виду. На этом мы завершим рассмотрение приложений к риторике, касающихся промптуария.

Глава IV

Два основных приложения к учению о передаче знания: критика и педагогика

Остаются два основных приложения к учению о передаче знания — критика и педагогика. Поскольку важней-

шая часть учения о передаче знания состоит в создании книг, то соответствующая ей часть представляет собой чтение книг. Чтение же направляется либо советами учителей, либо собственным рвением и интересом. Именно эти вопросы и являются предметом двух названных нами учений.

К критике прежде всего относятся тщательная редакция и издание исправленных текстов известных авторов; такой труд равно оказывает честь самим авторам и помощь учащимся. Однако в этом деле немало вреда принесло чрезмерное рвение некоторых исследователей. Большинство критиков усвоило себе правило, встречаясь с каким-нибудь непонятным им местом текста, сразу же предполагать ошибку в рукописи. Например, в том месте у Тацита, где некая колония просит у сената права убежища: Тацит рассказывает здесь, что император и сенат выслушали эту просьбу не слишком благосклонно и поэтому послы, сомневаясь в успехе своего дела, дали крупную сумму денег Титу Винию, с тем чтобы он оказал им покровительство, и таким образом добились успеха. «Тогда-то, — говорит Тацит, — старинный авторитет колонии приобрел значение»⁷², давая понять, что аргументы, которые раньше представлялись маловажными, тогда, когда к ним присоединилась взятка, получили новый вес. А один критик, весьма известный, зачеркнул слово «тогда» (*tum*) и заменил его словом «такой» (*tantum*). И благодаря этой порочной практике критиков, как кто-то очень умно заметил, «издания, наиболее тщательно выправленные, часто являются наименее надежными». Более того, скажем откровенно, если сами критики не будут достаточно эрудированы в той области, которой посвящены издаваемые ими книги, их добросовестность не сможет избавить их от ошибок.

Во-вторых, к критике относятся толкования и пояснения авторов, комментарии, схолии, примечания, собрания лучших мест и т. п. В такого рода исследованиях некоторых критиков поразила какая-то страшная болезнь, выражающаяся в том, что они, как правило, обходят все более или менее трудные места в тексте, а на местах достаточно ясных и простых останавливаются бесконечно долго, до тошноты подробно объясняя совершенно понятные вещи. Создается впечатление, что все это делается совсем не для того, чтобы разъяснить текст самого автора,

а для того, чтобы этот критик, воспользовавшись удобным случаем, мог продемонстрировать свою всестороннюю эрудицию и широкую начитанность. Прежде всего здесь следовало бы пожелать (хотя это относится скорее к самой науке о передаче знания, чем к ее приложениям), чтобы тот писатель, который собирается излагать сравнительно трудный и важный материал, давал к нему собственные разъяснения, не прерывая текст изложения всякого рода отступлениями или объяснениями, дабы примечания не отступали от мысли самого автора. А нечто в этом роде мы подозреваем в комментариях Теона к Евклиду⁷³.

В-третьих, критика включает в себя и составление кратких оценок творчества издаваемых авторов (отсюда и само название этой дисциплины), сравнение их с другими писателями, разрабатывающими аналогичные проблемы. Такие оценки должны руководить учащимися в выборе книг и в то же время лучше подготовить их к самому чтению. И это последнее составляет самую важную сторону деятельности критиков, в которой, по крайней мере в наше время, прославились некоторые крупные ученые, во всяком случае значительно более крупные, чем это предполагает их скромная профессия критиков.

Что же касается педагогики, то проще всего было бы ограничиться советом: «Бери за образец школы иезуитов», так как в настоящее время в области воспитания нет ничего лучше этих школ. Однако в соответствии с нашим порядком мы дадим здесь несколько советов, обратив внимание на некоторые упущенные моменты. Прежде всего мы всячески одобряем и поддерживаем воспитание детей и юношества в колледжах, а не дома под руководством частных учителей. В колледжах у детей рождается дух соревнования между сверстниками; а кроме того, у них всегда перед глазами строгий облик требовательных учителей, воспитывающий в них скромность и с первых шагов формирующий детские души на лучших примерах; наконец, вообще воспитание в колледжах имеет множество преимуществ. Что же касается порядка прохождения материала и методики обучения, то здесь мне прежде всего хотелось бы предостеречь от всякого рода сокращенных изложений материала и от той торопливости в обучении, которые превращают учеников в зазнаек и больше кричат о своих великих успехах, чем действительно их добиваются. Кроме того, в какой-то мере необходимо способство-

вать свободе умственных интересов учащихся, и, если ученик, выполнив все обязательные задания, сумеет выкроить себе время для занятий любимым делом, его ни в коем случае не следует сдерживать. Далее, было бы весьма полезно обратить самое тщательное внимание (а это, пожалуй, до сих пор не было сделано) на то, что существуют два прямо противоположных метода подготовки, развития и упражнения умственных способностей человека. Первый начинается с наиболее легкого и постепенно приводит к более сложному; второй же с самого начала настойчиво требует выполнения наиболее сложных задач, с тем чтобы, когда самое трудное будет постигнуто, изучение более легких вопросов могло доставлять учащемуся лишь одно удовольствие. Первый метод равносителен тому, чтобы начинать плавать с пузырями, которые поддерживают тело в воде; второй — все равно, что начинать танцевать в тяжелых башмаках, мешающих движению. И нетрудно догадаться насколько рациональное соединение этих методов способствует развитию как душевных, так и физических способностей человека. Точно так же исключительно важным и требующим серьезного размышления делом является организация и выбор занятий в соответствии с характером умственных способностей учащихся. Учителя обязаны хорошо изучить и понять характер природных способностей учеников, чтобы иметь возможность дать родителям разумный совет относительно того рода деятельности, который им лучше избрать для своих детей. Вместе с тем нужно несколько внимательнее отнестись и к тому, что правильный и разумный отбор предметов занятий не только приводит к значительным успехам в той области, к которой учащийся проявляет свои природные склонности, но и дает средства помочь ему также и в тех областях, к которым он по своей природе оказывается совершенно неспособным. Например, если кто-то по складу своего ума совершенно не способен останавливаться так долго, как это необходимо, на одном предмете, но, подобно птице, перескакивает в своих мыслях с одного предмета на другой, то здесь могут оказать существенную помощь занятия математикой, где приходится начинать заново все доказательство, если мысль хотя бы на мгновение отвлечется в сторону. Совершенно очевидно также, что очень большая роль в обучении принадлежит упражнениям. Однако только очень немногие заметили, что

необходимо не только разумно организовать упражнения, но и разумно их время от времени прерывать. Ведь Цицерон очень верно заметил, что «в упражнениях обычно развиваются как способности, так и недостатки»⁷⁴, в силу чего иной раз дурная привычка приобретает и закрепляется одновременно с хорошей. Поэтому лучше иногда прервать упражнения, а затем вновь возобновить их, чем беспрерывно и упорно продолжать их. Но об этом достаточно. Конечно, эти вещи на первый взгляд представляются не столь уж значительными и важными, однако они весьма полезны и практически необходимы. Ведь подобно тому как на дальнейшее развитие растений огромное влияние оказывают те благоприятные или неблагоприятные условия, в которых они находились в начале своего существования, или подобно тому как некоторые вполне основательно приписывают огромный рост и успехи римской империи заслугам и мудрости тех шести царей, которые в период младенчества этого государства были как бы его опекунами и кормильцами, так и воспитание и культура, приобретенные в детском или юношеском возрасте, обладают такими силами, хотя и скрытыми и недоступными постороннему взору, равных которым невозможно приобрести долгими годами настойчивого и напряженного труда.

Не лишним будет также отметить, что способности даже в вещах не очень важных могут иногда производить серьезный и весьма значительный эффект, если они выпадают на долю незаурядных людей или проявляются в великих событиях. Мы приведем один весьма знаменательный пример и сделаем это тем охотнее, что пезуиты, по-видимому, отнюдь не пренебрегают этим средством и, как мне кажется, имеют на то весьма разумные основания. Речь идет о занятии, которое, являясь профессией, не пользуется никаким уважением, но, становясь одним из средств обучения, оказывается очень полезным. Мы имеем в виду игру актера в театре, поскольку она укрепляет память, развивает голос и четкость произношения, придает благородство облику и жестам, в немалой степени воспитывает уверенность в себе и, наконец, вообще приучает молодежь находиться перед большим стечением людей. В качестве примера мы приведем то место из Тацита, где он рассказывает о некоем Вибулене, бывшем актере, служившем тогда в одном из Паннонских легио-

нов. После смерти Августа он поднял мятеж, и префект Блез вынужден был заключить в тюрьму некоторых из мятежников. Воины же, напав на тюрьму, взломали двери и освободили их. И вот Вибулен, обращаясь с речью к воинам, начал так: «Вы возвратили свет солнца и жизнь этим невинным страдальцам, но кто вернет жизнь моему брату, кто вернет мне моего брата? Блез приказал своим гладиаторам, которых он держит и вооружает на погибель воинам, зарезать его этой ночью, так как он был послан из войска Германика к вам для переговоров о наших общих интересах. Отвечай, Блез, куда бросил ты труп? Даже враги не отказывают погибшим в погребении. Когда я утешу свою скорбь рыданиями и поцелуями, прикажи зарезать и меня самого, лишь бы они могли похоронить нас, убитых не за какое-то преступление, но потому что мы радели за интересы легионов»⁷⁵. Этими словами он возбудил такую бурю негодования и возмущения, что, если бы вскоре после этого не выяснилось, что ничего подобного не было и что у него вообще никогда не было никакого брата, воинов едва ли удалось бы удержать от нападения на префекта; просто этот человек все это разыграл, как спектакль на сцене театра.

Мы подошли, наконец, к концу нашего трактата о науках, изучающих деятельность разума. И хотя мы иногда отступали здесь от принятого деления, однако же пусть никто не считает, что мы вообще отвергаем все те подразделения, которые мы здесь не использовали. Отступить от принятого деления нас заставили соображения двойного порядка. Во-первых, потому, что эти две задачи — а именно свести в один класс явления, близкие по своей природе, и свалить в одну грудку вещи, практически необходимые, — совершенно различны по своей направленности и цели. Например, всякий королевский секретарь или государственный чиновник в своем кабинете разложит бумаги, несомненно, таким образом, что объединит вместе все аналогичные по своему характеру документы: он положит отдельно договоры, отдельно поручения, отдельно дипломатическую почту, отдельно внутреннюю переписку и т. п. — каждую группу документов отдельно. И наоборот, он сложит в какую-нибудь отдельную шкапулку вместе все те бумаги, которые, по его мнению, несмотря на их различный характер, могут ему одновременно понадобиться. Точно так же и в этом всеобщем

объединении наук нам следовало установить их деление в соответствии с природой самих вещей, в то время как если бы нам нужно было рассмотреть какую-то частную науку, то мы скорее приняли бы деления, приспособленные к нашим практическим нуждам. Второе соображение, заставившее нас изменить принятому делению, состоит в том, что присоединение к существующим наукам тех дисциплин, которые еще должны быть созданы, и объединение их в общее целое неизбежно должно было повести за собой изменение в разделении самих наук. Чтобы пояснить эту мысль, допустим, что в настоящий момент мы располагаем 15 науками, а с присоединением тех, которые должны быть созданы, их будет 20. Я утверждаю, что делители числа 15 не являются теми же, что и делители числа 20, ибо делители числа 15 суть 3 и 5, а делители числа 20 суть 2, 4, 5 и 10. Таким образом, ясно, что иначе невозможно было поступить. Но о логических науках сказано достаточно.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Глава I

*Разделение этики на учение об идеале и георгики души¹.
Разделение идеала (т. е. блага) на простое благо и отно-
сительное благо. Разделение простого блага на благо лич-
ное и благо общественное*

Итак, великий государь, мы подошли к этике, которая наблюдает и изучает человеческую волю. Волю направляет правильно организованный разум, но сбивает с пути кажущееся благо. Волю приводят в действие аффекты, прислуживают же ей органы тела и произвольные движения. Об этом говорит Соломон: «Прежде всего, сын мой, береги сердце свое, ибо от него исходят все действия жизни»². Пишущие об этой науке мне кажутся очень похожими на человека, который обещает научить искусству письма, а вместо этого только показывает прекрасные образцы отдельных букв и их сочетаний, но не говорит о том, как нужно водить пером и как писать эти буквы. Точно так же и авторы трактатов по этике показали нам прекрасные и величественные образцы блага, добродетели, долга, счастья и дали тщательные описания или изображения этих вещей, являющихся истинными объектами и целями человеческой воли и стремления. Но о том, каким образом можно лучше всего достичь этих замечательных самих по себе и прекрасно поставленных философами целей, т. е. какие средства и действия необходимы для того, чтобы заставить наш ум стремиться достигнуть этих целей, они или вообще ничего не говорят, или говорят весьма поверхностно, и такие рассуждения приносят мало пользы. Мы можем сколько угодно рассуждать о том, существуют ли нравственные добродетели в человеческой душе от природы, или они воспитываются в ней, торжественно устанавливая непреодолимое различие между благородными душами и низкой чернью, поскольку первые руководствуются побуждениями разума, а на вторых действуют лишь угрозы или поощрения; мы можем весьма

тонко и остроумно советовать выправлять человеческий разум, подобно тому как выпрямляют палку, сгибая ее в противоположном направлении³; мы можем одну за другой высказывать кроме этих и множество других аналогичных мыслей, однако все эти и им подобные рассуждения ни в коей мере не могут возместить отсутствие того, что мы требуем от упомянутой науки.

Я полагаю, что причиной этого упущения является тот подводный камень, разбившись о который столько кораблей науки потерпело кораблекрушение: речь идет о том, что ученые считают неприличным заниматься вещами обыденными и простыми, недостаточно тонкими для того, чтобы исследовать их, и недостаточно важными для того, чтобы принести славу их исследователю. Трудно даже сказать, сколько вреда принесло науке то, что люди из-за какого-то врожденного высокомерия и тщеславия избирают себе только такие предметы и такие методы исследования, которые могут лишь лучше и эффективнее показать их способности, отнюдь не заботясь о том, какую пользу смогут извлечь читатели из их сочинений. Сенека прекрасно сказал, что «красноречие вредит тем, в ком оно вызывает любовь к самому себе, а не к делу»⁴, ибо сочинения должны быть такими, чтобы возбуждать в читателе любовь к самому предмету исследования, а не к его автору. Следовательно, только те идут по правильному пути, кто может сказать о своих советах то, что сказал Демосфен, и завершить их следующими словами: «Если вы все это сделаете, то не только будете сейчас хвалить оратора, но и сможете вскоре похвалить самих себя, поскольку улучшится ваше положение»⁵. Я же, Ваше Величество, если уж говорить о себе, и в том сочинении, которое пишу сейчас, и в тех, которые собираюсь написать в будущем, сознательно и охотно весьма часто приношу в жертву благу человечества достоинство моего таланта и славу моего имени (если я в какой-то степени ими обладаю); и я, которому, может, следовало быть архитектором в философии и других науках, становлюсь простым рабочим, грузчиком и вообще чем угодно; и, поскольку другие по своей врожденной гордости избегают множества вещей, которые тем не менее совершенно необходимы, я сам беру на себя их исполнение. Но вернемся к тому, о чем мы начали говорить. Философы избрали для себя в этике прекрасный и благодатный

материал, дающий им возможность лучше всего продемонстрировать либо остроту своего ума, либо силу красноречия. Что же касается тех вещей, которые чрезвычайно важны для практики, то, поскольку эти вещи не столь блистательны, они их в большинстве случаев вообще упускают из вида.

Однако эти столь выдающиеся люди не должны были бы отчаиваться в возможности разделить судьбу, подобную той, которую осмелился предсказать себе и которой действительно достиг поэт Вергилий, снискавший себе славу красноречивого, умного и ученого человека в равной мере как изложением своих сельскохозяйственных наблюдений, так и повествованием о героических деяниях Энея.

Не сомневаюсь я в том, как трудно это словами
Преодолеть и вещам дать блеск ограниченным должный⁶.

Действительно, если бы эти люди всерьез захотели писать не праздные сочинения для праздного чтения и на деле заботились об устройстве и организации практической жизни, то эти скромные георгики человеческой души должны были бы обладать для них не меньшей ценностью, чем знаменитые героические изображения добродетели, блага и счастья, на создание которых было потрачено столько труда и усилий.

Таким образом, мы разделим этику на два основных учения: первое — об идеале (*exemplar*) или образе блага, и второе — об управлении и воспитании (*cultura*) души; это второе учение мы называем «Георгики души». Первое учение имеет своим предметом природу блага, второе формулирует правила, руководствуясь которыми душа приспособливает себя к этой природе.

Учение об идеале, которое изучает природу блага, рассматривает благо либо как простое, либо как относительное, иначе говоря, оно исследует роды или степени блага. Только христианская вера отбросила наконец бесконечные рассуждения и спекуляции относительно высшей степени блага, которую называют счастьем, блаженством, высшим благом, являвшимися для язычников чем-то вроде теологии. Ведь как Аристотель говорит, что «юноши тоже могут быть счастливыми, но только в своих надеждах», так и христианская вера учит нас, что все мы должны поставить себя на место юношества для того, чтобы не помышлять

ни о каком ином счастье, кроме того, которое заключено в надежде⁷.

Таким образом, мы, слава богу, освободились от этого учения, точно так же как от языческих представлений о небе (а древние, несомненно, отводили душе гораздо более высокую роль, чем та, на которую она способна: ведь мы же видим, как высоко поднимает ее Сенека: «Поистине великое дело — обладать брэнностью человека и безмятежностью бога»⁸). Но мы в значительной части можем принять всю остальную часть их учения об идеале, поскольку она почти не утратила своей истинности и здравого смысла. Ведь рассматривая природу простого и положительного блага, они поистине изумительно и живо изобразили ее на великолепной картине, самым подробнейшим образом представив нашему взору формы, взаимные отношения, роды, части, подобия, объекты, области применения, характер действия и распределения различных добродетелей и обязанностей⁹. Но они не ограничились этим: все это они донесли до человеческого разума с помощью удивительно тонких и остроумных доказательств, а сладостность и живость стиля еще более способствовали их убедительности. Более того, насколько это возможно сделать с помощью слов, они самым надежным образом оградили все эти определения от недобросовестных нападков и распространенных заблуждений. Они также не оставили в стороне и природу относительного блага, разделив блага на три порядка, сопоставив созерцательную жизнь с активной¹⁰, установив различие между добродетелью, вызывающей сопротивление, и добродетелью, утвердившейся и не подвергающейся никакой опасности, указав на противоречие и борьбу между нравственным и полезным¹¹, на неодинаковое значение отдельных добродетелей и необходимость выяснять, какая добродетель является более важной, какая менее, и т. п. В результате мне кажется, что эта часть этики, рассматривающая идеал, уже великолепно разработана и что древние показали себя в этой области замечательными учеными; однако же благочестивые и ревностные усилия теологов оставили далеко позади языческих философов в исследовании и определении обязанностей, нравственных добродетелей совести и греха.

Тем не менее, возвращаясь к философам, я должен сказать, что если бы они, прежде чем рассматривать

ходячие и общепринятые понятия добродетели, порока, страдания, наслаждения и т. п., несколько задержались на исследовании самих корней добра и зла или даже, более того, на внутреннем строении самих этих корней, то они, безусловно, пролили бы самый яркий свет на все то, что они стали бы исследовать вслед за этим; и прежде всего если бы они в такой же мере считались с природой, как и с моральными аксиомами, то смогли бы сделать свои учения менее пространными, но зато более глубокими. А так как все это или вообще не рассматривалось, или же рассматривалось весьма нечетко, то мы коротко разберем вновь этот вопрос и попытаемся вскрыть и прояснить сами источники нравственности, прежде чем перейти к учению о воспитании души, которое, как мы считаем, еще должно быть создано. Мы считаем, что это в какой-то мере придаст новые силы учению об идеале.

Каждому предмету внутренне присуще стремление к двум проявлениям природы блага: к тому, которое делает вещь чем-то цельным в самой себе, и тому, которое делает вещь частью какого-то большего целого. И эта вторая сторона природы блага значительнее и важнее первой, ибо она стремится к сохранению более общей формы. Мы назовем первое индивидуальным, или личным, благом, второе — общественным благом. Железо притягивается к магниту в силу определенной симпатии, но если кусок железа окажется несколько тяжелее, то он сразу забывает об этой своей любви и как порядочный гражданин, любящий свою родину, стремится к Земле, т. е. к той области, где находятся все его сородичи. Пойдем несколько дальше. Плотные и тяжелые тела стремятся к Земле, этому великому соединению плотных тел; однако, чтобы в природе не образовалось разрыва и, как говорят, не создалась пустота, эти тела поднимаются вверх и оставляют свои обязанности по отношению к Земле для того, чтобы исполнить свой долг по отношению к космосу. Таким образом, сохранение более общей формы почти всегда подчиняет себе менее значительные стремления. Эта преобладающая роль общественного блага особенно заметна в человеческих отношениях, если только люди остаются людьми. Знаменательны в этом отношении известные слова Помпея Великого, который, возглавляя во время голода в Риме доставку хлеба в город, ответил как-то своим друзьям, настойчиво требовавшим,

чтобы он не выходил в море во время жестокой бури: «Мне необходимо сейчас плыть, а не жить»¹², так что любовь к жизни (которая очень велика в любом индивидууме) отступила у него перед любовью к республике и перед верностью ей. Но зачем мы так долго говорим об этом? Ведь во все века не существовало ни одной философской школы, или секты, или религиозного учения, ни одного закона и ни одной науки, которые в такой степени не возвысили бы значение общественного блага и не снизили бы значение индивидуального, как это сделала святая христианская вера; и совершенно ясно, что один и тот же бог дал всем живым существам законы природы, а людям — христианский закон. Поэтому мы чптаем, что некоторые из святых и избранных мужей предпочитали быть вычеркнутыми из Книги жизни, только бы их братья достигли спасения, и к этому их побуждали некий экстаз и неодолимая любовь к общему благу.

Приняв это положение за неизменную и прочную основу, мы кладем конец некоторым очень серьезным разногласиям в области моральной философии. Прежде всего оно предопределяет решение вопроса о том, является ли созерцательная жизнь предпочтительнее деятельной, и опровергает мнение Аристотеля. Дело в том, что все доводы, которые он приводит в защиту созерцательной жизни, имеют в виду только личное благо и лишь наслаждение или достоинство самого индивидуума, и в этом отношении пальма первенства, вне всякого сомнения, действительно принадлежит созерцательной жизни. Ведь к созерцательной жизни можно вполне применить то сравнение, которым воспользовался Пифагор, требуя уважения и славы для философии и размышления. Когда Гнерон спросил его, кто он такой, тот ответил, что Гнерону должно быть известно (если только он когда-нибудь присутствовал на олимпийских состязаниях), что одни приходят туда, чтобы испытать свое счастье в состязаниях; другие приходят как торговцы, чтобы продать свои товары; третьи — чтобы встретиться со своими друзьями, собравшимися сюда со всей Греции, попить и повеселиться вместе с ними; наконец, четвертые — чтобы просто посмотреть на все, и он сам — один из тех, которые приходят туда, чтобы смотреть¹³. Но люди должны знать, что в этом театре, которым является человеческая жизнь, только богу и ангелам подобает быть

зрителями¹⁴. И конечно же, никогда у нашей церкви не возникало какое бы то ни было сомнение по этому поводу, хотя у многих на устах и было изречение: «Драгоценна в глазах божьих смерть святых его»¹⁵, на основании которого они всегда превозносили знаменитую гражданскую смерть монахов и определенную уставами монашескую жизнь. Да и сама монастырская жизнь не является чисто созерцательной, а целиком занята церковными обязанностями: молитвами и исполнением обетов, написанием в тиши келлий богословских книг для распространения закона божьего, подобно тому как это делал Моисей, удалившись на много дней в пустынные горы. Более того, Енох, седьмое колено после Адама, который, кажется, более, чем все остальные, был погружен в созерцательную жизнь (ибо говорят, что он «гулял вместе с богом»), тем не менее подарил церкви Книгу пророчеств, которая цитируется также и святым Иудой¹⁶. Что же касается чисто созерцательной, ограниченной самой в себе жизни, не распространяющей на человеческое общество ни одного луча тепла или света, то такой жизни теология, конечно, не знает. Этот принцип определяет и решение столь ожесточенного и упорного спора между школами Зенона и Сократа, с одной стороны видевших счастье в добродетели самой по себе или в ее проявлениях (ибо от нее всегда зависят важнейшие обязанности жизни), и множеством других сект и школ, с другой стороны, таких, как школа киренаиков и эпикурейцев, которые видели счастье в наслаждении, а добродетель, подобно авторам некоторых комедий, где госпожа меняется платьем со служанкой, делали лишь служанкой, и то потому, что без нее невозможно полное наслаждение, или вторая, в чем-то реформированная школа Эпикура, которая утверждала, что счастье состоит в спокойствии и ясности духа, свободного от всяких волнений, как будто желая сбросить с трона Юпитера и вернуть вновь Сатурна и золотой век, когда не было ни лета, ни зимы, ни весны, ни осени и все время оставалась одна и та же неизменная и ровная погода. Наконец, сюда же примыкает и опровергнутая ныне школа Херилла и Пиррона, утверждавших, что счастье состоит в полном освобождении души от всяческих сомнений, и считавших, что вообще не существует никакой твердо определенной, неизменной природы добра и зла, а действия считаются хорошими или дурными

в зависимости от того, совершаются ли они от души, по чистому и искреннему побуждению или же, наоборот, с отвращением и внутренним сопротивлением. Это представление вновь обрело жизнь в ереси анабаптистов, которые все поступки измеряют инстинктивными побуждениями духа и прочностью или непрочностью веры. Ясно, что все перечисленные нами учения имеют в виду только спокойствие и наслаждение отдельного лица и не имеют никакого отношения к общественному благу.

Выдвинутое нами положение опровергает и философию Эпиктета, который исходит из того, что счастье должно строиться на том, что находится в нашей власти, и именно таким путем, по его мнению, мы сможем избежать зависимости от судьбы и случайностей. А между тем насколько счастливее тот, кто, может быть, даже терпит неудачу, действуя из честных побуждений, с благородными целями, преследующими общее благо, чем тот, кому постоянно сопутствует успех во всех его устремлениях, направленных на личное благополучие. Как в благородном порыве воскликнул Гонсальво, указывая воинам на Неаполь: «Мне намного приятнее встретить верную смерть, продвинувшись хотя бы на один шаг вперед, чем продлить на долгие годы жизнь, отступив хотя бы на шаг»¹⁷. С этим согласуются также и слова небесного вождя и полководца, который сказал, что «чистая совесть — это непрерывный праздник»¹⁸. Этими словами он ясно показывает, что ум в сознании своих добрых намерений, хотя бы и оказавшихся безуспешными, дает человеку более истинную, более чистую, более естественную радость, чем все те старания и средства, которые человек может употребить для удовлетворения своих желаний или достижения душевного покоя.

Этот принцип разоблачает и то злоупотребление философией, которое стало развиваться во времена Эпиктета: речь идет о том, что философия превратилась в своего рода профессию и стала чуть ли не ремеслом, как будто философия существует не для того, чтобы преодолевать и подавлять волнения души, но для того, чтобы вообще избегать их и устранять все причины и случаи их возникновения, для чего будто бы необходим некий совершенно особый образ жизни, чтобы душа обладала такого рода здоровьем, каким обладало тело Геродика, о котором Аристотель рассказывает¹⁹, что этот человек в течение

всей своей жизни ничем не занимался, кроме заботы о собственном здоровье, воздерживаясь поэтому от бесчисленного множества вещей, и фактически чуть ли не совершенно лишил себя жизни. Между тем если бы люди хотели исполнять свои обязанности перед обществом, то им следовало бы особенно стремиться только к такому здоровью, благодаря которому они смогли бы переносить и преодолевать любые перемены и удары судьбы. Точно так же следует считать только ту душу истинно и в подлинном смысле слова здоровой и сильной, которая в состоянии преодолеть множество самых разнообразных искушений и волнений. Так что Диоген, как мне кажется, прекрасно сказал, что он ставит выше те душевные силы, которые помогают не осторожно воздерживаться, а мужественно выдерживать невзгоды, которые могут сдерживать душевный порыв даже на самом краю пропасти и могли бы научить душу тому, что так ценится, например, в хорошо объезженных лошадях: в очень короткий промежуток сумеет остановиться и повернуть назад²⁰.

Наконец, это же выдвинутое нами положение разоблачает известную слабость некоторых из древнейших и в высшей степени уважаемых философов: их неспособность применяться к обстоятельствам, когда они слишком легко уклонялись от общественной деятельности, дабы избежать всякого рода обид и волнений, предпочитая жить по своему собственному усмотрению, в стороне от всех, как люди «священные и неприкосновенные», тогда как было бы естественнее, чтобы твердость истинно нравственного человека была подобна той, которую требовал от воина тот же самый Гонсальво, говоря, что его честь «должна быть соткана из более прочной нити, а вовсе не из такой тонкой, которую может разорвать самая пустячная сила».

Глава II

Разделение индивидуального, или личного, блага на активное и пассивное благо. Разделение пассивного блага на сохранение и совершенствование блага. Разделение общественного блага на общие обязанности и обязанности специальные

Итак, вернемся к нашей теме и рассмотрим сначала индивидуальное, или личное, благо. Мы разделим его на благо активное и пассивное. Такое деление мы обнару-

живаем в сущности во всей природе. Его можно было бы сравнить с разделением функций управления домашним хозяйством на обязанности эконома (*promus*) и ключника (*condus*), которое существовало у древних римлян²¹. Особенно же отчетливо оно раскрывается в двух основных стремлениях каждого существа — в стремлении к самосохранению и защите и в стремлении к размножению и распространению. И это последнее стремление, являющееся активным началом, своего рода экономом, представляется и более сильным, и более значительным; первое же стремление, пассивное по своему характеру, подобное тому самому ключнику, должно считаться более низким. Ведь во всем мироздании небесная природа, как правило, является активным началом, а земная природа — пассивным. Да и среди наслаждений, доступных живым существам, наслаждение любви является более сильным, чем наслаждение чревоугодия. Точно так же и божественные оракулы возвещают, что «сладостнее давать, чем получать»²². Да и в обычной жизни едва ли можно найти такого изнеженного и слабого человека, для которого какое-нибудь чувственное ощущение или удовольствие было бы важнее, чем исполнение и доведение до конца какого-то желанного ему дела. Причем эта преимущественная роль активного блага в огромной степени возрастает, если принять во внимание само человеческое существование: то, что человек смертен и подвержен ударам судьбы. Ведь если бы людские наслаждения могли быть постоянными и прочными, то эта надежность и длительность придавали бы им большую цену. Поскольку же, как мы видим, все сводится к тому, что «мы считаем очень важным умереть как можно позже»²³ и что «не следует хвалиться завтрашним днем, ибо мы не знаем, что он принесет нам»²⁴, то ничуть не удивительно, если мы всеми силами стремимся к тому, чтобы не страшить ударов времени. А что может не бояться времени, кроме наших дел? Как сказано: «Дела их переживут их»²⁵. Есть и другая, весьма важная причина преимущественного значения активного блага, возникающая и поддерживаемая благодаря тому неотъемлемому свойству человеческой природы, каким является любовь человека к новизне и разнообразию. Эта любовь, однако, занимает очень незначительное место и не может получить достаточного простора для себя в чувственных наслаждениях,

составляющих основную часть пассивного блага. «Подумай, как давно уже ты делаешь одно и то же: пища, сон, развлечения — все вертится в этом кругу; желать смерти может не только мужественный, несчастный или мудрый, но и просто пресыщенный человек»²⁶. Но во всех сторонах и проявлениях нашей жизни, во всех наших стремлениях исключительная роль принадлежит разнообразию. Оно доставляет нам огромное наслаждение, когда мы беремся за какое-то начинание, делаем в нем успехи, останавливаемся на некоторое время, отступаем, чтобы собраться с силами, приближаемся к нашей цели, наконец, достигаем ее и т. д.; так что очень верно сказано, что «жизнь без цели скучна и неопределенна»²⁷, и это имеет равную силу и для мудрых, и для самых глухих людей; как говорит Соломон: «Опрометчивый человек ищет удовлетворения своего желания и берется за все»²⁸. Ведь видим же мы, что могущественнейшие государи, которые могут по одному мановению своему получить любое наслаждение, тем не менее иногда ищут себе низменные и пустые занятия (Нерон, например, играл на кифаре, Коммод занимался гладиаторским искусством, Антонин выступал на конных ристаниях и т. д.); и эти увлечения были для них гораздо важнее всех возможных чувственных наслаждений. Настолько более сильное наслаждение доставляет нам какая-либо деятельность в сравнении с чисто пассивным удовольствием!

В то же время следует отчетливо указать на то, что активное индивидуальное благо резко отличается от общественного блага, хотя подчас они могут и совпадать. Ведь хотя это активное индивидуальное благо довольно часто порождает и совершает благие дела, относящиеся к сфере общественных добродетелей, однако же разница между тем и другим состоит в том, что в большинстве случаев люди совершают такого рода добрые дела не с тем, чтобы помочь другим или сделать их счастливыми, но только для самих себя, лишь ради собственного могущества и влияния. Это особенно хорошо видно, когда активное благо приходит в чем-то в противоречие с общественным благом. Ибо гигантские замыслы, увлекавшие всех этих великих потрясателей основ человеческого общества вроде Суллы и множества других значительно меньшего масштаба, стремившихся, по-видимому, лишь к тому, чтобы все были счастливы или несчастны

в зависимости от того, в какой мере они дружественны им или враждебны, и к тому, чтобы весь мир был отражением их облика и подобия (а ведь это подлинное богоборчество), — все это, повторяю, само по себе направлено на активное индивидуальное благо, по крайней мере внешне, хотя и более, чем что-либо другое, далеко от общественного блага.

Пассивное же благо мы разделим на благо сохранения и благо совершенствования. Ведь в отношении личного, или индивидуального, блага каждому явлению присуще тройкого рода стремление. Первое — это стремление к самосохранению, второе — стремление к совершенствованию, третье — стремление к размножению или распространению своего существа. Последнее стремление относится к активному благу, о котором мы уже говорили. Остаются, следовательно, только первые два блага, которые мы здесь назвали и из которых более важная роль принадлежит благу совершенствования. Ведь сохранить вещь в ее первоначальном состоянии это нечто менее важное, чем возвести эту же вещь к более высокой природе. Ибо всюду, в рамках любого вида мы встречаем проявление более высокой природы, к величию и достоинству которой стремятся индивидуумы, обладающие более низкой природой, стремятся как к источнику своего происхождения. Так, хорошо сказал о людях поэт:

Сила в нем огневая и происхождение небесно²⁹.

Ведь для человека подлинное вознесение или приближение к божественной или ангельской природе — это прежде всего совершенствование его формы. Но нечестное и недобросовестное подражание этому благу совершенствования — подлинное несчастье человеческой жизни, некий страшный ураган, захватывающий и перестраивающий все на своем пути. Действительно, часто люди вместо возвышения формы или сущности в слепом честолюбии стремятся лишь подняться по лестнице славы. Как больные, не находя средства лечения своей болезни, мечутся в постели, как будто, меняя положение, они могут тем самым уйти от самих себя и избавиться от внутреннего страдания, так и честолюбцы, увлекаемые неким лживым призраком, обещающим им возвышение их природы, не могут достигнуть ничего, кроме несколько более высокого положения в жизни.

Благо сохранения есть не что иное, как получение и использование вещей, соответствующих нашей природе. Хотя это благо весьма просто и естественно, однако оно представляется все же самым слабым и самым низким из всех благ. Но и само это благо допускает известную дифференциацию, относительно которой не существует единого мнения, а некоторые стороны этой проблемы вообще не исследуются. Дело в том, что значение и ценность блага «пользования» или того, что обычно называют приятным, заключены или в чистоте удовольствия, или в его силе; первую создает спокойствие, вторая же является результатом разнообразия и чередования; первая включает сравнительно небольшую примесь зла, вторая несет на себе значительно более сильный и живой отпечаток блага. Однако остается спорным, какое из этих двух благ предпочтительнее; вопрос же о том, способна ли человеческая природа одновременно обладать и тем и другим, вообще никогда не исследовался.

Та сторона этого вопроса, которая остается неясной, была уже в свое время предметом спора между Сократом и одним софистом³⁰. Сократ утверждал, что счастье заключается в прочном душевном мире и спокойствии, софист же говорил, что оно состоит в том, чтобы стремиться к большему и получать большее. От доказательств они перешли к оскорблениям, и софист стал говорить, что «счастье Сократа — это счастье бревна или камня». Сократ же со своей стороны заявил, что «счастье софиста — это счастье чесоточного, который испытывает беспрерывный зуд и беспрерывно чешется». Однако обе точки зрения имеют свои основания. Ведь с Сократом соглашается даже сама школа Эпикура, не отрицающая того, что добродетели принадлежит огромная роль в достижении счастья. Ну а если это так, то может ли быть какое-нибудь сомнение в том, что добродетель гораздо нужнее для успокоения душевных волнений, чем для достижения желаемого. В пользу же софиста, по-видимому, в какой-то мере говорит только что высказанное нами утверждение о том, что благо совершенствования выше блага сохранения, потому что достижение желаемого, по-видимому, понемногу совершенствует природу, и даже если бы оно этого не делало, уже само круговое движение обладает некоторой видимостью поступательного движения.

Второй же вопрос (может ли человеческая природа совмещать спокойствие духа с интенсивностью наслаждения) при его правильном решении делает праздным и излишним первый. Разве мы не видим довольно часто того, как некоторые способны всеми силами предаваться наслаждениям, когда представляется к тому возможность, и вместе с тем легко переносят их потерю. Так что этот философский ряд «не пользоваться, чтобы не желать, не желать, чтобы не бояться», представляется нам плодом души мелкой и не верящей в свои силы³¹. Действительно, очень многие философские учения выглядят какими-то трусливыми и опасаются за людей сильнее, чем этого требует сама природа. Так, желая избавить человека от страха смерти, они только увеличивают его. Ведь если они фактически превращают всю жизнь в своего рода подготовку и школу смерти, то может ли не показаться бесконечно страшным тот враг, к борьбе с которым постоянно приходится готовиться? Гораздо лучше поступает языческий поэт, который и

...почитает за дар природы предел своей жизни³².

Аналогичным образом и во всем остальном философы, стараясь сделать человеческую душу слишком уж стройной и гармоничной, вовсе не приучают ее к столкновению крайних противоположных мотивов. Я полагаю, что причиной тому была их собственная жизнь, ограниченная частными проблемами и свободная от общественных дел и необходимости считаться с чужими интересами. Люди же, наоборот, должны подражать мудрому примеру ювелиров, которые, заметив в драгоценном камне какое-нибудь пятнышко или пузырек, которые могут быть уничтожены без серьезного ущерба для размера камня, уничтожают их, в противном же случае оставляют. Подобным же образом следует заботиться о спокойствии и ясности души, так чтобы не уничтожить ее величия. Но об индивидуальном благе сказано достаточно.

После того как мы рассмотрели личное благо, которое мы называем также партикулярным, частным и индивидуальным, обратимся к общественному благу, которое относится уже к обществу. Обычно его обозначают термином «долг» (*officium*), так как этот термин касается собственно души, благорасположенной к другим; термин же «добродетель» применяется к душе, правильно орга-

низованной в своей собственной структуре. На первый взгляд этот раздел как будто относится к науке об обществе. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что дело обстоит иначе. Дело в том, что речь здесь идет об управлении собой и власти каждого над самим собой, а вовсе не над другими. Ведь как в строительном искусстве сделать и подготовить к строительству косяки, балки и прочие детали здания далеко не то же самое, что приладить и подогнать их друг к другу, как в искусстве механики изготовить и построить орудие или машину далеко не то же самое, что установить, завести ее и пустить в ход, так и учение о взаимоотношениях и взаимосвязях людей в государстве или в обществе отличается от того учения, которое ставит своей целью подготовить и воспитать людей, пригодных для жизни в этом обществе.

Эта часть учения об обязанностях делится в свою очередь еще на два раздела, из которых первый рассматривает общие обязанности человека, второй же посвящен специальным и относительным обязанностям, вытекающим из профессии, призвания, сословия, личности и занимаемого положения. Мы уже сказали выше, что первый из них был достаточно хорошо и тщательно разработан как древними, так и новыми учеными; второй же раздел также разрабатывался, хотя и не систематически, и мы не имеем еще цельного и полного изложения этого учения. Мы, однако, отнюдь не хотим поставить в упрек этому учению разбросанность и несистематичность исследований; более того, мы считаем, что вообще значительно удобнее исследовать этот предмет и писать о нем по частям. Разве можно пайти такого прозорливого и столь уверенного в собственных силах человека, который бы смог и решился с достаточным знанием дела и достаточно глубоко разобрать и определить все частные обязанности каждого сословия и состояния? Исследования же, не опирающиеся на практическое знакомство с предметом, а основывающиеся только на общем и чисто схоластическом представлении о нем, в подобных вопросах в большинстве случаев оказываются пустыми и бесполезными. Ведь хотя иной раз и случается, что зрителю, наблюдающему за игрой, удается заметить то, что ускользает от взгляда игрока, и хотя часто повторяют одну пословицу, скорее нагловатую, чем мудрую, о том, как оценивает

простой народ действия правителей: «Стоящий в долине прекрасно видит гору», все же прежде всего следует стремиться к тому, чтобы за такого рода исследования брались только очень опытные и очень знающие люди. Кротопливые же произведения писателей чисто умозрительного склада, посвященные практическим проблемам, оцениваются людьми, хорошо знакомыми с практикой, так же, как оценивались Ганнибалом рассуждения Формиона о военном искусстве, которые он называл чепухой и бредом сумасшедшего³³. И только один недостаток можно заметить у тех, кто пишет книги о предметах, касающихся их непосредственных занятий и профессии, — это то, что они не знают меры в восхвалении и превознесении этих самых своих Спарт³⁴.

Среди такого рода книг было бы преступлением не упомянуть (с тем чтобы воздать ему должное) о превосходнейшем произведении «Об обязанностях короля», созданном неустанным трудом Вашего Величества³⁵. Это сочинение собрало и включило в себя множество сокровищ, как явных, так и скрытых, из области теологии, этики и политики и немалого числа других наук и, на мой взгляд, из всех сочинений, которые мне довелось прочесть, выделяется своей мудростью и солидностью. Нигде не обнаруживает оно ни излишней горячности открытия, ни холодности невнимания, наводящей сопливость; его никогда не захватывает восторженный вихрь, заставляющий нарушить и смешать весь порядок изложения; в нем нет никаких отступлений, преследующих цель включить с помощью каких-нибудь хитроумных экскурсов то, что не имеет никакого отношения к теме; в нем нет и никаких прикрас, которыми иные писатели, больше стремящиеся развлечь читателя, чем должным образом изложить сущность вопроса, разукрашивают свои произведения, делая их похожими на накрашенных и надушенных модниц. Но прежде всего это произведение так же сильно духом своим, как и телом, ибо оно и прекрасно соответствует истине, и в высшей степени полезно для практической деятельности. Более того, оно совершенно свободно от того недостатка, о котором мы только что говорили и который во всяком случае был бы извинителен королю, пишущему о королевском величии: мы хотим сказать, что оно не старается сверх всякой меры и, возбуждая неприязнь читателя, превозносить мощь и блеск

королевской власти. Ведь Ваше Величество нарисовало нам не какого-нибудь ассирийского или персидского царя, гордого и недоступного, сверкающего в ослепительном блеске своей славы и величия, но подлинного Моисея или Давида, пастыря своего народа. У меня никогда не сотрутся из памяти Ваши подлинно царственные слова, которые Вы, Ваше Величество, завершая один труднейший процесс, произнесли, повинувшись тому священному духу, которым Вы наделены для управления народом. Вы сказали: «Короли правят согласно с законами своих государств точно так же, как бог правит в согласии с законами природы; и они так же редко должны пользоваться своим правом преступать законы, как редко совершает чудеса сам бог». И тем не менее из другой книги, написанной Вашим Величеством, — «О свободной монархии»³⁶ всем хорошо известно, что Вашему Величеству не менее знакомы вся полнота королевской власти, или, как говорят схоласты, крайние выражения королевских прав, равно как и пределы королевских обязанностей и королевского долга. Поэтому я ни на минуту не колебался привести эту книгу, созданную пером Вашего Величества, как блестящий и великолепнейший образец трактата о частных и специальных обязанностях. И если бы эта книга была написана каким-нибудь царем тысячу лет тому назад, я, конечно, сказал бы о ней то же самое, что уже сказал. Я не придаю никакого значения тем избитым требованиям приличия, которые не позволяют хвалить кого-нибудь в лицо; важно лишь то, чтобы эти похвалы не были чрезмерны и неуместны и не воздавались безо всякого на то повода. Ведь очевидно, что Цицерон в своей блестящей речи в защиту Марцелла занимается главным образом тем, что с исключительным мастерством рисует картину во славу Цезаря, хотя эта речь произносилась в присутствии самого Цезаря. Точно так же поступил Плиний Младший³⁷, произнеся свой панегирик Траяну.

Но вернемся к нашему изложению. К этому учению о специальных обязанностях, вытекающих из того или иного призвания или профессии, примыкает также и другое учение, соотносительное с первым и противопоставленное ему. Это учение о всякого рода обманах, ухищрениях, мошенничествах и пороках, сопутствующих им, ведь обман и порок всегда противопоставляются долгу

и добродетели. Конечно, нельзя сказать, чтобы во всех многочисленных сочинениях и трактатах эта тема вообще обходилась молчанием, но весьма часто она затрагивается лишь бегло и вскользь. Да и как это делается? Чаще, подобно киникам и Лукиану, прибегают к сатире, вместо того чтобы серьезно и глубоко осудить порок. Обычно тратят больше усилий на то, чтобы зло осмеять многое, даже весьма полезное и разумное, в науке, чем на то, чтобы отделить и отбросить испорченное и порочное, сохранив все здоровое и неиспорченное. Соломон прекрасно сказал, что «знание прячется от насмешника и само идет навстречу усердному человеку»³⁸. Ведь всякий, кто относится к науке насмешливо или скептически, без сомнения, сможет легко найти в ней очень много такого, над чем можно было бы поиздеваться, однако это вряд ли даст ему какие-то знания. Но серьезное и умное исследование темы, о которой мы сейчас говорим, в сочетании с непредвзятым и искренним отношением к предмету должно, как мне кажется, стать одним из самых прочных оплотов добродетели и честности. Ибо, подобно тому как сказочный василиск губит человека, если тот первым попадется ему на глаза, и, наоборот, погибает сам, если человек первым увидит его, так и обманы, мошенничества и хитрости теряют свою способность причинять вред, если их удастся обнаружить заранее; если же они сумеют опередить, то только в этом — и ни в каком ином — случае они порождают для нас опасность. Поэтому нам есть за что благодарить Макнавелли и других авторов такого же рода, которые открыто и прямо рассказывают о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать. Ведь невозможно соединить в себе знаменитую «мудрость змия» с «голубиной кротостью», если не познать до самых глубин природу самого зла. Без этого у добродетели не будет достаточно надежной защиты. Более того, честный и порядочный человек никогда и никаким образом не сможет исправить и перевоспитать бесчестных и дурных людей, если сам он прежде не исследует все тайники и глубины зла. Ведь люди испорченные и нечестные убеждены в том, что честность и порядочность существуют только из-за какой-то неопытности и наивности людей и лишь потому, что они верят разным проповедникам и учителям, а также книгам, моральным наставлениям и всякого рода ходячим и избитым истинам.

Поэтому они, пока не убедятся в том, что их дурные и порочные представления, извращенные и ошибочные принципы прекрасно известны не только им самим, но и тем, кто пытается их переубедить и исправить, отвергают всякую возможность честности и порядочности; как сказано в замечательном изречении Соломона: «Глупец не поймет слов мудрости, если ты не скажешь ему того, что уже есть в сердце его»³⁹. Этот раздел, посвященный всякого рода обманам и порокам в каждом роде деятельности, мы отнесем к числу тех, которые должны быть созданы, и будем называть его «Серьезная сатира», или «Трактат о внутренней природе вещей».

Учение об относительных обязанностях охватывает также и взаимные обязанности, такие, как обязанности мужа и жены, родителей и детей, господина и слуги, точно так же законы дружбы и благодарности и существующие в обществе обязательства членов братств, коллегий, взаимные обязательства соседей и т. п. Но всегда нужно ясно отдавать себе отчет в том, что все эти темы рассматриваются здесь не в аспекте гражданского общества как его составные части (ибо это относится к области политики), а только в той мере, в какой речь идет о необходимости подготовки и нравственного воспитания человека для того, чтобы сделать его способным поддерживать и охранять эти общественные связи.

Учение об общественном благе (точно так же как и об индивидуальном благе) не только рассматривает благо, как таковое, но оценивает его сравнительно, а это означает необходимость взвешивать важность исполнения той или иной обязанности в зависимости от той или иной личности, от той или иной ситуации, от того, является ли это обязанностью по отношению к частному лицу или же по отношению к обществу, относится ли эта обязанность к настоящему или к будущему времени. Это можно видеть на примере сурового и жестокого наказания, которому подверг Луций Брут своих сыновей; оно вызвало безмерные похвалы большинства людей, и все же один поэт сказал:

Приговорит, и как те дела ни судили б потомки⁴⁰.

То же самое можно увидеть и на примере того пира, на который были приглашены М. Брут, Г. Кассий и др. Когда там для того, чтобы проверить, как относятся

к заговору против Цезаря, хитро задали вопрос: «Справедливо ли убить тирана?», гости стали высказывать различные мнения. Одни говорили, что это вполне справедливо, ибо рабство — это худшее из зол; другие возражали против этого, потому что, по их мнению, тирания приносит меньше несчастья, чем гражданская война; третьи же, подобно сторонникам школы Эпикура, утверждали, что недостойно мудреца подвергать себя опасности ради глупцов⁴¹. Однако можно привести множество случаев, когда приходится сравнивать между собой те или иные обязанности. Особенно часто здесь возникает такой вопрос: следует ли нарушать требования справедливости ради блага родины или какого-нибудь другого великого блага в будущем? По этому поводу Ясон Фессалийский обычно говорил: «Иногда следует поступать несправедливо для того, чтобы иметь возможность как можно чаще поступать справедливо»⁴². Но здесь сразу же можно возразить: «Ты знаешь, кто поступает справедливо в настоящем, но никто не поручится за будущее». Так пусть же люди стремятся к тому, что сейчас является справедливым и хорошим, предоставив божественному провидению заботу о будущем. Но относительно учения об идеале или благе сказано достаточно.

Глава III

Разделение учения о воспитании души на учение о характерах людей, аффектах и средствах лечения и исправления душевных недугов. Приложение к этому же учению о гармонии между благом души и благом тела

Ну а теперь, когда мы уже сказали о том, что является плодом жизни (понимаемым в философском смысле), остается рассказать о необходимом воспитании души, без чего первая часть, о которой мы говорили, оказывается не более как изображением, статуей, хотя и прекрасной с виду, но лишенной движения и жизни. В пользу этого мнения высказывается и сам Аристотель в следующих красноречивых словах: «Таким образом, говоря о добродетели, необходимо показать, что она собой представляет и из чего она рождается. Ведь было бы почти бесполезно знать природу добродетели, но не знать, какими путями и способами можно ее достигнуть. Следовательно, нужно стремиться узнать не только, каков облик добродетели,

но и как она дает возможность овладеть собой, ибо мы хотим и того и другого: и познать вещь, и распоряжаться ею. А для этого мало одного желания: необходимо знать, из чего и каким образом она складывается»⁴³. Как видим, он говорит об этом в совершенно ясных выражениях и даже повторяет их дважды; однако сам он этому принципу не следует. В этой связи вспоминается, что Цицерон ставил в немалую заслугу Катону Младшему то, что тот познал философию не ради словопрений, как это делает большинство, а для того, чтобы жить по ее принципам⁴⁴. И хотя в наше суетное время мало кто заботится о тщательном воспитании и формировании души и о том, чтобы жить, следуя определенным принципам и нормам (как говорит Сенека: «Каждый размышляет об отдельных сторонах жизни, но никто не думает о самой жизни»⁴⁵), так что этот раздел может даже показаться излишним, однако все это ни в коей мере не может побудить нас оставить эту тему; наоборот, мы хотим заключить следующим афоризмом Гипократа: «Если тяжело больной человек не испытывает страданий, то он болен душевно»⁴⁶. И таким людям необходимо лечиться не только для того, чтобы избавиться от болезни, но и для того, чтобы пробудить в себе вновь способность чувствовать. Если же кто-нибудь возразит мне, что лечение души — это задача священной теологии, то такое возражение будет в высшей степени справедливым; однако же, что мешает моральной философии пойти на службу к теологии, став разумной служанкой и верной спутницей ее, готовой выполнить любое ее желание? Ведь как поется в псалме: «Глаза служанки всегда обращены на руки госпожи»⁴⁷, хотя и нет никакого сомнения в том, что не так-то мало забот и решений остается и на долю самой служанки. Точно так же и этика должна во всем повиноваться теологии и исполнять ее приказания, но так, однако, чтобы, оставаясь в своих собственных границах, она могла содержать немало разумного и полезного.

Я не могу крайне не поражаться тому, что эта часть этики, важное значение которой очевидно, до сих пор не приведена в цельную научную систему. Поэтому, как мы это обычно делаем, считая необходимым создать такую науку, нарисуем здесь ее сжатую схему.

Прежде всего здесь, как и во всем, что имеет отношение к практике, мы должны отдавать себе отчет в том,

что находится в нашей власти, а что нет, так как в первом случае можно изменить положение, во втором же можно только приспособиться к нему. Земледелец не имеет никакой власти над природным характером почвы или над климатом; точно так же врач ничего не может изменить в естественной конституции больного и во всем разнообразии привходящих обстоятельств. Но когда мы говорим о воспитании души и о лечении ее болезней, необходимо принимать во внимание три обстоятельства: различный характер ее склада, ее аффекты и средства исцеления, точно так же как при лечении больного тела мы имеем три компонента: комплекцию, или конституцию, больного, болезнь и лечение. Из этих трех компонентов только последний находится в нашей власти, первые же два от нас не зависят. Но и то, что не находится в нашей власти, необходимо подвергнуть не менее тщательному исследованию, чем исследование предметов, подвластных нам. Глубокое и тщательное исследование всего этого должно лечь в основу учения о средствах лечения, давая возможность лучше и более успешно применять их. Ведь платье не может хорошо сидеть на фигуре, если не снять предварительно мерку с человека.

Итак, первый раздел учения о воспитании души будет посвящен рассмотрению различных типов характеров и склонностей. Мы говорим здесь, однако, не об обычных общих наклонностях к добродетелям и порокам или к волнениям и аффектам, но о чем-то более глубоком и важном. Конечно, и здесь иной раз вызывает удивление то, что писатели, занимающиеся проблемами морали и политики, в большинстве своем пренебрегают этой темой и обходят ее в своих произведениях, хотя она могла бы пролить весьма яркий свет на обе эти науки. В астрологии весьма удачно определяют различие характеров и способностей в зависимости от расположения планет, указывая, что одни предназначены природой к научной деятельности, другие — к гражданской, одни — к военной карьере, другие — к политической, одни — к любовным похождениям, другие — к занятиям искусствами, а некоторые вообще не имеют определенных склонностей. Точно так же и у поэтов (эпических, сатирических, трагических, комических) мы встречаем повсюду изображение характеров, хотя почти всегда несколько преувеличенное и нарушающее естественное правдоподобие. Более того, эта тема о разли-

циях в человеческих характерах принадлежит к числу тех, о которых (хотя и очень редко) в повседневных разговорах людей можно услышать более разумные вещи, чем в самих книгах. Но самый лучший материал для такого исследования следует искать у наиболее серьезных историков, и не только в похвальных речах, произносимых обычно на похоронах какого-нибудь знаменитого лица, но прежде всего в самой истории, в изображении этой личности всякий раз, как она, если можно так выразиться, выходит на сцену. Такого рода изображение исторической личности в ходе событий, в которых она участвует, дает, как мне кажется, более верное представление о характере человека, чем та оценка, которую мы встречаем в панегириках. Именно так показывает Тит Ливий Сципиона Африканского и Катона Старшего, Тацит — Тиберия, Клавдия и Нерона, Геродн — Септимия Севера, Филипп де Комин — французского короля Людовика XI, Франческо Гвиччардини — Фердинанда Испанского, императора Максимилиана, пап Льва и Клементя. Ведь эти писатели, постоянно следуя за избранными ими лицами, почти никогда не упоминают о совершенных ими деяниях без того, чтобы не вставить что-то касающееся особенностей их характера. Кроме исторических сочинений интересные наблюдения над характерами кардиналов дают нам протоколы конклавов по избранию пап, которые нам удалось прочитать, а также письма послов, рассказывающие о советниках правителей. Короче говоря, все перечисленное здесь должно послужить материалом для серьезного и всестороннего сочинения. Однако же мы вовсе не хотим, чтобы в этике все эти характеристики воспринимались как цельные образы людей (как это имеет место в поэтических и исторических сочинениях и в повседневных разговорах); скорее это должны быть какие-то более простые элементы и отдельные черты характеров, смешение и соединение которых образуют те или иные образы. Нужно установить, сколько существует таких элементов и черт, что они собой представляют и какие взаимные сочетания допускают; следует проделать своего рода искусное и точное рассечение характеров и общего психического склада людей для того, чтобы вскрыть тайну индивидуальных способностей и склонностей каждого человека и на основании этого знания находить более правильные пути для врачевания души.

Далее, этот трактат не должен включать лишь те черты характеров, которые создаются самой природой, но в него должны войти и те, которые являются результатом воздействия иных факторов, таких, как пол, возраст, родина, здоровье, внешность и т. п., а кроме того те, которые формируются общественным положением, например характерные черты правителей, знатных и незнатных людей, богатых и бедных, государственных деятелей и частных лиц, счастливых, несчастных и т. п. Ведь Плавту, например, кажется чудом, если старик оказывается добрым: «Он добр, как юноша»⁴⁸. А святой Павел, призывая к строгому обращению с критянами («Осуди их резко...»), осуждает сам дух этого народа, пользуясь словами поэта: «Критяне — всегда лживые, скверные твари, ленивое брюхо»⁴⁹. Саллюстий отмечает в характере царей ту особенность, что они весьма часто выражают противоречивые желания: «Желания царей в большинстве случаев как пылки, так и непостоянны и часто противоречат одно другому»⁵⁰. Тацит замечает, что почести и власть чаще всего меняют характеры людей в худшую, а не в лучшую сторону: «Один только Веспасиан изменился к лучшему»⁵¹. Пиндар обращает внимание на то, что внезапное счастье и удача в большинстве случаев делают людей слабыми и нестойкими: «Есть такие люди, которые не могут вынести большого счастья»⁵². В одном из псалмов говорится, что легче соблюсти меру и быть сдержанным в обычных обстоятельствах, чем тогда, когда тебе выпадает счастье: «Если достается вам богатство, не отдавайте ему сердца»⁵³. Я не отрицаю, что у Аристотеля в «Риторике» сделано вскользь несколько аналогичных наблюдений, точно так же как и в некоторых сочинениях других авторов, но никогда еще до сих пор все эти наблюдения не включались целиком в состав моральной философии, к которой они главным образом и относятся, точно так же как к науке о земледелии относится исследование о различиях почв или к медицине — исследование о различных типах конституции тела. В конце концов это необходимо сделать хотя бы теперь, если только мы не хотим подражать шарлатанству знахарей, которые лечат всех больных одним и тем же лекарством, не считаясь с особенностями конституции каждого.

За учением об особенностях характера следует учение об аффектах и волнениях, являющихся, как уже было

сказано, своего рода болезнями души. В свое время древние политические деятели обычно говорили о демократии, что народ там подобен самому морю, ораторы же — ветрам, ибо как море само по себе было всегда тихим и спокойным, если бы его не волновали ветры и не поднимали бы на нем бури, так и народ сам по себе был бы всегда мирным и послушным, если бы его не подстрекали к волнениям злонамеренные ораторы⁵⁴. Аналогичным образом можно с полным основанием утверждать, что человеческий ум по своей природе был бы спокоен и последователен, если бы аффекты, подобно ветрам, не приводили его в волнение и смятение. И здесь снова приходится удивляться тому, что Аристотель, написавший столько книг по этике, не рассматривает в них аффекты как основной элемент этики; в то же время он находит для них место в «Риторике», где они должны рассматриваться лишь во вторую очередь (лишь в той мере, в какой они могут быть вызваны ораторской речью). Следует, однако, признать, что он в этой книге дает блестящий и тонкий анализ этих аффектов, насколько, разумеется, это возможно в столь сжатом изложении. Но его рассуждения о наслаждении и страдании ни в коей мере не удовлетворяют требованиям предполагаемого нами трактата, точно так же как нельзя было бы сказать о человеке, пишущем о свете и о субстанции света, что он написал о природе каждого отдельного цвета, ибо наслаждение и страдание находятся в таком же отношении к отдельным аффектам, в каком свет находится к отдельным цветам. Тщательнее других разрабатывали эту тему стоики (насколько, конечно, об этом можно судить по сохранившимся произведениям), однако они стремились прежде всего к возможно большей тонкости дефиниций, а не к тому, чтобы дать обширное и исчерпывающее изложение вопроса. Впрочем, мне известны еще несколько довольно изящных книжечек, посвященных некоторым из аффектов, например о гневе, о ложном стыде, и еще кое-какие весьма немногочисленные сочинения. Но если уж говорить правду, то подлинными знатоками этой науки — это поэты и историки. Ведь именно они дали глубокий анализ и показали, как следует возбуждать и зажигать страсти; как следует их успокаивать и усыплять; как опять-таки сдерживать их и обуздывать, не давая им возможности прийти в действие; каким образом те же

самые страсти, хотя и подавленные и скрытые, тем не менее выдают себя; какие действия они производят; как чередуются между собой, как переплетаются друг с другом; как сталкиваются, борются между собой, и бесчисленное множество других вопросов. Среди них особенно важное значение имеет и в этической, и в гражданской областях вопрос о том, каким образом одно чувство управляет другим чувством и как с помощью одного чувства можно подчинять другое. Здесь может послужить примером практика охотников и птицеловов, которые прибегают к помощи одних животных для поимки других, одних птиц — для поимки других и, пожалуй, без их помощи своими собственными силами человек бы не смог так легко сделать это. Скажем больше, в сущности именно на этом принципе основывается всем известная и широко применяемая в любой гражданской области практика наказания и поощрения, на которой держится всякая государственность, ибо два господствующих чувства — страх и надежда — сдерживают и подавляют все остальные вредные аффекты. И если в практике управления государством нередко одна партия сдерживает другую, заставляя исполнять свои обязанности по отношению к нему, то подобное же происходит и при управлении внутренними движениями души.

Теперь мы, наконец, подошли к тому, что находится в нашей власти, к тому, что воздействует на душу, волю и стремление, возбуждая их и направляя в любую сторону, и поэтому имеет огромное значение для изменения и переделки характеров. В этой области от философов требуется тщательное и настойчивое исследование той силы влияния, которой обладают привычки, упражнение, навыки, воспитание, подражание, соперничество, постоянное общение, дружба, похвала, упрек, уговоры, молва, законы, книги, занятия и пр. Ведь именно эти факторы являются господствующими в области морали, именно они воздействуют на душу и определяют ее состояние, именно из этих ингредиентов составляются, если можно так выразиться, лекарства, предназначенные для поддержания и восстановления душевного здоровья, насколько это вообще доступно человеческим средствам. Из числа всех этих факторов мы выберем один или два и остановимся на них несколько подробнее, чтобы это послужило при-

мером для анализа остальных. Итак, скажем несколько слов о привычке и навыке (*habitus*).

Известное мнение Аристотеля, согласно которому привычка не обладает никакой силой по отношению к действиям естественного порядка, свидетельствует, как мне кажется, об узости и несерьезности его взгляда. В качестве примера он предлагает камень, бросаемый вверх, говоря при этом, что, «если бросать его тысячу раз, он не приобретет от этого способности подниматься самостоятельно», более того, «если мы будем довольно часто что-то видеть или слышать, наши зрение или слух ничуть не делаются от этого лучше»⁵⁵. Хотя это положение и имеет силу в некоторых случаях, там, где природе принадлежит безусловно решающий голос (сейчас у нас нет времени говорить о причинах этого), однако там, где природа, не испытывая стеснения, допускает напряжение и ослабление, все происходит совершенно иначе. Например, можно видеть, как тесноватая перчатка, после того как ее несколько раз наденут на руку, растягивается; налка, постепенно сгибаемая в направлении, противоположном ее естественному изгибу, остается в этом новом положении; голос благодаря упражнению становится сильнее и звучнее; привычка дает возможность переносить жар и холод, и множество других примеров в том же роде. Впрочем, два последние примера ближе к существу дела, чем те, которые приводятся самим Аристотелем. Однако, как бы там ни было, чем более правильным является утверждение, что и добродетели, и пороки представляют собой навыки, тем настойчивее должен был он стремиться к установлению определенных правил, следуя которым можно было бы приобрести такого рода привычку или освободиться от нее. Ведь можно дать множество полезных советов о разумном воспитании как души, так и тела. Некоторые из них мы рассмотрим здесь.

Первый состоит в том, чтобы мы с самого начала избегали задач, которые были бы слишком трудны или, наоборот, слишком незначительны по сравнению с тем, чего требует дело. Ведь слишком тяжелый груз может в человеке средних способностей убить всякую надежду на успех, так что у него опустятся руки, у человека же самоуверенного — разбудить огромное самомнение и убеждение в безграничности собственных сил, что неизбежно ведет за собой небрежность. Но и в том и в другом

случае опыт не оправдывает ожиданий, а это всегда вызывает смятение и упадок духа. Ну а если задача слишком легка, это приведет к значительной задержке в продвижении вперед.

Второй совет требует, развивая какую-то способность с целью приобрести в ней навык, обращать прежде всего внимание на два момента, а именно: когда душа лучше всего расположена к предполагаемому делу и когда — хуже всего. Первый необходим для того, чтобы возможно дальше продвинуться по избранному пути, второй — для того, чтобы, собрав все силы души, уничтожить преграды и препятствия, встречающиеся на нем, и в результате легко и спокойно будет найден средний путь.

Третий совет, о котором мимоходом упоминает Аристотель, — это «всеми силами (исключая, однако, недостойные приемы) стремиться в сторону, противоположную той, к которой нас сильнее всего влечет природа»⁵⁶, подобно тому как мы гребем против течения или сгибаем в противоположную сторону кривую палку, чтобы ее выпрямить.

Четвертый совет вытекает из одной удивительно верной аксиомы: «Мы с большим удовольствием и успехом стремимся к тому, что вовсе не является нашей основной задачей и нашим главным занятием, поскольку наша душа от природы чуть ли не с ненавистью воспринимает жестокую власть необходимости и насилия». Есть и много других полезных наставлений, которые могли бы помочь управлять привычкой. Ведь привычка, если ее развивать разумно и умело, действительно становится (как обычно говорят) «второй натурой»; если же управлять ею неумело и полагаться лишь на случай, то она превратится в какую-то обезьяну природы, неспособную что-либо правильно воспроизвести и изображающую все только в уродливом и искаженном виде.

Точно так же если бы мы захотели сказать несколько слов о значении книг и учения и влиянии их на нравы, то разве мало существует плодотворных советов и наставлений, относящихся к этой теме? Разве один из отцов церкви с величайшим негодованием не называл поэзию «вином демонов»⁵⁷, поскольку она действительно порождает множество искушений, страстей и ложных представлений? Разве Аристотель не высказал очень мудрую и достойную самого серьезного отношения мысль

о том, что «юноши не способны еще усвоить моральную философию»⁵⁸, ибо в них еще не охладел пыл юных волнений и страсти не успокоились под влиянием времени и жизненного опыта? И если говорить правду, то разве не потому великолепнейшие книги и проповеди древних писателей, которые весьма убедительно призывают людей к добродетели, показывая воочию все ее величие и осмеивая ходячие мнения, старающиеся, подобно паразитам в комедии, унижить ее, оказываются столь малоэффективными и так мало помогают утверждению нравственности и исправлению нравов, что их обычно читают отнюдь не умудренные годами люди, а лишь дети и незрелые юноши? Разве не верно то, что молодые люди еще значительно менее, чем к этике, подготовлены к изучению политики, если они вполне не проникнутся религией и учением о нравственности и об обязанностях, потому что в противном случае они могут под влиянием искаженных и неправильных представлений прийти к убеждению, что вообще не существует подлинных и надежных моральных критериев, но все измеряется лишь степенью полезности и удачи? Как говорит поэт:

...зовется доблестью разбой удачный...⁵⁹ —

и в другом месте:

Этот несет в наказание крест, а другой — диадему⁶⁰.

Впрочем, поэты предпочитают здесь форму сатиры, с негодованием обрушиваясь на эти пороки. Но некоторые книги о политике вполне серьезно и положительно излагают эту тему. Так, Макиавелли пишет, что «если бы Цезарь оказался побежденным, то он стал бы еще более одиозной фигурой, чем Катилина»⁶¹, как будто, кроме одной удачи, не существует никакого различия между какой-то кровавой и сладострастной фурией и человеком возвышенной души, самым удивительным среди людей (если бы у него только не было такого честолюбия). Мы видим на этом примере, как необходимо людям всеми силами стараться познать науку благочестия и нравственности, прежде чем они приступят к политике, тем более что люди, воспитанные во дворцах и с детских лет готовящиеся к государственной деятельности, почти никогда не приобретают подлинной и глубокой нравственной порядочности; и насколько было бы хуже, если бы

к этому присоединились еще и книжные наставления! Более того, разве не следует также относиться с осторожностью и к самим моральным поучениям и образцам, по крайней мере к некоторым из них, ибо они иной раз способны сделать человека упрямым, заносчивым и замкнутым? Ведь говорит же Цицерон о Катоне: «Знайте, что все те поистине божественные и выдающиеся достоинства, которые вы видите в нем, — это то, что принадлежит ему от природы, те же недостатки, которые мы порой в нем находим, не созданы природой, а воспитаны учителями»⁶². Существует и множество других аксиом, касающихся того действия, которое производят на человеческую душу учение и книги. И поистине справедливы слова поэта: «Учение переходит в нравы»⁶³, что в равной мере приходится сказать и о других факторах, таких, как общение с людьми, репутация, законы и т. п., которые мы перечислили выше.

Впрочем, существует определенный метод воспитания души, который, как мне кажется, более тщательно разработан, чем остальные. Этот метод опирается на такое основание: «Душа каждого человека в определенные моменты находится в состоянии большего совершенства, в другие же моменты — в состоянии меньшего». Поэтому основная цель и задача этого метода состоит в том, чтобы поддерживать наиболее благоприятные моменты, а неблагоприятные, если можно так выразиться, совершенно вычеркивать из календаря. Есть два способа закрепить благоприятные моменты душевного состояния: обеты или по крайней мере очень твердые решения души, с одной стороны, и, с другой — наблюдение и упражнения, которые, впрочем, имеют значение не столько сами по себе, сколько потому, что они постоянно удерживают душу в повиновении и готовности к исполнению долга. Отрицательные моменты могут быть уничтожены также двумя способами: тем или иным искуплением и исправлением прошлого либо избранием нового жизненного пути и началом жизни как бы заново. Но эта часть, как мне кажется, уже относится к религии; и это неудивительно, так как истинная и настоящая моральная философия, как уже было сказано, является всего лишь служанкой теологии.

Таким образом, мы завершим рассмотрение этой части учения о воспитании души указанием на то сред-

ство, которое, будучи самым экономным и общим из всех, в то же время оказывается и наиболее ценным и эффективным для формирования в душе способности восприятия добродетели и развития в ней состояния, очень близкого к состоянию совершенства. Это средство состоит в том, что мы избираем и ставим перед собой правильные и согласующиеся с добродетелью цели нашей жизни и наших действий, причем эти цели должны быть все же хоть в какой-то мере достижимыми для нас. Ведь если предположить две вещи, а именно, что цели наших действий хороши и высокопоставлены, а решимость души достичь их и претворить в жизнь прочна и неизменна, то из этого следует, что душа сразу же принимает и формирует в себе одновременно все добродетели. Именно в этом проявляется деятельность самой природы, тогда как остальные действия, о которых мы уже говорили, кажутся нам лишь делом рук человека. Ведь когда скульптор лепит или вырубает из камня какую-то статую, он создает каждый раз только ту ее часть, которой в данный момент он занят, а не все остальные (например, пока он создает лицо, остальная часть тела остается необработанным, бесформенным камнем, до тех пор пока рука скульптора не коснется и ее); напротив, природа, создавая цветок или живое существо, порождает и формирует одновременно зачатки всех частей организма. Подобным же образом когда мы имеем дело с благоприобретенными добродетелями, существующими как результат какого-то навыка или тренировки, то, стремясь, например, развить в себе воздержанность, мы ослабляем усилия в развитии храбрости и остальных добродетелей; когда же мы целиком посвящаем себя достижению справедливых и высокопоставленных целей, то, какой бы добродетели ни потребовали от нашей души эти цели, всегда можно заметить, что мы уже обладаем определенной склонностью, предрасположением и известными способностями к приобретению и проявлению этой добродетели. И это, пожалуй, именно то состояние души, которое так великолепно описывает Аристотель, рассматривая его не как добродетель, а как некое проявление божественной природы. Вот его собственные слова: «Дикости естественно противопоставить ту героическую или божественную добродетель, которая стоит выше человеческой», и несколько ниже: «Ибо для зверя не суще-

ствует ни порока, ни добродетели, точно так же как и для бога. Но если последнее состояние есть нечто высшее, чем добродетель, первое представляет собой лишь нечто отличное от порока»⁶⁴. Правда, Плиний Младший со свойственной языческому панегиристу неумеренностью изображает добродетель Траяна не как подражание, а как образец божественной добродетели, говоря, что «людям нужно просить богов только о том, чтобы они были бы для смертных такими же добрыми и благосклонными владыками, как Траян»⁶⁵. Однако в этих словах слышится нечестивая, безбожная и высокомерная заносчивость язычников, которые придавали большее значение каким-то теням, чем самой сущности. Но истинная религия и святая христианская вера стремится к самому существу вещей, внушая душам христианскую любовь, которую в высшей степени правильно называют «узами совершенства» (*vinculum perfectionis*)⁶⁶, так как она соединяет и связывает воедино все добродетели. Удивительно изящно сказано у Меландра о чувственной любви, которая является лишь искаженным подражанием любви божественной: «Любовь для человеческой жизни — лучший учитель, чем неуклюжий софист»⁶⁷. Он говорит этими словами, что любовь лучше воспитывает достойные нравы, чем учитель и софист, которого он называет «невежественным». Действительно, всеми своими многотрудными правилами и наставлениями он не смог бы так умело и свободно, как это делает любовь, научить человека и ценить самого себя, и прекрасно вести себя в любом положении. Так, вне всякого сомнения, если чья-то душа пылает жаром истинной христианской любви, ей удастся достичь большего совершенства, чем с помощью всех средств этической науки, которая в данном случае по сравнению с христианской любовью, конечно же, оказывается в положении этого софиста. Более того, подобно тому как прочие аффекты, по верному наблюдению Ксенофонта, хотя и возвышают душу, однако в то же время вносят в нее своими порывами и излишествами волнение и дисгармонию, и только одна любовь одновременно возвышает ее и успокаивает⁶⁸, так и все остальные человеческие дарования, вызывающие наше восхищение, хотя и возвышают и возвеличивают нашу природу, тем не менее не свободны от излишеств, и только одна христианская любовь никогда не может быть чрезмерной.

Ангелы, желая обладать могуществом, равным божественному, совершили грех и пали. «Вознесусь и буду подобен всевышнему»⁶⁹. Человек, посягнувший на знание, равное божественной мудрости, совершил грех и пал. «И вы, как боги, познаете добро и зло»⁷⁰. Но ни ангел, ни человек никогда не совершали и не совершат греха, стремясь уподобиться богу в благодати и любви. Наоборот, нас даже призывают к такому именно подражанию: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»⁷¹. Да и по отношению к самому первоисточнику божественной природы языческая религия употребляет слова «благий, великий» (*optimus, maximus*), Священное же писание заявляет: «Милосердие его превыше всех деяний его»⁷².

Итак, мы закончили рассмотрение той части этики, которая посвящена георгикам души. Если кто-нибудь при взгляде на перечисленные нами части этого учения решит, что вся наша работа состоит только в том, что мы свели в цельную науку или учение то, что было пропущено другими писателями как общеизвестное, банальное и само по себе достаточно очевидное и ясное, пусть думает, как хочет. Но пусть он все же помнит то, о чем мы предупредили с самого начала: мы видим цель свою не в приукрашивании вещей, а в выявлении в них полезного и истинного. Пусть также он припомнит и созданный древними аллегорический образ двойных ворот сновидения:

Снов суть двойные двери: одни, говорят, роговые —
Оными легкий дается исход для тѣней правдивых;
Блещут другие, из белой сделаны кости слоновой,
Лживые к небу чрез них посылаются Манами грезы⁷³.

Конечно, поистине великолепны ворота из слоновой кости, однако правдивые сновидения выходят через роговые ворота.

В качестве дополнения к этике можно было бы привести то соображение, что существует определенное соотношение и известное сходство между благом души и благом тела. Ведь подобно тому как мы сказали, что те-

лесное благо складывается из здоровья, красоты, силы и наслаждения, так и душевное благо, рассматриваемое с точки зрения этики, по-видимому, стремится к тому же, т. е. оно хочет сделать душу здоровой и недоступной волнениям, прекрасной и украшенной истинной нравственностью, мужественной и способной встретить и вынести все испытания жизни, наконец, не тупой и глупой, а способной испытывать живое чувство наслаждения и благородной радости. Однако все эти качества и тела, и души очень редко встречаются вместе. Ведь часто можно увидеть немало людей, отличающихся могучим умом и силой духа, которых тем не менее обуревают страсти и характер которых едва ли отличается хоть каким-то изяществом и обаянием. Можно встретить и других, которые в изобилии наделены и изяществом, и обаянием, но которым не хватает ни душевной честности, для того чтобы они захотели, ни душевных сил, для того чтобы они смогли поступать согласно принципам нравственности. Третьи обладают душой честной и свободной от всех пороков и слабостей, однако не могут ни снискать славы себе самим, ни быть полезными государству. Есть и такие, которые, может быть, даже обладают всеми тремя перечисленными выше достоинствами, но в силу какой-то стоической суровости и бесчувственности, будучи способными на добродетельные поступки, сами не умеют наслаждаться и радоваться. Так что если и случается, что иной раз два или три из этих четырех качеств соединятся в одном человеке, то уж совсем редко, как мы уже сказали, могут соединиться все четыре. Итак, мы полностью рассмотрели эту основную часть философии человека, которая рассматривает человека как состоящего из тела и души, но взятого отдельно, вне его связей с обществом.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Глава I

Разделение гражданских наук на учение о взаимном обхождении, учение о деловых отношениях и учение о правлении, или о государстве

Существует, великий государь, старинный рассказ о том, как однажды собралось множество философов в присутствии посла чужеземного царя и каждый всеми силами старался показать свою ученость и мудрость, чтобы послу было что рассказать царю об удивительной мудрости греков. Но один из них молчал и ничего не говорил, так что посол, обратившись к нему, сказал: «А что, твоему, я должен сообщить царю?» — И тот ответил: «Скажи своему царю, что ты встретил среди греков одного, который умеет молчать»¹. Впрочем, я и сам забыл включить в наш обзор наук науку молчания, которой, однако (поскольку она в большинстве случаев еще не создана), я буду учить собственным примером. Ведь поскольку сам порядок изложения привел меня наконец к необходимости говорить ниже о науке управления, поскольку я посвящаю свой трактат такому великому государю, который является подлинным мастером в этом искусстве, с младенческих лет познавшим его секреты, и поскольку я не могу забыть, какое место я занимал подле Вашего Величества, я счел более разумным и естественным доказать знакомство с этой наукой скорее своим молчанием перед Вашим Величеством, чем изложением ее. Ведь говорит же Цицерон о том, что в молчании заключено не только искусство, но и своего рода красноречие. Так, упомянув в одном из писем к Аттику о нескольких своих беседах с каким-то человеком, он, пересказывая их содержание, пишет: «И здесь я заимствовал кое-что из твоего красноречия и замолчал»². А Пиндар, который так любил неожиданно поражать человеческое воображение, как волшебным жезлом, какой-нибудь

удивительной мыслью, бросил как-то такую фразу: «Иногда несказанное поражает сильнее, чем сказанное»³. Поэтому я решил хранить здесь молчание или (что ближе всего к молчанию) быть возможно более кратким. Но прежде чем перейти к искусству правления, нужно предварительно сказать довольно многое о других разделах гражданской науки.

Гражданская наука имеет дело с предметом в высшей степени широким и неопределенным и потому с очень большим трудом может быть сведена к аксиомам. Однако кое-что может помочь в преодолении этой трудности. Во-первых, подобно тому как Катон Старший имел обыкновение говорить о римлянах, что «они подобны овцам, стадо которых гнать гораздо легче, чем одну овцу, поскольку, если удастся хотя бы несколько овец из стада направить по нужной дороге, остальные сами пойдут за ними»⁴, так и задачи этики, по крайней мере в этом отношении, оказываются несколько более сложными, чем задачи политики. Во-вторых, этика ставит своей целью пропитать и наполнить душу внутренней порядочностью, тогда как гражданская наука не требует ничего, кроме внешней порядочности, которой для общества вполне достаточно. Поэтому нередко случается так, что и при хорошем правлении времена могут быть тяжелыми; ведь и в Священном писании, когда рассказывается о добрых и благочестивых царях, не раз встречается выражение: «Но народ еще не обратил сердца своего к господу богу отцов своих». Таким образом, и в этом отношении задачи этики тяжелее. В-третьих, особенностью государств является то, что они, подобно громоздким машинам, приходят в движение довольно медленно и после больших усилий, но зато не так быстро и приходят в упадок. И как в Египте семь урожайных лет помогли пережить семь неурожайных, так и в государствах хорошая организация правления в предшествующие годы способствует тому, что ошибки последующих лет не сразу оказываются губительными. Убеждения же и нравы отдельных людей обычно меняются значительно быстрее. И это в свою очередь также осложняет задачи этики и облегчает задачи политики.

Гражданская наука делится на три части в соответствии с тремя важнейшими функциями общества, а именно: на учение о взаимном обхождении, учение о деловых

отношениях и учение о правлении, или о государстве. Ведь существует три основных блага, которых люди ждут для себя от гражданского общества: избавление от одиночества, помощь в делах и защита от несправедливых. И эти три вида мудрости совершенно различны по своей природе и весьма часто отделены друг от друга: мудрость общения, мудрость в делах, мудрость правления.

Действительно, что касается обхождения, то оно не должно быть ни аффектированным, ни тем более небрежным, так как умение вести себя свидетельствует об известном нравственном достоинстве и оказывает большую помощь в удачном осуществлении как частных, так и общественных дел. Ведь как для оратора важна манера поведения (хотя она и является в какой-то мере чисто внешним качеством) настолько, что ей отдают предпочтение даже перед другими сторонами его искусства, которые представляются более важными и существенными, точно так же и для гражданина обхождение и манера поведения (даже если речь идет о внешней стороне дела) играют если не основную, то по крайней мере, очень важную роль. Действительно, сколь важное значение имеет само лицо и его выражение! Правильно говорит поэт:

И выраженьем лица слов своих не отрицай⁵.

Ведь иной человек сможет выражением лица ослабить впечатление от своей речи или вовсе погубить ее. Более того, если верить Цицерону, то выражением лица можно повредить не только словам, но и делам. Так, советуя брату быть как можно любезнее с жителями провинции, он говорит, что любезность состоит не столько в том, чтобы быть доступным для всех, но прежде всего в том, чтобы встречать посетителей с ласковым и приветливым выражением лица: «Нет никакого смысла держать дверь открытой, если лицо заперто наглухо»⁶. Мы знаем также, что Аттик перед первой встречей Цицерона с Цезарем, уже в самый разгар гражданской войны, подробно и серьезно давал Цицерону в своем письме советы о том, как придать лицу и жестам выражение достоинства и солидности⁷. И если столь большое значение имеет одно только выражение лица, то насколько же важнее дружеская беседа и все, что относится к взаимному обхождению. Но конечно же, наиболее полно и концентрированно

выражаются воспитанность и нравственная культура человека в том, чтобы мерить одинаковой мерой и равно ценить как собственное, так и чужое достоинство, что очень хорошо выразил Тит Ливий (хотя и в несколько иной связи), говоря о собственном характере: «Я не хочу показаться высокомерным или подобострастным, ибо первый забывает о чужой свободе, второй — о собственной»⁸. С другой стороны, если мы будем уделять слишком большое внимание вежливости и внешнему изяществу поведения, то они вырождаются в какую-то уродливую и фальшивую манерность. «Что может быть безобразнее, чем устраивать из жизни театральное представление?» Но если даже дело не дойдет до этих крайних и неприглядных форм, все равно на подобного рода пустяки будет потрачено слишком много времени и душа будет занята заботами об этих вещах больше, чем следует. И подобно тому как в университетах преподаватели обычно предостерегают студентов, слишком увлекающихся встречами и беседами со сверстниками: «Друзья — похитители времени», так и это постоянное внимание и забота ума о соблюдении правил обхождения, без сомнения, крадут немало времени у более серьезных и важных размышлений. К тому же те, кто отличается особенной утонченностью своих манер и своей речью и кажется чуть ли не рожденным только для этого, обычно вполне удовлетворяются одним этим качеством и почти никогда не стремятся к достоинствам более серьезным и более возвышенным; и, наоборот, те, кто сознает за собой тот или иной недостаток в этой области, стремятся утвердить свое достоинство, завоевать уважение к себе; а когда существует уже добрая слава о человеке, тогда почти всякое действие его выглядит достойным; когда же уважения нет, тогда и приходится прибегать к помощи изысканных манер, учтивости и светскому обхождению. Далее, едва ли можно найти более серьезное и чаще встречающееся препятствие для деловой практики, чем не в меру внимательное и скрупулезное соблюдение всех правил такого рода внешней благопристойности и вытекающий из этого другой недостаток — томительный выбор времени и удобного случая. Великолепно сказал Соломон: «Кто оглядывается на ветер, тот не сеет, кто оглядывается на облака — не жнет»⁹. Ибо мы должны сами создавать благоприятные обстоятельства, а не ждать их. Словом, вся

эта светская манера обращения представляет собой своего рода одежду души и должна поэтому обладать всеми качествами одежды. Во-первых, она должна быть такой, какую носят все; во-вторых, она не должна быть слишком изысканной и дорогой; в-третьих, она должна быть скроена так, чтобы как можно лучше показать все достоинства, которыми обладает душа, и, наоборот, замаскировать и скрыть те недостатки, которые в ней могут быть; наконец, и прежде всего она не должна быть слишком тесной, чтобы душа могла чувствовать себя свободно и чтобы одежда не сдерживала и не мешала ее действиям. Но эта часть гражданской науки, посвященная взаимному обхождению, весьма удачно изложена рядом писателей и ни в коем случае не должна рассматриваться как нуждающаяся в дополнительном исследовании.

Глава II

Разделение учения о деловых отношениях на учение «об известных случаях» и учение о жизненной карьере. Пример учения «об известных случаях», заимствованных из нескольких притч Соломона. Наставления, относящиеся к искусству делать карьеру

Учение о деловых отношениях мы разделим на учение «об известных случаях» и учение о жизненной карьере, из которых первое охватывает собой все многообразие дел и выполняет роль своего рода секретаря повседневной жизни, второе включает в себя только то, что касается личных успехов каждого человека и для каждого может служить чем-то вроде личной записной книжки или реестром его частных дел. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению отдельных разделов науки о деловых отношениях, мы скажем несколько слов об этом учении в целом. До сих пор еще никто не рассматривал науку о деловых отношениях так, как этого требует важность самого вопроса, что, несомненно, сильно повредило как самой науке, так и ученым в глазах общественного мнения. Именно здесь таится корень пренебрежительного отношения к образованным людям, выразившегося в убеждении, что ученость и мудрость в практических делах очень редко совпадают. Действительно, если посмот-

реть внимательнее, можно заметить, что из тех трех видов мудрости, которые, как мы только что сказали, касаются гражданской жизни, мудрость обхождения с людьми по существу находится в глубоком пренебрежении у ученых, считающих ее чем-то рабски низким, да к тому же и прямо мешающим философским размышлениям. Что же касается мудрости управления государством, то ученые, оказываясь у кормила власти, правда, неплохо справлялись со своими обязанностями, но лишь очень немногие из них достигали высоких должностей. О мудрости же в области деловых отношений (о которой мы и говорим в данный момент), теснейшим образом связанной со всей человеческой жизнью, вообще не существует ни одной книги, если не считать нескольких общих наставлений, которые едва ли могут составить одну или две тощих книжонки и ни в коей мере не соответствуют ни значению, ни объему данного предмета. А если бы существовали хоть какие-нибудь серьезные книги по этому вопросу, подобно тому как они существуют в других областях, то я ни на минуту не сомневался бы, что в этом случае образованные люди, овладев некоторыми практическими навыками, далеко превзошли бы людей необразованных, несмотря на всю их долголетнюю практику, и, как говорят, значительно успешнее поражали бы их их собственным оружием.

И у нас нет никаких оснований бояться, что удивительное разнообразие материала этой науки не даст никакой возможности сформулировать точные правила; наоборот, этот материал намного меньше того, с которым мы сталкиваемся в науке об управлении государством, а между тем, как нам известно, эта последняя отлично разработана. Создается впечатление, что у римлян в их лучшие времена существовали даже люди, специально занимавшиеся обучением такого рода мудрости. Так, Цицерон свидетельствует, что незадолго до его времени существовал обычай, по которому самые знаменитые своей мудростью и житейским опытом сенаторы (такие, как Корунканий, Курий, Леллий и др.) в определенные часы приходили на форум, где любой гражданин мог спросить у них совета не только по юридическим вопросам, но и по своим житейским делам, например, как выдать дочь замуж, как воспитывать сына, о покушке имущества, о заключении контракта, о том, как вести обвинение или за-

щиту и т. д., т. е. о любом деле, которое может возникнуть в повседневной жизни¹⁰. Отсюда ясно, что существует определенная наука давать совет в частных делах, основанная на всестороннем знании и опыте общественной жизни. И хотя это знание применяется к частным случаям, само оно является результатом общего изучения аналогичных случаев. Так, мы видим, что в книге «О достижениях консульского звания», которую Квинт Цицерон написал для своего брата (а насколько я помню, это единственный дошедший от древних трактат, посвященный какому-то частному деловому вопросу), несмотря на то, что ее главной целью является дать совет по конкретному вопросу, относящемуся к той эпохе, содержится тем не менее множество политических аксиом, имеющих не только преходящее, временное значение, но и дающих некоторые неизменные положения относительно народных выборов. Однако среди всех произведений этого рода нельзя найти ни одного, которое хотя бы в чем-то могло сравниться с афоризмами царя Соломона, о котором Священное писание говорит: «Разум его был подобен песку морскому»¹¹. Ведь подобно тому как морской песок рассыпан по всем берегам земли, так и мудрость его охватила все дела, человеческие и божественные. И в этих афоризмах помимо истины чисто теологического характера мы, безусловно, найдем немало в высшей степени ценных советов и наставлений в практической области, вытекающих из сокровенных глубин мудрости и широким потоком разливающихся по всему бескрайнему разнообразию жизни. А так как учение об известных случаях (которое является частью учения о деловых отношениях) мы относим к числу нуждающихся в развитии, то по установленному нами порядку мы несколько задержимся на этой теме и приведем пример разработки этой науки на материале афоризмов или притч Соломона. И никто, я полагаю, не сможет осудить нас за то, что мы истолковали в политическом смысле одного из авторов Священного писания. Ведь если бы сохранились книги того же Соломона о природе вещей (в которых он писал «о всяком растении, от мха на стене до кедр ливанского»¹², и о всех животных), то, как я полагаю, мы бы имели полное право истолковать их в естественнонаучном смысле; аналогично мы можем поступить и в вопросах политики.

ПРИМЕР ОДНОЙ ИЗ ЧАСТЕЙ
УЧЕНИЯ «ОБ ИЗВЕСТНЫХ СЛУЧАЯХ»
НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ ПРИТЧ СОЛОМОНА

Притча I

«Мягкий ответ отвращает гнев»¹³.

Объяснение

Если ты вызовешь гнев государя или кого-нибудь еще занимающего более высокое, чем ты, положение и тебе дадут возможность объяснить твой поступок, то в этом случае Соломон советует две вещи: во-первых, отвечать; во-вторых, отвечать мягко. Первое положение включает в себя три совета: во-первых, ни в коем случае не следует мрачно и упрямо молчать, потому что это означало бы или что ты признаешь за собой всю вину и тебе, очевидно, нечего ответить, или что ты внутренне обвиняешь своего господина в несправедливости, давая понять, что он не станет слушать даже справедливого оправдания. Во-вторых, ни в коем случае не следует при этом откладывать дело и просить разрешения ответить в какое-нибудь другое время, потому что это или произвело бы такое же впечатление, как и в первом случае (т. е. навело бы на мысль, что ты обвиняешь своего господина в чрезмерной вспыльчивости и неуравновешенности), или совершенно недвусмысленно означало бы, что ты хочешь придумать какое-то хитрое оправдание, а в настоящий момент тебе вообще нечего сказать. Так что всегда самым лучшим будет ответить что-то сразу же и привести в свое оправдание факты, относящиеся к самому делу. В-третьих, это должен быть ответ, я подчеркиваю, ответ, а не одно только признание вины или полная покорность; он должен включать наряду с извинениями и какое-то оправдание. А иначе не удастся избежать беды, за исключением, может быть, того случая, когда ты имеешь дело с людьми благородными и великодушными, но такие встречаются крайне редко. И наконец, ответ должен быть мягким и ни в коем случае не должен быть грубым и резким.

Притча II

«Умный раб справится с глупым сыном и разделит наследство между братьями»¹⁴.

Объяснение

В каждой семье, где царят раздоры и несогласия, всегда появляется какой-нибудь слуга или бедный друг, приобретающий большое влияние и становящийся арбитром во всех семейных спорах и неурядицах; в результате все семейство и сам глава семьи чувствуют себя обязанными ему. Если этот человек преследует собственные интересы, он может еще сильнее ухудшить положение этой семьи, если же он действительно окажется верным и честным другом, то он принесет семье поистине неоценимую пользу, так что его по праву следует считать братом или по крайней мере спокойно поручить ему заботу о наследстве¹⁵.

Притча III

«Если мудрец вступит в спор с глупцом, то рассердится ли он или рассмеется, покоя он не найдет»¹⁶.

Объяснение

Нас довольно часто убеждают избегать неравного столкновения, имея при этом в виду, что не следует бороться с более сильным. Но не менее полезен и другой совет, который дает нам Соломон: «Не борись с недостойным, ибо такая борьба абсолютно неравна». Ведь если мы одержим верх, это никто не будет считать победой, а если потершим поражение, это принесет нам великий позор. И здесь нам не поможет даже и то, что в такого рода состязании мы вступаем как бы в шутку, а иногда — с презрением и отвращением. Ибо, как бы мы здесь ни повели себя, мы покажем себя людьми весьма несерьезными и не сможем достойно выйти из этого дела. Но хуже всего, если окажется, что тот человек, с которым мы вступили в спор, к тому же, как говорит Соломон, еще и в какой-то мере глуп, т. е. если он человек нагловатый и взбалмошный.

Притча IV

«Не прислушивайся ко всему, что говорят, чтобы не пришлось тебе вдруг услышать, как твой раб злословит о тебе»¹⁷.

Объяснение

Трудно себе представить, какой вред наносит нашей жизни бесполезное любопытство ко всему, что может касаться нас, когда мы всячески стараемся разузнать те вещи, знание которых ничего, кроме огорчения, нам не приносит и ни в малейшей степени не помогает решению наших жизненных проблем. Ведь прежде всего это приводит к мучительным душевным страданиям, так как все человеческие отношения — это сплошное предательство и неблагодарность. И если бы можно было изобрести какое-нибудь магическое зеркало, в котором мы смогли бы увидеть всех, кто ненавидит нас, и все, что против нас замышляется, то было бы лучше для нас тотчас же отбросить его прочь и разбить. Ведь все это подобно пороку листьев и скоро исчезает. Во-вторых, такое любопытство отягощает нашу душу излишними подозрениями, а это чрезвычайно мешает всем нашим замыслам, лишая их устойчивости, постоянства и затрудняя их. В-третьих, это же любопытство очень часто удерживает то зло, которое в других обстоятельствах могло бы исчезнуть. Ведь очень опасно затронуть нечистую совесть людей: до тех пор пока они считают, что их проступки никому не известны, они легко меняются в лучшую сторону, но, если они поймут, что их уличили, они начинают выбивать клин клином, поступаая еще хуже. Поэтому с полным основанием можно говорить о великой мудрости Помпея Великого, который бросил в огонь все бумаги Сертория, не прочитав сам ни одной и не позволив этого сделать никому другому¹⁸.

Притча V

«Бедность приходит как мирный путник, нищета — как вооруженный враг»¹⁹.

Объяснение

В этой притче изящно показывается, как приходит разорение к людям расточительным и не заботящимся о своем состоянии. Сначала не торопясь, медленным шагом, как прохожий, появляются долги, и постепенно уменьшается капитал, причем это остается сначала почти незаметным; но очень скоро врывается нищета, как во-

оруженный враг, столь могучий и сильный, что ему уже невозможно сопротивляться; и очень правильно говорили древние: «Нет ничего сильнее необходимости»²⁰. Поэтому путнику нужно помогать, а от вооруженного врага — обороняться.

Притча VI

«Кто учит насмешника, тот причиняет вред самому себе, а кто порицает нечестивого, тот позорит себя»²¹.

Объяснение

Это согласуется с заветом Спасителя: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями»²². Здесь проводится различие между наставлением и порицанием, между насмешником и нечестивцем, наконец, между теми результатами, к которым приводят эти действия: в первом случае — это потерянный труд, во втором — еще и позор. Ведь когда кто-нибудь обучает и наставляет насмешника, то прежде всего он теряет время; кроме того, и другие смеются над его попытками как над совершенно пустым занятием и зря затраченными усилиями, да и сам насмешник в конце концов с отвращением относится к той науке, которой его обучают. Но еще опаснее порицать нечестивого, ибо он не только не слушает, но и сам кидается на своего обличителя, которого он уже возненавидел или же обрушивается на него с бранью, или в крайнем случае впоследствии обвиняет его перед другими.

Притча VII

«Разумный сын радуется отца, глухой же — приносит печаль матери»²³.

Объяснение

Здесь различаются домашние радости и огорчения, радость отца и огорчение матери, приносимые им их детьми. Ведь разумный и порядочный сын особенно радуется отцу, который лучше, чем мать, способен оценить добродетель и потому больше радуется качествам своего сына, которые влекут того к добродетели; да к тому же его, вероятно, радуется и то, что он так хорошо воспитал своего сына и своими наставлениями и своим примером

внушил ему стремление к нравственности и порядочности. Наоборот, мать сильнее сочувствует несчастью сына и страдает за него отчасти потому, что материнское чувство нежнее и тоньше, а, может быть, еще и потому, что она раскаивается в своей снисходительности, которая его избаловала и испортила.

Притча VIII

«Да восславится память о праведном, а имя нечестивых сгниет!»²⁴

Объяснение

Здесь говорится о различной славе, выпадающей обычно на долю хороших и дурных людей после смерти. Ведь слава о хороших, добрых людях будет вечной и неувыдающей; зависть, покушавшаяся на нее при их жизни, исчезнет, а хвалы день ото дня будут раздаваться все громче; слава же дурных людей (хотя благодаря влиянию и поддержке друзей и сторонников она некоторое время и сохранится) вскоре обернется презрением к их имени, и в конце концов все эти незаслуженные восхваления приведут к бесславию, как бы издающему тяжелое и отвратительное зловоние.

Притча IX

«Тому, кто вносит смуту в дом свой, достанется лишь ветер»²⁵.

Объяснение

Это очень полезное предостережение, касающееся домашних раздоров и волнений. Ведь очень многие видят свое спасение в разделе имущества с женой, лишении детей наследства, беспрестанной смене прислуги, как будто все это может принести им душевное спокойствие или способствовать более успешному управлению их делами. Но почти всегда их надежды развеваются в прах. Ведь, как правило, эти изменения не приводят к лучшему, а самим разрушителям собственной семьи чаще всего приходится испытывать и всевозможные тяготы, и неблагодарность тех, кого они, обойдя других, вводят в свою

семью и делают своими наследниками; к тому же они сами способствуют возникновению далеко не лестных слухов о себе и весьма сомнительной репутации: ведь, как неплохо заметил Цицерон, «репутация всякого целиком зависит от его домашних»²⁶. Оба этих зла Соломон образно выразил в своих словах: «Владеть ветром», правильно сравнивая с ветром и крушение надежд, и возникновение слухов.

Притча X

«Конец речи лучше, чем начало»²⁷.

Объяснение

Эта притча стремится исправить одну из самых распространенных ошибок, встречающуюся не только среди тех, кто особенно любит поговорить, но и среди людей более благоразумных. Дело в том, что люди обычно уделяют больше внимания началу и вступительным частям своих речей, чем их заключению, и намного тщательнее обдумывают вступление и введение в тему, чем заключительную часть речи. А они не должны были бы пренебрегать ни тем, ни другим и всегда иметь наготове хорошо отделанное заключение речи как наиболее важный ее элемент, стараясь обдумать и, насколько это возможно, предвидеть, как следует закончить данную речь, с тем чтобы это наилучшим образом содействовало успеху дела. Но это еще не все. Нужно не только заранее обдумать заключение речи, относящееся непосредственно к самому делу, но и позаботиться о тех словах, которыми можно было бы изящно и остроумно завершить свою речь, даже если они вообще не имеют никакого отношения к делу. Я, например, знал двух канцлеров, людей бесспорно выдающихся и умных, вынужденных в то время нести на себе почти все бремя правления, которые тем не менее принимали за неизменное правило, всякий раз как они говорили со своими государями о делах, никогда не кончать разговор на чисто деловых вопросах, а всегда вставить какую-то шутку или рассказать что-то такое, что было бы приятно услышать государю и, как говорится в пословице, «омыть под конец морские разговоры речной водой»²⁸. И это искусство занимало далеко не последнее место среди их достоинств.

Притча XI

«Подобно тому как дохлые мухи портят прекраснейшие благовония, малейшая глупость губит человека, знаменитого своей мудростью и славой»²⁹.

Объяснение

Поистине безгранично несправедлива и несчастна участь людей, выдающихся своими добродетелями (как это великолепно отмечается в притче), ибо им никогда не прощают даже самой незначительной ошибки. И подобно тому как в прозрачайшем бриллианте малейшее зернышко или крошечное пятнышко бросаются в глаза и вызывают какое-то чувство досады, хотя в худшем бриллианте их вообще едва ли и заметили бы, так и малейший недостаток в людях, наделенных выдающейся добродетелью, сразу же бросается в глаза, вызывает толки и подвергается строжайшему осуждению, тогда как в людях обыкновенных такого рода недостатки или вообще остались бы незамеченными, или легко нашли бы себе оправдание. Следовательно, нет ничего более страшного, чем малейшая глупость для очень умного человека, малейший проступок — для человека исключительной порядочности и малейшая оплошность поведения — для человека воспитаннейшего и утонченнейшего. Поэтому было бы совсем неплохо, если бы выдающиеся люди в своем поведении допускали некоторые странности (не впадая при этом в порок) для того, чтобы сохранить за собой известную свободу и сделать мелкие недостатки не столь заметными.

Притча XII

«Насмешники губят государство, мудрецы же отвращают несчастье»³⁰.

Объяснение

Может показаться удивительным, что, говоря о людях, как бы самой природой созданных и предназначенных для того, чтобы расшатывать и ниспровергать устои государства, Соломон выбрал характер человека не гордого и высокомерного, не самовластного и жестокого, не легкомысленного и не сдержанного, не нечестивого и

преступного, не несправедливого и притеснителя, не мятежного и буйного, не сластолюбца и развратника, наконец, не неразумного и неумелого, а насмешливого. Но именно в этом достойнейшим образом проявилась мудрость царя, великолепно знавшего все пути спасения и ниспровержения государства. Ведь, пожалуй, нет более страшного несчастья для королевств и республик, чем то, когда королевские советники или сенаторы и все те, в чьих руках находятся бразды правления, могут оказаться людьми насмешливого характера. Такого рода люди для того, чтобы показаться смелыми государственными деятелями, всегда преуменьшают размер опасности, а тех, кто оценивает опасность в соответствии с ее реальным характером, изображают трусами. Они издеваются над желанием, не торопясь зрело обдумать и обсудить вопрос, спокойно выслушать различные мнения, называя это пудной говорильней, ничего не дающей для дела. Общественное мнение, к которому прежде всего должны прислушиваться правители в своих решениях, они презирают, называя его болтовней сляпавой черни, вещь неустойчивой и быстро меняющейся. Они не обращают никакого внимания на силу и авторитет законов, видя в них лишь некие пути, которые ни в коем случае не должны препятствовать великим целям. Они отбрасывают прочь как какой-то пустой бред и мрачные предчувствия всякого рода планы и меры предосторожности, имеющие в виду отдаленное будущее. Они подвергают насмешкам и издевательствам людей действительно мудрых и опытных, обладающих большим мужеством и благоразумием. Короче говоря, они расшатывают вообще все основы политического режима. И это особенно заслуживает внимания, поскольку они делают это не в открытом бою, а тайными подкопами, и поэтому все это еще до сих пор не вызывает должного беспокойства у людей.

Притча XIII

«Государь, охотно выслушивающий слова лжи, окружен лишь нечестивыми слугами»³¹.

Объяснение

Когда государь бездумно выслушивает и охотно верит всем нахвешиваниям доносчиков и сикофантов, от него

самого как бы начинает распространяться повсюду глетворное дыхание, заражающее и развращающее всех его слуг. Одни высматривают, что вызывает страх государя, и раздувают его опасения лживыми рассказами; другие пытаются возбудить в нем недоброжелательство, особенно по отношению ко всем наиболее честным и порядочным людям; третьи, обвиняя других, хотят тем самым смыть собственные грязные дела и преступления; четвертые помогают честолюбивым замыслам и мечтам своих друзей, возводя на них клеветнические обвинения и подвергая преследованию своих соперников; пятые сочиняют, как в театре, целые пьесы против своих недругов, и так далее до бесконечности. Все это касается тех из приближенных государя, которые порочны уже по самой своей природе. Но и те, кто от природы более честен и порядочен, видя, что их честность приносит им весьма мало пользы (поскольку государь не способен отличить истинное от ложного), отбрасывают прочь свою порядочность и нравственность и дают полную возможность дворцовым ветрам пести их по своему произволу. Как говорит Тацит о Клавдии: «Нельзя чувствовать себя в безопасности возле принцепса, ничего не имеющего в своей душе, кроме того, что другие вкладывают в нее»³². Очень хорошо сказал Кюни: «Лучше быть слугой государя бесконечно подозрительного, чем безгранично доверчивого»³³.

Притча XIV

«Справедливый жалеет свою скотину, но сострадание к нечестивым — жестоко»³⁴.

Объяснение

Сама природа внушила человеку благородное и прекрасное чувство сострадания, распространяющееся даже на животных, которые по божественному установлению подчинены его власти. Поэтому такое сострадание включает в себе известную аналогию с милосердием государя к своим подданным. Более того, можно совершенно определенно утверждать, что, чем достойнее человек, тем большему числу существ он сочувствует. Ведь люди ограниченной и низкой души считают, что подобного рода вещи не имеют к ним решительно никакого отношения,

но душа, представляющая собой более благородную часть Вселенной, испытывает чувство общности со всей природой. Поэтому мы находим в древнем законе немало наставлений, носящих не столько чисто ритуальный характер, сколько требующих от людей милосердия: таково, например, запрещение есть мясо с кровью и т. п. А в сектах ессеев и пифагорейцев вообще запрещено было есть мясо животных. Такое же правило существует и поныне среди некоторых народностей империи Могола, сохранивших древние суеверия. А у турок, несмотря на всю как природную, так и приобретенную воспитанием кровожадность и жестокость этого народа, существует обычай подавать милостыню животным, и они никогда не позволяют бить и мучить животных. Но чтобы случайно не создалось впечатление, что сказанное нами распространяется на любое сострадание, Соломон мудро добавляет: «Сострадание к нечестивым — жестоко». Речь идет о тех случаях, когда отводят меч справедливого возмездия от людей преступных и порочных. Ведь такое сострадание по существу хуже, чем сама жестокость. Ибо в данном случае жестоко поступают лишь с несколькими людьми, тогда как такого рода милосердие вооружает и направляет против невинных людей всю армию преступников, поскольку они будут чувствовать себя совершенно безнаказанными.

Притча XV

«Глупец высказывает все свои мысли, а мудрец оставляет кое-что на будущее»³⁵.

Объяснение

Эта пословица имеет, как мне кажется, в виду главным образом не легкомыслие пустых людей, легко распространяющихся обо всем — и о чем следует говорить, и о чем не следует; не любовь поговорить, заставляющую людей рассуждать безо всякого разбора и безо всякой мысли о чем и о ком угодно; не болтливость, которая может надоесть до тошноты, а другой, более скрытый порок. Речь идет о полном неумении умно и, если можно так выразиться, «политично» строить свою речь, что особенно часто проявляется в частных разговорах, когда один из собеседников сразу, так сказать, одним духом, без вся-

кой передышки высказывает все, что он думает и что, по его мнению, относится к данному вопросу. А это приносит очень большой вред делу. Ибо, во-первых, речь, произносимая с перерывами и по частям, производит гораздо более сильное впечатление, чем непрерывная, так как, слушая речь, ни на минуту не прерывающуюся, мы не имеем возможности отчетливо и ясно воспринять и взвесить важность обстоятельств и у нас нет достаточно времени, чтобы обдумать все доводы, ибо следующая довод вытесняет предыдущий еще до того, как он глубоко проникнет в сознание. Во-вторых, никто не обладает таким могучим и блестящим красноречием, чтобы с первых же слов заставить умолкнуть своего собеседника, лишив его полностью дара речи: ведь тот что-нибудь ответит в свою очередь, а может быть, и возразит, и вот тогда-то окажется, что то, что следовало сохранить для ответа или возражения, было уже высказано раньше и потеряло всю свою силу и значение. В-третьих, если человек не сразу высказывает свои мысли, но излагает их постепенно, приводя сначала один довод, потом другой, то он сможет по выражению лица собеседника и его ответам судить, какое впечатление произвел на него каждый из этих аргументов и как они были восприняты, так что в дальнейшем ходе беседы он будет говорить осторожнее, или же вообще отбросит какие-то доводы, или более тщательно их выберет.

Притча XVI

«Если ты возбудишь против себя гнев власть имущего, не оставляй своего места, ибо лечение исправит великие ошибки»³⁶.

Объяснение

Пословица учит, как следует вести себя человеку, вызвавшему гнев и негодование государя. Она дает два совета: первый — не оставлять своего места, второй — уделить самое тщательное внимание лечению, подобно тому как это делается во время какой-нибудь тяжелой болезни. Ведь люди, заметив, что государь разгневан на них, обычно устраниваются от выполнения своих обязанностей и функций, ибо не могут стерпеть постигший их позор, боятся своим присутствием растравить рану и, наконец,

желают этим показать государю свое отчаяние и унижение. Мало того, они иногда слагают с себя полномочия и власть, которой они облечены, передавая их в руки государей. Но Соломон осуждает такой путь лечения как опасный и вредный. И у него, конечно, на это есть очень серьезные основания. Во-первых, такое поведение делает слишком заметным сам этот позор, что в свою очередь придает наглости врагам и завистникам, усиливающим свои нападки, а друзья из-за этого становятся более робкими и не решаются прийти на помощь. Во-вторых, это приводит к тому, что гнев государя, который, не получи он огласки, может быть, и прошел бы сам собой, теперь застареваает и, положив уже начало падению человека, сталкивает его окончательно в пропасть. Наконец, в этом отстранении от дел чувствуется какая-то враждебность и недовольство настоящим, а это к негодованию государя присоединяет еще и подозрительность. Что же касается лечения, то здесь можно назвать такие средства. Во-первых, нужно прежде всего остерегаться, как бы из-за какой-то потери чувств или, наоборот, из-за чрезмерного возбуждения их не создалось впечатление, что негодование государя не было замечено или не произвело должного действия, а это значит, что лицо должно выражать не мрачное упрямство и обиду, а строгую и скромную печаль; во всех своих действиях и поступках не нужно выказывать прежней веселости и радости; не будет бесполезным воспользоваться и услугами какого-нибудь друга, который в беседе с государем должен в удобный момент намекнуть на то, какие тяжкие страдания испытывает ональный в глубине своей души. Во-вторых, нужно старательно избегать самых малейших поводов, которые могли бы или оживить в памяти государя то, что вызвало его негодование, или заставить его снова впасть в раздражение и дать ему повод по той или иной причине в присутствии других лиц сделать вам замечание. В-третьих, нужно настойчиво искать любой случай, который мог бы доставить возможность оказать услуги государю, с чем чтобы можно было продемонстрировать свое желание искупить прошлую вину и чтобы государь понял, какого слуги ему придется лишиться, если он удалит его. В-четвертых, нужно или умело переложить вину на других, или дать понять, что в ней нет злого умысла, или даже указать на подлость тех, кто оговорил

вас перед государем либо чрезмерно раздул все дело. Наконец, нужно во всех отношениях быть бдительным и приложить все усилия к исправлению положения.

Притча XVII

«Первый, выступивший по своему делу, бывает прав, а потом выступает другая сторона и обвиняет его»³⁷.

Объяснение

В любом деле первые сведения, если они хотя бы немного западут в память судьи, пускают там глубокие корни и полностью захватывают его ум, так что это впечатление лишь с большим трудом удается побороть, если только не обнаруживается очевидная ложь в самом сообщении или какая-то неискренность в его изложении. Во всяком случае простая, лишенная всяких ухищрений защита, даже если речь идет о деле справедливом и вполне обоснованном, с трудом может перевесить уже сложившееся под влиянием первой информации впечатление или своими силами вернуть к равновесию весы справедливости, уже склонившиеся однажды в одну сторону. Поэтому самое надежное для судьи — не иметь заранее никакого представления о том, кто прав и кто виноват в этом деле, до тех пор, пока не будут заслушаны обе стороны; а самое лучшее для защитника, если он заметит, что судья предубежден, — приложить все усилия к тому, чтобы (насколько это позволяет дело) разоблачить те хитрости и коварство, к которым прибегла противная сторона для того, чтобы ввести судью в заблуждение.

Притча XVIII

«Кто роскошно кормит раба своего с детских лет его, тот впоследствии встретит в нем упрянца»³⁸.

Объяснение

Государи и господа должны по совету Соломона соблюдать меру в своих милостях и благосклонности к слугам. Здесь нужно помнить три положения: во-первых, возвышать приближенных постепенно, а не вдруг; во-

вторых, приучать их к тому, что они иной раз могут встретить отказ; в-третьих (как разумно советует Макнавелли), сделать так, чтобы они всегда имели перед собой какую-то цель, к которой могли бы стремиться и дальше. В противном случае государи в конце концов вместо благодарности и готовности оказать услугу, вне всякого сомнения, встретят со стороны своих приближенных лишь небрежность и непослушание. Ведь внезапное возвышение делает человека высокомерным, постоянное достижение желаемого воспитывает неспособность переносить отказ в просьбе и, наконец, отсутствие целей, к которым стоило бы стремиться, приводит к утрате рвения и старательности в работе.

Притча XIX

«Ты видел человека, проворного в своем деле? Он явится к царям и не останется среди незнатных»³⁹.

Объяснение

Среди тех достоинств, на которые государи прежде всего обращают внимание и которые они ищут при выборе себе слуг, более всего ценится быстрота и энергичность в исполнении поручений. Люди, наделенные глубокой мудростью, подозрительны государям, ибо они слишком много видят и могут, пожалуй, силами своего ума (как какой-то машиной) заставить своего господина даже вопреки его воле и без его ведома подчиниться их желаниям. Люди, пользующиеся популярностью, ненавистны им, потому что они затмевают славу государей и обращают на себя взоры народа. Люди мужественные часто рассматриваются ими как мятежники, способные на крайности. Порядочные и честные представляются им людьми трудного характера, неспособными исполнить любую волю своего господина. Словом, не существует ни одного достоинства, которое не имело бы своей теневой стороны и не внушало бы известного беспокойства государям; только быстрота в исполнении поручений не включает в себе ничего, что могло бы не понравиться им. Кроме того, ведь царские желания быстры и не терпят промедления, ибо они могут сделать все, и единственное, чего им еще недостает, — это быстроты исполнения. Поэтому больше всего им доставляет удовольствие быстрота и проворность.

Притча XX

«Я видел всех живущих, которые ходят под солнцем, с этим юношей, который возвысится вместо того»⁴⁰.

Объяснение

Эти слова говорят о пустом тщеславии людей, которые всегда собираются вокруг наследников престола. Корнем этого является то безумие, которое самой природой глубоко заложено в человеческие души и выражается в том, что люди слишком сильно предаются надежде. Ведь едва ли найдется такой человек, которому его надежды не были бы приятнее того, чем он реально обладает. Да и вообще все новое приятно человеческой природе, которая жадно стремится к нему. А в наследнике государя эти две вещи — надежда и новизна — объединяются. Эта притча говорит о том же самом, о чем говорилось в свое время в словах Помпея, обращенных к Сулле, которые позднее были повторены Тиберием о Макроне: «Большинство поклоняется восходящему солнцу, а не заходящему»⁴¹. Однако на самих повелителей все это не производит слишком серьезного впечатления и они не придают этому большого значения, как это было с Суллой и с Тиберием: они просто смеются над легкомыслием людей и не сражаются с телями: ведь, как говорится, «надежда — это сповидение бодрствующих»⁴².

Притча XXI

«Был маленький город, и в нем жило немного людей. Пошел против него великий царь и напал на него, построил вокруг города укрепления и начал осаду. И нашелся в этом городе один бедный и мудрый человек, и освободил его своей мудростью; и никто потом не вспомнил об этом бедняке»⁴³.

Объяснение

Эта притча говорит о дурной и злой душе большинства людей. В трудных и тягостных обстоятельствах они ищут помощи людей мудрых и энергичных, хотя раньше их презирали. А как только трудные времена пройдут,

они отвечают своим спасителям одной неблагодарностью. Макнавелли имел все основания спросить: «Кто неблагодарнее, государь или народ?»⁴⁴ Но сам он обвиняет в неблагодарности обоих. Случается же это не только по неблагодарности государя или народа, но нередко происходит из-за зависти вельмож, которым в душе неприятен счастливый и удачный исход дела в силу того, что это случилось без их помощи, и поэтому они стараются преуменьшить заслуги этого человека, а его самого унижить.

Притча XXII

«Путь ленивого подобен колючему кустарнику»⁴⁵.

Объяснение

Эта притча очень тонко указывает на то, что лень в конце концов приводит к большим трудностям. Ведь добросовестная и тщательная подготовка не дает поспоткнуться о какое-нибудь препятствие, но делает дорогу гладкой еще до того, как нога вступит на нее. А кто ленив и откладывает все дела на самый последний момент, тот неизбежно на каждом шагу будет беспрерывно спотыкаться и как бы продираться сквозь колючий кустарник, который будет его задерживать и мешать ему. То же самое можно наблюдать и в управлении домашним хозяйством: если здесь проявить заботу и внимание, то все идет гладко, как бы само собой, без шума и суматохи, если же этого нет, то при любом непредвиденном случае все приходится делать сразу, слуги суетятся, по всему дому — дым коромыслом.

Притча XXIII

«Кто на суде лицепритствует, поступает скверно; этот и за кусок хлеба предаст истину»⁴⁶.

Объяснение

Притча удивительно мудро замечает, что в судье гораздо опаснее неустойчивость характера, чем корыстолюбие. Ведь взятки дают не все, но едва ли существует хоть одно дело, в котором не встретится хоть что-нибудь,

что могло бы повлиять на судью, если он обращает внимание на личность. Один произведет впечатление как человек известный, другой — как злоречивый, третий — как богатый, четвертый — как приятный, пятый — как пользующийся поддержкой друга; словом, вообще не может быть никакого беспристрастия там, где господствует лицеприятие и по самой незначительной причине, как за этот кусок хлеба, может быть вынесен несправедливый приговор.

Притча XXIV

«Бедняк, притесняющий бедняка же, подобен страшному ливню, приносящему голод»⁴⁷.

Объяснение

Та же самая мысль еще в древности была выражена в басне о двух пиявках: напившейся и голодной. Ведь гнет бедного и голодного значительно тяжелее, чем гнет богатого и сытого, потому что ему известны все приемы и способы взыскания податей и он обшаривает все уголки в поисках денег. Ту же самую мысль выражали и сравнением с губками: ведь сухие, они сильно впитывают влагу, а влажные — значительно хуже. Эта пословица дает полезный совет как государям, предостерегая их от того, чтобы они поручали управление провинциями или городами людям нуждающимся и разорившимся, так и народам, напоминая им, что они не должны допускать, чтобы их монархи вынуждены были бороться с нуждой.

Притча XXV

«Праведный, преклоняющийся перед нечестивым, — это замутиленный и испорченный родник»⁴⁸.

Объяснение

Притча эта утверждает, что государства прежде всего должны избегать несправедливых и позорных приговоров в каком-нибудь большом и серьезном процессе, и особенно когда речь идет не об оправдании виновного, но об осуждении невинного человека. Ведь обиды, наносимые частными лицами друг другу, конечно, замутиняют и загрязняют воды справедливости, но все же это, так

сказать, лишь ручейки ее, несправедливые же приговоры, подобные тем, о которых мы говорим, служа примером другим, оскверняют и заражают сами источники справедливости. Ведь когда суд станет на сторону несправедливости, место установленного порядка займет общественный разбой и человек человеку поистине станет волком⁴⁹.

Притча XXVI

«Не дружи с гневливым человеком, не иди вместе с безумцем»⁵⁰.

Объяснение

Насколько свято должны соблюдать и уважать все порядочные люди права дружбы, настолько же тщательно и разумно следует выбирать себе друзей. Во всяком случае мы обязаны переносить все особенности характера друзей в той мере, в какой они сказываются на нас; когда же они заставляют нас изменять наше обычное поведение в отношении к другим людям, дружба становится тягостной и несправедливой. Поэтому, как говорит Соломон, для того, чтобы жизнь наша шла спокойно и мирно, важно прежде всего не иметь никакого дела с людьми вспыльчивыми, способными по любому поводу завязывать ссоры и вступать в перебранку. Такого рода друзья всегда будут впутывать нас в разные споры и столкновения, так что мы будем вынуждены или порвать дружбу, или подвергнуть угрозе собственную безопасность.

Притча XXVII

«Кто скрывает проступок, тот ищет дружбы, кто напоминает о нем, разделяет друзей»⁵¹.

Объяснение

Существуют два пути примирения и восстановления согласия: первый начинается с забвения прошлого, второй — с напоминания об обидах, за которым следуют оправдания и извинения. Мне, между прочим, вспоминается мнение одного очень умного политика: «Кто пытается установить мир, не обсудив причин разногласий, тот скорее обольщает людей сладостной перспективой согласия, чем приводит их к подлинному и справедли-

вому согласию». Но Соломон, который был, кажется, мудрее этого человека, придерживается противоположного мнения, высказываясь за забвение прошлого и предостерегая от напоминания о нем. Ведь напоминание о прошлой ссоре несет в себе немало зол: прежде всего это означает, как говорят, «влагать персты в рану»; затем заключает в себе опасность новой ссоры (так как спорящие стороны никогда не могут прийти к согласию относительно того, кто более виноват в ссоре); наконец, опасность содержится уже в самой необходимости оправдания: ведь каждая из сторон скорее предпочитает окатиться протлившей обиду, чем получившей прощение.

Притча XXVIII

«Во всяком деле избыток приносит пользу, но, где много слов, — там обычно и бедность»⁵².

Объяснение

Этой притчей Соломон указывает на различные результаты работы языка и работы рук, считая, что в первом случае это нищета, а во втором — избыток. Ведь те, кто много болтает, много хвастает, многое обещает, почти всегда бывают нищими и не получают никакой выгоды от тех вещей, о которых они рассуждают. Более того, как правило, они чрезвычайно неэнергичны и ленивы в работе и питаются только своими разговорами, как ветром. Поистине, как говорит поэт, «кто молчит, тот крепок»⁵³. Тот, кто знает, что он мастер своего дела, доволен, собой и молчит; тот же, кто, наоборот, понимает, что он преследует лишь пустые тени, болтает другим о своих великих и удивительных деяниях.

Притча XXIX

«Лучше открытый упрек, чем скрытая любовь»⁵⁴.

Объяснение

Эта притча порицает бесхарактерность таких друзей, которые не используют права дружбы для того, чтобы свободно и смело указать своим друзьям на их ошибки

и предупредить об угрожающих им опасностях. Такой снисходительный друг обычно рассуждает так: «Что мне делать, какое решение принять? Я люблю его, как никто другой, я бы охотно встал на его место, если бы с ним случилось какое-то несчастье; но я знаю его характер, если я стану говорить с ним откровенно, я его обижу или по крайней мере расстрою, а пользы от этого, однако, не будет; скорее я заставлю его поссориться со мной, чем сумею убедить отказаться от его взглядов». Вот такого бесхарактерного и бесполезного друга и порицает Соломон, утверждая, что больше пользы от явного врага, чем от такого друга, потому что от врага, бранящего нас, можно иной раз услышать то, что друг из-за излишней снисходительности не решается сказать.

Притча XXX

«Умный следит за своими поступками; глупец же прибегает к хитростям»⁵⁵.

Объяснение

Есть два вида практической мудрости: одна — истинная и здравая, другая — недостойная и ложная, которую Соломон не боится назвать глупостью. Тот, кто выбирает первую, заботится о своем собственном пути, заранее предвидит опасности, думает о том, как их избежать, прибегает к помощи честных людей, вооружается против бесчестных, осторожен в своих начинаниях, готов и к отступлению, готов и воспользоваться удобным случаем, энергичен в борьбе с препятствиями и вообще принимает во внимание бесчисленное множество других обстоятельств, которые имеют отношение к его собственным действиям и поступкам. Другой же вид целиком спит из лжи и хитрости и все надежды свои возлагает на обман других людей и на возможность использовать их в своих интересах. Такой вид мудрости пословица эта с полным основанием отвергает не только как бесчестный, но и просто как глупый. Ибо, во-первых, все это меньше всего принадлежит к тем вещам, которые находятся в нашей власти, и не существует никакого твердого правила, на которое такая мудрость могла бы опираться; наоборот, каждый день здесь нужны все новые

и новые хитрости, поскольку прежние теряют свою силу и устаревают. Во-вторых, кто хоть однажды снискал себе славу хитрого и коварного человека, тот полностью лишился себя важнейшего средства всякой практической деятельности — доверия, и поэтому ему придется столкнуться с тем, что его расчеты не оправдаются. Наконец, все эти хитрости, какими бы прекрасными они ни казались и как бы они ни нравились, все же чаще всего терпят полный крах, что хорошо заметил Тацит: «Хитрые и дерзкие планы хороши в мечтах, тяжелы в исполнении и плохо кончаются»⁵⁶.

Притча XXXI

«Не будь слишком справедлив и мудрее, чем нужно; зачем тебе губить себя раньше времени»⁵⁷.

Объяснение

Бывают времена, как говорит Тацит, «когда великие добродетели означают вернейшую гибель»⁵⁸. И это случается с людьми, выдающимися своей добродетелью и справедливостью, порой внезапно, порой же так, что это можно предвидеть уже заранее. Ну а если сюда присоединится еще и благоразумие, т. е. если эти люди еще и осторожны и тщательно заботятся о собственной безопасности, то это им дает лишь то преимущество, что гибель обрушивается на них внезапно как результат глубоко скрытых и тайных козней, дающих возможность избежать осуждения и в то же время совершить неожиданное нападение. Что же касается слова «слишком», которое употребляется в этой притче, то (имея в виду, что это слова не какого-нибудь Перияндра⁵⁹, а Соломона, который часто указывает на зло в человеческой жизни, но никогда не учит ему) его следует понимать как сказанное не о самой справедливости и мудрости (в которых не может быть ничего «слишком»), но о ничтожном и отвратительном тщеславии и стремлении показать себя обладающим этими добродетелями. Нечто подобное имеет в виду Тацит, говоря о Лепиде и считая настоящим чудом, что он ни разу не произнес ни одной раболопной фразы и тем не менее не пострадал в столь страшную эпоху. Он говорит: «Я начинаю размышлять, зависит ли

только от рока, или это и в нашей власти, найти некий средний путь между отвратительным раболепием и упрямой непреклонностью, свободный одновременно и от опасности, и от позора?»⁶⁰

Притча XXXII

«Дай мудрецу возможность, и у него прибавится мудрости»⁶¹.

Объяснение

Пословица устанавливает различие между той мудростью, которая созрела и стала неотъемлемой принадлежностью человека, и той, которая только слегка скользит в мозгу или о которой говорят, но которая еще не пустила глубоких корней. Ведь первая, как только представится случай, где бы она могла проявить себя, тотчас же пробуждается, принимается за дело, растет так, что, кажется, превосходит самое себя; вторая же, которая до того, как представился случай показать себя, была бодрой и энергичной, теперь приходит в изумление и смущение, так что даже тот, кто считал, что он обладает ею, начинает сомневаться, не были ли его представления о ней чистой фантазией и пустыми мечтами.

Притча XXXIII

«Кто громко хвалит друга своего с раннего утра, будет для него проклятием»⁶².

Объяснение

Умеренные, своевременные и заслуженные похвалы очень много значат для репутации и положения людей; неумеренные же, крикливые и несвоевременные не приносят никакой пользы, более того, они, как говорит притча, чрезвычайно вредны. Во-первых, они явно выдают себя, показывая, что они или рождены чрезмерным пристрастием, или намеренно преувеличены скорее для того, чтобы фальшивыми славословиями заслужить расположение этого человека, чем для того, чтобы воздать ему должное. Во-вторых, сдержанные и скромные

похвалы как бы приглашают присутствующих добавить к ним еще что-нибудь, несдержанные же и чрезмерные заставляют, наоборот, что-то убавить и преуменьшить. В-третьих (и это самое главное), они порождают зависть к тому, кого слишком хвалят, потому что создается впечатление, что все эти чрезмерные похвалы преследуют цель обидеть и оскорбить других, которые в не меньшей степени их заслуживают.

Притча XXXIV

«Как в воде отражается лицо, так сердца людей понятны для мудрых»⁶³.

Объяснение

Притча говорит об отличии умов мудрецов от умов остальных людей, сравнивая первые с гладью воды или зеркалом, которые отражают вид и образы вещей, а вторые уподобляя земле или необработанному камню, в которых ничего не отражается. Сравнение души мудрого человека с зеркалом тем более метко, что в зеркале можно вместе с образами других людей увидеть и свой собственный образ, а это без помощи зеркала недоступно даже самим глазам. Поэтому если ум мудрого человека настолько гибок и проницателен, что способен наблюдать и познавать бесчисленное множество других умов и характеров, то остается только приложить максимум усилий к тому, чтобы и методы наблюдений были столь же разнообразны, как и их объекты.

К тысячам сможет сердце умный ключи подыскать⁶⁴.

На этих пословицах Соломона мы задержались, быть может, несколько дольше, чем это было необходимо для простой иллюстрации, но нас слишком увлекло значение самой темы и величие автора.

Не только у евреев, но и у других древних народов мудрецы очень часто, сделав какое-то наблюдение, которое могло бы быть полезным в жизни людей, выражали его в краткой и чеканной форме какой-нибудь сентенции, притчи или даже мифа. Но что касается мифов, то (как было сказано в другом месте⁶⁵) они в свое время заменяли собой и пополняли недостаток примеров, но теперь,

когда мы в изобилии обладаем историческим материалом, появился более правильный и быстрый путь к поставленной цели. Наиболее подходящим методом изложения, лучше всего отвечающим столь разнообразному и многочисленному материалу, который охватывается трактатом, посвященным деловым отношениям и известным случаям, является тот, который избрал Макиавелли для изложения политических вопросов, а именно наблюдения или, как говорят, рассуждения на материале тех или иных исторических примеров. Ибо знание, которое совсем недавно, буквально на наших глазах было извлечено из частных фактов, лучше других знает обратный путь к этим фактам; и, конечно же, значительно больший результат достигается тогда, когда рассуждения и размышления вытекают из примеров, чем тогда, когда пример лишь иллюстрирует рассуждение. И это вопрос не только порядка изложения, но и самого существа дела. Ведь когда пример выступает как основа всех рассуждений, он обычно излагается наиболее подробно, знакомя нас со всей суммой обстоятельств, а это иной раз заставляет изменить ход рассуждения, а иногда дополняет его, что делает этот пример образцом для подражания и практической деятельности. Когда же, наоборот, примеры приводятся лишь для подтверждения рассуждения, они излагаются кратко и сухо и, подобно рабам, лишь исполняют волю рассуждения.

Но вот какого рода различие было бы весьма интересно отметить: если всеобщая история дает нам великолепный материал для рассуждений на политические темы, подобный трактату Макиавелли, то факты из жизнеописаний прекрасно могут быть использованы как прецеденты деловой практики, поскольку этот жанр охватывает все разнообразие конкретных случаев и событий, от самых важных до самых незначительных. Но это не все; можно найти еще более подходящий материал для выработки предписаний в деловой практике, чем тот, который дают нам оба этих вида истории. Мы имеем в виду письма, но, разумеется, содержательные и серьезные, такие, как письма Цицерона к Аттику и некоторые другие, потому что письма дают нам обычно более живое и точное представление о событиях, чем хроники и жизнеописания. Таким образом, мы сказали все и о содержании, и о форме пер-

вого раздела учения о деловых отношениях, которое исследует известные случаи и которое, как мы считаем, должно быть создано.

Есть и другой раздел того же учения, который так же отличается от первого, о котором мы говорили, как отличаются понятия «быть мудрым» и «быть мудрым для себя». Первое как бы направлено от центра к окружности, второе — от окружности к центру. Ведь существует определенное умение давать советы другим и существует умение заботиться о собственных делах; они иногда совмещаются, но чаще не совпадают. Многие весьма разумно ведут собственные дела, но совершенно беспомощны в управлении государством и не способны даже дать разумного совета другим; они похожи на муравьев — существ, хорошо умеющих заботиться о самих себе, но очень вредных для сада. Эта способность «быть разумным для себя» была прекрасно известна еще самим римлянам, хотя они умели в то же время наилучшим образом заботиться и об интересах родины. Поэтому комический поэт говорит: «Ведь, ей-богу, мудрец сам создает свое счастье!»⁶⁶ Это даже стало у них пословицей: «Каждый человек — кузнец собственного счастья»⁶⁷, а Ливий приписывает это качество Катону Старшему: «В этом человеке была такая сила ума и таланта, что, где бы он ни родился, он, вероятно, сам создал бы себе счастье»⁶⁸.

Этот род мудрости, если его слишком подчеркивать и выставлять напоказ, всегда рассматривается не только как «неполитичный», но даже как в чем-то несчастливый и зловещий. Это можно видеть на примере афищянина Тимофея, который, совершив немало славных деяний во славу и на пользу своего государства и огчитываясь перед народом о своей деятельности (как это было в то время принято), рассказ о каждом из своих дел завершал следующими словами: «Но в этом нет никакой заслуги фортуны»⁶⁹. И случилось так, что впоследствии у него никогда не было ни в чем удачи. Конечно, ведь эти слова слишком заносчивы и звучат высокомерно, подобно словам Иезекииля о фараоне: «Ты говоришь, это моя река и сам я создал самого себя», или словам пророка Аввакума: «Они радуются и приносят жертвы собственным сетям»⁷⁰, или еще словам поэта о «презирателе богов» Мезенции:

Будь мне за бога рука! Да поможет мне дрот, что колеблю⁷¹.

Наконец, Юлий Цезарь никогда, насколько мне известно, не выдавал безумия своих тайных помыслов, за исключением одного случая. Когда предсказатель стал говорить ему, что расположение внутренностей жертвы неблагоприятно, он тихо проворчал: «Будет благоприятно, если я захочу»⁷², и эти слова не намного опередили его трагическую гибель. Действительно, эта чрезмерная самоуверенность, как мы уже сказали, не только нечестива, но и зловеща. Поэтому великие и истинно мудрые люди предпочитали все свои успехи приписывать своему счастью, а не достоинствам и энергиям: так, Сулла дал себе прозвище «счастливым», а не «великий», а Цезарь (на этот раз удачнее), обращаясь к кормчему корабля, сказал: «Ты везешь Цезаря и его счастье»⁷³.

Однако же такие сентенции, как «Каждый человек — кузнец собственного счастья», «Мудрец будет господствовать над звездами», «Для добродетели нет недоступной дороги»⁷⁴ и т. п., если их понимать скорее как своего рода шпоры для энергии, чем для дерзости, считая, что они должны породить в людях настойчивость и твердость в осуществлении принятого решения, а не заносчивость и бахвальство, с полным основанием рассматривались как здравые и полезные и, без сомнения, занимали такое место в сознании великих людей, что они иногда с трудом скрывали подобные мысли. Мы, например, видим, что Август Цезарь (который скорее отличался от своего дяди, чем уступал ему, но во всяком случае был человеком несколько более скромным), умирая, попросил друзей, стоявших у его ложа, аплодировать ему, когда он испустит последний вздох, как бы сам сознавая, что он удачно сыграл свою роль в жизни⁷⁵. Этот раздел науки также должен быть отнесен к числу тех, которые необходимо создать, не потому, что эта наука не применяется на практике, наоборот, нужда в ней возникает слишком часто, но потому, что книги хранят о ней глубокое молчание. Поэтому, по нашему обыкновению, как и раньше, мы рассмотрим здесь некоторые важнейшие моменты этого учения. Будем называть его «Кузнец счастья» (как мы говорили), или «Учение о жизненной карьере».

На первый взгляд может даже показаться, что я говорю о чем-то новом и необычном, собираясь научить людей тому, каким образом они могут стать «кузнецами своего счастья», т. е. излагая учение, которое наверняка

с радостью захотят изучать буквально все, пока не увидят, какие трудности оно заключает в себе. Ведь то, что необходимо для достижения счастья, не менее значительно, столь же редко и не менее трудно, чем то, что необходимо для достижения добродетели, и в равной мере тяжело и трудно стать и истинным политиком, и истинно нравственным человеком. Разработка же этого учения в огромной степени содействует росту значения и авторитету науки. Ведь прежде всего для чести науки чрезвычайно важно, чтобы все эти догматики поняли, что образование ни в коем случае не должно быть похожим на жаворонка, который умеет только носиться в вышине, наслаждаясь собственным пением, и больше ничего; нет, оно скорее должно быть сродни ястребу, который умеет и парить в вышине, и, если захочет, броситься вниз и схватить добычу. Далее, развитие этого учения способствует и совершенствованию наук, ибо основным принципом всякого подлинного исследования является то, что в материальной сфере нет ничего, что бы не имело параллели в хрустальной сфере, т. е. в интеллекте. А это означает, что в практике не может быть ничего, что не имело бы какой-то своей науки или теории. Однако наука все же без особого восхищения смотрит на это искусство строить счастье и считает это делом второстепенным. Ведь ни для кого ни при каких обстоятельствах собственное счастье не может быть платой, достойной ниспосланного нам богом даром бытия. Более того, нередко люди выдающиеся добровольно отказываются от собственного благополучия для того, чтобы посвятить себя более возвышенным целям. Тем не менее счастье также достойно быть объектом исследования и посвященной ему науки в той мере, в какой оно является орудием добродетели и приносит пользу другим.

К этой науке относятся как некоторые общие правила, так и множество частных советов самого разнообразного характера. Общие правила касаются истинного познания других людей и самого себя. Первое предписание, являющееся основой для познания других людей, требует, чтобы мы всеми силами стремились найти то окно, которое некогда хотел найти Мом⁷⁶: обнаружив в человеческом сердце множество тайников, темных уголков, он пожалел о том, что не существует окна, через которое можно было бы рассмотреть все эти темные и запутанные

закоулки. Мы обречем такое окно, если самым тщательным и внимательным образом будем собирать сведения о всех тех людях, с которыми нам приходится иметь дело, об их характерах, страстях, целях, нравах, о тех средствах, к которым они преимущественно прибегают и которые им приносят успех; и, с другой стороны, об их недостатках и слабостях; о том, с какой стороны они менее всего защищены и более доступны для наших ударов, об их друзьях, политических симпатиях, покровителях, о людях, зависящих от них самих; и, наоборот, о врагах, завистниках, соперниках, кроме того, о тех минутах, когда к ним легче всего подойти:

Ловко к нему подступить и вовремя ты лишь умеешь...⁷⁷

наконец, о принципах и нормах поведения, которых они придерживаются и т. п. Но и этого недостаточно. Нужно получить информацию не только о самих лицах, но и об отдельных поступках и действиях, временами совершаемых ими, и получить ее, так сказать, по горячим следам; знать, чем они направляются и насколько успешны; что способствует им и что мешает; каковы их значение и важность, каковы их последствия и т. п. Ведь знание того, что делают люди в данный момент, в высшей степени полезно уже само по себе, и, кроме того, без него наши представления о людях будут обманчивыми и ошибочными, ибо люди меняются в ходе своей деятельности и, находясь во власти событий и обстоятельств, совсем не похожи на тех, какими они становятся, когда получают возможность естественно быть самими собой. И все эти разнообразные сведения как о людях, так и об их действиях и поступках образуют как бы малые послышки в каждом активном силлогизме. Ведь как бы истинны и великолепны ни были наблюдения или аксиомы, из которых извлекают большие политические послышки, они не могут быть достаточно прочным основанием для заключения, если будет ошибочной меньшая послышка. А что такого рода знание достижимо, подтверждает нам Соломон, говоря: «Мысли в сердце человеческом подобны глубокой воде, но мудрец сумеет вычерпать ее»⁷⁸. И хотя само это знание не поддается регламентации, ибо это — познание индивидуумов, все же можно дать несколько полезных советов о том, как его приобрести.

Существует шесть путей, дающих возможность познать человека. Это его выражение лица, его слова, его дела, его характер, его цели и, наконец, мнение других людей. Что касается познания людей через выражение их лиц, то здесь меньше всего следует обращать внимание на старинную поговорку: «Ни в чем не доверяй лицу»⁷⁹. Хотя это совершенно правильно сказано в отношении общего строения и внешних черт лица и обычной жестикуляции, однако есть какие-то более тонкие и выразительные движения глаз, губ, изменения всего выражения лица и произвольные жесты, в которых, по удачному выражению Цицерона, раскрывается настежь «некая дверь души»⁸⁰. Был ли кто-нибудь более скрытен, чем Тиберий? Однако Тацит говорит о Галле, что тот «по выражению лица его догадался, что он (Тиберий) обижен». Он же, отмечая различный характер речей Тиберия, в которых тот воздавал перед сенатом хвалы Германику и Друзу за их победы, говорит, что речь в честь Германика была «слишком пышной и пространной для того, чтобы показаться искренней», похвальное же слово Друзу было «короче, но более взволнованное и искреннее». Тацит же, отмечая, что тот же самый Тиберий в иных обстоятельствах бывал несколько менее скрытным, говорит: «В других обстоятельствах он как бы с трудом выдавливал из себя слова, но несколько свободнее говорил, когда хотел поддержать кого-нибудь»⁸¹. Действительно, едва ли можно найти такого замечательного и опытного мастера притворства, с лицом столь непроницаемым и, как он говорит, «натянутым», который смог бы избежать в своей притворной и неискренней речи всех тех признаков, которые бы сделали заметными для других то, что его речь или более развязна, чем обычно, или слишком отделана, или несколько неясна и сбивчива, или слишком уж суха и немногословна.

Что же касается человеческих слов, то к ним можно отнести выражение, которое врачи употребляют о моче: *meretricia*⁸². Но вся эта уличная косметика прекрасно разоблачается двумя способами: когда слова неожиданно срываются с языка или когда они произносятся в сильном волнении. Так, Тиберий, выведенный вдруг из себя ехидными словами Агриппины и несколько забывшись, внезапно нарушил границы своего врожденного притворства. «Эти слова, — говорит Тацит, — вырвали из этого скрыт-

ного сердца непривычные речи, и он прочитал ей греческий стих: «Ты потому раздражена, что не царствуешь»⁸³. Поэтому-то поэт не без основания называет такого рода волнения «пыткой», так как они заставляют людей выдавать свои тайны:

...хоть терзает вино или злоба⁸⁴.

Да и сам опыт бесспорно свидетельствует о том, что найдется очень мало людей, способных столь глубоко скрывать свои тайны и быть настолько скрытными, чтобы когда-нибудь не раскрыть и не сделать известными самые сокровенные свои мысли иногда под влиянием гнева, иногда — из хвастовства, иногда — из особой симпатии к друзьям, иногда — по слабости душевной, когда человек уже не в состоянии выдерживать один весь груз своих размышлений, или, наконец, — под действием какого-нибудь другого чувства. Но самым лучшим средством проникнуть в тайники души — это ответить на притворство притворством, как говорит испанская поговорка: «Скажи ложь и добудешь истину».

И даже самим делам и поступкам человека, хотя они и являются вернейшими выразителями склада человеческой души, не следует вполне доверяться до тех пор, пока самым тщательным и внимательным образом не будут предварительно взвешены их значение и характер. Ведь как это бесконечно правильно сказано: «Коварство старается снискать к себе доверие в малом, чтобы успешно обмануть в большем»⁸⁵. А итальянец считает, что его уже продают с торгов, если вдруг с ним без всякой видимой причины начинают обращаться лучше обычного. Ведь все эти мелкие услуги и знаки внимания как бы усыпляют бдительность людей, отнимая у них осторожность и энергию, и совершенно правильно Демосфен называет их «пищей беспечности». О том, что представляют собой по своему характеру и сущности некоторые поступки, которые рассматриваются даже как благодеяния, можно судить также и по тому, как с Антонием Примом обошелся Муциан, который, восстановив с ним дружеские отношения, коварно предоставил различные высокие должности большинству друзей Антония: «и тут же стал щедро предоставлять его друзьям должности префектов и трибунов», и с помощью этой хитрости он не только не усилил Антония, но, наоборот, полностью обезоружил

и оставил в одиночестве, переманив на свою сторону его друзей⁸⁶.

Но самый надежный ключ к раскрытию человеческой души — это исследование и познание самих человеческих характеров, их природы или же целей и намерений людей. Во всяком случае о более слабых и простых людях лучше всего судят по их характерам, о более же умных и скрытных — по их целям. Весьма разумно и не без юмора (хотя, по-моему, не вполне верно) ответил один папский нунций по возвращении своим из какой-то страны, где он был послом. Когда стали спрашивать его, кого выбрать ему в преемники, он посоветовал «ни в коем случае не посылать туда человека выдающегося ума, а лучше направить человека средних способностей, потому что ни один достаточно умный человек не сумеет догадаться, что именно собираются делать люди этой страны». Действительно, это очень частая и чрезвычайно характерная для умных людей ошибка — мерить людей меркой собственных способностей и поэтому частенько метать свое копьё дальше цели, предполагая, что люди помышляют о каких-то настолько значительных вещах, что они прибегают к каким-то столь тонким и хитрым средствам, о каких те даже и понятия не имеют. Об этом великолепно сказано в итальянской пословице: «Денег, мудрости и честности всегда оказывается меньше, чем рассчитывал». Поэтому о людях не слишком умных, поскольку они довольно часто поступают без всякого смысла, следует судить скорее по наклонностям их характера, чем по тем целям, к которым они стремятся.

Точно так же и о государях лучше всего судить по особенностям характера (хотя и совсем по иной причине); о частных же лицах легче судить по тем целям, к которым они стремятся. Ведь государи, достигнув вершины человеческих желаний, по существу не имеют никаких целей, к которым им нужно было бы особенно энергично и настойчиво стремиться и по характеру отдаленности которых можно было бы судить о направлении и последовательности остальных их поступков. Это, между прочим, является одной из главных причин того, что «сердца царей неисповедимы», по выражению Писания⁸⁷. Но нет ни одного обыкновенного человека, кто не был бы в полном смысле слова подобен путнику, настойчиво иду-

щему к какому-то пункту на своем пути, где бы он мог остановиться, и по этой его цели легко можно догадаться, что он сделает и чего не сделает. Ведь если что-то может способствовать достижению его цели, то, вероятно, он сделает это, если же что-то противоречит ей, то он этого ни за что не сделает. И нужно не только просто познать все разнообразие характеров и целей людей, но и стараться сопоставить их между собой, чтобы выяснить, какие именно черты в них преобладают и направляют остальные. Так, мы знаем, что Тигеллин, понимая, что он уступает Петронию Турпилиану в способностях придумывать и доставлять Нерону все новые и новые виды наслаждений, как говорит Тацит, «возбудил страх у Нерона»⁸⁸ и таким путем устранил соперника.

Что же касается того познания человеческой души, которое мы получаем не непосредственно, а со слов других, то здесь достаточно сказать немного. Недостатки и пороки лучше всего ты узнаешь от врагов, достоинства и способности — от друзей, привычки и нравы — от слуг, а мнения и замыслы — от ближайших друзей, с которыми особенно часто беседуешь. Народная молва не заслуживает внимания, мнения людей, занимающих высокое положение, не очень правильны, ибо люди перед ними обычно бывают более сдержанны. Правильное мнение исходит от домашних⁸⁹.

Но самый короткий и удобный путь к этому всестороннему познанию предполагает соблюдение трех требований. Во-первых, необходимо приобрести как можно больше друзей среди тех, кто обладает многосторонним и разнообразным знанием как вещей, так и людей; особенно же следует стремиться к тому, чтобы всегда иметь при себе хотя бы несколько человек, которые могли бы дать нам основательные и надежные сведения по любому предмету, поскольку нам приходится иметь дело с различными людьми и вступать с ними в самые разнообразные отношения. Во-вторых, необходимо соблюдать разумную меру, держаться некоей середины и в свободе речи, и в молчаливости, чаще прибегая к первой, но и умея молчать, когда этого требует дело. Откровенность и свобода речи как бы приглашают и побуждают других говорить с нами так же свободно и откровенно и тем самым помогают нам узнать многое; молчаливость же внушает к нам доверие и заставляет людей охотно делиться с нами

своими тайнами. В-третьих, нужно постепенно выработать в себе привычку во всех наших разговорах и действиях внимательно и трезво следить как за тем, что нас интересует в данный момент, так и за тем, что может вдруг случиться. Ведь подобно тому как Эпиктет советует философу при каждом своем поступке говорить себе: «Я хочу этого, но я хочу также и следовать своим принципам»⁹⁰, так и политический деятель при решении любого вопроса должен говорить себе: «Я хочу этого, но я хочу также и узнать еще что-нибудь, что может мне оказаться полезным в будущем». Поэтому те, кому по складу их характера свойственно слишком много внимания уделять настоящему и целиком отдаваться тому, чем они обладают в данную минуту, и даже не задумываясь о том, что может случиться потом (черта характера, которую признает за собой Монтень⁹¹), могут даже оказаться прекрасными государственными деятелями, но в своих собственных делах они постоянно хромают. В то же время нужно всячески сдерживать чрезмерную горячность и слишком сильные порывы души, дабы, мня себя многознающим, не вмешиваться на этом основании во множество дел. Ведь такое увлечение множеством дел всегда кончается неудачно и свидетельствует о неблагоприятии человека. Поэтому все эти разнообразные познания как вещей, так и людей, которые мы советуем приобретать, в конце концов должны быть направлены на то, чтобы как можно тщательнее выбирать те дела, которыми мы хотим заняться, и тех людей, на чью помощь мы рассчитываем, а это даст нам возможность действовать и более умело, и более надежно.

За познанием других следует познание самого себя. Во всяком случае нужно приложить не меньше, а скорее больше усилий к тому, чтобы получить о самих себе, а не только о других подробные и правильные представления. Этот призыв «Познай самого себя» является не только канонем мудрости вообще, но и, в частности, занимает особое место в политике. Ведь святой Яков очень хорошо говорит, что «тот, кто увидел свое лицо в зеркале, тотчас же, однако, забывает, как он выглядит»⁹², так что необходимо как можно чаще смотреть в зеркало. Точно так же происходит и в политике. Но зеркала бывают разные. Ибо божественное зеркало, в которое мы все должны внимательно вглядываться, — это слово божье, зеркало же

политики — это не что иное, как положение дел и те обстоятельства, в которых мы живем.

Итак, человек должен самым тщательным образом (а не так, как это обычно делают люди, слишком любящие себя и снисходительные к самим себе) взвесить и оценить собственные способности, достоинства и преимущества, а также и свои недостатки, неспособность к тем или иным видам деятельности и вообще все, что может ему мешать, стараясь при этом анализе всегда преувеличивать свои недостатки и преуменьшать достоинства по сравнению с действительными. При такого рода оценке особенно следует принять во внимание следующее.

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, в какой мере человек по складу своего характера и по своим природным качествам соответствует своему времени, и если выяснится, что его характер и его природные данные вполне соответствуют требованиям, предъявляемым эпохой, то он может во всем поступать совершенно свободно, подчиняясь влечению собственного характера, не чувствуя себя ничем связанным. Если же существует какое-то противоречие между правами человека и правами его времени, то в таком случае во всех жизненных действиях постоянно следует проявлять осторожность, быть возможно более скрытным и стараться меньше появляться в общественных местах. Так, например, поступал Тиберий, который, сознавая, что его нравы не очень-то хорошо согласуются с правами его века, никогда не присутствовал на играх и, более того, в течение двенадцати последних лет ни разу не появился в сенате; наоборот, Август постоянно находился на виду у всех, и на это обращает внимание Тацит: «Нрав Тиберия проявился иначе»⁹³. Точно так же вел себя и Перикл.

Во-вторых, следует знать, подходят ли человеку те виды занятий и тот образ жизни, которые в данное время особенно распространены и особенно ценятся и из которых ему предстоит избрать наиболее подходящий для себя. Если решение об определенном роде деятельности еще не принято, то такое знание поможет остановиться на наиболее подходящем и наиболее соответствующем его характеру и образу жизни; ну а если уже раньше избран такой жизненный путь, к которому человек по своим природным способностям и склонностям совершенно не приспособлен, то нужно при первом же удобном

случае сойти с него и вступить на другой. Именно так, как известно, поступил Валентин Борджиа: отец готовил его к духовной карьере, но тот, однако, отказался от нее и, подчиняясь влечению своего характера, посвятил себя военной деятельности, хотя он в равной степени не достоин и командовать войском, и быть священником, поскольку оба этих рода деятельности этот чудовищный человек покрыл позором⁹⁴.

В-третьих, человек должен сравнить себя со своими сверстниками и соперниками, которые вполне могут оказаться его конкурентами в жизненной борьбе; следует выбрать для себя такую область деятельности, в которой особенно ощущается недостаток людей выдающихся и где вполне вероятно, что ты сможешь особенно выделиться среди остальных. Именно так поступил Гай Юлий Цезарь. Вначале он занимался ораторской деятельностью и выступал в суде, посвятив себя главным образом гражданской деятельности. Когда же он увидел, что Цицерон, Гортензий, Катулл превосходят его славою своего красноречия, а в военной области нет ни одного достаточно известного человека, за исключением Помпея, он оставил избранный им вначале путь и, распрощавшись с надеждами приобрести влияние на гражданском поприще, обратился к изучению военного дела и искусства командования и в этой области смог подняться на вершину славы⁹⁵.

В-четвертых, каждый должен при выборе друзей и знакомых иметь в виду природные особенности своего характера. Ведь разным людям нужны разные друзья: одним подходят друзья важные и молчаливые, другим — дерзкие и хвастливые и так далее в том же роде. Во всяком случае стоит обратить внимание на то, что собой представляли друзья Цезаря (Антоний, Гирций, Панса, Оппий, Бальба, Долабелла, Поллион и др.). Все эти люди обычно клялись: «Я готов умереть, лишь бы жил Цезарь»⁹⁶, демонстрируя беспредельную преданность Цезарю и свое презрение и пренебрежение ко всем остальным; это были люди очень деловые и энергичные, но с довольно сомнительной репутацией.

В-пятых, нужно избегать примеров и глупого стремления подражать другим, когда считают, что то, что легко одним, должно обязательно быть таким же и для других, нисколько не задумываясь над тем, сколь велико может быть различие в природных способностях и складе характера

подражателей и тех, кого они берут себе за образец. Именно такую ошибку явно допустил Помпей, который (по словам Цицерона) имел привычку повторять: «Сулла смог, почему же я не смогу?»⁹⁷ Но в этом он чудовищно ошибался, ибо характер и образ действий Суллы отличались от его собственных как небо от земли, так как Сулла был жесток, необуздан и его интересовала чисто практическая сторона дела. Помпей же был строг, уважал законы, в любом поступке заботился прежде всего о своем величии и добром имени, а поэтому не мог так успешно, как первый, достичь исполнения своих замыслов. Существуют и другие советы аналогичного характера, но достаточно для примера и тех, которые мы привели здесь.

Но человеку недостаточно познать самого себя, нужно найти также способ, с помощью которого он сможет разумно и умело показать, проявить себя и в конце концов изменить себя и сформировать. Что касается умения показать себя, то как часто приходится видеть людей, не отличающихся большими достоинствами, но умеющих создать видимость обладания ими и добиться внешнего эффекта! Поэтому о немалом уме свидетельствует способность искусно и с достоинством показать себя перед другими с лучшей стороны, умело подчеркивая свои достоинства, заслуги и даже удачливость (однако не выражая при этом ни заносчивости, ни пренебрежения к другим) и, наоборот, искусно маскируя свои пороки, недостатки, неудачи и поражения, подробно останавливаясь на первых, выставляя их в выгодном свете и стараясь скрыть или найти подходящее оправдание для вторых и т. п. Тацит, например, так пишет о Муциане, одном из умнейших и энергичнейших людей своего времени: «Он обладал особым искусством показать все, что он говорил и делал»⁹⁸. И это, конечно, требует особого искусства, чтобы не вызвать у других отвращения и презрения к своему хвастовству; однако же стремление показать себя с наилучшей стороны, даже если это и граничит иной раз с фанфаронством, является пороком скорее с точки зрения этики, чем политики. Ведь как обычно говорится о клевете: «Клеветы смело, всегда что-нибудь останется!», так, пожалуй, можно сказать и о хвастовстве (если оно, разумеется, не становится уже совершенно неприличным и смешным): «Хвастайся смело, всегда что-нибудь останется!» Останется, конечно, только

в сознании толпы, а люди поумнее будут про себя смеяться, но приобретенное таким способом расположение большинства с лихвой компенсирует брезгливое пренебрежение одиночек. Так что это умение показать себя, о котором мы здесь говорим, безусловно, в немалой степени способствует нашей репутации, если только оно осуществляется достойно и разумно, например: если человек не скрывает какой-то врожденной своей душевной чистоты и благородства; или если приходится говорить о своих достоинствах в таких обстоятельствах, когда либо угрожает опасность самой жизни (как, например, военным людям на войне), либо человек становится жертвой зависти других; или если создается впечатление, что слова, в которых мы хвалим сами себя, случайно сорвались с языка, когда мы были заняты совсем другим делом и сами не придали им никакого серьезного значения; или если кто-то хвалит себя так, что при этом не боится и осудить себя в чем-то или подшутить над собой; или, наконец, если он делает это не по собственной воле, а его вынуждают к этому нападки и оскорбления со стороны других. Но конечно, существует немало таких людей, которые, будучи по своей природе людьми весьма основательными и отнюдь не ветренными, именно по этой самой причине не владеют искусством самопрославления и расплачиваются за свою скромность потерей какой-то части своего авторитета.

Быть может, какой-нибудь не очень умный или слишком нравственный человек осудит такого рода демонстрацию добродетели, но во всяком случае никто не станет отрицать, что нужно по крайней мере приложить максимум усилий, чтобы добродетель из-за нашей беспечности не утратила своей настоящей ценности и не стала бы ставиться ниже того, чем она на самом деле является. Эта постепенная потеря добродетелью своей ценности обычно совершается тремя путями. Во-первых, это случается тогда, когда кто-нибудь настойчиво предлагает свои услуги и помощь в деле, хотя его никто не звал и не приглашал: ведь вознаграждением за такого рода услуги обычно является уже то, что от них не отказываются. Во-вторых, когда кто-нибудь в самом начале предприятия слишком злоупотребляет своими силами и то, что следовало делать постепенно, делает сразу; это в случае успеха приносит ему минутную популярность,

но под конец надоедает. В-третьих, когда кто-нибудь слишком легко и быстро в награду за свою добродетель испытывает похвалы, рукоплескания, почет, благодарности и получает от этого удовольствие. На этот счет существует мудрое предостережение: «Смотри, как бы не показалось, что ты плохо знаком с вещами важными, если тебе доставляют удовольствие такие пустяки»⁹⁹.

Но не менее, чем умная и искусная демонстрация достоинств, важно тщательное сокрытие недостатков. Существуют три основных способа скрыть наши недостатки, так сказать, три убежища, в которые можно их упрятать. Это — предосторожность, приукрашивание и наглость. Предосторожностью мы называем способность благоразумно воздержаться от того, что мы не в состоянии выполнить, тогда как, наоборот, беспокойные и дерзкие умы безрассудно и легко берутся за незнакомое им дело и тем самым обнаруживают собственные недостатки и по существу сами оповещают о них. Приукрашиванием мы называем умение предусмотрительно и благоразумно проложить себе надежный путь для пристойного и удобного объяснения наших недостатков, пытающегося доказать, что они имеют совсем иное происхождение или приводят к иным последствиям, чем обычно считают. Ведь об убежище пороков хорошо сказал поэт:

Часто таится порок в близком соседстве с добром¹⁰⁰.

Поэтому если мы заметим в себе какой-нибудь недостаток, то должны постараться заимствовать у соседней с ним добродетели, в тени которой он мог бы скрываться, ее облик и тем самым найти предлог для его оправдания. Например, медлительность следует объяснять важностью, малодушие — мягкостью и т. д. Полезно также найти какую-нибудь убедительную причину, которая будто бы мешает нам использовать все наши силы, и рассказывать всем о ней для того, чтобы создалось впечатление, что мы не столько не можем, сколько не хотим сделать что-то. Что касается наглости, то хотя это средство, конечно, постыдно, однако же оно и самое надежное, и самое эффективное. Оно состоит в том, чтобы заявлять о своем полном презрении и пренебрежении к тому, чего на самом деле мы не в состоянии достичь, как это делают умные купцы, у которых существует обычай расхваливать свои товары и ругать чужие. Есть и другого рода наглость,

еще более постыдная, чем эта. Речь идет о том, чтобы вопреки сложившимся представлениям выставлять всем на показ свои недостатки, как будто бы ты обладаешь выдающимися достоинствами в том, что является твоим самым слабым местом; а для того, чтобы легче внушить эту мысль остальным, следует изображать себя неспособным даже в том, в чем на самом деле ты являешься достаточно сильным. Так обыкновенно поступают поэты: ведь если при чтении поэтом своих стихов вы отзоветесь чуть-чуть неодобрительно хотя бы об одном-единственном стихе, он тотчас же скажет, что один этот стих достался ему труднее, чем множество других, и приведет вслед за этим какой-нибудь другой стих, который будто бы представляется ему неудачным, и будет спрашивать ваше мнение о нем, хотя ему прекрасно известно, что это один из лучших его стихов, который не может вызвать никаких замечаний. Но для того, о чем мы сейчас говорим, т. е. для умения показать себя перед другими с самой лучшей стороны и во всем сохранить заслуженное уважение, нет ничего более опасного с моей точки зрения, чем в силу особой доброты и мягкости своей природы оказаться безоружным перед нападками и оскорблениями со стороны других. Наоборот, нужно при всех обстоятельствах время от времени пускать в ход стрелы ума свободного и благородного, способного быть не только сладостным, но и ядовитым. Впрочем, этот надежный образ жизни и постоянная душевная готовность дать отпор всякому оскорблению для некоторых являются результатом каких-то привходящих обстоятельств и неизбежной необходимостью, как, например, для людей с физическими недостатками, для незаконнорожденных и вообще для людей чем-то обиженных и обесчещенных. В результате все такого рода люди, если они при этом обладают какими-то способностями, как правило, становятся счастливыми.

Что же касается проявления себя, то это нечто совершенно отличное от той демонстрации своих достоинств, о которой мы сейчас говорили. Потому что в данном случае речь идет не о тех или иных человеческих достоинствах и недостатках, но о тех или иных действиях человека в жизни. И в этом отношении нет ничего разумнее, чем придерживаться некоей мудрой и здоровой середины в раскрытии или сокрытии своего отношения к тому

или иному частному поступку или действию. Ведь хотя умение хранить глубокое молчание, скрывать свои замыслы и тот метод действий, который все предпочитает совершать потихоньку, незаметно и, как теперь говорят, «под сурдинку», — вещь, несомненно, полезная и замечательная, однако нередко случается, что, как говорится, «обман рождает такие ошибки, в которых запутывается и сам обманщик». Во всяком случае мы знаем, что самые выдающиеся политические деятели не боялись свободно и открыто объявлять во всеуслышание те цели, к которым стремились. Так Луций Сулла открыто заявил, что он хочет сделать всех людей или счастливыми, или несчастными в зависимости от того, друзья они ему или враги. Точно так же Цезарь, отправляясь впервые в Галлию, не побоялся заявить, что «он предпочитает быть первым в глухой деревне, чем вторым в Риме»¹⁰¹. Тот же Цезарь, когда уже началась гражданская война, ни на минуту не скрывал своих намерений, если верить словам Цицерона о нем: ««Другой», — говорит он, имея в виду Цезаря, — не только не отказывается, но даже в какой-то мере требует, чтобы его называли тираном, каковым он и является»¹⁰². Опять-таки из одного письма Цицерона к Аттику мы узнаем, как мало пытался скрывать свои замыслы Август Цезарь. Уже в самом начале своей карьеры, когда он еще пользовался благосклонностью и симпатиями сената, он тем не менее, обращаясь к народу на сходках, всегда клялся следующей формулой: «Пусть удастся мне достичь почестей родителя»¹⁰³. А это было, пожалуй, равносильно самой тирании. Правда, для того чтобы хоть немного смягчить зависть, он обычно протягивал в то же время руку к статуе Юлия Цезаря, стоявшей на рострах. Люди кругом смеялись, аплодировали, удивлялись и говорили друг другу: «Видали? Каков юноша!» Они, однако же, не предполагали никакого коварства в том, кто столь откровенно и честно говорит то, что думает. И все эти люди, которых мы здесь назвали, сумели благополучно достичь всех своих целей. Наоборот, Помпей, стремясь к тем же целям, шел более темными и тайными путями (как говорит о нем Тацит: «Он был более скрытен, но не более честен». И точно так же о нем отзывался Саллюстий: «На словах — честен, в душе — бесстыден») ¹⁰⁴. Он прилагал все усилия, использовал бесчисленные средства и приемы для того, чтобы как можно

глубже запрятать свои страсти и свое честолюбие, а тем временем привести республику в состояние полной анархии и смуты, чтобы она была вынуждена броситься под его защиту и чтобы таким образом ему досталась вся полнота власти, которой он будто бы не хотел и от которой даже отказывался. Но когда он уже достиг этого, поскольку он был избран консулом без коллеги (а этого до сих пор не случалось еще ни с кем), он не смог пойти дальше, потому что даже те, кто, вне всякого сомнения, был готов помогать ему, не понимали, чего он хочет. В конце концов он вынужден был пойти по обычному, исхоженному пути и под предлогом защиты от Цезаря набрать себе войско. Вот насколько растянуты, подвержены случайностям и по большей части неудачны бывают те планы, которые готовятся в глубокой тайне. Тацит, по-видимому, разделяет это мнение, ставя искусство притворства как бы на более низкую ступеньку мудрости по сравнению с политическим искусством, приписывая первое Тиберию, а второе — Августу Цезарю. Ведь упоминая о Ливии, он говорит, «что она в равной мере владела и искусством своего супруга, и притворством сына»¹⁰⁵.

Что же касается направления и формирования нашего душевного склада, то нужно всеми силами развивать в нашем духе способность приспосабливаться и подчиняться обстоятельствам и ни в коем случае не оставаться перед их лицом жестким и негибким. Ведь трудно представить себе большее препятствие в любом деле достижения удачи и счастья, чем то, что выражается словами: «Он оставался все тем же, но требовалось уже иное»¹⁰⁶, т. е. когда люди остаются теми же и следуют своим прежним наклонностям, хотя обстоятельства изменились. Так, Тит Ливий, изобразив Катона Старшего опытейшим зодчим собственной судьбы, очень удачно замечает, что он обладал гибким умом¹⁰⁷. Именно поэтому люди, обладающие умом серьезным, строгим и неспособным менять свои убеждения, по большей части добиваются уважения, но не счастья и успеха. Этот недостаток у некоторых существует от природы, и такие люди уже в силу своего негибкого характера совершенно неспособны измениться. У других же он существует в силу привычки (а она — вторая натура) или какого-то убеждения, которое легко

овладевает умами людей, и они считают, что ни в каком случае не следует менять того метода действия, в достоинствах и удачных результатах которого они убедились еще раньше. Поэтому Макиавелли очень умно замечает о Фабии Максиме, что «тот настойчиво хотел сохранить свой старинный привычный метод медлительной и затяжной войны, хотя природа войны была иной и требовала более энергичных решений»¹⁰⁸. В других же вообще этот порок появляется от недостатка ума, когда люди не умеют выбрать подходящего времени для действия и берутся за дело только тогда, когда благоприятный момент уже упущен. Нечто подобное ставит в вину афинянам Демосфен, говоря, что они похожи на крестьянских парней, которые, участвуя в состязаниях, всегда прикрываются щитом только после того, как их уже ударят, а не до этого¹⁰⁹. У иных этот недостаток является результатом того, что им жалко тех усилий, которые пришлось потратить на ранее избранном пути, и они не умеют дать сигнал к отступлению, но чаще всего рассчитывают, что сумеют своим упорством преодолеть сложившиеся обстоятельства. Но эта негибкость и упрямство ума, из какого бы корня они в конце концов ни произрастали, приносят огромный ущерб делам и успехам людей, и нет ничего более умного, чем заставить колеса собственного ума вращаться вместе с колесом фортуны. Итак, о двух наставлениях общего характера, относящихся к искусству строить свое счастье, сказано достаточно. Частных же предписаний существует великое множество. Мы, однако, приведем здесь лишь очень немногие, только в качестве примера.

Первое предписание: человек — мастер своей судьбы — должен умело пользоваться своей линейкой и правильно прилагать ее, т. е. заставить свой ум определять значение и ценность всех вещей в зависимости от того, насколько они способствуют достижению им своих целей и своего счастья, заботясь об этом непрестанно, а не от случая к случаю. Удивительное дело, и тем не менее это неоспоримый факт, что существует очень много людей, у которых логическая часть ума (если можно так выразиться) действует хорошо, математическая же — очень плохо, т. е. эти люди способны достаточно умно судить о тех последствиях, которые могут вытекать из того или иного поступка или действия, но они совершенно не знают

цену вещам. Поэтому одни приходят в восторг, считая, что они достигли вершины счастья, если удастаиваются личных и интимных бесед с государями, другие — если им удастся завоевать популярность среди народа, хотя и то и другое чаще всего рождает зависть и чревато немалой опасностью. Иные измеряют вещи по степени их трудности и по тем усилиям, которые они на них затрачивают, считая, что результат обязательно будет равняться затраченному труду; как иронически сказал Цезарь о Катоне Утическом, рассказывая о его невероятном трудолюбии, усердии и неутомимости, которые, однако, не всегда приносили должный результат: «Он все делал с огромной серьезностью»¹¹⁰. А это часто приводит людей к самообману, и они приходят к убеждению, что все у них будет прекрасно, если они пользуются поддержкой какого-нибудь значительного и почтенного лица, тогда как истина состоит в том, что для успешного и быстрого исполнения какого-нибудь дела требуются самые подходящие, а не самые большие инструменты. С точки зрения истинного математического образования души прежде всего важно точно знать, что должно стоять на первом месте для достижения и приумножения счастья каждого, что на втором и т. д. На первое место я ставлю исправление нашей души, потому что, устраняя и сглаживая неровности и шероховатости характера, легче открыть путь к достижению счастья, чем пытаюсь исправить недостатки нашего душевного склада и надеюсь при этом на помощь самой фортуны. На второе место я ставлю материальные средства и деньги, которые многие вероятно поставили бы на первое место, поскольку они имеют столь большое значение буквально во всем. Но я не могу согласиться с этим мнением по той же самой причине, что и Макиавелли, хотя он говорит о другом, но весьма близком к нашему, предмете. Вопреки старой поговорке: «Деньги — это главная сила войны» — он утверждал, что главная сила войны — это сила храбрых воинов¹¹¹. Точно так же с полным правом должно утверждать, что главным для счастья являются не деньги, а скорее душевные силы: талант, мужество, отвага, стойкость, скромность, трудолюбие и т. п. На третье место я ставлю общественное мнение и уважение, тем более что они знают свои приливы и отливы, и если не сумеешь правильно оценить их и правильно использовать, то будет нелегко восстановить положение. Ведь

очень трудно вернуть назад убегающую славу. На последнее место я ставлю почести, ибо, конечно же, легче достичь их одним из трех вышеназванных путей, а еще лучше — всеми тремя одновременно, чем, обладая почестями, надеяться добыть себе все остальное. Но подобно тому как весьма важно соблюдать определенный порядок в делах, так не менее важно и соблюдение порядка в последовательности действий; а ведь именно здесь особенно часто люди совершают ошибки: или торопятся скорее достичь конечного результата, тогда как прежде всего следует позаботиться о первых шагах к нему; или, сразу же обращаясь к самым большим и трудным проблемам, легкомысленно проходят мимо того, что подводит к ним. Действительно, очень верно требование: «Будем же делать то, что нужно делать сейчас»¹¹².

Второе предписание требует, чтобы мы, увлекшись, не брались самоуверенно за слишком трудные и недоступные нашим силам дела и не пытались плыть против течения. Ведь есть прекрасные слова, сказанные о человеческой судьбе: «уступи судьбам и богам»¹¹³. Поэтому нужно внимательно оглядеться по сторонам и посмотреть, где дорога открыта, а где загромождена и непроходима, где путь пологий, а где крутой, и не тратить попусту свои силы там, где нет удобного доступа к цели. Если мы выполним эти требования, мы и избавим себя от поражений, и не будем слишком долго задерживаться на каком-нибудь деле, и не причиним много обид, а, кроме того, нас все будут считать счастливыми людьми, ибо даже то, что произойдет случайно, люди будут приписывать нашему опыту и энергии.

Третье предписание может показаться в какой-то мере противоречащим только что названному, но если посмотреть глубже, то между ними нет никакого несогласия. Это предписание требует, чтобы мы не ждали постоянно счастливого случая, но сами иной раз искали и создавали его. Именно об этом несколько высокопарно говорит Демосфен: «И подобно тому как принято, чтобы войском командовал полководец, так и умные люди должны руководить обстоятельствами, дабы они имели возможность делать то, что сами находят нужным, а не были вынуждены лишь подчиняться ходу событий»¹¹⁴. Ведь если повнимательнее присмотреться, мы сможем заметить две

непохожие друг на друга категории людей, которые тем не менее считаются одинаково опытными в разного рода делах и предприятиях. Одни прекрасно умеют пользоваться представившимися им возможностями, но сами совершенно не способны что-либо придумать или создать, другие же целиком ушли в поиски и изобретение всяческих комбинаций, но не умеют как следует воспользоваться удачным для них моментом. Каждая из этих способностей, если она не соединена со второй, должна быть признана во всех отношениях односторонней и несовершенной.

Четвертое предписание запрещает нам предпринимать что-либо такое, что неизбежно потребовало бы слишком большого времени, советуя постоянно вспоминать известную строчку:

Так, но бежит между тем, бежит невозвратное время ¹¹⁵.

Ведь все те, кто посвятил себя трудным и сложным профессиям, например юристы, ораторы, теологи, писатели и т. п., именно потому оказываются беспомощными в устройстве своего личного счастья, что им не хватает времени на всевозможные житейские мелочи, на то, чтобы уловить какой-то удобный случай или придумать какое-нибудь хитроумное средство, которое помогло бы им улучшить их благосостояние, ибо они тратят время на другие вещи. С другой стороны, во дворцах государей, да и в республиках можно встретить людей, обладающих исключительными способностями в том, что касается умения устраивать свое собственное счастье и благосостояние и разрушать чужое. Они не заняты никакой общественно полезной деятельностью, но все свои усилия целиком сосредоточили на том самом искусстве жизненного преуспевания, о котором идет речь.

Пятое правило предписывает нам в какой-то мере подражать природе, которая ничего не делает напрасно. Мы без большого труда сможем выполнить это требование, если будем умело согласовывать и соединять между собой все виды нашей деятельности. Во всех наших действиях мы должны так внутренне настроить и подготовить себя, так расставить в своем уме и подчинить друг другу все наши намерения и цели, чтобы в случае, если нам не удастся в каком-нибудь деле добиться высшей степени успеха, мы могли бы, однако, вплотную приблизиться

к ней или в крайнем случае занять хотя бы третью от вершины успеха ступеньку. Если же мы вообще не сумеем добиться никакого, даже частичного, успеха в деле, тогда уж придется, отказавшись от первоначальной цели, поставить перед собой какую-нибудь другую, используя при этом уже затраченные на достижение первой усилия. Если же мы не в состоянии сорвать какой-то плод в настоящее время, то следует по крайней мере извлечь из этого хоть какую-нибудь пользу в будущем; ну а если вообще невозможно ни в настоящее время, ни в будущем извлечь из этого ничего основательного и серьезного, то придется удовольствоваться на худой конец тем, чтобы хоть немного увеличить свое значение в глазах других, и так далее в том же роде. Мы должны постоянно следить за тем, чтобы каждое наше действие и каждое наше решение приносили нам тот или иной полезный результат, ни в коем случае не позволяя себе прийти в отчаяние, настать духом и сразу опустить руки, если вдруг окажется, что мы не можем достичь нашей основной цели. Ибо политическому деятелю менее всего подобает стремиться к достижению одной-единственной цели. Тот, кто поступает так, неизбежно поплатится за это потерей бесчисленного множества возможностей, которые всегда попутно возникают в деловой практике и которые, пожалуй, смогут оказаться более благоприятными для чего-то другого, что лишь позднее раскроет свою пользу, чем то, что уже находится у нас в руках. Поэтому нужно хорошенько запомнить следующий принцип: «Это необходимо сделать, но не следует забывать и о другом»¹¹⁶.

Шестое предписание требует не слишком сильно связывать себя с каким-нибудь делом; хотя на первый взгляд оно может быть и не таит в себе никаких опасностей, но всегда нужно иметь наготове либо открытое окно, чтобы выпрыгнуть, либо какую-нибудь потайную дверь, чтобы скрыться.

Седьмое предписание — это в сущности старинный совет Биаса, только речь идет здесь не о вероломстве, а об осторожности и сдержанности: «Любить друга, помня при этом, что он может стать врагом, и ненавидеть врага, помня, что он может стать другом»¹¹⁷. Ведь тот, кто слишком отдается дружбе, приносящей ему лишь несчастье, или бурной и тягостной ненависти, или пустому

ребяческому соперничеству, неизбежно наносит непоправимый ущерб всем своим интересам.

Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать учение о жизненной карьере. И здесь необходимо еще раз напомнить читателям, что те беглые указания и наброски, которые мы делаем, говоря о науках, до сих пор еще не созданных или не получивших развития, ни в коем случае не должны приниматься за подлинные исследования этих вопросов, но должны рассматриваться лишь как своего рода лоскутки или кайма, по которым можно судить и о всем куске ткани в целом. С другой стороны, мы не настолько наивны, чтобы утверждать, что невозможно достичь счастья и благосостояния без всех тех тягостных усилий, о которых мы здесь говорили. Ведь мы прекрасно знаем, что иным счастье как бы само идет в руки, другие же добиваются его только благодаря упорству и старательности, да еще, пожалуй, некоторой осторожности, не нуждаясь ни в какой сложной и тяжелой науке. Но точно так же как Цицерон, изображая совершенного оратора, не стремится к тому, чтобы каждый из юристов был или мог быть таким же, и точно так же как при изображении совершенного государя или придворного (а некоторые писатели предприняли попытку создать такие трактаты) этот образец создается исключительно на основе отвлеченных представлений о совершенстве, а вовсе не реальной действительности, так поступаем и мы, давая советы политическому деятелю, но лишь в том, повторяю, что касается его личного преуспевания.

Однако мы должны напомнить, что все отобранные нами и приведенные здесь предписания принадлежат к числу тех, которые называются честными. Что же касается нечестных средств, то если кто-нибудь захочет учиться у Макиавелли, который советует «не слишком большое значение придавать добродетели, но заботиться лишь о том, чтобы создать впечатление добродетельного человека, ибо молва о добродетели и вера в то, что вы ею обладаете, полезны для человека, сама же добродетель только мешает», а в другом месте предлагает политическому деятелю «положить в основу всей своей деятельности убеждение, что только страхом можно легко заставить людей подчиниться воле и замыслам политика и поэтому последний должен употребить максимум усилий

на то, чтобы, насколько это от него зависит, сделать людей послушными себе, держа их в постоянной тревоге и неуверенности»¹¹⁸, так что его политик оказывается тем человеком, которого итальянцы называют сеятелем колючек; или если кто-то соглашается с той аксиомой, на которую ссылается Цицерон: «Пусть гибнут друзья, лишь бы враги погибли»¹¹⁹, как поступили, например, триумвиры, заплатившие за гибель врагов жизнями ближайших друзей; или если кто-нибудь вознамерится подражать Катилине и попытается сеять смуту и волнения в собственном государстве для того, чтобы лучше половить рыбу в мутной воде и легче устроить свое благосостояние, следуя словам того же Катилины: «Если дело мое охватит пожар, то я погашу его не водой, а развалинами города»¹²⁰; или если кто-то захочет повторить известные слова Лисандра, который обычно говорил, что «детей следует привлекать к себе пирожками, а взрослых — обманом»¹²¹, и последовать множеству других такого же сорта бесчестных и пагубных советов, которых, как это бывает и в любом другом деле, значительно больше, чем честных и разумных; если, повторяю, кому-нибудь подобного рода извращенная мудрость доставляет удовольствие, то я не стал бы отрицать того, что этот человек (поскольку он полностью освободился от всех законов милосердия и добродетели и посвятил себя целиком заботам об устройстве собственного благосостояния) может более кратким путем и быстрее упрочить свое положение и богатство. Ведь в жизни происходит то же самое, что и в путешествии, где самый короткий путь всегда грязнее и неприятнее, а лучший путь оказывается, как правило, окольным.

Но люди ни в коем случае не должны прибегать к такого рода бесчестным средствам; скорее им следует (если только они владеют собой, способны сдерживать себя и не дают вихрю и буре честолюбия увлечь себя в противоположную сторону) представить перед глазами не только эту общую схему мира, согласно которой все «есть суета и страдание духа»¹²², но и более специальную, показывающую, что само бытие без нравственного бытия есть проклятие, и, чем значительнее это бытие, тем значительнее это проклятие; и где самой высокой наградой добродетели является сама добродетель, точно так же

как самой страшной казнью за порок является сам порок. Ибо прекрасно сказал поэт:

...о, какую же вам, какую наградою, мужи,
Можно за подвиг воздать? Наградят вас прекрасно, во-первых,
Боги и ваша же честь...¹²³

С другой стороны, не менее правильно говорится и о мерзавцах: «И ему отомстят его нравы»¹²⁴. Более того, даже во всех своих волнениях и беспрестанных заботах и мыслях о том, как лучше и вернее устроить и обеспечить свое благосостояние, даже среди всех этих метаний ума люди должны обращать свои взоры к божественной воле и вечному провидению, которое всегда опрокидывает и сводит на нет все махинации негодяев, все их подлые, хотя иной раз и хитроумные замыслы; согласно словам Писания: «Зачавший несправедливость родит суету»¹²⁵. И даже если они не будут прибегать к несправедливости и нечестным средствам, однако же вся эта непрерывная, безостановочная, не знающая ни минуты покоя, ни единого дня отдыха лихорадочная погоня за счастьем не дает человеку ни малейшей возможности воздать господу как полагающуюся ему дань часть нашего времени. Ведь, как известно, господь требует от нас и берет себе десятину от наших способностей и седьмую часть нашего времени. Так зачем же гордо поднимать голову к небесным высям, когда дух простерт по земле, подобно змию, пожирающему прах? Это не укрылось даже от язычников:

Пригнетая к земле часть дыхания божественной силы!¹²⁶

Если же кто-нибудь льстит себя надеждой, что он сможет честно пользоваться своим богатством и могуществом, какими бы нечестными способами они ни были добыты (подобно тому как всегда говорили о Цезаре Августе и Септимии Севере, что «они должны были или никогда не родиться, или никогда не умирать»¹²⁷ — столько зла совершили они, прокладывая себе путь к вершинам могущества, и, наоборот, — столько добра, достигнув их), то он должен тем не менее понять, что такого рода компенсация добром за причиненное зло получает одобрение лишь впоследствии, сама же мысль об этом с полным основанием заслуживает осуждения. Наконец, не будет лишним, если мы во время этой напряженной и бешеной погони за счастьем несколько охладим свой пыл,

вспомнив о довольно удачном замечании императора Карла V¹²⁸, сделанном им в наставлениях своему сыну, где он говорил, что счастье подражает женщинам, обычно презрительно отвергающим тех своих поклонников, которые слишком ухаживают за ними. Но это последнее касается только тех, чей вкус испорчен болезнью души. Скорее люди должны опираться на тот камень, который является как бы краеугольным и для теологии, и для философии, поскольку они утверждают в сущности почти одно и то же о том, к чему прежде всего следует стремиться. Ведь теология заявляет: «Прежде всего ищите царство божье, а все остальное — приложится»¹²⁹. Но и философия утверждает нечто подобное: «Прежде всего ищите душевное благо, остальное же или придет, или не принесет вреда». Впрочем, этот фундамент, если его закладывают люди, иной раз строится на песке; именно об этом говорит возглас М. Брута, вырвавшийся у него перед самой его гибелью:

Чтил я тебя добродетель — ты же лишь имя пустое¹³⁰.

Но тот же самый фундамент, заложенный богом, всегда зиждется на незыблемой скале. На этом мы завершаем рассмотрение учения о жизненной карьере и одновременно общего учения о деловых отношениях.

Глава III

Разделение науки о власти, т. е. о государстве, здесь не приводится. Мы укажем путь к созданию только двух наук, не существующих в настоящее время, а именно: учения о расширении границ державы и учения о всеобщей справедливости, или об источниках права

Теперь я перехожу к искусству власти, или к учению об управлении государством, куда я включаю и экономику¹³¹, поскольку семья составляет частицу государства. Как я уже говорил выше, в этой области я решил хранить молчание. При этом, однако, я вовсе не считаю, что совершенно не способен сказать на эту тему что-нибудь, что могло бы оказаться полезным и разумным: ведь я обладаю большим и длительным опытом на этом поприще. Занимая последовательно множество почетных государственных должностей, хотя и не имея на то никаких заслуг,

лишь благодаря безграничной милости и благоволению ко мне Вашего Величества я достиг самого высокого положения в королевстве, занимал эту высшую должность в течение целых четырех лет и, что гораздо важнее, непрерывно в течение восемнадцати лет постоянно беседовал с Вашим Величеством и выполнял Ваши поручения (а это даже из любого бревна могло бы сделать политика), наконец, из всех наук я уделил больше всего внимания и времени изучению истории и права. Обо всем этом я говорю не для того, чтобы похвастаться перед потомками, а потому что, как я полагаю, имеет некоторое отношение к достоинству и значению наук тот факт, что человек, рожденный скорее для научной, чем для какой бы то ни было другой деятельности, оказавшись какой-то неведомой судьбой, вопреки склонностям своего характера на поприще практической деятельности, был, однако, при мудрейшем короле удостоен права исполнять весьма почетные и трудные обязанности. Но если даже после всего этого я, воспользовавшись свободным временем, попытаюсь родить что-нибудь на тему политики, то такое произведение, вероятно, окажется либо недопоском, либо мертворожденным ребенком. Между тем, чтобы не оставалось вообще незанятым столь возвышенное место (ибо все остальные науки уже размещены на своих местах), я решил отметить здесь как недостающие и нуждающиеся в развитии лишь два раздела гражданской науки, не затрагивающих тайн государственной власти, но являющихся достаточно общими по своему характеру, и, как мы это обычно делаем, привести примеры их исследования.

Искусство власти складывается из трех политических задач, а именно: сохранить державу, сделать ее счастливой и процветающей и, наконец, расширить ее территорию и как можно дальше раздвинуть ее границы. Однако только две первые задачи прекрасно раскрыты в основных своих чертах рядом авторов, последняя же задача обходится молчанием. Поэтому мы считаем необходимым отнести ее к числу наук, требующих развития, и, как мы это всегда делаем, приведем здесь образец ее изложения. Этот раздел науки мы будем называть «Консул в военном плаще», или «Наука о расширении границ державы».

*Пример общего трактата о расширении границ державы*¹³²

Слова Фемистокла, если их применить лишь к нему самому, конечно, звучат дерзко и высокомерно, но если их употребить в отношении других и в более общем смысле, то они, как мне кажется, безусловно, выражают весьма разумное и очень важное наблюдение. Когда Фемистокла на пиру попросили сыграть что-нибудь на кифаре, он ответил: «Я не умею играть на кифаре, но зато могу маленький городишко превратить в великое государство»¹³³. Действительно, эти слова, если их рассматривать в политическом смысле, великолепно показывают различие, существующее между двумя абсолютно несовместимыми друг с другом способностями, которыми обладают те, кто стоит у кормила власти. Ведь если внимательно присмотреться ко всем когда-либо жившим королевским канцлерам, сенаторам и остальным, посвятившим себя государственной деятельности, то, конечно, можно найти (хотя и довольно редко) среди них некоторых, способных превратить маленькое и слабое королевство или иное государство в обширное и богатое и, однако, совершенно не умеющих играть на кифаре. Наоборот, есть множество других, удивительно хорошо и мастерски играющих на кифаре или лире, т. е. отлично владеющих искусством дворцовых интриг, но настолько неспособных увеличить мощь государства, что создается впечатление, что они скорее самой природой предназначены расшатывать и колебать счастливое и цветущее его состояние. Конечно же, все это низкое и призрачное искусство, с помощью которого всякого рода советники и влиятельные люди весьма часто стремятся снискать милость к себе государей и популярность у толпы, не заслуживает никакого другого названия, кроме посредственного умения играть на музыкальном инструменте; ибо все это приятно только в данную минуту и скорее украшает самих мастеров, чем приносит пользу и способствует росту и величию государств, слугами которых они являются. Без сомнения, мы встретим и других канцлеров и правителей государств, весьма дельных, способных к государственной деятельности и умеющих разумно управлять делами страны и спасти ее от очевидных опасностей и неприятностей, которые, однако, совершенно не обладают данными,

необходимыми для того, чтобы возвысить государство и увеличить его силу.

Но какими бы в конце концов ни были работники, посмотрим и на само их произведение, на то, каким же должно быть подлинное величие королевств и республик и какими путями можно его достигнуть. Этот предмет поистине достоин того, чтобы правители государств постоянно обращались к нему и тщательно размышляли над ним, дабы не переоценить свои силы и не оказаться втянутыми в безнадежные и слишком трудные предприятия, и, наоборот, чтобы, слишком невысоко оценивая свои возможности, не унизиться до принятия решений малодушных и трусливых.

Величина территории державы может быть измерена, доходы ее могут быть подсчитаны, численность населения можно узнать по переписи, а число городов и их размеры по карте. Однако среди всех вопросов политики нельзя найти другого, более подверженного неверным и ошибочным решениям, чем вопрос о правильной и глубокой оценке истинных сил и возможностей какой-либо державы. Царство небесное уподобляют не желудю или какому-нибудь более или менее крупному ореху, но горчичному зерну — самому маленькому из всех зерен¹³⁴, которое, однако, обладает каким-то внутренним свойством, каким-то врожденным духом, благодаря которым оно способно произрасти, подняться и широко раскинуть свои листья. Точно так же можно встретить королевства и другие государства, достаточно обширные по своей территории, которые, однако, не способны раздвинуть еще дальше свои границы или распространить еще шире свою державу; и, наоборот, другие государства, очень маленькие по своим размерам, оказываются вместе с тем достаточно прочной базой, на которой могут возникнуть величайшие монархии.

1. Укрепленные города, полные оружием склады, породистые кони, вооруженные колесницы, слоны, осадные машины, всевозможные военные орудия и т. п. — все это, вместе взятое, есть не что иное, как овца, одетая в шкуру льва, если сам народ по своей природе и по своему характеру не является ни мужественным, ни воинственным. Более того, сама по себе численность войска окажет не слишком большую помощь там, где воины не годны для сражения и трусливы. Ибо, как правильно заметил

Вергилий: «Волк не заботится о числе овец»¹³⁵. Персидское войско на полях Арбелы предстало перед македонцами как огромное людское море, так что полководцы Александра, немало потрясенные этим зрелищем, уговаривали царя начать сражение ночью, и тот ответил им: «Я не хочу красть победу»¹³⁶. А она оказалась значительно легче, чем об этом думали. Тигран, царь Арменнии, расположившись лагерем с четырехсоттысячным войском на каком-то холме и глядя на двинувшийся против него римский отряд, не превышавший четырнадцати тысяч, самодовольно заметил: «Этих людей слишком много для посольства и слишком мало для битвы». Но не успело зайти солнце, как он на опыте убедился, что их было достаточно много для того, чтобы нанести ему неисчислимые потери и обратить его в бегство¹³⁷. Бесчисленные примеры, свидетельствующие о том, сколь неравны по своим силам множество и мужество. Поэтому, во-первых, следует принять как несомненный и безусловно доказанный факт, что самое главное и основное для достижения величия королевства или другого государства — это воинственный по своей природе и по своему характеру народ. Второе же — скорее избитая, чем правильная сентенция, гласящая, что «деньги — это главная сила войны», впрочем, так и есть, если у народа слабого и изнеженного не хватает сил в мускулах. Правильно ответил Солон Крезу¹³⁸, который хвастался перед ним своим золотом: «Но если, царь, явится кто-нибудь, кто лучше тебя владеет оружием, то ему, конечно, и достанется все это золото». Поэтому любой государь или государство, чьи подданные по своей природе и характеру недостаточно мужественны и воинственны, должны весьма трезво оценить свои возможности; и, наоборот, государи, правящие мужественными и храбрыми народами, должны быть вполне уверены в своих силах, если в остальном они достаточно надеются на себя. Что же касается наемных войск (а к этому средству обычно прибегают тогда, когда не хватает собственных), то здесь множество примеров с полной очевидностью и ясностью показывает, что любое государство, опирающееся на наемников, сможет, вероятно, на короткое время раскинуть пошире крылья над своим гнездом, но очень скоро эти крылья сломаются.

2. Благословения Иуды и Иссахара никогда не встречаются вместе, и никогда один и тот же народ или племя

не бывает одновременно и «львенком» и «ослом», гнуцимся под тяжестью поклажи¹³⁹. И никогда народ, задавленный налогами, не станет мужественным и воинственным. Не подлежит сомнению, что налоги, установленные со всеобщего согласия, не так угнетающе и тягостно действуют на подданных, как те, которые вводятся по произволу правителя. Это можно ясно увидеть на примере так называемых акцизов, формы налогового обложения, существующей в Нидерландах, и отчасти на примере того, что в Англии называют субсидиями¹⁴⁰. Ведь нужно иметь в виду, что речь идет о моральном состоянии людей, а не о достатке. Налоги же, которые платятся с общего согласия, и те, которые устанавливаются повелением власти, будучи с материальной точки зрения равнозначными, обладают, однако, совершенно различным моральным воздействием на психологию подданных. Поэтому нужно сделать вывод, что народ, обремененный налогами, не способен повелевать.

3. Если государства стремятся достигнуть величия, то им следует принять самые тщательные меры для того, чтобы помешать чрезмерному росту численности знати, патрициев и тех, кого мы называем благородными. Ведь такой рост знати приводит к тому, что простой народ находится в унижении и презрении, становясь лишь рабами знати и рабочей силой. Нечто подобное происходит при порубках леса: если оставить больше, чем нужно, пней и старых деревьев, то здоровый и чистый лес здесь не вырастет вновь, но большая часть его выродится в чахлый кустарник. То же самое происходит и с народами: там, где знать становится слишком многочисленной, простой народ будет слабым и малодушным, и дело в конце концов дойдет до того, что даже один человек из ста не будет способен носить оружие, особенно если иметь в виду пехоту, составляющую, как правило, основную силу войска. В результате население большое, а военные силы ничтожны. Яснее всего сказанное мною подтверждается на примере Англии и Франции. Хотя Англия значительно меньше Франции и по территории, и по численности населения, однако в военных столкновениях с ней она почти всегда оказывалась победительницей; и это происходило именно по той самой причине, что английские йемены и люди низшего сословия способны к военной службе, французские же крестьяне нет. В этом отношении удив-

тельно мудрым и глубоким было введение Генрихом VII, королем Англии (о чем мы более подробно говорили в истории его жизни), порядка, устанавливавшего небольшие имения и земледельческие фермы с примыкающим к ним небольшим участком земли, который не мог быть отчужден от них¹⁴¹. Это делалось для того, чтобы можно было иметь достаточные средства для более или менее зажиточного существования, и для того, чтобы земля обрабатывалась ее собственниками или в крайнем случае арендаторами, а не наемными работниками, или батраками. Именно таким путем любая страна сможет заслужить те слова, которые говорит Вергилий о древней Италии:

Древняя область, оружием сильна и земли плодородьем¹⁴².

Не следует обходить вниманием и ту часть населения, которая специфична, пожалуй, только для Англии и, насколько я знаю, не встречается больше нигде, за исключением, может быть, только Польши; речь идет о барской челяди. Даже самые последние из этой категории населения ничем не уступают крестьянам в том, что касается службы в пехоте. Поэтому совершенно несомненно, что все это великолепие и пышное гостеприимство, множество слуг и всяческой челяди, столь обычные у английской знати и дворянства, в конце концов значительно способствуют увеличению военного могущества страны. Наоборот, замкнутый, скромный, стремящийся не привлекать к себе внимание образ жизни знати подрывает военные силы страны.

4. Нужно при любых обстоятельствах приложить все усилия к тому, чтобы это Навуходоносорово древо монархии имело достаточно толстый и крепкий ствол, дабы иметь возможность поддерживать свои ветви и листву, т. е. чтобы число полноправных граждан было вполне достаточным для того, чтобы держать в повиновении жителей покоренных стран¹⁴³. Поэтому вполне готовы и способны достигнуть величия те государства, которые легко и свободно предоставляют другим права гражданства. Во всяком случае не имеет никакого основания убеждение в том, что манипула воинов, сколь бы мужественными и умными они ни были, может обуздать и держать в повиновении огромные и обширнейшие области. Это,

может быть, и возможно на какое-то короткое время, но долго продолжаться не может. Спартанцы очень скупы и с большим трудом принимали новых граждан. Поэтому, до тех пор пока они осуществляли свое господство на маленькой территории, их положение было прочным и устойчивым, но, как только они начали расширять свои границы и стремиться господствовать на более обширном пространстве, чем то, на котором коренные спартанцы могли легко подавить волнения иноземцев, их могущество сразу рухнуло. Никогда ни одно государство не открывало такого широкого доступа новым гражданам, как римская республика. Поэтому и счастливая судьба государства вполне отвечала этому столь мудрому установлению, ибо Рим превратился в самую могущественную и обширную державу в мире. Римляне очень легко и широко предоставляли права гражданства в их полной форме, т. е. не только право торговли, вступления в брак и наследования, но и право избирать и быть избранным на почетные должности; и эти права опять-таки предоставлялись не только отдельным лицам, а целым семьям, даже городам, а иной раз и целым государствам. Сюда нужно прибавить и обычай основывать колонии, благодаря которым насаждалось римское начало на чужеземной почве. Если сопоставить эти два института, то можно без колебания утверждать, что не римляне распространились по всему миру, а, наоборот, весь мир слился с римлянами, а такой путь расширения власти и влияния державы является самым надежным и безопасным. Приходится довольно часто удивляться тому, что Испания, обладая таким малочисленным коренным населением, смогла распространить свою власть на столько провинций и государств. Но сама Испания во всяком случае должна считаться стволом достаточно большого дерева, поскольку она занимает несравненно более обширные пространства, чем Рим и Спарта в начале своей истории. И хотя испанцы обычно очень скупы предоставляют права гражданства, они делают нечто очень близкое к этому — свободно принимают к себе на военную службу любого иностранца, мало того, нередко поручают им даже верховное командование армией на войне. Однако, как мне кажется, в последнее время они обратили внимание на то, что им явно не хватает коренного населения, и стремятся теперь исправить положение, как об этом можно судить на

основании опубликованной в этом году Прагматической санкции¹⁴⁴.

5. Точно доказано, что ремесла, которыми занимаются сидя в закрытом помещении, а не на открытом воздухе, все эти тонкие и точные работы, требующие скорее ловкости и искусства пальцев, чем физической силы, по своей природе несовместимы с воинственным складом характера. Вообще воинственные народы предпочитают праздный образ жизни, и для них опасности на войне куда менее страшны, чем труд. Если мы хотим поддерживать в них этот воинственный дух, мы не должны слишком сильно подавлять их природный характер. Поэтому Спарте, Афинам, Риму и другим древним государствам очень сильно помогло то, что все подобного рода работы осуществлялись не свободными, а главным образом рабами. Однако с принятием христианского закона рабство почти полностью отмерло. Остается в таком случае передать развитие всех этих ремесел исключительно в руки одних чужеземцев, которых и следует поэтому привлекать в страну или по крайней мере не чинить препятствий к их переселению. Коренное же население должно состоять из трех групп людей: земледельцев, свободных слуг и ремесленников, занимающихся простым физическим трудом, требующим сильных и крепких мускулов, например кузнецов, каменотесов, плотников и т. п., не считая находящихся на военной службе.

6. Но более всего способствует достижению величия государства особая любовь и пристрастие народа к военному делу, которые становятся для него его славой и честью, основным делом жизни, пользующимся особым почетом. Все, что было нами сказано до сих пор, относится лишь к способностям и склонностям к военным занятиям; но зачем были бы нужны способности, если их не применить на практике и не приводить в действие? Рассказывают, что Ромул (хотя, может быть, это и выдумка) завещал своим гражданам превыше всего ставить военное дело, предсказывая, что это сделает их город столицей всего мира¹⁴⁵. Вся структура спартанского государства, хотя, может быть, и не слишком разумно, однако же весьма тщательно, была построена так, что вела к одной единственной цели: сделать из граждан воинов. Так обстояло дело и в Персии, и в Македонии, хотя, быть может, не столь последовательно и не такое

продолжительное время. Британцы, галлы, германцы, готы, саксы, норманны и некоторые другие народы на определенное время целиком посвящали себя военным занятиям. Турки, которых в немалой степени поощряет к этому и их религиозный закон, до сих пор сохраняют аналогичную практику, однако в настоящее время их военные силы пришли в значительный упадок. В христианской Европе существует лишь один народ, до сих пор сохраняющий и поддерживающий такую практику, — это испанцы. Но мысль о том, что человек добивается наибольшего успеха в том деле, которым он больше всего занимается, настолько ясна и очевидна, что вообще не нуждается в словах. Достаточно будет сказать, что народ, не занимающийся специально военным искусством, не отдающий ему все свои силы и помыслы, должен вообще оставить всякую надежду на то, что сколько-нибудь значительное усиление величия державы явится само собой, без всяких усилий с его стороны; наоборот, совершенно очевидно, что те народы, которые посвятили изучению военного искусства значительное время (а именно так обстояло дело у римлян и турок), достигли удивительного прогресса в усилении могущества своей державы. Более того, даже те народы, военная сила которых процветала в течение одного только века, достигли тем не менее за это единственное столетие такого величия государства, что смогли сохранить его и спустя много лет после того, как их военное мастерство и опыт уже ослабели.

7. С предыдущим предписанием тесно связано другое, требующее от государства таких законов и традиций, которые бы всегда могли предоставить ему законную причину или по крайней мере предлог для применения вооруженной силы. Ведь какое-то врожденное чувство справедливости, заложенное в душе человека, не разрешает начать войну, которая несет с собой столько страданий, если нет на то важной или по меньшей мере благопристойной причины. Турки всегда располагают готовой причиной, которая в любой момент дает им возможность начать войну: такой причиной для них является требование распространения их религиозного закона. Хотя у римлян полководцы удаивались величайшей славы, если им удавалось расширить границы империи, однако сами римляне никогда не начинали войну только по одной этой причине — чтобы расширить территорию. Так пусть

же всякое государство, стремящееся к господству над другими, возьмет себе за правило остро и живо реагировать на любое враждебное действие, будь то по отношению к пограничному населению, или к купцам, или к государственным чиновникам, немедленно, не мешкая, отвечая на первую же провокацию. Точно так же оно должно всегда быть готовым немедленно послать военную помощь любому из своих союзников. Именно так всегда поступали римляне: если иной раз на тот или иной союзный им народ, находившийся одновременно в оборонительном союзе с другими государствами, нападали враги и он вынужден был просить помощи у нескольких государств, римляне всегда приходили раньше всех, не желая уступить никому славу и честь этого дела. Что же касается войн, которые велись в древности ради поддержки государств с более или менее сходной политической организацией (а среди таких государств всегда существует какое-то молчаливое согласие), то я не знаю, какие законные основания они имели. Таковы были войны римлян во имя того, чтобы восстановить свободу Греции; таковы же были войны, предпринимавшиеся лакедемонянами и афинянами во имя того, чтобы устанавливать или свергать демократии и олигархии¹⁴⁶; таковы же были и вторжения в другие государства, предпринимавшиеся в разное время республиками или государями под предлогом защиты их граждан или освобождения их от тирании. Для той цели, которую мы преследуем в настоящее время, вполне достаточно установить, что ни одно государство не должно надеяться на усиление своего могущества и величия, если оно постоянно не будет готово немедленно выступить с оружием в руках по любому справедливому поводу.

8. Никакой организм, будь то естественный или политический, не может сохранить своего здоровья, если он остается в бездействии. Для любого государства таким целительным упражнением является справедливая и почетная война. Правда, гражданская война — это лихорадочный жар, но внешняя война подобна теплу, вызванному движением тела, в высшей степени полезному для его здоровья. Ленивый и сонный мир ослабляет и изнеживает дух, развращает нравы. И какое бы влияние ни оказывал мир на благополучие того или иного государства, для величия последнего, без всякого сомнения,

важно, чтобы оно всегда было вооружено и готово к бою. К тому же старое, заслуженное войско, продолжая свою службу, хотя и требует, несомненно, больших расходов и затрат, однако же является для государства своего рода арбитром в его спорах с соседями или по крайней мере придает ему во всех его делах особый вес. Это особенно хорошо можно увидеть на примере испанцев, которые уже в течение 120 лет содержат войска ветеранов в некоторых частях страны, хотя и не всегда в одних и тех же.

9. Господство на море — это залог прочности монархии. Цицерон, говоря в письме к Аттику о подготовке Помпея к войне с Цезарем, пишет: «Замысел Помпея полностью воспроизводит мысль Фемистокла: он считает, что тот, кто господствует на море, господствует над всем»¹⁴⁷. И вне всякого сомнения, Помпей сумел бы измотать и полностью разбить Цезаря, если бы он из пустой самоуверенности не отказался от своего плана. Множество примеров показывает нам, какую важную роль могут сыграть морские сражения. Битва при Акции определила, кому будет принадлежать власть над миром, битва при Курсоларских островах обуздали зарвавшихся турок¹⁴⁸. Сколько раз победы в морских сражениях приносили и окончательную победу в войне, но это случалось лишь тогда, когда от их исхода зависела судьба всей войны. Во всяком случае не вызывает ни малейшего сомнения, что тот, кто господствует на море, может действовать совершенно свободно и получить от войны столько, сколько он захочет; тогда как, наоборот, тот, кто одерживает победу с помощью сухопутных сил, несмотря на это, часто оказывается в очень сложном и затруднительном положении. И если в наши дни у нас, европейцев, морское могущество, являющееся наследственным достоянием нашего Британского королевства, имеет огромное значение для достижения господствующего положения в мире (гораздо большее, чем это где-нибудь или когда-нибудь имело место), то это прежде всего потому, что большинство европейских государств не являются чисто континентальными, но в значительной мере окружены морем; а кроме того, сокровища и богатства обеих Индий достаются тому, кто господствует на море.

10. Можно считать, что современные войны приносят мало славы и почета их участникам сравнительно с тем,

что выпадало обычно в древние времена на долю воинов. В наше время существует несколько почетных военных орденов, предназначенных, очевидно, для того, чтобы поощрять мужество, однако ими стали теперь награждать не только на войне, но и в мирное время. Точно так же у нас существуют и различные изображения на родовых гербах, и дома призерия для старых, заслуженных воинов и инвалидов и т. п. Но древние в тех местах, где были одержаны победы, сооружали трофеи, воздвигали величественные памятники павшим в бою, произносили хвалебные речи на похоронах, награждали воинов гражданскими и военными венками¹⁴⁹, наконец, сам титул императора, который позднее величайшие государи заимствовали у военных вождей, и торжественные триумфы в честь полководцев после победного окончания войны, а кроме того, щедрые награды и подарки воинам, которые они получали по окончании службы, — все эти награды и поощрения были столь многочисленны, столь велики и приносили такой блестящий почет и славу, что могли разжечь страсть к воинской службе и к боевым подвигам даже в самых холодных и ледяных сердцах. И среди всех этих, в высшей степени разумных и благородных, установлений на первое место нужно поставить обычай справлять триумф, который для римлян не был каким-то пустым, помпезным зрелищем, а заключал в себе три важных момента: славу и почет вождей, обогащение государственной казны за счет добычи, захваченной у врагов, и денежные награды для воинов. Однако тот почет, который приносит с собой триумф, может быть неприемлем в условиях монархии, за исключением того случая, когда он оказывается самому государю или его сыновьям; именно так обстояло дело в императорском Риме, ибо императоры только за собой и своими сыновьями оставляли право триумфа за победы в войнах, в которых они лично участвовали, предоставив другим полководцам лишь право на триумфальные одежды и отличия.

Приведем в заключение следующие слова Священного писания: «Никто, как бы он ни старался, не прибавит себе роста ни на один локоть»¹⁵⁰; но здесь речь идет о ничтожных масштабах человеческого тела; в огромных же масштабах целых государств и республик короли и владыки имеют возможность увеличить могущество

державы и раздвинуть ее границы. Ибо если они будут мудро вводить в действие те законы, установления и порядки, которые мы назвали здесь, равно как и другие, аналогичные им, то они смогут заложить основы величия государства, плоды которого достанутся их потомкам и грядущим поколениям. Но об этом редко говорят во дворцах королей, оставляя, как правило, эту задачу на волю судьбы.

Вот что мы считали нужным в настоящее время сказать о расширении границ державы. Зачем же мы стали рассуждать об этом, если, как считают, римская монархия была последней мировой державой? Но ведь если мы решили быть верными поставленной нами цели и нигде не отклоняться от намеченного пути, то, поскольку задача усиления и возвеличения державы была названа нами третьей среди трех основных задач политики, ее нельзя было вообще оставить без рассмотрения. Таким образом, остается рассмотреть второй неисследованный вопрос из двух, намеченных нами, а именно вопрос о всеобщей справедливости, или об источниках права.

Все те, кто писал по правовым вопросам, рассматривали их либо с философской, либо с юридической точки зрения. Философы говорят много прекрасных, но весьма далеких от практической пользы вещей. Юристы же, подчиняясь требованиям законов своей страны, а также римского или канонического права, не могут высказать независимого, свободного мнения, а говорят так, как будто они закованы в кандалы. Совершенно очевидно, что подлинное изучение этой области доступно, собственно, только политическим деятелям, которые прекрасно знают природу человеческого общества, общественного блага, естественной справедливости, знают нравы различных народов, различные формы государства и поэтому могут выносить суждение о законах на основе принципов и положений как естественной справедливости, так и политики. Поэтому обратимся сейчас к исследованию источников справедливости и общественной пользы и в каждой отдельной области права постараемся выявить некий символ и идею справедливого, на основании которой всякий, у кого есть желание и время, смог бы оценить достоинства законов того или иного отдельного государства и попытаться их исправить. По установленному нами порядку мы приведем пример такого исследования.

ОБРАЗЕЦ ТРАКТАТА О ВСЕОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ,
ИЛИ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА, В ОДНОЙ ГЛАВЕ,
В ФОРМЕ АФОРИЗМОВ

Вступление

Афоризм I

В гражданском обществе господствует или закон, или насилие. Но насилие иногда принимает обличье закона, и иной закон больше говорит о насилии, чем о правовом равенстве. Таким образом, существуют три источника несправедливости: насилие, как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жестокость самого закона.

Афоризм II

Основание, на котором держится частное право, таково. Кто совершает несправедливость, получает в результате пользу или удовольствие, но создает опасность прецедента. Остальные не получают от этого действия ни пользы, ни удовольствия, но в то же время считают, что опасность прецедента касается и их самих. Поэтому они легко приходят к выводу о необходимости законов для того, чтобы предохранить себя от несправедливостей и обид, которые могут поочередно коснуться каждого. Если же в результате определенных условий эпохи и общего характера преступлений окажется, что какой-нибудь закон угрожает интересам более значительной и более могущественной группы людей, чем та, интересы которой он охраняет, то эта группировка уничтожает закон, и это случается довольно часто.

Афоризм III

Частное право находится под покровительством и опекой общественного права. Ведь закон заботится о гражданах, власти же — о законах. Авторитет властей зависит от величия державы, от всего политического строя и основополагающих законов. Поэтому, если устои государства крепки и здоровы, законы принесут немало пользы, в противном случае они мало смогут помочь гражданам.

Афоризм IV

Но общественное право существует не только для того, чтобы быть своего рода стражем частного права, охранять его от нарушения и положить конец несправедливостям; оно распространяется также и на религию, армию, общественный порядок, благоустройство, богатство, наконец, вообще на все, что имеет отношение к благу государства.

Афоризм V

Главная и единственная цель, которую должны преследовать законы и на достижение которой они должны направлять все свои постановления и санкции, — это счастье граждан. Эта цель будет достигнута, если благочестие и религия поставят их на правильный путь, если будут процветать достойные нравы, если армия будет надежной защитой от врага, если законы будут охранять граждан от несправедливости отдельных лиц и от мятежей, если граждане будут повиноваться приказаниям властей, если они будут жить и процветать в достатке и изобилии. Главной силой и орудием для достижения этих целей являются законы.

Афоризм VI

Лучшие законы достигают осуществления этой цели, большинство же из них оказываются неспособными к этому. Ведь законы удивительно резко различаются между собой: одни из них превосходны, другие посредственные, третьи вообще никуда не годятся. Поэтому мы хотим по мере наших возможностей показать, что некоторые законы должны стать своего рода «законами законов», и определять, что в каждом отдельном законе хорошо и что плохо.

Афоризм VII

Прежде чем перейти к самому своду законов частного права, мы хотим в нескольких словах перечислить достоинства и значение законов вообще. Закон можно считать хорошим в том случае, если смысл его точен, если требования его справедливы, если он легко исполним, если он согласуется с формой государства, если он рождает добродетель в гражданах.

О ГЛАВНОМ ДОСТОИНСТВЕ ЗАКОНОВ — ИХ ТОЧНОСТИ

Афоризм VIII

Точность настолько важна для закона, что без этого он не может быть справедливым. Ведь «если труба издаст неверный звук, кто поднимется на сражение?»¹⁵¹. Подобным же образом, если неверный голос издаст закон, кто станет повиноваться ему? Поэтому, прежде чем нанести удар, закон должен сначала предупредить об этом. Ведь правильно сказано, что «лучшим является тот закон, который оставляет как можно меньше решению судьи»¹⁵². Именно этому способствует точность закона.

Афоризм IX

Неточность законов бывает двоякого рода: во-первых, когда вообще не существует никакого закона; во-вторых, когда закон двусмыслен и неясен. Прежде всего следует сказать о случаях, о которых ничего не говорится в законе, чтобы и здесь найти какую-то меру точности.

О СЛУЧАЯХ, НЕ ОГОВОРЕННЫХ В ЗАКОНЕ

Афоризм X

Человеческая мудрость слишком ограничена и не может предусмотреть все случаи, которые могут возникнуть с течением времени. Поэтому не так уж редко возникают новые и не оговоренные в законе случаи. В таких ситуациях возможны три выхода: либо обращение к аналогичным случаям, либо использование прецедентов, хотя еще и не зафиксированных законом, либо решение, выносимое уважаемыми людьми по их усмотрению и здравому суждению, будь то в преторских или цензорских судах.

ОБРАЩЕНИЕ К АНАЛОГИЧНЫМ СЛУЧАЯМ И РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ

Афоризм XI

В тех ситуациях, которые не оговорены законом, юридическая норма должна выводиться из аналогичных случаев, но делать это следует осторожно и обдуманно.

Здесь следует придерживаться следующих правил: «Пусть разумные соображения будут плодотворны, обычай же бесплоден и неспособен создавать прецеденты». Поэтому то, что принято вопреки законным основаниям либо на неясных основаниях, не должно иметь последствий.

Афоризм XII

Великое общественное благо привлекает к себе случаи, не оговоренные законом. Поэтому если какой-то закон эффективно и ощутимо заботится о благе государства, то необходимо дать ему возможно более широкое и всеобъемлющее толкование.

Афоризм XIII

Жестоко терзать законы для того, чтобы получить возможность терзать людей. Поэтому не следует распространять действие уголовных законов, а тем более законов, требующих смертной казни, на новые проступки. Если же мы имеем дело с давно известным и оговоренным в законе преступлением, но его преследование создает новый казус, не предусмотренный законом, то следует скорее отойти от требований права, чем оставить преступление безнаказанным.

Афоризм XIV

В постановлениях, которые прямо отвергают общее право (особенно в случаях, часто встречающихся и давно имеющих место), не следует по аналогии переходить к случаям, обойденным в законах. Ведь если государство могло долго существовать без полного закона, к тому же, когда речь шла об очевиднейших вещах, то не так уж страшно, если случаи, не нашедшие отражения в законе, подождут некоторое время, пока не будет издан новый законодательный акт.

Афоризм XV

Постановления, заведомо временные и явившиеся результатом особых обстоятельств, в которых находилось тогда государство, при изменении этих обстоятельств должны привлекаться лишь в тех случаях, которые в них предусмотрены; и было бы неправильно пытаться так или иначе применить их к случаям, не упомянутым в законе.

Афоризм XVI

Решение, основанное на прецеденте, не должно само служить прецедентом, но следует ограничиться лишь самыми близкими ситуациями. В противном случае мы постепенно скатимся к ситуациям, не имеющим ничего общего с первоначальной; и произвол, остроумие и изворотливость юристов будут иметь большее значение, чем авторитет закона.

Афоризм XVII

Следует свободнее давать расширительное толкование законам и постановлениям, выраженным в сжатых и кратких формулах. В тех же случаях, когда законы и постановления перечисляют отдельные случаи, такое расширительное толкование должно применяться осторожнее. Ведь подобно тому как исключение укрепляет силу закона применительно к случаям, не составляющим исключения, точно так же и перечисление конкретных случаев ослабляет эту силу применительно к случаям, не перечисленным в законе.

Афоризм XVIII

Постановление, разъясняющее предыдущий закон, закрывает пути его распространения, после чего становится невозможным дальнейшее расширение смысла и того и другого. И судья не должен давать «сверхрасширительного» толкования закона там, где расширительное толкование уже осуществлено в самом законе.

Афоризм XIX

Традиционные формулы и акты не могут быть распространены по аналогии на другие случаи. Ведь переход от действия, освященного обычаем, к действию произвольному приводит к утрате самой природы формального акта, а введение новых элементов разрушает величие старого.

Афоризм XX

Весьма легко распространить закон на случаи, возникшие после его принятия и не существовавшие в то время, когда закон создавался. Ведь если какой-то случай не мог

получить законодательного выражения, поскольку он тогда вообще не имел места, то опущенный случай приравнивается к выраженному законом, если он близок к нему по своей сущности.

Но о распространении закона на случаи, не оговоренные в нем, сказано достаточно. А теперь нужно сказать об использовании прецедентов.

О ПРЕЦЕДЕНТАХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Афоризм XXI

Теперь необходимо поговорить о прецедентах, которые служат источником права, когда положения закона оказываются недостаточными. В своем месте мы будем говорить и об обычае, который является определенным видом закона, и о прецедентах, которые благодаря частому повторению стали обычаем и своего рода неписаным законом. Здесь же мы говорим о тех прецедентах, которые встречаются редко и случайно и еще не приобрели силы закона; о том, при каких обстоятельствах и с какими оговорками следует искать в них юридическую норму, когда положения закона оказываются недостаточными.

Афоризм XXII

Следует искать прецеденты в счастливых и спокойных эпохах, а не в эпохах господства тирании, борьбы партий и полной распущенности и произвола. Прецеденты, заимствованные из таких эпох, незаконны по своему происхождению и скорее вредны и опасны, чем поучительны.

Афоризм XXIII

Следует признать более надежными прецеденты из более близких к нам времен. Ведь нет никаких оснований не повторить то, что произошло незадолго перед этим, не вызвав никаких неприятных последствий. Однако прецеденты из недавнего прошлого не обладают достаточным авторитетом. Когда же дело касается изменения к лучшему, новейшие прецеденты оказываются в гораздо большей степени проникнутыми духом своего времени, чем подлинным разумом.

Афоризм XXIV

Прецеденты же более древние следует принимать весьма осторожно и разборчиво, поскольку время многое меняет, так что, если по времени нечто кажется древним, по своему возбуждающему действию и расхождению с настоящим оно оказывается совершенно новым. Поэтому лучшими оказываются прецеденты, заимствованные из времени промежуточного между древностью и новой эпохой или из такого периода, который больше всего похож на настоящий, а они подчас встречаются не в ближайших к нам временах, а в более отдаленных.

Афоризм XXV

Нужно держаться в границах прецедента или лучше около них и ни в коем случае не выходить за их пределы. Ведь там, где не существует установленных законом критериев, все должно вызывать подозрение. Поэтому, подобно тому как это происходит в сложных и неясных случаях, следует продвигаться с величайшей осторожностью.

Афоризм XXVI

Нужно быть очень осторожным с отрывочными и сокращенными изложениями прецедентов, следует рассматривать каждый прецедент целиком и во всем процессе. Ибо если неразумно судить о части закона, не изучив его весь целиком, то уже тем более должны быть основания применить тот же принцип к прецедентам, использование которых может быть весьма двусмысленным, если они не точно соответствуют данной ситуации.

Афоризм XXVII

Чрезвычайно важно знать, через чьи руки прошли прецеденты и кем были санкционированы. Ведь если это всего лишь творчество писцов и секретарей, если они приняты в повседневном судопроизводстве явно без ведома высших инстанций или если они обязаны своим существованием народу, учителю всех заблуждений, их следует отвергнуть как не имеющих никакой ценности. Если же они рассматривались сенаторами, судьями или в верхов-

ных судах, так что неизбежно получили хотя бы молчаливое одобрение судей, то они имеют больше авторитета.

Афоризм XXVIII

Следует признать более важными те прецеденты, которые были обнародованы, даже если они и не нашли достаточного применения на практике: ведь они все же были предметом дискуссий и обсуждений. Те же прецеденты, которые остались как бы погребенными на полках архивов и преданы забвению, имеют меньше значения. Ведь прецеденты подобны воде: они полезны тогда, когда не застаиваются.

Афоризм XXIX

Прецеденты, касающиеся законов, не следует искать в сочинениях историков; гораздо плодотворнее обращение к публичным актам и достаточно подробным и достоверным сообщениям. Ведь у историков, даже самых лучших, к несчастью, вошло в обычай не задерживаться достаточно долго на изложении законов и юридических актов; и если даже почему-то кто-нибудь проявит в этом деле больше честности и добросовестности, он все равно бывает очень далеким от истины.

Афоризм XXX

Следует с большой осмотрительностью принимать те прецеденты, которые были отвергнуты их же эпохой или эпохой, непосредственно следующей за ней. Ведь этот факт свидетельствует не о том, что люди когда-то их использовали, но, наоборот, о том, что, познав их на опыте, они отказались от них.

Афоризм XXXI

Прецеденты должны давать советы, а не приказывать и повелевать. Поэтому их следует использовать так, чтобы авторитет прошлого применялся к нуждам настоящего.

Но о том, что дают нам прецеденты, когда закон оказывается недостаточным, сказано достаточно. А теперь нужно сказать о преторских и цензорских судах.

Афоризм XXXII

Когда закон недостаточен, необходимы постановления и решения, выносимые достойными людьми по здравому размышлению и своему усмотрению. Ведь закон (как было сказано выше) не может удовлетворить всем случаям, но учитывает лишь те, которые встречаются особенно часто. А время, мудрее которого, как говорили древние, нет ничего, ежедневно создает все новые и новые случаи.

Афоризм XXXIII

А между тем новые случаи возникают как в уголовной практике, где они требуют наказания, так и в гражданской, где речь идет уже о помощи. Суды, разбирающие уголовные дела, мы называем цензорскими, разбирающие же гражданские дела — преторскими.

Афоризм XXXIV

Цензорские суды должны обладать правом и возможностью не только наказывать за новые проступки, но и усиливать установленные законом кары за старые проступки, если случай окажется из ряда вон выходящим и чудовищным (только это не должна быть смертная казнь). Ведь все необычное — тоже, по-своему, новое.

Афоризм XXXV

Подобным же образом преторские суды должны иметь возможность как оказывать помощь в борьбе с жестокостью закона, так и восполнять недостатки закона. Ведь если нужна помощь тому, кого закон обошел, то тем более нужно помогать тому, кого он ранил.

Афоризм XXXVI

Эти преторские и цензорские суды вообще должны сосредоточиться на рассмотрении случаев исключительных и необычных и не заниматься заурядными делами, чтобы случайно не опрокинуть закон, желая его дополнить.

Афоризм XXXVII

Пусть рассмотрение этих вопросов происходит только в судах высшей инстанции и не передается в низшие. Ведь право дополнять закон и расширять границы его применения или же смягчать его действие мало чем отличается от права издавать законы.

Афоризм XXXVIII

И эти суды должны состоять не из одного человека, а из нескольких. Решения их должны быть гласными, и судьи должны объяснять причины своего приговора; это необходимо делать открыто, в присутствии публики, чтобы свободу, вытекающую из самой власти, все же ограничить страхом перед общественным мнением.

Афоризм XXXIX

Не должно быть статей, требующих пролития крови, и пусть ни один суд не произносит смертного приговора, если у него нет на это известного и определенного закона. Ведь сам бог сначала объявил о смерти, а уж потом навлек ее. И лишать жизни можно лишь того, кто уже заранее знал, что его проступок угрожает его жизни.

Афоризм XL

В цензорских судах следует дать третью возможность судьям, чтобы перед ними не стояла необходимость либо оправдать, либо осудить; они должны получить возможность не выносить решения, если обстоятельства дела не ясны. Кроме того, цензорские суды должны не только налагать наказания, но и делать порицания, т. е. выносить решения, не требующие наказания, а либо ограничивающиеся выговором и поучением, либо просто заставляющие обвиняемых краснеть от стыда за свой поступок.

Афоризм XLI

В цензорских судах должны наказываться и сами попытки совершить какое-то значительное преступление, и преступные акты, не доведенные до конца, даже в том

случае, если они не имели определенного результата; это должно стать практикой и важнейшей задачей этих судов, так как строгость требует наказывать преступления еще в зачатке, а милость — мешать их свершению, наказывая преступные действия еще тогда, когда они только готовятся.

Афоризм XLII

Особенно следует позаботиться о том, чтобы в преторских судах не оказывалась помощь в тех случаях, которые закон не столько упустил, сколько пренебрег ими как слишком незначительными, или посчитал недостойными исправления как слишком отвратительные.

Афоризм XLIII

Самое важное для точности законов (о которой мы ведем сейчас речь) — не позволить преторским судам возомнить о себе так много и так зазнаться, чтобы под предлогом смягчения строгости законов подорвать или ослабить их силу и прочность, ставя все в зависимость от воли судьи.

Афоризм XLIV

Преторские суды ни под каким предлогом осуществления справедливости не должны обладать правом выносить решения вопреки существующим законам. Ведь если это произойдет, судья целиком превратится в законодателя и все будет зависеть от его произвола.

Афоризм XLV

Некоторые считают, что решение дел, основанное на справедливости и совести, и решение, основанное на точном соблюдении права, должны принадлежать одним и тем же судам, другие же считают, что такого рода решения должны быть достоянием различных судов. Вообще я считаю, что необходимо провести разделение судов, иначе мы не сможем предотвратить смешение юридических казусов; а если произойдет смешение их юрисдикций, то произвол подчинит себе закон.

Афоризм XLVI

Не случайно у римлян получили распространение преторские альбы¹⁵³, на которых были записаны и выставлены к общему сведению те принципы, которыми претор собирается руководствоваться в своей судебной деятельности. Следуя этому примеру, судьи в преторских судах должны составить для себя определенные (насколько это возможно) правила и выставить их ко всеобщему сведению. Ведь самый лучший закон тот, который как можно меньше оставляет на собственное решение судьи, а лучший судья тот, кто как можно меньше берет на себя.

Однако мы поговорим более подробно об этих судах тогда, когда подойдем к тому месту, где речь идет о решениях судов. Здесь мы коснулись этого вопроса вскользь, насколько это помогает понять и дополнить то, что было обойдено в законе.

ОБ ОБРАТНОЙ СИЛЕ ЗАКОНОВ

Афоризм XLVII

Есть и другой род дополнения тех случаев, которые были обойдены в законе, а именно когда один закон вносит поправки в предыдущий и одновременно рассматривает опущенные в нем случаи. Это имеет место в законах или постановлениях, которые, как обычно говорят, обладают обратной силой. Такого рода законы следует применять редко и с большой осторожностью: ведь Янус среди законов никому не приятен.

Афоризм XLVIII

Тот, кто хитростью и путем всяческих уловок пытается обойти и перетолковать и букву, и дух законов, достоин того, чтобы самому попасться в западню другого закона. Поэтому в таких случаях обмана и хитрых уверток справедливость требует, чтобы законы имели обратную силу и приходили друг другу на помощь, дабы тому, кто хитростью и коварством замышляет ниспровергнуть существующие законы, по крайней мере грозило наказание от будущих.

Афоризм XLIX

Законы, подкрепляющие и поддерживающие истинные цели актов и подлинный смысл документов против нарушения формальности и традиции, с полным основанием распространяются на прошлое. Ведь основной недостаток закона, имеющего обратную силу, состоит в том, что он нарушает установившийся порядок. Законы же, подобные только что названным, старающиеся поддержать и укрепить истинный смысл актов, стремятся к спокойствию и незыблемости того, что уже было совершено в прошлом. При этом не следует отменять уже принятые решения.

Афоризм L

Следует обратить внимание на то, что не только те законы, которые ослабляют действие принятых раньше постановлений, распространяются, как это считают, на прошлое, но и те законы, которые устанавливают как-то запрещения или ограничения на будущее, неизбежно связанное с прошлым. Например, если бы какой-нибудь закон запретил некоторым ремесленникам продавать в дальнейшем свои изделия, то он, имея в виду будущее, действовал бы и на прошлое, ибо у этих людей нет возможности иным путем добывать себе средства к существованию.

Афоризм LI

Всякий объяснительный закон, хотя он и не упоминает о прошлом, все же, безусловно, имеет отношение к прошлому в силу самого факта объяснения. Ведь истолкование начинается не с момента объяснения, а оказывается как бы современным с самим законом. Поэтому следует вводить объяснительные законы только в тех случаях, когда они могут с полным основанием иметь обратную силу.

На этом мы заканчиваем ту часть трактата, которая толкует о неопределенности юридических норм там, где вообще нет закона. Теперь нужно сказать о другой части, где речь идет о тех случаях, когда закон существует, но оказывается запутанным и неясным.

О НЕЯСНОСТИ ЗАКОНОВ

Афоризм LII

Неясность законов может проистекать из четырех источников: она может быть результатом либо чрезмерного изобилия законов, особенно если сюда примешиваются устаревшие; либо двусмысленного или невразумительного и не очень отчетливого их изложения; либо небрежного или неумелого истолкования законов; либо, наконец, противоречивости и несовместимости судебных решений.

О ЧРЕЗМЕРНОМ ИЗОБИЛИИ ЗАКОНОВ

Афоризм LIII

Пророк говорит: «Он обрушит на них сети»¹⁵⁴. Нет худших сетей, чем сети законов, особенно уголовных; они бесчисленны, с течением времени стали бесполезны, не освещают путь, а запутывают ноги путника.

Афоризм LIV

Существуют два способа создания нового закона. Первый — усилить и подкрепить прежние законы аналогичного содержания и затем кое-что прибавить или изменить. Второй — полностью уничтожить созданное до этого и поставить на его место совершенно новый закон. Последний способ, несомненно, лучше. Первый способ порождает сложные и запутанные решения, и хотя он вполне отвечает непосредственным нуждам, однако же наносит ущерб всему своду законов. Во втором случае, безусловно, необходимы значительно бóльшая осторожность и внимание, тщательное размышление о самом законе; прежде чем внести закон, необходимо внимательно рассмотреть и взвесить все предшествующие законодательные акты. Но результатом этого явится в будущем прекрасная гармония всех законов.

Афоризм LV

У афинян существовал обычай ежегодно поручать комиссии из шести человек пересмотр противоречивых статей законов (называемых антиномиями). Те положения, которые было невозможно примирить между собой, пере-

давались на обсуждение народного собрания, которое должно было вынести о них какое-то определенное решение. По этому примеру те, кто в том или ином государстве обладает властью издавать законы, должны раз в три года или в пять лет, или как это будет удобнее, пересматривать подобные антиномии. Предварительно они должны быть изучены специально избранными для этого людьми, которые должны будут представить затем свои рекомендации парламенту для того, чтобы принятое решение было утверждено и закреплено голосованием.

Афоризм LVI

Не следует слишком усердно прилагать излишних забот для того, чтобы с помощью тонких и изощренных логических операций примирить противоречащие друг другу статьи законов и, как говорится, «снасти все». Ведь это будет лишь умозрительная ткань, и, какой бы скромной и почтительной к существующим установлениям она ни казалась, ее придется все же признать вредной, ибо она делает весь свод законов пестрым и непрочным. Несомненно, лучше совершенно отбросить худшее и оставить только лучшее.

Афоризм LVII

Устаревшие и вышедшие из употребления законы, подобно антиномиям, должны по предложению тех же комиссий отменяться. Ведь если изданный в свое время закон вовремя не отменяется как вышедший из употребления, то такое пренебрежение к мерам против устаревших законов влечет за собой известную потерю авторитета и остальных законов, так что в результате происходит что-то подобное мучениям Мезенция¹⁵⁵: живые законы погибают в объятиях мертвых. И вообще необходимо остерегаться возникновения гангрены в законах.

Афоризм LVIII

Более того, преторские суды должны обладать правом выносить решения против устаревших законов и постановлений, не употребляющихся больше на практике. И хотя в свое время было неплохо сказано, что «никто не

должен быть умнее закона»¹⁵⁶, однако не нужно забывать, что речь здесь идет о бодрствующих, а не о дремлющих законах. Право же устранять нежелательные последствия новых законов, в случае если эти последствия противоречат общественному праву, должно принадлежать не преторским судам, а государям, более авторитетным советам и другим высшим властям, которые должны своими эдиктами и актами, дабы не подвергать опасности благо государства, приостановить действие этих законов до тех пор, пока не будет созван парламент или какой-то иной орган, наделенный полномочиями отменять их.

О НОВЫХ СВОДАХ ЗАКОНОВ (ДИГЕСТАХ)

Афоризм LIX

Если законы, нагромождаясь один на другой, выросли в огромные тома или если они так смешались и перепутались между собой, что необходимо рассмотреть их заново и свести в разумный и удобный для пользования свод, то эта работа должна быть выполнена прежде всего. Этот труд будет поистине героическим, а те кто возьмется за него, заслуженно и с полным правом будут считаться подлинными законодателями и реформаторами.

Афоризм LX

Для такого рода очищения законов или создания новых дигест следует выполнить следующие пять вещей. В-первых, необходимо отбросить устаревшие законы, которые Юстиниан называл старинными сказками. Далее, необходимо, рассмотрев все антиномии, оставить наиболее разумные законы, противоречивые же уничтожить. В-третьих, рассмотрев гомойономии, т. е. законы, имеющие одинаковый смысл и по существу лишь повторяющие одно и то же, сохранить лишь те из них, которые наиболее полно и совершенно выражают мысль. В-четвертых, если какие-то из законов не дают четких определений, а лишь ставят вопросы, оставляя их нерешенными, то их также нужно исключить из свода. В-пятых, необходимо сократить и сжать текст законов слишком многословных и пространных.

Афоризм LXI

Вообще в новом своде законов было бы очень полезно поместить отдельно те, которые составляют общее право и существуют как бы во все времена, и, с другой стороны, постановления, присоединяемые к ним время от времени. Ибо в большинстве случаев в судебной практике существует большое различие между толкованием и применением общего права, с одной стороны, и отдельных постановлений — с другой. Именно это сделал Требоннан в «Дигестах» и в «Кодексе»¹⁵⁷.

Афоризм LXII

Предпринимая такого рода попытку возрождения законов и создания нового свода, необходимо точно сохранять выражения и формулы старинных законов и юридических сочинений, хотя бы это пришлось делать с помощью цитат и небольших фрагментов, которые затем пужно соединить в необходимом порядке. Ведь хотя, вероятно, было бы удобнее и даже, если смотреть на существо дела, лучше сделать это с помощью нового текста, не прибегая к такого рода сшиванию старых фрагментов, однако в законах важнее не стиль и манера изложения, а авторитет и древность, поддерживающая и создающая их. Иначе такого рода произведение может показаться скорее каким-то схоластическим творением — всего лишь методом, а не сводом повелевающих законов.

Афоризм LXIII

Было бы разумно, составляя новый свод законов, не уничтожать совершенно старые сборники и не обрекать их на полное забвение, но сохранить их по крайней мере в библиотеках, не разрешая, однако, широкого и вольного их использования. По крайней мере в более или менее серьезных случаях было бы полезно проследить и изучить обновление и последовательную смену прежних законов. И несомненно, чрезвычайно важно придать новым законам величие древности. Однако этот новый свод законов должен быть обязательно утвержден теми, кто наделен в государстве законодательной властью, чтобы под предлогом пересмотра старых потихоньку не вводились новые законы.

Афоризм LXIV

Было бы желательно, чтобы реформа законов принималась в такие эпохи, которые превосходят по уровню образования и науки древние времена, деяния и творения которых они пересматривают. Как раз деятельность Юстиниана свидетельствует о противоположном. Ведь нет ничего печальнее, чем уродовать и переделывать творения древних, основываясь на суждениях и интересах эпохи гораздо менее культурной и образованной. Однако часто бывает необходимым то, что не является самым лучшим.

Итак, о неясности законов, вытекающей из чрезмерного и беспорядочного их нагромождения, сказано достаточно. А теперь нужно сказать о двусмысленном и неясном изложении законов.

О СЛОЖНОМ И НЕЯСНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ЗАКОНОВ

Афоризм LXV

Неясность изложения законов возникает или из их многословия и пространности, или, наоборот, из чрезмерной краткости, или из-за того, что преамбула закона противоречит самому закону.

Афоризм LXVI

Сначала нужно сказать о неясности законов, вытекающей из плохого изложения. Я не одобряю болтливости и растянутости в изложении законов, получивших теперь распространение. Они ни в коем случае не дают возможности достичь ясного выражения целей и намерений законов, скорее наоборот. Когда, например, такой закон стремится рассмотреть и изложить каждый отдельный случай в соответствующих ему словах и выражениях, надеясь, что этим удастся достичь большей точности и определенности, на деле возникает множество вопросов относительно значений слов; в результате истолкование закона, исходящее из его смысла (а именно такое истолкование и самое здоровое, и самое правильное), становится весьма затруднительным из-за словесной трескотни.

Афоризм LXVII

Но на этом основании не следует отдавать предпочтение и чересчур утрированной краткости и лапидарности стиля, будто бы придающей закону особое величие и повелительность; тем более этого следует избегать в наше время, а иначе может появиться закон, похожий на «Лесбосскую линейку»¹⁵⁸. Следовательно, нужно стремиться найти такие общие и в то же время достаточно определенные термины, которые, не излагая бы слишком подробно всех относящихся к закону случаев, достаточно ясно исключали все случаи, не относящиеся к нему.

Афоризм LXVIII

Однако в обычных законах и эдиктах политического содержания, где, как правило, не требуется консультации юристов, но каждый доверяет собственному пониманию, нужно все разъяснить более пространно, приносясь к пониманию простого народа и как бы показывая все пальцем.

Афоризм LXIX

И если бы мы могли следовать старинным обычаям, мы во всяком случае тоже не относились бы с одобрением к преамбулам законов, которые некогда считались бессмысленными, ибо в таком случае закон начинает спорить, вместо того чтобы приказывать. Но в наше время такого рода преамбулы чаще всего необходимы в тексте закона не столько для того, чтобы разъяснять его, сколько для того, чтобы убедить парламент принять закон и, с другой стороны, удовлетворить народ. Однако, насколько возможно, следует избегать введения преамбул и начинать текст закона сразу же с постановления.

Афоризм LXX

Хотя цель и смысл закона иной раз можно неплохо понять из вступлений и так называемых преамбул, однако они ни в коем случае не должны использоваться для расширительного его толкования. Ведь преамбула часто останавливается на некоторых из наиболее типичных и характерных примеров, тогда как сам закон охватывает

гораздо более многочисленные случаи. Или наоборот, закон что-то уточняет и ограничивает, но основания для такого рода ограничения нет необходимости включать в преамбулу. Поэтому объем материала и границы применения закона следует искать в самом тексте закона, поскольку преамбула часто выходит за его пределы или слишком сужает его.

Афоризм LXXI

Существует один весьма порочный метод изложения закона. Речь идет о том, когда случай, ради которого издан закон, подробно излагается в преамбуле, а затем с помощью слова «таков» или какого-то другого в том же роде текст закона обращается вновь в преамбулу; и, таким образом, преамбула смешивается и сливается с самим законом, что приводит к его неясности и ненадежности, потому что обычно текст преамбулы изучается и взвешивается не столь внимательно, как текст самого закона.

Мы подробнее поговорим об этом разделе, посвященном неточности законов, вытекающей из их плохого изложения, когда будем несколько позднее говорить об истолковании законов¹⁵⁹. О неясном же изложении законов сказано достаточно. Теперь следует сказать о способах разъяснения закона.

О СПОСОБАХ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЗАКОНА И УСТРАНЕНИИ ЕГО ДВУСМЫСЛЕННОСТИ

Афоризм LXXII

Существует пять способов разъяснения закона и устранения сомнений относительно его смысла. Это могут быть описания процессов, сочинения аутентичных авторов, вспомогательная литература, лекции, ответы или консультации юристов. Если все это будет достаточно хорошо организовано, то в нашем распоряжении окажутся надежные средства избежать неясности в толковании законов.

ОБ ОПИСАНИЯХ ПРОЦЕССОВ

Афоризм LXXIII

Прежде всего приговоры, вынесенные на заседаниях верховных и королевских судов в особенно серьезных, а

тем более спорных случаях, по делам в чем-то сложным и необычным, должны собираться самым тщательным и добросовестным образом. Ведь приговоры — это якоря законов, точно так же как законы — якоря государства.

Афоризм LXXIV

Собирать такого рода приговоры и заносить их в книги нужно следующим образом. Необходимо подробно описать сам случай, точно изложить принятое решение, приведя и те доводы в пользу данного приговора, которые были высказаны судьями. Не следует смешивать значение случаев, приводимых в качестве примеров, со значением главного случая. О речах же адвокатов не следует упоминать, если только в них нет каких-то исключительных фактов и мыслей.

Афоризм LXXV

Составителями такого рода описаний процессов и приговоров должны быть наиболее опытные и образованные адвокаты, которые должны получать за это щедрое вознаграждение за счет государства. Сами же судьи не должны браться за такие изложения, чтобы из пристрастия к собственному мнению и авторитету случайно не перейти границы простого доклада.

Афоризм LXXVI

Все эти процессы и приговоры должны излагаться в строго хронологическом порядке, а не систематизироваться по темам. Такого рода описания являются как бы своеобразной историей законов. И не только сами акты, но и время их возникновения могут многое сказать умному судье.

ОБ АУТЕНТИЧНЫХ АВТОРАХ

Афоризм LXXVII

Весь свод права в своей совокупности должен складываться, во-первых, только из тех законов, которые составляют общее право; во-вторых, из основополагающих законов или статутов; в-третьих, из сборников описаний

процессов и приговоров. Никакие другие сочинения, кроме названных выше, за очень небольшими исключениями, не должны считаться аутентичными.

Афоризм LXXVIII

Нет ничего важнее для точности законов (о которой мы сейчас говорим), чем ограничение определенными узкими пределами числа аутентичных сочинений и исключение из этого круга огромного множества писателей и ученых-юристов. Ведь это бесчисленное множество источников приводит к тому, что смысл законов толкуется противоречиво, судья находится в замешательстве, процессы тянутся до бесконечности, а сам адвокат, не будучи в состоянии перечитать и одолеть такое множество книг, прибегает к компендиям. Возможно, несколько толковых комментариев и небольшое число классических авторов или лучше несколько фрагментов из сочинений небольшого числа авторов следовало бы рассматривать как аутентичные сочинения. Остальные сочинения должны все же храниться в библиотеках, с тем чтобы судьи и адвокаты могли познакомиться с ними в случае необходимости, но надо запретить использовать их в ходе процесса, цитировать их на заседаниях суда и ссылаться на них как на авторитетные источники.

О ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Афоризм LXXIX

Не следует лишать юридическую науку и практику вспомогательной литературы. Ее можно разделить на шесть групп, а именно: институции, о значении терминов, о юридических правилах, древние законы, суммы, процессуальные формулы.

Афоризм LXXX

Молодежь и новички должны готовиться к более глубокому и эффективному изучению наиболее сложных вопросов правовой науки с помощью институций. Эти институции должны быть построены четко и ясно. В них следует изложить весь курс частного права, не опуская ни одного вопроса, ни на одном вопросе не останавли-

ваясь слишком подробно, но кратко затрагивая все пункты частного права, с тем чтобы тот, кто обратится затем к подробному чтению свода законов, не встретил там ничего совершенно нового, что не было бы ему уже слегка знакомо. Общественное право в этих институтах затрагивать не следует, потому что изучение его должно вестись на самих источниках.

Афоризм LXXXI

Нужно составить словарь юридической терминологии. Не следует слишком подробно и скрупулезно разъяснять ее значение и смысл, ибо речь идет не о том, чтобы найти точные определения терминов, но лишь о том, чтобы с помощью этих объяснений облегчить чтение юридической литературы. Не нужно располагать термины в алфавитном порядке: для этого достаточно индекса; лучше всего распределить весь материал так, чтобы термины, относящиеся к одному предмету, были помещены рядом, взаимно помогая пониманию каждого из них.

Афоризм LXXXII

Более всякого другого способствует точности законов хорошее, тщательно выполненное исследование о различных юридических нормах. Оно достойно того, чтобы поручить его создание самым талантливым и самым опытным юристам. То, что имеется в этом роде в настоящее время, никуда не годится. В этой работе следует собрать не только обычные и общеизвестные правила, но и более тонкие и более скрытые, которые можно извлечь из гармонии, существующей между законами и решенными на их основе делами; их можно найти иногда в оглавлениях лучших сводов. Они представляют собой общие требования разума, распространяющиеся на различные стороны содержания закона, придавая ему устойчивость и определенность.

Афоризм LXXXIII

Но не следует считать юридической нормой, как это обычно по неопытности делают, каждое правовое решение или положение. Ведь если допустить это, то было бы столько же норм, сколько и законов, ибо закон есть

не что иное, как повелевающая норма. Но только то должно считаться нормой, что соответствует самой форме правосудия. Именно поэтому в гражданском праве различных государств можно обнаружить почти одни и те же нормы, варьирующиеся только в зависимости от форм государственных установлений.

Афоризм LXXXIV

После того как норма будет коротко и четко сформулирована, нужно привести примеры и наиболее удачные решения отдельных случаев для того, чтобы разъяснить ее, указать различия в применении и исключения, ограничивающие ее, и назвать аналогичные положения для того, чтобы расширить сферу применения данной нормы.

Афоризм LXXXV

Существует справедливое требование: не выводить право из норм, но создавать норму из существующего права. Не следует в словах норм искать аргументов для доказательства, как будто бы это текст закона. Ведь норма лишь указывает на закон, подобно стрелке компаса, указывающей на полюсы, а не устанавливает его.

Афоризм LXXXVI

Помимо самого свода права будет полезно познакомиться также и с юридическими древностями, т. е. с теми законами, которые уже утратили свою реальную силу, но уважение к которым все еще остается. Юридическими древностями нужно считать сочинения о законах и судебных процессах и приговорах (независимо от того, были ли они изданы или нет), по времени своего возникновения предшествующие самому своду права. Нельзя допустить потерю этих сочинений. Следует все, что есть в них наиболее полезного (а в них встречается и много пустого, и несерьезного), собрать в одной книге для того, чтобы «старые сказки», как говорил Требониан, не смешивались с самими законами.

Афоризм LXXXVII

Чрезвычайно важно для практики распределение всего юридического материала по определенным разделам и темам, дающее возможность при любой необходимости обращаться к ним, как обращаются в некое хранилище за вещами, необходимыми в данный момент. Такого рода «суммы» приводят в систему беспорядочно разбросанный материал, сокращают все чрезмерно растянутое и многословное в тексте закона. Но следует остерегаться того, как бы люди благодаря таким суммам, будучи достаточно хорошо подготовленными практически, не перестали проявлять большого рвения к самой науке. Ведь эти книги предназначены для того, чтобы с их помощью познакомиться с правом, а не изучать его. Такого рода суммы вообще необходимо составлять весьма тщательно, добросовестно и продуманно, дабы не обокрасть законы.

Афоризм LXXXVIII

Нужно собирать всевозможные процессуальные формулы по каждому разделу права. Это весьма важно для практики и, бесспорно, раскрывает все темные и неведомые стороны законов. Ведь в законе немало скрыто того, что значительно заметнее и яснее проявляется в процессуальных формулах. Если первый можно сравнить с кулаком, то вторые следует сравнить с раскрытой ладонью.

ОБ ОТВЕТАХ И КОНСУЛЬТАЦИЯХ

Афоризм LXXXIX

Следует найти какое-то средство для разрешения возникающих время от времени сомнений и неясностей частного характера. Ведь очень плохо, когда те, кто желает избежать ошибки, не могут найти себе проводника, а их действиям грозит опасность и не существует какого-либо способа узнать, чем грозит закон, до тех пор, пока процесс не завершён окончательно.

Афоризм XC

Не следует, чтобы ответы, которые даются адвокатами или докторами права на те или иные вопросы, касаю-

щиеся правовых норм, обладали такой силой, чтобы судье нельзя было отступить от них. Такая прерогатива должна принадлежать лишь присяжным.

Афоризм ХСІ

Я не могу одобрить попыток спровоцировать решения суда, прибегая к организации фиктивных процессов, в которых выступают вымышленные лица для того, чтобы таким образом заранее узнать, какие юридические нормы будут в данном случае применены. Такая практика наносит ущерб величию законов и должна рассматриваться как проявление известной юридической недобросовестности. Недостойно и постыдно уподоблять судебное заседание театральному представлению.

Афоризм ХСІІ

Таким образом, как вынесение решений, так и право давать ответы и консультации должно быть исключительной прерогативой судей. Первые выносятся по рассматриваемым уже в суде тяжбам, вторые даются по возникающим сложным и трудным правовым вопросам. Но как по частным, так и по общественным делам за такого рода консультациями следует обращаться не к самим судьям (так как в этом случае судья превратился бы в адвоката), а к королю или к государственному совету. Они в свою очередь передадут дело судьям. Судьи же, опираясь на авторитет государственной власти, выслушают прения адвокатов, избранных заинтересованными сторонами либо, если это необходимо, назначенных самими судьями, рассмотрят аргументы обеих сторон и, взвесив все обстоятельства, вынесут решение, которое получит юридическую силу. Подобного рода решения спорных случаев должны быть приравнены к приговорам судебных коллегий, опубликованы и должны обладать такой же силой, как и судебный приговор.

О ЛЕКЦИЯХ

Афоризм ХСІІІ

Все курсы по вопросам права и все упражнения, которые выполняют люди, изучающие право, должны

быть организованы таким образом, чтобы перед ними стояла единственная цель: разрешать трудные и спорные вопросы права, а не умножать и еще более запутывать их. Во всяком случае, судя по тому, как обстоит дело в настоящее время, почти во всех школах стремятся умножить число всякого рода спорных и сложных правовых вопросов должно быть для того, чтобы иметь возможность продемонстрировать тонкость и остроту ума. И нужно сказать, что это давний порок. Ведь еще у древних считалось славным и почетным, отстаивая положение той или иной группы (на которые делились юристы того времени), не столько гасить, сколько разжигать разногласия по множеству юридических проблем.

О КОЛЕБАНИИ И НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ

Афоризм ХСIV

Колебания и непоследовательность в судебных решениях могут быть результатом необдуманного и торопливого голосования присяжных, или соперничества между собой и конкуренции различных судебных коллегий, или неудачного и неквалифицированного составления текста решений, или, наконец, того, что существует слишком много возможностей легко, не встречая никаких затруднений, пересмотреть и отменить принятое решение. Поэтому необходимо принять меры к тому, чтобы судебные решения не подвергались пересмотру при условии, что они предварительно всесторонне и зрело обдуманы. Судебные коллегии обязаны взаимно уважать друг друга; решения их должны записываться добросовестно и со знанием дела; и, наконец, следует резко ограничить и значительно затруднить возможность пересмотра принятых в суде решений и, если можно так выразиться, сделать путь к нему труднодоступным и тернистым.

Афоризм ХСV

Если в каком-нибудь высоком суде вынесено решение по какому-либо делу и аналогичное дело рассматривается в другой судебной коллегии, то не следует выносить по нему решение до тех пор, пока оно не будет рассмотрено

в какой-нибудь высшей инстанции. Но если решение уже вынесено и его все же необходимо отменить, то сделать это следует по крайней мере достойно.

Афоризм ХСVI

Что различные судебные коллегии спорят и сталкиваются друг с другом по вопросам их юрисдикции — это в какой-то мере свойственно природе человека, тем более что в силу одного довольно нелепого принципа, гласящего, что хороший и добросовестный судья всегда старается расширить юрисдикцию своего суда, эта лихорадка получает новую пищу, и там, где нужно натянуть узду, прибегают к шпорам. Но нельзя терпеть, чтобы это соперничество самолюбий заставляло их с наслаждением взаимно отменять уже вынесенные на заседаниях каждого из них решения (не имеющие никакого отношения к вопросу о юрисдикции), и это страшное зло должно быть полностью пресечено вмешательством королей, сената или государства. Ведь невозможно найти ничего худшего, чем постоянная вражда и борьба между собой различных судов, созданных для того, чтобы обеспечивать подданным мир.

Афоризм ХСVII

Не следует открывать легкого и удобного пути для отмены приговоров посредством апелляций, исправления ошибок или пересмотра дел и т. п. Некоторые считают, что тяжба должна передаваться на суд высшей инстанции в первоначальном ее состоянии, что нужно отбросить в сторону первоначальный приговор и приостановить его действие. Другие же считают, что само решение должно оставаться в силе, но исполнение его должно быть временно приостановлено. Я не могу согласиться ни с той, ни с другой точкой зрения, с тем лишь исключением, что судебная коллегия, передающая данное дело, действительно низшая инстанция; лучшим же вариантом является следующий: и сохраняется неизменным решение, и приступают к его исполнению с тем условием, чтобы было гарантировано возмещение убытков и расходов в случае отмены решения.

Этот раздел о точности законов может служить достоящим примером того, как следует составить и остальные части задуманных нами дигест,

Итак, мы завершили изложение гражданской науки (во всяком случае в той степени, в какой мы считали нужным ее рассмотреть), а вместе с ней мы завершили рассмотрение философии человека, а с философией человека — и всей философии вообще. И, переведа, наконец, немного дух, оглядываясь на пройденный нами путь, мы можем заметить, что наше сочинение весьма напоминает те звуки и пассажи, которые мы слышим, когда музыканты настраивают свои инструменты: сами по себе они могут показаться весьма грубыми и неприятными для слуха, но именно этим звукам мы обязаны тем, что так сладостно звучит вся последующая мелодия. Точно так же и мы решили приложить все усилия к тому, чтобы как можно лучше настроить кифару муз и сделать ее созвучной с истинной гармонией для того, чтобы другие смогли играть на ее струнах лучше и вернее. Итак, взглянем на всю нашу эпоху, в которую, кажется, в третий раз возродились у людей науки и искусства, и внимательно присмотримся к тому, какими разнообразными средствами и пособиями они располагают теперь для своей защиты и развития; множество великодушных и глубоких талантов, рожденных нашей эпохой; замечательные создания древних авторов, подобно факелам освещающие нам путь; искусство книгопечатания, щедро предоставляющее книги людям любого достатка; покоренные просторы океана, кругосветные путешествия, давшие нам многочисленные сведения, неизвестные древним, и приведшие к небывалому расцвету естественной истории; неограниченный досуг, которым повсюду широко располагают лучшие умы Европы, ибо в современных европейских государствах люди не заняты в такой мере общественной деятельностью, в какой были заняты греки в силу их демократического государственного устройства и римляне в силу огромных масштабов их империи; мир, которым в настоящее время наслаждаются Британия, Испания, Италия, а теперь и Франция и немало других государств; прекращение споров по религиозным вопросам ввиду того, что несякло, по-видимому, все, что можно было придумать или сказать на эту тему, споров, давно отвлекавших множество умов от занятий другими науками; удивительная и выдающаяся эрудиция Вашего Величества, к которому со всех сторон стремятся таланты, подобно тому как птицы слетаются к Фениксу;

наконец, неотъемлемое свойство самого времени, день ото дня все больше и больше раскрывать истину; когда, повторяю, мы думаем обо всем этом, мы не можем не проникнуться надеждой. Надеждой на то, что этот третий период расцвета наук и искусств далеко превзойдет два предыдущих периода — греческий и римский, только бы люди пожелали трезво и разумно оценить свои силы и свои недостатки и принимали бы друг от друга светоч знаний, а не факел для разжигания противоречий и споров; лишь бы поиски истины считали они самым важным и благородным делом, а не приятным развлечением или удовольствием; лишь бы они тратили все свои силы и средства на важные и исключительные предприятия, а не на обыденные и всем давно известные. Что же касается моего труда, то, если кому-нибудь захочется доставить удовольствие или самому себе, или другим критикой этого сочинения, да услышит он известные еще с древности слова отчаянного призыва к терпению: «Побей, но выслушай!»¹⁶⁰ Пусть люди критикуют и порицают нашу книгу, лишь бы они внимательно и вдумчиво прочли то, что в ней говорится. Ведь апелляция будет вполне законной, хотя, быть может, она и не будет столь необходимой, если будет идти от первых человеческих познаний к последующим и от нашего века к потомкам. А теперь перейдем к той науке, которой не знали те два древних периода истории, ибо они не были удостоены такого счастья: я говорю о священной и боговдохновенной теологии — этой прославленной пристани и месте отдохновения от всех человеческих трудов и странствий.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Глава I

Разделение боговдохновенной теологии здесь не приводится. Даются лишь введение и три раздела, требующих исследования, а именно: учение о законном использовании человеческого разума при решении вопросов божественных, учение о степенях единства в государстве божьем и учение об эманации Священного писания

И вот, великий государь, когда наш маленький кораблик (а мог ли он быть иным?) проплыл по всему древнему и новому миру наук (насколько удачно и верно, пусть судят об этом потомки), что еще нам остается, как не исполнить наши обеты, завершив наконец плавание? Но ведь есть еще священная или боговдохновенная теология. Однако если бы мы собирались говорить о ней, то нам пришлось бы пересечь из утлого челна человеческого разума на корабль церкви; только он один, вооруженный божественным компасом, может найти правильный путь, ибо теперь уже недостаточно звезд философии, которые до сих пор светили нам в пути. Таким образом, было бы самым правильным обойти молчанием также и эту область. Поэтому мы не будем касаться того, какие следует установить подразделения в этой науке, и, сознавая ничтожность наших сил, скажем в форме пожеланий лишь несколько слов. Мы это делаем с тем большим основанием, что не видим во всей теологии буквально ни одной области или направления, которые оставались бы совершенно заброшенными или неисследованными — столько рвения проявили люди, сея здесь и пшеницу, и плевелы.

Итак, мы укажем на три приложения к теологии, касающихся не самого материала, который дает или должна дать теология, а только способа изложения этого материала. Однако в отличие от того, что обычно делалось в предыдущих разделах, мы не будем приводить на эту тему ни примеров, ни правил, предоставив это

делать теологам. Как мы уже сказали, это лишь своего рода пожелания.

1. Власть бога распространяется на все существо человека, включая как его разум, так и волю, дабы человек полностью отрешился от самого себя и приблизился к богу. Поэтому, как мы обязаны подчиниться божескому закону, даже если воля наша сопротивляется этому, так же мы должны верить слову божьему, даже если разум сопротивляется этому. Ведь если бы мы верили только тому, что оказывается согласным с нашим разумом, то мы принимали бы только факты, а не их творца; а ведь так мы относимся к показаниям даже сомнительных свидетелей. Но та вера, которая была дарована Аврааму за его праведность, распространялась на такие вещи, которые вызывали смех Сарры¹, в этом отношении являющейся своего рода воплощением естественного разума. Таким образом, чем нелепее, чем невероятнее представляется нам какая-нибудь божественная тайна, тем большая честь воздается богу, когда в это верят, и тем славнее торжество веры. Ведь даже грешники, как бы сильно они ни мучились угрызениями совести, видя тем не менее надежду свою на спасение в милосердии божьем, тем большую честь воздают господу, ибо всякое отчаяние является оскорблением бога. Более того, если мы внимательнее обдумаем все это, то придем к выводу, что вера есть нечто более достойное, чем знание, подобное нынешнему нашему знанию. Ведь в процессе познания ум человеческий испытывает воздействие со стороны чувственных восприятий, которые отражают материальные вещи, в вере же душа испытывает воздействие более достойного агента — духа. Иначе обстоит дело в состоянии блаженства, потому что тогда веры уже не будет и «мы познаем, как и познаны будем».

Таким образом, мы можем заключить, что источником священной теологии должны быть слово и пророчество божьи, а не естественный свет и не требования разума. Ведь сказано в Писании: «Небеса возвещают славу божью»², но мы нигде не встретим слов: «Небеса возвещают волю божью». Об этой последней говорится: «Для закона и свидетельств, если не станут они поступать согласно с этим заветом»³. И это имеет силу не только в таких великих таинствах божества, как творение, искупление, но применимо также и к более совершенному

истолкованию морального закона: «Любите врагов ваших, творите добро ненавидящим вас» и т. д., «чтобы быть детьми отца вашего небесного, посылающего дождь и праведным, и неправедным»⁴. Эти слова поистине заслуживают того, чтобы о них было сказано: «Ибо твой не как смертных облик»⁵, ибо эти слова превыше естественного света природы. Более того, мы знаем, что языческие поэты, особенно если они прибегают к патетике, нередко жалуются на то, что моральные законы и учения (впрочем, значительно более снисходительные и мягкие, чем божественные) недоброжелательны к людям и противоречат будто бы естественной свободе:

...что природа прощает, — завистно
То отрицают права⁶.

То же самое сказал индус Дендамид послам Александра: «Я, правда, слышал кое-что о Пифагоре и других греческих мудрецах и убежден, что это были великие люди, однако у них у всех был один недостаток — они с излишним почтением и уважением относились к какой-то фантастической вещи, называемой законом и обычаем»⁷. Поэтому не может быть сомнения в том, что значительная часть морального закона недоступна по своей возвышенности для естественного света. В то же время в высшей степени правильно то, что люди обладают уже от природы некоторыми нравственными понятиями, сформированными под влиянием естественного света и естественных законов, такими, как добродетель, порок, справедливость, несправедливость, добро, зло. Однако следует заметить, что выражение «естественный свет» может быть понято в двояком смысле: во-первых, в том смысле, что этот свет возникает как результат чувственных восприятий, индукции, разума, аргументов, согласно законам неба и земли; во-вторых, в том смысле, то этот свет озаряет человеческую душу неким внутренним прозрением, повинаясь закону совести, этой искры, этого отблеска старинной первоизданной чистоты. В этом последнем смысле душа становится причастной некоему свету, помогающему увидеть и понять совершенство морального закона, однако этот свет не является абсолютно прозрачным, в какой-то мере помогая прежде всего разоблачению пороков, но не давая достаточно полного представления

о том, в чем состоит наш долг. Поэтому религия, будем ли мы рассматривать ее как таинство или как наставницу в морали, рождается из божественного откровения.

Тем не менее в духовной области человеческий разум находит достаточно разнообразное и широкое применение. И апостол имел основание назвать религию «разумным почитанием бога»⁸. Достаточно вспомнить обряды и символы древнего закона: ведь они все были разумными и имели определенное значение, резко отличаясь от языческих и магических церемоний, которые можно было бы назвать глухонемыми, ибо они, как правило, ничему не учат нас и даже не пытаются намекнуть на что-либо. Христианская вера, как и во всем остальном, обладает тем преимуществом перед другими, что умеет сохранить золотую середину в том, что касается разума и рассуждения, являющегося продуктом разума, тогда как языческая и магометанская религия представляют в этом отношении две крайности. Ведь языческая религия вообще не имеет никакой твердой веры или определенных догматов; наоборот, в религии Магомета запрещена любая попытка размышления; так что первая изобилует различными ошибками и заблуждениями, а вторая являет собой хитрый и тонкий обман; святая же христианская вера и допускает, и запрещает апелляцию к разуму и рассуждению в должных границах.

В вопросах, касающихся религии, человеческий разум может найти двойное применение: он может стремиться понять само таинство, и он же может стремиться понять, какие выводы должны отсюда следовать. Что касается проникновения в таинство, то мы знаем, что бог не отказался снизойти до наших слабых способностей и так раскрыл нам свои таинства, что мы прекрасно можем понять их; он как бы привил свои откровения к стволу понимания и понятий, доступных нашему разуму, и сделал свои наставления способными отомкнуть нашу душу, подобно тому как ключ подгоняют к форме замка. Однако и в этом отношении мы отнюдь не должны забывать о собственных усилиях, потому что если сам бог опирается на помощь нашего разума, желая раскрыть свои замыслы, то тем более следует, чтобы и мы всесторонне использовали его, дабы как можно лучше воспринять божественные таинства и проникнуться ими; только надо помнить при этом, что мы должны расширять наше понимание в

соответствии с величием божественных таинств, а не пытаться втиснуть их в узкие рамки нашего разума.

Что же касается выводов, вытекающих из познания божественного таинства, то мы должны знать, что здесь разуму и логическим аргументам принадлежит лишь второстепенная роль и значение их относительно, а отнюдь не первостепенно и абсолютно. Ведь только тогда, когда твердо установлены основные положения и принципы религии (причем они полностью исключены из области рационального анализа), открывается наконец возможность делать выводы из этих принципов, следуя аналогии. В естественных науках такое положение не может иметь места. Там анализу разума подчинены уже сами принципы — и эта задача, повторяю, выпадает на долю индукции, а отнюдь не силлогизма; при этом эти принципы ни в чем не противоречат разуму, так что первая и средняя посылки выводятся из одного и того же источника. Иначе обстоит дело в религии, где первые посылки не только существуют самостоятельно и не требуют подтверждения со стороны, но и не подчинены этому разуму, который выводит из них следствия. Это касается не только религии, но и других наук, как более, так и менее важных, а именно: там, где первые посылки берутся произвольно, а не логически обоснованно, там разум не может принять никакого участия. Так, например, в шахматах или в других аналогичных играх исходные правила и законы чисто произвольны и условны и должны приниматься такими, какими они существуют, и не подвергаться никакому обсуждению; но, чтобы выиграть или умело провести игру, для этого необходимы и искусство, и разум. Точно так же и в человеческих законах существуют нередко так называемые максимы — чисто произвольные положения, опирающиеся скорее на авторитет, чем на разум, и поэтому не подлежащие обсуждению. Но определение того, что более справедливо, не абсолютно, а относительно (т. е. что согласуется с этими максимами), — это уже дело разума и открывает нам широкое поле для споров и рассуждений. Таким образом, речь идет о вторичном, производном характере того разума, который имеет место в священной теологии, основывающейся на воле божьей.

Но точно так же как существует два пути приложения человеческого разума в божественных предметах, мы

встречаем и два рода крайностей, возникающих в этом случае; в первом случае — это чрезмерное любопытство в исследовании тайнства, во втором — это попытка придать выводам такой же авторитет, каким обладают и сами принципы. Ибо окажется учеником Никодема тот, кто настойчиво станет повторять вопрос: «Как может родиться человек, если он стар?»⁹ И ни в коем случае нельзя назвать учеником Павла того, кто не вставляет время от времени в свои проповеди слова: «Это я говорю, а не господь»¹⁰ или «По моему мнению...», а именно такой стиль, как правило, подобает этим выводам. Поэтому мне кажется весьма полезным и плодотворным разумное и тщательное исследование, которое, как своего рода божественная диалектика, могло бы указать пути и границы применения человеческого разума в вопросах теологии. Ведь оно бы могло действовать так же, как действуют препараты опиума, не только усыпляя пустую суету спекуляций, от которых время от времени страдает школа, но и в какой-то степени успокаивая яростные споры, потрясавшие столько раз нашу церковь. Я считаю, что такого трактата у нас еще нет, и предлагаю назвать его «Софрон», или «О правильном применении человеческого разума в божественных предметах».

2. Исключительно важное значение для установления религиозного мира имело бы ясное и точное истолкование смысла христианского союза, установленного нашим Спасителем в следующих двух изречениях, представляющихся в какой-то мере несогласными друг с другом: если одно утверждает: «Кто не с нами, тот против нас», то другое гласит: «Кто не против нас, тот с нами»¹¹. Из этих слов ясно, что существуют некоторые положения, несогласие с которыми неизбежно ставит человека вне этого союза, но что существуют и другие положения, с которыми человек может не соглашаться, оставаясь в то же время в этом объединении. Ведь узлы, связывающие христианскую общину, — это «один бог, одна вера, одно крещение»¹² и т. д., а не один обряд, одно мнение и т. д. Мы знаем также, что хитон Спасителя нашего «был не сшит», но что одеяние церкви бывает пестрое. В колосе нужно отделять мякину от зерна, но не следует срывать плевелы с колосьев в поле. Когда Моисей увидел египтянина, сражающегося с евреем, он не спросил: «Почему вы сражаетесь?», но обнажил меч и убил египтянина.

Но когда он увидел двух сражавшихся евреев, то, хотя они и не могли быть правы оба, он обратился к ним: «Вы же братья, почему же вы сражаетесь?»¹³ Таким образом, все эти соображения делают ясным, насколько важно и полезно дать точное определение того, что собой представляют и насколько далеко простираются те положения, которые отрывают человека от тела церкви господней и исключают его из общины верующих. И если кто-нибудь думает, что это уже было сделано, то пусть он еще и еще раз подумает и скажет, было ли это сделано достаточно откровенно и мудро. А между тем если человек заговорит о мире, он, вероятно, услышит знаменитый ответ Иеговы на вопрос вестника («Это мир, Иегова?»): «Что тебе мир? Оставь его и следуй за мной»¹⁴, ибо большинство людей заботится не о мире, а о своих интересах. Тем не менее я считаю правильным, чтобы среди тех сочинений, которых нам не хватает и которые необходимо создать, был трактат «О степенях единства в государстве божьем», ибо такой трактат весьма полезен и нужен.

3. Поскольку Священное писание является основным источником наших сведений по теологии, необходимо особо сказать о его толковании. И мы говорим здесь не о праве толковать его, которое полностью принадлежит церкви, а лишь о способах толкования. Таких способов два: методический и свободный. Ведь и та божественная влага, бесконечно превосходящая воду из колодца Иакова, черпается и распределяется почти так же, как это происходит с обыкновенной водой из колодца. Ибо обыкновенную воду можно либо сначала собирать в водохранилища, откуда по множеству труб ее легко и удобно направлять в разные места, либо сразу же разливать по кувшинам, и затем брать ее из них, когда это необходимо. Первый из этих способов породил в конце концов схоластическую теологию, которая свела все теологическое учение в единую науку, подобно тому как вода собирается в водохранилище, а оттуда уже каналы и ручейки аксиом и положений распространили его повсюду. В свою очередь свободный способ несет с собой две опасные крайности: в первом случае в Священном писании предполагается такое совершенство, что оно рассматривается как единственный источник любой философии, как будто бы всякая иная философия является чем-то безбожным

и языческим. Такая нелепая точка зрения особенно характерна для школы Парацельса, да и для некоторых других; восходит же она к раввинам и каббалистам. Однако все эти люди добиваются совсем не того, чего они хотят: они не воздают честь Священному писанию, как они сами полагают, а, наоборот, унижают и оскверняют его. В самом деле, всякий, кто стал бы искать земное небо и землю в божественном слове, о котором сказано: «Небо и земля исчезнут, слово же мое не исчезнет»¹⁵, тот, конечно, безумно искал бы преходящее среди вечного. Ведь искать в философии теологию — это то же самое, что искать живых среди мертвых, точно так же, наоборот, искать философию в теологии — это то же самое, что искать мертвых среди живых. Другой способ толкования (который мы тоже считаем опасной крайностью) с первого взгляда представляется вполне разумным и здравым, однако на деле он унижает само Писание и наносит огромный ущерб церкви. Коротко говоря, сущность его сводится к тому, что боговдохновенное Писание пытаются объяснить теми же средствами, что и писания самих людей. А между тем следует помнить, что богу, создателю Священного писания, открыты две вещи, скрытые от человеческого ума: тайны помыслов и бег времени. И так как слова Писания обращены к сердцу, охватывают превратности всех веков, обладают неизменным и верным предвидением всех ересей, споров, всех различий и перемен в положении церкви как в целом, так и в каждой частности, их нельзя толковать, следуя только поверхностному смыслу данного места; или ограничиваться ими, имея в виду лишь тот повод, по которому произнесены эти слова; или рассматривать их в точной связи с предшествующими и последующими словами; или принимать во внимание лишь главную цель, которую они преследуют; нет, их следует толковать так, чтобы было ясно, что они содержат в себе, и не только в целом, во всей своей совокупности, но и в каждой клаузуле, в каждом отдельном слове, бесчисленные ручейки и каналы, которые орошают каждую часть церкви и каждую душу верующих. Ведь удивительно верно было замечено, что ответы Спасителя нашего на очень многие из тех вопросов, которые ему задавались, кажутся не относящимися к делу и весьма неуместными. Это объясняется двумя причинами: во-первых, он постигал мысли

спрашивающих не из их слов, как это обычно делают люди, а непосредственно из них самих и отвечал на их мысли, а не на их слова; во-вторых, он говорил не только с теми, кто был тогда перед ним, но и с нами, ныне живущими, и со всеми людьми во все времена и повсюду, где только будет распространяться Евангелие. И это также относится и к другим местам Писания.

После этих предварительных замечаний перейдем к тому исследованию, которое, по нашему мнению, еще должно быть создано. Среди теологических сочинений слишком много полемической литературы, масса книг по теологии, которую я называю позитивной, общие места, специальные трактаты, покаяния, проповеди и поучения, наконец, множество пространных комментариев к книгам Писания. Мы хотели бы иметь сочинение того же типа, как краткое, тщательно продуманное и серьезное собрание заметок и примечаний к отдельным текстам Писания; оно ни в коем случае не должно включать в себя общие места или вызывать на спор, или стремиться систематизировать материал, но излагать его в совершенно свободной и естественной манере. Мы встречаемся порой с таким изложением в проповедях наиболее образованных теологов, как правило не сохраняющихся надолго; в книгах же, которые могли бы передать его потомкам, такой метод изложения еще не закрепился. Действительно, подобно тому как вино, легко выдавливаемое при первом мягком отжиме ногами, слаще того, которое выходит из-под пресса, поскольку последнее всегда имеет привкус кожуры и косточек винограда, точно так же наиболее целительны и приятны те учения, которые свободно вытекают из Священного писания, а не стремятся раздувать противоречия, споры или прибегать к общим местам. Такого рода трактат мы будем называть «Эманации Священного писания».

Итак, я, кажется, завершил наконец создание этого маленького глобуса интеллектуального мира, стараясь сделать его как можно точнее, обозначив и перечислив те его части, на которые, по моему мнению, не были до сих пор систематически направлены энергия и труд человечества и которые все еще остаются недостаточно разработанными. Если в этом труде я иной раз отступал от мнения древних, то всем должно быть ясно, что делал я это, желая достичь лучшего результата, а отнюдь не стре-

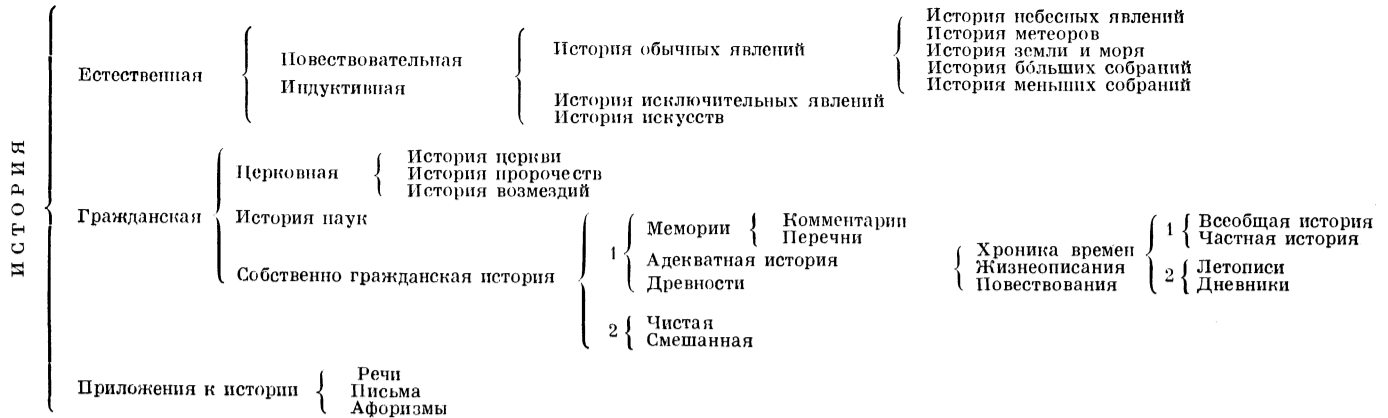
мясь к каким-то новациям или к изменениям ради них самих. И я бы не смог остаться верным себе и своей теме, если бы у меня не было твердого решения развивать, насколько это в моих силах, открытия, сделанные другими, хотя мне в то же время ничуть не меньше хотелось бы, чтобы и мои открытия были в будущем превзойдены другими. Насколько я был справедлив в этом, видно хотя бы из того, что я всегда открыто выставлял свои мнения, ничем не защищая их, и не пытался ограничить чужую свободу резкими и обидными возражениями. Ведь если возникнут какие-то сомнения и возражения относительно правильности моих положений, то я надеюсь, что при повторном чтении ответы явятся сами собой; что же касается тех мест, где я мог ошибиться, то я уверен, что не причинил никакого насилия истине, прибегая к вздорным доказательствам, способным придавать авторитет заблуждениям и отнимать его у разумных открытий. Ведь благодаря сомнению заблуждение приобретает уважение, а истина терпит поражение. Между прочим, мне вспоминаются слова Фемистокла, которыми он оборвал возвышенную и высокопарную речь посла одного маленького города: «Друг, твоим словам не хватает государства»¹⁶. Действительно, я считаю, что мне с полным правом могут возразить, что мои слова нуждаются в столетии, в целом столетии для доказательства их истинности и во многих веках для своего осуществления. Однако, поскольку любое великое дело обязано своему началу, я считаю достаточным то, что я произвел посев для потомства и для бессмертного бога, которого я на коленях умоляю во имя сына его и нашего Спасителя благосклонно принять эти и подобные им жертвы человеческого разума, как бы окропленные религией и принесенные во славу его.

ПРИМЕЧАНИЯ

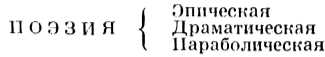
УКАЗАТЕЛИ

БЭКОНОВСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ

ПАМЯТЬ

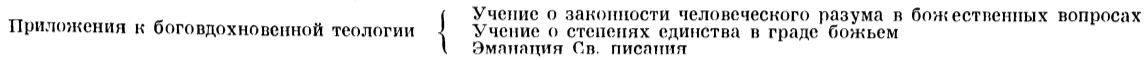

ВООБРАЖЕНИЕ (ФАНТАЗИЯ)

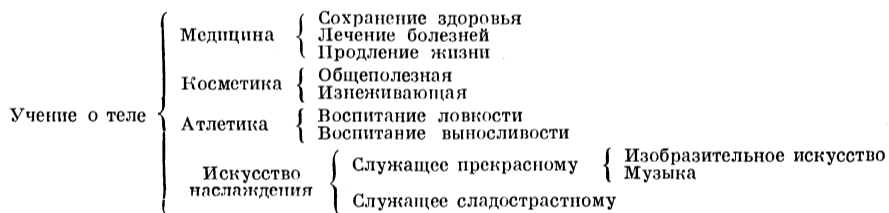
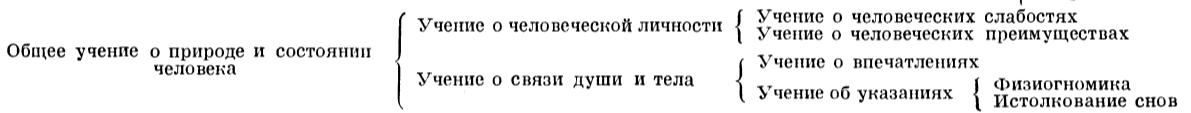
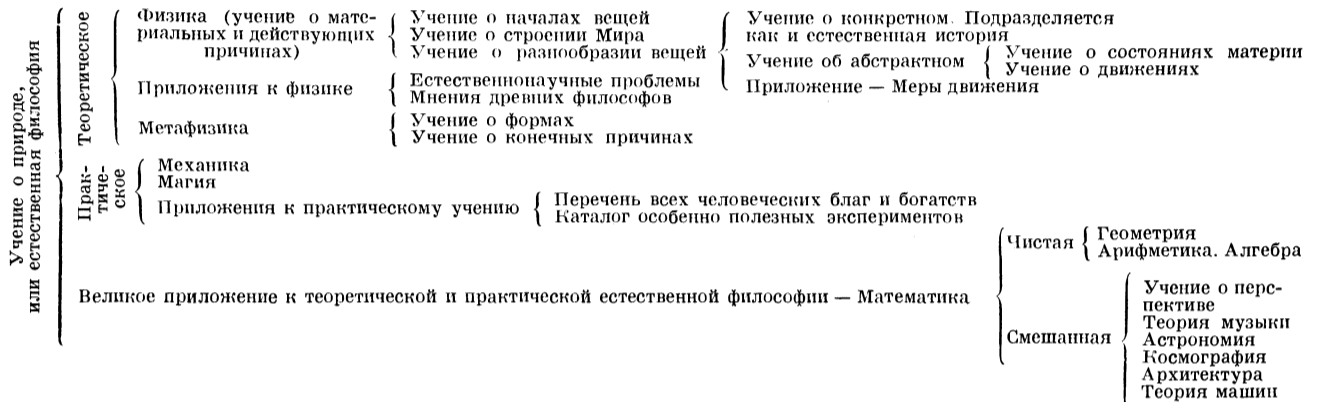

РАССУДОК

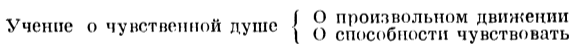
Теология боговдохновенная. Ее подразделения оставляются теологам

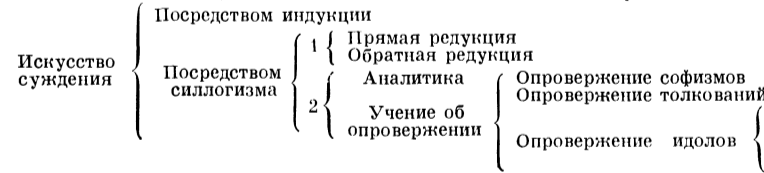
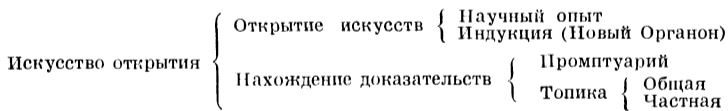
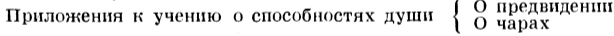
Учение о божестве или естественная теология. Приложение — Учение об ангелах и духах

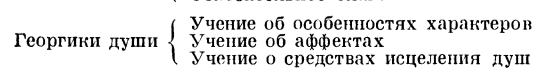
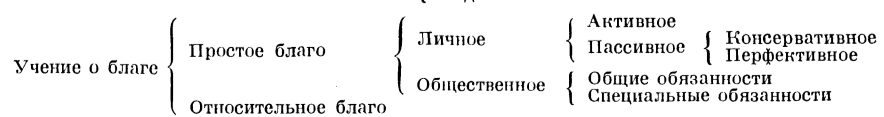
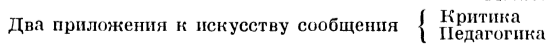
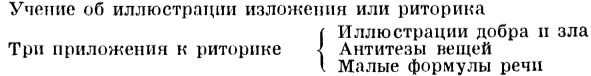
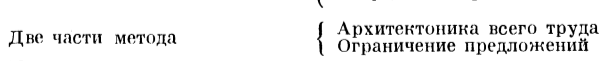
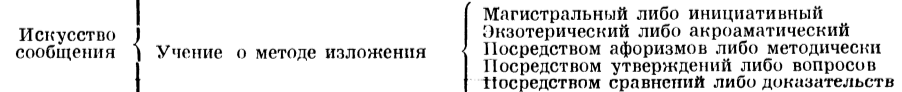
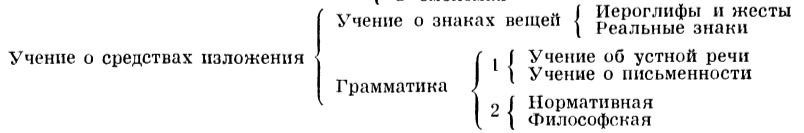
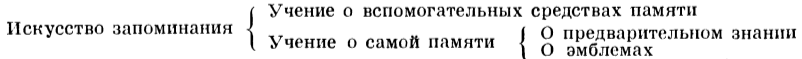
Учение о боговдохновенной душе

Учение о субстанции и способностях души

Приложение к искусству суждения — Адекватность доказательств природе предмета

Приложение к учению о культуре души — О гармонии между благами души и тела

ФИЛОСОФИЯ

Первая философия

- Общие аксиомы наук
- Трансценденции, или превращающие качества сущего
- Учение о человеке

Философия человека

Учение о душе

Учение об использовании и объектах способностей души

Логика

Этика

ПРИМЕЧАНИЯ *

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАУК

¹ В 1618 г. Фрэнсис Бэкон получил титул барона Веруламского. — 59.

² Т. е. Ирландии. — 61.

³ В этом предисловии, опубликованном в 1620 г. вместе с первым изданием «Нового Органона», Бэкон излагает замысел своих философских исследований — план сочинения «Instauratio Magna Scientiarum» («Великого Восстановления Наук»). В нем указаны предполагаемые части этого сочинения и дана сжатая характеристика их содержания. Отметим, в какой мере Бэкон реализовал свой план. Первую часть «Великого Восстановления» составила законченная работа «De Dignitate et Augmentis Scientiarum». Второй части соответствует «Novum Organum Scientiarum», трактат, оставшийся незавершенным. К третьей части можно отнести различные отрывки, наброски и вступления, касающиеся «естественной истории», отдельных явлений и процессов природы: «Historia Ventorum», «Historia Densi et Rari», «Historia Gravis et Levis», «Historia Sympathiae et Antipathiae Rerum», «Historia Sulpuribus, Mercurii, et Salis», «Historia Vitae et Mortis», «Historia et Inquisitio Prima De Sono et Auditu», «Cogitationes de Natura Rerum». Для четвертой и пятой частей Бэконом написаны лишь краткие предисловия. Наконец, шестая часть «Великого Восстановления», по авторскому замыслу главная, осталась лишь в качестве desideratum, т. е. пожелания. Перевод предисловия и посвящения осуществлен Я. М. Боровским (опубликован в книге: *Фр. Бэкон. Новый Органон*. М., 1935) и для настоящего издания вновь сверен Г. Г. Майоровым. — 63.

⁴ На гравюре титульного листа первого и второго издания «Нового Органона» изображен корабль с поднятыми парусами, как бы символизирующий человеческий разум, стремящийся к познанию. Он проплывает меж двух столбов (колонн), образ которых, возможно, навеян мифом о Геркулесовых столбах. — 63.

⁵ Римские сенаторы (senatores-pedarii) низшей категории не вносили предложений и не участвовали в их обсуждении, но лишь голосовали, переходя (буквально) на ту или другую сторону. — 64.

⁶ Речь идет о сочинении «De Dignitate et Augmentis Scientiarum», помещенном в данном томе издания. — 72.

* Составлены А. Л. Субботиным и Н. А. Федоровым.

⁷ В «Опыте о человеческом разуме» Дж. Локка будет фигурировать термин «*tábula rasa*». — 77.

⁸ Эту «естественную историю» Бэкон называет также *parascive* (греч. «подготовка»). В 1620 г. в одном томе с «Новым Органоном» Бэкон опубликовал работу «*Parascive ad historiam naturalem et experimentalem*», мысля ее как набросок такой «естественной истории». — 78.

⁹ Согласно древнегреческому мифу, Аталанта решила выйти замуж за того, кто перегонит ее в беге, проигравшего же такое соревнование она поражала копьём. Аталанту победил хитростью Гиппомен (по другой версии — Меланий), разбрасывавший во время состязания золотые яблоки, полученные им от Афродиты. Любопытная Аталанта задерживалась, чтобы подобрать яблоки, и была побеждена. На этот мифологический образ Бэкон ссылается неоднократно, например в LXX и CXVII афоризмах кн. I «Нового Органома», в «*Valerius Terminus*», «*De Sapientia Veterum*» и др. (см. *Овидий*, «*Метаморфозы*», кн. X, ст. 560—680). — 79.

¹⁰ Эту четвертую часть Бэкон называет «лестницей разума» (*scala intellectus*), имея в виду, что разум должен восходить от единичных факторов к обобщениям постепенно, через ряд опосредствующих положений. — 82.

¹¹ В пятой части, которую Бэкон называет «*Prodromi sive anticipationes philosophiae secundae*», должны были содержаться такие результаты истолкования природы, которые выходят за рамки метода, изложенного в «Новом Органоне». — 82.

¹² Древнегреческие скептики называли «акаталепсией» (*akatalēpsia*) свое учение о непознаваемости вещей. В афоризме CXXVI кн. I «Нового Органома» Бэкон замечает: «В действительности же мы думаем не об Акаталепсии, а об Евкаталепсии...» Последним термином он обозначает противоположное учение — о познаваемости вещей. — 83.

О ДОСТОИНСТВЕ И ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК

В 1605 г. Бэкон опубликовал на английском языке трактат из двух книг «*The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human*», в котором доказывал великое значение наук для человечества и излагал идею их классификации. Через семнадцать лет в письме к Баранзану, датированном концом июня 1622 г., он сообщает, что послал для перевода свое новое сочинение о значении и развитии наук. Бэкон имел в виду «*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*», которое было издано на латинском языке осенью следующего 1623 г. Это сочинение, состоящее из 9 книг, является наиболее обширным и систематическим из философских произведений Бэкона и по замыслу представляет первую часть труда его жизни «*Instauratio Magna Scientiarum*». Оно содержит классификацию всего человеческого знания, оценку уже достигнутого уровня, бэконовское понимание перспектив и направлений его дальнейшего развития, а также характеристику научного метода, его задач и целей. Трактат 1605 г. полностью вошел в «*De Augmentis Scientiarum*». При этом первые книги обоих трактатов совпадают (разночтения английского и латинского оригиналов здесь совершенно незначительны). Содержание же второй книги трак-

тата 1605 г. в переработанном и расширенном виде вошло в остальные книги «De Augustis Scientiarum».

Сочинение Бэкона сразу же получило признание. Следуют его новые издания на латинском (1624, 1635, 1652, 1662 гг.), на французском (1632, 1634, 1640 гг.) и, наконец, на английском (1674 г.) языках. На русском языке оно было опубликовано в 1874 г. (перездано в 1895 г.) и составило первый том двухтомного собрания сочинений Фр. Бэкона. Русский перевод, осуществленный П. А. Бибиковым, и в стилистическом отношении, и в отношении своей точности представляется малоудовлетворительным. К тому же, по всей видимости, он сделан не с латинского оригинала, а со старого и не всегда адекватного оригиналу французского перевода сочинений Бэкона («Oeuvres de Bacon. Traduction revue, corrigée et précédée d'une introd. par M. Fr. Riaux», 2 vols. Paris, Charpentier, 1845 (1852) и повторяет его ошибки. С тех пор «De Dignitate et Augustis Scientiarum» на русском языке не переиздавалось.

Настоящий перевод сделан с латинского текста, опубликованного в I томе издания «The Works of Francis Bacon., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis». London, 1857—1874. Это издание сочинений Фр. Бэкона считается лучшим. Задача нового русского перевода состояла прежде всего в том, чтобы передать мысль автора в стилистических формах современного языка. При этом иногда приходилось жертвовать особенностями и оттенками яркого и своеобразного бэконовского стиля, заметим, кстати, довольно неровного, порой вычурного и нарочито образного. Значительную трудность представлял перевод многочисленных терминов, введенных Бэконом в интересах задуманной им детальной и новой классификации системы наук. И здесь прежде всего преследовалась цель передать сущность нового понятия. В наиболее сложных и спорных случаях русский перевод сопровождается оригинальным латинским термином. Все прозаические цитаты из сочинений античных авторов, Ветхого и Нового заветов и других произведений у Бэкона часто неточные, приблизительные и приводимые без указания источника, в переводе остаются без исправлений, однако сопровождаются нами ссылкой на соответствующие места оригиналов. Стихотворные цитаты, как правило, приводятся по существующим русским переводам В. Брюсова, С. Соловьева, С. Шервинского, Н. Гнедича, Ф. Петровского и др. Перевод текста осуществлен Н. А. Федоровым, сверка произведена Г. Г. Майоровым. При подготовке примечаний использованы комментарии, помещенные в издании Дж. Спеддинга и Р. Л. Элписа. Из английского издания заимствована и таблица классификации человеческих познаний, в которую, однако, внесены исправления и уточнения.

Книга первая

¹ См. Платон, «Федон», 75e—76. — 87.

² Ветх. зав., кн. Царств III, гл. 4, ст. 29. — 88.

³ Тацит, «Анналы», кн. XIII, 3. — 88.

⁴ Первоначальный вариант этого сочинения представляет трактат «The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human», состоящий из двух книг (см. вводную часть). — 89.

⁵ Нов. зав., Посл. Коринф., I, гл. 8, ст. 1; Ветх. зав., Еккл., гл. 12, ст. 12; гл. 1, ст. 18; Нов. зав., Посл. Колосс., гл. 2, ст. 8. — 90.

⁶ Ветх. зав., Еккл., гл. 1, ст. 8. — 91.

⁷ Ветх. зав., Еккл., гл. 3, ст. 11. — 91.

⁸ Нов. зав., Посл. Коринф., I, гл. 8, ст. 1; гл. 13, ст. 1. — 92.

⁹ Ветх. зав., Еккл., гл. 2, ст. 13—14. — 92.

¹⁰ В подборке Г. Дильса см. 118-й фрагмент из соч. Гераклита (Stobaeus, Florilegium, V, 8). — 93.

¹¹ Плутарх, «Об употреблении мяса», речь 1 (Moralia). — 93.

¹² Ветх. зав., кн. Иова, гл. 13, ст. 7. — 93.

¹³ Ср. Гомер, «Илиада», кн. VIII, ст. 19—22. — 94.

¹⁴ Марк Порций Катон, Старший (M. Porcius Cato) — консул 195 г. до н. э., цензор 184 г. до н. э., римский политический деятель и писатель, автор сочинений «De agri cultura» («О сельском хозяйстве») и «Origines» («Начало»). Об этом эпизоде рассказывает Плутарх. См. «Сравнительные жизнеописания» (Марк Катон, XXII). — 94.

¹⁵ Вергилий, «Энеида», кн. VI, стр. 851—852. — 95.

¹⁶ Гордиан Младший III (M. Antonius Gordianus, род. в 225 г. н. э.) — римский император 238—244 гг. — 96.

¹⁷ Александр Север (Alexianus Bassianus, род. в 208 г. н. э.) — римский император 222—235 г. — 96.

¹⁸ Т. е. государственные умы. — 97.

¹⁹ Гвиччардини, Франческо (Guicciardini, 1483—1544) — итальянский историк и политический деятель Флоренции и Ватикана (при папах Льве X и Клименте VII). Автор труда «История Италии» («Istoria d'Italia»), охватывающего период 1492—1534 гг. — 98.

²⁰ Фокион — афинский политический деятель IV в. до н. э., сторонник промакедонской партии. См. о нем у Плутарха «Сравнительные жизнеописания» (Фокион). Иксион — легендарный царь Лапифов. Приглашенный Зевсом на пир богов, Иксион стал добиваться любви супруги Зевса Геры и за это был осужден в подземном царстве вечно вращаться прикованным к огненному колесу. — 98.

²¹ Катон Младший, Утический (M. Porcius Cato Uticensis, 95—46 гг. до н. э.) — правнук Катона Старшего, римский политический деятель, республиканец, непримиримый противник Ю. Цезаря, не имея возможности удержать г. Утику (в Африке), защита которой была ему поручена, покончил самоубийством. — 98.

²² Сенека, «Письма», 3. — 99.

²³ Эсхин (389—314 гг. до н. э.) — греческий оратор и политический деятель, идеолог и руководитель промакедонской группировки в Афинах, политический противник Демосфена. Плутарх между тем приводит похожее возражение Демосфена не Эсхину, а Питейю. См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Демосфен, VIII). — 99.

²⁴ Кастор и Поллукс (греч. Полидевк), по прозвищу Диоскуры (миф.) — сыновья-близнецы Зевса и Леды. Их имена стали синонимами неразлучной братской дружбы. В древней Спарте они считались защитниками и покровителями государства. По одному из вариантов мифа были превращены Зевсом в созвездие Близнецов; в астрономии — названия двух самых ярких звезд этого созвездия. — 101.

²⁵ Нищенствующие братья — монахи нищенствующих орденов — францисканцы и доминиканцы (см. Н. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. III, гл. 1). — 101.

²⁶ *Тит Ливий*, «Римская история от основания города». Предисловие («Ab Urbe Condita»). — 102.

²⁷ *Г. Саллюстий Крисп*, «Письма к старцу Цезарю о государстве», I, 8 («Appendix Sallustiana Fasc.», I). — 102.

²⁸ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 28, ст. 20; гл. 23, ст. 23. — 102.

²⁹ *Тацит*, «Анналы», кн. III, 76. У римлян существовал обычай на похоронах умершего патриция нести восковые изображения его предков, число которых наглядно свидетельствовало о знатности и древности рода. В данном случае речь идет о том, что император Тиберий запретил нести изображения Брута и Кассия, убийц Юлия Цезаря, на похоронах знатной римлянки Юнии — внучки Катона Младшего, жены Кассия и сестры М. Брута. — 102.

³⁰ Ветх. зав., кн. Иова, гл. 2, стр. 28. — 103.

³¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Агесилай, XII). — 103.

³² *Овидий*, «Послания из Понта», XV, ст. 83. — 103.

³³ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Солон, XV). — 104.

³⁴ *Платон*, Письмо 6. — 104.

³⁵ *Цицерон*, «Письма к Аттику», кн. II, 18. — 104.

³⁶ *Цицерон*, «Речь в защиту Мурены», 31. — 104.

³⁷ *Овидий*, «Наука любви», II, ст. 548. — 104.

³⁸ *Демосфен*, «О делах в Херсонесе». — 104.

³⁹ Имеется в виду правление императора Нерона. Сенека был воспитателем юного Нерона, впоследствии был обвинен им в заговоре и, приговоренный к смерти, покончил с собой. — 105.

⁴⁰ *Сенека*, «Письма», 7. — 106.

⁴¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Фемистокл, II). — 107.

⁴² Это место скорее перекликается с народным пересказом речи Алкивиада у Франсуа Рабле в его обращении к читателю, предпосланном первой книге «Гаргантюа и Пантагрюэля», чем с соответствующим местом платоновского оригинала (см. *Платон*, «Пир», 215). — 107.

⁴³ *Лукиан*, «О состоящих на жаловании». — 107.

⁴⁴ *Дю Баргас* (Du Bartas, 1544—1590) — французский поэт и деятель протестантского движения; см. его поэму «Первая неделя» (День второй). — 107.

⁴⁵ Диоген Лаэртский приписывает эти слова не кинику Диогену из Синопа, а Аристиппу из Кирены (ок. 435—355 гг. до н. э.) — ученику Сократа и основателю философской школы киренаиков (см. *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. II, 69). — 108.

⁴⁶ *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. II, 79. — 108.

⁴⁷ *Озорий* (Osorius — ум. в 1580 г.) — португальский епископ; его произведение «О деяниях Эммануила» («De rebus gestis Emanuelis») 1574 г. в 12 книгах описывает португальские завоевания в период царствования короля Эммануила Великого (1495—1521 гг.). *Штурм, Иоганн* (Sturm, Johann, 1507—1589) — профессор в Страсбурге и Париже, был прозван «немецким Цицероном». *Ашэм, Роджер* (Ascham, Roger, 1516—1568) — английский гуманист

и педагог, сторонник классического университетского образования; воспитатель, а впоследствии — латинский секретарь королевы Елизаветы; его трактат «Школьный учитель» был издан в 1570 г. — 110.

⁴⁸ *Эразм Роттердамский*, «Разговоры за просто», Эхо. — 110.

⁴⁹ *Пигмалион* — царь Кипра, влюбившийся в созданную им из слоновой кости статую девушки; Афродита, вняв его мольбам, оживила статую (см. *Овидий*, «Метаморфозы», кн. X, ст. 243—294). — 110.

⁵⁰ Нов. зав., Посл. Тимоф. I, гл. 6, ст. 20. — 112.

⁵¹ Ср. *Квинтилиан*, «Наставление оратору», кн. X, гл. 1, 130 («Institutio Oratoria»). — 113.

⁵² *Вергилий*, «Буколики», экл. VI, ст. 75. — 113.

⁵³ *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. III, 18. — 114.

⁵⁴ *Гораций*, «Послания», кн. I, 18, ст. 69. — 114.

⁵⁵ *Тацит*, «Анналы», кн. V, 10. Ср. «История», кн. I, 51. — 114.

⁵⁶ *Гай Плиний Секунд, Старший* (С. Plinius Secundus, 23—79 гг. до н. э.) — римский писатель, автор энциклопедической «Естественной истории» («Naturalis Historia») в 37 книгах, посвященных ботанике, зоологии, космографии, географии, антропологии, медицине, сельскому хозяйству, минералогии, истории искусства, а также содержащих данные по истории, быту и экономике Рима. Труд Плиния сохранял значение основного литературного источника натуралистических сведений в Европе вплоть до XVII в.

Кардано, Джеронимо (Cardano, 1501—1576) — математик, врач и астролог, автор ряда философских трактатов: «De subtilitate», «De varientate rerum», «Arcana aeternitatis», в которых он развивал своеобразную гилозоистическую натурфилософию.

Альберт фон Больштед (Albertus Magnus, 1193 или 1207—1280) — «doctor universalis», один из влиятельнейших средневековых философов, первый крупный христианский аристотелик, автор многочисленных естественнонаучных трудов. — 115.

⁵⁷ Ветх. зав., кн. Иерем., гл. 6, стр. 16. — 117.

⁵⁸ Эта же мысль составляет содержание афоризма LXXXIV кн. I «Нового Органона». — 118.

⁵⁹ Это слова не Лукиана, а Сенеки. См. *Лактанций*, «О ложной религии», I, 16 («De falsa religione»). Lex Raria Porraea (9 г. н. э.) — один из законов Августа о браках. — 118.

⁶⁰ *Тит Ливий*, «Римская история от основания города», кн. IX, 17. — 118.

⁶¹ В подборке Г. Дильса см. 2-й фрагмент из соч. Гераклита (*Sext. Empiricus, Adversus Mathematicos*, VII, 133). — 119.

⁶² *Гильберт, Уильям* (Gilbert, William, 1540—1603) — лейб-медик королевы Елизаветы и один из крупнейших физиков. В его основном труде «О магните, магнитных телах и великом магните Земли, новая физиология» (Лондон, 1600) впервые систематически изложено учение о магнетизме. Гильберт — противник перипатетической натурфилософии и схоластической методологии, в своих исследованиях природы он всецело опирается на опыт, обнаруживая замечательное искусство экспериментатора. Формулируя теорию земного магнетизма, он обосновывал ее экспериментально — показал, что намагниченный железный шар действует на подвешенную на нить магнитную иглу так же, как Земля, и что

сталь намагничивается под влиянием земного магнетизма. Гильберт принимал учение Коперника и пытался объяснить падение земных и движение небесных тел силами магнитного взаимодействия. — 120.

⁶³ Цицерон, «Тускуланские беседы», кн. I, 10 («Tusculanae disputationes»). — 120.

⁶⁴ Аристотель, «О возникновении и разрушении», I, 2. — 120.

⁶⁵ Цицерон, «О природе богов», кн. I, 8. Веллей — римский сенатор, один из трех участников диспута, описываемого Цицероном в этом трактате; Цицерон выставляет его представителем эпикурейской философии. — 121.

⁶⁶ Овидий, «Метаморфозы», кн. X, ст. 667. — 122.

⁶⁷ Цицерон, «Тускуланские беседы», кн. V, 4. — 122.

⁶⁸ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 27, ст. 6. — 122.

⁶⁹ Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 1, ст. 1. — 123.

⁷⁰ Дионисий Ареопагит, «О небесной иерархии», гл. 6—7. — 123.

⁷¹ Платон, «Тимей», 22b—c. — 125.

⁷² Ветх. зав., кн. Левит, гл. 13, ст. 12—15. — 125.

⁷³ Ветх. зав., кн. Иова, гл. 26, ст. 7; гл. 26, ст. 13; гл. 38, ст. 31; гл. 9, ст. 9; гл. 10, ст. 10; гл. 28, ст. 1—2. — 126.

⁷⁴ Ветх. зав., кн. Царств III, гл. 4, ст. 33. — 126.

⁷⁵ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 2. — 126.

⁷⁶ Юлиан Отступник (Flavius Claudius Julianus, род. в 331 г. н. э.) — римский император 361—363 гг., вел широкую борьбу против христианства. В 362 г. издал «Эдикт о запрещении христианам преподавания философии, грамматики и риторики. — 127.

⁷⁷ Григорий I Великий — римский папа (понтификат 590—604 гг.). — 127.

⁷⁸ Нов. зав., Матф., гл. 22, ст. 29. — 128.

⁷⁹ Платон, «Государство», кн. V. — 130.

⁸⁰ Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Домициан, 23). — 131.

⁸¹ Гомер, «Илиада», кн. I, ст. 42. Аполлоний Тианский (I в. н. э.) — видный представитель пифагореизма. Его жизнеописание дано Филостратом Младшим (III в.). — 131.

⁸² Стенница (Parietaria) — растение типа плюща, растущее на стенах и заборах. — 131.

⁸³ Силен, см. Юлиан, «Пир или Цезари». — 132.

⁸⁴ Бэкон перечисляет императоров династии Антонинов: Нерва (M. Sossæius Nerva, род. в 35 г. н. э.) — император 96—98 гг.; Траян (M. Ulpius Traianus, род. в 53 г. н. э.) — император 98—117 гг.; Адриан (P. Aelius Hadrianus, род. в 76 г. н. э.) — император 117—138 гг.; Антонин Пий (T. Aurelius Fulvius Boionius Arrius Antoninus, род. в 86 г. н. э.) — император 138—161 гг.; Марк Аврелий (M. Annius Catilius Severus, род. в 121 г. н. э.) — император 161—180 гг.; Коммод, Люций Вер (L. Ceionius Commodus, род. в 130 г. н. э.) — соправитель М. Аврелия 161—169 гг., так же как и он усыновленный Антонином Пием — отсюда «божественные братья». — 132.

⁸⁵ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, VII). — 132.

⁸⁶ Апофтегма (греч.) — изречение. — 133.

⁸⁷ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, XIV); Сенека, «О благодеянии», V, 4 («De beneficiencia»). — 133.

⁸⁸ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, XXII). — 133.

⁸⁹ Источник не найден (сост. прим.). — 133.

⁹⁰ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, LXXIV). — 134.

⁹¹ Там же, LIII. — 134.

⁹² *Эразм Роттердамский*, «Изречения», IV, 17 («Aprophthegmata»). — 134.

⁹³ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, XXXI). — 134.

⁹⁴ Там же, XLII. — 135.

⁹⁵ Там же, XXIX. — 135.

⁹⁶ Там же, XV. — 135.

⁹⁷ *Гиз, Генрих* (Guise, Н., 1550—1588) — один из организаторов Варфоломеевской ночи, глава католической партии во Франции и основатель «Священной лиги» — католической организации для борьбы с гугенотами. — 135.

⁹⁸ Ветх. зав., Еккл., гл. 12, ст. 11. — 136.

⁹⁹ *Светоний*, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 70); *Аппиан*, «Гражданские войны», кн. II, 93. — 137.

¹⁰⁰ *Светоний*, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 79); *Аппиан*, «Гражданские войны», кн. II, 108. — 137.

¹⁰¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Цезарь, XXXV). — 137.

¹⁰² *Светоний*, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 77). — 138.

¹⁰³ *Ксенофонт* (ок. 444—356 гг. до н. э.) — греческий писатель, ученик Сократа, автор «Греческой истории», «Воспоминаний о Сократе», «Анабасиса», «Киропедии», «Домостроя» и др. В «Анабасисе» Ксенофонт описывает поход греческих наемников вместе с войском Кира Младшего в глубь Малой Азии. См. «Анабасис», кн. II, 1, 12. — 138.

¹⁰⁴ *Овидий*, «Послания из Понта», II, 9, ст. 47. — 139.

¹⁰⁵ Ветх. зав., Еккл., гл. 1, ст. 9. — 139.

¹⁰⁶ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Агесилай, XV). Речь идет о пародийной поэме «Война мышей и лягушек» неизвестного автора VI в. до н. э., приписывавшейся в древности Гомеру. — 140.

¹⁰⁷ *Эпиктет*, «Руководство», гл. 8 и 33 («Enchiridion»). — 140.

¹⁰⁸ *Вергилий*, «Георгики», кн. II, ст. 490—492. — 140.

¹⁰⁹ Там же, кн. IV, стр. 560—561. — 141.

¹¹⁰ *Лукреций*, «О природе вещей», кн. II, стр. 1. — 143.

¹¹¹ См. наст. изд., кн. II, миф о Пане. — 145.

¹¹² *Тацит*, «Анналы», кн. XIV, 9. — 145.

¹¹³ Нов. зав., Матф., гл. 11, стр. 19. — 145.

Книга вторая

¹ Ветх. зав., Еккл., гл. 10, ст. 10. — 147.

² *Вергилий*, «Георгики», кн. IV, ст. 8—9. — 148.

³ *Цицерон*, «Речь после возвращения», 12. — 148.

⁴ Ветх. зав., кн. Царств I, гл. 30, ст. 24. — 150.

⁵ *Вергилий*, «Георгики», кн. III, ст. 128. — 150.

⁶ См. *Цицерон*, «Об ораторе», кн. III, 26; «Оратор», 24. — 152.

⁷ *Цицерон*, «Письма к Аттику», кн. IX, 8. — 153.

⁸ Нов. зав., Посл. Яков., гл. 1, ст. 17. — 153.

⁹ В своих предложениях, касающихся реформы университетского образования, Бэкон продолжал линию известного антиаристотелика Петра Рамуса (лат. Ramus, фр. Ramée, 1515—1572); «...пожрать змеев Магов» — Ветх. зав., кн. Исход, гл. 7, ст. 12, только не Моисея, а Аарона. — 154.

¹⁰ См. *Сенека*, «Пословицы» («*Proverbiae*»). *Amare et sapere vix Deo conceditur*. — Даже богу трудно и любить и оставаться мудрым). — 155.

¹¹ *Энний*, см. Цицерон, «Об обязанностях», кн. I, 51. — 155.

¹² Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 26, ст. 13; *Вергилий*, «Энеида», кн. V, ст. 231. — 155.

¹³ Такое противопоставление было характерно для философии перипатетиков, по мнению которых естественные вещи в отличие от созданных людьми обладают некоторым внутренним принципом своего формирования. — 159.

¹⁴ По-видимому, Бэкон имеет в виду «Демонологию» («*Daemopologie*») Якова I — диалогический трактат в трех книгах, в котором обсуждались проблемы колдовства. Король был одним из ревностных «охотников за колдунами» и инициатором сурового закона против колдовства. — 161.

¹⁵ *Платон*, «Гиппий больший», 288d. — 162.

¹⁶ Пересказ известного анекдота о Фалесе Милетском с моралью в бэконовском стиле. — 162.

¹⁷ *Аристотель*, «Политика», кн. I, 1. — 162.

¹⁸ Соображений, изложенных в этой главе, нет в тексте «*Advancement of Learning*», трактата 1605 г. Они могли возникнуть у Бэкона позднее в результате его размышлений о методах работы историков в связи с собственными исследованиями истории Англии. — 168.

¹⁹ *Фасты* — календари. — 170.

²⁰ *Аббревиарий* (лат.), или *эпитома* (греч.) — краткие, конспективные изложения больших исторических трудов, получившие широкое распространение в поздней античности и постепенно вытеснившие из употребления сами эти труды. — 171.

²¹ Бэкон имеет в виду шотландского гуманиста и историка Джорджа Бучэнэна (Buchanan, George, 1506—1582), сочинение которого по истории Шотландии вызвало недовольство Якова I из-за того, что в нем была очернена его мать — шотландская королева Мария Стюарт. — 173.

²² Имеется в виду история Англии при Тюдорах. Сам Бэкон, исследуя этот период, успел написать «Историю царствования короля Генриха VII» и первые страницы «Истории царствования короля Генриха VIII» и «Начала истории Великобритании». — 174.

²³ Имеется в виду Генрих VII (Ричмонд); его победа при Босворте в 1485 г. над Ричардом III (Глостером) и брак с Елизаветой Йоркской, положивший конец междоусобной войне Роз и начало королевской династии Тюдоров. — 174.

²⁴ Генрих VIII, сын Генриха VII. — 174.

²⁵ Имеются в виду Эдуард VI (сын Генриха VIII в браке с Джейн Сеймур) и неудавшаяся попытка его опекуна, герцога Нортумберленда, после смерти короля вопреки принятому порядку престолонаследия провозгласить королевой леди Джейн Грей. — 174.

²⁶ Мария Католичка (дочь Генриха VIII в браке с Екатериной Арагонской), вышедшая замуж за испанского короля Филиппа II, и Елизавета I (дочь Генриха VIII в браке с Анной Болейн). — 174.

²⁷ *Вергилий*, «Энеида», кн. III, ст. 96. *Эней* (миф.) — герой поэмы Вергилия, сын богини Венеры и троянца Анхиза. После бегства из горящей Трои получил приказание от Аполлона отправиться на поиски древней родины троянцев, Италии. — 174.

²⁸ Поэма итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд», кн. 34—35. — 175.

²⁹ *Вергилий*, «Энеида», кн. V, ст. 751. — 175.

³⁰ *Плиний Младший*, «Письма», III, 91; Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 10, ст. 7. — 176.

³¹ *Цицерон*, «IX Филиппика», 10, и *Демосфен*, «Надгробное слово», 1389, 10. — 176.

³² *Тацит*, «Анналы», кн. XIII, 31. — 178.

³³ Таково, например, сочинение Никколо Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». — 179.

³⁴ *Вергилий*, «Георгики», кн. I, ст. 250—251. — 180.

³⁵ Этот девиз, часто приводимый Бэконом, представляет собой антитезу латинскому: *пес plus ultra* — и не далее (крайний предел). — 180.

³⁶ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 590—591. — 180.

³⁷ Ветх. зав., кн. Даниила, гл. 12, ст. 4. В рус. пер.: «Многие прочитают ее (книгу) и умножится ведение». — 180.

³⁸ Нов. зав., Посл. Петр. II, гл. 3, ст. 8. — 181.

³⁹ Ветх. зав., кн. Аввак., гл. 2, ст. 2. — 182.

⁴⁰ Речь идет о пешошедшем до нас юношеском сочинении Цезаря «Собрание изречений» («*Dicta collectanea*»). См. *Цицерон*, «Письма к близким», IX, 16, и *Светоний*, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 56). — 183.

⁴¹ *Аристотель*, «Поэтика», 9. — 184.

⁴² Подобного абзаца о драматической поэзии нет в тексте «*Advancement of Learning*» 1605 г. Когда Бэкон дал эту редакцию, театр Шекспира уже сменился театром Бомонта и Флетчера, фривольная и гедонистическая драматургия которых и могла вызвать такое замечание с его стороны. — 186.

⁴³ Вот притча Агриппы: «В то время, когда в организме человека не было такой гармонии, как теперь, а каждый член имел свою волю, свои речи, все части тела вознегодовали, что их хлопоты, их труды и услуги достают все для желудка, а он, сидя спокойно в середине, наслаждается доставляемыми ему благами; поэтому состоялось соглашение, чтобы руки не подносили пищу ко рту, рот не принимал предлагаемого, зубы не жевали; желяя в раздражении своем усмирить желудок голодом, сами отдельные члены и все тело исхудали до крайности. Из этого выяснилось, что и служба желудка не лишена значения, что он столько же питается, сколько питает, так как возвращает во все части тела, распределяя равномерно по жилам, изготовленную из съеденной пищи кровь, благодаря которой мы живы и сильны» (*Тит Ливий*, «Римская история от основания города», кн. II, 32). — 187.

⁴⁴ *Авгуры* — жрецы в Древнем Риме, без участия которых не обходился ни один сколько-нибудь важный акт государственной жизни, давали, в частности, предсказания по полету птиц. — 188.

⁴⁵ В известных нам вариантах мифа говорится о состязании Пана с Аполлоном. О состязании же с Купидоном, о котором упоминает Бэкон, мало что известно. — 189.

⁴⁶ Pân (греч. в лат. транскр.) — все, целое, Вселенная. Пан один из древнейших богов Греции — бог леса и охранитель стад — занимал в гомеровскую эпоху и вплоть до II в. до н. э. скромное место в мифологическом сознании греков. Даже в Аркадии и Аргосе, где Пана особенно чтили, его не включали в число богов-олимпийцев. Однако позднее его культ претерпевает изменения. В воззрениях мистиков образ козлоподобного бога лесов и пастбищ трансформируется в символ единства и целостности Вселенной, а звуки его флейты отождествляются с музыкой небесных сфер. Из этой традиции и исходит Бэкон в своей интерпретации мифа о Пане. — 190.

⁴⁷ См. *Аристотель*, «Физика», кн. I, 9. — 190.

⁴⁸ *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. X, 134. — 191.

⁴⁹ См. примеч. 62 к кн. I наст. изд. — 194.

⁵⁰ Имеется в виду знаменитое библейское сказание об Иосифе и его братьях. — 194.

⁵¹ *Вергилий*, «Буколики», экл. II, ст. 63—64. — 195.

⁵² *Овидий*, «Лекарства от любви», 344 («Remedia Amoris»). — 195.

⁵³ Ветх. зав., Псалм. Давид., 18, ст. 2. — 195.

⁵⁴ *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. X, 123. — 196.

⁵⁵ *Тифон* (миф.) — сын Геи и Тартара, страшное чудовище, извергающее пламя, олицетворение подземных сил земли. Пытался свергнуть Зевса, но тот победил его, заковал в цепи и придавил горой Этной (отсюда извержение вулкана — страшное дыхание Тифона). — 197.

⁵⁶ *Эндимион* (миф.) — прекрасный юноша, возлюбленный Силены (Луны), Зевс погрузил его в вечный сон. — 198.

⁵⁷ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 270—271. — 198.

⁵⁸ *Филипп Македонский* (382—336 гг. до н. э.) — царь Македонии, отец Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.). — 200.

⁵⁹ В декабре 1491 г. Карл VIII вступил в брак с Анной Бретанской, в результате чего Бретань была присоединена к французскому королевству. — 200.

⁶⁰ Имеется в виду гражданская война, которую вели триумвиры Антоний и Октавиан против республиканцев-антицезарианцев. В битве при Филиппах в 42 г. до н. э. войско республиканцев было разбито, а его предводители Гай Кассий и Марк Брут покончили с собой.

Луций Септимий Север (L. Septimius Severus, род. в 146 г. н. э.) — римский император (193—211 гг.), основатель династии Северов, утвердился на престоле после гражданской войны 192—193 гг., во время которой преторианской гвардией был убит император Публий Гельвий Пертинакс. Одержав победу над ставленником преторианцев Дидием Юлианом, Север наказал виновников убийства Пертинакса.

Луций Юний Брут (L. Junius Brutus) — возглавил восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого. Поводом к восстанию, завершившемуся изгнанием Тарквиния и установлением в Риме республики, послужило самоубийство знатной рим-

лянки Лукреции, обещанной одним из царевичей — Секстом Тарквинием (см. *Тит Ливий*, «Римская история от основания города», кн. I, 57—60). — 201.

⁶¹ *Пенфей* (миф.) — фиванский царь, внук Кадма, противник культа Диониса, за что и был наказан им: в вакхическом безумии вакханки, предводительствуемые матерью Пенфея, приняли его за льва и растерзали (см. *Еврипид*, «Вакханки»). — 205.

Книга третья

¹ *Аристотель*, «Никомахова Этика», кн. V, 3—5. — 211.

² *Овидий*, «Метаморфозы», кн. XV, ст. 165. — 211.

³ Ветх. зав., Еккл., гл. 3, ст. 14. — 211.

⁴ *Макиавелли*, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. III, гл. 1. — 211.

⁵ *Expectatio eludendi* — букв. «ожидание обмана». — 212.

⁶ *Вергилий*, «Энеида», кн. VII, ст. 9. — 212.

⁷ *Берекинтия* (миф.) — одно из имен Кибелы, «Великой матери», фригийской богини, считавшейся матерью богов и всего живущего на земле, всепроизводящим божеством земли и жизни. Культ Кибелы получил распространение в Греции и Риме. — 214.

⁸ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 787. — 214.

⁹ Ср. *Гомер*, «Илиада», кн. VIII, ст. 18—27. — 215.

¹⁰ Нов. зав., Посл. Колосс., гл. 2, ст. 18. — 216.

¹¹ Ученые об ангелах и павших духах составляло значительный раздел в схоластических «Summa Theologiae». Догматический базис этих спекуляций составляли санкционированные отцами церкви (особенно Августином) спиритуалистические толкования некоторых текстов Писания и сочинения Дионисия Ареопагита. — 216.

¹² Нов. зав., Посл. Коринф., II, гл. 2, ст. 11. — 216.

¹³ *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. IX, 72. — 217.

¹⁴ Нов. зав., Иоанн, гл. 5, ст. 43. — 218.

¹⁵ Неверная цитата из Лукана: Бэкон меняет порядок слов и грамматическую конструкцию и таким образом смысл оригинала. Ср. *Лукан*, «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне», X, 21. — 219.

¹⁶ *Тацит*, «Анналы», кн. I, 3. — 219.

¹⁷ По доктрине перипатетиков «метафизика» исследует основные начала всего сущего, т. е. то, что лежит «за» разнообразием конкретных природных явлений, выступая как их всеобщее основание, познаваемое только после природы, хотя само по себе и являющееся первичным. Аристотель этот род исследования называл «первой философией» в отличие от «второй философии» — физики; самый ранний автор, у которого мы встречаем термин «метафизика», — перипатетик Николай Дамасский, общеупотребительным же он становится со времени редакции аристотелевских сочинений Андроником Родосским. — 219.

¹⁸ Классификация причин, восходящая к Аристотелю (см. «Физика», кн. II, 3; «Метафизика», кн. I, 3 и след.). Учение о четырех причинах — краеугольный камень философии Аристотеля и его последователей — перипатетиков. — 220.

¹⁹ *Вергилий*, «Буколики», экл. VIII, ст. 78—79. — 220.

²⁰ Имеются в виду античные космологические представления, в том числе аристотелевские. — 222.

²¹ Традиция астрономических взглядов Гиппарха-Птолемея. — 222.

²² Некоторые из этих недоумений Бэкона связаны с неприятием им гелиоцентрического учения Коперника. — 223.

²³ Заметим, что здесь в самой общей форме Бэкон касается задач, которые впоследствии решала физическая астрономия. Так, И. Ньютон впервые объяснил, исходя из единых принципов, движение как небесных, так и земных тел. — 223.

²⁴ Небо в астрологии делилось на 12 отделений (или домов) посредством шести больших кругов, которые проходили через северную и южную точки горизонта и разделяли эклиптику на двенадцать равных частей. Один из этих кругов совпадает с горизонтом, и точка эклиптики, через которую он проходит в момент рождения лица, чья судьба должна быть установлена, или начало события, итог которого предсказывается, называется гороскопом. Это деление приписывается Сексту Эмпирику. Более поздние писатели имя «дома» приписывали определенным знакам Зодиака. — 224.

²⁵ Источник этой латинской строфы нам неизвестен, пер. А. Л. Субботина. — 231.

²⁶ Ссылка на терминологию Гильберта. — 233.

²⁷ Бэкон намекает на памятное для того времени событие. Магомет III, став турецким султаном в 1595 г., приказал умертвить 19 своих братьев и дюжину женщин, ожидавших детей от его отца. — 235.

²⁸ *Аристотель*, «Физика», кн. I, 1. — 235.

²⁹ Бэкон имеет в виду «Мнения философов» («Placita philosophorum»), признанные в настоящее время псевдоплатарховым сочинением. — 236.

³⁰ *Гай Светоний Транквилл* (С. Suetonius Tranquillus, 70-е годы — перв. пол. II в. н. э.) — римский историк, автор «Жизни двенадцати Цезарей». — 236.

³¹ *Парацельс*, *Аурел Теофраст* (Paracelsus, псевд. Филиппа Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, 1493—1541) — медик, алхимик и философ, прозванный современниками «Лютером медицины». Скипался по Европе в качестве практикующего врача. Придерживался натурфилософской концепции, согласно которой между природой (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) существует соответствие и поэтому познание и того и другого представляет неразрывное целое. Придавал большое значение опытному познанию, как медик много сделал для сближения медицины и химии, увлекался астрологией, теологией и натуральной магией. *Северин*, *Петр* (Severinus, P., 1540—1602) — датский врач, автор ряда работ по философии и медицине, в которых выступал последователем Парацельса. По-видимому, Бэкон читал его «Idea Medicinae Philosophicae». *Патрици*, *Франческо* (Patrizi, F., 1529—1597) — итальянский натурфилософ, в его воззрениях важную роль играли идеи неоплатонизма. Основное сочинение «Nova de Universis Philosophia» опубликовано в 1591 г. *Филолай* (470—399 гг. до н. э.) — пифагореец, защищал мысль о движении Земли вокруг своей оси и совместно с другими планетами, Солнцем, Луной и

сферой неподвижных звезд вокруг некоего «центрального огня». На него ссылался Коперник, как на пионера учения о движении Земли. — 236.

³² Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 2, ст. 7; гл. 1, ст. 20 и 24. — 237.

³³ «Vita brevis, ars longa, occasio autem praeceps, experimentum periculosum, indicium difficile» («Жизнь коротка, искусство бесконечно, случай представляется внезапно, опыт опасен, суждение затруднительно»). *Гиппократ*, «Афоризмы», I, 1. — 239.

³⁴ Ветх. зав., Еккл., гл. 3, ст. 11. — 239.

³⁵ *Вергилий*, «Георгики», кн. I, ст. 281—282. — 239.

³⁶ *Цицерон*, «Тускуланские беседы», IV, 26. — 240.

³⁷ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 4, ст. 12. — 240.

³⁸ Ср. *Лукреций*, «О природе вещей», кн. V, ст. 837 и след. — 241.

³⁹ *Вергилий*, «Буколики», экл. 7, ст. 45. — 242.

⁴⁰ *Аристотель*, «О частях животных», кн. I, 13; «Политика», кн. I, 2, 5 и др. — 242.

⁴¹ *Герон* (II в. до н. э.) — знаменитый александрийский механик. Известен как создатель различных пневматических машин. Бэкон имеет в виду его сочинение «Spiritualia seu Pneumatica». — 244.

⁴² *Агрикола*, *Георг* (Agricola, G., 1490—1555) — немецкий ученый, создатель научной минералогии. — 244.

⁴³ *Гораций*, «Оды», кн. II, 10, ст. 2—3. — 244.

⁴⁴ Напр., «Natural Magic» Дж. Порты, изданная в 1589 г. — 245.

⁴⁵ *Артур* — легендарный герой, защищавший древних бриттов от вторжения англосаксов. Подвиги короля Артура и его рыцарей были темой многочисленных уэльско-бретонских сказаний, а позднее — рыцарских романов, цикл которых завершает знаменитый роман Томаса Мэлори (XV в.). *Гуго Бордосский* — герой французской эпической поэмы (XII—XIII вв.). — 245.

⁴⁶ «Механические проблемы». Вступление — дошедший до нас во фрагментах сборник, составленный в аристотелевской школе в Ликее. — 248.

⁴⁷ В «Началах» Евклида систематизировано и с большим дидактическим совершенством изложено то, что было достигнуто древнегреческой математикой в лице многих ее замечательных представителей: Архита, Теэтета, Менехма, Евдокса и др. Однако прогресс геометрических знаний на этом не остановился, и уже следующее столетие ознаменовалось в геометрии замечательными идеями Архимеда и Аполлония Пергского. Даже в период общего упадка греческой математики и преобладания эллинизма и комментаторства Паппа Александрийского в ряде пунктов пополняет и расширяет труды своих предшественников, в том числе и Евклида. — 249.

⁴⁸ Это замечание свидетельствует о незнании Бэконом одного из самых замечательных математических открытий его времени — логарифмов. Он не знал не только «Таблиц» Бюрги, опубликованных в Праге в 1620 г., но и работы своего соотечественника Джона Непера, издавшего в 1614 г. в Эдинбурге «Описание чудесных таблиц логарифмов». — 249.

⁴⁹ *Прокл* (410—485) — глава афинской школы неоплатонизма, один из последних крупных неоплатоников. В значительном лите-

ратурном наследии Прокла имеется и комментарий к Евклиду. — 249.

⁵⁰ *Вергилий*, «Буколики», экл. 10, ст. 8. — 250.

⁵¹ Александр VI — папа (понтификат 1492—1503 гг.). — 250.

Книга четвертая

¹ *Гомер*, «Илиада», кн. I, ст. 334. — 251.

² Надпись на храме Аполлона в Дельфах: gnōti seantōn (греч., в лат. транскр.). — 251.

³ *Цицерон*, «Об ораторе», кн. III, 19. — 252.

⁴ *Пиндар* — греческий лирический поэт V в. до н. э., автор торжественных од; см. I-я Олимпийская ода, 20. — 253.

⁵ *Цицерон*, «Речь в защиту поэта Архия», 8. — 253.

⁶ *Кир Старший* — основатель персидского государства (см. *Ксенофонт*, «Киропедия», кн. V, 3). *Луций Корнелий Сципион Азиатский* (L. Cornelius Scipio Asiaticus, I—II в. до н. э.), брат Публия Корнелия Сципиона Африканского, в 190 г. до н. э. в битве при Магнезии разгромил армию сирийского царя Антиоха Великого (см. *Тит Ливий*, «Римская история от основания города», кн. XXXVII, 59). — 253.

⁷ Ср. *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. IX, 59. — 253.

⁸ *Бальтазар Жирар*, убивший в 1584 г. Вильгельма Нассауского, принца Оранского. — 253.

⁹ *Тацит*, «Анналы», кн. XV, 67. — 254.

¹⁰ *Валерий Максим* (Valerius Maximus, I в. н. э.) — римский писатель, автор компилятивного труда «Замечательные деяния и речи» («Factorum et dictorum memorabilium libri novem»). Оценка, данная ему Бэконом, явно преувеличена. — 254.

¹¹ Изречение из трактата Якова I «Basilicon Doron», кн. III. — 255.

¹² *Делосский водолаз* — искатель губок; Сократ имеет в виду сложность, неясность учения Гераклита (см. *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. II, 22; кн. IX, 12). — 258.

¹³ *Платон*, «Тимей», 71. — 258.

¹⁴ *Тацит*, «Анналы», кн. XVI, 18. — 259.

¹⁵ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 746—747. — 260.

¹⁶ *Вергилий*, «Энеида», кн. VII, ст. 772—773; там же, ст. 11—13. — 261.

¹⁷ Ветх. зав., Еккл., гл. 2, ст. 15. — 261.

¹⁸ «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» («Я человек и полагаю, ничто человеческое мне не чуждо»). *Теренций*, «Сам себя наказывающий», акт I, сцена 1, ст. 25. — 262.

¹⁹ *Овидий*, «Лекарства от любви», ст. 524—525. — 263.

²⁰ *Авл Корнелий Цельс* (A. Cornelius Celsus, I в. н. э.) — известный римский ученый и писатель, автор сочинения «О медицине» в 8 книгах. Бэкон заимствует из предисловия к его сочинению: «Резать же тело живых и жестоко, и в этом нет необходимости». — 267.

²¹ Эвтанасия (греч.) — счастливая смерть без страданий и мучений. См. *Светоний*, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Август, 99). — 268.

²² Ср. *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. X, 16. — 269.

²³ *Аристотель*, «О долгой и короткой жизни». — 273.

²⁴ *Иезавель, Эсфирь, Юдифь* — библейские персонажи. — 277.

²⁵ См. наст. изд., кн. III, гл. 4. — 280.

²⁶ Ср. *Фома Аквинский*, «Сумма теологии», кн. I, 75, 6 («Summa Theologiae»). — 280.

²⁷ Этот взгляд о существовании в человеке двух разных душ — чувственной (животной) и разумной (богowedухновенной) Бэкон принимает, следуя Б. Телезио. — 281.

²⁸ Имеется в виду аристотелевское определение души и связанное с ним учение о душе как форме тела. — 282.

²⁹ См. *Б. Телезио*, «О природе вещей», кн. V (De Rerum Natura). *А. Дониус*, «О природе человека», кн. II, 4—5 (De Natura Hominis). — 282.

³⁰ Древнее мистическое учение о перевоплощении души, переселяющейся из одного смертного тела в другое. Его проповедовали, в частности, нифагорейцы. — 282.

³¹ У Б. Телезио учение о животной душе связано с учением о животных духах, поэтому животная душа именуется у него духом (напр., spiritus e semine eductus) в противоположность душе, созданной богом (anima a Deo creata). У Бэкона же название «дух» (spiritus) приписывается разумной, богowedухновенной душе. — 282.

³² *Саллюстий*, «Югуртинская война», 38. — 283.

³³ Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 3, ст. 19. — 285.

³⁴ По учению Аристотеля, «энтелехия» — это активное начало, актуальная деятельность, всеединство четырех причин; энтелехией живого тела, осуществляющей его формирование, изменение и деятельность, является душа. — 286.

³⁵ *Полидор* (миф.) — младший сын Приама, предательски убитый фракийским царем Полимнестром. Здесь имеется в виду эпизод из поэмы Вергилия «Энеида», кн. III, ст. 37—48, рассказывающей о том, как Эней нашел могилу Полидора. — 287.

³⁶ Бэкон различает perceptio (перцепция, или восприятие) и sensus (ощущение, или чувство). Первое — общее свойство тел, второе — принадлежит лишь телам, обладающим душой. Как видно из текста, Бэкон не разделяет учения гилозоизма, по которому жизнь, чувствительность, одушевленность изначально присущи всем вещам природы. Интересно сравнить это бэконовское различие перцепции и чувства с пониманием перцепции и апперцепции в системе Лейбница (см. «Монадология», 14, 19). — 288.

³⁷ Намек на физическое учение перипатетиков. — 289.

³⁸ Такова точка зрения Б. Телезио. — 289.

Книга пятая

¹ *Овидий*, «Метаморфозы», кн. II, ст. 14. — 292.

² Ср. *Аристотель*, «Политика», кн. I, 3: «Душа господствует над телом деспотически, а ум — как архонт или басилевс». — 292.

³ *Цицерон*, «О философии Академии», II, 41, 127 (Academicorum Quaestiones). — 293.

⁴ *Аристотель*, «О душе», кн. III, 8. — 293.

⁵ Это деление восходит к Петру Рамусу, к его подразделениям диалектики и риторики. — 293.

⁶ Платон, «Филеб», 17. — 295.

⁷ Вергилий, «Энеида», кн. XII, ст. 411—415. — 295.

⁸ Там же, кн. VIII, ст. 698—699. — 295.

⁹ Плутарх, «Об изобретательности животных» (Moralia). — 295.

¹⁰ Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 133—134. — 295.

¹¹ Цицерон, «В защиту Корнелия Бальба», 20. — 296.

¹² Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 145—146. — 296.

¹³ Персий, «Сатиры» (пролог). — 296.

¹⁴ Вергилий, «Георгики», кн. IV, ст. 1—2. — 296.

¹⁵ Образование корректных абстрактных понятий — одна из основных задач индуктивного метода Бэкона, так же как и установление истинных аксиом (ср. «Новый Органон», I, афоризмы XIII, XIV и др.). — 298.

¹⁶ Ср. Цицерон, «О философии Академии», II, 5, 15: «Сократ же, принижая самого себя в споре, возвеличивал того, кого хотел опровергнуть. Таким образом, говоря не то, что думал, он охотно прибегал к той форме притворства, которую греки называли иронией». — 298.

¹⁷ См. «Новый Органон», I, афоризм С. — 300.

¹⁸ Перипатетическая физика считала, что тела различной тяжести падают с различными скоростями, прямо пропорциональными весу тел. Это мнение было экспериментально опровергнуто Галилеем, который, как сообщает его биограф Вивiani, в 1590 г. производил опыты, бросая тела разного веса с вершины Пизанской башни. — 302.

¹⁹ Этот эксперимент более подробно описан Бэконом в «Sylva Sylvarum», I, 14. — 303.

²⁰ Ср. Эразм Роттердамский, «Пословицы» («Adagia»), III, 2, 49. — 304.

²¹ Имеется в виду францисканский монах Бертольд Шварц (нач. XIV в.), которому приписывают изобретение пороха. — 304.

²² Бэкон ссылается на опыты, которые, возможно, ставил в 1620 г. Дреббел (Drebbel). — 305.

²³ Такая постановка вопроса вытекает из взгляда Бэкона на холод как на нечто позитивное, противоположное теплу. Между прочим, флорентийские академики ставили следующий опыт: в фокусе одного вогнутого зеркала помещался кусок льда, в фокусе другого, расположенного против первого, — термометр. При этом наблюдалось понижение показаний термометра. — 306.

²⁴ Протей (миф.) — древнегреческое морское божество, обладавшее способностью принимать любой облик. Бэкон употребляет этот образ как символ многообразия. — 310.

²⁵ Из этого замечания Бэкона можно предположить, что эта часть «De Augmentis Scientiarum» написана ранее публикации «Нового Органона», хотя, с другой стороны, «Новый Органон» не законченное произведение и Бэкон мог иметь в виду ту его часть, которая осталась не написанной. — 310.

²⁶ Термин «promptuarium» (от лат. — ромёге — вынимать, доставать) — букв. собрание необходимых на любой случай вещей, всегда находящихся под рукой, мы оставляем без перевода. — 310.

²⁷ Аристотель, «О софистических опровержениях», II, 9, — 311.

²⁸ Нов. зав., Матф., гл. 13, ст. 52. — 312.

- ²⁹ Цицерон, «Об ораторе», кн. II, 32—34. — 312.
³⁰ Ср. Платон, «Менон», 80е. — 313.
³¹ Аристотель, «О движении животных», 2—3. — 319.
³² Доказательство от противного, или апагогическое (вид косвенного доказательства). — 320.
³³ Сенека, «Письма», 45. — 320.
³⁴ Цицерон, «О природе богов», кн. III. — 323.
³⁵ Традиция античной астрономии, воспринятая в Н. Коперником. — 323.
³⁶ Четыре элемента мира в философии перипатетиков. — 324.
³⁷ Цицерон, «О природе богов», кн. I, 9. Эдил — римский магистрат, на обязанности которого лежали благоустройство и украшение города и организация празднеств. — 324.
³⁸ Платон, «Государство», кн. VII; ср. Секст Эмпирик, «Против математиков», кн. I, 133. — 324.
³⁹ Ср. Аристотель, «Метафизика», кн. II, 3. — 326.
⁴⁰ Аристотель, «Аналитики» II, кн. II, 12. — 326.

Книга шестая

- ¹ См. Ф. Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль», Пантагрюэль, кн. II, гл. 7. — 330.
² Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 6, ст. 6. — 330.
³ Аристотель, «Об истолковании», кн. I, 1. — 331.
⁴ Букв. *literaria* (лат.). Контекст указывает на то, что Бэкон подразумевает под этим термином нормативные морфологию, синтаксис и стилистику. — 333.
⁵ Ср. Авл Геллий, «Аттические ночи», кн. I, 10. — 333.
⁶ См., напр., Платон, «Кратил». — 333.
⁷ Не «Венера» Апеллеса, а «Елена» Зевксиса. Апеллес и Зевксис — греческие живописцы (IV в. до н. э.). — 334.
⁸ *Ineptus* (лат.) — нелепый, нескладный. Цицерон, «Об ораторе», II, 4. — 334.
⁹ *Энкомий* (греч.) — похвальная ода в честь какой-то выдающейся личности. *Элегический дистих* (греч.) — двустишие, состоящее из строки гексаметра и строки пентаметра. Эта строфа неизменно употреблялась в жанре элегии в Древней Греции и Древнем Риме. Древнегреческая элегия необязательно была грустной, ее содержание было разнообразным. Лишь в поздней античности жанр элегии начинает ограничиваться любовной тематикой, и в нем преобладают грустные, «элегические» мотивы. *Инвектива* (лат.) — обличительное произведение, отличающееся резкостью своего тона. — 336.
¹⁰ *Марциал*, «Эпиграммы», кн. IX, 83. — 336.
¹¹ Этот бэконовский шифр представляет собой пример двоичного кода. Замечание Бэкона весьма глубоко. Двоичный код широко используется в современных средствах передачи и переработки информации: азбука Морзе, двоичная арифметика для вычислительных машин. — 339.
¹² *Дихотомия* (греч.) — способ последовательного разделения какого-либо общего понятия или области на два противоположных класса, в совокупности исчерпывающих объем делимого. В данном случае Бэкон намекает на П. Рамуса. — 342.
¹³ *Акроаматический* (греч.) — предназначенный для узкого

круга посвященных, для школы; *экзотерический* (греч.) — предназначенный для широких кругов читателей, популярный. Такое деление проводилось по отношению к сочинениям Аристотеля, из которых, кстати, до нас дошел лишь акроаматический цикл. *Энигматический* (греч.) — букв. загадочный, зашифрованный. — 344.

¹⁴ *Гораций*, «Наука поэзии», ст. 242—243. — 345.

¹⁵ *Аристотель*, «Никомахова этика», кн. VI, 3. — 347.

¹⁶ *Ср. Платон*, «Политик», 277d. — 347.

¹⁷ Наименования, содержащиеся в «Риторике» П. Рамуса. — 347.

¹⁸ Т. е. они должны быть истинны, универсальны, первичны и существенны. Эти правила, возможно, были подсказаны философу некоторыми идеями аристотелевских «Аналитик». — 348.

¹⁹ По идее знаменитого средневекового логика Раймунда Луллия (Lullus, 1235—1315), предложения, которые в совокупности составляют сумму человеческих знаний, образованы из комбинаций определенного числа общих, первоначальных понятий. Если имеется полный список этих понятий, их можно расположить так, что всевозможные комбинации понятий могут быть получены посредством некоторого механического процесса. В связи с этой идеей Луллий в сочинении «Великое Искусство» («Ars Magna») и предложил свою логическую машину, механически моделирующую комбинаторику понятий и позволяющую, по его мнению, таким путем в конечном счете получить все истины науки и христианства. — 349.

²⁰ Ветх. зав., кн. Исход., гл. 4, ст. 14—16. — 350.

²¹ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 16, ст. 21. — 350.

²² *См. Платон*, «Горгий», 462—465. — 351.

²³ *Фукидид*, «История Пелопоннесской войны», кн. III, 42. — 352.

²⁴ *Платон*, «Федр», 250d. — 352.

²⁵ *Цицерон*, «О границах добра и зла», кн. IV, 18—19 («De finibus bonorum et malorum»). — 352.

²⁶ *Овидий*, «Метаморфозы», кн. VII, ст. 19—20. — 352.

²⁷ *Аристотель*, «Риторика», кн. I, 2. — 353.

²⁸ *Вергилий*, «Буколики», экл. VIII, ст. 54. — 353.

²⁹ *Аристотель*, «Риторика», кн. I, 6—7. — 354.

³⁰ *Вергилий*, «Энеида», кн. II, ст. 104. — 354.

³¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Фоклон, VIII). — 355.

³² *Гораций*, «Послания», кн. II, 2, ст. 11. — 355.

³³ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 20, ст. 14. — 355.

³⁴ Эзон имеет в виду стихи из поэмы Вергилия «Георгики», кн. I, ст. 147—149:

Землю железом взрывать научила Церера впервые
Смертных, когда по священным лесам жолудей
с земляничкой

Стало уже не хватать и Додона в еде отказала. — 357.

³⁵ *Дионисий Старший* (431—367 гг. до н. э.) и *Дионисий Младший*, его сын — тираны Сиракуз. — 357.

³⁶ *Цицерон*, «Речь в защиту А. Милона», 36: «Зачем бы Милон стал ненавидеть Клодия, настоящий источник своей славы». — 357.

- ³⁷ Овидий, «Искусство любви», II, ст. 662. — 358.
- ³⁸ Цицерон, «К Варрону» (Academicorum fragmenta). — 358.
- ³⁹ Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. IV, 28. — 361.
- ⁴⁰ Вергилий, «Энеида», кн. XII, ст. 600. — 361.
- ⁴¹ Вергилий, «Буколики», экл. V, ст. 23. — 361.
- ⁴² См. Демосфен, «I и III Филиппики». — 362.
- ⁴³ Эпиктет, «Руководство», 5. — 362.
- ⁴⁴ По преданию, Кумская Сивилла — легендарная женщина-пророчица предложила римскому царю Тарквинию Гордому купить у нее книги, а когда он отказался, начала сжигать их и повышать цену на оставшиеся (см. Авл Геллий, «Аттические ночи», кн. I, 19). — 363.
- ⁴⁵ Ср. Гесиод, «Труды и дни», ст. 339; Эразм Роттердамский, «Пословицы», II, 2, 64. — 363.
- ⁴⁶ Аристотель, «О возникновении и разрушении», I, 4. — 363.
- ⁴⁷ Демосфен, «III Олинфская речь», 33. — 364.
- ⁴⁸ Гораций, «Послания», кн. I, 2, ст. 40. — 364.
- ⁴⁹ Ср. Лукреций, «О природе вещей», кн. V, ст. 835. — 364.
- ⁵⁰ Гораций, «Сатиры», кн. I, 1, ст. 66—67. — 365.
- ⁵¹ Феокрит, «Идиллии», 27; Бэкон цитирует очень свободный латинский перевод Е. Хесса (Париж, 1546 г.). — 365.
- ⁵² «Золотые стихи пифагорейцев», ст. 12. — 366.
- ⁵³ Ветх. зав., кн. Аввак., гл. 1, ст. 15—16. — 367.
- ⁵⁴ Цицерон, «Речь в защиту Марцелла», 9. — 367.
- ⁵⁵ Плутарх, «О счастье римлян», 319 (Moralia). — 368.
- ⁵⁶ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Тимолеонт, XXXVI). — 368.
- ⁵⁷ Овидий, «Лекарства от любви», ст. 420. — 371.
- ⁵⁸ Нов. зав., Лук., гл. 10, ст. 41—42. — 371.
- ⁵⁹ Ср. Эразм Роттердамский, «Пословицы», I, 15, 18; эта пословица — перевод фрагмента из греческого поэта Архилоха (VII в. до н. э.): «Лис знает много, еж знает одно, но важное». — 371.
- ⁶⁰ Цицерон, «Об ораторе», II, 32—34. — 371.
- ⁶¹ Анней Сенека Старший (I в. н. э.) — ритор, отец (по другой версии — дядя) философа Сенеки. — 372.
- ⁶² Приам — легендарный царь Трои. Бэкон имеет в виду слова Тиберия. См. Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Тиберий, 62). — 374.
- ⁶³ Ср. Лукреций, «О природе вещей», кн. III, ст. 86—90. — 378.
- ⁶⁴ Сенека, «Письма», 77. — 378.
- ⁶⁵ Персонажи (маски) комедии Теренция «Евнух»: Фрасон — хвастливый и трусливый воин, глупый и тщеславный; Гнатон — умный и хитрый паразит. — 381.
- ⁶⁶ Диоген Лаэртский и Плутарх приписывают эти слова Теофрасту, ученику Аристотеля, автору сочинения «Характеры». — 387.
- ⁶⁷ Аргус (миф.) — многоглазый великан, по приказанию Геры стороживший Ио, превращенную в корову; в переносном смысле: бдительный, неуспынный страж. Бриарей (миф.) — прозвище одного из сторуких великанов — Эгеона, образ мощи и силы. — 392.
- ⁶⁸ Волшебный шлем Орка (греч. Анда) делал человека невидимым (см. миф о Персее, наст. изд., кн. II). — 393.
- ⁶⁹ Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 1. — 396.
- ⁷⁰ Цицерон, «Речь в защиту Секста Росция», 5. — 396.

⁷¹ Цицерон, «Речь в защиту Клувенция», 4. — 396.

⁷² Тацит, «История», кн. I, 66. Бэкон, как обычно, цитирует по памяти, неточно передает содержание отрывка, путает имена: называет Тита Виния вместо Фабия Валента, упоминает о сенате, чего нет в тексте. Бэкон имеет в виду первое критическое издание Тацита, осуществленное Липсием в 1547 г.; в последующих изданиях эта конъектура была снята. — 397.

⁷³ Теон Александрийский (IV в. н. э.) — математик, издавший «Начала» Евклида со своими добавлениями и комментариями. На этом издании основывались последующие издания «Начал» вплоть до XIX в. — 398.

⁷⁴ Цицерон, «Об ораторе», кн. I, 33. — 400.

⁷⁵ Тацит, «Анналы», кн. I, 16—22. — 401.

Книга седьмая

¹ *Георгики* — жанр античной поэзии, воспевающий мирный труд земледельца и спокойствие домашней жизни. Так называется дидактическая поэма Вергилия, в которой, между прочим, дается множество практических советов о том, как возделывать землю, выращивать скот, ухаживать за садом, огородом, пчелами и т. д. — 403.

² Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 4, ст. 23. — 403.

³ Аристотель, «Никомахова этика», кн. II, 9. — 404.

⁴ Сенека, «Письма», 52. — 404.

⁵ Демосфен, «II Олиньфская речь». — 404.

⁶ Вергилий, «Георгики», кн. III, ст. 289—290. — 405.

⁷ Аристотель, «Никомахова этика», кн. I, 10. — 406.

⁸ Сенека, «Письма», 53. — 406.

⁹ Этой проблематике посвящены, например, диалоги Платона сократического периода. — 406.

¹⁰ Аристотель, «Никомахова этика», кн. I, 8; кн. X, 7. По Аристотелю, благо делится на душевное, телесное и внешнее (напр., достигаемое богатством, имуществом и т. п.). — 406.

¹¹ Цицерон, «Об обязанностях», кн. III. — 406.

¹² Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Помпей, L). — 408.

¹³ См. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 3. Гнерон назван ошибочно вместо Льва, тирана Флиунда. — 408.

¹⁴ Ср. Августин, «О граде божьем», кн. XIV, 9. — 409.

¹⁵ Ветх. зав., Псалм. Давид., 115, ст. 6. — 409.

¹⁶ Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 5, ст. 22—24; Нов. зав., Посл. Иуды, гл. 1, ст. 14. — 409.

¹⁷ Фернандес Гонсалво из Кордовы (ум. в 1515 г.) — прозванный «Великим капитаном», командовал испанскими войсками в итальянских войнах. См. Гвиччардини, «История Италии», кн. VI, 2 («Istoria d'Italia»). — 410.

¹⁸ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 15, ст. 15. — 410.

¹⁹ Аристотель, «Риторика», кн. I, 5, 10. — 410.

²⁰ Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. II, 8. Приведенные слова принадлежат Аристиппу, а не Диогену: как мы видели, Бэкон часто смешивает высказывания этих философов. — 411.

²¹ *Эконом* (promus) и *ключник* (condus) — условный перевод двух терминов, смысл которых связан со значением латинских глаголов, от которых они образованы: promus от promere — брать, вынимать, извлекать и condus от condere — прятать, скрывать, убирать. — 412.

²² Нов. зав., Деян. Апост., гл. 20, ст. 35. — 412.

²³ *Сенека*, «Естественные проблемы», кн. II, 59 («Quaestiones Naturales»). — 412.

²⁴ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 27, ст. 1. — 412.

²⁵ Нов. зав., Откр. Иоанна, гл. 14, ст. 13. — 412.

²⁶ *Сенека*, «Письма», 77. — 413.

²⁷ *Сенека*, «Письма», 95. — 413.

²⁸ Ср. Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 18, ст. 1. — 413.

²⁹ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 730. — 414.

³⁰ *Платон*, «Горгий», 491d—492c. — 415.

³¹ Ср. *Цицерон*, «Тускуланские беседы», I, 30. — 416.

³² *Ювенал*, «Сатиры», X, ст. 358. — 416.

³³ *Цицерон*, «Об ораторе», гл. II, 18. — 418.

³⁴ Ср. *Эразм Роттердамский*, «Пословлицы», кн. II, 5, 1. — 418.

³⁵ Имеется в виду трактат Якова I «Царский дар» («Basilicon Doron»), 1599 г. Существует мнение, что его подлинным автором был секретарь короля Альберико Джентили. — 418.

³⁶ Имеется в виду трактат Якова I «Истинный закон свободной монархии» («The Trew Law of Free Monarchies or the reciprock and mutual ductie betwixt o free King and his naturall Subjects»), первоначально опубликованный анонимно. — 419.

³⁷ *Плиний Младший* (С. Plinius Caecilius Secundus, 61—113 г. н. э.) — римский писатель, племянник Плиния Старшего. «Панегирик Траяну» — хвалебная речь императору Траяну, произнесенная в изданная Плинием. — 419.

³⁸ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 14, ст. 6. — 420.

³⁹ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 18, ст. 2; цитата приводится по тексту Вульгаты. — 421.

⁴⁰ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 823. — 421.

⁴¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Брут, XII). — 422.

⁴² *Плутарх*, «Советы об управлении государством», 817. — 422.

⁴³ *Аристотель*, «Большая этика», кн. I, 1. — 423.

⁴⁴ *Цицерон*, «Речь в защиту Мурены», 30. — 423.

⁴⁵ *Сенека*, «Письма», 71. — 423.

⁴⁶ *Гиппократ*, «Афоризмы», II, 6. — 423.

⁴⁷ Ветх. зав., Псалм. Давид., 122, ст. 2. — 423.

⁴⁸ *Плавт*, «Хвастливый воин», акт. III, сцена 1, ст. 634. — 426.

⁴⁹ Нов. зав., Посл. Титу, гл. 1, ст. 12—13. — 426

⁵⁰ *Саллюстий*, «Югуртинская война», 113. — 426.

⁵¹ *Тацит*, «История», кн. I, 50. — 426.

⁵² *Пиндар*, «I-я Олимпийская ода», ст. 88. — 426.

⁵³ Ветх. зав., Псалм. Давид., 61, ст. 11. — 426.

⁵⁴ *Цицерон*, «Речь в защиту Клуенция», 49. — 427.

⁵⁵ *Аристотель*, «Никомахова этика», кн. II, 1. — 429.

⁵⁶ *Аристотель*, «Никомахова этика», кн. II, 9. — 430.

⁵⁷ Бэкон смешивает слова Августина и Иеронима о поэзии, приводимые в главе 4 книги Корнелия Агриппы «О пустоте и ненадежности науки» («De vanitate et incertitudine Scientiarum»).

Августин называет ее «вином заблуждения», а Иероним — «пищей демонов». — 430.

⁵⁸ *Аристотель*, «Никомахова этика», кн. I, 3. Аристотель говорит, однако, не о моральной, а о политической философии. Эта ошибка в цитате, встречающаяся и в «Advancement of Learning», имеется и у Шекспира в «Тронле и Крессиде» (см. акт II, сцена 2, ст. 165—167). — 431.

⁵⁹ *Сенека*, «Безумный Геракл», ст. 251—252. — 431.

⁶⁰ *Ювенал*, «Сатиры», XIII, ст. 105. — 431.

⁶¹ *Макиавелли*, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. I, гл. 10. — 431.

⁶² *Цицерон*, «Речь в защиту Мурены», 29. — 432.

⁶³ *Овидий*, «Послания из Понта», XV, ст. 83. — 432.

⁶⁴ *Аристотель*, «Никомахова этика», кн. VII, 1. — 434.

⁶⁵ *Плиний Младший*, «Панегирик Траяну», 74. — 434.

⁶⁶ Нов. зав., Посл. Колосс., гл. 3, ст. 14. — 434.

⁶⁷ Не Менандр, а Анаксандрид — греч. писатель (IV в. до н. э.), представитель так называемой средней аттической комедии. — 434.

⁶⁸ См. *Ксенофонт*, «Пир», 8. — 434.

⁶⁹ Ветх. зав., кн. Исаян, гл. 14, ст. 14. — 435.

⁷⁰ Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 3, см. 5. — 435.

⁷¹ Нов. зав., Матф., гл. 5, ст. 44—45. — 435.

⁷² Ветх. зав., Псалм. Давид., 144, ст. 9. — 435.

⁷³ *Вергилий*, «Энеида», кн. VI, ст. 893—896. — 435.

Книга восьмая

¹ Эту историю рассказывают о Зеноне-стоике. См. *Плутарх*, «О болтливости» (Moralia); *Диоген Лаэртский*, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. VII, 24. — 437.

² *Цицерон*, «Письма к Аттику», кн. XIII, 42. Речь идет о племяннике Цицерона — Квинте Цицероне. — 437.

³ *Пиндар*, «5-я Немейская ода», ст. 32. — 438.

⁴ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Марк Катон, VIII). — 438.

⁵ *Овидий*, «Искусство любви», кн. II, ст. 312. — 439.

⁶ В письмах Цицерона к брату Квинту нет такой мысли. Но она, хотя и в других словах, имеется в трактате Квинта Цицерона «О достижении консульского звания» («De petitione Consulatus»). — 439.

⁷ *Цицерон*, «Письма к Аттику», кн. IX, 12. — 439.

⁸ *Тит Ливий*, «Римская история от основания города», кн. XXIII, 12. — 440.

⁹ Ветх. зав., Еккл., гл. 11, ст. 4. — 440.

¹⁰ *Цицерон*, «Об ораторе», кн. III, 33. — 443.

¹¹ Ветх. зав., кн. Царств III, гл. 4, ст. 29. — 443.

¹² Там же, гл. 4, ст. 33. — 443.

¹³ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 15, ст. 1. — 444.

¹⁴ Там же, гл. 17, ст. 2. — 444.

¹⁵ В этом бэконовском толковании излагается ситуация, поразительно близкая к сюжету мольеровского «Тартюфа». На это обстоятельство обратил внимание Н. А. Федоров. — 445.

¹⁶ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 29, ст. 9. — 445.

- ¹⁷ Ветх. зав., Еккл., гл. 7, ст. 21. — 445.
- ¹⁸ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Помпей, XX; Серторий, XXVII). — 446.
- ¹⁹ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 24, ст. 34. — 446.
- ²⁰ Ср. *Еврипид*, «Елена», ст. 512—514; *Эразм Роттердамский*, «Пословицы», II, 3, 41. — 447.
- ²¹ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 9, ст. 7. — 447.
- ²² Нов. зав., Матф., гл. 7, ст. 6. — 447.
- ²³ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 10, ст. 1. — 447.
- ²⁴ Там же, гл. 10, ст. 7. — 448.
- ²⁵ Там же, гл. 11, ст. 29. — 448.
- ²⁶ *Квинт Цицерон*, «О достижении консульского звания», 5. — 449.
- ²⁷ Ветх. зав., Еккл., гл. 7, ст. 8. Это текст Вульгаты, в другом варианте: «Конец дела лучше начала его». — 449.
- ²⁸ *Эразм Роттердамский*, «Пословицы», III, 3, 26. — 449.
- ²⁹ Ветх. зав., Еккл., гл. 10, ст. 1. — 450.
- ³⁰ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 29, ст. 8. — 450.
- ³¹ Там же, гл. 29, ст. 12. — 451.
- ³² *Тацит*, «Анналы», кн. XII, 3. — 452.
- ³³ *Комин, Филипп* (Philip de Commines, 1445—1509) — государственный деятель и историк Франции, автор «Хроники и истории событий царствования королей Людовика XI и Карла VIII» — важного исторического источника и литературного памятника, фигурирующего впоследствии под названием «Мемуары» («Mémoires»). По манере изображения лиц и событий, по своему политическому мировоззрению Комин близок к Макиавелли и является предшественником известного французского политического мыслителя и теоретика абсолютизма Жана Бодена (см. «Мемуары», кн. I, 16). — 452.
- ³⁴ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 12, ст. 10. — 452.
- ³⁵ Там же, гл. 29, ст. 11. — 453.
- ³⁶ Ветх. зав., Еккл., гл. 10, ст. 4. — 454.
- ³⁷ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 18, ст. 18. — 456.
- ³⁸ Там же, гл. 29, ст. 21. — 456.
- ³⁹ Там же, гл. 22, ст. 29. — 457.
- ⁴⁰ Ветх. зав., Еккл., гл. 4, ст. 15. — 458.
- ⁴¹ *Плутарх*, «Сравнительные жизнеописания» (Помпей, XIV); *Тацит*, «Анналы», кн. VI, 46. — 458.
- ⁴² *Квинтилиан*, «Наставления оратору», VI, 2, 30; *Элиан*, «Пестрые рассказы», кн. XIII, 29. — 458.
- ⁴³ Ветх. зав., Еккл., гл. 9, ст. 14—15. — 458.
- ⁴⁴ *Макиавелли*, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. I, гл. 29. — 459.
- ⁴⁵ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 15, ст. 19. — 459.
- ⁴⁶ Там же, гл. 28, ст. 21. — 459.
- ⁴⁷ Там же, гл. 28, ст. 3. — 460.
- ⁴⁸ Там же, гл. 25, ст. 26. — 460.
- ⁴⁹ Ср. *Плавт*, «Ослы», акт II, сцена 4, ст. 493—495; *Эразм Роттердамский*, «Пословицы», I, 1, 70. — 461.
- ⁵⁰ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 22, ст. 24. — 461.
- ⁵¹ Там же, гл. 17, ст. 9. — 461.
- ⁵² Там же, гл. 14, ст. 23. — 462.
- ⁵³ *Овидий*, «Лекарства от любви», ст. 697. — 462.

- ⁵⁴ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 27, ст. 5. — 462.
- ⁵⁵ Там же, гл. 14, ст. 8 и 15. Бэкон передает сводный смысл этих двух притч (8 и 15). — 463.
- ⁵⁶ Эти слова встречаются не у Тацита, а у Тита Ливия (см. «Римская история от основания города», кн. XXXV, 32). — 464.
- ⁵⁷ Ветх. зав., Еккл., гл. 7, ст. 16. — 464.
- ⁵⁸ Тацит, «История», кн. I, 2. — 464.
- ⁵⁹ Перуандр — коринфский тиран (VII—VI в. до н. э.). Его в древности причисляли к семи мудрецам. — 464.
- ⁶⁰ Тацит, «Анналы», кн. IV, 20. — 465.
- ⁶¹ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 9, ст. 9. — 465.
- ⁶² Там же, гл. 27, ст. 14. — 465.
- ⁶³ Там же, гл. 27, ст. 19. — 466.
- ⁶⁴ Овидий, «Искусство любви», кн. I, ст. 760. — 466.
- ⁶⁵ См. наст. изд., кн. II, гл. 13. — 466.
- ⁶⁶ Плавт, «Тринумбус», акт. II, сцена 2, ст. 84. — 468.
- ⁶⁷ Эта сентенция обычно приписывается Аппию Клавдию Слепому (IV—III в. до н. э.) — политическому деятелю Древнего Рима, считающемуся первым римским писателем. — 468.
- ⁶⁸ Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXIX, 40. — 468.
- ⁶⁹ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Сулла, VI). — 468.
- ⁷⁰ Ветх. зав., кн. Иезек., гл. 39, ст. 3; там же, кн. Аввак., гл. 1, ст. 16. — 468.
- ⁷¹ Вергилий, «Энеида», кн. X, ст. 773. — 468.
- ⁷² Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 77). — 469.
- ⁷³ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Сулла, VI); *его же*, «О счастье римлян», 319 (Moralia). — 469.
- ⁷⁴ Овидий, «Метаморфозы», кн. XIV, ст. 113. — 469.
- ⁷⁵ Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Август, 99). — 469.
- ⁷⁶ Мом (миф.) — греч. божество, олицетворяющее насмешку и злословие (см. Лукиан, «Гермотима», 20). — 470.
- ⁷⁷ Вергилий, «Энеида», кн. IV, ст. 423. — 471.
- ⁷⁸ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 20, ст. 5. — 471.
- ⁷⁹ Ювенал, «Сатиры», II, 8. — 472.
- ⁸⁰ Квинт Цицерон, «О достижении консульского звания», 11. — 472.
- ⁸¹ Тацит, «Анналы», кн. I, 12. В латинском тексте этой фразы нет, мы приводим ее по тексту «Advancement of Learning». *Германик* и *Друз* — соответственно племянник и сын императора Тиберия (Тацит, «Анналы», кн. I, 52; там же, кн. IV, 31). — 472.
- ⁸² Meretricia (лат.). — букв. непотребный, здесь: обманчивый, лживый. — 472.
- ⁸³ Тацит, «Анналы», кн. IV, 52. — 473.
- ⁸⁴ Гораций, «Послания», кн. I, 18, ст. 38. — 473.
- ⁸⁵ Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXVIII, 42. — 473.
- ⁸⁶ Антоний Прим (Antonius Primus) — римский полководец времен императоров Гальбы, Оттона, Вителлия и Веспасиана. *Муциан* (Mucianus) — полководец императора Веспасиана (см. Тацит, «История», кн. IV, 39). — 474.

- ⁸⁷ Ветх. зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 3. — 474.
- ⁸⁸ Тацит, «Анналы», кн. XIV, 57. — 475.
- ⁸⁹ Квинт Цицерон, «О достижении консульского звания», 5. — 475.
- ⁹⁰ Эпиктет, «Руководство», 9. — 476.
- ⁹¹ См. Монтень, «Опыты» (О полезном и честном). — 476.
- ⁹² Нов. зав., Посл. Якова, гл. 1, ст. 23—24. — 476.
- ⁹³ Тацит, «Анналы», кн. I, 54. — 477.
- ⁹⁴ Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI, носил титул герцога Валентского. Бэкон, по-видимому, использует этот титул как имя. Историк Поль Сен-Виктор так характеризует этого деятеля: «Страсти его не знали пределов, жестокость его была безгранична. Он жил как тигр в джунглях... Кровь была его стихией, в которой он чувствовал себя точно рыба в воде». — 478.
- ⁹⁵ См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Цезарь, III). — 478.
- ⁹⁶ Цицерон, «Письма к Аттику», кн. IX, 8. — 478.
- ⁹⁷ Там же, кн. IX, 10. — 479.
- ⁹⁸ Тацит, «История», кн. II, 80. — 479.
- ⁹⁹ «Риторика к Гереннию», IV, 4 («Rethorica ad Herennium»). Это сочинение обычно приписывали Цицерону. — 481.
- ¹⁰⁰ Овидий, «Искусство любви», II, ст. 662. — 481.
- ¹⁰¹ Плутарх, «Изречения» («Aprophthegmata»). — 483.
- ¹⁰² Цицерон, «Письма к Аттику», кн. X, 4. — 483.
- ¹⁰³ Там же, кн. XVI, 15. — 483.
- ¹⁰⁴ Тацит, «История», кн. II, 38; Светоний, «О знаменитых людях» (О грамматиках и раторах, 15). — 483.
- ¹⁰⁵ Тацит, «Анналы», кн. V, 1. — 484.
- ¹⁰⁶ Цицерон, «Брут, или О знаменитых ораторах», 95. — 484.
- ¹⁰⁷ Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXIX, 40. — 484.
- ¹⁰⁸ Макиавелли, «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия», кн. III, гл. 9. — 485.
- ¹⁰⁹ Демосфен, «I Филиппика», 44. В подлиннике говорится о «варварах» и речь идет не о поединках на мечах, а о кулачном бое. — 485.
- ¹¹⁰ Цезарь, «О гражданской войне», кн. I, 30. — 486.
- ¹¹¹ Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. II, гл. 10. — 486.
- ¹¹² Вергилий, «Буколики», экл. IX, ст. 66. — 487.
- ¹¹³ Лукан, «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне», кн. VIII, ст. 486. — 487.
- ¹¹⁴ Демосфен, «I Филиппика», 45. — 487.
- ¹¹⁵ Вергилий, «Георгики», кн. III, ст. 284. — 488.
- ¹¹⁶ Нов. зав., Матф., гл. 23, ст. 23; От Луки, гл. 11, ст. 42. — 489.
- ¹¹⁷ См. Цицерон, «О дружбе» 16, 11; Аристотель, «Риторика», кн. II, 13. Ср. оценку этого принципа Лабрюйером («Характеры», гл. IV, 55). — 489.
- ¹¹⁸ Макиавелли, «Князь», гл. 18 и 17. — 491.
- ¹¹⁹ Цицерон, «Речь в защиту царя Дейотара», 9. — 491.
- ¹²⁰ Цицерон, «Речь в защиту Мурепы», 23; Саллюстий, «Заговор Катилины», 31. — 491.
- ¹²¹ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Лисандр, VIII). — 491.

¹²² Ветх. зав., Еккл., гл. 2, ст. 11. — 491.

¹²³ Вергилий, «Энеида», кн. IX, ст. 252—254. — 492.

¹²⁴ Цицерон, «Письма к Аттику», кн. IX, 12. — 492.

¹²⁵ Ветх. зав., Псалм. Давид., 7, ст. 15. — 492.

¹²⁶ Горацій, «Сатиры», кн. II, 2, ст. 79. — 492.

¹²⁷ Аврелий Виктор, «О Цезарях» (Эпитома), гл. 1, 28. — 492.

¹²⁸ Карл V (1337—1380) — король Франции с 1364 г. — 493.

¹²⁹ Нов. зав., Матф., гл. 6, ст. 33. — 493.

¹³⁰ «Te colui virtus, ut rem, ast tu nomens». Это латинский перевод греческих стихов, которые, по свидетельству Диона Кассия, пропзнес, умирая, Брут. — 493.

¹³¹ Бэкон употребляет термин «экономика» в его первоначальном смысле — наука о правильном ведении личного хозяйства («Домострой»), от греч. (в лат. транскр.) oikos — дом, хозяйство и νόμος — закон. — 493.

¹³² Этот трактат о расширении границ державы и по содержанию и текстуально весьма близок к бэконовским эссе «Об истинном величии королевств и республик», помещенным в третьем издании «Опытов и наставлений нравственных и политических» (1625 г.). Латинский перевод этого опыта сделал Томас Гоббс. — 495.

¹³³ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Фемистокл, II). — 495.

¹³⁴ Нов. зав., Матф., гл. 13, ст. 31. — 496.

¹³⁵ Вергилий, «Буколики», экл. VII, ст. 52. — 497.

¹³⁶ Плутарх, «Сравнительное жизнеописание» (Александр, XXXI). — 497.

¹³⁷ Там же, Лукулл, XXVII; Аппиан, «О войне с Митридатом», 85. — 497.

¹³⁸ Эта беседа изображена Лукианом в диалоге «Харон, или Наблюдатель». Имя лидийского царя Креза впоследствии становится нарицательным для обозначения богача. — 497.

¹³⁹ По библейскому преданию, Иаков, благословляя сыновей, назначил Иуде долю льва, а Иссахару — вьючного осла (см. Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 49, ст. 9, 14—15). — 498.

¹⁴⁰ Для палогового законодательства Голландии XVII в. было характерно множество косвенных налогов (пошлин) на предметы широкого потребления и низкое обложение торгово-промышленного производства. В Англии «субсидиями» именовались денежные суммы, специально утверждавшиеся парламентом для особых нужд королевского двора сверх тех сборов, которые были королевской прерогативой. — 498.

¹⁴¹ Бэкон имеет в виду свое сочинение «История Генриха VII». Это место цитирует К. Маркс в «Капитале», т. I, гл. 24, отмечая что в период первоначального капиталистического накопления в Англии «бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII». — 499.

¹⁴² Вергилий, «Энеида», кн. I, ст. 531. — 499.

¹⁴³ Ср. Ветх. зав., кн. Даниила, гл. 4, ст. 2—24. — 499.

¹⁴⁴ Имеется в виду закон испанского короля Филиппа III (правл. 1598—1621 гг.), поощрявший деторождение. — 501.

¹⁴⁵ Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. I, 16. — 501.

¹⁴⁶ Имеются в виду следующие войны. Вторая Македонская война (200—197 гг. до н. э.), которую Рим вел против усилившейся Македонии. Победив в этой войне, римляне потребовали вывода македонских гарнизонов из Греции, преподнеся все это как дело борьбы за освобождение греков. Пелопонесская война (431—404 гг. до н. э.) между авторитарной Спартой и демократическими Афинами, которая велась за гегемонию в Греции. — 503.

¹⁴⁷ Цицерон, «Письма к Аттику», кн. X, 8. — 504.

¹⁴⁸ Морское сражение близ берегов Греции, у мыса Акции (2 сентября 31 г. до н. э.), произошло между войсками Октавиана и Антония. Флот Антония и Клеопатры потерпел сокрушительное поражение. Эта битва знаменовала окончание многолетней гражданской войны в Риме и установление режима принципата. В битве при Курсоларских островах, у входа в Коринфский залив, 7 октября 1571 г. объединенный флот Испании, Венецианской республики и папы Пия V одержал решающую победу над турецким флотом, который был почти полностью уничтожен. — 504.

¹⁴⁹ Здесь говорится о военных наградах в Древнем Риме. «Гражданский венок» (согопа сивиса) из дубовых листьев давался за спасение жизни римского гражданина; «военный венок» (согопа милитарис) — общее название этой военной награды, видами которой были согопа сивиса, согопа муралис, согопа навалис и др. — 505.

¹⁵⁰ Нов. зав., Матф., гл. 6, ст. 27; Лук., гл. 12, ст. 25. — 505.

¹⁵¹ Нов. зав., Посл. Коринф. I, гл. 14, ст. 8. — 509.

¹⁵² Аристотель, «Риторика», кн. I, 1. — 509.

¹⁵³ Альбами (album) называли в Риме побеленные доски, составлявшиеся на Форуме, на которых делались различного рода записи, предназначавшиеся для всеобщего сведения. На преторских альбах (album praetoris) публиковались преторские эдикты, содержащие постановления претора и принципы, которыми претор намеревался руководствоваться в своей судебной практике. Эти преторские эдикты были одним из источников римского права. — 518.

¹⁵⁴ Ветх. зав., Псалм. Давид., 11, ст. 6. — 520.

¹⁵⁵ Мезенций — тиран города Церы, изобретал чудовищной жестокости казни (см. Вергилий, «Энеида», кн. VIII, ст. 482—488). — 521.

¹⁵⁶ Ср. Аристотель, «Риторика», кн. I, 15. — 522.

¹⁵⁷ При императоре Юстиниане (527—565 гг. н. э.) был создан «Свод римского права» (Corpus juris). Он состоял из трех частей: 1) 4 книг «Институций», т. е. общего руководства по римскому праву; 2) 50 книг «Дигест» (Пандект), содержащих извлечения из сочинений римских юристов; 3) 12 книг императорских постановлений — «Кодексе». Работой по кодификации римского права руководил видный юрист и сановник Требониан. — 523.

¹⁵⁸ Строители на о. Лесбос использовали гнущиеся свинцовые линейки, с помощью которых было удобно измерять и кривые поверхности. По словам Эразма Роттердамского, это выражение может символизировать приспособление понятия к факту вместо подлинного понимания факта. — 525.

¹⁵⁹ Это обещание Бэкон не выполнил. — 526.

¹⁶⁰ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Фемистокл, XI). — 536.

Книга девятая

- ¹ Ветх. зав., кн. Бытия, гл. 18, ст. 10—13. — 538.
² Там же, Псалм. Давид., 18, ст. 1. — 538.
³ Там же, кн. Исаяи, гл. 8, ст. 20. — 538.
⁴ Нов. зав., Матф., гл. 5, ст. 44—45. — 539.
⁵ Вергилий, «Энеида», кн. I, ст. 327—328. — 539.
⁶ Овидий, «Метаморфозы», кн. X, ст. 330—331. — 539.
⁷ Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Александр, LXV). — 539.
⁸ Нов. зав., Посл. Римлян., гл. 12, ст. 1. — 540.
⁹ Там же, Иоанн., гл. 3, ст. 4. — 542.
¹⁰ Там же, Посл. Коринф., I, гл. 7, ст. 12. — 542.
¹¹ Там же, Лук., гл. 11, ст. 23; гл. 9, ст. 50. — 542.
¹² Там же, Посл. Ефес., гл. 4, ст. 5. — 542.
¹³ Ветх. зав., кн. Исход, гл. 2, ст. 11—13. — 543.
¹⁴ Там же, кн. Царств, II, гл. 9, ст. 19. — 543.
¹⁵ Нов. зав., Марк., гл. 13, ст. 31. — 544.
¹⁶ Это слова не Фемистокла, а Лисандра. См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Лисандр, XXIII). — 546.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин 168
 Агасуер 178
 Агесилай 103, 139, 368
 Агрикола, Георгий 244
 Агриппина 145, 472
 Адриан 108, 131
 Александр Великий (Македонский) 95, 118, 132—136, 138, 139, 143, 151, 178, 200, 219, 497, 539
 Александр Север 96, 201
 Альберт Большетедтский 115
 Амвросий 168
 Анаксагор 190, 235
 Анаксарх 253
 Анаксимен 190
 Анит 95
 Антипатр 133, 134
 Антоний 478
 Антоний Прим 473
 Антонин Пий 131, 268, 348, 413
 Аполлоний Пифагореец 131
 Апельлес 334
 Аристипп 108
 Аристотель 95, 112, 115, 116, 120, 132, 133, 135, 151, 160, 162, 190, 211, 218, 219, 233, 235, 236, 240—242, 244, 248, 255, 273, 292, 311, 312, 319, 321, 322, 326, 331, 347, 350, 353, 354, 405, 408, 410, 422, 426, 427, 429, 430, 433
 Артаксеркс 138
 Артур (Британский) 245
 Архимед 117, 308
 Аттик 98, 104, 437, 439, 467, 483, 504
 Архий 253
 Ашэм, Роджер 110
 Бальба 153, 478
 Бнас 489
 Блез 401
 Борджиа, Александр 250
 Борджиа, Валентин 478
 Брут, Луций 201, 421
 Брут, Марк 102, 201, 421, 493
 Валерий Максим 254
 Варрон, Марк 100
 Веллей 121, 324
 Вергилий, Публий Марон 94, 100, 140, 141, 148, 155, 198, 295, 296, 497, 499
 Веспасиан 426
 Вибулен 400, 401
 Вильгельм Оранский 253
 Виний, Тит 397
 Гален, Клавдий 240
 Ганнибал 418
 Гвиччардини, Франческо 98, 425
 Генрих VII 499
 Гераклит 93, 119, 190, 325
 Германик 401, 472
 Гермоген Тарсийский 110
 Героднан 425
 Геродик 410
 Герон Александрийский 244
 Гефестион 134
 Гиерон Этнейский 253
 Гиерон Сиракузский 408
 Гиз, Генрих 135
 Гильберт, Уильям 120, 193, 236, 316
 Гипсий (софист) 162, 321
 Гиппократ 117, 255, 265, 423
 Гирций 478

Гомер 131, 133, 140, 142, 143,
192, 251, 368
Гонсальво 410, 411
Горгий 253, 321
Гордиан (Младший) 96
Гортензий, Квинт 478
Григорий I (папа) 127
Гуго Бордосский 245

Дарий 132, 135
Демокрит 117, 133, 190, 192,
211, 217, 235, 241, 242, 248,
307, 347
Демосфен 99, 103, 104, 110, 176,
312, 350, 362, 364, 404, 473,
485, 487
Дендамис 539
Диоген Синопский 108, 133, 411
Дионисий Старший 357
Дионисий Сицилийский 108,
114, 357
Дионисий Ареопагит 123
Долабелла 478
Донгус, Августин 282
Домициан 130, 131
Друз 472
Дю Бартас 107

Евклид 117, 118, 249, 398
Елизавета (королева Англий-
ская) 100, 146

Зенон (стоик) 409

Иоанн Саксонский 254

Каллисфен 132, 134, 253
Кар 110
Кардано, Джероламо 115
Карл V
Карл VIII
Карнеад 94, 253
Кассандр 133
Кассий 102, 201, 421
Катилина 431, 491
Катон, Марк Порций (Стар-
ший) 94, 100, 425, 438, 468,
484
Катон Утический (Младший)
98, 103, 423, 432, 486
Катул, 478
Кир Старший 138, 143, 253
Клавдий, император 236, 425,
452

Клемент VII (папа) 98, 425
Клеон 352
Клодий 357
Колумб, Христофор 118
Комин, Филипп 452
Коммод, Люций Вер 130—132,
413
Константин 131
Коперник, Николай 232, 252
Корунканнй 422
Кратер 134
Крез 497
Ксенофан 235
Ксенофонт 95, 110, 138, 172, 434
Курий 442

Лактанций 236
Лев V (папа) 425
Левкий 190, 235
Лелий 442
Лепид 464
Ливий, Тит 100, 101, 118, 425,
440, 468, 484
Лисандр 491
Лукан 107, 118, 420
Лукреций, Тит Кар 143, 201
Луллий, Раймунд 349
Людовик IX 425
Лютер, Мартин 109

Макнавелли, Никколо 101, 211,
420, 431, 457, 459, 467, 485,
486, 490
Макрон 458
Максимилиан (император) 425
Марк Аврелий 131, 132
Марцелл 419
Мезенций 468, 521
Менандр 434
Менений Агриппа 187
Метелл 137
Милон Кротонский 357
Мисстей 96
Монтень, Мишель 476
Мор, Томас 254
Муциан 473, 479

Нерва (император) 131
Нерон (император) 236, 413,
425, 475
Никодем 512

Озорий, епископ 110
Оппий 153, 478
Ортеллий 349

Панса 478
Парацельс, Аузел Теофраст
236, 259, 282, 284, 544
Парменид 235, 236, 239
Парменион 134, 135
Патриций (Патрици), Фран-
ческо 236
Периандр 332, 464
Перикл 477
Пертинакс 201
Петроний, Тит Арбитр 475
Пий V (папа) 96, 97
Пиндар 253, 426, 437
Пиррон 409
Пифагор 187, 235, 248, 408, 539
Плавт 426
Платон 87, 104, 107, 111, 117,
120, 125, 162, 190, 236, 237,
239—241, 258, 295, 313, 321,
324, 333, 351, 352
Плиний, Гай Секунд (Стар-
ший) 115, 159, 160
Плиний, Гай Цецилий (Млад-
ший) 111, 254, 419, 434
Плутарх 111, 236, 368
Поллион 478
Помпей, Гней (Великий) 407,
446, 458, 479, 483, 504
Посидоний 253
Прокл 120, 249
Проксен 138
Протагор 253, 321
Птолемей, Клавдий 235

Рабле, Франсуа 230
Рамус, Пьер 347, 348

Саллюстий 172, 483
Светоций, Гай Транквилл 236
Северин, Петр 236
Сенека, Анней (Старший) 372
Сенека, Луций Анней 96, 99,
104, 111, 113, 133, 320, 404,
406, 423
Септимиус Север, Луций 425,
492
Серторий 446
Сикст V, папа 96
Сократ 95, 100, 107, 121, 122,
138, 162, 252, 258, 298, 321,
409, 415
Солон 104, 125, 497

Сулла, Луций 138, 142, 268,
413, 458, 469, 479, 483
Сципион, Луций Корнелий
(Азиатский) 253, 425

Тацит, Корнелий 88, 102, 111,
114, 178, 219, 236, 254, 259,
397, 400, 425, 426, 452, 464,
472, 475, 477, 479, 483, 484
Телезпо, Бернардино 236, 282
Теон Александрийский 398
Тиберий (император) 425, 458,
472, 477, 484
Тигелли 475
Тигран (Армянский) 497
Тимолеон 368
Тимофей 468
Траян (император) 131, 139,
419, 434
Требушан 523, 530
Турпилиан 475

Фабий Максим 485
Фалес 190
Фалин 138
Фарнабаз 103
Фемистокл 106, 495, 504, 546
Фердинанд (Испанский) 425
Филипп де Комин 425, 452
Филипп (Македонский) 200,
364
Филолай 235, 236
Филострат 236
Филон 236
Фоклон 98, 355
Формион 418
Фукидид 172, 352

Херилл 409

Цезарь, Август 88, 141, 142,
268, 401, 469, 477, 483, 484,
492
Цезарь, Юлий 95, 102, 104, 132,
135—138, 142, 144, 153, 170,
183, 201, 245, 253, 283, 333,
368, 377, 419, 422, 431, 439,
469, 478, 483, 484, 486, 504
Цельс, Авл Корнелий 267, 268,
294
Цицерон, Квинт 443
Цицерон, Марк Туллий 95, 98,
100, 103, 104, 110, 111, 120,
136, 148, 152, 176, 252, 253,

296, 298, 312, 334, 350, 352,
358, 367, 371, 400, 419, 423,
432, 437, 439, 442, 449, 467,
472, 478, 479, 483, 490, 491,
504

Штурм, Иоганн 110

Эвтидем 321

Эзоп 116, 187, 302, 360, 371

Эпаминонд 95, 368

Эпикет 140, 362, 410, 476

Эпикур 191, 192, 196, 242, 268,
324, 364, 378, 409, 415, 422

Эразм (Роттердамский) 110

Эсхин 99

Юлиан, Флавий Клавдий (От-
ступник) 127

Юстиниан 522, 524

Ясон (Фессалийский) 139, 422

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторитет 83, 90, 115, 480, 541
 — ложный 114
 — закона 511
 Академики 121, 298, 358
 Акаталепсия 83, 298, 299, 358
 Аксиома 75, 210, 348
 (см. также Эксперимент)
 Алфавит
 — и шифр 338, 339
 Алхимия 115, 116, 246
 Анабаптисты 410
 Аналитика 318, 320
 Аналогия 333
 Анатомия
 — общая и сравнительная 266, 267
 Антиномии 520—522
 Антиезы
 — вещей 372
 Антропоморфиты 324
 Архитектура 347
 Астрология 115, 246, 283, 424
 — здравая 226, 228
 — и предопределение 225
 — и предсказание 228—230
 — суеверие 223, 224
 (см. также Астрономия)
 Астрономия 222
 — и астрология 221
 — и физика 223
 Атеизм 90
 (см. также Знание)
 Атеист 379
 Атлетика 258, 259, 278
 Атом 211, 243
 Афоризм (афоризмы) 183, 187, 345, 507—534
 Аффект 205—208, 276, 424, 426—428, 434
 — и разум 353
 — и рассудок 352
 (см. также Воля, Этика)
 Бог 123, 127, 215, 538
 — как предмет философии 209
 — и вторичные причины 93
 — и человек 124
 Благо 406, 436
 — активное 412
 — индивидуальное (личное) и общественное 407, 408, 411, 414, 416, 421
 — кажущееся и подлинное 205
 — пассивное 413
 — простое и относительное 403
 — сохранения 415
 — и истина 384
 Богатство
 — и бедность 102
 Бытие 213
 — высший и низший род 220
 Вера 83, 127, 215, 257, 408, 540
 (см. также Разум)
 Вещь (вещи) 192, 193
 — гармония 194
 — знаки 331, 332
 — природа 191
 — разнообразие 190, 221, 248
 (см. также Форма)
 Вид
 — промежуточный 213
 — взаимоотношение 193
 — и индивидуум 194
 — и род 360
 Возможность 365

- Война 199, 200, 202—204
 — гражданская 503
 — справедливая 503
 — причина 201, 502
 (см. также Государство)
 Воля 428
 — и аффекты 403
 (см. также Разум)
 Воображение 156, 258, 286, 291, 353
 — и поэзия 184
 — и разум 292
 (см. также Риторика)
 Воспитание 398, 428
 — нравственное 103, 421
 — души 422—424, 429, 432
 Вселенная (мир) 198
 — происхождение 191
- Гермелей 321
 Государство 211, 437—439, 460, 496, 503, 506
 — расширение границ 493, 495
 — управление 442, 468
 — и власть 381
 — и война 504, 505
 — и закон 507—510
 — и народ 497, 498, 502
 — и права гражданства 499, 500
 Грамматика 331, 332, 334, 337
 — нормативная (школьная) и философская 330, 333, 335
- Движение 314, 315
 — простые и сложные (произвольные) 232
 — меры 233
 — формы (суммы) 233
 Диалектик 74—76, 133, 297
 Диалектика 59, 213, 294—296, 312, 342
 — общепринятая 67
 — и интеллект 351
 Дигесты 522, 534
 Добро
 — и зло 90, 124, 355—358, 360, 371, 407, 409, 435, 492
 (см. также Истина)
 Добродетель 212, 352, 366, 375—379, 381, 384, 388, 389
- 403, 406, 422, 433, 447, 450, 464, 470, 480, 481, 490, 491
 — и красота 373
 — и порок 380, 382, 407, 420, 429, 434
 — и счастье 415
 Догматизм 112
 Доказательство (доказательства) 74, 75, 81, 294, 298, 310, 345, 347, 395
 — роды 326
 — в математике 82
 Древности 170
 Дружба 390, 461, 489
 Дух 285, 286, 323
 — жизненный 225
 — и природа 63
 — и тело 251
 Душа 411, 428, 430, 433, 441, 458, 474, 486
 — георгики 403, 405
 — как материальная субстанция 286
 — боговдохновенная 280, 281
 — чувственная 282, 285, 286
 — человека и животных 281
 — и долг 432
 — и тело 252, 254—260, 280, 281, 288, 292, 374, 410, 436
 (см. также Способности, Субстанция)
- Естественная история 80, 156, 165, 179
 — искусств 161—164
 — обычных явлений, исключительных явлений 158
 — механическая и экспериментальная 163
 — повествовательная и индуктивная 164
 — философия 78, 79, 81, 164, 239
 Естествознание
 — практическое 243
- Жизнь
 — как предмет науки 264
 — созерцательная и деятельная 408, 409
 — продление 274, 276, 277
 — и смерть 378, 416

- Закон (законы) 394, 523, 525, 526, 531
- естественные 539
 - максимы 541
 - моральный 539
 - неточность 509
 - неясность 520
 - реформа 524
 - точность 528
 - и правило 529
 - и приговор 527
 - (см. также Государство, Авторитет)
- Зло 420, 446
 - (см. также Добро)
- Знак
 - и вещь 331, 332
- Знание 70, 78, 89, 90, 142, 144, 152, 156, 209, 240, 297, 299, 311, 313, 343, 384, 471
 - опытное 157
 - предварительное 328, 329
 - изложение 346, 347
 - количественная и качественная сторона 91
 - передача 397, 398
 - предел 92
 - развитие 180
 - и атеизм 93
 - (см. также Сомнение)
- Идолы 77
 - рода 318, 322, 323
 - пещеры 318, 322, 324
 - площади 318, 322, 325
 - театра 322
 - опровержение 318, 322
- Изложение
 - методическое 345, 346
 - искусство 347
 - предмет 346
 - способ 344
 - средства 330—332
 - знаний 346
- Изобретение 69, 78, 294, 311
- Индукция 74, 75, 77, 296—298, 318, 326, 343
- Интеллект 263, 299, 345, 470
 - и мозг 258
 - (см. также Диалектика)
- Искусственное
 - и естественное 159
- Искусство (искусства) 66, 74, 94, 100, 116
 - доставляющие наслаждение 278, 279
 - механические 159
 - власти 493, 494
 - открытия 294, 313
 - сообщения 330, 331, 342, 349
 - сохранения (запоминания) 293, 326
 - указания 299
 - и нравы 99
 - и труд 264
 - (см. также Природа)
- Истина (истинное) 66, 78, 113, 115, 161, 235, 298, 299, 365, 387
 - и добро 291, 292
 - и ложь (ложное) 109, 114
 - и сомнение 546
 - (см. также Благо)
- История (гражданская) 128, 156, 158, 167—169, 173, 174, 178, 179, 293
 - определение 156
 - как жизнеописание 172, 175, 467
 - как летописи и дневники 171, 178
 - как повествование 172
 - как хроники 171
 - адекватная 170, 171, 177
 - всеобщая и частная 176
 - космографическая 179
 - смешанная и чистая 179
 - церковная (церкви) 158, 166, 181
 - больших собраний 165
 - меньших собраний 165
 - науки 166—168
 - и память 183
 - и приложения к ней 182
- Категории 192, 322
- Качество 80
- Киренаики 409
- Количество 248
- Косметика 258, 259
 - и нравственность 277
- Личность 251, 252, 460
 - историческая 425
- Логика 75, 79, 152, 210, 249, 283, 291, 293, 313, 321

- и разум 74
- Любовь 390, 434
- Магия
 - естественная 115, 245, 246
- Манихейцы 257
- Математика 166, 179, 399
 - как приложение к естественной философии 248
 - как раздел метафизики 248
 - смешанная 249, 250
 - чистая 249
 - и физика 249, 250 (см. также Доказательство)
- Материя 112, 123, 158, 191, 221, 241, 288, 300—302
 - большие и малые собрания 165
 - количество 211
 - состояния 231
 - и форма 190, 196, 237, 248
- Медицина 151, 258, 260, 265, 269, 271—273, 280
 - предмет 259
 - предназначение 264
 - и естественная философия 272
- Мемории
 - определение 170
- Метафизика 236, 239, 244
 - определение 220
 - и конечная причина 240 (см. также Физика)
- Метод 81, 83, 342—344, 347, 349
 - магистральный 342, 343
 - экзотерический 344
 - изложения 342, 467
 - схоластов 113
 - в естественной философии 217
 - в науке 119
 - и система 324
- Механика 243, 244
- Мир 192, 195, 197, 199
 - современное состояние 198 (см. Природа, Учение)
- Миф 144, 187
 - философская интерпретация 188
- Мнение
 - общественное 451, 486
- Монархия 496, 499
- Мораль 293, 428
- (см. также Нравственность)
- Мудрость 63, 92, 123, 240, 350, 385—389, 394, 439, 441—443, 457, 464, 465, 468, 476, 481
 - истинная и ложная 463
 - ограниченность 509 (см. также Философия)
- Музыка 278
- Мышление 196, 293, 323
- Наблюдение 78, 161, 163
- Начало (первоначало, элементы) 165, 190, 211, 233
- Наука (науки) 63—65, 68, 73, 89—91, 97—100, 105, 113, 115, 122, 144, 146—149, 154, 155, 162, 341, 344, 384, 385, 401, 420, 536
 - определение 123
 - гражданская 438, 535
 - прикладная и теоретическая 116
 - юридическая 528
 - восстановление 60, 61, 71, 79
 - деление (разделение) 72, 402
 - значение 101, 123
 - извращение 109
 - предел 348
 - приращение 66
 - развитие 153
 - три ступени 239
 - цель 121
 - схоластов 110, 114
 - управления 437
 - и благо 143
 - и вера 141, 142
 - и заблуждение 118—120
 - и методы 404
 - и мнение 66
 - и практика 349
 - и природа 129
 - и псевдонаука 112
 - и религия 128
 - и стиль 110, 111
 - о человеке 291
- Необходимость 226, 241, 447
- Несправедливость 507
- Новый Органон 300, 318, 319, 326
- Нравственное

- и полезное 406
- Нравственность 104, 407, 431, 448
(см. также Мораль, Косметика)
- Образ 157
- Образование 96, 97, 100, 128, 131, 132, 135, 138—142, 149, 150, 470
 - и долг 105
- Обязанности
 - общие 417
 - относительные 421
 - специальные 419
- Опровержение
 - толкований 320
(см. также Учение)
- Опыт 62, 76, 78, 80, 81, 162, 217, 230
 - научный 300
(см. также Философия, Чувства)
- Отражение 212
- Ощущение 157
- Память 156, 253, 258, 262, 293, 305, 327—329
 - вспомогательные средства 326
(см. также История)
- Педагогика 396, 398
- Писание (Священное писание) 215, 544, 545
 - толкование 543
 - и философия 543
- Пифагорейцы 257
- Познание 91, 162, 216, 263, 471, 475, 476, 479
- Политика 293, 298, 353, 371, 431, 443, 476, 496
(см. также Этика)
- Понятие 59, 75, 213, 298, 321
 - нравственное 539
 - первое 76
 - и вещь 74
- Поэзия 156, 209, 330, 336
 - как подражание истории 184
 - эпическая, драматическая и параболическая 184—187
- Право 298, 506, 517, 532
- гражданское 530
- общее 510
- частное и общественное 507, 508, 529
- источники 417, 419, 507, 512
(см. также Закон)
- Практика 78, 83, 423
(см. также Теория)
- Предвидение
 - искусственное и естественное 283, 284
- Преподавание
 - организация 151, 153
- Прецедент 512—514
- Привычка 429, 430
 - и природа 377
- Природа 160, 161, 191, 192, 194—197
 - единство 220
 - тело 193
 - как предмет философии 209
(см. также Вещь, Привычка)
- Причина 80, 83, 221
 - как носитель формы 238
 - вторичная 90, 93
 - действующая 301
 - побудительная 366
 - физическая и конечная 240—243
 - и первопричина 90, 93
 - и следствие 217
(см. также Метафизика)
- Промитуарий 310, 312, 354, 371
- определение 311
- Просвещение 153, 167
- Пространство 288
- Противоположность
 - и сущность 353
- Разум 59, 73, 81, 143, 197, 291, 292, 351
 - и вера 70, 538
 - и воля 403
 - и теология 541, 542
 - и чувства 68, 77, 91
(см. также Аффект, Логика)
- Рассудок 156, 258
(см. также Аффект, Философия)
- Редукция 319
 - прямая и обратная 318, 320

- Религия 130, 215, 292, 378, 432, 434, 508
 — языческая 435
 — и естественные науки 541
 — и разум 540
 (см. также Наука, Философия)
- Речь
 — малые формулы 350, 396
 Риторика 134, 152, 166, 292, 350, 354, 371, 396
 — и воображение 351
 — и диалектика 353
- Свет 288, 289
 — как телесная субстанция 124
 Силлогизм 74, 298, 318, 319, 326
 Система
 — философская 236
 Скептики 298, 299
 Случайность (случай) 368, 392, 393, 410
 (см. также Эксперимент)
 Созерцание 384
 Сомнение (сомнения) 113, 120, 121, 233, 235, 409
 — и знание 234
 (см. также Истина)
- Сон
 — толкование 255, 256
 Софизм 322, 354
 — опровержение 320, 321, 355—372
 Софисты 311, 415
 Способности 253, 278, 283, 284, 291, 328, 425, 474
 — развитие 399, 400
 — и мозг 258
 Справедливость 381, 382, 502, 506
- Старое
 — и новое 117
 Стопки 358, 365
 Субъект 286
 Субстанция 238
 — души 281, 282
 — и акциденция 221
 — и формы 190
- Суды
 — преторские 515, 517, 521
 — цензорские 515, 516
 Судьба 410, 411
- как мироздание 191
 Суеверие 231, 283, 323, 378, 453
 (см. также Астрология)
 Суждение 293, 295, 318, 319, 326
 Сущее 213
 Схоласты 109, 112, 114, 253, 315
 (см. также Наука)
 Счастье 368, 374, 405, 410, 415, 469, 470, 486, 493
 — как благо 376
 — и добродетель 409
- Тело
 — движение 316—318
 — количество 314
 — и пустота 407
 — и среда 315
 (см. также Дух, Душа)
 Теология 156, 157, 241, 281, 409, 418, 537, 538
 — боговдохновенная 537
 — естественная 192, 210, 214—216, 219
 — схоластическая 543
 — и атеизм 214
 — и философия 94, 209
 (см. также Разум, Философия, Этика)
- Теория
 — и практика 122, 470
- Термин
 — употребление 218
- Типокоsmия 349
 Топика 318, 346
 — определение 311
 — общая и частная 310, 312
 — частная 313, 314
 Трансценденция 213, 214, 219
 — и адъюнкция 321
- Удивление
 — как зерно знания 92
 Удовольствие 412, 413, 415
- Учение
 — о взаимном обхождении 438
 — о деловых отношениях 438, 439, 441
 — об «известных случаях» 441, 443, 444
 — о жизненной карьере 441, 469, 490, 493

- об идеале 405—407
- о началах вещей 220
- об опровержениях 320, 321, 323
- о расширении границ державы 493, 495
- о системе мира 221
- об управлении государством 493
- о формах 218
- Ученый 101, 105—108, 148, 404
- Ум 262
- и природа 91

- Физика 213, 239, 298
- определение 220
- абстрактная 231, 233
- приложения 218, 233
- конкретного и абстрактного 221
- и метафизика 217—221, 233, 238, 240, 241, 243, 290 (см. также Астрономия, Математика)
- Физиогномика 51, 255
- Философии 61, 62, 64, 66, 83, 90, 92, 93, 122, 128, 130, 149, 165, 166, 198, 215, 232, 379, 410
- как мудрость 210
- гражданская 251
- естественная 115, 150, 163, 192, 216, 217, 220, 239, 241
- индуктивная 327
- моральная 133, 408, 428
- первая 209, 212—214, 219, 321, 322, 371
- предмет 209, 282
- человека 251, 252, 280, 293, 436, 535
- и атеизм 93
- и естественная история 165
- и наука 119
- и опыт 235
- и Писание 125
- и рассудок 157
- и религия 93, 281
- и теология 423, 432, 493, 544
- Философы 197, 506
- сенсуалисты 281
- Форма (формы) 237, 238, 240, 243—245, 248, 407
- вещей 239 (см. также Материя)
- Характер 425, 426, 474, 477, 478
- типы 424
- Церковь 127, 181, 409, 537, 542 (см. также История)

- Часть
- и целое 369
- Человек 84, 477, 478
- как мера природы 324
- как микрокосм 259
- как предмет философии 209
- моральные достоинства 253
- и животное 260
- и природа 79, 83, 359
- и судьба 485 (см. также Бог, Философия)
- Чувство 76, 78, 299, 383
- и опыт 77
- Чудеса 161, 214

- Экономика 493
- Эксперимент 151, 244, 299—301, 305
- естественный 302
- инверсия 306, 307
- перенос 304, 306, 308
- перечень 247
- случайность 309, 310
- соединение 308, 309
- расширение 303
- усиление 307, 308
- и аксиомы 300
- Эмблема 328, 329
- Эпикурейцы 358, 365, 409
- Этика 192, 204, 210—212, 216, 283, 291, 298, 353, 403, 404, 406, 418, 425, 427, 431, 435, 479
- и аффекты 351
- и политика 438
- и теология 423
- Этимология 334
- Юрисдикция 534

- Явления
- небесные 225, 226
- Язык 331, 333—335

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Л. Субботин. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии</i>	5
Великое Восстановление Наук	57
Предисловие	63
О достоинстве и приумножении наук	85
Книга первая	87
Книга вторая	146
Глава I	156
Глава II	158
Глава III	163
Глава IV	166
Глава V	168
Глава VI	169
Глава VII	171
Глава VIII	176
Глава IX	178
Глава X	179
Глава XI	181
Глава XII	182
Глава XIII	184
Книга третья	209
Глава I	—
Глава II	214
Глава III	216
Глава IV	217
Глава V	243
Глава VI	248
Книга четвертая	251
Глава I	—
Глава II	258
Глава III	280
Книга пятая	291
Глава I	—
Глава II	294

Глава III	310
Глава IV	318
Глава V	326
Книга шестая	330
Глава I	—
Глава II	342
Глава III	350
Глава IV	396
Книга седьмая	403
Глава I	—
Глава II	411
Глава III	422
Книга восьмая	437
Глава I	—
Глава II	441
Глава III	493
Книга девятая	537
Глава I	—
Примечания	547
Указатель имен	578
Предметный указатель	582

Бэкон.

Б97 Сочинения. В 2-х томах. Т. I. Сост., общая ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М., «Мысль», 1971.

590 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ. наследие.)

Настоящий том включает одно из основных произведений выдающегося английского материалиста Ф. Бэкона — «О достоинстве и приумножении наук», в котором он пропагандирует научное знание, разрабатывает классификацию наук и их методологию, критикует суеверия и схоластический способ мышления.

Книга представляет интерес не только для философов, историков, филологов, но и для широкого круга читателей, желающих ознакомиться с творчеством ученого и философа, стоявшего у истоков современной научной мысли.

Бэкон, Фрэнсис
СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ
Том 1

Редактор *В. И. Башилов*
Младший редактор *И. Танана*
Оформление серии художника *В. В. Максина*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *В. С. Матвеева*

Сдано в набор 25 декабря 1970 г. Подписано в печать
23 июня 1971 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. № 1. Усл. печат-
ных листов 31,8 с вкл. Учетно-издательских листов 32,22.
Тираж 35 000 экз. Заказ № 1549. Цена 2 р. 27 к.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типо-
графия № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров
СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

